
ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ · ПОЛИТИКИ ·
ЛИТЕРАТУРЫ.
ПЯТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 6-ая.
ІЮНЬ. 1870.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 6-ая. — ІЮНЬ, 1870.

Печатаніе романа «Большая Медвѣдица», пріостановившееся по случаю болѣзни автора, возобновится въ іюльской книгѣ.

СТРУЭНЗЕ

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ и прозѣ.

Михаила Бэра.

ДѢЙСТВІЕ II*).

СЦЕНА I.

Комната королевы Матильды въ Фридрихсбургскомъ замкѣ.

Королева МАТИЛЬДА, графиня УЛЬФЕЛЬДЪ, графиня РЭЦЪ.

МАТИЛЬДА — къ гр. Ульфельдъ, которая держитъ въ рукахъ книгу.

Довольно, милая графиня... Перестаньте:
Взволнована я слишкомъ этимъ чтеньемъ,
Такъ сильно, такъ глубоко потрясли
Меня моленья нѣжнаго Артура,
Умѣвшія проникнуть даже въ сердце
Суровое убійцы, что едва,
Едва не разрыдалась я. Довольно,
На этотъ разъ. Да! Полубогъ Шекспиръ!
Онъ силою чудесной превращаетъ
Въ дѣйствительность старинныя преданья,
И кажется смягчить способенъ камни,
Не только трбнуть сердце человѣка.
И не цвѣтетъ та пальма на землѣ,
Которая достойна-бъ наградить

---

*) См. выше: май, стр. 5.

Того, кто взорамъ смертныхъ небеса
Души своей божественной открылъ,
И образы печальной нашей жизни
Въ святомъ огнѣ поэзіи очистилъ.

ГР. УЛЬФЕЛЬДЪ.

Какое въ государынѣ моей
Сочувствіе находитъ—духъ поэта!
Я—признаюсь, понять его не въ силахъ.
Мнѣ кажется, бываетъ слишкомъ шуменъ,
Подъ часъ, полетъ его могучихъ крыльевъ.
И удивляюсь я, что королева
Елизавета смѣлаго любимца
Могла къ себѣ такъ часто допускать...

ГР. РЭЦЪ.

Ужели онъ—къ ея особѣ точно
Допущенъ былъ?

МАТИЛЬДА.

Чтожъ? Это странно вамъ?
Я думаю, что этотъ царь поэтовъ
Британіи моей такъ хорошо
Читалъ въ сердцахъ монарховъ, что ему
Всего приличнѣй было находиться
Вблизи отъ нихъ... И подлѣ королевы
Онъ на своемъ былъ настоящемъ мѣстѣ,
Межъ равными себѣ. Вы на меня
Глядите съ изумленіемъ, графиня?
Въ моихъ устахъ не можетъ быть терпима
Такая возмутительная рѣчь?
Но сказаннаго мнѣ ужъ не вернуть;
И еслибъ здѣсь собрались всѣ монархи
Я и предъ ними тоже повторила-бъ.
Да! нашъ Шекспиръ какъ бы въ раскрытой книгѣ
Читалъ въ сердцахъ народовъ и царей.

Открывая книгу.

Смотрите! Вотъ! Здѣсь вѣчный правды свѣтъ!
Не тоже-ль нынче, что̀ и прежде было?
Народы въ бой идутъ, во имя права—
А Францiя изъ-за ничтожныхъ выгодъ
Мирится съ этимъ хищнымъ Іоанномъ.
И развѣ участь нынѣшнихъ принцессъ

На участь бѣдной Бьянки не походитъ?
Онъ кроткую печаль ея такъ вѣрно,
Такъ трогательно намъ изобразилъ.
Оторвана отъ ласкъ семьи любимой,
Она вступаетъ робкою стопой,
На трудный путь обязанностей новыхъ...
Едва въ ея дѣвической груди
Намѣренья, желанья зародились,
И къ нимъ она прислушиваться стала,—
Какъ съ жизнью независимой проститься
Должна была. Постыдный договоръ
Она запечатлѣла кровью сердца,
И за супругомъ царственнымъ своимъ,
Котораго совсѣмъ почти не знала,
Послѣдовала въ новую отчизну.
Кто знаетъ, чтò ее въ грядущемъ ждетъ,
И сколько слезъ прольетъ она о томъ,
Что ей дана въ приданое корона!

ГР. РЭЦЪ — графинѣ Ульфельдъ, вполголоса, — въ то время, когда королева отворачивается, чтобъ скрыть свое волненіе.

Неправда-ли,—совсѣмъ по-королевски?

ГРАФИНЯ УЛЬФЕЛЬДЪ.

Какъ глубоко—и ясно вмѣстѣ съ тѣмъ.—

СЦЕНА II.

Тѣже, графъ СТРУЭНЗЕ, графъ БРАНДТЪ.

МАТИЛЬДА.

А! вотъ и графъ Струэнзе, съ графомъ Брандтомъ.
Къ Струэнзе.
Вы вò-время явились, графъ Струэнзе.
Обязанность тяжелую съ меня
Должны вы снять. Мнѣ противъ этихъ дамъ
Отстаивать пришлось права поэта.
Передъ графиней Ульфельдъ не находитъ
Себѣ Шекспиръ—великій нашъ пощады.

ГРАФИНЯ УЛЬФЕЛЬДЪ.

Я вашему величеству дерзнула...

МАТИЛЬДА—перебивая ее, къ Струэнзе.

Мнѣ было бы пріятно продолжать
Начатый споръ. Я рыцаремъ поэта
Васъ избираю, графъ.—Вы за него
Переломить копье достойнѣй всѣхъ.
Не вы-ль меня впервые научили
Цѣнить его великія созданья?
Вамъ одному обязана я тѣмъ,
Что находить умѣю наслажденье
Въ гармоніи стиховъ его суровой,
И часто, убаюканная имъ,
Душой отъ бурь житейскихъ отдыхаю.—Смѣясь.
Но не довольно-ль... Кажется, графиня
Едва отъ смѣху можетъ удержаться.
Она боится, какъ бы изъ меня
Шекспиръ не сдѣлалъ женщину-поэта.
Грѣхъ былъ-бы новъ... для датской королевы.
Но избѣжать желая подозрѣній
Въ такомъ грѣхѣ ужасномъ, перейду
Я къ болѣе достойному предмету.

Къ Брандту.

Скажите графъ... Доволенъ ли король?
Не слишкомъ ли мы быстро обогнали
Его величество? Британскій конь,
Что̀ подаренъ мнѣ августѣйшимъ братомъ,
Опередилъ всѣхъ датскихъ бѣгуновъ...
Чтобъ поддержать ихъ честь, лишь графъ Струэнзе
Одинъ изъ всѣхъ, сопровождавшихъ насъ,
Отважился соперничать со мною,
И отъ меня старался не отстать;
Но наконецъ и этотъ смѣлый всадникъ
Себя признать былъ долженъ побѣжденнымъ,
И далеко остался позади...

БРАНДТЪ.

Монархъ признавалъ открыто пораженье
Всѣхъ лучшихъ бѣгуновъ своей страны,
И вашего величества отвагой
Онъ восхищенъ; во взорахъ короля
Давно такая радость не свѣтилась.
Не ошибусь я, кажется, сказавъ,
Что празднества недѣли этой шумной

Вполнѣ его желаньямъ отвѣчаютъ;
Балъ-маскарадъ—король назначилъ завтра...

МАТИЛЬДА.

Такъ стало-быть желанья короля
Сошлись съ моими... Я надѣюсь, графъ,
Что праздникъ вы устроите на славу.
Я чувствую счастливою себя,
Когда придворный, строгій этикетъ
Подъ маскою веселой исчезаетъ.
Фантазіи своей вы дайте волю,
Всѣмъ прихотямъ ея я буду рада,
И даже блескъ излишній вамъ прощу,
Лишь только-бъ дамъ придворныхъ удалось
Мнѣ пріучить къ веселости невинной,
Которой такъ страшатся всѣ онѣ,
Обычаямъ покорны устарѣвшимъ...
Къ графинѣ Ульфельдъ.
Не завтра ли хотѣли мнѣ представить
Вы русскаго сановника, который
Рекомендованъ мнѣ императрицей?

ГРАФИНЯ УЛЬФЕЛЬДЪ.

Такъ точно...

МАТИЛЬДА.

Пусть на балѣ будетъ онъ;
И пусть найдетъ въ покояхъ королевскихъ
Онъ блескъ двора, покинутаго имъ...
Къ Струэнзе.
Желаемъ мы, чтобъ этотъ чужестранецъ
Своей императрицѣ разсказалъ,
Какъ здѣсь, при бережливости разумной,
Поддержано достоинство двора;
Не правда-ль—мы себѣ дозволить можемъ
Желанье столь умѣренное, графъ?

СТРУЭНЗЕ.

Необходимъ, конечно, этотъ блескъ,
Чтò королеву нашу окружаетъ;
Оправой благородною онъ служитъ
Жемчужинѣ прекраснѣйшей въ странѣ.

МАТИЛЬДА —пристально глядитъ на него.

Да?... Это точно ваше мнѣнье, графъ? Вполголоса.
Однакожъ тонъ словамъ противорѣчитъ?

СТРУЭНЗЕ.

Простите мнѣ...

МАТИЛЬДА—къ графинѣ Ульфельдъ.

Мое шитье, графиня?
Графиня Ульфельдъ уходитъ.

СЦЕНА III.

МАТИЛЬДА, СТРУЭНЗЕ, БРАНДТЪ

МАТИЛЬДА — къ Струэнзе, проводивъ глазами уходящую графиню Ульфельдъ и видя, что графиня Рэцъ удалилась еще прежде.

Чтò васъ тревожитъ, графъ? Не притворяйтесь—
Вы отъ меня хотите что-то скрыть.
Скажите все скорѣй. Меня пугаетъ
Вашъ озабоченный и грустный видъ?

СТРУЭНЗЕ.

Я наказанія достоинъ, если
Кажусь такимъ. Таинственныхъ заботъ
Личиной—прикрываться не должны
Неровнаго характера причуды,—
Ни передъ кѣмъ, а менѣе всего
Предъ вашей августѣйшею особой.

МАТИЛЬДА.

Нѣтъ, это не причуды... я не вѣрю.

БРАНДТЪ.

Я разрѣшить берусь загадку.... Не мѣшайте.
Къ Струэнзе, который хочетъ стать между имъ и королевой.
Сегодня изъ помѣстья своего
Въ столицу возвратился графъ Ранцау.

МАТИЛЬДА.

А! видно умъ великій свой не хочетъ

Похоронить онъ въ Ашбергской пустынѣ.
Зима опять его приводитъ къ намъ;
Опять влекутъ двора увеселенья.—
По крайней мѣрѣ, этотъ—не опасенъ.—
Хоть можетъ быть въ душѣ его надменной
Намѣренья недобрыя живутъ,—
Онъ не вредитъ... ворчитъ себѣ и только.

БРАНДТЪ —смѣясь.

Но все-таки рѣшился сдѣлать ныньче
Онъ важности неслыханной попытку.

СТРУЭНЗЕ.

Она важна—въ его глазахъ...

МАТИЛЬДА.

А мнѣ
Сдается, что и въ вашихъ точно также...
Скажите,—чтожъ ужаснаго случилось...
Я знать хочу...

БРАНДТЪ.

Ранцау нарушилъ клятву
И посѣтилъ смертельнаго врага...
Въ пещеру льва могучаго явился.—

МАТИЛЬДА.

И точно *льва*, надѣюсь, въ ней нашелъ?

СТРУЭНЗЕ.

Оружіемъ владѣетъ лучше право,
Чѣмъ ненависть! Но могъ ли бы такъ смѣло
Противостать я смѣлому врагу,
Когда бы не монарха благосклонность,
Не королевы милость дорогая,—
Которыя охраной служатъ мнѣ.

МАТИЛЬДА.

И будетъ вамъ всегда служить охраной,
Покамѣстъ это сердце дорожитъ
Спокойствіемъ и благомъ королевства.

СЦЕНА IV.

Тѣже и графиня УЛЬФЕЛЬДЪ.

МАТИЛЬДА — графинѣ, которая подаетъ ей рукодѣлье.

Благодарю васъ, милая графиня.

ГРАФИНЯ УЛЬФЕЛЬДЪ — отойдя отъ королевы и взглянувъ въ окно.

Ахъ! Боже мой, что̀ это значитъ?

МАТИЛЬДА.

Что̀?

ГРАФИНЯ УЛЬФЕЛЬДЪ.

Во весь опоръ сюда несется всадникъ,
Вотъ въѣхалъ онъ въ ворота.—Вскрикиваетъ.

МАТИЛЬДА.

Что̀ случилось?

ГРАФИНЯ УЛЬФЕЛЬДЪ.

Загналъ коня! Вотъ падаетъ съ нимъ вмѣстѣ...

МАТИЛЬДА—хочетъ подойти къ окну; мужчины стараются удержать ее.

ГРАФИНЯ УЛЬФЕЛЬДЪ.

Но офицеръ остался невредимъ.

БРАНДТЪ — подходя къ окну.

Кто-жъ это? Весь въ поту, и еле дышетъ...
Мнѣ кажется, его видалъ я... Точно... Да!
То Левенскьольдъ, одинъ изъ офицеровъ
Норвежскаго полка, который утромъ
Распущенъ былъ...

СТРУЭНЗЕ — замѣтивъ волненіе королевы.

Я ждалъ его! Ко мнѣ
Онъ съ рапортомъ явился.

МАТИЛЬДА.

Такъ поспѣшно?
Нѣтъ! Это намъ добра не предвѣщаетъ.

СТРУЭНЗЕ.

Я самъ пойду...

МАТИЛЬДА.

Останьтесь, ради Бога.
Одну меня не покидайте, графъ,
Въ ужасной неизвѣстности. Примите
Его при мнѣ. Пускай сейчасъ же онъ
Сюда войдетъ, въ томъ видѣ, какъ пріѣхалъ.
Графиня! умоляю, приведите
Его скорѣй.

СТРУЭНЗЕ —Брандту.

Спѣшите къ королю,
Онъ въ этотъ часъ не долженъ оставаться
Одинъ...

МАТИЛЬДА.

О! да... Чтобъ вѣстью непріятной
Не могъ его внезапно поразить
Какой-нибудь услужливый придворный.

Брандтъ уходитъ.

СЦЕНА V.

МАТИЛЬДА, СТРУЭНЗЕ, капитанъ ЛЕВЕНСКЬОЛЬДЪ, который входитъ съ графиней Ульфельдъ; послѣдняя немедленно удаляется.

МАТИЛЬДА.

А! Наконецъ!

КАПИТАНЪ.

Простите—королева!

СТРУЭНЗЕ.

Ея величеству угодно знать,
Зачѣмъ сюда съ поспѣшностью такой
Явились вы...

МАТИЛЬДА.

По вашему лицу
Я вижу, что несчастье васъ приводитъ...

СТРУЭНЗЕ.

Прошу васъ мнѣ представить рапортъ...

КАПИТАНЪ.

Я—
Безъ рапорта сюда явился...

МАТИЛЬДА И СТРУЭНЗЕ.

Какъ?

КАПИТАНЪ.

Мы не имѣли времени писать,
Я съ битвы, графъ.

МАТИЛЬДА — опускаясь въ кресло.

О Боже всемогущій!

СТРУЭНЗЕ — тихо капитану.

Молю васъ, не пугайте королеву...

МАТИЛЬДА — вставая.

Вы шепчетесь?... Оставьте эти тайны...
Чтобъ ни было—я все желаю знать.

КАПИТАНЪ — къ Струэнзе.

Могу-ль?...

СТРУЭНЗЕ.

Ея величеству угодно...
Кто васъ прислалъ?

КАПИТАНЪ.

Я присланъ комендантомъ
Съ извѣстьемъ, что гвардейцы возмутились.

МАТИЛЬДА.

О! горе намъ!

СТРУЭНЗЕ — королевѣ.

Вамъ худшее извѣстно.
Пусть капитанъ теперь намъ сообщитъ
Въ подробности, — какъ всё происходило.—

КАПИТАНЪ.

Когда пять ротъ норвежскихъ нашъ полковникъ

Вторично собралъ нынче по утру,
Печаль видна была на многихъ лицахъ.
Казалось, что съ оружіемъ своимъ
Прощаются солдаты грустнымъ взглядомъ.
Всѣ думали, что ихъ отставка ждетъ,
Что къ очагу домашнему и къ плугу
Пришла пора вернуться имъ; какъ вдругъ
Приказъ имъ неожиданно прочли,
Въ которомъ говорится, что отъ службы
Не могутъ быть уволены они,
И что его величеству угодно
Перемѣстить ихъ всѣхъ въ полки другіе.
Когда они увидѣли, что нѣтъ
Надежды имъ на родину вернуться,
То ропотъ въ ихъ послышался рядахъ.
Прочтя приказъ, стоялъ полковникъ молча,
И вся толпа на нѣсколько мгновеній
Затихла вдругъ, какъ море предъ грозой.
Но вслѣдъ затѣмъ неистовые крики,
Неслыханные, землю потрясли.
«Отставку намъ! повсюду раздавалось...
На жизнь и смерть мы братья! Разлучить
Не могутъ насъ! Да здравствуетъ нашъ полкъ!»
И всѣ клялись, мѣняясь рукожатьемъ,
Не исполнять прочтеннаго приказа
И никогда не покидать другъ друга.
Напрасно ихъ пытались офицеры
Уговорить. Ни просьбы, ни угрозы
Ихъ не могли заставить разойтись.
По улицамъ столицы побѣжали
Мятежники, и даже мирныхъ гражданъ
Къ возстанью смѣлымъ словомъ возбуждали.
Тогда уже рѣшился комендантъ
Ихъ наказать. Онъ бить велѣлъ тревогу,
И гарнизонъ на бунтовавшихъ двинулъ,
Они-жъ, на всё готовые, безстрашно
Идутъ впередъ, въ открытый бой вступая;
И смотритъ городъ, въ ужасѣ, какъ льется
По улицамъ солдатъ и гражданъ кровь.

СТРУЭНЗЕ.

Ужасно!

МАТИЛЬДА.

Вотъ къ чему пришли мы!... Боже!...

КАПИТАНЪ.

Хоть битва нерѣшенной оставалась,
Когда покинулъ городъ я; но ближе
Все подвигались къ сѣвернымъ воротамъ
Мятежники — и если имъ удастся
Очистить путь—мы здѣсь увидимъ ихъ.

СТРУЭНЗЕ.

Какъ? Чтобъ они осмѣлились проникнуть
Сюда... къ монарху—это невозможно!

КАПИТАНЪ.

Однакожъ это былъ ихъ лозунгъ; короля
Они хотятъ увидѣть, и ему
Повѣдать о своихъ желаньяхъ лично.
Мятежники надѣются, что имъ
Удастся здѣсь желанную отставку
Добыть путемъ насилья, и потомъ,
Хвалясь легко одержанной побѣдой,
Въ столицу возвратиться съ торжествомъ.

СТРУЭНЗЕ.

Но прежде чѣмъ достигнуть...

Слышны отдаленные выстрѣлы.

МАТИЛЬДА.

Мы погибли!

СЦЕНА VI.

Тѣже и дамы королевы.

ДАМЫ.

На помощь!

ГРАФИНЯ УЛЬФЕЛЬДЪ.

Можетъ быть, вамъ неизвѣстно,—
Что возмутилась гвардія, и въ зáмокъ
Идутъ мятежники; пропали мы!

ГРАФИНЯ РЭЦЪ — вбѣгая.

Идутъ, идутъ!

Къ Струэнзе.

Спасите королеву!
Они хотятъ разрушить зáмокъ и лишить
И короля и королеву жизни.

СТРУЭНЗЕ.

Безумный страхъ! Мятежники явились
Сюда затѣмъ, чтобъ за вину свою
Достойное возмездіе принять... Капитану.
Скорѣе позовите коменданта.

Капитанъ уходитъ.

СЦЕНА VII.

Тѣже, кромѣ капитана. Потомъ КОМЕНДАНТЪ.

МАТИЛЬДА.

Что вы хотите дѣлать, графъ?

СТРУЭНЗЕ.

Я силу
Хочу поставить противъ силы:—кровь
Они пролить дерзнули... Кровь прольется.
Не на меня падетъ она, на тѣхъ,
Чьи происки коварные подвигли
Безумцевъ ослѣпленныхъ къ преступленью.

Къ коменданту.

Держать, полковникъ, стражу на готовѣ.
И первыя ворота зáмка — пусть
Отрядъ вооруженный прикрываетъ.
Мужское населенье подъ ружьё
Поставить все, да выдвинуть орудья,
И ежели къ жилищу короля
Хоть шагъ дерзнутъ безумцы эти сдѣлать,
Вы встрѣтите ихъ пушечнымъ огнёмъ.

Комендантъ уходитъ.

СЦЕНА VIII.

Тѣже безъ коменданта.

МАТИЛЬДА.

Вы на кровавую рѣшились мѣру.

СТРУЭНЗЕ.

Но прежде чѣмъ рѣшусь я въ исполненье
Привесть ее—и съ ними бой начать,
Я самъ пойду ихъ ярости на встрѣчу;
Быть можетъ, мнѣ удастся возвратить
Ихъ къ долгу твердымъ мужественнымъ словомъ.
Я знаю, что обманутыхъ солдатъ
Простымъ сердцамъ—доступенъ голосъ чести.
И лишь бы только третій между нами
Не сталъ, съ коварной лестью на устахъ, —
Надѣюсь, что мятежники сознаютъ
Свою вину, и волѣ короля
По прежнему останутся покорны.

МАТИЛЬДА.

Напрасныя надежды, графъ Струэнзе!

СТРУЭНЗЕ.

Чтожъ! Если жизнь моя нужна имъ будетъ,
Пускай возьмутъ ее. Я не хочу,
Чтобъ чья-нибудь здѣсь проливалась кровь,
Пока еще могу спасти своею
Я Даніи спокойствіе и благо!

Шумъ за дверями. Слышны крики: «Да здравствуетъ полкъ! Къ королю!»

ГРАФИНЯ УЛЬФЕЛЬДЪ.

Они ужъ здѣсь!

МАТИЛЬДА.

Спаси насъ Боже! —

СТРУЭНЗЕ.

Здѣсь?
Такъ хорошо-жъ! Пусть выберутъ любое,
Иль голову мою — за послушанье —
Иль за упорство — казнь себѣ...

МАТИЛЬДА.

О! горе!
Постойте! Вы убить меня хотите!
Вы жизнь свою рѣшаетесь отдать?...
Нѣтъ... нѣтъ...

СТРУЭНЗЕ.

Но чѣмъ же былъ бы я,
Когда-бы для спасенья королевы
Я славой не пожертвовалъ своей?

СЦЕНА IX.

Тѣже, и сэръ РОБЕРТЪ КЕЙТЪ.

СТРУЭНЗЕ — удивленный.

Вы—сэръ?

КЕЙТЪ — останавливаетъ Струэнзе.

Я васъ молю, останьтесь, графъ!

МАТИЛЬДА.

Въ какую вы приходите минуту!

КЕЙТЪ.

Простите, что осмѣлился явиться
Я къ вашему величеству... Когда
Грозитъ опасность датской королевѣ,
То родственная Англія трепещетъ;
А я слуга ей преданный, и васъ
Предостеречь святымъ считаю долгомъ.
Не тщетно вы дрожите, королева;
Васъ не пустой пугаетъ призракъ... Нѣтъ!
Мятежныя толпы разъярены,
И мечъ свой братской кровью обагрили.
О! вѣрьте мнѣ, что если ихъ желанья
Исполнены не будутъ, то они —
Не пощадятъ ни васъ, ни короля.

СТРУЭНЗЕ.

Но прежде—сами всѣ на мѣстѣ лягутъ!

КЕЙТЪ.

О! ради Бога, графъ, — не принимайте
Кровавыхъ мѣръ...

СТРУЭНЗЕ.

Я долгъ свой исполняю...

МАТИЛЬДА.

Нѣтъ, нѣтъ... останьтесь, графъ. О Боже!
Въ душѣ моей и гнѣвъ и состраданье,
Я знаю, что къ послѣдствіямъ ужаснымъ
Должна привесть пощада... и однакожъ...

СЦЕНА X.

Тѣже и КАПИТАНЪ.

СТРУЭНЗЕ.

Какую вѣсть несетъ намъ капитанъ.

МАТИЛЬДА.

Не новое-ль несчастье?....

КАПИТАНЪ.

Полкъ рѣшилъ
Уполномочить двадцать человѣкъ,
Которые вамъ письменную просьбу
Вручить должны. Три пункта въ этой просьбѣ...

СТРУЭНЗЕ.

Они извѣстны вамъ?

КАПИТАНЪ.

Я ихъ прочелъ.
Мятежники отставки чистой просятъ.
Они хотятъ, чтобъ тотъ, кому достался
Счастливый жребій въ ихъ полку служить, —
Не могъ назначенъ быть въ полки другіе.
Потомъ еще, чтобъ жалованье имъ
Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ давали.
И наконецъ, желаютъ сохранить
Оружье и мундиръ, который носятъ,

Какъ память о своей почетной службѣ,
И въ знакъ того, что полкъ себя ничѣмъ
Не запятналъ; что онъ распущенъ былъ
Единственно по волѣ королевской.
Когда они получатъ это все,
То мирно возвратятся въ Копенгагенъ.
Но если же на требованье ихъ
Монарха не послѣдуетъ согласья,
Они отмстить клянутся; говорятъ,
Что Фридрихсбургъ не устоитъ предъ ними,
И что они не пощадятъ....

СТРУЭНЗЕ.

Довольно!
Избавьте отъ дальнѣйшихъ описаній
Безумства ихъ. Нельзя съ бунтовщиками
Вести переговоровъ королю.
Пускай они оружіе положатъ,
И участи своей покорно ждутъ.
Тогда лишь я ихъ посланныхъ впущу.
Проститъ ли ихъ монархъ, иль нѣтъ, не знаю;
Теперь же имъ отвѣтитъ пушекъ громъ
На каждую мятежную попытку!
Вы слышали?... Идите-жъ, капитанъ,
И передайте имъ мое рѣшенье...

КЕЙТЪ.

И вы хотите—графъ...

МАТИЛЬДА.

Нѣтъ! ни зачто!
Такой отвѣтъ ужасный можетъ вызвать
Мятежниковъ на новыя злодѣйства...
О! неужель глаза мои увидятъ,
Какъ брату братъ вонзаетъ въ сердце мечъ,
Какъ обагряетъ кровь дворца ступени...
Ужель дожить могу я до того!
Спѣшите къ нимъ, спѣшите ради Бога,
Исполните всѣ требованья ихъ,
Сдержите гнѣвъ, купите примиренье
Какою бы то ни было цѣной!

СТРУЭНЗЕ.

Какъ? Неужель, цѣною чести даже—
Я должень, королева...

МАТИЛЬДА.

Не заботьтесь
Теперь о томъ, чтобъ славу уберечь,
Чтобъ защитить ее рукой кровавой...

Слышенъ шумъ.

Они идутъ!... Погибла я! Дѣтей
Моихъ они изъ колыбели тащатъ,
И высоко ихъ въ воздухѣ поднявъ,
Ликуютъ, что заложниковъ схватили.
Злодѣи! Мать возьмите съ ними вмѣстѣ!
Вы слышите?... Да! Слышатъ,—и ко мнѣ
Бросаются со скрежетомъ зубовъ.
Вотъ на руки кровавыя—мою
Распущенную косу намотали,
И волокутъ меня... О! Кто же, кто
Меня спасетъ? Придя въ себя. Что сдѣлалось со мною...
Затмился умъ... Простите ради Бога...
Простите мнѣ. Я только королева...
И къ ужасамъ подобнымъ не привыкла!

Рыдаетъ.

КЕЙТЪ.

Храни ее Господь!

СТРУЭНЗЕ.

Она въ слезахъ...
А я еще колеблюсь... о себѣ
Еще могу въ минуты эти думать?

Къ Матильдѣ.

Я объявить возставшимъ поспѣшу,
Что будутъ ихъ исполнены желанья,
И скоро миръ надѣюсь возвратить
Встревоженному сердцу королевы!

Уходитъ.

СЦЕНА XI.

МАТИЛЬДА, КЕЙТЪ.

КЕЙТЪ.

Спокойствіе и твердость, королева!

МАТИЛЬДА.

Такой ли вы меня увидѣть ждали,
Какъ отправлялись въ Данію вы, сэръ.
И думали-ль, что вамъ учить придется
Спокойствію и твердости меня?
Гдѣ мужество, которымъ я гордилась?
Слабѣетъ духъ мой, — горе мнѣ! Я вижу,
Какъ въ комнатахъ потоки крови льются;
Всѣ ужасы грядущаго встаютъ
Передо мной, какъ въ зеркалѣ...

КЕЙТЪ.

Но что же —
Въ грядущемъ васъ пугаетъ королева?

МАТИЛЬДА.

Мнѣ вспомнился средь этихъ всѣхъ тревогъ,
Забытый страхъ, что въ Лондонѣ, бывало,
Душой моей порой овладѣвалъ.
Когда мнѣ путь лежалъ черезъ Вестминстеръ,
Я каждый разъ приказывала слугамъ
Пришпоривать коней, чтобъ миновать
Быстрѣе то окно, что̀ послужило
Стюарту дверью въ вѣчность... лишь въ него
Шагнулъ онъ, какъ на плаху голова
Его окровавленная скатилась...
Я отвращала съ тайнымъ содроганьемъ
Всегда свой взоръ отъ этого окна
И думала: тѣ времена прошли;
Не судятъ королей своихъ народы,
И никогда вѣнчанной головы
Топоръ ужъ не коснется нечестивый...
О! вѣрьте мнѣ, я горько ошибалась;
Тѣ времена исчезли не на-вѣкъ!
Ихъ ужасы должны еще вернуться —

И королей престолы пошатнуть!
И горе всѣмъ, кто такъ, какъ я, дрожитъ,
Неся народной ненависти бремя!

КЕЙТЪ.

Нѣтъ! не на васъ, достойную любви,
Обращена здѣсь ненависть народа.
Нѣтъ! Знаю я, — проклятія его
Отягощаютъ голову другую.
Пришла пора, и вѣрный вашъ слуга
Теперь свободно высказаться долженъ.
Не можетъ графъ Струэнзе управлять
Страной, — гдѣ це доросъ до пониманья
Его благихъ намѣреній народъ.
Насильственно разрушить хочетъ графъ
Гніющій домъ старинныхъ предразсудковъ,
И замѣнить его роскошнымъ зданьемъ,
Гдѣ было бъ всѣмъ свободно и просторно.
Но датчанамъ — ихъ старое ярмо,
Повѣрьте мнѣ, милѣй свободы новой.
Къ нимъ отъ отцовъ привычка перешла
Переносить капризы произвола,
И гнетъ его напрасно замѣнять
Свободой — хочетъ пылкій чужеземецъ:
Онъ отзыва не встрѣтитъ въ ихъ сердцахъ!
Таковъ народъ... Что̀ думаетъ дворянство
И королева-мать — извѣстно вамъ, конечно.
Всѣ голоса — въ одинъ слилися хоръ,
И нынче взрывъ подавленнаго гнѣва
Вы видѣли... Онъ въ ужасъ васъ повергъ.
О! еслибъ вы склонили, королева,
Свой слухъ къ моленьямъ стараго слуги,
И еслибъ удаленъ былъ графъ Струэнзе...

МАТИЛЬДА.

Ужель опи меня хотятъ принудить...

КЕЙТЪ.

Вашъ августѣйшій братъ и всѣ друзья
Васъ умоляютъ: удалите графа!..
Кто бы сюда изъ Англіи ни прибылъ,
Отъ всѣхъ одно и тоже слышу я,
Что за спокойствіе особы вашей

Король Георгъ трепещетъ; и не въ немъ
Одномъ живутъ боязнь и опасенье:
Цлоссетъ, Шпренгпортенъ, Франціи союзной,
И Швеціи намъ родственной послы,
О томъ же молятъ васъ; и я съ надеждой
Предъ вами повторяю ихъ мольбы:
О! удалите графа, королева!
Онъ въ случаѣ нужды себѣ найдетъ
Пріютъ и помощь въ Англіи свободной.

МАТИЛЬДА.

Довольно, сэръ! Что вашего монарха
Сестра простить охотно вамъ готова,
То королевой Даніи не можетъ
Терпимо быть. Оставимъ это все.
Усердіе васъ слишкомъ далеко
Заводитъ, сэръ: мы ожидаемъ скоро...

Крики: «Виватъ»!

Мнѣ кажется — то радостные крики?
О! еслибъ онъ смягчилъ лишь ихъ сердца!
Опять бы все могло идти какъ прежде...

КЕЙТЪ.

Я слышу вашихъ дамъ.

СЦЕНА XII.

Тѣже и графиня УЛЬФЕЛЬДЪ.

МАТИЛЬДА.

Ну что̀ графиня?

ГР. УЛЬФЕЛЬДЪ.

Не нахожу я словъ, чтобъ передать...
Что̀ за народъ! До глубины души
Меня смягчила вѣрность добрыхъ датчанъ.
Нѣтъ лучшаго народа на землѣ!

МАТИЛЬДА.

Ужели вы не видите, въ какомъ
Томительномъ и страшномъ ожиданьи
Я нахожусь...

ГР. УЛЬФЕЛЬДЪ.

Мы спасены! Гвардейцы
Согласны возвратиться въ Копенгагенъ.

Слышны трубы и литавры.

Уходятъ! Затрубили отступленье.

МАТИЛЬДА.

Хвала Творцу! Такъ стало быть они
Побѣждены? Ихъ графъ уговорилъ?

ГР. УЛЬФЕЛЬДЪ.

Министръ уполномоченныхъ не принялъ...
Онъ вышелъ самъ къ мятежникамъ и сталъ
Имъ объяснять, что только высшей цѣлью
Руководимъ король былъ, распуская
Ихъ полкъ. Они все слушали спокойно;
И лишь когда рѣшился графъ Струэнзе
Къ покорности возставшихъ призывать,
Неистовый, зловѣщій крикъ внезапно
Прервалъ его. Но графъ не потерялся,
Съ достоинствомъ, себя онъ предложилъ
Въ посредники межъ ими и монархомъ...
И снизошелъ монархъ на просьбу ихъ!

МАТИЛЬДА.

Такъ значитъ, все исполнено?..

ГР. УЛЬФЕЛЬДЪ.

Съ восторгомъ,
Приказъ они прочли и закричали
Всѣ, какъ одинъ... «да здравствуетъ король!»
Я радостными плакала слезами...
Внезапное такое послушанье,
Такая вѣрность трону...

МАТИЛЬДА.

О! конечно...
Я тронута до глубины души,
Я чувствую... но кажется, самъ графъ
Идетъ сюда?..

ГР. УЛЬФЕЛЬДЪ.

Такъ точно...

СЦЕНА XIV.

Тѣже и графъ СТРУЭНЗЕ, блѣдный и видимо взволнованный.

МАТИЛЬДА.

Какъ вы блѣдны?

СТРУЭНЗЕ.

Исполнены желанья королевы.
Мятежный полкъ, побѣду торжествуя,
Въ порядкѣ возвращается домой.
И вашему величеству теперь
Нѣтъ болѣе причины опасаться.
Вы слышите торжественный ихъ маршъ:
Подъ звуки тѣ они хоронятъ славу
Врага. — Изъ книгъ исторіи на-вѣкъ
Они Струэнзе вычеркнули имя;
И не найдетъ его потомство тамъ,
Гдѣ вписаны великія дѣянья
Людей, къ добру стремившихся упорно...
Въ ряды толпы отброшенный, забвенью
Я обреченъ отнынѣ вмѣстѣ съ ней.

МАТИЛЬДА.

Унынье, графъ, такое — малодушно...

СТРУЭНЗЕ.

Быть можетъ я къ недостижимой цѣли
Стремился, и мечталъ осуществить
То, для чего покамѣстъ не настала
Еще пора! Пускай меня забудутъ.
Но допустить я не хочу, чтобъ міръ
Сказалъ, что я въ безсиліи слѣпомъ
И гордостью безумной обуянный
Низверженъ былъ съ вершины славы. Самъ
Съ нея сойти хочу я добровольно.
Спустившись внизъ, въ послѣдній разъ измѣрю
Я высоту спокойнымъ, тихимъ взглядомъ
И отрекусь на-вѣки...
Увольненья
У вашего величества просить
И также у монарха я намѣренъ.

МАТИЛЬДА.

Какъ? что̀ я слышу... вы хотите — графъ?

СТРУЭНЗЕ.

Я лишь необходимаго хочу.
Коль не за сномъ несбыточнымъ я гнался,
И дѣло мной задуманное сто̀итъ
Того, чтобъ жизнью жертвовать ему;
Я долженъ былъ отдать ее сегодня,
Я долженъ былъ святое знамя права
Изъ этой битвы вынесть — или пасть...
Я палъ... но безъ борьбы... Быть можетъ лучше,
Что это такъ случилось... и что разомъ
Все кончено... пускай изъ-за меня
Не обагрятся кровью эти нивы
Затѣмъ, чтобъ жатву позднюю принесть.
Я ухожу, съ желаньемъ, чтобъ другіе,
И болѣе счастливые чѣмъ я,
Спокойное создать умѣли счастье;
И чтобы слезъ отчаянья никто
Изъ этихъ кроткихъ глазъ уже не вызвалъ!

КЕЙТЪ.

Да подкрѣпитъ Господь рѣшимость вашу,
Любезный графъ! Она достойна васъ.

СТРУЭНЗЕ — Матильдѣ, которая сидитъ въ креслахъ, стараясь скрыть свои слезы.

Простите, королева; но покинуть
Васъ долженъ я... *Беретъ ея руку.* И уходя, молю,
Да будетъ мнѣ дозволено коснуться
Въ послѣдній разъ руки той дорогой,
Что̀ чрезъ меня — страною управляла...
О горе мнѣ! Вы отвратили взоръ...
Скажите мнѣ одно, одно лишь слово:
Вы сознаёте, что я долженъ... что иначе
Не можетъ быть... Не такъ-ли... да? Я долженъ?

КЕЙТЪ.

И я къ великодушной просьбѣ графа
Свою мольбу дерзаю пріобщить.
Нѣтъ выбора другого для него;
Но тягостнаго долга исполненье

Вы облегчите милостивымъ словомъ...
Судьба страны, его судьба и ваша
Заключены въ томъ словѣ, королева!—
Его отказъ великодушный — міръ
Превознесетъ, исполненъ удивленья;
И если графъ забудетъ прежній блескъ
И Англіи свободнымъ гражданиномъ
Захочетъ быть, объ участи своей,
Увѣренъ я, онъ сѣтовать не будетъ.

МАТИЛЬДА — вставая.

Остаться я одна желаю съ графомъ.

Кейтъ уходитъ.

СЦЕНА XIV.

МАТИЛЬДА, СТРУЭНЗЕ.

МАТИЛЬДА.

Такъ рѣшено? Вы этого хотите?
Я не ждала, Струэнзе, чтобъ могли
Вы позабыть, чѣмъ я для васъ была,
Чѣмъ для меня вы были... Чтожъ! Идите,
Кичитесь вашимъ гордымъ отреченьемъ!
Играйте роль героя! Въ самомъ дѣлѣ,
Не мало нужно кормчему геройства,
Чтобъ отъ кормы въ часъ бури убѣжать.
Межъ тѣмъ какъ женщина, ломая руки
И взоръ вперивъ въ раскрывшуюся бездну,
На кораблѣ покинутомъ, одна,
Ждетъ гибели, отъ страха обезумѣвъ.

СТРУЭНЗЕ.

О королева!

МАТИЛЬДА.

Этимъ восклицаньемъ,
Въ душѣ моей, быть можетъ, пробудить
Вы голосъ благодарности хотите...
Вы королевой назвали меня?
Я стала ей лишь съ той поры, какъ вы
На помощь мнѣ явились. Одинока
И всѣмъ чужда, была на тронѣ я

Какой-то блѣдной тѣнью королевы!
Вы возвратили мнѣ любовь монарха;
На голову поникшую мою
Корону возложили, и она
Уже теперь не призракъ только власти.
Мнѣ легкой ношей бремя управленья
Казаться стало... Дѣлъ благихъ желанье,
Великихъ дѣлъ—мой возвышало духъ.
Когда-жъ меня рожденіемъ ребенка
Обрадовать угодно было небу,
Мечтала я, исполнена надеждъ,
Что подлѣ васъ, руководимый вами,
Рости и развиваться будетъ онъ;
Что ваши всѣ благія начинанья
Ему дано, быть можетъ, довершить!
Идите-же! Разбейте эти грёзы!
Вы скажете: несбыточны онѣ?
Вы скажете: народу ненавистны
И мы, и всѣ стремленья наши?.. Нѣтъ!
Не вѣрю я! Врагамъ лишь ненавистны...
Но не толпѣ; она ослѣплена —
И потому отъ свѣта отвращаетъ
Пока свой взоръ... Бѣжите вы... но развѣ
Въ грядущее проникнуть вы могли;
И вправѣ вы сказать о сѣмянахъ,
Что̀ въ землю вашей брошены рукою:
«Имъ не взойти; имъ не принесть плода?»
Тепло и холодъ, буря и покой,
Союзъ стихій таинственный и время
Свое свершатъ, и сѣмянамъ незримо,
Въ глубокихъ нѣдрахъ матери земли,
Дадутъ созрѣть... не то ли же бываетъ
Съ великими дѣяньями людей?

СТРУЭНЗЕ.

Напрасно всё...

МАТИЛЬДА.

Но еслибъ даже такъ, —
И еслибъ точно все напрасно было,—
Не буду-ль я еще одной надеждой,
Любимою надеждою, бѣднѣй,
Когда уйдете вы? И развѣ въ васъ
Я не лишусь единственнаго друга?

Вы знаете, могу-ль я положиться—
Довѣрчиво, на сердце короля?
Я вкругъ себя одну измѣну вижу...
Я большинствомъ своихъ придворныхъ дамъ
Ужъ продана, быть можетъ, Юліанѣ.
И тайную вражду свою онѣ
Замѣнятъ скоро—ненавистью явной.
Натянутъ лукъ, и за стрѣлой стрѣла
Въ меня летѣть готовы... Нѣтъ щита!
Нѣтъ друга благороднаго, который
Отъ гибели спасти меня хотѣлъ бы...
Вонзятся стрѣлы въ грудь... и одиноко
Британское мое угаснетъ сердце!

Струэнзе дѣлаетъ движенье ужаса.

Угаснетъ! Да! А между тѣмъ, Струэнзе,
На жизнь и смерть—считала я на васъ!
Съ тѣхъ поръ, какъ у меня могилой ранней
Принцъ Іоркскій, братъ мой милый, взятъ,—никто
Не проникалъ мнѣ въ сердце такъ глубоко,
Никто не понималъ его—какъ вы...
Я волю вамъ дала безъ опасенья—
Читать въ моей душевной глубинѣ,
Не взвѣшивала съ вами осторожно
Я королей и подданныхъ права,
И не могла я съ вами быть иною!
Я взорамъ вашимъ вѣрила, какъ вѣритъ
Пловецъ звѣздамъ, что на пути опасномъ
Ему свѣтили, тихо, неизмѣнно...
Нѣтъ! это невозможно, вы не лгали!
Вы не могли мнѣ лгать, Струэнзе, не могли.
Я знаю, вы останетесь! Ужели
Вы допустить хотите, чтобъ Ранцау
Возвысился, надъ нами издѣваясь.
Чтобъ идіотъ, сынъ этой Юліаны,
Участья домогался въ управленьи
Страной? О! нѣтъ! Еще найдутся средства
У насъ враговъ кичливыхъ одолѣть;
Исправить намъ удастся, я надѣюсь,
Всѣ неудачи нынѣшняго дня.
Еще мы много можемъ, если только
Великаго желать не перестанемъ
И разобщать не будемъ нашихъ силъ.—
О! неужель, Струэнзе, ни мольбы,

Ни даже слёзы вашей королевы —
Васъ не тронутъ... Скажите-жъ мнѣ, скажите,
Что остаетесь вы...

СТРУЭНЗЕ.

Я лишь одно
Сказать могу, что я вашъ рабъ на вѣки!
Пусть смерть свою прочту я въ вашихъ взорахъ, —
Пусть отсѣчетъ сѣкира палача
Ту руку мнѣ, что̀ нынѣ поднимаю
Я съ клятвой неизмѣнно вамъ служить
До своего послѣдняго мгновенья;
Что̀ смерть, и что̀ мнѣ муки всѣ, когда
Изъ вашихъ устъ—я ободренье слышалъ?..
Душевный мракъ разсѣяли внезапно —
Надежды животворные лучи...
И лишь о васъ теперь мои всѣ думы, —
Для васъ одной—дышу я и живу!

МАТИЛЬДА — про себя.

Что̀ слышу я!.. О сердце, успокойся!
Вслухъ.
Не такъ, достойный графъ... Мы хладнокровно
Всё обсудить должны теперь и взвѣсить,
И твердая рѣшимость намъ нужна...

СТРУЭНЗЕ — усиливаясь побѣдить волненіе, про себя.

Гдѣ былъ я!
Вслухъ.
Да! Рѣшительныя мѣры
Необходимо тотчасъ же принять.
Мы съ твердостью пойдемъ врагамъ на встрѣчу,
И въ ихъ среду проникнемъ... Въ Фридрихсбургѣ
Мы долѣе скрываться не должны.

МАТИЛЬДА.

Какъ понимать мнѣ васъ?...

СТРУЭНЗЕ.

Еще въ столицѣ
Возстанье не затихло, королева.
Ужель страшить насъ можетъ это пламя?
Нѣтъ! пусть оно пылаетъ намъ въ лицо...

Мы не дадимъ имъ втайнѣ наслаждаться
Ихъ торжествомъ! На пиръ презрѣнный ихъ
Въ свидѣтели себя мы приглашаемъ.
Пусть думаютъ они, что мы дрожимъ,
Къ сопротивленью медленно готовясь,
Мы разувѣримъ ихъ!

МАТИЛЬДА.

Такъ вы хотите?

СТРУЭНЗЕ.

Чтобы его величество и вы
Отправились сегодня же въ столицу,
Со всѣмъ дворомъ.

МАТИЛЬДА.

Ужель должна я буду
Униженно тамъ встрѣтить Юліану,
Пылающую злобою ко мнѣ...

СТРУЭНЗЕ.

Нѣтъ! Вамъ чела вѣнчаннаго предъ нею
Склонять не нужно—встрѣтите ее
Съ величіемъ, достойнымъ королевы,
Во всеоружьи сознаннаго права,
И юною блистая красотой...

МАТИЛЬДА.

Я не хочу съ ней видѣться... не въ силахъ...

СТРУЭНЗЕ.

Вы съ ней должны увидѣться. Вы сами
Необходимость этого свиданья
Признаете, увѣренъ твердо я...
Пусть примиренье мнимое свершится;
Намъ время дастъ оно развѣдать планы
Противниковъ. Щадить я буду ихъ,
Пока щадить возможно, и карать,
Когда того потребуетъ страны
Спокойствіе—и ваша безопасность.
Балъ-маскарадъ назначенъ завтра здѣсь —
Въ столицѣ мы надѣнемъ лучше маски...

И подъ нѣмой, обманчивой личиной
Сокроемъ все, — что̀ сердце намъ гнететъ.

МАТИЛЬДА — съ ироніей.

Какъ этотъ праздникъ кстати!

СТРУЭНЗЕ.

Не угодно-ль,
Вамъ написать теперь собственноручно
Къ противницѣ записку, — королева,
И пригласить ее...

МАТИЛЬДА.

Какъ... я должна?

СТРУЭНЗЕ.

Мы предъ лицомъ дворянства примиренье
Отпраздновать торжественно должны.
Коль обмануть врага удастся намъ, —
Тѣмъ лучше... если-жъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ,
Ему въ глаза мы взглянемъ, чтобъ не могъ
Онъ гибели намъ тайной приготовить.

МАТИЛЬДА.

Я дѣйствовать предоставляю вамъ,
А у меня нѣтъ воли... Дай-то Боже,
Чтобъ это все къ хорошему концу
Могло привесть...

СТРУЭНЗЕ.

И приведетъ, надѣюсь.
О дорогихъ минутахъ этихъ я
Святое унесу воспоминанье;
Оно меня на жизненномъ пути
Сопровождать всегда и всюду будетъ.
Мнѣ кажется, что слышу я досель
Чарующіе звуки этихъ словъ,
Всесильныхъ словъ, меня призвавшихъ къ жизни!
Мнѣ нечего надѣяться, терять;
Одной лишь мысли, одному лишь чувству
Душа моя всецѣло отдана...
Нѣтъ у меня стремленій и желаній
Другихъ, — какъ жить и умереть для васъ!

Уходитъ.

СЦЕНА XV.

МАТИЛЬДА—одна.

Чтò я ему сказала?.. чтò услышать
Должна была?.. *Гордо и съ живостью.* Я королева...и...
Погружается въ глубокое раздумье—потомъ испуганно.
О Боже, Боже мой—какая бездна.
Быстро уходитъ.

Перемѣна.

Комната королевы Юліаны. Нѣсколько дверей.

СЦЕНА XVI.

ЮЛІАНА—*сидитъ въ креслахъ; подлѣ нея стоитъ* РАНЦАУ.—КЕЛЛЕРЪ, ШАКЪ, ГУЛЬДБЕРГЪ—*сидятъ за столомъ и пишутъ.*

ШАКЪ.

Такъ вашему величеству угодно
Дозволить мнѣ, чтобъ въ этомъ заговорѣ
Я былъ лишь соучастникомъ?.. И самъ —
Я ничего предпринимать не долженъ?
Съ перомъ въ рукѣ, за письменнымъ столомъ
Мы жизнь свою проводимъ, а на встрѣчу
Опасностямъ идти не наше дѣло.
Обращаясь къ присутствующимъ.
Вамъ, господа, мечомъ владѣть привыкшимъ,
Принадлежитъ по праву эта честь.
Коль я могу совѣтами своими
Полезнымъ быть въ великомъ предпріятьи,
И въ случаѣ удачи возвратить
Родной странѣ спокойствіе и счастье, —
То я всегда къ услугамъ королевы.

ЮЛІАНА.

Согласна я, достойный Шакъ, отъ васъ
Мы требовать совѣта только будемъ,
И дѣйствовать не нужно вамъ...

ШАКЪ.

Дозвольте

Еще вопросъ мнѣ сдѣлать: почему
Мы здѣсь его высочества не видимъ?

ЮЛІАНА.

Вы спрашивать не стали бы конечно
Меня о томъ, когда-бъ могли прочесть,
Что̀ въ материнскомъ сердцѣ происходитъ...
Заботы—я хочу нести одна,
Награду же—ему предоставляю.

Вполголоса Шаку.

Подумайте: ужели я могла
Опасностямъ невѣрнаго исхода
Подвергнуть жизнь того, кто государству
Необходимымъ сдѣлается скоро...
Нѣтъ! никогда...

Вслухъ.

Дѣла васъ призываютъ,
Мой добрый Шакъ. Я не держу васъ дольше.—

Шакъ уходитъ.

СЦЕНА XVII.

Тѣже, кромѣ ШАКА.

ЮЛІАНА.

Какъ видно, не изъ храбрыхъ онъ... но къ счастью—
Въ герояхъ недостатка нѣтъ у насъ,
И потому безъ сожалѣнья можно
Такимъ бойцомъ пожертвовать. Теперь
Я попросила-бъ снова прочитать,
Что̀ нынче мы рѣшили на совѣтѣ.
Согласны вы?—Такъ повтори-же, Гульдбергъ.

ГУЛЬДБЕРГЪ — взглянувъ въ лежащую передъ нимъ бумагу.

По мнѣнью королевы...

ЮЛІАНА — перебивая его.

Это мнѣнье
Не мной лишь,—всѣми выражено было.

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Есть два пути министра свергнуть; первый—

Привлечь стараться войско постепенно
И дѣйствовать потомъ открытой силой.
Лишь графъ Ранцау подобный подвигъ можетъ
Свершить,—какъ вы изволили сказать...

РАНЦАУ.

Да; это лучшій путь.

ЮЛІАНА.

Конечно лучшій
Для истинныхъ героевъ. — Тихо къ Ранцау. Еслибъ всѣ
Такъ думали какъ нашъ Баяръ-Ранцау,
Я и сама не стала-бъ колебаться.

Вслухъ.

Но я люблю народъ и не хочу,
Чтобъ кровь его лилась... Что́ дальше, Гульдбергъ?...

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Второй...

ЮЛІАНА.

Ахъ, да! теперь припоминаю.

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Второй: избрать удобную минуту,
Когда король останется одинъ,
И убѣдить его; а если нужно будетъ,
То силою заставить...

РАНЦАУ.

Силой? Какъ!...
Гдѣ это сказано?...

ГУЛЬДБЕРГЪ — показывая бумагу.

Вотъ здѣсь.

ЮЛІАНА.

Читай!

ГУЛЬДБЕРГЪ — продолжая.

То силою заставить, чтобъ Струэнзе
И Брандта онъ схватить велѣлъ. Бумагу
О томъ заранѣ нужно изготовить...

ЮЛІАНА.

Какъ?... Лишь двоихъ схватить? не больше?

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Здѣсь
Еще стоятъ Левенскіольдъ и Гёллеръ.

ЮЛІАНА.

Предосторожность требуетъ, чтобъ мы
Включили въ этотъ списокъ королеву
Матильду... Припиши её. —

Пока Гульдбергъ пишетъ, входитъ камеръ-лакей и подаетъ королевѣ письмо.

ЮЛІАНА.

Что̀ вижу!
Изъ Фридрихсбурга,— отъ графини Ульфельдъ. Къ Ранцау.
Вотъ преданность! Распечатываетъ письмо. О! милая графиня,
Скажите! Читая. Кто могъ думать! Кавалькада!
Давно ли, графъ, въ обычаѣ у насъ,
Чтобы верхомъ скакали королевы?
Да! признаюсь! Часъ отъ часу не легче!
Но слушайте: «Близъ королевы ѣхалъ —
Все время...» кто? Къ Ранцау. Вы вѣрно угадали;
Кто-жъ — какъ не этотъ лекарь и министръ!...
Повѣрьте мнѣ... что мы еще увидимъ,
Коль во̀-время — не примемъ должныхъ мѣръ,
Какъ съ наглостью, незнающей предѣловъ,
Онъ наконецъ на датскій сядетъ тронъ!—Читаетъ.
А! хорошо! Я такъ и ожидала;
Возстаніе повергло въ ужасъ всѣхъ.
«Министръ...» Что̀ это? Глазамъ не вѣрю...
Не можетъ быть... Прочтите сами, графъ.
Я поняла не такъ, быть можетъ...

РАНЦАУ — беретъ изъ рукъ ея письмо и читаетъ.

«Когда англійскій посланникъ удалился изъ комнаты королевы, ея величество осталась...»

ЮЛІАНА — въ негодованіи.

Съ нимъ!
Неслыханно! И никого изъ свиты, —
Изъ дамъ ея, не находилось тутъ?
Нѣтъ! не дозволю я, чтобъ короля,—

Чтобъ домъ нашъ весь, — она безчестить смѣла!
Какой позоръ! Что, еслибы объ этомъ
Узнали — графъ? L'Europe en frémirait!
И будутъ знать! — Входитъ камеръ-лакей.

КАМЕРЪ-ЛАКЕЙ.

Съ невѣроятной вѣстью,
Я къ вашему величеству являюсь.

ЮЛІАНА.

Съ какой еще?

КАМЕРЪ-ЛАКЕЙ.

Король въ столицу прибылъ.

ВСѢ.

Какъ? кто?

КАМЕРЪ-ЛАКЕЙ.

Король со всѣмъ дворомъ. Мой сынъ
Сейчасъ лишь изъ дворца; тамъ суетятся,
Никто его величества не ждалъ,
А завтра маскарадъ большой назначенъ.

ЮЛІАНА.

Насъ предали...

РАНЦАУ.

Не можетъ быть. Входитъ другой лакей.
Ты съ чѣмъ?

2-Й ЛАКЕЙ.

Къ ея величеству отъ королевы
Матильды — пажъ....

ЮЛІАНА.

Ко мнѣ, въ такую пору?

2-Й ЛАКЕЙ.

Онъ говоритъ, что съ очень спѣшнымъ дѣломъ.

ЮЛІАНА.

Не на виду-ль стоитъ карета графа?

2-Й ЛАКЕЙ.

Я на второмъ дворѣ всѣ экипажи,
Какъ было мнѣ приказано, поставилъ.

ЮЛІАНА.

Такъ этотъ пажъ не знаетъ, стало быть,
Кто у меня?

2-й лакей.

И въ голову не можетъ
Ему придти, чтобъ былъ здѣсь кто-нибудь.

ЮЛІАНА.

Такъ позови его. — Первому лакею. А ты проводишь
Гостей — въ большую мраморную залу.
Простите, господа, что заставляю
Васъ ждать. Я только выслушать должна
Посланье это; и потомъ, надѣюсь,
Мы будемъ совѣщанье продолжать.
Вотъ онъ идетъ. Скорѣе удалитесь. — Всѣ уходятъ.

СЦЕНА XVIII.

ЮЛІАНА, ПАЖЪ.

ПАЖЪ — подавая письмо.

Письмо отъ королевы...

ЮЛІАНА.

Очень важно
Оно, какъ думать надо. — Читаетъ. Время танцевъ
Давно ужъ миновало для меня...
Но это точно почеркъ королевы.
Она сама меня на праздникъ проситъ.
За нервы я свои боюсь... они
Разстроены; а воздухъ во дворцѣ
Такъ не хорошъ, такъ вреденъ мнѣ бываетъ...
Но подожди немного. — Пишетъ. Я пріѣду...
Отдаетъ письмо.
Возьми... но если хуже будетъ мнѣ,
То я прошу впередъ ужъ извиненья.
Теперь прощай. — Пажъ откланивается и уходитъ.
Нѣтъ! нѣтъ! я буду непремѣнно.
Предъ ними я не стану извиняться.
Не знаю я, чего они хотятъ,
Зачѣмъ зовутъ меня, но примиренья

Комедію могу я разыграть.
А если вдругъ осмѣлятся они —
Схватить меня... какіе пустяки. —
Они и здѣсь могли бы это сдѣлать.
Быть можетъ, время выиграть имъ нужно.
Мы это все сейчасъ обсудимъ... — Идетъ къ дверямъ, въ которыя вышли заговорщики, — и вдругъ останавливается.
Нѣтъ!...
Чего я жду? Зачѣмъ еще я медлю...
И мнѣ, какъ имъ, минута дорога.
Тотъ побѣдитъ, кто дѣйствовалъ быстрѣе,
И если мы — благопріятный мигъ
Упустимъ, всё погибло. Рѣшено!
Лишь догорятъ на пиршествѣ огни, —
Струэнзе жизнь и блескъ угаснутъ съ ними! — Отворяя двери.
Сюда, скорѣй! Читайте графъ; и вы — Показываетъ письмо королевы гр. Ранцау, который передаетъ его другимъ.

РАНЦАУ.

Какое-жъ вами принято рѣшенье?

ЮЛІАНА.

На праздникъ я поѣду, какъ и вы.
Мы всѣ должны тамъ находиться, — всѣ.
Забавъ двора мы прерывать не будемъ,
И юности веселья не смутимъ.
Но въ ту же ночь освободимъ отчизну
И отъ врага избавимся...

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Прекрасно!

РАНЦАУ.

Такъ завтра вы хотите — королева...

ЮЛІАНА.

Исполнить то, что мы рѣшили нынче. — Тихо къ Ранцау.
Разсчетъ мой вѣренъ, графъ. — Вслухъ другимъ. Теперь прошу
Прислушать, какъ на завтрашнюю ночь
Межъ вами я распредѣлила роли;
И каждый пусть запишетъ у себя, —
Чтò на него возложено... Заранѣ
Обдумала и взвѣсила я все, —

И перемѣнъ не сдѣлаю... Но память
Моя слаба, по временамъ, бываетъ,
Такъ я хочу, чтобъ письменно мой планъ
Изложенъ былъ. — Келлеру. Начните вы, полковникъ.

КЕЛЛЕРЪ.

Жду приказаній вашихъ, королева.

ЮЛІАНА — диктуетъ. Келлеръ записываетъ въ с
емъ бумажникѣ.

Предъ окончаньемъ бала, ровно въ часъ.

КЕЛЛЕРЪ — повторяя.

Предъ окончаньемъ бала, ровно въ часъ.

ЮЛІАНА — погруженная въ раздумье и не слушая е

Когда же балъ окончится... тогда...
Тогда...

Всѣ въ ожиданіи смотрятъ на королеву, занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Бальная зала.

Музыка. Маски и другіе гости проходятъ по сценѣ.

СЦЕНА I.

СТРУЭНЗЕ, КЕЛЛЕРЪ.

КЕЛЛЕРЪ.

Я все исполнилъ, какъ вы приказали. —

СТРУЭНЗЕ.

Благодарю, полковникъ. Осторожность
Не повредитъ. Я радъ, что въ эту ночь
Всѣ караулы полкъ вашъ занимаетъ.
Я только вамъ столицы безопасность
Могу безъ страха ввѣрить...

КЕЛЛЕРЪ.

Вѣрной службой
Я оправдать надѣюсь этотъ отзывъ...

СТРУЭНЗЕ.

Мнѣ кажется, спокойно все теперь,
И мятежа затихли отголоски?

КЕЛЛЕРЪ.

Вполнѣ!

СТРУЭНЗЕ.

Какимъ все дышетъ здѣсь весельемъ!
Въ забавахъ страхъ недавній позабытъ.
Но нѣтъ еще одной желанной гостьи,
Нѣтъ королевы Юліаны здѣсь... Трубы и литавры.

КЕЛЛЕРЪ.

Едва-ль не возвѣщаютъ эти звуки
Ея пріѣздъ...

СТРУЭНЗЕ.

Да, точно. Вотъ она!
На встрѣчу ей скорѣе... Уходитъ поспѣшно.

КЕЛЛЕРЪ.

Въ этотъ залъ —
Вошла твоя погибель вмѣстѣ съ нею.
О ночь давно желанная! Врага —
Ты роскошью и нѣгой убаюкай,
Чтобъ тихою, неслышною стопою
Подкралась месть кровавая къ нему!
Отходитъ въ глубину сцены.

ГОЛОСА.

Мѣста королевѣ! Мѣста!

СЦЕНА II.

ЮЛІАНА, МАТИЛЬДА, ГУЛЬДБЕРГЪ, придворныя дамы.

ЮЛІАНА — Матильдѣ.

Да!.. Вы ко мнѣ немилосердны были,
Меня на этотъ праздникъ пригласивъ.
Лишь юности въ такихъ увеселеньяхъ
Простительно отраду находить.
Въ мои лѣта приличнѣе молитва
Иль тихій сонъ, въ столь поздніе часы.

МАТИЛЬДА.

Чего вамъ это стоило — пріѣхать
На праздникъ нашъ, — я знаю, королева.
Но если ужъ угодно было вамъ
Склонить свой слухъ къ моей усердной просьбѣ,
То не раскаявайтесь въ этомъ. — Балу
Блескъ придаетъ лишь ваше посѣщенье.

ЮЛІАНА.

О! нѣтъ, о нѣтъ!.. Вы—праздника царица,
Какъ и страны... Весь блескъ его отъ васъ.
И точно, вы еще прекраснѣй стали —
Еще свѣжѣй! Вы разцвѣли какъ роза.
Но странно мнѣ. У сына моего,
У короля была я; какъ печаленъ,
Какъ блѣденъ онъ! Я говорю, мнѣ странно:
Здѣсь вижу я веселость и здоровье,
Тамъ грустный взоръ и блѣдность мертвеца!

МАТИЛЬДА.

И этотъ взоръ, повѣрьте мнѣ, не можетъ
Васъ огорчать сильнѣе — чѣмъ меня.
Но если мнѣ печаль еще досель
Согнать съ лица румянца не успѣла,
Тому виною молодость моя,
Съ которой ей бороться приходилось!
Не много лѣтъ еще такой борьбы,
И съ торжествомъ мои враги увидятъ,
Какъ, блѣдная, сойду въ могилу я.

ЮЛІАНА — не слушая.

Да... да... король, какъ видно, въ эти дни
Не мало огорченій перенесъ.

МАТИЛЬДА — едва сдерживая гнѣвъ.

Не въ эти дни... Въ дни дѣтства своего. —
Съ тѣхъ поръ скорбитъ душа его больная!

ЮЛІАНА.

Какъ васъ понять?

МАТИЛЬДА.

Въ странѣ идетъ молва,
Что принялъ ядъ онъ въ дѣтствѣ...

ЮЛІАНА — перебивая.

Тише!
Все это сказки нянекъ...

МАТИЛЬДА.

Нянекъ —да.
Вѣдь нянька разболтала всѣмъ, —*кто* ядъ
Ему въ лекарство влилъ...

ЮЛІАНА.

Ужъ если вы
На низкія свидѣтельства рабовъ,
На сплетни ихъ презрѣнныя такъ падки...
То подождите-жъ!.. Опомнившись. Общее веселье
Смущаемъ мы серьезнымъ разговоромъ.
Царицу бала ждутъ давно, а я...
Я все еще васъ къ сердцу не прижала...
Простите мнѣ... Пока Матильда подходитъ къ ней нетвердымъ шагомъ, — про себя.
Твой ядъ я возвращаю
Тебѣ назадъ...

МАТИЛЬДА.

Мнѣ измѣняютъ силы! Входитъ Брандтъ.

БРАНДТЪ — къ Матильдѣ.

Сейчасъ второй начаться долженъ танецъ.

МАТИЛЬДА — къ гр. Ульфельдъ.

Я танцовать его желаю съ принцемъ.

Гр. Ульфельдъ уходитъ.

ЮЛІАНА.

Горжусь я, что на сына моего
Вашъ выборъ палъ... Про себя. Она меня не слышитъ.—
Какъ видно, ей ужъ слишкомъ глубоко
Стрѣла моя вонзилась въ сердце...

ГРАФИНЯ УЛЬФЕЛЬДЪ — входя.

Принцъ...

ЮЛІАНА.

Мой сынъ васъ ждетъ...

МАТИЛЬДА.

Какая мука! Боже! Юліанѣ.
Позвольте, васъ просить—со мною въ залъ.

Уходятъ.

СЦЕНА III.

КЕЛЛЕРЪ, ГУЛЬДБЕРГЪ.

КЕЛЛЕРЪ.

Вѣрь поцѣлую этому, Матильда!

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Не громко! Насъ подслушать могутъ здѣсь.

КЕЛЛЕРЪ.

Гдѣ графъ Ранцау?

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Я не нашелъ его.

КЕЛЛЕРЪ.

Не въ рыцарскомъ ли залѣ...

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Нѣтъ и тамъ.

КЕЛЛЕРЪ.

Чтò если намъ онъ измѣняетъ, Гульдбергъ?

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Не слишкомъ ли поспѣшны вы, полковникъ?
Положимъ, я замѣтилъ, какъ и вы,
Что завистью его пылали взоры,
Что полонъ былъ онъ злобы затаенной,
Когда ея величество свой планъ
Намъ диктовать изволила... конечно,
Онъ ничего бы лучшаго придумать
Не могъ и самъ; но такъ какъ всё идетъ
Не отъ него, и онъ передъ народомъ
Не явится отечества отцомъ,
То, можетъ быть, ему ужъ ненавистно
И самое спасеніе страны.
Но предавать онъ все-таки не станетъ,
Чтобъ не могла исторія сказать,
Что духъ его дворянскій до измѣны
Унизился;—онъ празднымъ оставаясь
Въ подобный мигъ,—лишь испугать насъ хочетъ
И доказать—какъ онъ необходимъ;
Герой нашъ убѣжденъ, что безъ него
Упустимъ мы удобную минуту.
Конечно, онъ надѣется потомъ
Стать во главѣ задуманнаго дѣла
И за собой насъ повести; межъ тѣмъ
Какъ въ эту ночь—велѣньямъ королевы
Онъ долженъ подчиниться безусловно.

КЕЛЛЕРЪ.

И подчинится! Если-жъ въ три часа
Онъ на посту назначенномъ не будетъ,
То я даю вамъ слово, что велю
Его тащить изъ спальни—кирасирамъ.
Я командиръ полка, и доказать
Берусь его сіятельству, что громче
Оружіе звучитъ, чѣмъ титулъ графа,
И что когда приказываю я,
Онъ слушаться обязанъ, какъ другіе.

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Вернемся въ залъ, полковникъ. Подозрѣнье
Нашъ разговоръ, пожалуй, возбудитъ.

КЕЛЛЕРЪ.

Ступайте вы, я поищу Ранцау,
Меня его отсутствіе тревожитъ.

Расходятся въ противоположныя стороны.

СЦЕНА VI.

МАТИЛЬДА, СТРУЭНЗЕ — выходятъ изъ средней двери.

Передъ ихъ приходомъ, изъ боковой двери появляется маска; она кого-то ищетъ и не найдя никого, быстро возвращается въ залъ.

МАТИЛЬДА.

Нѣтъ! не могу я дольше выносить!
И отъ толпы,—отъ этого веселья
Куда-нибудь укрыться я должна.
Не слѣдуетъ ли кто-нибудь за мною?...
Нѣтъ никого? Ну слава Богу! Здѣсь
Могу я плакать!—Жгучими слезами
Я эти цѣпи вытравить могу,
Мучительныя цѣпи, принужденья,
Чтò рѣжутъ мнѣ и давятъ сердце... Нѣтъ!
Я притворяться болѣе не въ силахъ.
Въ глазахъ моей противницы читаю
Я ненависть; и льстивыя слова,
Что сынъ ея мнѣ щедро расточаетъ,
Скрываютъ ядъ... Признаться-ль вамъ? Друзей—
И тѣхъ подозрѣвать я начинаю!
А я должна веселой быть... когда
Вокругъ меня предательствомъ все дышетъ!

СТРУЭНЗЕ.

Въ груди ея нѣтъ сердца... Чуждо ей
Всё, чтò людей волнуетъ и счастливитъ...
Иначе не могла-бъ она на васъ,
Которую сегодня окружаетъ,
Какъ ореолъ, всеобщая любовь,
На васъ, красой блистающую чистой,

Смотрѣть—и не склониться передъ вами,
Вражду въ себѣ и злобу заглушивъ,
Не принести вамъ въ жертву, съ умиленьемъ,
Раскаянья исполненнаго сердца...

МАТИЛЬДА.

Нѣтъ, нѣтъ, она не хочетъ, чтобы я
Блистала, чтобъ меня еще любили.
Увидѣть ей хотѣлось бы меня
Покинутой, страдающей и блѣдной...
О! какъ ужасно,—еслибъ знали вы,
Какъ тяжко—ненавидимою быть!

СТРУЭНЗЕ.

Уже-ль къ себѣ вы ненависть одну
Внушаете, и только, королева?
Мнѣ-жъ кажется, что будто все созданье
Любовью къ вамъ безмѣрной пламенѣетъ!
Богини древней поясъ не утраченъ,
Но вѣчно юной прелестью блистая,
Станъ обвиваетъ царственной жены,
Чтó предо мной стоитъ,—вокругъ себя
На все, и свѣтъ и радость изливая...
Смотрите, вотъ въ волнахъ ея кудрей
Такъ радостно трепещетъ бриллiантъ...
А на груди—горитъ рубинъ восторгомъ...
И роза—тамъ, у сердца, такъ свѣжа,
Какъ-бы ее несла родная вѣтка...
Она цвѣтетъ, благоухаетъ, дышетъ!
И сорванному, мертвому цвѣтку
Волшебной силой—жизнь вы сообщили!
Все, все, что здѣсь живетъ, любовью къ вамъ
Полнó!... Не отвращайте взора...
Васъ ненависть пугаетъ,—неуже-ль
Вы покарать хотите и любовь,
Ее отринувъ?... О! когдабъ вы знали,
Чтó въ этомъ сердцѣ.

МАТИЛЬДА.

Все я угадала....

СТРУЭНЗЕ.

Такъ пусть оно раскроется вполнѣ

Предъ вами,—какъ раскрылась эта роза
Подъ кроткими лучами вашихъ глазъ....
Дозвольте мнѣ сказать вамъ, какъ боролись
Отчаянье, сомнѣнье и надежды
Въ груди моей....

МАТИЛЬДА.

Молчите.... знаю все....

СТРУЭНЗЕ.

Вы знаете?... И можете прощать,
И на меня смотрѣть еще вы въ силахъ?
Васъ не страшатъ безумія черты?
Вы съ ужасомъ отъ нихъ не отвернетесь?...

МАТИЛЬДА.

Я бы должна виновнымъ васъ признать,
Но не могу, не въ силахъ это сдѣлать.....
И потому сама теперь виновна!
Я бы должна признать виновнымъ васъ,
Но я виню свое больное сердце,
Что послѣ долгой скорби и тоски
Довѣрчиво, въ отвѣтъ на ваше, билось.
Виню судьбу, которая меня
Оторвала отъ милой мнѣ отчизны,
И бросила на этотъ островъ чуждый,
Гдѣ я жила безъ дружбы, безъ совѣта,
Покамѣстъ ихъ не встрѣтила я въ васъ.
Вы у меня одинъ лишь другъ,—и мнѣ
Васъ потерять... О! развѣ вы не знали,
Что королевы вѣрности одной
Лишь требуютъ.... А вы рѣшились.... Нѣтъ!
Не назову я этого.... а еслибъ
Я назвала,—то не должна прощать!

Придворныя дамы показываются въ дверяхъ. Она быстро идетъ имъ на встрѣчу, Струэнзе провожаетъ её до середины сцены, потомъ возвращается.

СЦЕНА V.

СТРУЭНЗЕ — одинъ, смотря ей во слѣдъ.

Величіемъ подобная богинѣ,
Идетъ она! Какъ царственна во гнѣвѣ,
Прощая—какъ божественно-добра!
И вотъ ей всё извѣстно стало. Камень
Съ души моей скатился... и могу
Я предъ самимъ собой не лгать. Не нужно
Теперь мнѣ взоръ смущенный потуплять,
Она узнала всё!... Умри счастливецъ!
Ты жилъ!

СЦЕНА VI.

СТРУЭНЗЕ и бѣлая МАСКА. — Струэнзе хочетъ войти въ залу, маска идетъ къ нему на встрѣчу.

МАСКА.

Графъ!

СТРУЭНЗЕ.

Не меня-ль ты ищешь, маска?

МАСКА.

Васъ—графъ Струэнзе; васъ!

СТРУЭНЗЕ.

Чего-жъ ты хочешь?

МАСКА.

Предупредить васъ....

СТРУЭНЗЕ.

Ты не первый нынче....

МАСКА.

За-то послѣдній.—Это вѣрно, графъ.

СТРУЭНЗЕ.

Не мудрено. Вѣдь день идетъ къ концу.
Ну, говори, что тамъ еще такое?

МАСКА.

Опасность вамъ грозитъ.

СТРУЭНЗЕ.

Я это знаю.

МАСКА.

И очень скоро, графъ.

СТРУЭНЗЕ.

Что-жъ, можетъ быть...

МАСКА.

Какъ? Только «можетъ быть».... Вы такъ безпечны?

СТРУЭНЗЕ.

Но кто-жъ сказалъ тебѣ, что я боюсь
Опасности? Я очень радъ, напротивъ—
Лицомъ къ лицу съ ней нынче повстрѣчаться.

МАСКА.

Я не такимъ васъ нахожу, какимъ бы
Найти былъ долженъ.

СТРУЭНЗЕ.

Я же нахожу
Себя такимъ—какимъ я быть желаю.

МАСКА.

Отважны вы... Я думалъ, боязливость
Въ васъ встрѣтить, графъ....

СТРУЭНЗЕ.

Отвага—признакъ счастья.

МАСКА.

Не видно вамъ—разставленныхъ сѣтей!
Счастливымъ вы себя не называйте—
Пока надъ вами солнце не взошло.

СТРУЭНЗЕ.

Но кто же ты? Кончай свои загадки.

МАСКА.

Ктобъ ни былъ я,—не другъ я вашъ...

СТРУЭНЗЕ.

Теперь
Тебя я знаю....

МАСКА.

Знаете иль нѣтъ,
Но моего послушайте совѣта.
Спастись вамъ, я одно лишь средство вижу....

СТРУЭНЗЕ.

И средство то?

МАСКА.

Сейчасъ же къ королю
Вы подойдите.—Онъ игрою занятъ,
И передъ всѣмъ дворомъ, ему скажите,
Что просите—отъ должности министра
Уволить васъ. Придумайте предлогъ,
Какой хотите,—только поскорѣе
Отъ почестей, отъ званья откажитесь,
Которое, къ несчастію страны,
Вы носите.... Мгновенно отъ себя
Отбросьте все,—и дальше—какъ одежду,
Пропитанную ядомъ.

Струэнзе, бросивъ на маску презрительный взглядъ, хочетъ уйти, маска беретъ его за руку.

Вы идете?

СТРУЭНЗЕ — хватаясь за шпагу.

Не безоруженъ я....

МАСКА.

Не опасайтесь....
Не это васъ оружіе сразитъ.
Еще одно лишь слово.... Вы, я знаю,
Считаете на милость короля.
Но вѣрьте, что его расположенье
Легко поколебаться можетъ....

КАММЕРГЕРЪ — входя изъ залы, къ Струэнзе.

Графъ,

Его величество васъ ожидаетъ
На партію...

СТРУЭНЗЕ.

Ты слышишь, что играть
Иду я съ тѣмъ, кто гибели моей
Причиной долженъ быть. Спасибо, маска,
За доброе твое предупрежденье;
Но кажется, что нынче я въ накладѣ
Не буду; кто играетъ съ королями,
Тотъ проиграть не можетъ....

СЦЕНА VII.

РАНЦАУ — одинъ, снимая маску.

Потому
Ты и погибъ, что *ими* ты играешь!
Спѣшитъ! и ждетъ открытаго возстанья
При свѣтѣ дня; измѣны же ночной
Онъ даже не предчувствуетъ, несчастный;
А я?... попался въ сѣти Юліаны
И похожу, быть можетъ, на пловца,
Крушенье потерпѣвшаго, который
За тѣмъ лишь волнъ свирѣпыхъ избѣжалъ,
Чтобъ о скалу спасенія разбиться....

СЦЕНА VIII.

РАНЦАУ, КЕЛЛЕРЪ, потомъ ГУЛЬДБЕРГЪ.

КЕЛЛЕРЪ.

Насилу-то нашелъ я васъ.... Поздненько!...

РАНЦАУ.

Ко мнѣ ли ваша рѣчь обращена?

КЕЛЛЕРЪ.

Къ вамъ, графъ Ранцау.

РАНЦАУ.

Но кто-жъ, полковникъ, учитъ
Васъ требовать отчета отъ меня?...

КЕЛЛЕРЪ.

А васъ кто учитъ медлить, несмотря
На то, что королева приказала
До полночи собраться всѣмъ на балъ.

РАНЦАУ.

Я такъ хотѣлъ, а потому и медлилъ.

КЕЛЛЕРЪ.

Но въ этотъ часъ рѣшительный — принять
Медлительность не трудно за измѣну.

РАНЦАУ.

Я далъ бы вамъ отвѣтъ, когда-бъ не мѣсто,
Гдѣ съ вами мы находимся... Оно
Спасаетъ васъ...

КЕЛЛЕРЪ.

Чтожъ! Это мѣсто мы
Оставить можемъ, и тогда не будетъ
Препятствій къ объясненью.

РАНЦАУ.

Я готовъ.

ГУЛЬДБЕРГЪ — слушавшій этотъ разговоръ, выступаетъ впередъ.

Обдумайте, достойнѣйшіе люди,
Въ какой вы мигъ,—въ задуманное дѣло
Хотите раздѣленіе внести...
Вы — наши два главнѣйшіе вождя!

Къ Келлеру.

И развѣ вы не видите, полковникъ,
Что графъ давно ужъ въ маскѣ здѣсь ходилъ?

Къ Ранцау.

Простите, графъ, излишнее усердье
И свойственную воину горячность...
Онъ васъ узнать не могъ... извѣстно всѣмъ,
Что никогда вы не носили маски.

РАНЦАУ — про себя.

Лиса!

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Могу-ль я льстить себя надеждой,

Что примирить двухъ доблестныхъ мужей
Мнѣ счастье нынче выпадетъ на долю?

РАНЦАУ.

Я не сержусь.

КЕЛЛЕРЪ.

Вотъ вамъ моя рука.

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Ну, слава Богу. Все остаться можетъ
По прежнему; и ровно въ три часа,
Согласно приказаньямъ королевы,
Къ рѣшеткѣ мы дворцовой соберемся.

РАНЦАУ — Гульдбергу.

Достали-ль ключъ отъ спальни короля?

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Все сдѣлано. Прислугу подкупили...

РАНЦАУ.

Не позабудьте вó-время, полковникъ,
Вы часовыхъ снять съ главнаго двора.

КЕЛЛЕРЪ.

Не бойтесь; я не измѣню приказу,
Лишь будьте вы, гдѣ слѣдуетъ вамъ быть.

Музыка и шумъ въ залѣ. Изъ зала выходятъ маски.

А! вотъ и королева уѣзжаетъ.

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Заглянемъ въ залъ, и поспѣшимъ потомъ
На пиръ иной...

МАСКИ.

Король игру окончилъ.
Пора домой. Прощайте, доброй ночи!

Расходятся въ разныя стороны.

Перемѣна.

Передъ зàмкомъ въ Христіансбургѣ. Зàмокъ представляетъ большое зданіе съ двумя боковыми флигелями. Средняя часть зàмка еще освѣщена. Огни мало-по-малу гаснутъ. Сначала по сценѣ проходятъ бальные гости и маски; потомъ сцена пустѣетъ. Входятъ Струэнзе и Дэтлевъ. Впереди ихъ идутъ слуги съ факелами.

СЦЕНА IX.

СТРУЭНЗЕ, ДЭТЛЕВЪ.

СТРУЭНЗЕ.

Какъ я сказалъ, мой Дэтлевъ, такъ и есть.
Я въ караулъ велѣлъ назначить нынче
Испытанныхъ и преданныхъ солдатъ.
Полкъ Келлера столицу охраняетъ,
И стало быть не страшны намъ враги.

ДЭТЛЕВЪ.

Вы Келлеру ввѣряетесь напрасно.

СТРУЭНЗЕ.

Ты и друзей моихъ подозрѣвать
Ужъ нынче сталъ. Ранцау и королевы
Боялся ты сначала, а теперь
Тебя страшитъ и Келлеръ! Но зачѣмъ
На балѣ ты, растерянный и блѣдный,
Меня искалъ повсюду? Чтó тебя
Тревожитъ такъ? Скажи мнѣ. Ты дрожишь?

ДЭТЛЕВЪ — **падая передъ нимъ на колѣни и обнимая его ноги.**

О! властелинъ мой дорогой, простите
Мнѣ эти опасенья.... Но они
Мнѣ внушены самими небесами!

СТРУЭНЗЕ.

Ты внѣ себя... Ты чѣмъ-то потрясенъ?

ДЭТЛЕВЪ.

Я видѣлъ сонъ.... нѣтъ, то не сонъ, не грёзы —
Я видѣлъ все, какъ вижу васъ теперь....

СТРУЭНЗЕ.

Ну, разскажи мнѣ этотъ сонъ; быть можетъ,
Ты успокоишься.... Но какъ не стыдно,
Мой умный Дэтлевъ, вѣрить снамъ пустымъ!

ДЭТЛЕВЪ.

Вы знаете, намъ не пришлось сомкнуть
Ни на минуту глазъ прошедшей ночью.
И потому я ныньче былъ не въ силахъ
Преодолѣть себя. Внезапнымъ сномъ объятъ,
Увидѣлъ я, что будто передъ зáмкомъ
Я нахожусь; онъ весь огнями залитъ,
Въ немъ звуки бальной музыки гремятъ,
И слышенъ смѣхъ и говоръ пестрыхъ масокъ....

СТРУЭНЗЕ.

То маскарадъ былъ нынѣшній.

ДЭТЛЕВЪ.

Но вдругъ
Затихли звуки — и огни погасли....
И мракъ насталъ.... и много, много мимо
Меня людей куда-то шло.... и самъ
Я увлеченъ былъ наконецъ потокомъ....
Вотъ разсвѣло.... Толпа все молча шла....
И шла впередъ.... пока не очутилась
У городскихъ воротъ; и я себя
Не увидалъ на томъ ужасномъ мѣстѣ,
Гдѣ отсѣкаютъ голову убійцамъ....
Тамъ красные подмостки возвышались,
Огромный ножъ лежалъ на черной плахѣ,
И узенькая лѣстница вела —
На эшафотъ... Тоска мнѣ сжала сердце,
И обернулся я назадъ... но тутъ
Передо мною шествіе предстало...
Торжественно и медленно оно
Тянулось; королева Юліана
Шла впереди, держа кровавый скипетръ.
Ее сопровождали: графъ Ранцау
И Келлеръ, и еще другія лица,
Которыхъ не умѣю я назвать.
И руки простирая, всѣ они

На одного указывали злобно...
А тотъ одинъ, съ поникшей головой,
Шелъ въ самой серединѣ между ними.
И видѣлъ я, какъ женщины и дѣти
Ему въ лицо старались заглянуть,
Я слышалъ, какъ мужчины повторяли:
Вотъ онъ, вотъ онъ...

СТРУЭНЗЕ.

И кто же это былъ?

ДЭТЛЕВЪ.

Я разглядѣть не могъ его лица,
Но образъ былъ какъ будто мнѣ знакомый...
Въ одеждѣ шелъ онъ свѣтло-голубой,
Серебрянными звѣздами сверкавшей.
Но вотъ его раздѣли, онъ вошелъ
По лѣсенкѣ той узкой на подмостки,
И на колѣни сталъ... Раздался трескъ:
То гербъ надъ головой его ломали...
Потомъ его схватилъ не знаю кто,
Я ничего не видѣлъ... потому,
Что въ этотъ мигъ спустился мракъ на землю,
Глубокій мракъ... но вдругъ блеснуло что-то...
То мечъ блеснулъ... я чувствую, какъ мнѣ
Горячая на грудь упала капля
И сердце жжетъ... Я вижу — голова,
Кровавая, къ ногамъ моимъ катится.
Я совладать съ собой не въ силахъ,—тянетъ
Меня взглянуть на мертвое лицо—
Того, кого я зналъ... и вотъ, когда,
Отъ ужаса дрожащій,—прикоснулся
Я къ тёмнымъ окровавленнымъ кудрямъ...
То увидалъ...

СТРУЭНЗЕ.

Стой! Дэтлевъ, стой!

ДЭТЛЕВЪ.

Нѣтъ! Вы—благодаренье Богу—живы...
Вы живы! Голова была не ваша!

СТРУЭНЗЕ.

Я живъ, мой другъ... Оставь напрасный страхъ.
Хотя враги и замышляютъ злое,
Но всё-жъ топоръ оружіемъ своимъ
Не изберетъ ихъ ненависть... Другія
У нихъ нашлись бы средства, и не вѣрю
Я, чтобъ могло до этого дойти...
Я смерти не предчувствую. Впередъ
Смотрю я бодро... Съ юношеской силой,
Во мнѣ, къ добру стремленьемъ сердце бьется
И не боится призраковъ пустыхъ!

ДЭТЛЕВЪ.

Читалъ я въ книгахъ, что другіе тоже
Не вѣрили—когда предостеречь
Хотѣли ихъ... Пока не научило
Ихъ сожалѣнью позднему—убійство.

СТРУЭНЗЕ.

Вѣщунъ мой, вѣрь, что эта ночь не то,
Чѣмъ были *иды марта!* Подожди,
И завтра я всѣ эти опасенья
Тебѣ напомню, какъ проснешься ты.

Уходитъ въ правый флигель. Слуги съ факелами слѣдуютъ за нимъ.

ДЭТЛЕВЪ — одинъ.

Я буду сторожить тебя всю ночь!

Уходитъ за нимъ.

СЦЕНА X.

После короткаго промежутка входитъ КЕЛЛЕРЪ, съ нѣсколькими офицерами; потомъ ГУЛЬДБЕРГЪ.

КЕЛЛЕРЪ.

Здѣсь ожидать должны мы королеву.
Который часъ?

ОФИЦЕРЪ.

Давно ужъ два пробило.

КЕЛЛЕРЪ.

Ты недалёкъ—давно желанный мигъ!
Я факелы тамъ вижу... Это Гульдбергъ.

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Полковникъ?

КЕЛЛЕРЪ.

Я.—Но гдѣ же королева?

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Она идетъ...

СЦЕНА XI.

Тѣже, ЮЛІАНА, которую ведетъ РАНЦАУ.

ЮЛІАНА — къ слугамъ, за сценой.

Вы съ факелами стойте
Вдали... Покамѣстъ васъ не позовутъ.

Къ Келлеру.

А! Вы ужъ здѣсь, достойный мой полковникъ:
На ваше слово можно положиться.—
Какая ночь прекрасная! Какъ много
На небѣ звѣздъ... но холодно немного...

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Озябли вы...

ЮЛІАНА.

О! Боже сохрани...
Не только не озябла... Я горю.—

Къ Ранцау.

Припомнимъ, графъ, чтó предстоитъ намъ сдѣлать.
Мы съ вами къ королю пойдемъ, и если
Ему угодно будетъ снизойти —
На просьбы наши, если повелѣнье
Схватить враговъ подпишетъ онъ, — скорѣй
Вы Кёллеру бумагу передайте,
Чтобъ въ тотъ же мигъ къ мѣщанскому министру
Онъ поспѣшилъ... А вы арестовать
Обязаны британскую принцессу,

Которая отнынѣ не должна
Именоваться датской королевой.

РАНЦАУ.

Идемте-же...

ЮЛІАНА.

Вы такъ нетерпѣливы?
Когда пробьетъ урочный часъ — пойдемъ.—
Пусть крѣпче наши жертвы дорогія
Заснутъ, чтобъ имъ ничто не возвѣстило
О гибели, которая ихъ ждетъ.—

Въ отдаленіи, церковные часы бьютъ три.

Чу! Бьютъ часы... Пробило! три! пора!
Идемъ! Свѣтите!.. Помоги намъ Боже!

Уходятъ въ среднее зданіе, за исключеніемъ Гульдберга и офицеровъ.

СЦЕНА XII.

КЕЛЛЕРЪ, офицеры, потомъ ДЭТЛЕВЪ.

КЕЛЛЕРЪ — офицерамъ.

Какъ я уже сказалъ вамъ, господа,
Въ связи онъ съ королевою Матильдой,
И королю опасность угрожаетъ.

ОФИЦЕРЫ.

Проклятіе измѣннику!

КЕЛЛЕРЪ.

И гибель!
Да! гибели ему не избѣжать.
Какъ только лозунгъ—«Данія»—на вѣки
Отъ сна его разбудитъ, для него —
Всё кончится.—Скорѣй бы возвращался
Сюда Ранцау—съ приказомъ короля.

ДЭТЛЕВЪ отворяетъ дверь лѣваго флигеля

КЕЛЛЕРЪ.

Кто это ходитъ тамъ...

ДЭТЛЕВЪ.

Что здѣсь за шумъ?

КЕЛЛЕРЪ.

Мы преданы!

ДЭТЛЕВЪ — узнавъ его.

Вы, господинъ полковникъ?
Здѣсь? Въ этотъ часъ... но развѣ чтó случилось?
Скажите ради Бога...

КЕЛЛЕРЪ — про себя.

Вотъ когда—
Нужна рѣшимость. Вслухъ. Ключъ давай скорѣе
Отъ спальни господина твоего.

ДЭТЛЕВЪ.

Ключъ? Въ эту пору? никогда!

КЕЛЛЕРЪ.

Ты смѣешь!
Мы отъ его величества...

ДЭТЛЕВЪ.

Вы лжёте!
Людей вооруженныхъ по ночамъ
Къ министрамъ короли не посылаютъ.

КЕЛЛЕРЪ.

Я говорю тебѣ... коль дорожишь ты жизнью,
Сейчасъ же — ключъ...

ДЭТЛЕВЪ.

Угрозы мнѣ не страшны!..
Всю кровь за господина моего!
Не перейти вамъ этого порога
Пока я живъ...

КЕЛЛЕРЪ.

Такъ издыхай, мальчишка!
Закалываетъ его шпагой.

ДЭТЛЕВЪ — падая на ступени крыльца.

Предательство, измѣна!

КЕЛЛЕРЪ.

Какъ не кстати.
Тамъ графъ замедлилъ...

СТРУЭНЗЕ — въ домѣ.

Эй! огня скорѣе!

КЕЛЛЕРЪ.

Проклятіе! Струэнзе!

СТРУЭНЗЕ — со шпагой и факеломъ выходитъ изъ дома.

Голоса
Я слышалъ здѣсь. Увидя трупъ Дэтлева. Что это? трупъ? О Боже—
Мой Дэтлевъ, милый Дэтлевъ мой!..
Не мнѣ-ль назначенъ былъ ударъ, который
Тебя сразилъ... Но кто же это сдѣлалъ,—
Гдѣ твоего убійцу я найду?!

КЕЛЛЕРЪ — рѣшительно, выступая впередъ.

Предъ вами онъ и требуетъ, чтобъ шпагу
Ему свою вы отдали. Король
Васъ приказалъ подъ стражу взять.

СТРУЭНЗЕ.

Что жъ—это?
Какія силы тёмныя со мной
Такъ страшно шутятъ нынче? Келлеръ, другъ мой?..

КЕЛЛЕРЪ.

Друзей себѣ—напрасно не ищи
Ты въ Даніи теперь, измѣнникъ гнусный;
Ты удивленъ,—что скоро такъ награды
Достойной—за дѣла свои дождался?
Плоды позорной жизни въ ночь одну
Созрѣли, и отъ имени монарха
Я прихожу—тебя арестовать.

СТРУЭНЗЕ.

Арестовать? Меня? Но повелѣнья
Отъ имени монарха только я
Даю въ странѣ—и болѣе никто.—
Гдѣ ордеръ, покажите.

Келлеръ отступаетъ къ офицерамъ. Смущеніе на всѣхъ лицахъ.

Гдѣ ордеръ?
Что-жъ ты молчишь, проклятый лицемѣръ?
Я такъ и зналъ. Дерзнулъ ты самовластно
Ночной кровавый подвигъ предпринять,
И съ наглостью неслыханною имя
Священное монарха осквернивъ,—
Врага хотѣлъ опутать сѣтью тайной.
Прочь отъ меня! Я разорву мгновенно
Всю эту паутину... Къ королю!

КЕЛЛЕРЪ — загораживая ему дорогу.

Ни шагу ты не сдѣлаешь отсюда!

СТРУЭНЗЕ.

А! если такъ... то я съ тобой теперь—
Напрасныхъ словъ не стану больше тратить.
Адъ у тебя кипитъ въ лукавомъ сердцѣ!
Я сознаю, какъ былъ я ослѣпленъ,
Когда, друзей совѣты отвергая,
Въ твоихъ глазахъ я льстивыхъ не хотѣлъ—
Души коварной видѣть отраженья.—

Къ офицерамъ.

Къ вамъ, господа, въ смущеньи здѣсь стоящимъ
Вокругъ того, кто на себя навлечь
Небесный громъ злодѣйствомъ страшнымъ долженъ,
Къ вамъ, Даніи достойные сыны,
Я обращусь... вы лишь въ бою открытомъ,
Лишь на враговъ отчизны обнажать
Привыкли мечъ; а здѣсь васъ подстрекаютъ
На тайное убійство и хотятъ,
Чтобъ замолчать заставили вы право.
Одумайтесь! На что̀ рѣшились вы...
Коварныя васъ обманули рѣчи;
Но на меня—не ослѣпленнымъ взоромъ,
Какъ вы, глядитъ монархъ мой. Знаетъ онъ,
Что это сердце вѣрное желаетъ
Лишь блага и величія странѣ.—
Мой духъ, въ своемъ полетѣ смѣломъ къ цѣли,
Былъ окрыленъ довѣрьемъ короля.
Что̀ я низвергъ, низвергъ его лишь волей—
Что̀ создалъ —создалъ силою его!
Моей—была его престола слава—
Мнѣ солнцемъ былъ—его короны блескъ,—

Въ союзѣ съ нимъ, и въ бѣдствіяхъ, и въ счастьи,
Я былъ всегда... и твердо вѣрю я,
Что и теперь меня онъ не покинетъ.
Какъ за него держусь я, точно также
И за меня онъ держится.—Къ нему!
Къ нему скорѣй! Его правдивый судъ—
Враговъ моихъ всѣ замыслы разрушитъ. —

Онъ поспѣшно направляется къ зàмку, офицеры даютъ ему дорогу. Келлеръ стоитъ уничтоженный. У рѣшетки зàмка показывается РАНЦАУ съ бумагой въ рукѣ.

РАНЦАУ — останавливая Струэнзе.

Куда?

СТРУЭНЗЕ.

Къ монарху!

РАНЦАУ.

Тщетный трудъ... Побѣда
Досталась намъ. Отдаетъ Келлеру приказъ.

КЕЛЛЕРЪ — показывая Струэнзе бумагу.

Ну, временщикъ,—прочти,
Какъ разсудилъ монархъ твой. Офицерамъ. Взять его!
Офицеры окружаютъ Струэнзе, который стоитъ неподвижно съ опущеннымъ взоромъ.
Ты слышалъ? Что-жъ,—стоишь? Готовъ-ли ты?..

СТРУЭНЗЕ — отдавая ему свою шпагу и поднявъ глаза къ небу.

Туда? Покинулъ пристань мой корабль!
Въ тотъ край ему попутный дуетъ вѣтеръ.

А. Плещеевъ.

ЖЕНЩИНЫ

АМЕРИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Американская революція имѣла прямое и сильное вліяніе на развитіе политической свободы въ Европѣ. Французская революція 1793 года была эхомъ американской. Лафайетъ и французскія войска — союзники американцевъ въ войнѣ за независимость, перенесли во Францію идеи равенства и свободы. Американская конституція послужила во многихъ статьяхъ своихъ образцомъ французской. Но американская революція достигла несравненно болѣе плодотворныхъ и прочныхъ результатовъ, чѣмъ французская; она положила основаніе могущественной федеративной республикѣ, вышедшей недавно побѣдительницею изъ страшной междоусобной войны, которая погубила бы любую европейскую монархію. Благосостояніе и силы этой республики ростутъ годъ отъ года и составляютъ предметъ зависти Стараго Свѣта. Америка — обѣтованная страна для каждаго, кому нѣтъ мѣста въ Старомъ Свѣтѣ; тамъ мы найдемъ на практикѣ развитіе свободы, выработанное западной цивилизаціей въ теоріи. И несмотря на то великая эпоха американской революціи занимаетъ очень мало мѣста въ нашей литературѣ, и то исключительно съ исторической и политической стороны; тогда какъ мельчайшее событіе, характеристика даже самаго послѣдняго изъ дѣятелей французской революціи извѣстны у насъ со всѣми подробностями, мы очень мало знаемъ о внутренней, такъ-сказать домашней, сторонѣ американской революціи. Первая причина этому та, что исторія еще очень недавно перестала заниматься исключительно внѣшней стороной жизни народовъ, выдающимися личностями, ко-

торыя были представителями своей эпохи, политическими событіями и учрежденіями, и начала обращать вниманіе на тѣ источники, откуда эти личности черпали свои силы, на тѣ условія жизни народной, которыя дѣлали возможной ихъ дѣятельность, подготовляли почву, на которой могли бы привиться учрежденія. Въ то время, когда новый методъ разработки историческихъ вопросовъ принялся у насъ, американская революція по отдаленности эпохи была уже забыта; притомъ она не могла имѣть прямого вліянія на наше общество, которое не выходило изъ роли пассивнаго зрителя европейскихъ переворотовъ. Катаклизмъ революціи 1793 г. и періодически возобновлявшіяся потрясенія Франціи болѣе отражались на нашей жизни, но и то исключительно толками въ извѣстныхъ кружкахъ да болѣе или менѣе стѣснительными мѣрами; вслѣдствіе того вниманіе нашей литературы и обратилось преимущественно на перевороты Франціи, лишь только сдѣлалось возможнымъ болѣе или менѣе свободное и широкое обсужденіе ихъ въ печати. Другая причина лежитъ въ самыхъ условіяхъ американской революціи. Вслѣдствіе отдаленности колоній отъ метрополіи, американская революція не сопровождалась тѣми признаками, которые отличаютъ революціи Европы; она имѣла скорѣе характеръ народной войны за независимость. Въ Америкѣ не было кровавой трагедіи террора, не было изгнанной аристократіи, которая разнесла по всѣмъ дворамъ Европы іереміады своихъ бѣдствій, не было потрясеній трона, что могло бы заставить опасаться и другіе. Искаженныя яростью черты Немезиды, подъ которыми появилась французская свобода, заставили забыть строгую и сдержанную фигуру американской свободы. Яркость событій всегда привлекаетъ вниманіе большинства. Крупныя и рѣзкія черты кидаются въ глаза, багровый отсвѣтъ крови, брызгающей съ гильотины, видѣнъ издалека толпѣ; но какъ прослѣдить тѣ подземные ключи, которые бѣгутъ невидимые и неслышимые подъ землей, пока, слившись, не пробьются въ одномъ быстромъ всениспровергающемъ потокѣ. Однимъ и весьма сильнымъ изъ этихъ ключей было то участіе, которое принимали въ революціи женщины Америки. Роль, которую онѣ играли въ освобожденіи своего отечества, была далеко не такая яркая, какъ роль женщинъ французской революціи, но причина тому опять въ особенности условій американской революціи, а ничуть не въ недостаткѣ энергіи, мужества, геройства или политическихъ талантовъ американокъ. Головы женщинъ Америки не скатывались съ эшафота, женщины Америки не шли съ пушками разрушать стѣны бастилій, не врывались голодными толпами во дворецъ короля, требуя хлѣба, или въ законодательное собраніе, съ цѣлью

угрозами вырывать декреты; но тѣмъ не менѣе онѣ дѣятельно служили дѣлу свободы, вліяніе ихъ и прямое и посредственное на судьбы революціи было сильно и прочно; этому вліянію Америка обязана счастливымъ исходомъ своей борьбы за независимость почти столько, сколько политической мудрости своихъ великихъ вождей и геройской неустрашимости своихъ гражданъ.

Три тома мемуаровъ мистрисъ Елизабеты Эллетъ, которая въ свое время пользовалась извѣстностью въ американской литературѣ, даютъ очень подробную и интересную характеристику дѣятельности американокъ въ ту великую эпоху. Нейманъ въ своей исторіи Сѣвероамериканскихъ Штатовъ ссылается на эти мемуары, впрочемъ заподозрѣвая нѣкоторые очерки въ вымышленной романичности; но этотъ упрекъ можетъ относиться всего къ двумъ или тремъ очеркамъ, которымъ она придала форму разсказа, взявъ основу его изъ писемъ очевидцевъ и газетныхъ реляцій; но еслибы эти два-три очерка и были дѣйствительно прикрашены фантазіей, вслѣдствіе весьма понятнаго увлеченія патріотизмомъ, все-таки они не теряютъ свою цѣну, какъ картины народной и общественной жизни того времени. Сверхъ того, среди сѣренькой, будничной жизни какъ-то съ трудомъ вѣрится тому, что выходитъ за ея тѣсныя рамки, и величавая рѣчь эпопеи покажется странной и неестественной среди суетни житейской комедіи. Дюйкансъ въ своей энциклопедіи американской литературы отзывается съ большой похвалой о неутомимомъ трудѣ и добросовѣстности, съ какою мистрисъ Эллетъ составляла эти мемуары по газетамъ того времени, оффиціальнымъ документамъ, частной перепискѣ и разсказамъ очевидцевъ. Весьма вѣроятно, что въ разсказы очевидцевъ, бывшихъ большею частью друзьями или родственниками героинь, равно какъ и въ переписку между близкими, могло вкрасться невольное преувеличеніе, но это общій недостатокъ всѣхъ мемуаровъ. Мистрисъ Эллетъ говоритъ, что ея мемуары правдивый отчетъ истинныхъ событій, и что тамъ, гдѣ у нея не хватало матеріала для подробнаго очерка которой-нибудь изъ героинь, она довольствовалась бѣглыми замѣтками; и въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые очерки до того блѣдны, что не содержатъ ничего кромѣ дней рожденія, замужества и смерти героини, и поименнаго списка ея дѣтей съ ихъ женами и мужьями, да упоминанія о сохранившемся преданіи о вліяніи ихъ героизма на настроеніе духа населенія какой-нибудь мѣстности; но если подобные очерки могутъ имѣть интересъ только для американцевъ, за то неудовлетворительность ихъ высказываетъ вполнѣ осмотрительность и добросовѣстность автора, и снимаетъ съ него обвиненіе въ томъ, что онъ выдавалъ вымы-

селъ своей фантазіи за истину. Многое изъ того, что говоритъ мистрисъ Эллетъ о дѣятельности американокъ этой эпохи, подтверждено въ біографіяхъ Вашингтона, въ исторіи Неймана, въ исторіи войны за независимость Ботта, и въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ Э. Лабуле. Что же касается характера самихъ мемуаровъ, то слѣдуетъ пожалѣть, что они не были составлены авторомъ, одареннымъ болѣе свѣтлымъ взглядомъ на жизнь и болѣе широкимъ пониманіемъ исторіи. Мистрисъ Эллетъ—квакерша, и въ сужденіяхъ ея о событіяхъ и людяхъ революціи отразился узкій духъ этой секты. Подъ вліяніемъ квакерскаго піетизма, она приписываетъ успѣхи американцевъ въ значительной степени религіозному характеру женщинъ и ихъ молитвамъ, не вслѣдствіе того вліянія, какое могли имѣть эти молитвы на одушевленіе народа, а вслѣдствіе вліянія, которое онѣ имѣли на неисповѣдимыя судьбы Провидѣнія. Она не принимаетъ въ разсчетъ, что въ непріятельскомъ лагерѣ приносились такія же молитвы, а въ Англіи епископы и члены парламента, принадлежавшіе къ епископской, такъ-называемой высокой церкви (high church), бывшіе непримиримыми врагами пресвитеріанцевъ, и методистовъ и квакеровъ, американской поповщины и безпоповщины, равнымъ образомъ возсылали молитвы и налагали посты для навлеченія гибели на ненавистныхъ мятежниковъ, не признававшихъ ихъ власти. Мистрисъ Эллетъ пренаивно раздѣляетъ предразсудки сектаторовъ, будто ихъ секта составляетъ предметъ исключительной заботливости Провидѣнія и не подозрѣваетъ закона исторіи, что будущее принадлежитъ народу, а не притѣснителямъ, помимо всѣхъ молитвъ. Вслѣдствіе этого предразсудка она признаетъ благодѣтельнымъ для Америки вліяніе одной женщины на мужа, которое было очень вредно по своимъ послѣдствіямъ. Жена знаменитаго Этана Аллена, одного изъ любимыхъ народныхъ героевъ войны за независимость, какъ женщина съ сильнымъ характеромъ и политическимъ смысломъ, во многомъ руководила мужемъ, и ея дѣльнымъ совѣтамъ во время политическихъ смутъ онъ былъ обязанъ значительной долею своей славы, какъ героя-гражданина: но за то ей же онъ обязанъ и своей испорченной карьерой литератора. Онъ былъ извѣстенъ многими сочиненіями въ духѣ скептицизма Вольтера и раціонализма энциклопедистовъ. «Онъ, говоритъ мистрисъ Эллетъ, отъ критическаго анализа о божественности происхожденія власти, бывшаго тогда однимъ изъ насущныхъ вопросовъ американской жизни, перешелъ къ анализу началъ, на которыя опиралось это ученіе». Жена его была религіозная фанатичка и убѣжденіями своими довела его до того, что онъ передъ смертью отрекся отъ своихъ взглядовъ, уни-

чтожилъ многія сочиненія и однимъ врагомъ стало менѣе у мертвящаго пуританскаго піетизма, который и въ настоящее время тормозитъ во многомъ развитіе Америки. Впрочемъ, несмотря на указанные недостатки, для очерка дѣятельности американскихъ женщинъ во время революціи, приходится довольствоваться этими мемуарами: они, сколько извѣстно, единственные въ Америкѣ, а потому высоко цѣнились и разошлись въ пяти изданіяхъ.

I.

Немногимъ американкамъ удалось играть видную роль въ политикѣ. Главная сила женщинъ революціи была не въ этой роли, а въ мужествѣ и геройскомъ самоотверженіи, о которомъ свидѣтельствуютъ и исторія и преданіе, въ томъ одушевленіи, которымъ была проникнута вся масса ихъ, въ томъ вліяніи, которое онѣ имѣли на общественное мнѣніе, какъ жены и матери. Сила ихъ была сила нравственная. Нравственное вліяніе неуловимо; и въ исторіи, которая имѣетъ дѣло съ фактами, невозможно взвѣсить и опредѣлить его силу съ математическою точностью. Можно сосчитать удачные удары, которыми боецъ положитъ на мѣстѣ врага, опредѣлить ихъ мѣткость и силу, но невозможно указать ощущенія, переданныя нервами мускуламъ, поднимавшимъ руку на удары. Главная причина счастливаго исхода американской революціи лежитъ въ общемъ одушевленіи идеями независимости всей массы народа: «Корни неувядаемыхъ лавровъ, которыми увѣнчано чело героевъ, выросли въ сердцахъ народа, были осѣнены его правомъ», говоритъ мистрисъ Эллетъ. Все населеніе колоній было глубоко проникнуто сознаніемъ своихъ правъ на свободу. Это сознаніе дало имъ силы отражать притѣсненіе и стоять непоколебимо до конца. Общее одушевленіе, поднявшее народъ, было возбуждено и поддержано женщинами. Женщины Америки, посылая въ огонь мужей и сыновей, дѣля съ ними труды и опасности, воскресили въ себѣ образъ древней спартанки, которая говорила, отдавая сыну щитъ: «иль со щитомъ, иль на щитѣ». Это вліяніе американокъ было признано ихъ мужьями и сыновьями. Джонъ Адамсъ, одинъ изъ первыхъ вождей революціи, впослѣдствіи вице-президентъ при Вашингтонѣ, а послѣ него президентъ американскихъ штатовъ, въ одномъ изъ писемъ своихъ къ женѣ говоритъ: «Я уже не разъ замѣчалъ тебѣ, перечитывая біографіи знаменитыхъ людей, что при каждомъ изъ нихъ неизмѣнно встрѣчается женщина, мать, жена,

или сестра, вліянію которой слѣдуетъ приписать бо́льшую часть его заслугъ. Замѣчательный примѣръ намъ представляетъ Аспазія, жена Перикла». Далѣе онъ прибавляетъ: «Жаль, что наши генералы сѣверныхъ провинцій (которые всего болѣе потерпѣли неудачъ) не имѣли женами Аспазій. Я полагаю, что жены обоихъ Гау самыя дюжинныя женщины. Еслибы онѣ были замѣчательными женщинами, намъ бы несравненно болѣе досталось отъ ихъ мужей. Дѣльная женщина давно научила бы Гау, какъ завладѣть Филадельфіей». Вашингтонъ утверждалъ, что онъ всѣмъ былъ обязанъ матери. Тоже самое говорилъ и министръ штатовъ Рэндольфъ, и знаменитый Джефферсонъ, авторъ американской конституціи. Не найдется ни одной страны, гдѣ бы вліяніе женщины было такъ сильно и прочно, какъ въ Америкѣ, и чтобы понять всѣ силы республики, надо принять въ соображеніе и его.

Причина этого вліянія лежитъ въ энергическомъ, самостоятельномъ и практическомъ характерѣ американокъ, а такой характеръ могъ развиться только при тѣхъ соціальныхъ, политическихъ и религіозныхъ условіяхъ, при которыхъ складывалась жизнь колоній. И теперь въ Америкѣ, при возрастающемъ наплывѣ поселенцевъ, число женщинъ гораздо менѣе чѣмъ мужчинъ; въ то время, при невѣрности и опасности путешествія, на которое отваживались очень немногія женщины Стараго Свѣта, эта разница въ числѣ была еще значительнѣе. Отношенія между мужчинами и женщинами установились по извѣстному экономическому закону: чего менѣе, тѣмъ болѣе дорожатъ; пріобрѣсти жену удавалось немногимъ счастливцамъ, а при сурово-религіозномъ характерѣ первыхъ поселенцевъ пуританъ, которые преслѣдовали драконовскими законами каждый внѣ-брачный союзъ, бракъ былъ необходимостью. Каждая женщина имѣла множество обожателей, которые добивались ея благосклонности. Она по естественному чувству самосохраненія останавливала свой выборъ на томъ изъ обожателей, который представлялъ ей болѣе гарантій для сохраненія ея независимости и самостоятельности. Мужчинѣ, заподозрѣнному въ грубомъ деспотизмѣ, было несравненно труднѣе найти себѣ жену. Чѣмъ развитѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ способенъ уважать права другой личности, а первые поселенцы колоній были лучшими представителями умственнаго развитія Европы. Вліяніе женщины упрочивалось, и оно было благодѣтельно. Жена была для мужа не предметомъ роскоши, не гаремной невольницей, содержаніе которой разоряло его, она была въ полномъ смыслѣ слова его помощницей. Американки того времени были достойными подругами тѣхъ неу-

страшимыхъ піонеровъ, которые съ ружьемъ въ одной рукѣ и топоромъ въ другой расчищали непроходимыя дебри и складывали свои бревенчатые блокъ-гаузы, зародыши будущихъ цвѣтущихъ многолюдныхъ городовъ Америки. Женщины мужественно переносили всѣ трудности и лишенія жизни, чуждой комфорта городовъ: обработывать землю, завѣдывать многосложнымъ хозяйствомъ и домашнимъ производствомъ и часто, въ отсутствіи мужей, защищаться отъ нападеній кочующихъ племенъ и дикихъ звѣрей. Силы ихъ закалялись въ трудѣ и привычкѣ къ опасности. Еще одно важное экономическое условіе вліяло на характеръ американокъ. Въ Новомъ Свѣтѣ земли было вдоволь, ее можно было пріобрѣтать за ничтожную сумму или просто захватывать безплатно по праву сильнаго. Неистощенная почва платила сторицею за трудъ. При неутомимомъ трудѣ и строгой умѣренности образа жизни, который проповѣдовали пуританскія секты, довольство колоній быстро росло. На пространствѣ нѣсколькихъ сотенъ миль нельзя было встрѣтить ни одного нищаго. Это довольство заставило Вольтера восхвалять землю Пенна, какъ земной рай. Рожденіе ребенка въ самомъ бѣдномъ семействѣ было радостью. Отецъ зналъ, что земля обезпечивала ему средства прокормить ребенка, обезпечивала и ребенку вѣрный кусокъ хлѣба и средства прокормить родителей подъ старость. Ему не приходилось испытывать тотъ мучительный страхъ, съ которымъ европейскій пролетарій встрѣчаетъ лишняго, непрошеннаго члена семьи, который отниметъ отъ другихъ и безъ того далеко недостаточную долю хлѣба. Тамъ, гдѣ рожденіе сына встрѣчается страхомъ, рожденіе дочери встрѣчается проклятіями. Сынъ можетъ всегда разсчитывать скорѣе найти работу, и рано или поздно сдѣлаться кормильцемъ родителей; дочь — лишнее бремя въ семьѣ. При несложности хозяйства и раздѣленіи труда мануфактурно-промышленной жизни городовъ, которое дѣлаетъ безполезнымъ и убыточнымъ домашнее производство и тѣхъ немногихъ предметовъ, которые необходимы для обихода бѣдной семьи, дѣвушка не можетъ окупать свое содержаніе домашнимъ трудомъ; она чувствуетъ себя существомъ, которое содержатъ изъ милости. Американки того времени не знали этого мучительнаго, принижающаго чувства. По отдаленности городовъ и слабому развитію мануфактурной промышленности, на ихъ долю приходилось довольно труда. Онѣ пряли, ткали, заготовляли одежду на всю семью. Внося такую значительную долю труда въ семью, онѣ не были зависимыми существами, которыхъ содержатъ изъ милости, но равноправными членами семьи. Трудъ развилъ въ нихъ самостоятельность, и

этому свойству женщинъ обязана американская семья тѣмъ, что суровый пуританизмъ, охранявшій, какъ святыню, неприкосновенность отцовской власти, не превратилъ ее въ домостроевскую семью. Самый дикій самодуръ, самый безчеловѣчный деспотъ станетъ иначе относиться къ людямъ, которые приносятъ ему пользу, которые оплачиваютъ свое содержаніе трудомъ, нежели къ тѣмъ, которые существуютъ только по его милости. Сколько ни говорилось о родительскомъ чувствѣ, о святости долга, но люди не герои и будутъ охотно исполнять только тотъ долгъ, который въ силахъ исполнить; и человѣкъ, который надрывается надъ работой, чтобъ прокормить безполезное ему существо, будетъ всегда считать себя вправѣ распоряжаться этимъ существомъ по своему произволу. Этихъ безобразныхъ отношеній не было въ американской семьѣ того времени. Американки росли въ здоровой средѣ труда и довольства; онѣ не знали ни гнетущаго, развращающаго вліянія бѣдности, ни растлѣвающаго вліянія роскоши. Роскошь стала появляться только съ развитіемъ общественной городской жизни; въ послѣдніе годы передъ революціей, она не успѣла еще такъ сильно въѣсться въ нравы общества. Огромными богатствами обладали очень немногіе колонисты Виргиніи, Южной Каролины и Мериланда, потомки кавалеровъ, бѣжавшихъ изъ Англіи при Кромвелѣ и католиковъ-аристократовъ, изгнанныхъ Елизаветою, изъ которыхъ составилась партія торіевъ. Но, несмотря на огромныя имѣнія, которыми они обладали, образъ жизни былъ очень простъ, и если богатой американкѣ не приходилось заниматься трудомъ, фермерскими ручными работами, она все-таки не вела праздную жизнь свѣтскихъ барынь. Она должна была вести обширное хозяйство, завѣдывать домашними мастерскими и часто — вести дѣла. Эта общественная язва — пустыя свѣтскія барыни, которыя своими разорительными прихотями заставляютъ мужей расхищать собственное достояніе и продавать свои голоса тому, кто дастъ дороже, такъ глубоко заразившая европейскія общества, была въ Америкѣ исключительнымъ явленіемъ. Сверхъ того эти аристократки жили не среди раболѣпнаго, забитаго, нищаго народа, который вѣковой зависимостью былъ пріученъ смотрѣть на аристократовъ, какъ на существа высшей породы, а среди гражданъ, привыкшихъ считать себя равными передъ закономъ, и которые не потерпѣли бы ни малѣйшаго оскорбленія своей личности, ни малѣйшаго нарушенія своихъ правъ. Въ аристократкахъ Америки не могло развиться ни презрѣніе къ народу, ни культъ своего сословія, который изъ аристократокъ Франціи сдѣлалъ героинь Вандеи. Уничтоженіе королевской власти въ колоніяхъ не могло

отнять у нихъ никакихъ особенныхъ правъ или привилегій, и большинство аристократокъ стояло за народную свободу и независимость. И въ этомъ отношеніи Америка представляла для развитія характера женщинъ выгоды, которыхъ не давала Европа. Не даромъ Гёте говорилъ:

Amerika, du hast es besser,
Als unser Continent das alte,
Hast keine verfallene Schlösser
Und keine Basalte.
Dich stört nicht im Innern
Zu lebendiger Zeit
Unnützliches Erinnern
Und vergeblicher Streit.

«Америка, ты счастливѣе нашего стараго материка: у тебя нѣтъ развалившихся зàмковъ, нѣтъ и базальтовыхъ твердынь.»

«Тебя не остановитъ въ рѣшительную минуту жизни напрасное воспоминаніе и безполезная борьба.»

Третье условіе, имѣвшее важное вліяніе на развитіе характера американокъ—была религія. Американки были дочерьми и внуками людей, которые предпочли изгнаніе измѣнѣ своимъ убѣжденіямъ, которые перенесли гонимую въ Старомъ Свѣтѣ свободу совѣсти въ Новый, гдѣ она зажгла свѣточъ гражданской свободы для цѣлаго міра. Нужно много мужества и энергіи на то, чтобы отказаться отъ выгодъ своего положенія, порвать всѣ близкія кровныя связи, подвергнуться опасностямъ дальняго пути въ мало-извѣстную страну, о которой ходили чудовищные слухи. Независимость, купленная такой дорогой цѣной, сдѣлалась святыней, для спасенія которой не жалѣли ни жертвъ, ни крови. Самая религія, основанная на принципѣ свободнаго изслѣдованія, освобождавшая умы отъ подчиненія авторитету, подготовляла путь гражданской свободѣ. Основаніемъ вѣры пуританъ была библія, истолкованная свободно совѣстью каждаго вѣрующаго; всякая земная власть была безсильна передъ ученіемъ библіи. Это ученіе было враждебно всякой духовной іерархіи, а такъ какъ духовная іерархія поддерживалась монархической властью, то оно вело прямо къ уничтоженію послѣдней. Елизавета, сначала не обращавшая вниманія на секту пуританъ, стала впослѣдствіи преслѣдовать ихъ даже съ бòльшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ католиковъ. Епископская власть была тѣсно связана съ королевской. Іаковъ II не даромъ говорилъ: «no cruss—no crown»! т. е. нѣтъ митры, нѣтъ и короны. Ученіе пуританъ вслѣдствіе принципа свободнаго толкованія распадалось на секты, которыя, все болѣе и болѣе устраняя обрядность, приближались къ про-

стотѣ ученія первыхъ христіанскихъ общинъ. Башмачникъ Уэтъ Тайлоръ въ своихъ проповѣдяхъ о томъ времени, когда духъ Божій соберетъ дѣтей своихъ во едино, распространялъ идеи братства и равенства; забитая невѣжественная масса народа жадно слушала его въ своихъ вѣрованіяхъ и повторяла мечтанія Платона и утопіи Томаса Мура. Народъ, руководясь здравымъ смысломъ и естественной потребностью свободы въ своихъ религіозныхъ догматахъ, доходилъ до высшаго умственнаго развитія, котораго достигли философы той эпохи. Онъ требовалъ не обрядности, не мистической метафизики, а религіи дѣла и общаго освобожденія. Духъ Божій равно осѣняетъ всѣхъ, духъ дышетъ, идѣже хощетъ, каждый осѣненный духомъ божіимъ имѣетъ право учить. На этомъ основаніи нѣкоторыя секты допускали проповѣдь женщинъ. Женщины, весьма естественно, сдѣлались усердными исповѣдницами религіи, которая открывала имъ широкое поле пропаганды подвиговъ. Онѣ проповѣдовали его съ самоотверженіемъ и мужествомъ равноапостольныхъ женъ первыхъ вѣковъ христіанства. Извѣстная Анна Гётчинсонъ за свою проповѣдь о томъ, что Христосъ уничтожилъ законъ Моисеевъ и что отнынѣ христіане должны управляться однимъ закономъ любви, была изгнана изъ Массачусета и основала колонію Родъ-Эйландъ. Одна квакерша, которую за проповѣдь вели въ тюрьму по приказанію намѣстника Джорджа Энуикота, закричала ему: «Горе тебѣ, безстыдный притѣснитель, ты убиваешь дѣтей божіихъ, второй Иродъ!» Когда квакеры подверглись гоненію въ Массачусетѣ, двѣ квакерши, Мери Фёстеръ и Анна Аустинъ, проѣхали всю Европу, проповѣдуя свое ученіе. Мери прошла турецкій лагерь въ 1656 г., ее сочли сумасшедшей и пропустили, не сдѣлавъ ни малѣйшаго вреда. Мери писала противъ смертной казни. Ее выслали изъ Бостона, подъ страхомъ смерти въ случаѣ возвращенія; она вернулась потому, что считала безчестнымъ подчиняться приговору законовъ, стѣснявшихъ свободу совѣсти. Товарищей ея повѣсили, но ей объявили прощеніе, когда у нея была уже веревка на шеѣ. Она отказалась отъ него, громко закричавъ народу: «дайте мнѣ погибнуть съ братьями или уничтожьте вашъ злодѣйскій законъ». Ее выслали вторично изъ Бостона, она вернулась снова на проповѣдь и была повѣшена.

Разумѣется, религіозный фанатизмъ, одушевлявшій этихъ женщинъ, утратилъ большею частію свой смыслъ ко времени американской революціи; но подъ его формой сказалась великая нравственная сила, умѣвшая крѣпко стоять за свое, стоять до смерти, сила, не раздѣляющая слова отъ дѣла. Эта сила переда-

валась отъ матерей дочерямъ, и когда пришло время, эта сила явилась могучимъ двигателемъ народа къ освобожденію. Не тотъ или другой способъ толкованія библіи былъ важенъ, важны были послѣдствія, которыя повлекъ за собой принципъ свободнаго толкованія. Неокрѣпшіе умы всегда кидаются на рѣшеніе мистическихъ вопросовъ, потому что трезвое пониманіе жизни дается только созрѣвшему уму. Привычка къ теологическимъ спорамъ, которые далеко не походили на византійскія безплодныя препирательства, а имѣли подъ собой практическую подкладку, развила въ поселенцахъ колоній способность къ критическому анализу. Умъ народа, привыкшій работать самостоятельно надъ религіозными вопросами, не могъ уже подчиняться безпрекословно авторитету чужихъ рѣшеній. Правительство того времени своимъ постояннымъ вмѣшательствомъ въ дѣла религіи придавало религіозный характеръ бо́льшей части своихъ мѣръ, и подавало поводъ къ обсужденію ихъ съ этой точки зрѣнія. Религіозные вопросы принимали политическій характеръ. Отъ обсужденія вопро́са о томъ, грѣховно или нѣтъ для вѣрующаго пуританина платить подать на содержаніе вааловой, т.-е. епископской, государственной церкви,—легко было перейти къ вопросу о томъ, достойно ли свободнаго гражданина позволять облагать себя податями, по произволу власти. Каѳедра проповѣдниковъ сдѣлалась трибуной ораторовъ народной независимости. Когда отношенія метрополій и колоній пришли къ разрыву, эта способность анализа, выработанная религіозными спорами, была съ блистательнымъ успѣхомъ обращена на обсужденіе общественныхъ и политическихъ вопросовъ. Сверхъ того, самое устройство сектъ по образу первыхъ христіанскихъ общинъ ввело обычай собираться вмѣстѣ для обсужденія вопросовъ, касавшихся интересовъ секты и рѣшавшихся большинствомъ голосовъ; въ эпоху возстанія этотъ обычай уже такъ глубоко вкоренился въ народѣ, что не встрѣтилось ни малѣйшаго затрудненія при устройствѣ въ городахъ и округахъ колоній революціонныхъ комитетовъ, конгрессовъ, конвентовъ, какъ назывались народныя собранія этой эпохи. Развитіе общества отразилось на женщинахъ. Большинство женщинъ въ колоніяхъ росло подъ вліяніемъ религіи, представлявшей несравненно болѣе здороваго и практическаго направленія, чѣмъ господствующая религія метрополіи. Уиклифъ и Уайтфильдъ учили въ Америкѣ, «что религія должна состоять въ дѣлахъ милосердія, состраданія и здоровомъ общественномъ духѣ, а не въ праздномъ чтеніи длинныхъ проповѣдей, молитвъ, полныхъ самой пошлой лести и комплиментовъ, на которые должны смотрѣть съ презрѣніемъ даже ум-

ные люди, не говоря о болѣе мудромъ и милостивомъ Божествѣ». Американки догматомъ вѣры считали, — «что причиняющіе зло не отъ Бога, что государство не имѣетъ права причинять зла, и было бы глупой трусостію и совершеннымъ безуміемъ, еслибы цѣлая нація допустила одному нерадивому и честолюбивому человѣку погубить себя». Онѣ выросли на преданіяхъ о притѣсненіяхъ, которыя вынесли ихъ предки, объ ихъ геройской борьбѣ съ опасностями и гоненіями. Онѣ сами умѣли живо чувствовать каждое нарушеніе правъ народа. Матери передавали сыновьямъ своимъ ненависть къ притѣснителямъ, и въ то время, когда одни дальновидные политики могли угадывать грядущія событія, у скромнаго семейнаго очага колонистовъ росла любовь къ свободѣ, которая потомъ вспыхнула яркимъ пламенемъ, освѣтившимъ весь міръ. «Матери-патріотки вскормили дѣтство свободы», говоритъ Мистрисъ Эллетъ. Онѣ дали отечеству гражданъ, которые отстояли его независимость своею кровью».

Но этимъ не ограничилось участіе американокъ въ дѣлѣ освобожденія. Многія изъ нихъ были дѣятельными членами разныхъ религіозныхъ общинъ съ равнымъ правомъ голоса—и правомъ богослуженія. Онѣ продолжали религіозно-республиканскую пропаганду ученія Уайтфильда и Уиклифа. Тѣже, которыя не принадлежали къ церквамъ, эманципирующимъ женщину, не менѣе дѣятельно распространяли въ обществѣ идеи независимости. Онѣ составляли митинги, говорили рѣчи солдатамъ и милиціонерамъ, вручая имъ знамена, которыя сами изготовляли. Дѣятельность женщинъ колоній съ самаго начала столкновеній съ метрополіей и во все продолженіе революціи отличалась практичностію и энергіей. Когда Англія обложила податями всѣ товары, ввозимые въ колоніи, женщины организовали общества для прекращенія потребленія ввозныхъ товаровъ: онѣ отказались отъ нарядовъ, отъ чаю. Онѣ были въ числѣ заговорщиковъ, устраивавшихъ демонстрацію, извѣстную подъ названіемъ чайнаго бунта, въ которой толпа бостонской молодежи и ремесленниковъ, нарядившись краснокожими, разбила выгруженные въ кладовыя ящики съ чаемъ. Женщины Виргиніи писали къ народу адресы, побуждавшіе его къ возстанію и которые читались во всѣхъ церквахъ Виргиніи. Женщины Филадельфіи собрали по подпискѣ большую сумму и вооружили цѣлый полкъ, который былъ извѣстенъ подъ именемъ полка филадельфійскихъ леди. Объ этомъ упоминаетъ Ботта въ своей исторіи. Онѣ устраивали подписки; ходили по домамъ, собирая на помощь возставшему народу. Женщины Филадельфіи собрали 8 т. долларовъ для первыхъ нуждъ революціоннаго войска,—это была значительная сумма при рѣдкости звонкой монеты.

Богатыя отказывались отъ привычекъ роскоши, бѣдныя давали что̀ могли и трудились наравнѣ съ богатыми. По прекращеніи привоза товаровъ, женщинамъ пришлось самимъ валять шерсть, выдѣлывать бумагу и ленъ, ткать матеріи и изготовлять одежду себѣ и прислугѣ. По объявленіи войны онѣ стали заготовлять бѣлье войску. Женщины многихъ округовъ, когда мужчины ушли въ милицію, сами обработывали землю, сбирали и мололи хлѣбъ и заготовляли припасы для проходившихъ войскъ. Часто отряды революціонной арміи, вступая въ селеніе, находили накрытые столы, уставленные кушаньемъ и кружками эля. Когда всѣ средства конгресса были истощены и не было подвоза провіанта въ войско, потому что англійскіе крейсеры перехватывали всѣ торговыя суда, когда, говоритъ мистрисъ Эллетъ, чаша бѣдствій переполнилась до краевъ и не было надежды на помощь согражданъ, которые отдали, что̀ могли,—женщины Пенсильваніи и Нью-Джерсея исполнили то, что̀ считалось невозможнымъ. Онѣ послали въ армію обозы провизіи. Эта своевременная помощь не только устранила на нѣсколько дней бѣдствія голода, который угрожалъ войску деморализаціею, но по отзыву одной газеты того времени, «эта помощь и сочувствіе прекрасныхъ дочерей Америки подѣйствовали, какъ волшебство, на сердце солдатъ, придали имъ новыя силы, поддержали поколебавшуюся надежду на успѣхъ и внушили твердую увѣренность въ близкой побѣдѣ и мирѣ». Вашингтонъ въ своемъ благодарственномъ письмѣ женскому комитету говоритъ съ изящною любезностію того времени: «Армія не должна сожалѣть о своихъ жертвахъ и страданіяхъ, когда она заслужила столь лестную награду; она не сомнѣвается, что интересы ея не будутъ забыты, какъ скоро защиту ихъ возьмутъ на себя адвокаты столько же сильные, какъ любезные». Послѣдними словами онъ намекалъ на затрудненія, съ которыми конгрессъ колоній, подозрительно смотрѣвшій на возрастающую силу и вліяніе арміи, высылалъ деньги и продовольствіе. Женщины ходили за ранеными, больными, носили одежду и пищу плѣннымъ, несмотря на угрожавшіе имъ отъ англичанъ штрафы и преслѣдованія. Квакерша Дебора Франклинъ была изгнана по приказанію англійскаго генерала изъ Нью-Іорка за то, что, несмотря на многократныя запрещенія, продолжала помогать плѣннымъ. Женщины отправлялись на поля битвы отыскивать своихъ близкихъ, уносили на себѣ раненыхъ, хоронили своими руками убитыхъ. Женщины дѣлили всѣ опасности военной жизни и исполняли разныя военныя порученія. Такъ, жена генерала Шюйлера, когда американская армія выступила изъ форта Эдуарда, уходя отъ преслѣдованія Бургоина,—

по приказанію своего мужа, зажгла свои поля пшеницы и, собравъ женщинъ всего околотка, распорядилась сожженіемъ и остальныхъ полей для того, чтобы лишить преслѣдовавшаго непріятеля фуража. Патріотизмъ, одушевлявшій женщинъ Америки, не ослабѣвалъ, несмотря на всѣ лишенія и страданія и весь ужасъ кровопролитной войны, несмотря на частыя неудачи и пораженія республиканской арміи; когда Нью-Іоркъ, Бостонъ, Чарльстонъ были въ рукахъ непріятеля и уныніе овладѣло многими членами конгресса, а въ обществѣ стали носиться слухи о необходимости покорности, большинство американокъ съ негодованіемъ возставало противъ мира: «Я знаю, что и свободной мнѣ не миновать одной смерти, а сдѣлавшись рабой, я буду недостойна жизни», писала одна американка англійскому офицеру въ Бостонъ.

Женщины Америки дѣйствительно служили дѣлу свободы всѣми своими силами; онѣ отдавали на служеніе ей даже обаяніе своей красоты. Въ Н. Мекленбургѣ, въ графствахъ Гоуенскихъ и Сѣверной Каролинѣ молодыя дѣвушки самыхъ извѣстныхъ фамилій дали обѣщаніе не принимать предложенія тѣхъ обожателей, которые не послушали призыва отечества къ оружію. Онѣ вдохновляли новыя силы, онѣ съ негодованіемъ отворачивались отъ малодушныхъ, онѣ посылали мужей, братьевъ, сыновей. Таже женщина, которая писала, что, сдѣлавшись рабой, она будетъ недостойна жизни, писала далѣе: «Я скажу вамъ, что̀ я сдѣлала, я послала своего единственнаго брата въ лагерь, съ молитвами и благословеніями. Я надѣюсь, что мнѣ не придется краснѣть за него; я увѣрена, что онъ будетъ поступать съ честью и соревновать великимъ примѣрамъ, которые передъ его глазами. Будь у меня двадцать сыновей или братьевъ, они бы всѣ пошли до одного. Я съ радостію могу завѣрить васъ, что такъ думаютъ и поступаютъ всѣ мои сестры-американки. Онѣ готовы жертвовать всѣмъ для великаго духа патріотизма, который одушевилъ всѣ сословія народа, въ нашемъ пространномъ отечествѣ». Далѣе еще она пишетъ: «Мы боремся не за мелкую интригу политики, эта наука доступна немногимъ; мы боремся за истину, которая извѣстна каждому крестьянину, которая понятна даже самому недалекому уму, что никто въ мірѣ не имѣетъ права брать наши деньги безъ нашего согласія. Вы говорите, что вы не политикъ,—о сэръ, не нужно имѣть голову Маккіавеля, чтобы понять притѣсненіе и тираннію. Онѣ начертаны у насъ при лучахъ солнца. Каждый увидитъ и пойметъ ихъ, потому что каждый почувствуетъ ихъ на себѣ, и мы будемъ недостойны благословенія неба, если когда либо подчинимся имъ». Другая аме-

риканка писала передъ началомъ революціи: «Я думаю, что самой неслыханной политической мѣрой, принятой въ нашемъ вѣкѣ, будетъ требованіе министерства перевозить подсудимыхъ за тысячи миль для суда. О Америка! Возстань! трепещи, если мы по этой сторонѣ Атлантики не въ силахъ будемъ сказать королевскому мщенію: ты дойдешь до этой черты, но не далѣе; здѣсь остановится твой гордый потокъ! Я буду торжествовать, если духъ плимутцевъ одержитъ верхъ (Плимутъ — городъ Массачусетса, первый подавшій голосъ за независимость колоній). Въ немъ столько благороднаго безкорыстія и добродѣтели, такое благоговѣйное уваженіе къ правамъ, купленнымъ цѣною всего, чѣмъ дорожатъ люди, нашими неутомимыми героическими патріархами, которые, если бы могли быть зрителями этихъ земныхъ тревогъ, съ негодованіемъ взглянули бы на тѣхъ изъ своихъ сыновъ, такъ мало цѣнящихъ эти, такъ дорого купленныя, блага, что мы ждемъ съ нетерпѣніемъ новаго собранія конгресса».

Такъ писали женщины совершенно неизвѣстныя, не оставившія послѣ себя ни памяти о какомъ-нибудь геройскомъ подвигѣ, ни воспоминанія о необыкновенномъ умѣ или выдающихся изъ ряда вонъ способностяхъ, женщины, обыкновенныя письма которыхъ сохранились родными, и между прочими матеріалами попались въ руки мистрисъ Эллетъ. Но тѣмъ болѣе цѣны имѣютъ такія письма, какъ отголосокъ чувствъ американской женщины той эпохи. Понятно, что вліяніе американокъ было сильно и благотворно. Оно было признано обществомъ, какъ мы видѣли изъ письма Джона Адамса, и сверхъ того свидѣтельства о немъ сохранились въ газетахъ и многихъ документахъ того времени. Въ Нью-Джерсейской газетѣ 1780 г. говорилось: «Ты правъ, Клеандеръ, не малую похвалу заслужитъ тотъ, кто достойно съумѣетъ прославить добродѣтели нашихъ женщинъ. За свои пожертвованія и подвиги онѣ заслужили колонну, которая затмила бы колонну, воздвигнутую римскимъ женщинамъ за то, что тѣ отдали свои драгоцѣнности на нужды отечества». Одинъ офицеръ писалъ изъ лагеря въ 1780 г.: «Патріотизмъ нашихъ женщинъ—предметъ разговоровъ цѣлой арміи. Еслибъ у меня былъ талантъ къ поэзіи, я написалъ бы въ хвалу имъ цѣлую оду». Другой пишетъ: «Мы не напрасно искали добра въ этомъ святилищѣ, гдѣ обитаетъ добро—въ сердцѣ женщины». «Вліяніе женщины, говоритъ мистрисъ Эллетъ, было духомъ, вдохнувшимъ жизнь».

II.

Между женщинами Америки, имѣвшими вліяніе и на политическія дѣла, первое мѣсто принадлежитъ Мерси Уарренъ, извѣстной писательницѣ и поэту того времени. Отецъ ея былъ полковникъ Отисъ, одинъ изъ первыхъ членовъ массачусетскаго конгресса, а братъ—тотъ знаменитый адвокатъ Джемсъ Отисъ, который съ такимъ блистательнымъ краснорѣчіемъ защищалъ права колоній, еще при первыхъ несогласіяхъ ихъ съ метрополіей. Мерси Уарренъ рано отличалась необыкновенными способностями. Благодѣтельная судьба избавила ее отъ педантской дрессировки школы; чтеніе подъ руководствомъ брата развило ея способности. «Всемірная исторія» Ралейга была ея настольной книгой и положила основаніе ея будущимъ политическимъ и историческимъ трудамъ. Она вышла въ ранней молодости замужъ за Уаррена, богатаго купца города Плимута въ штатѣ Массачусетсъ. Обязанности семейной жизни не отняли ничего отъ ея литературныхъ занятій. Въ ея домѣ постоянно собирались главные дѣятели американской революціи: Самуилъ и Джонъ Адамсъ, Джефферсонъ, Джерри, Ноксъ и многіе другіе. По свѣтлому проницательному уму своему и политическому такту, развитому изученіемъ исторіи, Мерси Уарренъ была г-жею Роланъ этого кружка. Изъ сохранившихся писемъ къ ней видно, что эти члены республиканской партіи часто спрашивали ея мнѣнія о томъ или другомъ политическомъ событіи, о той или другой предпринимаемой мѣрѣ. Но къ сожалѣнію эта переписка—единственное доказательство ея вліянія. Оффиціальныхъ документовъ, свидѣтельствующихъ объ этомъ вліяніи—разумѣется, не могло существовать. Мерси могла говорить только въ своей гостиной, а члены комитетовъ и конгрессовъ, предлагавшіе эти мѣры, конечно, не ссылались въ доказательство ихъ цѣлесообразности и полезности на авторитетъ женщины. Имена этихъ членовъ записывались исторіей какъ имена освободителей отечества, а о женщинѣ, имѣвшей равное право съ ними на эту славу, сохранилось только очень неполное преданіе. Положительно извѣстно одно, что Мерси Уарренъ первая подала мысль объ устройствѣ революціоннаго комитета въ Массачусетсѣ, и этотъ комитетъ имѣлъ очень сильное вліяніе на ходъ возстанія. Основателемъ общества былъ ея мужъ, но мысль принадлежала ей.

Слѣдующіе отрывки изъ переписки даютъ понятіе о дѣятельномъ участіи, которое Мерси Уарренъ принимала въ ходѣ революціи, и о томъ, какъ цѣнилось это вліяніе. Генералъ Ноксъ

пишетъ ей: «Я былъ бы счастливъ, милостивая государыня, еслибы могъ получать отъ времени до времени свѣдѣнія отъ васъ о предметѣ моего письма. Ваши сообщенія будутъ драгоцѣнны для меня». Тоже повторяется въ письмахъ Джефферсона, Джона Адамса и др. Но мистрисъ Эллетъ, очень подробно распространявшаяся о примѣрномъ благочестіи Мерси Уарренъ, умалчиваетъ о томъ, какого рода были свѣдѣнія, доставленныя ею. Интересенъ отрывокъ изъ письма Мерси къ Джону Адамсу передъ собраніемъ перваго конгресса; вмѣстѣ съ преувеличенной и даже ложной скромностью, которая считалась въ то время добродѣтелью, оно проникнуто горячей любовью къ свободѣ и опасеніемъ тѣхъ бѣдствій, которыя могутъ грозить ей въ средѣ самихъ защитниковъ ея:

«Хотя вы снисходите до того, что спрашиваете моего мнѣнія объ этомъ важномъ кризисѣ, наравнѣ съ мнѣніемъ джентльмена, извѣстнаго столько же своимъ умомъ и неподкупной честностью, сколько своею преданностью къ отечеству и свободѣ, я не буду такъ самонадѣянна и не позволю себѣ послать вамъ что-либо, кромѣ моихъ горячихъ желаній, чтобы враги Америки отнынѣ и во-вѣки трепетали передъ мудростью, твердостью, мужествомъ, искусствомъ и справедливостью избранныхъ депутатовъ нашихъ городовъ, такъ какъ въ древности фокіяне передъ властью амфиктіоновъ. Но если появятся передъ вами локрійцы, то я совѣтую вамъ остерегаться выбора въ вожди Филиппа. Подобный вождь извратитъ принципы, на которыхъ основаны наши учрежденія, разрушитъ порядокъ и созиждетъ монархію на развалинахъ нашихъ прекрасныхъ учрежденій».

Когда Англія своими беззаконными мѣрами довела Америку до сопротивленія и голосъ оскорбленныхъ вопіялъ въ пустынѣ англійскаго парламента, Мерси Уарренъ, въ своихъ письмахъ къ знаменитой мистрисъ Маколей, такъ описывала распространеніе революціи въ Америкѣ: «Америка встаетъ вооруженная геройской рѣшимостью и правомъ; но она содрогается отъ мысли обнажить мечъ противъ народа, которому обязана своимъ происхожденіемъ. Британія, какъ извергъ-родитель, готовится вонзить кинжалъ въ грудь своего все еще любящаго дѣтища. Можемъ ли мы надѣяться на болѣе мягкія мѣры парламента? Вы, милостивая государыня, можете дать намъ очеркъ характеровъ членовъ новаго парламента». Изъ этого отрывка видно, какое политическое значеніе имѣла переписка Мерси Уарренъ. Далѣе она пишетъ: «Сѣмена могущественнаго государства посѣяны въ Новомъ Свѣтѣ; шаръ быстро катится къ Западу, и хотя намъ ежедневно грозитъ грабительство британскихъ войскъ и ихъ иностранныхъ союз-

никовъ, вмѣстѣ съ набѣгами дикихъ племенъ, въ каждомъ городѣ, отъ Новой Шотландіи до Георгіи, есть свои Деціи и Фабіи, готовые отдать свое имущество и жизнь, чтобы сохранить неприкосновенно и передать дѣтямъ права человѣка, данныя имъ Богомъ природы, и привилегіи англійскихъ гражданъ, которыя американцы требуютъ себѣ въ силу святыни договоровъ». Въ слѣдующемъ письмѣ Мерси Уарренъ говоритъ: «Я намекала, что мечъ до половины вынутъ изъ ноженъ, — теперь онъ совсѣмъ обнаженъ».

Мерси Уарренъ дѣятельно служила дѣлу свободы своимъ перомъ. Когда, въ 1774 г., Англія прислала въ колоніи лорда Бёта для сбора новаго налога на гербовую или штемпельную бумагу, (Stomp tax), давно копившееся негодованіе разразилось бурей. Мерси Уарренъ своими гимнами свободы возбуждала и поддерживала народное одушевленіе. Ей приписываютъ лучшіе гимны свободѣ, которые пѣлъ народъ, когда торжественными процессіями шелъ жечь изображенія лорда Бёта и чиновниковъ штемпельной коммиссіи, или ставилъ деревья свободы. Гимны свободы Мерси Уарренъ раздавались и на общественныхъ обѣдахъ вмѣстѣ съ знаменательными тостами: «За скорое удаленіе нашихъ начальниковъ, нашихъ злодѣевъ; за уничтоженіе лжи и обмана въ государствѣ и церкви; за крѣпкія петли и тѣсныя колодки и острые топоры для всѣхъ, кто заслуживаетъ». Въ запискахъ, которыя Мерси Уарренъ вела во время революціи, сохранилось интересное описаніе одной демонстраціи. Народъ хоронилъ свободу. Торжественной процессіей онъ шелъ за одѣтыми въ трауръ носильщиками, которые несли гробъ съ надписью «Свобода 175 лѣтъ», гробъ зарыли при пушечныхъ выстрѣлахъ и пѣніи гимновъ; потомъ вырыли его и при громкихъ восторженныхъ кликахъ «воскресла свобода»! понесли его въ ратушу. Мерси политическимъ тактомъ своимъ очень хорошо понимала, какое сильное вліяніе имѣютъ на умы народа подобныя демонстраціи и какимъ могучимъ двигателемъ служатъ онѣ въ эпохи великихъ переворотовъ, и всѣми силами содѣйствовала устройству ихъ. Сверхъ того она сильно возбуждала духъ въ обществѣ своими драмами, которыя впрочемъ не отличались драматическимъ талантомъ, но заключали многія превосходныя лирическія мѣста и множество намековъ на современныя событія. Особенное значеніе имѣла ея сатирическая пьеса «The group» (группа), въ которой осмѣивались главные вожаки партіи торіевъ, стоявшей на сторонѣ правительства, и губернаторъ Гётчинсонъ, своими поборами и жестокостью заслужившій общую ненависть и выставленный въ пьесѣ подъ именемъ Rapatio — скареда. Слѣдую-

щая характеристика, въ напыщенномъ и фигуральномъ слогѣ того времени, относилась къ нему:

«Смотри на измѣнника: онъ страшнымъ преступленіемъ своимъ заглушилъ всѣ нѣжныя чувства человѣка и порвалъ всѣ общественныя связи, которыя связываютъ его сердце. Онъ сторговался съ врагами своего отечества и вмѣстѣ съ ними предаетъ Америку пламени. И въ тоже время, какъ будто для того, чтобы усилить жестокое оскорбленіе и еще лучше разыграть свой недостойный фарсъ, онъ съ притворнымъ сожалѣніемъ и сатанинской усмѣшкой шлетъ тяжелые вздохи за обширный Атлантическій океанъ; съ выраженіемъ крокодила онъ можетъ проливать слезы и увѣнчивать свою жертву, постоянно надѣясь обмануть. Онъ плачетъ и сбирающіяся тучи грозно виснутъ надъ ней,— а онъ въ душѣ смѣется. Онъ рыдаетъ... Увы, моя родина!»

Эта рѣзкая сатира, сила которой ослаблена и переводомъ и нашей непривычкой къ напыщенности слога, считавшагося въ то время естественнымъ и поэтическимъ, произвела сильное впечатлѣніе на общество и жестоко уронила въ глазахъ его губернатора Гётчинсона и его кружокъ.

Какъ характерическую черту женщинъ того времени слѣдуетъ прибавить, что Мерси Уарренъ опасалась, что зашла слишкомъ далеко въ своей сатирѣ, и вовсе не потому, что могла навлечь на себя и мужа мщеніе губернатора, а потому, что рѣзкость ея переступала за границы женственности. Заклеймивъ позоромъ измѣнника, какъ гражданка, честно сознававшая свой долгъ, она въ тоже время пугливо оглядывалась, не осудятъ ли ее за неприличіе подобнаго поступка. Пріятельница ея мистрисъ Адамсъ смотрѣла болѣе свѣтлымъ взглядомъ, и въ одномъ изъ своихъ писемъ успокоивала ее слѣдующими словами: «Я замѣтила какъ вы, другъ мой, мучитесь опасеніями, что рѣзкость, съ какою написана ваша пьеса «Группа», несовмѣстна съ кротостью, которая должна быть отличительной чертой женскаго характера. Правда, что сатира въ рукахъ нѣкоторыхъ людей можетъ быть опаснымъ оружіемъ,—но орлиные когти—принадлежность орла; и когда сатира внушена любовью къ добродѣтели и ненавистью къ злу, когда она свято хранитъ истину и только достойныя посмѣянія и порочныя дѣйствія осмѣиваются ею, то сатира не только не предосудительна, но похвальна какъ нельзя болѣе».

Изъ драмъ Мерси Уарренъ большою извѣстностью пользовались ея «Разрушеніе Рима» (The sack of Rome) и «Женщины Кастиліи» (Ladies of Castile). Сюжетъ послѣдней драмы былъ выбранъ очень удачно: возстаніе кастильцевъ противъ Карла V, въ которомъ играла такую видную роль Марія Падилья, жена пред-

водителя кастильцевъ. Слѣдующій монологъ Маріи Падильи, обращенный къ мужу, особенно замѣчателенъ какъ выраженіе чувствъ свободы и патріотизма, одушевлявшихъ американцевъ:

«Говори не какъ влюбленный, но какъ герой. Насъ спасетъ мечъ, или народъ нашъ падетъ, и униженно надѣнетъ ярмо раба. Мы встаемъ за дѣло славы и чести. Мы вооружаемся, чтобы добыть высшее благо, какимъ только можетъ наслаждаться человѣкъ. Не бунтъ, не феодальная распря призываютъ тысячи къ гражданской войнѣ и отравляютъ сердца жаждой крови; въ нашей груди горитъ не злобное честолюбіе, не мщеніе, какъ въ груди надменнаго гранда, когда онъ бросаетъ перчатку къ ногамъ своего государя и вызываетъ его въ безумной ярости. Насъ призываетъ геній свободы, взлелѣянный изъ вѣка въ вѣкъ, взрощенный въ учрежденіяхъ независимости и закона, переданный отъ отца къ сыну на скрижаляхъ добродѣтели, еще съ тѣхъ временъ, когда дикія и свирѣпыя орды варваровъ нахлынули и прогнали далеко за горы Нарвазіи надменныхъ властелиновъ, управлявшихъ древней Испаніей. Наши свободные предки не унижали себя рабскимъ поклоненіемъ деспотамъ.»

Мерси Уарренъ писала много стихотвореній въ искусственномъ и надутомъ вкусѣ того времени, образцами котораго были Попъ и Драйденъ; они, разумѣется забыты, несмотря на то, что въ свое время услаждали досуги Вашингтона, Адамса и другихъ государственныхъ мужей того времени. Въ памяти общества сохранились только тѣ стихотворенія, въ которыхъ она заставляла свою напудренную, затянутую въ корсетъ и раздутую фижмами музу служить дѣлу свободы. Муза ея отзывалась на каждое событіе, пользовалась каждымъ случаемъ, чтобы дѣйствовать на умы. Когда толпы народа разбили ящики съ табакомъ и высыпали его въ море, Мерси Уарренъ прославила эту демонстрацію въ краснорѣчивыхъ стихахъ, гдѣ воспѣвались нимфы, которыя, оставивъ нектаръ богамъ Гомера, теперь чихаютъ взапуски отъ угощенія гражданъ, принесшихъ въ жертву Ѳемидѣ ядовитое зелье Индіи. Большое вліяніе въ то время имѣло на умы ея стихотворное посланіе члену конгресса Джону Уинтрону, одному изъ замѣчательнѣйшихъ людей революціи. Когда Англія обложила пошлиной всѣ ввозимые въ Америку товары, на конгрессѣ постановлено было ограничить ввозную торговлю товарами первой необходимости и наложить запрещеніе на всѣ предметы роскоши, Джонъ Уинтронъ писалъ Мерси Уарренъ, спрашивая ея совѣта, какія статьи торговли слѣдуетъ считать необходимыми. Мерси отвѣчала ему длиннымъ юмористическимъ перечнемъ всего, что модница того времени считала необходимостью. Посланіе окан-

чивалось ѣдкой насмѣшкой надъ женщинами, которыя въ эту годину народныхъ бѣдствій не могли отказаться отъ роскоши и нарядовъ:

«Но душистый листъ Гизона такъ вкусенъ, и кто же станетъ носить тканыя дома произведенія нашихъ долинъ? Даже если это спасетъ народъ отъ этого проклятія—королевскихъ войскъ, или другой еще злѣйшей язвы. Очень немногіе захотятъ отказаться отъ ароматнаго напитка, хотя бы всѣ яды Медеи наполняли чашу. Не устоять противъ сладостнаго искушенія, даже еслибы пришлось купить его кровью отца, даже еслибы дорогой цѣной его была—потеря свободы, даже еслибъ пылающія кометы промчались по разгнѣванньмъ небесамъ, или загремѣли вулканы и дрогнула разверзающаяся земля. Неужели суровый патріотъ откажетъ просьбѣ Клары? Красота проситъ, и мудрость должна уступить.»

Мерси Уарренъ принадлежала къ числу немногихъ людей, которые, какъ Вашингтонъ, въ самое мрачное время общественныхъ бѣдствій, когда арміи колоній терпѣли пораженіе за пораженіемъ, теряли крѣпость за крѣпостью, когда раздоры и взаимное недовѣріе въ конгрессѣ и арміи грозили разложеніемъ и гибелью Союзу,—не утрачивали ни мужества, ни надежды на торжество свободы. Сохранилось одно письмо, въ которомъ она напоминаетъ Джону Адамсу, тогда уполномоченному Соединенныхъ Штатовъ въ Европѣ, о тѣхъ словахъ, которыя вырвались у него въ ту минуту унынія, какъ онъ съ другими членами конгресса совѣщался о положеніи дѣлъ въ ея плимутской гостиной: «Вы сказали, что распря между Британіей и колоніями окончится только тогда, когда ваши и мои сыновья будутъ въ силахъ помогать нашей работѣ и вести переговоры съ дворами Европы. Одна дама отвѣчала вамъ на это, быть можетъ, не вслѣдствіе вѣрнаго предвѣдѣнія хода событій, но подъ вліяніемъ безотчетнаго предчувствія или хвастливой самонадѣянности, что это дѣло должно быть сдѣлано вами, и должно быть сдѣлано немедленно. За свое предсказаніе она потребовала, чтобы вы въ свободныя минуты присылали ей описаніе обычаевъ, нравовъ, образованія, управленія и духа тѣхъ народовъ, съ которыми мы до сихъ поръ такъ мало знакомы. Вы согласились, предсказаніе сбылось».

Изъ этого отрывка видно, что Мерси Уарренъ подавала вождямъ революціи совѣтъ обратиться въ Европу за помощью, которая имѣла такое рѣшительное вліяніе на исходъ войны, и что ея совѣты, равно и непоколебимая вѣра въ успѣхъ были основаны вовсе не на хвастливой самонадѣянности или безотчетномъ предчувствіи, какъ она изъ приторной скромности на-

зывала свое предвѣдѣніе, но на ясномъ пониманіи хода событій, на вѣрномъ знаніи силъ своего народа и сознаніи правъ его на свободу.

То же безотчетное предчувствіе заставило ее писать въ началѣ 1777 г. къ мистрисъ Маколей: «Наступающая весна несетъ въ себѣ судьбу государствъ, и колеса революціи движутся впередъ съ неимовѣрной быстротой. Они могутъ сбить корону съ чела и ниспровергнуть тирана съ трона, когда онъ не ожидаетъ того. Голосъ льстецовъ величества всегда охотнѣе выслушивается, чѣмъ голосъ пророка, предвѣщающаго бѣдствія; но когда слова: *мене, ѳакелъ*, будутъ начертаны на стѣнахъ дворца, ихъ не изгладитъ рука государя, который не хочетъ ограничить себя, хотя онъ и знаетъ примѣры того, что̀ было сдѣлано въ дни его праотцовъ».

Тѣмъ же безотчетнымъ предчувствіемъ отличается и ея стихотвореніе: «Политическая дума на 1774 г.». Въ немъ были пророчества о будущей судьбѣ Америки, но не раздутыя пророчества квасного патріотизма о томъ, что-молъ шапками закидаемъ врага, и которыя неловко вспомнить въ минуту отрезвленія,—это была твердая увѣренность, что идеи разума, права, свободы должны восторжествовать надъ насиліемъ, невѣжествомъ и рабствомъ, новая жизнь надъ старой. Вотъ лучшее мѣсто изъ этой думы:

«Я смотрю съ восторгомъ на дальній разсвѣтъ и жду сіянья наступающаго дня, когда справедливость простретъ свой скипетръ надъ нашей землей и вырветъ свободу изъ рукъ тирана; когда увѣнчанные лаврами патріоты изберутся въ правленіе, и древнія королевства будутъ искать нашего союза; здѣсь мужество выкажетъ себя во всей своей славѣ, и добродѣтель подниметъ свою давно поникшую голову и водрузитъ свое знамя подъ просвѣтлѣвшими небесами; слава будетъ расти, искусства и науки—совершенствоваться, и обширныя земли великаго государства будутъ быстро развертываться до границъ западнаго полушарія.

«Никогда деспотъ не будетъ управлять здѣсь съ своей страшной властью; наслѣдство сиротъ не будетъ добычей грабежа любимцевъ; сердца вдовъ не будутъ болѣе обливаться кровью и раззоренные города оплакивать убитыхъ сыновъ своихъ. Изгнанный навсегда рукой судьбы тиранъ со своими постоянными войсками [1]), этимъ бичемъ каждаго государства,—будетъ такъ же далеко отъ насъ, какъ свѣтлый Гесперъ отъ полярной звѣзды. Тогда воцарится свобода и вмѣстѣ съ добродѣтелью распространитъ свою

[1]) Standing troops—постоянное королевское войско—учрежденіе бывшее особенно ненавистнымъ республиканскому духу колоній.

власть надъ обширными землями. Республика утвердится на широкомъ основаніи, когда беззаконная власть отниметъ свою руку. Тогда корона и скипетръ будутъ ненужными игрушками, и низкіе преторіанцы не станутъ болѣе насъ грабить для королей».

Мерси Уарренъ вела подробныя записки обо всѣхъ событіяхъ войны за независимость и по нимъ написала исторію войны, которую издала на 77 году отъ роду. Дюйкинкъ отзывается, что эта исторія считалась одною изъ лучшихъ, а мистриссъ Эллетъ говоритъ, что въ ней видѣнъ авторъ, опередившій свой вѣкъ. По окончаніи революціи вліяніе Мерси Уарренъ на общественныя дѣла не уменьшилось. У нея по прежнему собирались государственные люди и вожди партій, она подавала совѣты, примиряла враждующія партіи, ссужала ихъ доводами для защиты своихъ принциповъ и не разъ мысли ея высказывались ораторами въ засѣданіяхъ конгресса. Въ какой бы то ни было странѣ, или вѣкѣ, говоритъ мистриссъ Эллетъ, рѣдко встрѣтишь, чтобы женщина могла имѣть такое сильное и прочное вліяніе надъ мужчинами единственно силой своего ума. Это вліяніе продолжалось большую часть ея жизни. Рошфуко, въ своемъ «Описаніи путешествія по Соединеннымъ Штатамъ», упоминаетъ о ея изумительной и разнообразной начитанности, и такъ отзывается о ней самой: «очень замѣчательная женщина, разговоръ ея оживленъ, и она не утратила съ годами ни дѣятельности ума, ни привлекательности, отличавшей ее въ молодости», а ей тогда было семьдесятъ лѣтъ, признакъ необыкновенной живучести и силы ея характера, потому что она не пользовалась крѣпкимъ здоровьемъ. Мерси Уарренъ умерла восьмидесяти лѣтъ отъ роду. Она была первой изъ американскихъ женщинъ, которая заставила поэзію служить столь осмѣяннымъ «гражданскимъ мотивамъ», и, какъ говоритъ ея біографъ: учила читающій міръ исторіи, политикѣ и самоуправленію.

Другая женщина, игравшая роль въ революціи—была мистриссъ Адамсъ, жена знаменитаго Джона Адамса, перваго посланника по освобожденіи колоній въ Англіи и впослѣдствіи вице-президента и президента Соединенныхъ Штатовъ. Но къ сожалѣнію, авторъ мемуаровъ ограничивается очень короткимъ очеркомъ, потому что жизнь мистриссъ Адамсъ хорошо извѣстна американскимъ читателямъ изъ ея изданной переписки и біографіи ея, составленной внукомъ, а переписку и біографію не было никакой возможности достать. Мистриссъ Адамсъ отличалась умомъ,

наблюдательностью и политическимъ тактомъ, и переписка ея очень цѣнится какъ матеріалъ для исторіи войны колоній за независимость. Мистрисъ Адамсъ, такъ же какъ и Мерси Уарренъ, своимъ воспитаніемъ обязана одной себѣ; она по болѣзни избѣгла педантизма школы. Самостоятельное чтеніе и наблюденіе надъ жизнью развили ея замѣчательныя способности. Мистриссъ Адамсъ принадлежала къ кружку женщинъ Массачусетса, которыя устраивали комитеты, подписки, демонстраціи; но главныя права ея на извѣстность заключаются не въ этой дѣятельности, а въ тѣхъ политическихъ способностяхъ, которыя она выказала, когда мужъ ея былъ посланникомъ при англійскомъ дворѣ. Она была дѣятельной помощницей мужа, и если онъ съ такимъ достоинствомъ поддержалъ честь представителя свободной націи и такъ успѣшно устроилъ новыя отношенія Штатовъ къ королевству, какъ равныхъ государствъ, то этимъ онъ, по единодушному отзыву его біографовъ, во многомъ обязанъ своей женѣ. Теперь, когда даже самые отсталые люди начинаютъ считать народъ силой и сообразуются хоть сколько-нибудь съ его мнѣніемъ, политическій тактъ посланниковъ далеко не имѣетъ ни того вліянія на отношенія народовъ и той важности для исторіи, какія онъ имѣлъ въ то время. Въ Англіи временъ Георга I дворъ былъ всемогущъ, и посредствомъ продажнаго парламента управлялъ самовластно страной. Роль посланника народа, свергнувшаго иго своихъ господъ, была очень трудна въ странѣ этихъ господъ; ему нужно было и сохранить достоинство своего народа и не пробудить вновь только-что утихшее чувство ненависти къ «бунтовщикамъ». Вліяніе женщины могло сдѣлать очень много. Во всѣхъ придворныхъ интригахъ женщины играли большую роль. Сколько бывало примѣровъ, что войны объявлялись въ угоду фавориткамъ короля, что ссора женъ посланниковъ отзывалась на отношеніяхъ мужей. Въ этой смѣси сталкивающихся интересовъ лицъ, въ рукахъ которыхъ судьба народовъ, необдуманное слово, оскорбившее чье-нибудь самолюбіе, мелочная забывчивость запутанныхъ отношеній, несдержанное выраженіе чувства или мысли могутъ имѣть важныя послѣдствія — они раздражатъ или расположатъ людей, отъ которыхъ зависитъ такъ много. И хотя Бокль не признаетъ за интригами политики никакого вліянія на развитіе судьбы народовъ, то это вѣрно только, если брать въ разсчетъ большіе періоды времени: тутъ разнообразные и противорѣчащіе элементы, которые вносятся политиками въ жизнь народа, уравновѣшиваютъ взаимно другъ друга, такъ что въ результатѣ ихъ вліяніе, чтобы остановить или измѣнить ходъ жизни народной, окажется нулемъ; такъ, разныя

краски на бумажной призмѣ при быстромъ верченіи сливаются въ одинъ цвѣтъ—бѣлый—отсутствіе всякихъ красокъ—тотъ-же нуль; и въ такомъ случаѣ можно съ полной справедливостью примѣнить къ политикамъ знаменитое изреченіе Боссюета: «L'homme s'agite et Dieu le mène, — le politique s'agite et le peuple le mène. Но если ограничиваться только современною эпохою, то каждая мѣра, вытекающая изъ тѣхъ или другихъ отношеній политиковъ, непремѣнно отразится пользой или вредомъ на жизни народа, и потому очень важно, чтобы въ данную эпоху люди, въ чьихъ рукахъ находятся интересы народа, могли употреблять свое вліяніе на пользу ему. Мистриссъ Адамсъ вела себя съ необыкновеннымъ тактомъ при сен-джемскомъ дворѣ; она умѣла въ обращеніи своемъ соединить «безъискусственную простоту республиканки и тонкую любезность, которыми очаровала всѣ кружки гордой англійской аристократіи. Очаровать королевское семейство и самого короля, привыкшихъ къ раболѣпному поклоненію, оказалось труднѣе для республиканки; гордое достоинство, которое она для поддержанія чести своего отечества сохраняла въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ, и котораго не сохраняли жены другихъ посланниковъ, видѣвшіе въ Георгѣ — брата своихъ государей, весьма естественно не могло расположить его въ ея пользу; но несмотря на немногія столкновенія, дружескія отношенія были сохранены. Она писала по этому поводу Мерси Уарренъ: «Каждый, кто сдѣлается извѣстенъ въ Европѣ своими республиканскими принципами, долженъ ожидать, что противъ него будутъ направлены всѣ орудія каждаго двора и каждаго придворнаго въ Европѣ».

Письма ея того времени полны мѣткой наблюдательности и живого интереса. Она съ гордой радостью, отравленной сожалѣніемъ, замѣчала разницу между положеніемъ народа въ ея отечествѣ и въ тѣхъ королевствахъ, которыя такъ громко звались цвѣтущими въ Европѣ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ сестрѣ она говоритъ: «Когда я размышляю о преимуществахъ, которыми обладаетъ народъ Америки надъ самыми цивилизованными націями, о той легкости, съ какою собственность пріобрѣтается трудомъ, о довольствѣ, которое такъ равномѣрно распредѣлено, о личной независимости послѣдняго гражданина и неприкосновенности его личности, жизни и имущества,—я чувствую благодарность къ небу, которое опредѣлило мой удѣлъ въ этой счастливой странѣ; но въ то же время я порицаю этотъ безпокойный духъ, это гибельное честолюбіе и жажду власти, которые въ концѣ концовъ могутъ сдѣлать насъ такъ же несчастными, какъ и нашихъ сосѣдей».

Когда Джонъ Адамсъ былъ выбранъ въ президенты, жена послала ему письмо, въ которомъ высказалось чувство честной гражданки, не ослѣпленной блескомъ власти и глубоко сознававшей всю великость отвѣтственности, возложенной на него народомъ. Она начинаетъ стихами по модѣ того времени:

The sun is dreped in its brightest beams
Tu give the honour to the day, etc.

«Солнце одѣлось самыми яркими лучами, чтобы привѣтствовать этотъ день.

«И да будетъ этотъ день предвѣстникомъ наступающихъ годовъ. Сегодня ты будешь провозглашенъ главой народа. Сегодня Господь и Богъ мой, Ты поставилъ слугу твоего правителемъ надъ народомъ. Дай ему уразумѣніе, чтобы онъ зналъ, какъ поступать передъ лицомъ нашего великаго народа и могъ всегда отличать добро отъ зла! О Господи, кто достоинъ судить Твой великій народъ! Вотъ были слова государя, вступавшаго на престолъ, тѣмъ не менѣе ихъ можно примѣнить и къ тому, кто облекается властью перваго правителя въ государствѣ, хотя онъ не будетъ носить ни короны, ни мантіи королевской»....

«Мои чувства такъ далеки отъ гордости или тщеславія, пишетъ она далѣе, онѣ освящены сознаніемъ важной отвѣтственности, которую возложило на тебя довѣріе народа, великаго долга и многочисленныхъ обязанностей, которыя предстоятъ тебѣ. Да пошлетъ тебѣ Богъ силы исполнить ихъ съ честью для себя, съ справедливостью и безпристрастіемъ къ великому народу и на благо нашего отечества; вотъ непрестанная молитва, непрестанная молитва твоей А. А.»

Сдѣлавшись женой президента, мистрисъ Адамсъ сохранила прежнюю простоту. Власть не вскружила ей голову, и вліяніе ея по прежнему оставалось сильно и благотворно. Ея мѣткая наблюдательность, умѣнье разгадывать людей, трезвый практическій взглядъ и чистота характера, чуждаго мелочныхъ предразсудковъ, общаго недостатка женщинъ, дѣлали изъ нея полезную помощницу мужу. Задача президента въ первые годы основанія республики была далеко не легкая. Приходилось залечивать раны, нанесенныя междоусобной войной, которыя не могли совершенно закрыться въ два трехлѣтія президентства Вашингтона; соглашать враждующія партіи виговъ и торіевъ, искоренять продажность и воровство, вкравшіяся въ управленіе, и ко всему этому обезоруживать личныхъ враговъ и завистниковъ. Мистрисъ Адамсъ дѣятельно помогала мужу въ выполненіи этой задачи, и онъ по-

стоянно слѣдовалъ ея совѣтамъ и не разъ признавалъ ея вліяніе въ кругу друзей и въ письмахъ.

Когда мужъ ея снова вступилъ въ частную жизнь, мистрисъ Адамсъ продолжала принимать живое участіе въ общественныхъ дѣлахъ; она вела дѣятельную переписку съ государственными людьми, съ которыми была дружна, и высказывала свое мнѣніе и о правителяхъ и о предпринимаемыхъ мѣрахъ. Къ сожалѣнію, авторъ мемуаровъ дѣлаетъ здѣсь только ссылки въ выноскахъ на ея переписку, а не говоритъ, какого рода были мѣры. Въ 1807 г. она писала Мерси Уарренъ:

«Еслибы мы стали считать наши годы революціями, которыхъ мы были свидѣтельницами, мы могли бы счесть себя ровесниками допотопныхъ патріарховъ. Перемѣны были такъ быстры, что они обогнали даже самый быстрый полетъ мысли, и мы остались неподвижны какъ статуи, смотря съ изумленіемъ на то, что мы не можемъ ни измѣрить, ни понять. Вы спрашиваете, что думаетъ мистеръ Адамсъ о Наполеонѣ? Еслибы вы спросили мистрисъ Адамсъ, то она вамъ отвѣтила бы словами Попе:

«If plagues and earth quakes break nod heaven's deseyns
Why then a Borgia, or a *Napoline*?

«Если чума и землетрясенія не разрушатъ намѣреній Провидѣнія, то это сдѣлаетъ Борджіа или Наполеонъ.» (Napoleon было измѣнено въ Napoline ради риѳмы).

Мистрисъ Адамсъ умерла въ глубокой старости, 74 лѣтъ, несмотря на свое слабое здоровье и на тѣ нравственныя страданія, которыя она вынесла въ продолженіи революціи, сохранивъ свѣжесть чувствъ и ума. Авторъ мемуаровъ приписываетъ это исключительно ея глубокой религіозности, поддерживавшей ее въ трудныя минуты жизни; но, отведя должное мѣсто вліянію религіи на вѣрующаго, слѣдуетъ признать, что причиной этой выносливости, мужества и живучести ея нравственныхъ силъ было и живое участіе, которое она принимала въ общественныхъ дѣлахъ. Умъ, занятый великими вопросами, не будетъ такъ долго останавливаться на личныхъ интересахъ и страданіяхъ, растравлять со всѣхъ сторонъ полученную рану, какъ то дѣлаютъ умы, поглощенные этими интересами и страданіями. Это участіе въ великой жизни народа и есть та «живая вода», которою спрыскивались богатыри, когда копье вражеское пробивало ихъ грудь.

Нашъ небольшой очеркъ дѣятельности мистрисъ Адамсъ и немногіе отрывки изъ ея писемъ даютъ понятіе скорѣе о томъ, чѣмъ она могла бы быть, чѣмъ о томъ, чѣмъ она была. То, что она была— выскажется въ двухъ словахъ: жена-помощница! Но, судя по той

великой честной силѣ, которую она выказала, можно судить о томъ, что̀ она сдѣлала бы, еслибы условія общественныя не ограничили ея дѣятельность этой ролью помощницы. Съ умомъ и политическими талантами, равными Мерси Уарренъ, она сдѣлала несравненно менѣе и пользовалась несравненно меньшей извѣстностью. Но литература до сихъ поръ единственное поприще, на которомъ дозволено проявиться сдавленнымъ и недоразвитымъ силамъ женщины; а природа не дала мистрисъ Адамсъ литературнаго таланта, и потому если ея политическіе таланты не были зарыты въ землю, то этимъ она обязана единственно счастливой случайности, сдѣлавшей ее женой Джона Адамса.

Изъ другихъ женщинъ, заслужившихъ извѣстность во время революціи, замѣчательна Эстеръ Ридъ, жена одного изъ первыхъ волонтеровъ революціи, а въ 1778 году президента или, какъ тогда называли, губернатора штата Пенсильваніи; Люси Ноксъ; жена генерала Нокса, помощника Вашингтона; и наконецъ жена Вашингтона. Впрочемъ своею извѣстностью онѣ обязаны преимущественно тѣмъ, что были женами людей, игравшихъ видныя роли въ революціи. Главная заслуга ихъ «скромное, домашнее мужество», какъ говоритъ мистрисъ Эллетъ. Нелегка была жизнь женщинъ въ то время, какъ женъ вождей возстанія. Имъ приходилось выносить самыя грязныя клеветы, которыми партія лойялистовъ, или торіевъ, преслѣдовала ихъ мужей съ самой наглой безсовѣстностью, ждать наглыхъ оскорбленій, страшиться для дорогихъ сердцу не одной смерти въ битвѣ, но темнаго убійства изъ-за угла. Фанатизмъ торіевъ доводилъ вражду партій до звѣрства, не отступалъ передъ гнусной измѣной. И несмотря на всѣ выносимыя нравственныя пытки, эти женщины находили въ себѣ силы, затаивъ тревогу за своихъ милыхъ, за дѣтей, за себя, встрѣчать возвращавшихся мужей свѣтлой улыбкой. Это скромное «домашнее» мужество не измѣнило женщинамъ во все продолженіе войны; и оно сдѣлало свое дѣло. Оно поддержало силы, которыя, быть можетъ, сломились бы безъ него. «О немъ съ пренебреженіемъ могутъ отозваться только люди никогда не испытавшіе, что значитъ въ трудную минуту—найти утѣшеніе», говоритъ мистрисъ Эллетъ; эти женщины были не героини — но простыя работницы.

Эстеръ Ридъ была избрана предсѣдательницей комитета филадельфійскихъ леди для заготовленія рубашекъ солдатамъ вашингтоновой арміи. Комитетъ этотъ не походилъ на иные благотворительные комитеты, въ которыхъ бо̀льшая часть со-

бранныхъ суммъ уходитъ на расходъ по засѣданіямъ, печатанію отчетовъ; онъ не прибѣгалъ ни къ лотереямъ, базарамъ, ни спектаклямъ. Американки сходились вмѣстѣ, закупали, шили, и сдавали сами бѣлье. Эстеръ Ридъ вела съ Вашингтономъ переписку о лучшемъ способѣ снабженія солдатъ всѣмъ необходимымъ, и эта переписка отличается дѣловой толковостью, которой она обязана единственно своему здравому смыслу, потому что ей въ первый разъ въ жизни приходилось заниматься дѣлами, выходившими изъ разряда домашняго хозяйства. Несмотря на серьезную болѣзнь, она изъ патріотизма не хотѣла оставить своихъ занятій по комитету, требовавшихъ выѣздовъ и усиленной работы—и она умерла въ 1780 г. Смерть ея произвела въ Филадельфіи впечатлѣніе до того сильное, что даже вражда партій была на мигъ забыта, и всѣ классы общества соединились вмѣстѣ въ чувствѣ глубокаго сожалѣнія о ея ранней смерти.

Мистрисъ Ридъ смѣнила Сара Бэчь, дочь Франклина, по смерти ея избранная въ предсѣдательницы комитета. Она работала неутомимо и сверхъ того, благодаря краснорѣчію, наслѣдованному отъ отца, умѣла заставлять развязывать свои кошельки даже квакеровъ. Религія квакеровъ запрещаетъ имъ проливать кровь, и потому они считаютъ грѣхомъ давать деньги на поддержаніе войны. Когда Англія требовала податей съ колоній на войну съ французами въ Канадѣ, то квакеры отдѣлывались разными лицемѣрными уловками при уплатѣ: напр., когда требовали деньги на пушки, они, представивъ требуемую сумму, писали въ адресѣ, что даютъ ихъ на пожарныя трубы, fire engines — этимъ словомъ называется пожарная труба и на стихотворномъ языкѣ — огнестрѣльное орудіе. Но въ подпискѣ на революціонную армію невозможно было отыграться каламбуромъ; а братья любили равно сохранять и наружное повиновеніе догматамъ своей вѣры — и свои деньги; а потому большой сборъ, вырученный мистрисъ Бэчь, былъ торжествомъ ея краснорѣчія и ея неутомимаго рвенія. Секретарь французскаго посольства де-Мирбуа пишетъ, что большая часть американской арміи обязана ей своимъ бѣльемъ. Тоже самое писали и маркизъ де-Шастемо и Лафайетъ. Сарѣ Бэчь не приходилось выносить бѣдствій, лишеній и страданій, выпадавшихъ на долю женщинъ, дѣлившихъ опасности арміи; ей пришлось только отказаться отъ привычекъ роскоши. Интересенъ отрывокъ изъ ея письма отцу; она разсказываетъ о затрудненіяхъ достать ткача для выдѣлки полотна и о запасахъ шерсти, заготовляемыхъ ея горничной, изъ которыхъ она будетъ вязать чулки: «Зима наступаетъ и несетъ новые ужасы, пишетъ она далѣе: и если мнѣ не придется опять переѣзжать съ мѣста на

мѣсто, я буду совершенно спокойна дома. Твердость моя, которая не оставляла меня, когда другіе падали духомъ, можетъ измѣнить мнѣ только при новомъ пониженіи курса. Курсъ же падалъ съ невѣроятной быстротой, и я всю зиму просижу дома, потому что нельзя купить порядочнаго салопа и шляпы дешевле двухъ сотъ фунтовъ; что же касается газа, то онъ стоитъ пятьдесятъ долларовъ; я бы считала грѣхомъ и стыдомъ купить его, даже еслибы хотѣла рядиться и у меня были милліоны... Вы говорите, что деньги дешевы, это правда; но здѣсь есть тоже много людей, которые не знаютъ ни цѣны, ни пользы денегъ, у которыхъ ихъ такъ много, что имъ рѣшительно все равно бросить одинъ долларъ или сотню; но трудно жить тѣмъ, для кого, какъ для насъ, серебряный и бумажный долларъ одно и тоже. Мистеръ Бэчь не способенъ вести дѣла свои, какъ ведутъ ихъ здѣсь другіе, барышничать и захватывать монополіи».

Жена Вашингтона принадлежала тоже къ числу такихъ женщинъ работницъ. Она была просто добрая женщина, безъ особенныхъ способностей; она не высказала ни особеннаго героизма, ни политическаго такта, и хотя мистрисъ Эллетъ видитъ особенное мужество въ томъ, что она пріѣзжала въ армію на ея зимнія квартиры въ Велей Форджъ; но для того, чтобы пріѣзжать съ послѣднимъ и уѣзжать съ первымъ пушечнымъ выстрѣломъ начинавшейся кампаніи, не нужно особеннаго геройства; точно также не было великимъ гражданскимъ подвигомъ и то негодованіе, съ которымъ она вслѣдъ за мужемъ встрѣтила предложеніе заговорщиковъ арміи—избрать Вашингтона въ короли. Для доброй хозяйки и матери семейства корона не могла быть такимъ искушеніемъ, какимъ она была бы для женщины съ энергіей, талантами и честолюбіемъ. Она не была злымъ геніемъ своего мужа, заслуга чисто отрицательная, тѣмъ болѣе что и Вашингтонъ не былъ изъ числа людей, которые поддаются женскому вліянію. Впрочемъ, доброта, простота въ обращеніи, которою отличалась жена Вашингтона, оказали ему свою услугу, когда онъ былъ выбранъ президентомъ. Мистрисъ Вашингтонъ умѣла своею ровною любезностью залечивать тѣ раны, которыя невольно наносилъ мелочному самолюбію ея мужъ своею дикостью — слѣдствіемъ застѣнчивости, и постоянной разсѣянностью, естественнымъ недостаткомъ ума, постоянно занятаго великими интересами. Сверхъ того, дѣятельная филантропія, простота образа жизни и нелюбовь къ роскоши мистрисъ Вашингтонъ привлекали къ ней

народную любовь, и она по влеченію сердца поступала такъ, какъ поступаютъ изъ политики жены многихъ правителей.

Люси Ноксъ, жена генерала Нокса, пользовалась большимъ вліяніемъ въ обществѣ. Она была женщина серьезнаго ума, и мужъ ея и даже самъ Вашингтонъ совѣтовались съ ней во многихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ; но къ сожалѣнію изъ множества противорѣчащихъ преданій мистрисъ Эллетъ не могла выбрать ни одного примѣра; послѣ Люси Ноксъ не осталось переписки, которая могла бы служить доказательствомъ, и сохранилось только преданіе о ея умѣ и мужествѣ. Послѣ занятія Бостона англичанами она бѣжала съ мужемъ въ американскую армію, стоявшую лагеремъ въ Кембриджѣ, и провезла зашитую въ подкладку салопа шпагу, которая служила мужу ея во все время войны: патрули англійскаго войска осматривали всѣхъ выѣзжавшихъ и отбирали оружіе. Съ этихъ поръ мистрисъ Ноксъ не покидала арміи и дѣлила безропотно всѣ лишенія и страданія. Она часто впослѣдствіи разсказывала о днѣ голубей. Въ арміи не хватило провіанта и войско начинало роптать, когда счастливый случай послалъ неожиданный обѣдъ. Стая голубей, захваченныхъ ранними холодами, пролетѣла надъ лагеремъ и такъ низко, что ихъ перебили множество палками и кольями, и мистрисъ Ноксъ, несмотря на то, что она, какъ жена одного изъ начальниковъ войска, могла бы пользоваться средствами лучшаго продовольствія, была очень рада неожиданному обѣду, потому что нѣсколько дней питалась черствымъ хлѣбомъ. Крайность войска была такъ велика, что даже офицеры ходили въ лохмотьяхъ и могли являтся въ главную квартиру на эти обѣды голубей, приготовленныхъ на всѣ лады, только по очереди, потому что изъ нѣсколькихъ десятковъ офицеровъ, одинъ имѣлъ счастіе обладать еще мундиромъ, который долженъ былъ служить всѣмъ. Лишенія солдатъ были еще ужаснѣе, и если они такъ долго переносили ихъ безропотно, то этимъ, по отзывамъ газетъ того времени, обязаны тоже примѣру мужества, который подавала имъ Люси Ноксъ. Она часто потомъ говорила, что въ одинъ годъ пережила болѣе чѣмъ въ двѣнадцать лѣтъ обыкновенной жизни. Люси Ноксъ принадлежала тоже къ числу немногихъ людей, которые въ самыя тяжелыя минуты не отчаявались въ успѣхѣ своего дѣла.

Говоря о женщинахъ американской революціи, слѣдуетъ вспомнить о матери Вашингтона, хотя она не дѣлила ни лишеній и страданій войска и не участвовала въ организаціи комитетовъ и подписокъ, — но она была матерью Вашингтона и память о ней сохранилась въ Америкѣ, окруженная ореоломъ благоговѣйнаго уваженія. О ней составляли цѣлые томы записокъ, и Ва-

шингтонъ Ирвингъ и Гизо въ своей исторіи Вашингтона упоминаютъ о ней и отдаютъ ей должную справедливость. Она не ознаменовала себя никакимъ подвигомъ, но она была не только матерью, но и воспитательницей Вашингтона. Онъ до шестнадцатилѣтняго возраста находился подъ ея надзоромъ, а вліяніе ея на него продолжалось всю жизнь. Если справедливо положеніе науки, что дѣти наслѣдуютъ отъ матерей нервную систему и качество мозга, то тѣмъ болѣе интереса представитъ характеристика этой женщины, потому что сила ея была сила нравственная. Эта сила чувствуется даже тогда, когда бы мы не имѣли случая оцѣнить ее. Какъ ни тѣсенъ будь кругъ, въ которомъ заключена сильная натура, она всегда обратитъ на себя вниманіе, и займетъ свое мѣсто. Въ трудную минуту мы къ ней пойдемъ искать опоры, даже еслибы намъ и не случалось видѣть, что она поддержала кого, но почему-то намъ чувствуется, что именно она, а никто другой, можетъ поддержать, дать необходимый совѣтъ. Мистрисъ Вашингтонъ была просто честная женщина съ житейскимъ здравымъ смысломъ, рѣдкимъ самообладаніемъ. Она была неутомимая работница дома и управляла большимъ имѣніемъ до глубокой старости. Она вышла за вдовца, у котораго были уже дѣти, и съумѣла справедливостію и материнской любовью заслужить ихъ привязанность и внести съ тѣмъ уваженіе, граничившее съ благоговѣніемъ. Это черты не крупныя, и пожалуй празднымъ господамъ, мечтающимъ о героизмѣ, покажутся добродѣтелями изъ прописной морали, но именно эти черты сдѣлали изъ мистрисъ Вашингтонъ мать воспитательницу. Вашингтонъ былъ ея родной сынъ и любимецъ, какъ первый ребенокъ, но она скрывала свое предпочтеніе — и въ отношеніи его и пасынковъ слѣдовала строгой справедливости. Добрая и снисходительная къ дѣтскимъ проказамъ, она была неумолима тамъ, гдѣ касалось принциповъ. Пусть эти принципы и были односторонним и узкимъ пуританизмомъ, но тутъ важенъ примѣръ уваженія къ принципу, который ребенокъ видитъ съ первыхъ лѣтъ жизни; важно то, что онъ растетъ въ семьѣ, гдѣ нѣтъ сдѣлокъ съ совѣстью, продажи убѣжденій изъ-за выгоды, разлада съ словомъ и дѣломъ. Вашингтонъ самъ сознавался, что онъ обязанъ былъ матери тѣми качествами, которыя дѣлали его вождемъ народа,—мужествомъ, терпѣніемъ, самообладаніемъ и яснымъ и здравымъ сужденіемъ. Всѣ знаютъ, какъ сильно вліяніе первыхъ впечатлѣній, онѣ вмѣстѣ съ темпераментомъ кладутъ зародышъ будущаго человѣка. Вашингтонъ, лишившись отца, росъ исключительно подъ вліяніемъ матери; какъ младшему сыну виргинскаго дворянина, ему предстояла одна карьера — землeдѣ-

ліе и фермерство. Въ то время школъ было мало, и онѣ находились въ большомъ разстояніи отъ ихъ имѣнія, хорошихъ учителей еще меньше, а Вашингтонъ, благодаря самодѣятельности, которую мать его съумѣла рано пробудить въ немъ, съумѣлъ образовать себя, несмотря на неспособность своихъ учителей.

Біографы Вашингтона приводятъ нѣкоторыя черты ея характера, которыя напоминаютъ знаменитую Корнелію, мать Гракховъ. Когда Вашингтонъ былъ назначенъ главнокомандующимъ, она проводила его съ спокойствіемъ римской матроны лучшихъ временъ республики, безъ слезъ, безъ жалобъ, показывая примѣръ всѣмъ матерямъ, говоритъ мистрисъ Эллетъ, «что безплодный страхъ и слезы, какъ бы естественны они ни были, недостойны тѣхъ матерей, чьи сыновья сражались за драгоцѣнныя права человѣка, за свободу и счастье всего міра». При извѣстіи о сдачѣ Корнвалиса, мистрисъ Вашингтонъ подняла руки къ небу и воскликнула: «Благодарю небо! теперь война окончится, и миръ, независимость и счастіе осѣнятъ наше отечество»; а потомъ уже спросила о сынѣ. Замѣчательна была ея античная простота, какъ говорятъ о ней біографы. Лафайетъ въ своихъ письмахъ разсказываетъ о впечатлѣніи, которое она произвела на него, когда онъ пришелъ поклониться матери своего друга и учителя. «Она похожа на женщину Рима или Спарты, но не на мать нашего времени». Онъ началъ предъ нею съ восторженностію друга и сантиментальнымъ паѳосомъ того времени восхвалять подвиги ея сына. Она спокойно выслушала похвалы и просто отвѣтила: «Я не удивлена тѣмъ, что вы говорите; Джорджъ всегда былъ добрымъ мальчикомъ, я знала, что онъ исполнитъ свой долгъ». Этому глубокому сознанію чести и долга Вашингтонъ обязанъ тѣмъ, говорятъ біографы, что даже блескъ короны не могъ подкупить его измѣнить долгу гражданина, сына свободной страны. Она умерла въ глубокой старости, окруженная благоговѣйнымъ уваженіемъ согражданъ ея великаго сына, и молодая республика долго хранила память о матери Вашингтона.

Но если общественное мнѣніе Америки умѣло награждать женщинъ, которыя умѣли употребить свое вліяніе на службу ей, приготовить и воодушевить ея героевъ, за то оно и казнило презрѣніемъ тѣхъ, которыя были неспособны имѣть это вліяніе. Это пришлось испытать Маргаритѣ Арнольдъ, женѣ измѣнника Бенедикта Арнольда. Факты измѣны Арнольда, которая могла бы погубить всю армію, а съ ней и будущую республику, извѣстны очень хорошо. При открытіи измѣны негодованіе обще-

ства обрушилось на Маргариту, ее обвиняли въ подстрекательствѣ измѣнѣ, въ ней видѣли вторую леди Макбэтъ, готовую пролить рѣки крови если не за корону—то за намѣстничество и герцогство [1]). Впослѣдствіи, общество, отрезвившись отъ перваго взрыва негодованія, оправдало ее отъ этихъ обвиненій. Маргарита Арнольдъ была дочерью аристократовъ, выросла среди роскоши и поклоненій, она была замѣчательная красавица. Какъ свѣтская, пустая женщина, занятая выѣздами и поклонниками, она была неспособна принимать ни малѣйшаго участія въ политическихъ дѣлахъ, и Арнольдъ не могъ никогда повѣрить ей свои замыслы объ измѣнѣ. Вина ея была въ томъ, что она не сочувствовала ни мало начавшейся революціи, смѣнившей въ Бостонѣ веселые балы и праздники мрачными картинами междоусобной войны, голода, пожаровъ, — и что она была неспособна имѣть спасительное вліяніе на мужа. Главной причиной измѣны Арнольда была мелочная месть за полученный по службѣ выговоръ, а еще болѣе его ненасытное корыстолюбіе. Жена, привыкшая къ роскоши, поощряла его вести разорительный образъ жизни, который заставилъ его, чтобъ спастись отъ кредиторовъ, продаться за англійское золото. Американскій біографъ генераловъ революціи говоритъ: «У домашняго очага Арнольда не было ангела-хранителя, который спасъ бы его отъ искушенія и указалъ ему путь добра. Отвергая совершенно предположеніе, что жена его была злымъ геніемъ, подстрекавшимъ его на измѣну, мы вполнѣ убѣждены, что и въ ея вліяніи, равно какъ и въ вліяніи близкихъ ея, не было ничего, чтобы могло перевѣсить его побужденія къ измѣнѣ. Она была молода, безпечна и легкомысленна, любила блескъ роскошной обстановки, почести; она была неспособна нести обязанности и лишенія жены бѣднаго человѣка. У Арнольда не было совѣтника, который училъ бы его подражать скромнымъ республиканскимъ добродѣтелямъ и идти тернистымъ путемъ революціоннаго патріота». Это строгое слово осужденія было заслужено вполнѣ. Вашингтонъ Ирвингъ говоритъ, что Маргарита Арнольдъ была такъ поражена измѣной мужа, что не захотѣла болѣе вернуться къ нему. Очень могло быть, что для тщеславной женщины была невыносима мысль вернуться къ человѣку, заклейменному позоромъ измѣны. Она хотѣла остаться съ отцомъ въ Филадельфіи, но члены революціоннаго комитета Пенсильваніи, подозрѣвая ее въ участіи въ измѣнѣ, вслѣдствіе перехваченной записки къ ней англій-

[1]) Эти клеветы повторяла исторія, и Ботта называетъ ее женой достойною своего мужа.

скаго офицера Андре, шпіона въ американскомъ лагерѣ, велѣли ей выѣхать не медля изъ Филадельфіи. Въ этой запискѣ говорилось о разныхъ предметахъ дамскаго туалета, которыхъ мистрисъ Арнольдъ была давно лишена суровымъ патріотизмомъ американокъ, и которые Андре любезно вызывался доставить ей съ англійскими судами, а патріотическая подозрительность членовъ комитета увидѣла въ названіяхъ нарядовъ условный языкъ измѣны. Она поѣхала къ мужу противъ воли, по словамъ Ирвинга. Но мистрисъ Эллетъ неспособна допустить такую измѣну жены своему дому, даже ради чувства оскорбленной гражданки. Она восхваляетъ любовь Маргариты къ мужу и самоотверженіе ея жизни, посвященной на то, чтобы облегчить ему бремя его жизни, отравленной измѣной. Поѣздка мистрисъ Арнольдъ въ англійскій лагерь можетъ служить сильнымъ доказательствомъ уваженія, которымъ пользовались еще въ то время женщины въ Америкѣ. Въ какой странѣ въ самый разгаръ революціонныхъ страстей женщина, обвиняемая въ измѣнѣ, которую газеты предавали общественному поруганію, могла бы проѣхать сотни миль, не подвергнувшись ни малѣйшему оскорбленію? Даже когда народъ съ яростію волочилъ по грязи ньюіоркскихъ улицъ портретъ ея мужа къ костру, костеръ не поджигался, если мистрисъ Арнольдъ приходилось проѣзжать мимо него.

Другою женщиной, надъ которой, во время революціи, тяготѣло обвиненіе въ измѣнѣ и подкупѣ, была не пустая свѣтская кукла, а женщина, заслужившая уваженіе общества, писательница и поэтъ, пользовавшаяся въ свое время извѣстностью въ американской литературѣ. Ее звали Елизавета Фергюзонъ. Мужъ ея былъ на сторонѣ торіевъ или лойялистовъ и поступилъ въ англійское войско. Когда англичане заняли Филадельфію, епископъ Дюше, тори, послалъ черезъ нее письмо къ Вашингтону, чтобы убѣдить его отказаться отъ войны. Черезъ нѣсколько времени она, получивъ отъ главнокомандующаго американской арміей пропускъ, снова съѣздила въ Филадельфію для того, чтобъ проститься съ мужемъ, и встрѣтилась въ домѣ знакомыхъ тори съ губернаторомъ Джонстономъ, однимъ изъ коммиссіонеровъ посланныхъ парламентомъ, чтобы уладить несогласіе между метрополіей и колоніями. Они говорили о средствахъ прекратить кровопролитную войну; вліяніе генерала Рида было сильно, и Джонстонъ далъ мистрисъ Фергюзонъ порученіе передать ему предложеніе англійскаго правительства: десять тысячъ фунтовъ и высокій постъ на службѣ. Мистрисъ Фергюзонъ, хотя и заявила свое мнѣніе о неподкупности Рида, однако взялась передать предложеніе. Ридъ отвѣчалъ словами: «Меня не стоитъ под-

купать, да и притомъ у короля Великобританіи не хватитъ сокровищъ, чтобы купить меня». Слухъ о подкупѣ разнесся, хотя Ридъ, не желая подвергнуть мистрисъ Фергюзонъ народной ярости, и скрылъ о ея участіи въ немъ, но дѣло это было напечатано со всѣми подробностями въ газетахъ. Исполнительный комитетъ пенсильванскаго конгресса обнародовалъ строгое порицаніе попытки подкупа. Мистрисъ Фергюзонъ, увидѣвъ въ газетахъ отчетъ объ этомъ дѣлѣ, писала Риду, жалуясь на то, что ее выставили агентомъ, подкупленнымъ англійскимъ правительствомъ, тогда какъ участіе ея въ попыткѣ подкупа было вполнѣ безкорыстно. Ее мучилъ не столько страхъ мщенія народа, грозившаго сжечь ея домъ, сколько мысль о позорѣ, который свяжетъ ея имя съ именемъ измѣнниковъ. «Что огласка этой исторіи можетъ грозить мнѣ разореніемъ, пишетъ она, для меня дѣло второстепенное, вы меня знаете настолько, что повѣрите мнѣ.» Всѣ данныя подтверждаютъ, что она дѣйствовала подъ вліяніемъ, хотя ошибочнаго, но безкорыстнаго блага отечеству. Замужество ея съ Фергюзономъ, тори и полковникомъ англійскихъ войскъ, не могло вліять на ея образъ дѣйствія; она разошлась съ мужемъ до начала войны и исторіи подкупа. Мистрисъ Фергюзонъ была женщина болѣзненная, впечатлительная и въ высшей степени сострадательная, натура вполнѣ женственная. Она не могла безъ слезъ видѣть даже мученій животныхъ; ужасы междоусобной войны пугали ее, она часто обливалась слезами, читая въ газетахъ военныя реляціи. Принимая на себя то порученіе, она имѣла въ виду только прекращеніе кровопролитія и народныхъ бѣдствій, которыя заслонили отъ нея великую цѣль возстанія. Это предположеніе подтверждается еще тѣмъ упорствомъ, которое она выказала, помогая плѣннымъ американцамъ, несмотря на строгое запрещеніе англійскихъ военныхъ начальниковъ, и не боясь угрожавшихъ непріятностей. Но Америкѣ нужны были женщины, которыя умѣли мужественно смотрѣть на льющуюся кровь братьевъ и разглядѣть за нею будущее величіе свободнаго народа. Народъ въ минуту великой борьбы не любитъ нерѣшительныхъ и слабыхъ; кто не за него, тотъ противъ, и онъ отворачивается отъ своихъ противниковъ.

На мистрисъ Фергюзонъ долго лежало общественное отверженіе, и только по заключеніи мира, когда вражда партій стала забываться, забылось и ея участіе въ подкупѣ.

М. Цебрикова.



УССУРІЙСКІЙ КРАЙ

Новая территорія Россіи

II *).

Инородческое населеніе.

Изъ инородческихъ племенъ, обитающихъ въ Уссурійскомъ краѣ, первое мѣсто, по числу, принадлежитъ русскимъ китайцамъ или «манза» [1]), какъ они сами себя называютъ.

Это населеніе встрѣчается, какъ на самой Уссури, такъ и по ея большимъ правымъ притокамъ, но всего болѣе скучено въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, по долинамъ Сандогу, Лифудинъ, Ула-хэ, Дауби-хэ; затѣмъ въ западной части Ханкайскаго бассейна и по всѣмъ, болѣе значительнымъ, береговымъ рѣчкамъ Японскаго моря, въ особенности на Шгипо-хэ, Сучанѣ, Та-Судухэ, Та-Уху, Пхусунъ и Тазуши.

Трудно съ точностью объяснить историческое происхожденіе этого населенія, и сами манзы на этотъ счетъ ничего не знаютъ. Всего вѣроятнѣе, что съ тѣхъ поръ, какъ, въ половинѣ XVII вѣка по Р. Х., манчжуры овладѣли Китаемъ, восточная часть ихъ родины, скудно населенная туземными племенами орочей и гольдовъ, сдѣлалась мѣстомъ ссылки различныхъ преступниковъ. Съ другой стороны, естественныя богатства этой страны, въ особенности соболь и дорогой корень жень-шень, цѣнимый

---

*) См. выше, май, 236 стр., съ приложенною картою.

[1]) О значеніи слова «Манза» я много разъ допытывался у китайцевъ, но никогда не могъ получить удовлетворительнаго отвѣта. Обыкновенно они говорятъ, что это слово есть настоящее названіе китайцевъ.

въ Китаѣ на вѣсъ золота, привлекали сюда цѣлыя толпы бездомныхъ скитальцевъ, неимѣвшихъ дѣла на родинѣ и приходившихъ въ новый край, съ надеждою на скорое и легкое обогащеніе. Наконецъ, морское побережье, гдѣ, у скалистыхъ выступовъ, въ изобиліи растетъ морская капуста (особый видъ морской водоросли Fucus), представляло обширное поприще для промысла, не менѣе выгоднаго, чѣмъ ловля соболя и исканіе жень-шеня. Такимъ образомъ, въ зависимости отъ всѣхъ этихъ условій и сложилось мѣстное китайское населеніе края, которое можно раздѣлить на *постоянное*, или осѣдлое, и *временное*, или приходящее.

Къ первому, относятся тѣ китайцы, которые поселились здѣсь на вѣчныя времена, занялись земледѣліемъ и живутъ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ.

Это населеніе образовалось, вѣроятно, изъ бѣглыхъ и ссыльныхъ, а частію и изъ временно-приходящихъ, которымъ нравилась дикая, свободная жизнь, внѣ всякихъ условій цивилизованнаго общества.

Главнѣйшее занятіе всѣхъ осѣдлыхъ манзъ есть земледѣліе, которое доведено у нихъ до совершенства. Поля, находящіяся при ихъ жилищахъ, или фанзахъ, могутъ служить образцами трудолюбія, такъ что урожай хлѣба, въ особенности проса, составляющаго главную пищу, бываетъ чрезвычайно великъ, и обезпечиваетъ годичное существованіе хозяина фанзы, съ его работниками. Кромѣ проса, манзы засѣваютъ также сорго, бобы, фасоль, кукурузу, ячмень и пшеницу, а по огородамъ различныя овощи, какъ-то: огурцы, дыни, капусту, рѣдьку, чеснокъ, лукъ, красный перецъ и табакъ. Лукъ и чеснокъ составляютъ для нихъ любимую овощь и употребляются какъ въ сыромъ видѣ, такъ и въ различныхъ кушаньяхъ.

Сверхъ того, нѣкоторые китайцы — правда очень немногіе — занимаются воздѣлываніемъ жень-шеня (Panax ginseng). Это растеніе, принадлежащее къ семейству аралій, встрѣчается въ дикомъ состояніи въ южной Манчжуріи и въ Уссурійской странѣ, приблизительно до 47° сѣверн. шир. Оно растетъ въ глубокихъ тѣнистыхъ лѣсныхъ падяхъ, но вездѣ очень рѣдко. Съ давнихъ временъ китайская медицина приписываетъ корню жень-шеня различныя цѣлебныя свойства, даже въ такихъ болѣзняхъ, какъ истощеніе силъ, чахотка и т. п.; поэтому въ Китаѣ платятъ за него громадныя цѣны. Оставляя даже въ сторонѣ преувеличенныя, въ этомъ случаѣ, показанія прежнихъ писателей, которые, какъ напр. миссіонеръ Вероль, увѣряютъ, что фунтъ дикорастущаго жень-шеня стóитъ въ Пе-

кинѣ до 50-ти тысячъ франковъ, все-таки цѣна на него въ Китаѣ громадная и по разсказамъ манзъ простирается до двухъ тысячъ серебрянныхъ рублей, на наши деньги, за одинъ фунтъ корня. Воздѣлываемый же на плантаціяхъ жень-шень стоитъ несравненно дешевле, и продается только 40 — 50 серебрянныхъ рублей за фунтъ.

Исканіемъ дикаго жень-шеня, въ южной Манчжуріи, ежегодно занимаются нѣсколько тысячъ человѣкъ, получающихъ на такой промыселъ дозволеніе и билеты отъ правительства. Въ прежнія времена, промышленники приходили и въ Южно-Уссурійскій край, но теперь этотъ промыселъ прекратился здѣсь совершенно, хотя существовалъ не такъ давно въ размѣрахъ довольно обширныхъ. Еще миссіонеръ де-ла Брюньеръ, посѣтившій Уссури въ 1846 году и бывшій на ней первымъ изъ европейцевъ, въ своихъ запискахъ разсказываетъ объ этомъ промыслѣ и описываетъ исполненную трудовъ и опасностей жизнь искателей жень-шеня. Въ настоящее время, въ нашемъ Уссурійскомъ краѣ вовсе нѣтъ подобныхъ искателей [1]) и всѣ манзы единогласно говорятъ, что причиною тому занятіе нашими края и распространеніе въ немъ русскаго населенія, котораго боятся промышленники.

Между тѣмъ, искусственное разведеніе жень-шеня идетъ по прежнему, и его плантаціи изрѣдка встрѣчаются въ Южно-Уссурійскомъ краѣ на Дауби-хэ, Сандогу, Сучанѣ и на нѣкоторыхъ рѣчкахъ морского побережья. Разведеніе и воспитываніе этого растенія требуетъ особеннаго, тщательнаго ухода. Обыкновенно его садятъ сѣменами, или корнями (послѣдній способъ разведенія гораздо лучше) въ гряды, которыя имѣютъ одну сажень въ ширину и около десяти въ длину. Земля для этихъ грядъ должна быть чистый черноземъ, который осенью сгребаютъ въ кучи; затѣмъ, весною просѣиваютъ сквозь особыя рѣдкія сита и только послѣ подобной обдѣлки кладутъ въ гряды. Для защиты отъ солнечныхъ лучей, которыхъ не любитъ это растеніе, надъ каждою грядою устраивается навѣсъ изъ холста, иногда же изъ досокъ. Кромѣ того, съ сѣверной стороны, также дѣлается защита отъ холоднаго вѣтра. Съ наступленіемъ зимы навѣсъ снимается, и открытая гряда заносится снѣгомъ. Въ первый годъ послѣ посѣва корень выростаетъ очень небольшой, но съ каждымъ годомъ толщина его увеличивается, хотя и при глубокой старости онъ достигаетъ величины только

---

[1]) Только иногда, и то очень рѣдко, мѣстные манзы ищутъ жень-шень въ окрестностяхъ своихъ фанзъ.

указательнаго пальца человѣческой руки. Черезъ три года можно уже имѣть довольно порядочные корни, но, обыкновенно, здѣшніе китайцы держатъ ихъ больший срокъ. Затѣмъ послѣ сбора они приготовляютъ корень особеннымъ образомъ, посредствомъ обчистки и вывариванія въ водѣ, а потомъ отправляютъ на продажу въ Китай, черезъ Нингуту и иногда моремъ прямо въ Шангай. Хотя искусственно разводимый корень, какъ сказано выше, цѣнится гораздо ниже дикаго, но все-таки цѣна его довольно высока, такъ что китаецъ отъ продажи своей плантаціи получаетъ цѣлое состояніе.

Кромѣ земледѣльческихъ фанзъ, располагающихся преимущественно въ долинахъ рѣкъ, есть еще другія, такъ-называемыя звѣровыя, обитатели которыхъ занимаются звѣринымъ промысломъ. Эти фанзы устраиваются въ лѣсахъ, гдѣ обиліе всякихъ звѣрей обусловливаетъ возможность правильной и постоянной за ними охоты. Впрочемъ число звѣровыхъ фанзъ, принадлежащихъ собственно манзамъ, невелико и этимъ промысломъ занимаются исключительно орочи, или тазы, и гольды, незнающіе земледѣлія.

Фанзы, въ которыхъ живутъ китайцы, располагаются большею частью въ одиночку, иногда же по нѣскольку вмѣстѣ, и въ такомъ случаѣ образуютъ поселенія или деревни. Притомъ, всѣ эти фанзы выстроены на одинъ и тотъ же образецъ. Обыкновенно, каждая изъ нихъ имѣетъ четыреугольную форму, болѣе протянутую въ длину, чѣмъ въ ширину, съ соломенною крышею, круто покатою на обѣ стороны. Стѣны фанзы около четверти аршина толщины, и дѣлаются изъ глины, которою обмазанъ плетень, служащій имъ основаніемъ. Съ солнечной стороны продѣланы два-три рѣшетчатыхъ окна и между ними двери для входа. Какъ окна, такъ и верхняя половина дверей всегда заклеены пропускною бумагою, промазанною жиромъ. Внутреннее пространство фанзы бываетъ различно по величинѣ. Это зависитъ отъ состоянія хозяина и числа живущихъ. Обыкновенно же фанзы имѣютъ 6 — 7 саженъ въ длину и сажени 4 въ ширину. Кромѣ того, въ богатыхъ фанзахъ есть перегородка, которая отдѣляетъ мѣсто, занимаемое хозяиномъ, отъ его работниковъ.

Внутри фанзы съ одной стороны, а въ нѣкоторыхъ и съ двухъ, придѣлываются глиняныя нары, которыя возвышаются немного болѣе аршина надъ поломъ, состоящимъ прямо изъ земли. Эти нары покрыты соломенниками, искусно сплетенными изъ тростника и служатъ для сидѣнья, главнымъ же образомъ для спанья. Съ одной ихъ стороны придѣлана печка, закрытая

сверху большою чугунною чашею, въ которой приготовляется пища. Труба отъ этой печки проведена подъ всѣми нарами, и выводится наружу, гдѣ оканчивается большимъ деревяннымъ столбомъ, внутри пустымъ. Дымъ отъ печки проходитъ по трубѣ подъ нарами, нагрѣваетъ ихъ и затѣмъ выходитъ вонъ.

Кромѣ печи, посрединѣ фанзы всегда находится очагъ, въ которомъ постоянно лежатъ горячіе уголья, засыпанные сверху золою, чтобы подольше сохранить жаръ. Очагъ у бѣдныхъ дѣлается просто на земляномъ полу, у богатыхъ же на особенномъ возвышеніи, и въ немъ иногда горитъ каменный уголь. Надъ такимъ очагомъ зимою, въ холодные дни, манзы сидятъ по цѣлымъ часамъ, даже днямъ, грѣются, курятъ трубки и попиваютъ чай, или просто теплую воду, которая всегда стоитъ здѣсь въ чайникѣ. Потолка въ фанзѣ нѣтъ, а вмѣсто его, сажени на полторы отъ земли, положено нѣсколько поперечныхъ жердей, на которыхъ вѣшается разная мелочь: кукуруза, оставленная на сѣмяна, старые башмаки, шкуры, одежды и т. п. Около же стѣнъ, незанятыхъ нарами, разставлены деревянные ящики и разная домашняя утварь.

Вонь и дымъ въ фанзѣ бываютъ постоянно частію отъ очага, частію отъ разной, развѣшенной на жердяхъ, дряни, которая ежедневно коптится въ дыму въ то время, когда топится печка, потому что трубы подъ нарами рѣдко устроены такъ хорошо, чтобы въ нихъ выходилъ весь дымъ; бóльшая его часть всегда идетъ въ фанзу. Кромѣ того и прямо на очагѣ часто разводится огонь, дымъ отъ котораго выходитъ въ растворенную дверь.

Замѣчательно, что во всѣхъ фанзахъ внутри подъ крышею устроены гнѣзда ласточекъ, которыхъ манзы очень любятъ и берегутъ, такъ что даже подвѣшиваютъ доски, чтобы различныя нечистоты не падали на полъ и на нары. Иногда такое гнѣздо сдѣлано менѣе чѣмъ на сажень отъ земли, и довѣрчивая птичка спокойно сидитъ на яйцахъ, нисколько не пугаясь людей.

По наружнымъ бокамъ фанзы обыкновенно находятся пристройки, въ которыя загоняется скотъ, складываются вещи, хлѣбъ и проч. Кромѣ того, при нѣкоторыхъ богатыхъ фанзахъ въ особомъ помѣщеніи устроены бываютъ жернова, для выдѣлки муки и крупы; эти жернова приводятся въ движеніе быками, которые ходятъ по кругу.

Пространство вокругъ фанзы, незанятое пристройками, обносится частоколомъ, съ воротами для входа. Кромѣ всего этого, при нѣкоторыхъ фанзахъ находятся молельни, которыя ставятся саженъ на десять въ сторонѣ и имѣютъ форму часовенки, около

сажени въ квадратѣ. Входъ въ такую часовенку закрытъ бываетъ рѣшетчатыми дверями, а внутри ея приклеено изображеніе божества, въ образѣ китайцевъ. Передъ этимъ изображеніемъ лежатъ разныя приношенія: полотенцы съ какимъ-то писаніемъ, желѣзная чаша для огня, палочки, ленточки и т. п.

Таковы наружная форма и внутреннее устройство фанзъ.

Обитатели ихъ, манзы, живутъ рѣшительно всѣ безъ семействъ, которыя они должны были оставить въ своемъ отечествѣ при отправленіи въ этотъ край.

Безсемейная жизнь какъ нельзя болѣе отражается на самомъ характерѣ манзъ и дѣлаетъ его мрачнымъ, эгоистичнымъ. Рѣдко-рѣдко можно встрѣтить сколько-нибудь привѣтливаго манзу. Вообще грубость, неряшество, страшная жадность къ деньгамъ—вотъ качества, которыя характеризуютъ всѣхъ представителей небесной имперіи, живущихъ въ нашихъ предѣлахъ. Всѣ помыслы и заботы манзы вертятся только на томъ, чтобы насытить свой желудокъ да пріобрѣсть нѣсколько лишнихъ рублей; внѣ этого онъ ничего не знаетъ.

Въ каждой фанзѣ живетъ одинъ, два, а иногда и болѣе хозяевъ и нѣсколько работниковъ, и вездѣ, гдѣ только случалось мнѣ видѣть, образъ жизни манзъ одинъ и тотъ же. Обыкновенно, утромъ, на разсвѣтѣ, они топятъ печку, и въ чугунной чашѣ, которою она сверху закрыта, приготовляютъ свою незатѣйливую пищу, состоящую, главнѣйшимъ образомъ, изъ вареннаго проса. Въ тоже время разводится огонь и на очагѣ, такъ что вскорѣ вся фанза наполняется дымомъ, для выхода котораго растворяется дверь, даже зимою, несмотря на морозъ. Холодъ съ низу и дымъ съ верху заставляютъ наконецъ подняться и тѣхъ манзъ, которые заспались подольше другихъ. Когда всѣ встали, то, не умываясь, тотчасъ же садятся на нарахъ около небольшихъ столиковъ и приступаютъ къ ѣдѣ проса, которое для этого накладывается въ глиняныя чашки, и подносится ко рту двумя тоненькими деревянными палочками. Какъ приправу къ вареному просу, часто дѣлаютъ особый ѣдкій соусъ изъ стручковаго перцу. Кромѣ того, въ богатыхъ фанзахъ приготовляютъ и нѣкоторыя другія кушанья, какъ-то, пильмени, булки, печеныя на пару, а также козье, или оленье мясо. Утренняя ѣда продолжается около часу; манзы ѣдятъ непомѣрно много, и притомъ пьютъ изъ маленькихъ чашечекъ, величиною немного болѣе наперстка, нагрѣтую водку (сули), которую приготовляютъ сами изъ ячменя.

Послѣ обѣда работники обыкновенно отправляются на работы: молотить хлѣбъ, убирать скотъ и прочее, сами же хозяева остаются въ фанзѣ и, по большей части, ничего не дѣлаютъ.

Въ холодное время они по цѣлымъ днямъ сидятъ передъ очагомъ, грѣются, курятъ трубки и распиваютъ чай, заваривая его прямо въ чашкахъ, изъ которыхъ пьютъ. Такъ проходитъ цѣлый день до вечера. Передъ сумерками, опять варится буда и опять ѣдятъ ее манзы тѣмъ же порядкомъ; а затѣмъ, съ наступленіемъ темноты, ложатся спать, или иногда сидятъ еще недолго, употребляя для освѣщенія лучину, чаще же ночникъ, въ которомъ горитъ сало или травяное масло. Вечернее время часто посвящается истребленію собственныхъ паразитовъ, которыхъ манзы отвратительно казнятъ на переднихъ зубахъ. Во избѣжаніе вѣроятно тѣхъ же враговъ, на ночь манзы снимаютъ съ себя все платье и спятъ нагишемъ, прикрывшись только съ верху, на теплыхъ нарахъ, нагрѣваемыхъ во время топки печи. Привычка дѣлаетъ такую постель весьма удобною, но для европейца не совсѣмъ пріятно спать въ то время, когда одному боку очень жарко, а другому очень холодно, потому что фанза, во время мороза, сильно выстываетъ за ночь.

Такъ однообразно проходитъ день за днемъ въ теченіи цѣлой зимы; лѣтомъ же манзы, съ образцовымъ трудолюбіемъ, занимаются разработкою своихъ полей.

Одежда манзъ до того разнообразна, смотря по времени года, состоянію и вкусу каждаго, что, право, трудно ее точно описать. Въ бо́льшей части случаевъ преобладаетъ длиннополый халатъ изъ синей дабы, такого же, а иногда и сѣраго цвѣта панталоны и башмаки, съ очень узкими и загнутыми вверхъ носками. Эти башмаки дѣлаются изъ звѣриной или рыбьей шкуры и въ нихъ, зимою, манзы накладываютъ для мягкости и теплоты сухую траву ула-цао [1]. Головной уборъ состоитъ изъ низкой шляпы, съ отвороченными вверхъ полями; за поясомъ манзы постоянно носятъ длинный и узкій кисетъ съ табакомъ и трубкою.

Зимняя одежда состоитъ изъ короткой мѣховой куртки, шерстью вверхъ, и такой же шапки съ широкими мѣховыми наушниками. Все это дѣлается изъ шкуры енотовъ, рѣдко изъ мѣха антилопы.

Волосы свои манзы, какъ и всѣ китайцы, брѣютъ спереди и сзади, оставляя только на затылкѣ длинный пучекъ, который сплетаютъ въ косу. Бороду также брѣютъ, оставляя одни усы, а иногда и клочекъ бороды, въ видѣ эспаньолки.

---

[1]) Эта трава принадлежитъ къ роду ситовниковъ (Cyperus) и есть та самая, которую манчжуры считаютъ въ числѣ трехъ благъ (соболя, жень-шеня и травы ула) дарованныхъ небомъ ихъ родинѣ.

Всѣ осѣдлые манзы имѣютъ свое собственное, организованное управленіе. Въ каждомъ поселеніи находится старшина, который разбираетъ мелкія жалобы своихъ подчиненныхъ. Если же фанза стоитъ отдѣльно, то она всегда приписана къ другому какому-нибудь мѣсту. Всѣ старшины выбираются самими манзами на извѣстный срокъ, по прослуженіи котораго могутъ быть или уволены, или оставлены на вторичную службу. Въ случаѣ же дурного поведенія, или какихъ-нибудь проступковъ, они смѣняются и ранѣе срока, по приговору манзъ.

Кромѣ того, извѣстный раіонъ имѣетъ одного главнаго, также выборнаго старшину, которому подчинены всѣ прочіе. Этотъ старшина судитъ важныя преступленія, какъ напр., воровство, убійство, и власть его такъ велика, что онъ можетъ наказывать смертью.

Приведу одинъ рѣзкій случай такого суда, совершеннаго въ 1866 году и разсказанный мнѣ очевидцами русскими. Виновный манза совершилъ убійство во время картежной игры, которая происходила въ фанзѣ Кызенъ-Гу [1]). Онъ игралъ здѣсь вмѣстѣ съ другими манзами и замѣтивъ, что одинъ изъ нихъ сплутовалъ, всталъ, не говоря ни слова, взялъ ножъ, какъ будто для того, чтобы накрошить табаку, и этимъ ножемъ поразилъ прямо въ сердце того манзу, который смошенничалъ въ игрѣ. Убійцу тотчасъ же связали и дали объ этомъ знать главному старшинѣ, который явился на судъ, вмѣстѣ съ другими манзами. Послѣ долгихъ разсужденій приговорили, наконецъ, закопать виновнаго живымъ въ землю, и для болѣе удобнаго исполненія такого приговора, рѣшили напоить его сначала пьянымъ. Волею или неволею долженъ былъ осужденный пить водку, уже въ виду выкопанной ямы, но хмѣль не бралъ его, подъ вліяніемъ страха смерти. Тогда манзы, видя, что онъ не пьянѣетъ отъ маленькихъ чашечекъ, которыми они обыкновенно пьютъ, стали насильно лить ему въ горло водку большими чашками и наконецъ, когда привели въ совершенное безпамятство, то бросили въ яму и начали закапывать. Когда насыпали уже довольно земли и несчастный, задыхаясь, сталъ ворочаться въ ямѣ, тогда нѣсколько манзъ бросились туда, ногами и лопатами стали утаптывать плотнѣе землю, и наконецъ совсѣмъ закопали виновнаго.

Однако, въ настоящее время, принимаются мѣры къ ограниченію такого самоуправленія. Старшины хотя по прежнему будутъ выбираться манзами, но утвержденіе ихъ будетъ зави-

[1]) Не далеко отъ вершины Уссурійскаго залива.

сѣть отъ русскихъ начальниковъ, и власть ихъ суда будетъ простираться только на преступленія маловажныя.

Число осѣдлаго китайскаго населенія трудно опредѣлить съ точностью, такъ какъ до сихъ поръ еще не сдѣлано полной переписи. Приблизительную же цифру этого населенія можно полагать отъ четырехъ до пяти тысячъ душъ.

Временное, или приходящее, китайское населеніе является въ Южно-Уссурійскій край для ловли морской капусты и трепанговъ; кромѣ того, прежде много китайцевъ приходило сюда ради грибнаго промысла и для промывки золота.

Ловля капусты производится на всемъ нашемъ побережьи Японскаго моря, начиная отъ залива Поссьета до гавани св. Ольги. Самыя лучшія мѣста для этой ловли — утесистые берега заливовъ, гдѣ нѣтъ сильнаго волненія и гдѣ глубина не болѣе двухъ, или трехъ саженъ. Въ чистой, совершенно прозрачной морской водѣ, на такой глубинѣ видны мельчайшія раковины и между прочимъ водоросли, которыя прикрѣпляются къ камнямъ, раковинамъ и т. п.

Въ одномъ и томъ же мѣстѣ, ловля производится черезъ годъ для того, чтобы водоросли могли вновь вырости. Китайцы достаютъ ихъ со дна длинными деревянными вилами, сушатъ на солнцѣ, связываютъ въ пучки 1 — 2 пудовъ вѣсомъ, а затѣмъ везутъ во Владивостокъ и Новгородскую гавань, гдѣ продаютъ, среднимъ числомъ, на наши бумажныя деньги по одному руб. за пудъ.

Покупкою этой капусты занимаются нѣсколько иностранныхъ купцовъ, живущихъ во Владивостокѣ и Новгородской гавани, откуда они отправляютъ ея, на иностранныхъ же корабляхъ, въ Шангай, Чу-Фу и другіе китайскіе порты.

По словамъ тѣхъ же самыхъ купцовъ, изъ трехъ вышеназванныхъ пунктовъ въ 1868 году было вывезено 180,000 пудовъ[1]) капусты, а въ 1869 году 360,000 пудовъ.

Промыселъ морской капусты увеличивается съ каждымъ годомъ, чему причиною служитъ возможность промышленникамъ сбывать свою добычу во Владивостокѣ, гаваняхъ Новгородской и св. Ольги, слѣдовательно въ пунктахъ, лежащихъ возлѣ самаго мѣста лова, а не отправлять ея, какъ прежде, трудною вьючною дорогою, въ ближайшіе манчжурскіе города Санъ-Синь и Нингуту. Благодаря удобству сбыта и дешевой морской перевозкѣ, наша капуста стала весьма выгодно конкуррировать на китай-

[1]) Вывозъ 1868 г. былъ не великъ, вслѣдствіе безпорядковъ произведенныхъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ китайскими разбойниками (хунъ-хузами).

скихъ рынкахъ съ капустою, привозимою изъ Японіи, и запросъ на нее увеличивается съ каждымъ годомъ, а вслѣдствіе этого развивается самый промыселъ и принимаетъ болѣе правильную, противъ прежняго, организацію. Теперь уже немного одиночныхъ ловцовъ, которые промышляютъ сами отъ себя. Богатые купцы изъ Хунъ-Чуна и Нингуты нанимаютъ обыкновенно зимою работниковъ, снабжаютъ ихъ всѣмъ необходимымъ и отправляютъ на лѣто въ море, подъ надзоромъ довѣренныхъ отъ себя лицъ. Первые, т.-е. хунъ-чунскіе купцы, отправляютъ своихъ рабочихъ въ Новгородскую гавань, гдѣ на мысѣ Чурухада зимуютъ ихъ лодки, иногда въ числѣ болѣе тысячи. Сюда въ апрѣлѣ приходятъ эти работники, садятся отъ двухъ до трехъ человѣкъ въ каждую лодку, и пускаются въ море на выгодный промыселъ.

Такимъ образомъ, одна, бо̀льшая, часть ловцовъ капусты слѣдуетъ черезъ Новгородскую гавань, другая же, меньшая, избираетъ иной путь. Для этого изъ Хунъ-Чуна они поднимаются вверхъ по рѣкѣ того же имени, переходятъ черезъ невысокій перевалъ на р. Манчугай и отсюда слѣдуютъ двумя дорогами: или черезъ постъ Раздольный [1]), мимо вершинъ Амурскаго и Уссурійскаго заливовъ на рр. Цыму-хэ и Сучанъ, или же, если Амурскій заливъ еще покрытъ льдомъ, то прямо отъ устья Манчугая, черезъ полуостровъ Муравьевъ-Амурскій, также на Сучанъ и Цыму-хэ. Здѣсь, въ вершинахъ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ рѣкъ, мѣстные китайцы строютъ лодки, выдалбливая для этой цѣли стволы огромныхъ ильмовъ, и этими лодками снабжаютъ ловцовъ капусты. Наконецъ, часть этихъ же промышленниковъ изъ Хунъ-Чуна спускается внизъ по рѣкѣ того же имени въ р. Тумангу, и уже по ней выплываетъ прямо въ море.

Число ловцовъ капусты, приходящихъ изъ Нингуты, менѣе нежели изъ Хунъ-Чуна, и они слѣдуютъ сухопутною дорогою на вершину р. Сунфуна, потомъ, мимо нашей деревни Никольской, по р. Чагоу, и наконецъ, переваломъ на р. Май-хэ, а по ней къ Цыму-хэ и Сучану. Собравшись, такимъ образомъ, изъ разныхъ мѣстъ въ числѣ приблизительно отъ трехъ до четырехъ тысячъ, китайцы, съ наступленіемъ весны, выходятъ въ море на ловлю капусты и продолжаютъ этотъ промыселъ до наступленія осени. Когда дни бываютъ сильно вѣтряные, то они укрываются гдѣ-нибудь въ заливахъ, и отправляются на охоту

---

[1]) На р. Суйфунѣ.

за оленями, ради ихъ молодыхъ роговъ, которые весьма дорого цѣнятся въ Китаѣ.

Осенью, въ сентябрѣ, китайцы свозятъ свою добычу во Владивостокъ, въ гавани св. Ольги и Новгородскую, продаютъ ее тамъ, а затѣмъ отправляются во-свояси. Часть идетъ сухимъ путемъ, которымъ пришла, бо̀льшее же число направляется моремъ въ Новгородскую гавань, гдѣ они оставляютъ до слѣдующей весны свои лодки, подъ надзоромъ особыхъ надсмотрщиковъ.

Однако не всѣ китайцы уѣзжаютъ на зиму домой. Нѣкоторые изъ нихъ, вѣроятно промышляющіе сами отъ себя, или приходящіе изъ дальнихъ мѣстъ, какъ напр. изъ Нингуты, остаются въ нашемъ краѣ и, бо̀льшею частію, на зиму нанимаются въ работники у богатыхъ манзъ. Въ особенности много такихъ китайцевъ на Сучанѣ, гдѣ, чрезъ это, зимнее населеніе по крайней мѣрѣ вдвое болѣе лѣтняго.

Рядомъ съ ловомъ капусты производится и ловля трепанговъ (Holoturia *edulis?*), но только въ размѣрахъ несравненно меньшихъ. Въ сушеномъ видѣ, они также сбываются въ Хунъ-Чунъ и китайскіе порты.

Другой промыселъ, ради котораго къ намъ ежегодно приходило значительное число китайцевъ изъ Манчжуріи, состоялъ въ собираніи и сушеніи грибовъ, растущихъ на дубовыхъ стволахъ, подверженныхъ гніенію. Этотъ промыселъ всего болѣе былъ развитъ въ западной, гористой части Ханкайскаго бассейна. Для подобной цѣли китайцы ежегодно рубили здѣсь десятки тысячъ дубовъ, на которыхъ черезъ годъ, т.-е. на слѣдующее лѣто, когда уже начнется гніеніе, являются слизистые наросты, въ видѣ безформенной массы. Тогда манзы ихъ собирали, сушили въ нарочно для этой цѣли устроенныхъ сушильняхъ и затѣмъ отправляли въ Санъ-Синъ и Нингуту, гдѣ продавали, среднимъ числомъ, на наши деньги по 10 — 12 серебрянныхъ рублей за пудъ.

Грибной промыселъ настолько выгоденъ, что имъ, до послѣдняго времени, занималось все китайское населеніе западной части Ханкайскаго бассейна какъ мѣстное, такъ и приходящее. Послѣднее обыкновенно нанималось въ работники у богатыхъ хозяевъ. Каждый владѣлецъ фанзы, истребивъ, въ теченіи пяти или шести лѣтъ, всѣ окрестные дубы, перекочевывалъ на другое, еще нетронутое, мѣсто, опять рубилъ здѣсь дубовый лѣсъ и, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, занимался своимъ промысломъ; послѣ чего переходилъ на слѣдующее мѣсто.

Такимъ образомъ прекрасные дубовые лѣса истреблялись методически, и теперь даже грустно видѣть цѣлые скаты горъ

оголенными и сплошь заваленными гніющими остатками прежнихъ дубовъ, уничтоженныхъ китайцами. Мѣстная администрація, сознавая весь вредъ отъ подобнаго безобразнаго истребленія лѣсовъ, пыталась нѣсколько разъ запретить этотъ промыселъ, но всѣ запрещенія оставались мертвою буквою, такъ какъ мы не имѣли ни средствъ, ни желанія фактически поддержать наши требованія. Во многихъ, даже очень многихъ мѣстахъ Уссурійскаго края китайцы знали русскихъ только по наслышкѣ, и конечно смѣялись надъ всѣми нашими запрещеніями, передаваемыми, вдобавокъ, черезъ китайскихъ же старшинъ.

Военныя дѣйствія съ хунь-хузами въ 1868 г. повернули это дѣло въ другую сторону, и мѣстные манзы, поплатившись за свои симпатіи къ разбойникамъ разореніемъ не одного десятка фанзъ, сознали, наконецъ, надъ собой нашу силу и начали иначе относиться къ нашимъ требованіямъ. Теперь уже нѣтъ прежняго безобразнаго истребленія лѣсовъ ради сбора грибовъ, да и едва-ли это можетъ повториться въ будущемъ, такъ какъ, съ учрежденіемъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ конной казачьей сотни, вездѣ будутъ являться разъѣзды и наблюдать за китайскимъ населеніемъ.

Третій родъ промысла, привлекавшій, и весьма недавно, въ наши владѣнія также значительное число китайцевъ—была *промывка золота*, розсыпи котораго находятся преимущественно въ пространствѣ между Уссурійскимъ заливомъ, рр. Цыму-хэ и Сучаномъ. Этотъ промыселъ существовалъ здѣсь уже давно, потому что въ вышеозначенномъ пространствѣ, на нѣкоторыхъ береговыхъ рѣчкахъ видны несомнѣнные слѣды прежде существовавшихъ разработокъ, на которыхъ теперь растутъ дубы болѣе аршина въ діаметрѣ. Для промывки золота китайцы приходили изъ тѣхъ же мѣстъ откуда и для ловли капусты, или по одиночкѣ, чтобы работать каждый для себя, или также небольшими партіями, снаряжаемыми отъ различныхъ хозяевъ. Пути, по которымъ они слѣдовали, были тѣже самые, какъ и для ловцовъ капусты, только нужно замѣтить, что большая часть ихъ шла сухопутною дорогою. Работая на пріискахъ, эти китайцы, также какъ и ловцы капусты, получали все продовольствіе отъ богатыхъ манзъ-земледѣльцевъ (преимущественно съ Цыму-хэ и Сучана), которые отъ поставки провизіи, конечно, имѣли хорошіе барыши. На зиму, когда промывка золота прекращается, часть китайцевъ, занимающихся этимъ промысломъ, отправлялась во-свояси, другая же оставалась зимовать, преимущественно на рр. Цыму-хэ и Сучанѣ.

Такимъ образомъ, на обѣихъ этихъ рѣкахъ, въ особенности

же на первой, къ зимѣ каждаго года сбиралось значительное число всевозможныхъ бродягъ, готовыхъ за деньги и добычу на всякое дѣло. Неспособные ни къ какому честному и постоянному труду, они вели праздную, разгульную жизнь и бо̀льшую часть своего времени проводили за картежною игрою, которая вообще весьма сильно распространена между всѣми здѣшними китайцами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для этой цѣли устраиваются особыя фанзы, въ которыхъ игра идетъ цѣлые дни и ночи. Многіе китайцы приходятъ издалека собственно для того, чтобы играть, и часто случается, что богатый хозяинъ за одну ночь проигрываетъ все свое состояніе, даже фанзу, и идетъ въ работники.

До послѣдняго времени промывка золота, производившаяся по различнымъ, преимущественно береговымъ, рѣчкамъ и, вѣроятно, доставлявшая не слишкомъ большіе барыши, не привлекала на себя особеннаго вниманія. Когда же лѣтомъ 1867 года на о. Аскольдѣ [1]) были случайно открыты золотыя розсыпи, тогда на этотъ островъ устремились цѣлыя толпы всевозможныхъ китайскихъ бродягъ. Однако они были вскорѣ прогнаны оттуда нашимъ военнымъ судномъ, привезшимъ съ собою небольшой отрядъ солдатъ. Китайцы не оказали никакого сопротивленія и добровольно убрались во-свояси.

Между тѣмъ молва объ открытіи золота на о. Аскольдѣ быстро пронеслась по сосѣдней Манчжуріи, Китаю, даже цѣлому міру и, какъ обыкновенно, слухи преувеличивались по мѣрѣ своего распространенія. Понятно, какъ должны были дѣйствовать эти слухи на всѣхъ прежнихъ искателей золота и на тѣхъ бездомныхъ бродягъ, которыми такъ обильна сосѣдняя Манчжурія, и которые извѣстны тамъ подъ именемъ хунъ-хузовъ [2]).

Эти люди, по большей части, различные преступники, бѣжавшіе изъ Китая, чуждые всякихъ семейныхъ связей, живущіе сегодня здѣсь, а завтра тамъ, конечно, всегда были и будутъ готовы на предпріятіе, хотя и опасное, но, въ случаѣ успѣха, обѣщающее скорое и легкое обогащеніе. Они-то и рѣшились, несмотря на неудачу первыхъ золотоискателей, прогнанныхъ съ Аскольда, вновь попытать счастія на этомъ островѣ и, въ случаѣ вторичнаго появленія русскихъ, отражать уже силу силою.

---

[1]) Аскольдъ, или Маячный, лежитъ верстахъ въ пятидесяти на юго-востокъ отъ Владивостока и въ семи верстахъ отъ берега материка. Этотъ островъ, вмѣстѣ съ пространствомъ между р.р. Сучаномъ, Май-хэ и Уссурійскимъ заливомъ (всего 466,000 десятинъ), поступилъ, въ 1868 г., въ удѣльное вѣдомство.

[2]) Слово «хунъ-хузъ» въ буквальномъ переводѣ значитъ «красная борода». О происхожденіи такого названія я не могъ узнать обстоятельно.



Въ теченіе зимы 1867—68 года, въ пограничной Манчжуріи и преимущественно въ г. Хунъ-Чунѣ, сформировались вооруженныя партіи, которыя, пополнившись прежними золотоискателями, явились въ апрѣлѣ 1868 года въ числѣ пяти или шестисотъ человѣкъ на о. Аскольдъ и начали промывку золота. Однако эти хунъ-хузы дѣйствіемъ нашего военнаго судна вскорѣ принуждены были очистить островъ, перешли на материкъ, гдѣ значительно усилились приставшими къ нимъ мѣстными китайцами, сожгли три нашихъ деревни [1]) и два поста; но вскорѣ были разбиты подоспѣвшими войсками, частію уничтожены, а частію ушли за границу.

Военныя дѣйствія съ хунъ-хузами, и симпатія, оказанная имъ мѣстными китайцами, выяснили истинныя отношенія къ намъ этого населенія и ясно указали на необходимость какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ мѣръ, для предупрежденія на будущее время подобныхъ явленій.

Въ первомъ отношеніи, т.-е. въ военномъ, учрежденіе конной казачьей сотни, которая будетъ содержать постоянные разъѣзды въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, составляетъ мѣру вполнѣ раціональную, такъ какъ теперь является возможность фактически наблюдать за мѣстнымъ и пограничнымъ китайскимъ населеніемъ. Что же касается до мѣръ гражданскихъ, то, мнѣ кажется, слѣдуетъ произвести самую точную перепись, по крайней мѣрѣ китайскаго населенія и обложить его, хотя самою ничтожною податью, за право пользованія нашею землею, на которой, нужно замѣтить, манзы заняли и занимаютъ самыя лучшія мѣста.

Послѣдняя мѣра можетъ быть выгодна въ томъ именно отношеніи, что заставитъ китайское населеніе смотрѣть на себя, какъ на подданныхъ русской земли, а на насъ, какъ на хозяевъ этого края, но не наоборотъ, какъ то было и есть до настоящаго времени. Въ самомъ дѣлѣ, теперь всякій китайскій бродяга, приходя къ намъ изъ Манчжуріи, дѣлается совершенно независимымъ человѣкомъ: выбираетъ землю для своей фанзы гдѣ хочетъ, занимается чѣмъ угодно, переходитъ туда или сюда когда вздумается и т. д., словомъ, никому не подчиняется.

Правда, съ прошедшаго года каждый вновь приходящій манза долженъ брать билетъ на жительство у мѣстнаго (окружнаго) русскаго начальства, но, при обширности края и при полномъ его незнаніи съ нашей стороны, наконецъ, при неимѣніи средствъ,—есть ли какая-нибудь возможность фактически наблюдать, что пришедшій за билетомъ манза тотъ именно, или дру-

---

[1]) Шкотову (на р. Цыму-хэ), Суйфунскую и Никольскую.

гой, и что нѣкоторые вовсе не берутъ такихъ билетовъ, или мѣняются ими по произволу.

Казачья сотня, о которой было упомянуто выше, много можетъ помочь въ этомъ отношеніи, такъ какъ ея главною обязанностью будетъ наблюденіе за мѣстнымъ китайскимъ населеніемъ.

Обложеніе поземельною податью этого населенія можетъ принести намъ еще и ту пользу, что уменьшитъ приливъ новыхъ манзъ изъ Манчжуріи въ наши предѣлы, а можетъ быть, даже заставитъ нѣкоторыхъ, изъ живущихъ уже здѣсь, уйти обратно восвояси. Послѣдняя выгода едвали не будетъ самая важная, такъ какъ безсемейное китайское населеніе, занимающее лучшія мѣста нашего Уссурійскаго края, притомъ одушевленное полною ненавистью къ русскимъ, врядъ ли подаетъ какія-либо отрадныя надежды въ будущемъ и, конечно, при всякомъ удобномъ случаѣ можетъ стать на сторону нашихъ враговъ, какъ то уже показалъ опытъ 1868 года.

Другое инородческое племя нашего Уссурійскаго края — гольды, обитаютъ по берегу Уссури и ея притока Дауби-хэ; сверхъ того они встрѣчаются и по Амуру, отъ Бурейнскихъ горъ (Малаго Хин-гона) до устья р. Горыни и даже нѣсколько далѣе.

Цифра этого населенія неизвѣстна, но во всякомъ случаѣ по Уссури гольдовъ живетъ болѣе нежели китайцевъ, отъ которыхъ они переняли очень многое какъ въ одеждѣ, такъ и въ постройкѣ своихъ жилищъ. Это тѣже самыя фанзы, безъ измѣненія, какъ во внутреннемъ, такъ и во внѣшнемъ устройствѣ. Вся разница состоитъ только въ томъ, что при нихъ всегда находится устроенный на деревянныхъ стойкахъ (для защиты отъ крысъ) амбаръ, въ которомъ складываются запасы сушеной рыбы.

Фанзы гольдовъ расположены на берегахъ Уссури и Дауби-хэ, обыкновенно по нѣскольку (3—10) вмѣстѣ, и въ каждой фанзѣ живетъ отдѣльное семейство; впрочемъ, иногда вмѣстѣ съ родителями, помѣщаются и ихъ семейные сыновья.

Вообще, добродушный отъ природы нравъ этого народа ведетъ къ самой тѣсной семейной связи: родители горячо любятъ своихъ дѣтей, которыя, съ своей стороны, платятъ имъ такою же любовью.

Мнѣ лично много разъ случалось давать гольду хлѣбъ, сахаръ и т. п., и всякій разъ, получивъ лакомый кусокъ, онъ дѣлилъ его поровну между всѣми членами своего семейства, большими и малыми. Притомъ нужно самому видѣть ту ис-

кренную радость всего гольдскаго семейства, съ какою оно встрѣчаетъ своего брата или отца, возвратившагося съ промысла или какой-нибудь другой отлучки. Старый и малый бросаются къ нему на встрѣчу и каждый спѣшитъ поскорѣе поздороваться.

Кромѣ того, старики гольды, неспособные уже ни къ какой работѣ, прокармливаются своими дѣтьми, которыя всегда оказываютъ имъ полное уваженіе.

На долю женщинъ у этого племени выпадаютъ всѣ домашнія работы и ухаживанье за малыми дѣтьми. На ихъ же попеченіи остается фанга со всѣмъ имуществомъ въ то время, когда зимою мужчины уходятъ на соболиный промыселъ.

Въ семейномъ быту женщины, какъ хозяйки фанзъ, пользуются правами почти одинаковыми съ мужчинами, хотя все-таки находятся въ подчиненіи у послѣднихъ. Онѣ не участвуютъ въ совѣщаніяхъ мужчинъ объ общихъ дѣлахъ, напр. объ отправленіи на звѣриный промыселъ, рыбную ловлю и т. п. Словомъ, женщина у гольдовъ прежде всего мать и хозяйка дома; внѣ фанзы она не имѣетъ никакого круга дѣйствій.

Каждый взрослый мужчина, въ особенности если онъ хозяинъ фанзы, есть вмѣстѣ съ тѣмъ господинъ самого себя и своего семейства, такъ какъ всѣ дѣла у гольдовъ рѣшаются не иначе, какъ съ общаго согласія и только голосъ стариковъ, людей болѣе опытныхъ, имѣетъ бо̀льшее значеніе въ подобныхъ совѣщаніяхъ.

При миролюбивомъ характерѣ гольдовъ, большихъ преступленій у нихъ почти вовсе не случается; даже воровство бываетъ очень рѣдко, какъ исключеніе.

Въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ гольды преданы шаманству, но, какъ кажется, шаманы пользуются у нихъ меньшимъ вліяніемъ, нежели у другихъ инородцевъ Амурскаго края.

Вообще, гольды-добрый, тихій и миролюбивый народъ, которому отъ души можно пожелать лучшей будущности, хотя, къ сожалѣнію, наше вліяніе на нихъ до сихъ поръ еще совершенно незамѣтно.

Хлѣбопашества гольды вовсе не знаютъ; только изрѣдка у тѣхъ, которые лѣтомъ, во время рыбной ловли, не покидаютъ свои фанзы, можно видѣть огороды, гдѣ, кромѣ разныхъ овощей, болѣе всего засѣвается табакъ. Его курятъ не только всѣ мужчины, но даже женщины и малыя дѣти.

Рыболовство лѣтомъ и звѣриный промыселъ зимою составляютъ главное занятіе этого народа и обезпечиваютъ все его существованіе. Рыбный промыселъ начинается весною, лишь

только вскроется Уссури и по ней начнетъ идти сплошною массою мелкій, перстертый ледъ, или такъ-называемая шуга, отъ которой рыба прячется по заливамъ.

Такъ какъ въ это время вода бываетъ высока, слѣдовательно ловля неводомъ неудобна, то гольды употребляютъ особую круглую сѣть, устроенную такимъ образомъ, что она можетъ смыкаться, если потянутъ за прикрѣпленную къ ней веревку. Бросивъ эту сѣть на дно, рыбакъ тащитъ ее за собою, двигаясь по тихоньку въ лодкѣ, и когда попавшаяся рыба начнетъ дергать, то онъ смыкаетъ сѣть и затѣмъ вытягиваетъ свою добычу. Говорятъ, что при такомъ способѣ ловли можно въ счастливый день поймать сотню и даже болѣе крупныхъ рыбъ.

Осенью, когда повторяется таже самая исторія, т.-е. передъ замерзаніемъ Уссури по ней идетъ шуга, ловля рыбы по заливамъ бываетъ несравненно прибыльнѣе, такъ какъ въ это время вода всегда почти мала, слѣдовательно въ дѣло можно употреблять неводъ. Иногда уловы въ это время бываютъ баснословно удачны, и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ о великомъ изобиліи въ Уссури всякой рыбы вообще.

Такимъ образомъ осенью 1867 г., въ заливѣ возлѣ станицы Нижне-Никольской, за одну тоню неводомъ въ 90 саженъ длины было поймано 28,000 рыбъ, болѣе всего бѣлой—сазановъ и тайменей. Когда подвели къ берегу крылья невода, который, нужно при томъ замѣтить, захватывалъ еще не весь заливъ, то не могли его вытащить и, оставивъ въ такомъ положеніи, вычерпывали изъ него рыбу въ теченіи двухъ дней.

Если положить круглымъ числомъ по двадцати рыбъ на пудъ, то приблизительный вѣсъ всей этой рыбы былъ около полутора тысячи пудовъ. Впрочемъ, это не единственный примѣръ такой удачной ловли; нѣсколько разъ случалось на Уссури, въ прежніе годы, что за одну тоню вытаскивали семь, девять и даже двѣнадцать тысячь рыбъ.

Лишь только весною окончится ходъ льда и шуги, какъ вверхъ по Уссури идутъ для метанія икры множество осетровъ и калугъ, ловъ которыхъ производится гольдами и немногими нашими казаками, посредствомъ такъ-называемыхъ *снастей*.

Каждая такая снасть состоитъ изъ длинной, толстой веревки, къ которой, на разстояніи 2—3 футовъ, привязаны небольшія веревочки длиною около сажени, съ толстыми желѣзными крючьями на свободныхъ концахъ. Къ послѣднимъ придѣланы поплавки изъ бересты, сосновой коры или чаще изъ пробки, тамъ гдѣ она растетъ. Къ общей толстой веревкѣ прикрѣплены камни для того, чтобы она лежала на днѣ; концы

же ея привязываются къ толстымъ кольямъ, вбитымъ въ берегъ или на дно рѣки.

Подобный снарядъ ставится на мѣстахъ наиболѣе посѣщаемыхъ рыбою. Главная веревка лежитъ на днѣ; крючья же съ поплавками поднимаются къ вверху на длину веревочекъ, за которыя они привязаны. Для того, чтобы удобнѣе осматривать поставленную снасть, къ общей веревкѣ привязывается большой поплавокъ, всего чаще обрубокъ дерева, который держится на поверхности воды.

Ловъ подобнымъ снарядомъ производится на томъ разсчетѣ, что большая рыба, идущая вверхъ по рѣкѣ, любитъ, какъ говорятъ мѣстные жители, играть съ встрѣтившимися ей поплавками и задѣваетъ въ это время за крючекъ. Почувствовавъ боль, она начинаетъ биться, задѣваетъ за другіе сосѣдніе крючки, и окончательно запутывается. Впрочемъ, иногда сильная калуга отрываетъ даже нѣсколько крючковъ и уходитъ; но случается также, что впослѣдствіи, даже черезъ нѣсколько лѣтъ, она попадается вторично. Зажившія раны на бокахъ ясно свидѣтельствуютъ тогда, что эта рыба уже и прежде попадалась на крючья.

Небольшіе осетры обыкновенно удерживаются на одномъ крючкѣ и вытащить ихъ изъ воды очень легко.

Совсѣмъ другое бываетъ дѣло, когда попадется калуга пудовъ въ двадцать, тридцать и болѣе. Тогда нужно много ловкости и умѣнья, чтобы совладать съ подобною громадою. Въ такомъ случаѣ попавшуюся рыбу захватываютъ еще другими, такъназываемыми, подъемными крючьями и тащатъ на веревкахъ къ берегу.

Ловъ вышеописаннымъ снарядомъ распространенъ по всему Амуру и его притокамъ, но все-таки способъ его самый несовершенный и можетъ быть употребляемъ съ успѣхомъ развѣ только при здѣшнемъ, баснословномъ обиліи рыбы.

Мало того, что, конечно, одна изъ многихъ тысячъ проходящихъ рыбъ попадается на крючекъ, необходимо нужно, чтобы она задѣла за него заднею частью тѣла, иначе ей удобно сорваться. Притомъ же ловить можно только рыбъ непокрытыхъ чешуею, такъ какъ чешуйчатые виды обыкновенно оставляютъ только одну чешуйку, за которую задѣлъ крючекъ.

Въ продолженіи всего лѣта, гольды промышляютъ рыбу преимущественно острогою, которая имѣетъ форму трезубца и усажена на древкѣ длиною отъ двухъ до трехъ саженъ и толщиною около дюйма. Самый трезубецъ сдѣланъ изъ желѣза и надѣтъ неплотно, такъ что легко можетъ соскакивать и дер-

жится, въэто время, на длинной тонкой бичевкѣ, которая укрѣплена также въ началѣ древка. Завидѣвъ мѣсто, гдѣ рябитъ вода отъ рыбы, или самую рыбу, гольдъ бросаетъ въ нее свое копье, и желѣзо, вонзившись въ мясо, соскакиваетъ съ дерева. Рыба, въ особенности большая, метнется какъ молнія, но никогда не въ состояніи порвать крѣпкую бичеву, за которую и вытягаютъ ее изъ воды. Гольды чрезвычайно ловко владѣютъ подобнымъ оружіемъ и, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, очень рѣдко даютъ промахъ.

Проводя на водѣ бо́льшую часть своей жизни, гольдъ придумалъ для себя и особую лодку, такъ-называемую *оморочку*. Эта лодка имѣетъ $2^1/_2$—3 сажени длины, но не болѣе аршина ширины и оба носа ея высоко загнуты надъ водою. Остовъ оморочки дѣлается изъ тонкихъ, крѣпкихъ палокъ и обтягивается берестою, такъ что эта лодка послушна малѣйшему движенію весла, но нужно имѣть большую сноровку, чтобы безопасно управлять ею.

Подъ искусною рукою гольда, который однимъ весломъ гребетъ по обѣ стороны, эта лодка летитъ какъ птица; если же нужно потише, то онъ бросаетъ длинное весло и взявъ въ обѣ руки два маленькихъ, сдѣланныхъ на подобіе лопатокъ, изрѣдка гребетъ ими и неслышно скользитъ по зеркальной поверхности тихаго залива. Впрочемъ гольды, съ малолѣтства привыкшіе къ водѣ, смѣло ѣздятъ въ этихъ лодкахъ по Уссури даже и въ сильный вѣтеръ.

Самая горячая пора рыбной ловли для всего уссурійскаго населенія бываетъ осенью, когда, въ половинѣ сентября, идетъ здѣсь вверхъ по рѣкѣ *красная рыба* (Salmo lagocephalus) въ безчисленномъ множествѣ. Эта рыба, извѣстная въ здѣшнихъ мѣстахъ подъ именемъ *кэты*, входитъ въ концѣ августа изъ моря въ устье Амура, поднимается вверхъ по этой рѣкѣ, проникаетъ во всѣ ея протоки до самыхъ вершинъ [1]) и мечетъ икру въ мѣстахъ болѣе удобныхъ для ея развитія.

Ходъ красной рыбы по Уссури продолжается недѣли двѣ—съ половины до конца сентября—и въ это время всѣ спѣшатъ на берегъ рѣки съ неводами, острогами и другими снарядами. Даже бѣлохвостые орланы слетаются во множествѣ къ рѣкѣ, чтобы ѣсть убитую, или издохшую и выброшенную на берегъ рыбу. Гольды въ это время дѣлаютъ весь годовой запасъ для

---

[1]) Красная рыба совсѣмъ не заходитъ въ оз. Ханка, вѣроятно по причинѣ его мутной воды.

себя и для своихъ собакъ, которыхъ они держатъ очень много какъ для звѣринаго промысла, такъ и для зимней ѣзды.

Приготовленіемъ рыбъ въ прокъ занимаются гольдскія женщины, которыя для этой цѣли разрѣзываютъ каждую рыбину пополамъ, и сушатъ ее на солнцѣ. При этомъ вовсе не употребляютъ соли, такъ что подобная сушеная рыба, извѣстная здѣсь подъ именемъ *«юколы»*, издаетъ самый невыносимый запахъ.

Наши казаки хотя также занимаются ловлею красной рыбы, но далеко не съ такимъ рвеніемъ какъ гольды, и притомъ бо̀льшая часть изъ нихъ вовсе не дѣлаетъ себѣ запасовъ въ зиму на случай голодовки. Русскіе обыкновенно не сушатъ, но солятъ красную рыбу; въ такомъ видѣ она очень похожа вкусомъ на семгу, только нѣсколько погрубѣе ея. Впрочемъ на устьѣ Амура, гдѣ эта рыба ловится еще не исхудавшая отъ дальняго плаванія, ея вкусъ ничуть не уступаетъ самой лучшей европейской семгѣ.

Обратный ходъ красной рыбы неизвѣстенъ. Гольды и казаки говорятъ, что она не ворочается, но вся погибаетъ. Въ этомъ, вѣроятно, есть своя доля правды, такъ какъ уцѣлѣваетъ и возвращается назадъ, можетъ быть, одна изъ многихъ тысячъ рыбъ, поэтому ея обратный ходъ и незамѣтенъ.

Какъ ни много идетъ красной рыбы по Уссури, но все-таки гольды говорятъ, что прежде ея бывало гораздо больше. Можетъ быть, этому причиною развивающееся по Амуру пароходство, а можетъ быть, въ этихъ разсказахъ играетъ, общая многимъ людямъ, страсть хвалить прошлое, старину.

Когда замерзнетъ Уссури, рыбные промыслы гольдовъ почти прекращаются, и тогда всѣ здоровые мужчины отправляются въ это время въ лѣса, на соболиный промыселъ. Только оставшіеся старики и женщины ловятъ еще рыбу на удочку, дѣлая для этого проруби во льду Уссури. На крючекъ, для приманки, привязывается кусочекъ красной матеріи, или клочекъ козьей шкуры. Сидя на льду и держа удилище въ рукахъ, гольдъ безпрестанно дергаетъ имъ вверхъ и внизъ, чтобы приманка не стояла неподвижно. На такую удочку попадаются преимущественно сазаны и таймени. Въ счастливый день, говорятъ, можно поймать отъ двухъ до трехъ пудовъ, но только нужно имѣть терпѣніе и здоровье гольда, чтобы отъ зари до зари просидѣть открыто на льду во время вѣтра, и иногда при морозѣ въ 20° Р.

Въ то время, когда гольды ловятъ зимою рыбу на удочку, казаки добываютъ ее посредствомъ такъ-называемыхъ *запѣздковъ*. Для этой цѣли перегораживаютъ какой - нибудь рукавъ или глубокое мѣсто на главномъ руслѣ рѣки, посредствомъ плетня,

который опускается до дна и тамъ вколачивается. Въ этомъ плетнѣ, на разстояніи 1—2 саженъ, оставляютъ свободные промежутки, въ которые вставляютъ сплетенные изъ тальника морды. Эти морды иногда бываютъ сажени двѣ длины и около сажени вышины, такъ что для поднятія ихъ изъ воды тутъ же на льду устраиваются особые рычаги въ родѣ тѣхъ, какими достаютъ изъ колодцевъ воду въ нашихъ русскихъ деревняхъ.

Рыба, которая обыкновенно идетъ противъ теченія, встрѣчая плетень, ищетъ прохода и попадаетъ въ морду. Эти морды осматриваютъ каждый день утромъ, и сначала зимы, когда уловъ бываетъ всего прибыльнѣе, на 10 или 15 мордъ каждый разъ вынимаютъ отъ 10 — 15 пудовъ рыбы, т.-е. среднимъ числомъ, по одному пуду на каждую морду.

Сначала зимы болѣе всего добываютъ такимъ образомъ налимовъ, которые въ это время мечутъ икру; потомъ начинаютъ попадаться сазаны, таймени, бѣлая рыба, и къ концу зимы, т.-е. въ февралѣ, уловъ бываетъ уже весьма незначителенъ, такъ что многіе заѣздки въ это время совсѣмъ бросаются.

Кромѣ рыбной ловли, другой важный промыселъ, обезпечивающій существованіе гольдовъ, есть звѣроловство, въ особенности охота за соболями, которая начинается съ ноября и продолжается почти всю зиму.

Лишь только замерзнетъ Уссури и земля покроется снѣгомъ, гольды оставляютъ свои семейства и, снарядившись, какъ слѣдуетъ, отправляются въ горы, лежащія между правымъ берегомъ Уссури и Японскимъ моремъ, преимущественно въ верховья рѣкъ Бикина, Има и ея притока—Вака. Многіе изъ нихъ, даже большая часть, для того чтобы не терять времени и начать охоту съ первымъ снѣгомъ, идутъ на мѣсто ловли еще ранѣе замерзанія воды и поднимаются въ верховья названныхъ рѣкъ на лодкахъ; тѣ же, которымъ идти поближе, отправляются уже зимою. Для этой цѣли они снаряжаютъ особенныя легкія и узкія сани, называемыя *норты*, кладутъ на нихъ провизію и все необходимое, и тащатъ эти норты собаками, которые служатъ для охоты.

Обыкновенно, добравшись до мѣста промысла, каждая партія раздѣляется на нѣсколько частей, которыя расходятся по различнымъ падямъ и избираютъ ихъ мѣстомъ своей охоты. Прежде всего устраивается шалашъ, въ которомъ складывается провизія и который служитъ для ночевокъ.

Къ этому шалашу каждая отдѣльная партія собирается всякій вечеръ, между тѣмъ какъ днемъ всѣ ходятъ особо, или только вдвоемъ.

При этомъ гольды никогда не забываютъ взять съ собою своихъ боговъ, или бурхановъ, которые представляютъ изображеніе человѣка китайскаго типа, сильно размалеваннаго красною краскою на бумагѣ, или на деревѣ. Устроивъ шалашъ, каждая партія вѣшаетъ тутъ же на деревѣ и своего бурхана. Отправляясь на промыселъ, гольды молятся ему, прося хорошаго лова, и, въ случаѣ дѣйствительной удачи, т.-е. поймавъ хорошаго соболя, убивъ кабана или изюбря, опять приносятъ своему бурхану благодарственныя моленія, при чемъ брызгаютъ на него водкою, мажутъ саломъ или вареннымъ просомъ и вообще стараются всякимъ образомъ выразить свою признательность.

Сначала зимы, т.-е. въ теченіе ноября и декабря, когда снѣгъ еще малъ, охота производится съ собаками, которыя отыскиваютъ соболя и, взогнавъ его на дерево, начинаютъ лаять до тѣхъ поръ, пока не придетъ промышленникъ. По бóльшей части, соболь, взбѣжавъ на дерево, начинаетъ перепрыгивать съ одного на другое чрезвычайно быстро, но хорошая собака никогда не потеряетъ звѣрка изъ виду и, слѣдуя за нимъ съ лаемъ, всегда укажетъ охотнику дерево, на которомъ наконецъ онъ засѣлъ.

Случается, что иной соболь пускается на уходъ по землѣ и залѣзаетъ въ дупло дерева, въ нору, или подъ камни. Въ первомъ случаѣ, обыкновенно, дерево срубается, во второмъ копаютъ нору, если только это позволяетъ грунтъ земли и, наконецъ, въ третьемъ — выкуриваютъ звѣрка дымомъ. Охотясь за соболями, гольды бьютъ и другихъ звѣрей, если только они попадаются. Весьма большою помѣхою для всѣхъ этихъ охотъ служатъ тигры, которыхъ довольно много на Уссури и которые часто ловятъ охотничьихъ собакъ, а иногда приходятъ и къ самымъ шалашамъ спящихъ промышленниковъ.

Гольды страшно боятся тигра и даже боготворятъ. Завидѣвъ тигра, хотя издали, гольдъ бросается на колѣни и молитъ о пощадѣ; мало того, они поклоняются даже слѣду тигра, думая этимъ умилостивить своего свирѣпаго бога.

Впрочемъ, съ тѣхъ поръ какъ на Уссури поселились русскіе и начали, почти каждый годъ, бить тигровъ, многіе гольды видимо сомнѣваются во всемогуществѣ этого божества, и уже менѣе раболѣпствуютъ передъ нимъ. Нѣкоторые даже совсѣмъ перестали поклоняться тигровымъ слѣдамъ, хотя все еще не отваживаются прямо охотиться за страшнымъ звѣремъ. Здѣсь кстати замѣтить, что гольды охотно замѣняютъ свои прежніе фитильныя ружья нашими сибирскими винтовками, которыя хотя по виду не стоятъ и двухъ копѣекъ, но въ искусныхъ рукахъ

здѣшнихъ охотниковъ безъ промаха бьютъ всякаго звѣря, и большого и малаго.

Когда выпадутъ большіе снѣга и охота съ собаками сдѣлается крайне затруднительною, тогда гольды промышляютъ соболей инымъ способомъ. Нужно замѣтить, что въ это время, т.-е. въ январѣ, у соболей начинается течка, и каждый изъ нихъ, напавъ на слѣдъ другого, тотчасъ же пускается по этому слѣду, думая найти самку. Другой, третій дѣлаютъ тоже самое, такъ что наконецъ протаптывается тропа, по которой уже непремѣнно идутъ всѣ, случайно попавшіе на нее, соболи. На такихъ тропахъ гольды настораживаютъ особенные луки, устроенные такимъ манеромъ, что когда соболь задѣнетъ за приводъ, то стрѣла бьетъ сверху внизъ и пробиваетъ его насквозь. Такой способъ охоты гораздо добычливѣе и не требуютъ особенныхъ трудовъ отъ охотника, который только однажды въ сутки обходитъ и осматриваетъ свои снаряды, а остальное время сидитъ, или спитъ своемъ шалашѣ.

Кромѣ того есть еще одинъ способъ добыванія соболей, который также употребляется съ успѣхомъ. Этотъ способъ основанъ на привычкѣ соболя бѣгать непремѣнно по всѣмъ встрѣчнымъ колодамъ. Не знаю, чѣмъ объяснить такую привычку, но я самъ, видѣвши не одну сотню соболиныхъ слѣдовъ въ хвойныхъ лѣсахъ, покрывающихъ главный кряжъ Сихотэ-Алиня, всегда замѣчалъ тоже самое: соболь непремѣнно влѣзетъ и пробѣжитъ по верху каждой встрѣчной колоды.

Зная такое его обыкновеніе, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ много соболиныхъ слѣдовъ, устраиваютъ на колодахъ особенныя проходныя загородки, въ которыхъ настораживаютъ бревна и иногда даже кладутъ какую-нибудь приманку: кусочекъ рыбы или мяса. Соболь, взбѣжавъ на колоду и схвативъ приманку, или просто пробѣгая сквозь загородь, трогаетъ за приводъ бревна, которое падаетъ и давитъ звѣрка. Такой снарядъ употребляется всѣми инородцами на Уссури и нашими казаками, у которыхъ называется *слопцомъ*. Подобные слопцы употребляются также для ловли енотовъ и зайцевъ.

Между всѣми соболиными промышленниками, какъ инородцами, такъ и русскими, развита чрезвычайная честность относительно добычи охоты, запасовъ и т. п. Часто случается, что промышленникъ набредетъ на чужой шалашъ, въ которомъ никого нѣтъ, но гдѣ лежитъ вся провизія и добытые соболи, однако онъ никогда ничего не украдетъ. Только, по существующему обычаю, онъ можетъ сварить себѣ обѣдъ и поѣсть сколько хочетъ, но ничего не смѣетъ брать въ дорогу. Примѣровъ воровства никогда не бываетъ, и я нѣсколько разъ, разспрашивая объ

этомъ у казаковъ и гольдовъ, всегда получалъ одинъ отвѣтъ, что если бы, случайно набредшій на чужой шалашъ, промышленникъ укралъ изъ него что-нибудь, то хозяинъ украденной вещи непремѣнно нашелъ бы его по слѣду и убилъ изъ винтовки. Вѣроятно такая острастка сильно дѣйствуетъ даже и на тѣхъ изъ охотниковъ, которые, при случаѣ, не прочь стянуть чужое.

Съ соболинаго промысла гольды возвращаются въ концѣ зимы, т.-е. въ февралѣ и мартѣ; другіе же остаются въ лѣсахъ до вскрытія рѣкъ, и выѣзжаютъ уже на лодкахъ. Число соболей добываемыхъ каждымъ охотникомъ не одинаково изъ года въ годъ, и измѣняется отъ 7 — 15, даже до 20-ти штукъ. Это зависитъ отъ бо́льшаго или меньшаго счастія, главнымъ же образомъ отъ количества соболей, которыхъ въ одинъ годъ бываетъ много, въ другой на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ—мало.

Подобное явленіе происходитъ отъ того, что соболи, также какъ бѣлки, хорьки, а въ Уссурійскомъ краѣ даже кабаны и дикія козы, предпринимаютъ періодическія переселенія изъ одной мѣстности въ другую. Эти переселенія обусловливаются различными физическими причинами. Такъ, напр., когда снѣгъ ляжетъ на замерзшую землю, слѣдовательно кабанамъ не удобно копаться, они тотчасъ же перекочевываютъ на другія, болѣе удобныя мѣста. Точно также урожай кедровыхъ орѣховъ, въ данномъ мѣстѣ, привлекаетъ туда множество бѣлокъ, за которыми слѣдуетъ и соболь, ихъ главный истребитель.

Всѣхъ добытыхъ соболей гольды отдаютъ китайцамъ за порохъ, свинецъ, просо, табакъ, соль и другіе продукты, которые они забираютъ напередъ, въ долгъ, и за это обязываются доставлять весь свой уловъ. Заплативъ за прежде взятое, гольдъ снова забираетъ у китайца, опять несетъ ему, на будущій годъ, всѣхъ добытыхъ тяжкимъ трудомъ соболей, и такимъ образомъ никогда не освобождается отъ кабалы. Эта кабала такъ велика, что гольдъ не смѣетъ никому продать своихъ соболей, даже за цѣну гораздо бо́льшую, а обязанъ всѣхъ ихъ доставить своему заимодавцу китайцу, который назначаетъ цѣну по собственному усмотрѣнію. Я думаю, что каждый соболь обходится китайцу гораздо менѣе рубля.

Этихъ соболей китайцы, въ свою очередь, отдаютъ русскимъ купцамъ, бо́льшею частію за товаръ взятый въ долгъ, или свозятъ на продажу на устье Уссури въ с. Хабаровку, гдѣ лѣтомъ, въ іюнѣ и іюлѣ, скопляется до двадцати тысячъ соболиныхъ шкурокъ. Средняя цѣна соболя бываетъ здѣсь въ это время 6—8 рублей за штуку.

Мѣхъ уссурійскаго соболя незавидный, по большей части коротко-пушистый и свѣтлаго цвѣта, такъ что далеко уступаетъ въ цѣнности мѣху соболей амурскихъ, особенно добываемыхъ въ маломъ Хингонѣ и на низовьяхъ Амура.

Соболинымъ промысломъ занимаются и наши казаки, но только въ размѣрахъ несравненно меньшихъ, чѣмъ гольды.

Русскіе охотятся на этихъ звѣрковъ только съ собаками, и уходятъ изъ станицъ въ горы по первому снѣгу недѣли на двѣ, на три, или уже много на мѣсяцъ.

Кромѣ охоты за соболями, гольды промышляютъ и другихъ звѣрей: бѣлокъ, куницъ, рысей, изюбрей, медвѣдей, кабановъ и проч. Вотъ еще одна въ высшей степени оригинальная охота гольдовъ за дикими козами на водѣ.

Прежде всего нужно замѣтить, что эти козы ежегодно, весною и осенью, предпринимаютъ переселенія изъ нашего Уссурійскаго края въ южныя части Манчжуріи и обратно. Причиною такихъ переселеній служатъ глубокіе снѣга, которые въ иную зиму выпадаютъ на Уссури фута на три и изъ-подъ которыхъ козуля, конечно, не можетъ доставать себѣ пищи.

Какъ осенній, такъ и весенній ходъ продолжается, каждый, недѣли по три, но самый сильный бываетъ не болѣе шести или семи дней.

Козы идутъ стадами 5—10—30, иногда даже до 100 штукъ, и пути ихъ слѣдованія, изъ года въ годъ, одни и тѣже. Мѣстные охотники, русскіе и инородцы, устраиваютъ на такихъ путяхъ засадки и бьютъ козъ множество.

Но самая выгодная звѣриная охота производится гольдами, если коза идетъ въ то время, когда Уссури еще не замерзла, или уже очистилась отъ льда. Зная мѣста, гдѣ звѣри переправляются черезъ рѣку, гольды устраиваютъ засадки и ждутъ, пока начнется переправа. Долго ходятъ старые вожаки по берегу, тщательно нюхая воздухъ и осматривая, нѣтъ ли опасности на противоположной сторонѣ рѣки. А тамъ все спокойно: густою стѣною нависли ивы съ берега и въ ихъ темной чащѣ, повидимому, нѣтъ ничего подозрительнаго; дикія утки полощутся въ водѣ; цапли расхаживаютъ по песчанымъ откосамъ; словомъ, нѣтъ никакой опасности. И вотъ, помявшись еще немного, передовые самцы бросаются въ воду, за ними самки и наконецъ все стадо.

Трудно плыть по быстрой, широкой рѣкѣ, тяжело фыркаютъ молодыя, не привыкшія къ подобнымъ трудностямъ! Однако все стадо довольно быстро подвигается впередъ; вотъ на серединѣ рѣки,—еще немного, и достигнетъ желаннаго берега... Вдругъ какъ будто изъ воды выростаетъ гольдская лодка-оморочка, за нею

другая, третья.... со всѣхъ сторонъ, изъ заливовъ, изъ-подъ тальника, отовсюду несутся быстрые, легкіе челноки и, доселѣ безмолвный, берегъ оглашается теперь радостными криками гольдовъ, ожидающихъ себѣ уже вѣрную добычу. Озадаченное сразу, все стадо останавливается не зная куда дѣться, не повернуть ли назадъ. Еще мгновеніе, и оно рѣшается на такое, повидимому, единственное средство спасенія: дѣлаетъ крутой поворотъ и стремится къ прежнему берегу; но быстрѣе птицы летятъ гольдскія оморочки, и путь отступленія отрѣзанъ. Видя со всѣхъ сторонъ лодки и людей, пораженное ужасомъ, все стадо бросается въ разсыпную: однѣ козы силятся идти на проломъ, другія бросаются къ противоположному берегу, внизъ, вверхъ по рѣкѣ, словомъ во всѣ стороны — и тутъ-то начинается главная бойня. Съ копьемъ въ рукахъ, несется гольдъ къ плывущей козѣ и, однимъ ударомъ, пронзаетъ ее насквозь въ шею, немного ниже позвоночнаго столба для того, чтобы убить не на повалъ, иначе она утонетъ и пропадетъ для него; получивъ же только рану, правда смертельную, коза долго еще, въ предсмертной агоніи, держится на поверхности воды, а подплывающія тѣмъ временемъ жены и дѣти гольдовъ тащатъ свою добычу къ берегу. Пронзивъ одну козу, гольдъ бросается за другою, третьею, четвертою и т. д., пока еще онъ видитъ въ рѣкѣ свою добычу.

Голоса людей, предсмертные крики раненыхъ козъ, вода обагренная кровью, лодки гольдовъ, несущіяся какъ птицы по волнамъ—все это представляетъ дикую, оригинальную картину. Наконецъ все стихаетъ. Только немногія, счастливыя козы успѣли, въ суматохѣ, выплыть изъ рѣки и исчезнуть въ кустахъ. Убитыхъ и раненыхъ свозятъ къ берегу, начинаютъ снимать съ нихъ шкуры, потрошатъ и сушатъ на солнцѣ мясо, которое вмѣстѣ съ рыбою служитъ главною пищею для бѣднаго, неприхотливаго гольда.

Племя орочей, или тазовъ [1]), по числу, вѣроятно неуступающее гольдамъ, обитаетъ по береговымъ рѣчкамъ Японскаго моря, начиная отъ устья Суйфуна до устья р. Тазуши и даже нѣсколько далѣе къ сѣверу; сверхъ того оно встрѣчается внутри страны, по большимъ правымъ притокамъ Уссури: Бикину, Има и др.

[1]) Слово «таза», какъ объясняли мнѣ манзы, есть мѣстная передѣлка китайскаго названія *Ю-пи-да-цзы*, что̀ значитъ, въ буквальномъ переводѣ, «рыбокожіе инородцы». Этимъ именемъ китайская географія издавна называетъ обитателей восточной Манчжуріи, употребляющихъ, для обуви и одежды, выдѣланныя шкуры рыбъ.

По образу своей жизни, орочи раздѣляются на два класса: бродячихъ и осѣдлыхъ.

Первые изъ нихъ представляютъ, въ полномъ смыслѣ, типъ дикарей-охотниковъ и цѣлую жизнь скитаются съ своими семействами съ одного мѣста на другое, располагаясь въ шалашахъ, устраиваемыхъ изъ бересты.

Это жалкое убѣжище ставится обыкновенно тамъ, гдѣ можно добыть побольше пищи, слѣдовательно на берегу рѣки, когда въ ней много рыбы, или въ лѣсной пади, если тамъ много звѣрей. Часто случается, что орочa, убивъ кабана или оленя, перекочевываетъ сюда и живетъ, пока не съѣстъ свою добычу, послѣ чего идетъ на другое мѣсто.

Во время своихъ странствованій по Уссурійскому краю, мнѣ нѣсколько разъ случалось встрѣчать одинокія становища этихъ бродягъ, и я всегда съ особеннымъ любопытствомъ заходилъ къ нимъ.

Обыкновенно, вся семья сидитъ, полуголая, вокругъ огня, разложеннаго посрединѣ шалаша, до того наполненнаго дымомъ, что, съ непривычки, почти невозможно открыть глаза. Тутъ же валяются звѣриныя шкуры, рыболовные снаряды, различная рухлядь и, рядомъ съ малыми дѣтьми, лежатъ охотничьи собаки. При появленіи незнакомца цѣлое общество разомъ заборомочетъ, собаки залаютъ, но черезъ нѣсколько минутъ все успокоится: собаки и дѣти, по прежнему, улягутся въ сторонѣ, взрослые орочи и ихъ жены опять начнутъ продолжать ѣду или какую-нибудь работу; словомъ, появленіе неизвѣстнаго человѣка производитъ на этихъ людей впечатлѣніе не бо́льшее, чѣмъ и на ихъ собакъ.

Какая малая разница между этимъ человѣкомъ и его собакою! Живя какъ звѣрь въ берлогѣ, чуждый всякаго общенія съ себѣ подобными, онъ забываетъ всякія человѣческія стремленія и, какъ животное, заботится только о насыщеніи своего желудка. Поѣстъ мяса или рыбы, полуизжаренной на угольяхъ, а затѣмъ идетъ на охоту, или спать, пока голодъ не принудитъ его снова встать, развести огонь и въ дымномъ, смрадномъ шалашѣ, вновь готовить себѣ пищу.

Такъ проводитъ этотъ человѣкъ свою цѣлую жизнь: сегодня для него тоже что вчера, завтра—тоже что сегодня. Ни чувства, ни желанія, ни радости, ни надежды, словомъ, ничто духовное, человѣческое для него не существуетъ. На дѣлѣ убѣдился я теперь въ истинѣ того, что гораздо бо́льшая пропасть лежитъ между цивилизованнымъ и дикимъ человѣкомъ, нежели между этимъ послѣднимъ и любымъ изъ высшихъ животныхъ.

Другая часть орочей поднялась ступенью выше своихъ собратій и достигла уже нѣкоторой степени осѣдлости. Хотя, они, также какъ и гольды, не знаютъ земледѣлія, но подобно послѣднимъ живутъ въ фанзахъ, которыя какъ по своему наружному, такъ и по внутреннему устройству ничѣмъ не отличаются отъ китайскихъ. Лѣтомъ орочи покидаютъ эти фанзы и переселяются на берега рѣкъ, обильныхъ рыбою, но съ наступленіемъ зимы снова возвращаются въ нихъ. Здѣсь остаются тогда жены, старики и малыя дѣти; всѣ же взрослые мужчины уходятъ въ лѣса на соболиный промыселъ, съ котораго возвращаются къ началу весны. За забранныя у сосѣдняго или какого-нибудь другого манзы просо, табакъ, водку и проч., орочи несетъ ему всѣхъ добытыхъ соболей, отдаетъ ихъ по цѣнѣ, назначенной китайцемъ, и затѣмъ опять, въ теченіи года, беретъ у него въ долгъ все необходимое для себя, такъ что остается въ постоянной кабалѣ.

Женщины орочей, если и не отличаются красотою, то, тѣмъ не менѣе, имѣютъ большую претензію на щегольство, хотя конечно, по собственному вкусу. Прежде всего, у каждой изъ нихъ въ правой ноздрѣ и въ ушахъ продѣты довольно толстыя кольца, на которыхъ висятъ мѣдныя или серебрянныя бляхи, величиною въ двугривенный. Кромѣ того, на всѣхъ пальцахъ надѣты, иногда по нѣсколько штукъ на одномъ, мѣдныя и серебрянныя кольца, а на кистяхъ рукъ такія же, или рѣже, стеклянные браслеты. Наконецъ голова и все платье украшено множествомъ различныхъ побрякушекъ — бубенчиковъ, мѣдныхъ или желѣзныхъ пластинокъ и т. п., такъ что при малѣйшемъ движеніи такой красавицы издаются самые негармоническіе звуки.

Однако «о вкусахъ не спорятъ», и безсемейные манзы часто берутъ себѣ этихъ женщинъ въ наложницы. Мужья и отцы орочи, какъ видно, смотрятъ на такое дѣло весьма хладнокровно, потому что за-частую сами живутъ вмѣстѣ съ китайцемъ, у котораго находится ихъ дочь или жена, въ обоюдномъ владѣніи. Здѣсь же кстати замѣтить, что всѣ инородцы нашего Уссурійскаго края совершенно свободно объясняются по-китайски, такъ что этотъ языкъ въ здѣшнихъ мѣстахъ въ такомъ же ходу, какъ и французскій въ Европѣ.

Къ числу замѣчательныхъ явленій, совершающихся въ послѣднее время на крайнемъ востокѣ Азіи, слѣдуетъ отнести также миграцію корейцевъ въ предѣлы Россіи, и образованіе ими тамъ новыхъ поселеній. Густая населенность Корейскаго полуострова и развившіеся тамъ, вслѣдствіе этого, нищета и пролетаріатъ, грубый деспотизмъ, оковавшій собою всѣ лучшія силы народа, наконецъ близость нашихъ владѣній обильныхъ плодо-

родною, нетронутою почвою—все это было сильною пружиною, достаточною даже для того, чтобы заставить и неподвижныхъ жителей Востока отречься отъ преданій прошлаго и, бросивъ свою родину, искать себѣ, при новыхъ условіяхъ и новой обстановкѣ, лучшей и болѣе обезпеченной жизни. И вотъ, боязливо, какъ будто еще не рѣшаясь покончить вдругъ со всѣмъ прошлымъ, начали, мало-по-малу, жители ближайшихъ къ намъ владѣній Кореи изъявлять свою готовность на переселеніе въ русскіе предѣлы. Съ нашей стороны подобное заявленіе было встрѣчено съ полнымъ сочувствіемъ, и еще въ 1863 г. къ намъ переселилось 12-ть семействъ.

Затѣмъ, переселеніе повторялось каждый годъ, такъ что въ настоящее время въ нашихъ предѣлахъ образовались три корейскія деревни, *Тызенъ-хэ*, *Янчи-хэ* и *Сидеми* [1]), въ которыхъ считается 1,800 душъ обоего пола.

Примѣръ всѣхъ этихъ переселенцевъ сильно дѣйствуетъ на пограничное корейское населеніе, такъ что и теперь есть еще много желающихъ переселиться къ намъ.

Съ своей стороны, корейское правительство всѣми средствами старалось и старается пріостановить такое переселеніе, и употребляетъ самыя строгія мѣры, разстрѣливая даже тѣхъ корейцевъ, которыхъ удается захватить на пути въ наши владѣнія. Однако, несмотря на это, корейцы бросаютъ свои фанзы, тихомолкомъ ночью переправляются черезъ пограничную рѣку Тумангу (Гаоли-дзянъ), и уже тамъ, иногда даже подъ прикрытіемъ нашихъ солдатъ, безопасно слѣдуютъ въ Новгородскую гавань. До чего корейское правительство чуждается всякихъ сношеній съ русскими, можно судить уже изъ того, что начальникъ пограничнаго города Кыгенъ-Пу запретилъ жителямъ, подъ страхомъ смерти, продавать что-либо русскимъ, и приказалъ уничтожить всѣ лодки, находящіяся въ городѣ для того, чтобы никто изъ корейцевъ не могъ переѣзжать на лѣвую сторону рѣки, гдѣ стоитъ нашъ пограничный пóстъ. Однако несмотря на строгое запрещеніе своего начальника, жители Кыгенъ-Пу, зимою, когда замерзнетъ рѣка, приходятъ ночью на этотъ пóстъ въ гости къ солдатамъ.

Корейскія деревни состоятъ изъ фанзъ, расположенныхъ въ разстояніи 100—300 шаговъ одна отъ другой. Своимъ наружнымъ видомъ и внутреннимъ устройствомъ, эти фанзы ничѣмъ не отличаются отъ китайскихъ. Только въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ находится нѣсколько женатыхъ, нары раздѣлены перегородками на части, служащія отдѣльными спальнями для каждой пары.

---

[1]) Первыя двѣ деревни, т.-е. Тызенъ-хэ и Янчи-хэ лежатъ вблизи залива Посьета, а Сидеми верстахъ въ 80-ти сѣвернѣе его.

Въ пространствахъ между фанзами находятся поля, въ трудолюбивой и тщательной обработкѣ которыхъ корейцы нисколько не уступаютъ китайцамъ. Всѣ полевыя работы производятся на коровахъ и быкахъ, но плуги весьма дурного устройства, такъ что работа ими тяжела какъ для скотины, такъ и для человѣка.

Изъ хлѣбовъ корейцы болѣе всего засѣваютъ просо (буды), которое составляетъ для нихъ, также какъ и для китайцевъ, главную пищу, потомъ *бобы*, *фасоль* и *ячмень*; въ меньшемъ же количествѣ сѣютъ *кукурузу*, *картофель*, *гречиху*, *коноплю* и *табакъ*, а также огородныя овощи: *огурцы*, *тыквы*, *рѣдьку*, *салатъ*, *красный*, *перецъ* и проч.

Хлѣбъ свой корейцы жнутъ небольшими серпами, въ родѣ нашей косы, и затѣмъ связываютъ въ снопы, которые молотятъ колотушками на особыхъ токахъ, находящихся возлѣ фанзъ.

Табакъ, послѣ сбора, вѣшаютъ подъ навѣсъ для просушки; курятъ всѣ, даже и женщины. Для обработки конопли сначала варятъ самый стебель часа два въ горячей водѣ, а потомъ уже руками обдираютъ волокно.

Кромѣ того корейцы, также какъ и китайцы, приготовляютъ для себя масло изъ сѣмянъ кунжута (Sesamum orientale). Для этого они сначала мелютъ сѣмена въ жерновѣ, потомъ наливаютъ на нихъ немного воды и варятъ; наконецъ кладутъ въ мѣшокъ подъ тяжелый камень. Масло, вмѣстѣ съ водою, вытекаетъ въ подставленный сосудъ; вкусомъ оно похоже на подсолнечное.

Кромѣ хлѣбопашества, корейцы занимаются скотоводствомъ, въ особенности разведеніемъ рогатаго скота, который служитъ имъ для работъ. Коровъ своихъ они никогда не доятъ и также, какъ китайцы, вовсе не употребляютъ молока.

Въ своемъ домашнемъ быту корейцы отличаются трудолюбіемъ, особенно чистотою, совершенно противоположно китайскимъ манзамъ, грязнымъ до-нельзя. Самое одѣяніе ихъ, бѣлаго цвѣта, уже указываетъ на любовь къ чистотѣ.

Обыкновенная одежда мужчинъ состоитъ изъ верхняго платья, въ родѣ халата, съ чрезвычайно широкими рукавами, бѣлыхъ панталонъ и башмаковъ; на головѣ носятъ они черныя шляпы, съ широкими полями и узкою верхушкою. Шляпы эти сплетены въ видѣ сѣтки изъ волосъ съ ободками изъ китоваго уса. Кромѣ того, старики носятъ постоянно, даже и дома, особый волосяной колпакъ.

Одежда женщинъ состоитъ изъ бѣлой кофты и такой же бѣлой юпки, съ разрѣзами по бокамъ.

Волосы свои корейцы не брѣютъ, какъ китайцы, а собираютъ

ихъ въ кучу на верху головы, и сплетаютъ здѣсь въ видѣ столба; женщины же обвиваютъ волосы кругомъ головы и тутъ ихъ связываютъ. Вообще, красота волосъ считается главнымъ щегольствомъ, такъ что щеголихи, обиженныя въ этомъ случаѣ природою, носятъ искусственныя косы, работа которыхъ доведена у корейцевъ до высшей степени совершенства.

Въ общемъ — физіономіи корейцевъ довольно пріятны, хотя станъ ихъ, въ особенности женщинъ, далеко не можетъ назваться стройнымъ. Здѣсь прежде всего бросается въ глаза очень узкая, какъ будто сдавленная грудь. Лица корейцевъ, бо́льшею частію, круглыя, въ особенности у женщинъ, но притомъ бѣлыя, и всѣ они рѣшительно, какъ мужчины, такъ и женщины, брюнеты съ черными глазами.

Мужчины носятъ бороды, которыя, впрочемъ, очень не велики и рѣдки. Роста мужчины бо́льшею частію средняго; женщины же нѣсколько меньше. Послѣднія носятъ маленькихъ дѣтей не на рукахъ, какъ это обыкновенно дѣлается у насъ, но привязываютъ ихъ полотенцемъ за спину, возлѣ поясницы.

Замѣчательно, что женщины у корейцевъ не имѣютъ именъ, а называются по роднѣ, напр. мать, тетка, бабушка и проч.; у мужчинъ же сначала пишется и говорится фамилія, а потомъ имя.

Каждый кореецъ можетъ имѣть только одну жену, но этотъ законъ не строго соблюдается, и богатые держатъ иногда до трехъ женъ.

Корейскій властитель *Наранъ-Ними* или *Нараи* имѣетъ девять женъ и живетъ во дворцѣ *Пуханъ*, изъ котораго есть подземный ходъ въ сосѣднюю крѣпость *Сеулъ* или *Сяури*, столицу государства. Онъ считается меньшимъ братомъ китайскаго Богдыхана и совершенно не зависимъ отъ него, хотя по заведенному изстари обычаю однажды въ годъ отправляетъ въ Пекинъ подарки, въ отплату за которые получаетъ новый календарь.

Каждый изъ подданныхъ, являющихся передъ лицо своего царя, долженъ пасть ницъ на землю. Этотъ обычай соблюдаетъ также простой народъ относительно чиновниковъ, въ особенности важныхъ по чину.

Вообще деспотизмъ у корейцевъ развитъ до крайней степени, и проникъ всѣ составы государственнаго организма. Самый видъ чиновника приводитъ въ трепетъ простого человѣка. Когда отъ насъ былъ посланъ офицеръ съ какимъ-то порученіемъ въ пограничный городъ Кыгенъ-Пу, то бывшій съ нимъ переводчикъ изъ корейцевъ, перешедшихъ къ намъ, трясся какъ листъ, увидавъ своего бывшаго начальника, хотя теперь былъ отъ него въ со-

вершенной безопасности. До того сохранилось въ немъ прежнее обаятельное вліяніе страха передъ начальствомъ.

Въ Кореѣ каждый городъ и деревня имѣютъ школу, гдѣ всѣ мальчики обучаются корейскому языку, а болѣе способные, сверхъ того, и китайскому, на которомъ ведется вся высшая, дипломатическая переписка съ Китаемъ.

Въ своихъ нравственныхъ воззрѣніяхъ, корейцы имѣютъ понятіе о высшемъ существѣ, душѣ и загробной жизни; Бога они называютъ *Путэ-ними*, душу—*Хони*, а небо или рай—*Ханыри*.

У нихъ также есть служители религіи, т.-е. священники, которыми могутъ быть не только мужчины, но даже и женщины.

Замѣчательно, что у корейцевъ сохранились преданія, какъ-бы заимствованныя изъ Ветхаго Завѣта, напр. о потопѣ.

Однажды во время пребыванія въ д. Тызенъ-хэ, мнѣ случилось быть свидѣтелемъ поминокъ по умершему. Обрядъ этотъ совершался слѣдующимъ образомъ.

Когда я пришелъ въ фанзу, гдѣ происходили поминки, то всѣ корейцы просили меня сѣсть на солому, разостланную на дворѣ, и тотчасъ же поставили передъ мною небольшую деревянную скамейку, на которой стояло глиняное блюдцо, съ тонко нарѣзанными кусочками свинины и сушеной рыбы. Въ тоже время мнѣ предложили самаго лакомаго напитка — нагрѣтой водки съ медомъ; я нарочно попробовалъ одинъ глотокъ—мерзость ужасная.

Между тѣмъ началась самая церемонія поминокъ, для чего сначала принесли нѣсколько выдѣланныхъ собачьихъ шкуръ и разостлали ихъ на дворѣ. Два, три человѣка присутствующихъ, по-очередно, ложились ницъ на эти шкуры и что-то бормотали шопотомъ. Въ тоже время двое сыновей умершей матери, по которой совершались самыя поминки, стояли подлѣ лежащихъ и напѣвали самымъ плачевнымъ голосомъ.

Полежавъ минуты три, гости вставали, замѣняясь новыми и, отойдя немного въ сторону, садились, бо̀льшею частью, на корточки; при этомъ получали свинину и рыбу, также какъ и я, садились на скамейку и выпивали чашку водки. Эта чашка нѣсколько разъ обходила всѣхъ присутствующихъ, которые, въ антрактахъ между ѣдою и питьемъ, наклонялись другъ къ другу и что-то тихо бормотали. Каждый вновь приходящій продѣлывалъ также всю церемонію, отъ которой не увернулся даже и мой крещеный спутникъ — старшина деревни Тызенъ-хэ. Женщины находились отдѣльно отъ мужчинъ внутри фанзы, даже съ завѣшеннымъ окномъ, и голосили тамъ во время церемоніи.

Всѣ присутствующіе были одѣты въ свою обыкновенную бѣлую

одежду, а на головѣ имѣли черныя шляпы съ широкими полями; только одѣяніе обоихъ сыновей умершей матери было сѣраго цвѣта, и вмѣсто шляпъ у нихъ были надѣты сѣрые колпаки.

Такая одежда считается признакомъ траура, который, по закону корейцевъ, долженъ носиться три года. Самыя поминки совершаются, какъ и у насъ, однажды въ годъ, въ день смерти и продолжаются съ утра до глубокой ночи. Другихъ праздниковъ у корейцевъ очень мало,—всего четыре въ году, да и изъ тѣхъ только одинъ продолжается трое сутокъ, остальные же празднуются по одному дню.

Переселясь къ намъ нѣкоторые изъ корейцевъ приняли православную вѣру, такъ что теперь въ д. Тызенъ-хэ есть нѣсколько десятковъ христіанъ мужчинъ и женщинъ, и въ томъ числѣ старшина деревни. Его прежняя фамилія и имя были *Цуи-унз Кыги;* теперь же онъ называется Петръ Семеновъ, по имени и отчеству своего крестнаго отца, одного изъ нашихъ офицеровъ.

Этотъ старшина пожилой человѣкъ, 48 лѣтъ, умѣетъ, хотя и плохо, говорить по-русски и, кромѣ корейскаго языка, знаетъ немного по-китайски; ходитъ онъ въ русскомъ сертукѣ, обстриженъ по-русски и даже при своей фанзѣ выстроилъ большую русскую избу.

Любознательность этого человѣка такъ велика, что онъ нѣсколько разъ высказывалъ мнѣ свое желаніе побывать въ Москвѣ и Петербургѣ, чтобы посмотрѣть эти города. Притомъ же этотъ старшина человѣкъ весьма услужливый и честный. Въ продолженіи двухъ сутокъ, которыя я пробылъ въ д. Тызенъ-хэ, онъ находился неотлучно при мнѣ, вездѣ ходилъ со мною, разсказывалъ и когда, на прощаньи, я предложилъ ему деньги за услугу, то онъ долго отказывался отъ нихъ и взялъ только послѣ настоятельной просьбы съ моей стороны.

Вообще услужливость, вѣжливость и трудолюбіе составляютъ, сколько я могъ замѣтить, отличительныя черты характера корейцевъ, которые, въ этомъ случаѣ, стоятъ безконечно выше своихъ сосѣдей китайцовъ — манзъ, грубыхъ и до нельзя жадныхъ на деньги.

Сами себя корейцы называютъ—*каули.* Въ настоящее время трудно сказать что либо опредѣленное относительно нашихъ корейскихъ колоній, которыя существуютъ еще такъ недавно. Во всякомъ случаѣ, до выясненія положительныхъ результатовъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ пріостановить дальнѣйшій пріемъ новыхъ переселенцевъ изъ Кореи, такъ какъ во вновь заселяемой рус-

ской странѣ гораздо естественнѣе считать десять русскихъ на одного корейца, чѣмъ наоборотъ.

Съ другой стороны, поселеніе перешедшихъ къ намъ корейцевъ, въ такой близи отъ ихъ границы[1]), есть немалая ошибка. Какъ ни тяжка была жизнь на родинѣ, но все-таки съ нею связаны для нихъ воспоминанія, самыя дорогія для каждаго человѣка. Слишкомъ крутъ былъ переходъ къ настоящему отъ прошедшаго для того, чтобы они могли его сразу позабыть и изъ корейцевъ сдѣлаться русскими. Нѣтъ, нужно много времени и много вліяній съ нашей стороны, чтобы обрусить ихъ хотя сколько-нибудь.

Для успѣшнаго достиженія подобной цѣли, необходимо окружить ихъ такой обстановкой, которая нисколько не напоминала бы о прошломъ, но заставляла бы, мало-по-малу, и совсѣмъ его позабыть. Въ настоящее время для корейцовъ нѣтъ и тѣни ничего этого. Они живутъ отдѣльною, своею общиною на разстояніи, по крайней мѣрѣ, двухъ сотъ верстъ отъ нашихъ крестьянъ, про которыхъ развѣ только слышали, а видѣть навѣрно не видали. Притомъ же близость границы даетъ имъ возможность знать и интересоваться тѣмъ, что̀ дѣлается на родинѣ, даже самый видъ родныхъ горъ, синѣющихъ вдали за берегами Туманги— все это сильно напоминаетъ имъ о быломъ, и устраняетъ возможность всякаго активнаго вліянія съ нашей стороны.

Другое дѣло, еслибы эти корейцы были поселены гдѣ-нибудь подальше, наприм. на среднемъ Амурѣ, или даже хотя въ степной полосѣ между оз. Ханка и р. Суйфуномъ. Здѣсь бы они жили вдали отъ родины, и притомъ среди нашихъ крестьянъ, съ которыми могли бы поближе познакомиться и перенять отъ нихъ кое-что новое. Затѣмъ, исподволь, стали бы проникать къ нимъ, вмѣстѣ съ православною религіею, русскій языкъ и русскіе обычаи и, быть можетъ, со временемъ свершили-бы еще невиданное до сихъ поръ чудо, переродивъ на новый ладъ этихъ выходцевъ племени, столь же упорныхъ и неподвижныхъ, какъ и всѣ прочіе народы азіатскаго Востока.

Конечно, первымъ шагомъ къ подобному обрусенію какъ корейцевъ, такъ и прочихъ инородцевъ нашего Уссурійскаго края, должна явиться православная пропаганда, которая, къ сожалѣнію, далеко не можетъ похвалиться здѣсь своими представителями.

На все огромное протяженіе края есть только два миссіонера—

[1]) Деревня Янчи-хэ лежитъ въ 25 верстахъ, а д. Тыченъ-хэ въ 40 верстахъ отъ пограничнаго китайскаго города Кыгенъ-Пу.

одинъ монахъ и одинъ священникъ — да и тѣ не отличаются особеннымъ рвеніемъ и безукоризненною жизнью.

При такихъ условіяхъ, дѣло обращенія въ христіанство инородцевъ идетъ весьма туго и далеко не можетъ быть сравнено съ успѣхами въ другихъ странахъ иновѣрческой пропаганды, представители которой люди съ широкимъ образованіемъ и притомъ люди, до фанатизма преданные своему дѣлу.

Безкорыстное служеніе на подобномъ поприщѣ есть дѣло честное, святое и не даромъ миссіонерскія общества хранятъ, какъ святыню, портреты миссіонеровъ, погибшихъ во время ихъ проповѣдей. Эти люди, бросающіе свою родину и съ нею все что̀ есть для нихъ дорогого,—безстрашно идущіе къ народамъ дикимъ и варварскимъ проповѣдывать имъ слово Божіе и, бо̀льшею частію, мученическою смертію запечатлѣвающіе тамъ свое поприще — эти люди достойны полнаго уваженія каждаго человѣка, каковы бы ни были его личныя воззрѣнія.

Понятно, что и успѣхъ дѣла при такихъ условіяхъ громадный. На человѣка неразвитаго всегда болѣе дѣйствуетъ внѣшность, чѣмъ внутреннее содержаніе, а потому-то примѣръ строгой жизни и безстрашное служеніе своему дѣлу суть самые сильные мотивы, обусловливающіе собою успѣхъ иновѣрческой пропаганды.

Можно ли же найти хотя тѣнь всего этого у нашихъ миссіонеровъ Уссурійскаго края? Къ сожалѣнію, отвѣтъ на подобный вопросъ будетъ только отрицательный. Утвердительно же можно сказать лишь то, что доколѣ личности, подобныя настоящимъ, будутъ вести тамъ православную пропаганду, дотолѣ успѣхъ ея будетъ больше чѣмъ сомнительный, въ особенности среди такихъ грубыхъ и закоснѣлыхъ въ невѣжествѣ народовъ, каковы корейцы и китайцы.

Въ заключеніе моихъ замѣтокъ объ инородческомъ населеніи, я считаю умѣстнымъ помѣстить разсказъ о посѣщеніи мною, въ октябрѣ 1867 г., пограничнаго корейскаго города Кыгенъ-Пу.

Этотъ городъ находится въ 25-ти верстахъ отъ Новгородской гавани, и расположенъ на лѣвомъ берегу р. Туманги, которая имѣетъ здѣсь около ста саженъ ширины.

Весь городъ, состоящій изъ трехъ или четырехъ сотъ фанзъ, налѣпленныхъ какъ гнѣзда ласточекъ подъ крышей, выстроенъ на довольно крутомъ южномъ склонѣ горы, которая упирается въ рѣку отвѣснымъ утесомъ. Самая большая часть, приблизительно три четверти города, расположена внутри стѣны, сложенной изъ камня, и имѣющей сажени полторы вышины и толщины

около сажени. Стѣна эта, въ общемъ своемъ очертаніи, представляетъ форму квадрата. Одной стороной она примыкаетъ къ обрыву берега, а отсюда тянется вдоль горы, заключая внутри себя пространство, съ версту длины и около полверсты ширины.

Впрочемъ большая часть этого пространства остается пустымъ, такъ какъ фанзы, внутри стѣны находящіяся, скучены къ подошвѣ горы.

Въ самой стѣнѣ вдѣлано нѣсколько пушекъ безъ лафетовъ, такъ что эти грозныя орудія могутъ стрѣлять только по одному направленію—внизъ по Тумангѣ.

Вообще своимъ наружнымъ видомъ, городская стѣна сильно напоминаетъ каменныя ограды, которыми обыкновенно обносятся кладбища большихъ городовъ. На юго-западномъ углу ея находится вышка, гдѣ постоянно стоитъ часовой, и тутъ же устроена комната, въ видѣ казамата, въ которую садятъ преступниковъ.

Въ средину крѣпости, если только можно употребить здѣсь подобное названіе, ведутъ трое воротъ и тамъ живетъ самъ начальникъ города; внѣ ея находится немного, только нѣсколько десятковъ фанзъ, да и тѣ жмутся какъ можно ближе къ самой крѣпости. Таковъ наружный, весьма непривлекательный видъ г. Кыгенъ-Пу, который мнѣ предстояло посѣтить.

Обождавъ до девяти часовъ утра, чтобы дать какъ слѣдуетъ проспаться тамошнимъ жителямъ, въ особенности ихъ начальнику, я взялъ лодку, находящуюся на нашемъ пограничномъ посту, трехъ гребцовъ и поплылъ, вверхъ по рѣкѣ, къ городу, до котораго разстояніе отъ нашего караула не болѣе версты. Со мною былъ также переводчикъ, одинъ изъ солдатъ, живущихъ на посту, и хотя онъ весьма плохо говорилъ по-корейски, но все-таки, съ помощію пантомимъ, могъ передать обыкновенный разговоръ.

Въ то время, когда наша лодка плыла по рѣкѣ, нѣсколько разъ показывались, около фанзъ внизу и въ крѣпости на верху горы, бѣлыя фигуры корейцевъ и, пристально посмотрѣвъ, куда-то быстро скрывались. Но лишь только мы вышли на берегъ, и направились къ городу, какъ со всѣхъ концовъ его начали сбѣгаться жители, большіе и малые, такъ что вскорѣ образовалась огромная толпа, тѣсно окружившая насъ со всѣхъ сторонъ. Въ то же время явилось нѣсколько полицейскихъ и двое солдатъ, которые спрашивали, зачѣмъ мы пришли. Когда я объяснилъ черезъ переводчика, что желаю видѣться и переговорить съ начальникомъ города, то солдаты отвѣчали на это рѣшительнымъ отказомъ, говорили, что ихъ начальникъ никого не принимаетъ, потому что боленъ и что даже если пойти до-

ложить ему, то за это тотчасъ же отрѣжутъ голову. Впрочемъ все это была только одна уловка со стороны солдатъ, не желавшихъ пустить насъ въ городъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они требовали, чтобы мы тотчасъ же уходили на свою лодку и уѣзжали обратно.

Зная характеръ всѣхъ азіатцевъ, въ обращеніи съ которыми слѣдуетъ быть настойчивымъ и даже иногда дерзкимъ, для достиженія своей цѣли, я началъ требовать, чтобы непремѣнно доложили начальнику города о моемъ пріѣздѣ.

Между тѣмъ толпа увеличивалась все болѣе и болѣе, такъ что полицейскіе начали уже употреблять въ дѣло свои палочки, которыми быстро угощали самыхъ назойливыхъ и любопытныхъ.

Дѣйствительно, становилось уже несноснымъ это нахальное любопытство, съ которымъ васъ разсматриваютъ съ ногъ до головы, щупаютъ, берутъ прямо изъ кармана или изъ рукъ вещи и чуть не рвутъ ихъ на части. Впрочемъ, въ толпѣ были только одни мужчины; женщинъ я не видалъ ни одной во все время своего пребыванія въ Кыгенъ-Пу. Не знаю, дѣйствовало ли здѣсь запрещеніе ревнивыхъ мужей, или корейки, къ ихъ чести, менѣе любопытны, чѣмъ европейскія женщины.

Между тѣмъ солдаты опять начали повторять свое требованіе, чтобы мы убирались обратно, и наконецъ, видя наше упорство, спросили: имѣю ли какую либо бумагу къ ихъ начальнику? безъ чего уже никакимъ образомъ нельзя его видѣть. Хотя со мной не было никакого документа въ этомъ родѣ, но, по счастію, оказалось въ карманѣ открытое, изъ Иркутска, предписаніе на полученіе почтовыхъ лошадей, и я рѣшился пустить въ дѣло эту бумагу, на которой сидѣла большая красная печать, самая важная вещь для корейцевъ. Взявъ отъ меня это предписаніе, одинъ изъ солдатъ началъ разсматривать печать, и потомъ вдругъ спросилъ: почему же бумага написана не по-корейски. На это я ему отвѣчалъ, что корейскаго переводчика теперь нѣтъ въ Новгородской гавани, что онъ куда-то уѣхалъ, а безъ него некому было писать.

Убѣдившись такимъ аргументомъ и помявшись еще немного, солдатъ рѣшился наконецъ доложить обо мнѣ начальнику города. Для этого онъ сдѣлалъ рукою знакъ, чтобы слѣдовать за нимъ, и повелъ насъ въ особый домъ, назначенный для пріема иностранцевъ, которые, до послѣдняго времени, состояли только изъ пограничныхъ китайскихъ властей.

Домъ, назначенный для такого пріема, находится съ краю города, шагахъ въ пятидесяти отъ крѣпости, и состоитъ изъ простого навѣса, обнесеннаго тремя деревянными стѣнами съ такимъ же поломъ, на который ведутъ нѣсколько ступенекъ.

Внутри зданія, къ средней стѣнѣ, придѣлано еще небольшое отдѣленіе, въ родѣ маленькой комнаты, съ рѣшетчатыми дверями. Надъ этими дверями виситъ доска съ какимъ-то писаніемъ, вѣроятно заключающимъ правила, какъ должны вести себя иностранцы, удостоенные великой чести видѣть начальника города Кыгенъ-Пу. Однако едвали кто изъ немногихъ иностранцевъ, здѣсь бывшихъ, могъ читать наставленія относительно своего поведенія, такъ какъ онѣ написаны только по-корейски.

Оставивъ насъ въ пріемномъ домѣ и сказавъ, чтобы мы здѣсь ждали, солдаты пошли съ докладомъ къ начальнику города. Между тѣмъ толпа, неотстававшая ни на минуту и все болѣе увеличивавшаяся, опять окружила насъ со всѣхъ сторонъ и биткомъ набилась даже подъ навѣсъ. Мальчишки начинали уже школьничать, дергали насъ, изъ-подтишка, за фалды или за панталоны, а сами скрывались. Взрослые же корейцы, по прежнему, ощупывали, обнюхивали, или стояли неподвижно, не спускали съ насъ глазъ.

«Погань мордва, одно слово», сказалъ, плюнувши въ сторону, бывшій со мною унтеръ-офицеръ, которому уже сильно надоѣли корейскіе мальчишки.

Минутъ черезъ десять послѣ ухода солдатъ, принесли нѣсколько сплетенныхъ изъ травы цыновокъ, которыя разостлали на полу, и одну изъ нихъ покрыли небольшимъ ковромъ; все это было знакомъ, что начальникъ города согласился на свиданіе.

Спустя еще немного, въ крѣпости вдругъ раздалось пѣніе,—знакъ шествія начальника, котораго несли четыре человѣка, на деревянныхъ носилкахъ. Впереди ихъ шло нѣсколько полицейскихъ, которые своими длинными и узкими палочками, или скорѣе линейками разгоняли народъ; потомъ четыре мальчика исполняющіе должности прислужниковъ; за ними ѣхалъ на плечахъ своихъ подчиненныхъ самъ начальникъ города и, наконецъ, человѣкъ десять солдатъ заключали шествіе. Все это пѣло, или лучше сказать кричало во всю глотку, что вѣроятно у корейцевъ дѣлается всегда, когда только куда-нибудь несутъ начальника. Самъ онъ сидѣлъ, сложа руки и совершенно неподвижно, на деревянномъ креслѣ, покрытомъ тигровою шкурою и придѣланномъ къ носилкамъ.

Вся толпа до сихъ поръ шумная, лишь только увидала шествіе, мигомъ отхлынула прочь и, образовавъ проходъ, почтительно стала по бокамъ дороги; нѣсколько человѣкъ даже поверглись ницъ.

Взойдя на ступеньки у пріемнаго дома, носильщики опустили свои носилки, тогда начальникъ всталъ съ нихъ, сдѣлалъ нѣ-

сколько шаговъ внутрь зданія и, поклонившись мнѣ, просилъ сѣсть на тигровую шкуру, которую сняли съ кресла и разостлали на цыновкахъ.

Самъ онъ довольно красивый, пожилой человѣкъ лѣтъ сорока, по фамиліи *Юнь-Хабъ* и въ чинѣ капитана—*сатти* по-корейски.

Въ одеждѣ начальника не было никакихъ особенныхъ знаковъ отличія. Какъ обыкновенно у корейцевъ, эта одежда состояла изъ бѣлаго верхняго платья, панталонъ, башмаковъ и шляпы съ широкими полями.

Прежде чѣмъ сѣсть на коверъ, разостланный рядомъ съ тигровой шкурой, назначенной собственно для меня, Юнь-Хабъ снялъ свои башмаки, которые взялъ и поставилъ въ сторонѣ одинъ изъ находящихся при немъ мальчиковъ. Въ тоже время возлѣ насъ положили бумагу, кисточку, тушь для писанія и небольшой мѣдный ящикъ, въ которомъ, какъ я послѣ узналъ, хранится печать. Наконецъ принесли ящикъ съ табакомъ, чугунный горшокъ съ горячими угольями для закуриванія и двѣ трубки, которыя тотчасъ же были наложены и закурены. Одну изъ нихъ начальникъ взялъ себѣ, а другую предложилъ мнѣ, но когда я отказался, потому что не курю, тогда эта трубка была передана переводчику солдату, который, по моему приказанію, усѣлся рядомъ со мною. Всѣ же остальные присутствующіе, даже адъютантъ начальника и много другихъ корейцевъ, вѣроятно самыхъ важныхъ обитателей города, стояли по бокамъ и сзади насъ.

Наконецъ, когда мы усѣлись, Юнь-Хабъ прежде всего обратился ко мнѣ съ вопросомъ: зачѣмъ я пріѣхалъ къ нему?

Желая найти какой-нибудь предлогъ, я отвѣчалъ, что пріѣхалъ собственно для того, чтобы узнать, спокойно ли здѣсь на границѣ и не обижаютъ ли его наши солдаты. На это получилъ отвѣтъ, что все спокойно, а обиды нѣтъ никакой.

Затѣмъ онъ спросилъ: сколько мнѣ лѣтъ и какъ моя фамилія? То и другое велѣлъ записать своему адъютанту, который скоро записалъ цифру лѣтъ, но фамилію долго не могъ выговорить и, наконецъ, изобразилъ слово, даже непохожее на нее по звукамъ.

Однако, чтобы отдѣлаться, я утвердительно кивнулъ головою и, въ свою очередь, спросилъ о числѣ лѣтъ и фамиліи начальника. Этотъ послѣдній принялъ меня за американца, и долго не хотѣлъ вѣрить тому, что я русскій.

Затѣмъ разговоръ свелся на войну, недавно бывшую у корейцевъ съ французами, и Юнь-Хабъ, какъ истый патріотъ, совершенно серьезно увѣрялъ меня, что эта война теперь уже кончилась полнымъ торжествомъ корейцевъ, которые побили нѣсколько тысячъ враговъ, а сами потеряли, за все время, только шесть человѣкъ.

Потомъ принесли географическій атласъ корейской работы и Юнь-Хабъ, желая блеснуть своею ученостью, началъ показывать мнѣ части свѣта и различныя государства, называя ихъ по-имени; но какъ видно имѣлъ весьма скудныя географическія свѣдѣнія, потому что часто сбивался въ названіяхъ и справлялся въ текстѣ, приложенномъ къ каждой картѣ. Я же нарочно притворился ничего незнающимъ, а потому корейскій географъ могъ врать, не смущаясь. Всѣ карты были самой топорной работы и хотя очертанія нѣкоторыхъ странъ нанесены довольно вѣрно, но въ тоже время попадались и страшно грубыя ошибки. Такъ, напр., полуостровъ передней Индіи урѣзанъ до половины, а на мѣстѣ нашей Камы показана какая-то рѣка, безъ истока и устья, въ родѣ длиннаго узкаго озера.

Перебирая одно за другимъ различныя государства и часто, невообразимо, искажая ихъ названія, Юнь-Хабъ наконецъ добрался до Европы, гдѣ тотчасъ же отыскалъ и показалъ Францію съ Англіею. Потомъ, пропустилъ все остальное, перешелъ къ Россіи, гдѣ также показалъ Петербургъ, Москву и, не знаю почему именно, Уральскія горы. Познанія его относительно Россіи оказались настолько обширны, что онъ даже зналъ о сожженіи Москвы французами. Когда эту фразу мой переводчикъ никакъ не могъ понять и передать, то Юнь-Хабъ взялъ пеплу изъ горшка, въ которомъ закуриваютъ трубки, положилъ на то мѣсто карты, гдѣ обозначена Москва, и сказалъ: «французы».

Затѣмъ разговоръ перешелъ опять на Корею. Здѣсь начальникъ высказалъ большую осторожность, даже подозрительность и давалъ только самые уклончивые отвѣты. Такъ, напр., когда я спрашивалъ у него: сколько въ Кыгенъ-Пу жителей? далеко ли отсюда до корейской столицы? много ли у нихъ войска? то на все это получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: много.

На вопросъ, почему корейцы не пускаютъ въ свой городъ русскихъ и не ведутъ съ ними торговли, Юнь-Хабъ отвѣчалъ, что этого не хочетъ ихъ царь, за нарушеніе приказаній котораго, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, отправятъ на тотъ свѣтъ. При этомъ наивно просилъ передать нашимъ властямъ, чтобы выдали обратно всѣхъ переселившихся къ намъ корейцевъ, и онъ тотчасъ же прикажетъ отрѣзать имъ головы.

Между тѣмъ принесли для меня угощеніе, состоявшее изъ большихъ, довольно вкусныхъ, грушъ, чищенныхъ кедровыхъ орѣховъ и какихъ-то пряниковъ. Во время ѣды всего этого, начальникъ, оказавшійся не менѣе любопытнымъ, чѣмъ и его подчиненные, разсматривалъ бывшія со мною вещи: штуцеръ, револьверъ и подзорную трубу. Все это онъ, вѣроятно, видѣлъ

еще прежде, потому что зналъ, какъ обращаться съ револьверомъ и подзорною трубою.

Между тѣмъ, бывшіе со мною солдаты бесѣдовали въ сторонѣ, какъ умѣли, съ корейцами, даже боролись съ ними и показывали разные гимнастическіе фокусы. Все это очень нравилось окружавшей ихъ толпѣ, и наконецъ, когда одинъ изъ солдатъ проплясалъ въ присядку, то это привело въ такой восторгъ корейцевъ, что они рѣшились доложить о подобной потѣхѣ своему начальнику. Послѣдній также пожелалъ видѣть пляску, а потому солдатъ еще разъ проплясалъ передъ нами, къ полному удовольствію всѣхъ присутствующихъ и самого Юнь-Хаба.

Въ это время привели на судъ трехъ виновныхъ, уличенныхъ въ покражѣ коровы. Представъ передъ лицо своего начальника, подсудимые поверглись ницъ и что-то бормотали минутъ съ пять. Выслушавъ такое, вѣроятно, оправданіе, Юнь-Хабъ сказалъ отрывисто нѣсколько словъ, и полицейскій, схвативъ виновныхъ за чубы,—что весьма удобно при корейской прическѣ—потащилъ ихъ куда-то въ городъ.

Послѣ суда разговоръ продолжался не долго и, наконецъ, когда я объявилъ, что желаю уйти, то Юнь-Хабъ тотчасъ же всталъ и вѣжливо раскланялся. На прощаніи онъ только пожелалъ, чтобы я выстрѣлилъ изъ штуцера, для чего приказалъ поставить небольшую доску на разстояніи около ста шаговъ. Когда я выстрѣлилъ и пуля, пробивъ эту доску, далеко еще пошла рикошетами по полю, то вся толпа издала какой-то громкій, отрывистый звукъ, вѣроятно знакъ одобренія, а Юнь-Хабъ тонко улыбнулся и вторично раскланялся со мною. Затѣмъ, усѣвшись на носилки, съ прежнею церемоніею и пѣніемъ, онъ двинулся въ крѣпость, я же съ своими солдатами, въ сопровожденіи всей толпы, направился къ берегу рѣки, переплывъ черезъ которую, поѣхалъ обратно въ Новгородскую гавань, и вскорѣ предпринялъ экспедицію для изслѣдованія Южно-Уссурійскаго края.

Н. Пржевальскій.

ВОЕННЫЯ ПОСЕЛЕНІЯ СЕРБОВЪ

ВЪ

АВСТРІИ И РОССІИ.

Народныя переселенія вообще играютъ видную роль въ исторіи. Всѣ племена, имѣвшія хоть какое-нибудь значеніе, подвергались роковой необходимости, заставлявшей ихъ покидать мѣста древняго своего поселенія и мѣнять на новыя. Весьма часто общія движенія какого-либо народа были вмѣстѣ съ тѣмъ и первымъ шагомъ его въ исторіи, начинавшимъ собою завоевательный періодъ народной жизни. Въ народахъ, стоявшихъ на высокой степени развитія, подобное движеніе было вызываемо стремленіемъ къ колонизаціи какихъ-либо новыхъ странъ, иногда весьма дальнихъ, и къ подчиненію ихъ туземнаго населенія предпріимчивымъ выходцамъ. Съ другой стороны, исторія знаетъ переселенія народовъ внутри ихъ собственной земли, не рѣдко служащія признакомъ появленія новыхъ началъ во внутренней жизни предавшагося такому движенію народа. Новыя начала, измѣнившіеся взгляды и только-что народившіяся потребности нуждаются въ свѣжей, нетронутой почвѣ, и вотъ народная жизнь отливаетъ отъ своихъ старыхъ центровъ и стремится къ новымъ, принимая иное направленіе. Наконецъ, въ весьма многихъ случаяхъ, цѣлый народъ или часть его покидаетъ свою родину вслѣдствіе внѣшняго гнета, занимаетъ земли сосѣднихъ народовъ и тамъ устроиваетъ свое существованіе при болѣе обезпеченныхъ условіяхъ. Но подобныя переселенія не всегда благопріятны для сохраненія національности выходцевъ, оставившихъ свои прежнія земли, хотя такая же опасность можетъ грозить

и племени, успѣвшему завоевать какую-либо страну, но не имѣвшему на своей сторонѣ необходимаго численнаго перевѣса надъ туземцами: такъ германскіе франки выродились среди галловъ, скандинавскіе варяго-руссы среди восточныхъ славянъ, волжскіе болгары среди славянъ южныхъ. Изъ этого видно, что народныя переселенія приводили къ весьма различнымъ послѣдствіямъ, смотря по тѣмъ побужденіямъ, изъ которыхъ они вытекали, и по тѣмъ условіямъ, которыми они сопровождались.

Мы здѣсь имѣемъ дѣло съ движеніемъ сербскаго народа, значительныя части котораго двукратно покидали земли Балканскаго полуострова, и потомъ еще разъ вынуждены были отдѣлить отъ себя немалую часть новыхъ переселенцевъ, которые двинулись изъ только-что занятыхъ ими австрійскихъ областей въ южную Россію.

Главнымъ побужденіемъ для сербовъ къ переселенію изъ Турціи въ земли, лежащія на сѣверъ отъ Дуная и Савы, было мусульманское владычество; но это движеніе могло начаться лишь тогда, когда сама Венгрія и южныя провинціи Австріи избавились отъ этого владычества. Въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка турецкіе сербы потянулись на сѣверъ и заняли почти все среднее теченіе Дуная, представлявшее громадныя пустыни, послѣ отхлынувшихъ къ Балканамъ азіатскихъ варваровъ. Кромѣ того при этомъ движеніи сербами руководила мысль, что въ Венгріи издавна разселились отдѣльными, небольшими группами ихъ соплеменники. Не одно лишь желаніе освободиться отъ турецкаго владычества склоняло задунайскихъ сербовъ къ такому шагу: какъ племя юнацкое, гайдучествующее, воинствующее, они покрыли всѣ южныя области нынѣшней Венгріи военными поселеніями, и въ нихъ старались сохранить свое народное управленіе, утвердить свою народную жизнь. Но ихъ стремленія встрѣтились съ одной стороны съ ловкимъ и опытнымъ правительствомъ Австріи, а съ другой стороны съ аристократическими притязаніями венгерскихъ магнатовъ, считавшихъ себя единственными законными наслѣдниками земель, оставленныхъ турками. Нѣмецкая система военнаго управленія и землевладѣльческія притязанія мадьярской аристократіи были новыми опасными врагами, съ которыми пришлось бороться сербскимъ переселенцамъ, неимѣвшимъ надъ собою общаго свѣтскаго вождя и подчиненнымъ лишь единой церковной власти. При такихъ условіяхъ борьба не могла продолжаться долго, и сербовъ снова потѣснили на югъ, обративъ бо́льшую часть ихъ земель въ провинціи съ гражданскимъ управленіемъ, а ихъ самихъ подчинивъ строгой военной системѣ, создавъ изъ нихъ

знаменитое въ новѣйшихъ судьбахъ Австріи граничарское войско. Однакожъ часть сербовъ не захотѣла подчиниться и этому перевороту: она двинулась изъ степей Венгріи въ южныя степи Россіи и тамъ образовала изъ себя военныя поселенія, точно также неудержавшія за собою военнаго характера и обратившіяся потомъ въ русскіе уѣзды съ русскимъ языкомъ и русскою жизнью. Этотъ немалый эпизодъ въ исторіи сербскаго народа, нарушившій собою темное, безвѣстное существованіе сербовъ подъ турецкимъ игомъ и предшествовавшій той кровавой борьбѣ, которая положила начало освобожденію сербскаго княжества, наполняетъ собою жизнь возрождавшагося народа въ продолженіе восьмидесяти лѣтъ и приводитъ его то въ весьма близкія связи, то въ весьма сильное столкновеніе съ австрійскимъ, венгерскимъ и русскимъ правительствами.

Мы разскажемъ исторію этого движенія со словъ человѣка, на глазахъ котораго совершилась большая часть событій, сопровождавшихъ переселеніе, и въ послѣдніе годы принимавшаго въ нихъ непосредственное участіе. Этотъ человѣкъ генералъ русской службы екатерининскихъ временъ, сербъ по происхожденію, Симеонъ Пишчевичъ, оставившій послѣ себя рукописное сочиненіе подъ такимъ заглавіемъ:

«Извѣстіе, собранное изъ разныхъ авторовъ и введенное въ исторію переводомъ на славенскій языкъ, о народѣ славенскомъ, Иллиріи, Сербіи, и всѣхъ той сербской націи бывшихъ князей, королей, царей и деспотовъ, также нѣкоторые поясненіи о Греціи, Турціи и о бывшемъ давнемъ венгерскомъ бунтѣ, а напослѣдокъ о выходѣ сербскаго народа въ Россію, сочинено генераломъ маіоромъ и ордена военнаго кавалеромъ Симеономъ Пишчевичемъ, его собственнымъ трудомъ и рукою, зачаломъ предъ нѣсколькими годами, окончено 1795-го года».

Изъ разныхъ мѣстъ сочиненія Пишчевича мы узнаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о самомъ авторѣ, равно и о составленіи его сочиненія. Такъ, говоря объ обращеніи сербскихъ переселенцевъ въ граничаръ, Пишчевичъ замѣчаетъ: «О сихъ сербскихъ вновь учрежденныхъ пограничныхъ полкахъ и количествѣ головъ во оныхъ, какое тогда было положено, довольно и мнѣ самому извѣстно, яко я тамо офицеромъ служилъ, и знаю обо всемъ томъ, что при той формираціи полковъ, а также при кассированіи старыхъ ландмилицій происходило по случаю моей, въ то время, при главномъ коммисарѣ той коммисіи, генералѣ баронѣ Энгельсгофенѣ, бытности, который былъ въ славонскомъ гусарскомъ полку шефомъ; а я вступивши въ тотъ же полкъ по моимъ молодымъ лѣтамъ поручикомъ въ службу, по коей какъ обы-

кновенно посылались отъ полка въ нему офицеры въ караулъ и на ординанцъ, то и было сіе моимъ часто исполненіемъ, гдѣ и доходили случаи довольно способные, чтобы обо всемъ тогда при той коммисіи происходящемъ узнать мнѣ было можно, и когда какое важное что случалось, то я по тому дѣлалъ у себя записки; съ тѣмъ какъ бы нѣчто мнѣ напоминало, чтобы таковыя записи собирать и сберечь на всякъ случай впредь для вѣдома, какъ оно и подало мнѣ въ сіе время при сочиненіи сего дѣла въ моемъ предпріятіи помощи много, — и такъ читатель мой безъ сумнѣнія о семъ можетъ остаться увѣренъ».

А въ концѣ своей рукописи Пишчевичъ говоритъ: «По окончаніи здѣсь уже всего предпринятаго ко изданію мноѝю дѣла, я за честь себѣ ставлю, что счастливъ такъ былъ и могъ въ жизни своей достигнуть до совершенства онаго. Благосклонный читатель можетъ повѣрить, что многаго стоило мнѣ то труда, но однако ни мало въ томъ не безпокоюсь, а паче въ великомъ еще остаюсь удовольствіи, что тѣмъ могъ всему моему еднонаціональному обществу быть ко услугамъ и довесть сіе дѣло въ конецъ».

Двѣ трети сочиненія Пишчевича наполнены свѣдѣніями о древней исторіи сербовъ, взятыми изъ разныхъ печатныхъ сочиненій и непредставляющими ничего новаго. Гораздо интереснѣе послѣдняя часть сочиненія, гдѣ описаны событія XVIII-го вѣка и сообщены любопытныя извѣстія о самомъ авторѣ. Этою-то частью рукописи мы и будемъ пользоваться при нашемъ изложеніи.

I.

Въ весьма длинномъ примѣчаніи къ своему сочиненію, занимающемъ около 16 листовъ, Пишчевичъ изложилъ борьбу венгровъ противъ австрійскихъ императоровъ, тянувшуюся съ 1629 по 1712 г. и указалъ при этомъ на сношенія мадьяръ съ турками. Къ послѣднимъ годамъ этой войны онъ пріурочилъ и первыя сношенія венгровъ и австрійцевъ съ сербами. Предъ походомъ великаго визиря Кара-Мустафы, Эмерикъ Теккели соединился при Осекѣ съ турками, имѣя подъ своимъ начальствомъ тридцати-тысячный мадьярскій отрядъ, и сопровождалъ турецкую армію до самой Вѣны. «Таковая венгерская хитрость, замѣчаетъ авторъ, состояла въ томъ, чтобы отрѣшить себя изъ-подъ власти императорской, и потому предались туркамъ, воображая себѣ тѣмъ получить свободу и быть самовластными, а вмѣсто того

сковали себѣ цѣпи желѣзныя на свою шею. Они, соединившись съ турками, приглашали и сербовъ, въ области цесарской состоящихъ, чтобъ къ нимъ приступить и быть съ ними одного союза, обѣщая имъ свою вѣчную дружбу и самовластіе; о каковой ихъ, господъ венгровъ, просьбѣ свидѣтельствують ихъ оригинальныя письма, кои и поднесь хранятся въ общенародномъ архивѣ въ карловацкой митрополіи. Однако сербы таковыхъ увѣщаній не приняли, не взирая ни мало и на то, чтб имъ венгры обѣщали, а почитали за лучшее себѣ счастіе быть хотя и безъ самовластія, чѣмъ остаться подъ именемъ бунтовщиковъ, и для того совокупились всѣ, гдѣ кто послѣ разоренія прежнихъ лѣтъ отъ турокъ въ Сремѣ, Славоніи и по тогдашней границѣ на рѣкѣ Тиссѣ остался въ живыхъ, и не взирая на свое разореніе и на то, что многіе не только своего имущества, но и фамилій лишились, пошли къ своему государю Леопольду на помощь, поднялись всѣ изъ доброй своей воли и усердія; хотя тогда отъ нихъ по бѣдственному ихъ состоянію никто службы не требовалъ, однако сами они по своей вѣрности пошли добровольно и оказали свою услугу съ усердіемъ, и были при арміи до конца той войны, при которой вездѣ какъ противъ турокъ, такъ и противъ венгровъ бунтовщиковъ дѣйствовали, великія и храбрыя дѣла дѣлали, чѣмъ и заслужили себѣ и породѣ своей честь и славу и довѣренность великую».

Война кончилась изгнаніемъ турокъ изъ Венгріи. Императоръ Леопольдъ, не довѣряя мадьярамъ, рѣшился заселить Сремъ и Славонію, пограничныя съ Турціей, сербами. Но прежнихъ сербскихъ поселенцевъ, остававшихся въ венгерскихъ областяхъ, было недостаточно для такой цѣли; а потому императоръ обратился съ вызовомъ къ сербскому народу, жившему на югъ отъ Дуная и еще находившемуся подъ турецкой властью. Только рѣка Сава раздѣляла турецкихъ и венгерскихъ сербовъ и не могла служить препятствіемъ къ переселенію первыхъ. Императоръ обратился къ сербскому патріарху, проживавшему на турецкой сторонѣ, Арсенію Черноевичу, увѣщевая его, «чтобы онъ своею особою выѣхалъ и народъ сербскій къ выходу пригласилъ, обѣщавъ при переходѣ учинить имъ вспоможеніе и подкрѣпленіе отъ войска своего». Патріархъ обѣщался постараться объ этомъ дѣлѣ, и потомъ «вскорѣ зачалъ къ тому выходу, но весьма секретно, дѣлать свои пріуготовленія, объявивъ первѣйшимъ изъ народа особамъ и духовенству свое намѣреніе, подъ присягою тайну хранить, дабы турки о томъ не увѣдали, къ чему всѣ единодушно согласились и были къ выходу готовы». Съ одной стороны желаніе избавиться отъ варварскаго порабо-

щенія, а съ другой желаніе соединиться съ своими единоплеменниками, поселившимися въ Венгріи въ прежнія времена, побуждало турецкихъ сербовъ принять приглашеніе императора. Итакъ «по сему намѣренію при удобности времени изобрѣли къ переходу свободный случай, какъ на то время по границѣ къ Сербіи, съ правой стороны берега Савы рѣки, отъ турокъ на тѣхъ открытыхъ мѣстахъ стражи не было, а состояли всѣ при главной своей арміи и внутри земли въ крѣпостяхъ, чѣмъ и былъ путь къ переходу довольно свободенъ». Переселеніе совершилось въ 1790 году съ полнымъ успѣхомъ. При помощи императорскихъ войскъ сербскій патріархъ перевелъ въ южную Венгрію «многочисленный народъ со всѣми ихъ фамиліями»; но числа переселенцевъ Пишчевичъ, какъ и другіе сербскіе историки, точно не опредѣляетъ. Переселенцамъ отведены были земли, опустошенныя долгими войнами, въ Славоніи и Сремѣ, а также по рѣкамъ Тиссѣ и Марошу, т.-е. въ нынѣшнемъ Банатѣ. Туда же устремились и потомки прежде поселившихся въ Венгріи сербовъ, разсыпавшіеся во время турецкаго владычества по разнымъ краямъ ея.

Пишчевичъ въ своемъ сочиненіи приводитъ, также въ извлеченіи, тѣ первыя условія, на основаніи коихъ Леопольдъ приглашалъ сербскаго патріарха къ переселенію. Латинскій текстъ этихъ условій такъ изложенъ въ переводѣ нашего автора: «Мы, Леопольдъ, Божіею милостію римскій императоръ, всегда пребывающій Германіи, Унгаріи и Богеміи король и проч., народу сербскому (расційскому) состоящему въ странѣ и области турецкой, обѣщаемъ вамъ всѣмъ, предреченному народу, нашу императорскую милость на сохраненіе вашего благочестія во удовольствіе ваше въ будущее на всегда время, всякую свободу и правду мы возстановимъ вамъ, дани никакой давать не будете, а по природѣ вашей военными останетесь, воеводы избранныя своихъ имѣть будете, и на все то привилегія отъ насъ жалована вамъ будетъ; сотворите за Бога, за благочестіе, за спасеніе, за освобожденіе, за утѣшеніе ваше безъ всякаго страха въ страны наши ступайте, и отечество ваше наслѣдите, земледѣлій и угодья примите, друзей и собратьевъ вашихъ къ выходу приглашайте и на образецъ сей отъ Бога и отъ насъ данный вамъ приступите и примите, что никогда пременено иначе не будетъ, а останется вамъ и сынамъ вашимъ въ пользу, если хотите на послѣдокъ благополучія возлюбленному отечеству своему, и спасенія собственнаго пріобрѣсть, въ прочемъ мы нашу императорскую королевскую милость вамъ объявляемъ въ лѣто 1690, въ цар-

ствующемъ градѣ нашемъ Вѣнѣ апрѣля мѣсяца, въ шестый день.—Леопольдъ».

Патріархъ Черноевичъ избралъ мѣстомъ своего пребыванія Карловцы, откуда онъ самъ вмѣстѣ съ нѣсколькими старѣйшинами отправился въ Вѣну, гдѣ и получилъ привилегію для сербскаго народа подписанную императоромъ 21 августа 1690 года [1]).

Удача переселенія, множество пустопорожнихъ земель въ Венгріи и упомянутыя привилегіи были причиною того, что къ первымъ переселенцамъ ежегодно присоединялись новые, приходившіе изъ-за Дуная и Савы. Всѣмъ этимъ переселенцамъ дано было названіе *сербской ландмилиціи*, дѣлившейся по полкамъ, которые носили имена отъ рѣкъ, ими заселенныхъ: ландмилиція Посавская, Подунайская, Поморишская и Потисская. Тогда по этимъ рѣкамъ тянулась турецкая граница, ибо Темешваръ со всѣмъ Банатомъ находился еще подъ властью турокъ. Такимъ образомъ, охраненіе границъ прежняго венгерскаго королевства поручено было сербамъ, а не мадьярамъ. Сербскіе поселенцы устроили вдоль всей границы шанцы, изъ коихъ каждый занятъ былъ особой компаніей или ротой, состоявшей изъ 200, а иногда и болѣе служилыхъ людей. Компаніи и ландмилиціи имѣли сербскихъ начальниковъ; а для военнаго управленія всѣмъ народомъ избранъ былъ Иванъ Монастырлія, происходившій «отъ стариннаго дворянства сербскаго, хотя и не состоялъ онъ изъ тѣхъ новыхъ выходцевъ, а былъ изъ тѣхъ сербовъ, кои еще до того выхода въ цесарской державѣ находились и жительство имѣлъ въ верхней Венгріи въ городѣ Коморнѣ, гдѣ еще (замѣчаетъ Пишчевичъ) издревле нѣкоторыя наши сербскія фамиліи жительствуютъ». Императоръ пожаловалъ Монастырлію генеральскимъ чиномъ съ титуломъ вице-дукторъ или первенствующій вождь народный.

Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Вѣною, сербскія военныя поселенія были въ то же время предметомъ искательствъ со стороны мадьяръ, старавшихся втянуть ихъ въ свои интересы; но и при Леопольдѣ I и при его преемникахъ, Іосифѣ I и Карлѣ VI, оставались вѣрны вѣнскому правительству. Такимъ образомъ, происки мадьяръ «остались втуне, понеже сербы, не смотря на ихъ просьбы держались ненарушимо своею вѣрностію на службѣ императору; и потому что они къ тому венгерскому

---

[1]) Эта привилегія впослѣдствіи подтверждена была Іосифомъ I-мъ 7-го августа 1706 г., Карломъ VI 2-го августа 1713 г., Маріей-Терезіей — сперва въ 1743 г., а потомъ, послѣ удаленія части сербовъ въ Россію, 24-го апрѣля 1763 г. и 2 января 1777 г.

союзу не хотѣли быть сообщники, то и осталась съ того времени на нихъ и поднесь злоба и ненависть велика: однако злоба таковая не могла въ то время сдѣлаться сербамъ вредима, такъ какъ венгерскій бунтъ ужъ кончился и они императору покорились, а сербы остались въ милости подъ покровительствомъ и съ своими ландмилицiями единственно въ зависимости отъ императора».

Затѣмъ авторъ прямо переходитъ къ вторичному переселенію сербовъ изъ Турціи въ Венгрію, которое случилось 47 лѣтъ спустя послѣ перваго. Императоръ Карлъ VI, по примѣру своего предшественника, во время войны съ Турціей обратился въ 1737 году къ патріарху Арсенію Іоанновичу Шакабенту съ приглашеніемъ возбудить остальной сербскій народъ къ переселенію. «И потому предпринялъ патріархъ сіе къ исполненію, говоритъ Пишчевичъ, учинилъ первѣе скрытнымъ образомъ народу сербскому извѣстно, а также въ Албанію по сосѣдству и въ Болгарію въ ближнія пограничныя мѣста далъ тамошнимъ жителямъ знать, изъ коихъ множество фамилій, къ такому выходу пріуготовивши себя, ожидали только къ выступленію удобнаго времени. Патріархъ, будучи свѣдомъ о собраніи въ ту страну въ турецкую область цесарскихъ войскъ, предпринялъ свое съ народомъ движеніе, поспѣшая какъ бы удобнѣе перебраться къ состоящей еще тогда въ рукахъ цесарскихъ пограничной крѣпости Бѣлеграду, и тамъ бы учинить чрезъ наведенные для арміи на Савѣ рѣкѣ мосты съ народомъ переправу, и вступить свободно на другую сторону державы цесарской въ провинцію時Сремъ, что̀ и было началомъ движенія благополучнаго успѣха; но какъ турки о томъ увѣдали и учинили за ними погоню, то и пропало народу много, иныхъ догнавши изрубили на мѣстѣ, а другихъ съ собою увели въ неволю, а цесарская армія хотя и находилася тогда въ той турецкой странѣ, но по несчастію въ самое то время, какъ народъ движеніе учинилъ, имѣла ниже Бѣлеграда подъ Гроцкою въ 1739 году баталію и осталась отъ турокъ разбита, и уронъ понесла великъ, а затѣмъ еще вскорѣ и крѣпость пограничная столь важная Бѣлеградъ туркамъ отдана, и такъ по симъ случаямъ и не могли командующіе цесарскіе генералы сему народу при выходѣ никакого учинить подкрѣпленія, и тѣмъ народъ будучи на пути несчастіе таково понесъ, и принуждены были къ охраненію своихъ фамилій сами уже изъ отчаянія сколько могли вооруженною рукою отъ той напавшей на нихъ турецкой силы отбиваться, и такъ волею путь продолжая едва могли съ тѣми своими фамиліями, сколько ихъ еще въ живыхъ осталось, до границы къ остав-

шемуся отъ разбитія и бѣгущему за Саву рѣку цесарскому войску достигнуть, при чемъ и самъ патріархъ мало свою жизнь тамъ не оставилъ».

По словамъ Пишчевича, съ Арсеніемъ Іоанновичемъ вышло въ цесарскую державу болѣе десяти тысячъ обоего пола. Переселеніе это сопровождалось однакожъ меньшимъ порядкомъ, чѣмъ прежнее, хотя и было многочисленнѣе его. Пришельцамъ не успѣли съ разу отвести мѣста для поселенія; ихъ расположили вдоль Савы по луговому берегу ея «на пустыхъ поляхъ между лѣсами и дубравами въ разныхъ урочищахъ, и то только на время для перезимовки». Причиною того былъ несчастный исходъ войны и необходимость позаботиться прежде о расположеніи и обезпеченіи быстро отступившей арміи. Вопросъ о новыхъ переселенцахъ рѣшенъ былъ уже позднѣе. Изъ нихъ образовали новую границу вдоль рѣки Савы, и выходцы жили въ ней «безъ точнаго распредѣленія, колоніями въ разныхъ мѣстахъ подъ колебами и шалашами, чтобъ только по нуждѣ преклониться гдѣ было можно, и тѣ свои колоніи называли они *сбѣгами*».

Болѣе года прожилъ въ Вѣнѣ новый патріархъ, ходатайствуя объ интересахъ своего народа. Въ это время умеръ Карлъ VI, и его мѣсто заняла Марія-Терезія. При ней уже издано было повелѣніе о новой границѣ съ болѣе точнымъ распредѣленіемъ населенныхъ мѣстъ. Кромѣ выходцевъ, пришедшихъ съ патріархомъ изъ глубины Старой Сербіи, бѣжали въ Австрію и тѣ сербы, которые жили въ бѣлградскомъ округѣ, принадлежавшемъ до послѣдней войны Австріи. Тамъ они жили съ семействами своими домами, но несли обязанности военной службы и назывались сербіанцами, а перейдя чрезъ Саву, по отдачѣ Бѣлграда туркамъ, также расположились вдоль лѣваго берега этой рѣки отъ Землина до Митровицъ и даже далѣе до хорватскихъ поселеній, образовавъ изъ себя пограничный кордонъ противъ турокъ. «Между сими выходцами, прибавляетъ нашъ авторъ, было невеликое число болгаръ и тѣ не поселились съ прочими и не остались военными, а пошли по городамъ въ Землинѣ, въ Карловцѣ и въ Новомъ Садѣ, какъ и купцы сербы, бывшіе прежде въ Бѣлградѣ, которые по переходѣ своемъ на сей берегъ сдѣлали тоже какъ люди, промышляющіе купечествомъ, то есть вступили въ городовые цѣхи и позаписывались въ мѣщане».

Была и еще отдѣльная колонія между новыми переселенцами, состоявшая изъ людей албанскаго происхожденія, называвшихся клементинами. Ихъ было до 500 семействъ,—все «люди роста великаго, при томъ отъ природы злые и нрава весьма су-

роваго». Упомянувъ о ихъ албанскомъ происхожденіи и несходствѣ языка ихъ съ другими европейскими народами, Пишчевичъ замѣчаетъ, что они по-сербски говорили мало и весьма дурно, такъ что понимать ихъ было трудно, что они были охотники до овцеводства и болѣе склонны служить въ пѣхотѣ, чѣмъ въ конницѣ, имѣли свои замледѣльческіе обычаи и сѣяли преимущественно пшеницу, были отъ природы не лѣнивы, но безъ всякаго просвѣщенія и грамоты собственной не имѣли, а потому никто изъ нихъ не умѣлъ ни читать ни писать, отличались характеромъ постояннымъ и не обнаруживали ни малѣйшей наклонности къ разбойничеству и воровству.» Хотя они и принадлежали къ закону римской церкви, который введенъ былъ къ нимъ еще въ древности, но были не тверды въ немъ и содержали неправильно, а болѣе оказывали наклонность къ суевѣрію и къ турецкой ереси; хотя къ нимъ и приставленъ былъ священникъ изъ францисканцевъ, но они ни слова не понимали изъ церковной службы и молитвъ, совершавшихся на латинскомъ языкѣ; считаясь христіанами и нося крестное имя, они въ то же время давали своимъ дѣтямъ на своемъ языкѣ имена, подобныя турецкимъ, напр. Ассанъ-Лека и Ассанъ-Древа, и т. п. При ихъ переселеніи были между ими двое начальныхъ старѣйшинъ, первый Фата, другой Дѣда, и оба были «люди отмѣнные» представляя своею позитурою нѣчто великое; при переселеніи имъ даны были капитанскіе чины. Авторъ самъ знавалъ ихъ лично. Всѣ эти клементины поселились отдѣльными деревнями, хотя и въ той же мѣстности, гдѣ помѣщены были сербы. Такихъ клементинскихъ селеній были три, и главное изъ нихъ называлось Ртковцы. Они сохранили свою отдѣльность и свои обычаи до позднѣйшихъ временъ, не выдавали своихъ дѣвицъ и вдовъ ни за кого изъ постороннихъ людей, такъ что перероднились между собою до ближайшихъ степеней. Отличаясь храбростью, они привыкли постоянно носить съ собою оружіе, дома, за работою и въ полѣ. «Мнѣ случалось, говоритъ Пишчевичъ, будучи еще въ цесарской службѣ, видать ихъ нѣсколько разъ, когда я проѣзжалъ чрезъ ихъ селенія. Такъ однажды видѣлъ я близъ пути, что дѣвка уже рослая и въ лѣтахъ въ чудной пестрой своей одеждѣ ходитъ въ поле за овечками одна, и поетъ пѣсни во весь голосъ, а за поясомъ у ней такой длинный ножъ, а на плечѣ ружье.» Эти клементины отдѣлились отъ своихъ албанскихъ соплеменниковъ и ушли въ Венгрію потому, что, живя въ своемъ отечествѣ на самой границѣ съ сербскимъ населеніемъ, были увлечены общимъ движеніемъ сербскаго народа.

Переселеніе патріарха Арсенія Шакабента сопровождалось и другимъ эпизодомъ, связаннымъ съ историческими судьбами Старой Сербіи. Въ провинціи, называемой обыкновенно средневѣковыми учеными Расціей, а по народному прозванію Старый Влахъ или Старивля, главными городами коей были Новый Пазаръ и Призрѣнъ, управляла по привилегіямъ, полученнымъ отъ султановъ, фамилія Рашковичей. Она вела свое происхожденіе отъ одной изъ старинныхъ княжескихъ фамилій сербскаго происхожденія; отъ деспота Лазаря Гребляновича и вдовы его королевы Милицы власть надъ Расціей перешла по милости султана Баязета, имѣвшаго въ числѣ своихъ женъ дочь Милицы, къ ея сыновьямъ; но при этомъ Баязетъ назвалъ ихъ землю по рѣчкѣ Рашкѣ провинціей Рашакъ, а правителей Рашакли, что по-сербски должно было звучать Рашковичи, — слово вполнѣ отвѣчавшее и древнему и новому названію края. Право владѣнія признаваемо было за Рашковичами и послѣдующими султанами; владѣтели утверждались султаномъ и великимъ визиремъ. Послѣднимъ владѣтелемъ предъ выходомъ Арсенія Шакабента былъ старый Ново-Пазарскій князь Хаджи-Братуль Рашковичъ, имѣвшій трехъ сыновей. Старшій впрочемъ скончался въ молодости, оставивъ на рукахъ старика маленькаго сына своего. Второй сынъ, Аѳанасій, женатый на сестрѣ патріарха, по желанію одряхлѣвшаго отца своего ѣздилъ въ Царьградъ и получилъ тамъ грамоту на званіе владѣтеля при жизни отца; третій сынъ назывался Иваномъ. Когда открылась послѣдняя война Карла VI съ турками, начавшаяся успѣшно для императорскихъ войскъ, и появились воззванія главнокомандующаго о переходѣ подъ цесарское владычество, старикъ Рашковичъ, убѣжденный патріархомъ, и надѣясь на успѣхъ императорскаго оружія, позволилъ сыновьямъ своимъ Аѳанасію и Ивану принять участіе въ переселеніи, разсчитывая, при дальнѣйшихъ успѣхахъ австрійцевъ и переходѣ всѣхъ сербскихъ земель подъ покровительство Карла VI, имѣть ходатаевъ при императорѣ и получить отъ него грамоту на владѣніе Расціей въ качествѣ вассала. Старикъ ошибся въ своемъ разсчетѣ. Императорскія войска были разбиты при Гроцкѣ, и связь между Хаджи-Братулемъ и его сыновьями была навсегда прервана. Онъ однакожъ не потерялся среди такого бѣдствія: поспѣшилъ въ лагерь къ великому визирю и первый принесъ ему извѣстіе объ удаленіи своихъ сыновей, обвиняя во всемъ императорскихъ генераловъ, принудившихъ будто бы сербовъ силою къ переселенію. Представивъ при этомъ дары великому визирю, состоявшіе преимущественно изъ жизненныхъ припасовъ, въ которыхъ такъ нуждалась турецкая армія, онъ былъ

обласканъ визиремъ, получилъ отъ него кафтанъ и новую грамату на владѣніе Расціей, которая и перешла потомъ къ его внуку, отъ старшаго сына. Ушедшіе же въ Австрію Аѳанасій и Иванъ Рашковичи, съ которыми Пишчевичъ былъ въ свойствѣ, не оставили по себѣ мужского потомства. Аѳанасій, по свидѣтельству своего родственника, былъ человѣкъ весьма видный и «какъ ростомъ такъ и позитурою своею представлялъ изъ себя человѣка, каковыхъ въ подобіи ему другого не только въ то время, но и нынѣ (sic!) рѣдко случится видѣть, къ тому-жъ еще и природа его столько одарила, что отъ натуры былъ уменъ и добронравенъ». Онъ получилъ отъ Маріи-Терезіи чинъ полковника и титулъ вице-палатина съ пожизненною пенсіею въ 3,000 гульденовъ кромѣ полковничьяго жалованья. Аѳанасій Рашковичъ сталъ главнымъ военачальникомъ новыхъ переселенцевъ и въ этомъ званіи принималъ участіе въ силезской и семилѣтней войнахъ.

Борьба Маріи-Терезіи съ Фридрихомъ Великимъ подняла мадьярское вліяніе при вѣнскомъ дворѣ. Венгерскіе магнаты выставили девять полковъ и обѣщали дальнѣйшую помощь императрицѣ, если только она подчинитъ имъ заселенныя сербами земли по Тиссѣ, Морошу, Дунаю и Савѣ, входившія до турецкихъ нашествій въ составъ венгерскаго королевства. Вѣнское правительство поставлено было въ безвыходное положеніе; оно нуждалось въ венгерской помощи, боялось раздражать мадьяръ отказомъ въ ихъ требованіяхъ, но опасалось также возбудить неудовольствіе въ сербахъ подчиненіемъ ихъ земель венгерскому правительству. Нѣсколько лѣтъ велись переговоры, и наконецъ въ 1747 г. рѣшено было отдать земли по Тиссѣ и Морошу венграмъ, кассировать сербскія ландмилиціи подунайскую, потисскую и поморишскую, переселивши ихъ въ Сремъ и Славонію и вмѣстѣ съ ландмиліціями посавскою, бродскою и градишканскою, обратить въ правильные граничарскіе полки. Для приведенія этого проекта въ исполненіе составлена была коммиссія, членами которой были: отъ вѣнскаго министерства фельдмаршалъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Энгельсгофенъ и генералъ графъ Кароли, а со стороны венгерской гражданской администраціи, президентъ камеры графъ Вражалковичъ и два члена палаты магнатовъ графъ Патачичъ и баронъ Ваяй. Въ 1748 году эта коммиссія прибыла въ Арадъ, бывшій главнымъ городомъ поморишской ландмилиціи. Туда же приглашены были штабъ и оберъофицеры сербской ландмилиціи и выборные отъ нижнихъ чиновъ. Баронъ Энгельсгофенъ обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой объявилъ о повелѣніи императрицы и перенесеніи воен-

ныхъ поселеній изъ земель, отданныхъ подъ власть Венгріи. При этомъ онъ пояснилъ: «ея величество императрица и королева наша никоимъ образомъ службу сербскаго народа не опорочиваетъ, а паче похваляетъ оную, и по вашей вѣрной и всегдашней добропорядочной службѣ остается ея величество съ великимъ ея удовольствіемъ и о томъ всемилостивѣйшее свое благоволеніе вамъ изъявляетъ; и не помыслить бы вамъ, говорилъ генералъ, что сіе кассированіе вашихъ ландмилицій учинено изъ чего другого, а точно есть по тому резону, что сіи мѣста въ то время какъ послѣ разоренія турецкаго заселялись вами съизнова, то и граница была съ турками здѣсь, а нынѣ оная состоитъ отдѣлена въ Славоніи и Сремѣ по рѣкѣ Савѣ, слѣдовательно и должно по той новой границѣ учредить поселенное войско, а сіи старыя мѣста, остающіяся уже внутри земли, уничтожить; для чего ея величество, повторялъ генералъ депутатамъ, изволила возложить учрежденіе новыхъ регулярныхъ поселенныхъ полковъ изъ васъ же сербовъ на меня, и таковое учрежденіе сихъ новыхъ полковъ будетъ приносить вамъ больше чести, нежели прежде. А потому дается вамъ на волю: кто пожелаетъ впредь быть военнымъ, тотъ долженъ перейти на ту нынѣшнюю границу и селиться тамъ, гдѣ новыя мѣста назначены, въ которыхъ кто пожелаетъ и удобными себѣ найдетъ; а кои туда переселиться не пожелаютъ, таковые должны остаться при своихъ домахъ и грунтахъ, на прежнихъ жилищахъ, но въ подданствѣ короны венгерской. А потому вы, заключилъ генералъ, должны намъ посланнымъ коммиссіонерамъ на сіе отъ насъ вамъ объявленіе къ которой-нибудь сторонѣ приступить и свою мысль и склонность объявить, для донесенія о томъ ея величеству императрицѣ и королевѣ».

Депутаты сербскаго войска встрѣтили предложеніе коммиссіи крайне враждебно. Они ссылались на привилегіи, данныя сербскому народу императоромъ Леопольдомъ, назначившимъ всѣ заселенныя сербами земли въ ихъ потомственное владѣніе; говорили о защитѣ, которую оказали имперіи сербскіе милиціонеры во время венгерскаго мятежа и турецкихъ войнъ; упоминали объ участіи сербовъ въ недавнихъ дальнихъ походахъ, французскомъ, баварскомъ, прусскомъ и испанскомъ. Они говорили: «Сербы еще и слезъ своихъ не обтерли за погибшихъ на войнѣ сыновъ и братьевъ своихъ, отъ коихъ остались жены во вдовствѣ, а дѣти ихъ малолѣтные въ сиротствѣ, вопіющіе и впавшіе въ послѣднее убожество, а у другихъ остались родители съ своею печалью и старостью безъ помощи. Намъ бы и сія утрата погибшихъ нашихъ братьевъ и сыновъ еще не столь была несносна,

поелику мы на томъ остаемся долгѣ, что быть на службѣ до конца жизни нашей, сколько нынѣ огорчительно намъ то, какъ слышимъ, что за-всю нашу вѣрную службу напослѣдокъ или войти къ венграмъ въ подданство или разорять домы свои и преходить на такое дальнее разстояніе за Дунай къ Савѣ и заселять тамъ новыя по границѣ военныя мѣста, къ чему никакъ приступить не можемъ; а просимъ, дабы, въ разсужденіи нашей службы, учинить съ нами милость, и по силѣ нашихъ привилегій, оставить насъ на сихъ мѣстахъ военными такъ, какъ мы и всегда были». Члены коммиссіи представили объявленіе народныхъ депутатовъ ко двору и потомъ, за исключеніемъ Кароли, заболѣвшаго отъ старости, выѣхали въ потисскую ландмилицію, гдѣ также собрали народныхъ депутатовъ, но и тамъ сербы стояли на своемъ: къ венграмъ въ подданство не шли, а желали по прежнему остаться на своихъ мѣстахъ военными. Коммиссія и объ этомъ донесла въ Вѣну, откуда пришелъ приказъ возвратиться коммиссіи ко двору.

Въ Вѣнѣ не хотѣли раздражать сербовъ, не хотѣли и мѣнять слова, даннаго мадьярамъ: рѣшились испытать средній путь; составили проектъ новой ландмилиціи въ Темешварскомъ Банатѣ, все еще находившемся подъ непосредственнымъ управленіемъ генералъ-губернатора, присылаемаго изъ Вѣны и придворной канцеляріи. Банатъ, ограниченный Дунаемъ, Тиссою и Морошемъ, представлялъ много удобныхъ земель для поселенія въ немъ милицій потисской и поморишской и соединенія ихъ съ подунайскою. Перейдя чрезъ Тиссу и Морошъ сербы по прежнему могли оставаться военными; но желающіе могли переселяться и въ новые граничарскіе полки, поселенные въ Славоніи и Сремѣ. Срокомъ для такого переселенія назначены были три года. Но еслибы по истеченіи ихъ кто-либо изъ сербовъ остался на прежнихъ мѣстахъ жительства, то таковые должны были поступить въ подданство венгерской короны. Однакожъ и этотъ проектъ не обѣщалъ успѣха. Мадьярамъ вовсе не хотѣлось выселенія сербовъ изъ новоприписанныхъ къ Венгріи областей; они опасались, что плодоносный Банатъ привлечетъ къ себѣ сербскихъ милиціонеровъ и стали интриговать въ Вѣнѣ противъ новаго проекта. Но противъ ихъ искательствъ возсталъ самъ императоръ Францъ I, мужъ Маріи-Терезіи. Мадьяры напрасно опасались; сербы вовсе и не думали о переселеніи. Когда коммиссія снова явилась въ поморишскую и потисскую ландмилиціи съ полною увѣренностію въ своемъ успѣхѣ, среди сербовъ вспыхнуло волненіе, усилившееся еще отъ того обстоятельства, что венгерскимъ магнатамъ удалось разными обѣщаніями склонить

нѣкоторыхъ изъ штабъ и оберъ-офицеровъ сербскихъ остаться въ венгерскомъ подданствѣ. Часть народа соглашалась идти на югъ; другая часть объявила, что не желаетъ болѣе оставаться въ военной службѣ, не хочетъ быть и въ венгерскомъ подданствѣ, а проситъ паспортовъ для переселенія въ Россію. Первые открыто заявили такое желаніе между поморишскими милиціонерами, полковникъ Иванъ Самойловичъ Хорватъ и братъ его подполковникъ Димитрій съ ихъ семействами; ихъ примѣру послѣдовали подполковникъ Иванъ Юрьевичъ Шевичъ и его сыновья капитаны Живанъ и Петръ, со всѣми ихъ родственниками, капитаны Николай и Ѳедоръ Чорбы съ семействами, поручики Стефанъ Сабовъ (скорѣе карпаторусская фамилія), Живанъ и Игнатъ Міоковичи съ ихъ родственниками и многіе другіе офицеры и нижніе чины съ семействами. Въ потисской ландмилиціи высказали тоже самое желаніе майоръ Максимъ Зоричъ и его племянники Симеонъ и Давидъ Неранджичи, изъ коихъ первый по смерти бездѣтнаго дяди принялъ его фамилію, капитаны Петръ Вуичъ съ братьями Павломъ и Василіемъ и дядя ихъ Максимъ Вуичъ съ тремя сыновьями, Георгій Поповичъ и Константинъ Юзбаша съ нѣсколькими офицерами и рядовыми. Такимъ образомъ, сербскіе милиціонеры раздѣлились на три части: одни соглашались остаться подъ властью Венгріи, другіе готовы были перейти въ Банатъ, третьи стремились въ Россію. Заявленіе послѣднихъ было императрицѣ и королевѣ Маріи-Терезіи «великимъ прискорбіемъ; но чтобы сіе дѣло безъ дальнихъ затрудненій привесть къ окончанію, то и положена резолюція, чтобы сихъ просителей по ихъ желанію, какъ они уже отъ своего намѣренія не отставали и по всѣмъ увѣщеваньямъ перемѣнить свои мысли не хотѣли, отпустить и дать имъ паспорты, къ чему и господа венгры съ своей стороны много способствовали, понеже сіи первоначальные просители были имъ во всѣхъ ихъ замыслахъ препоною». Хорватъ съ товарищами и ихъ семействами получилъ паспорты въ Россію. Но вскорѣ стали поступать новыя прошенія о томъ же. Тогда Марія-Терезія объявила, что желающіе остаться на прежнихъ мѣстахъ жительства офицеры вступаютъ въ составъ венгерскаго дворянства и имъ выдаются грамоты на это званіе и на ихъ владѣнія, а нижніе чины остаются при своихъ земляхъ и подъ покровительствомъ короны. Это объявленіе успокоило отчасти сербовъ. Но всѣ, желавшіе остаться въ военномъ званіи, а такихъ было большинство, стали уходить въ Банатъ и образовали тамъ новую подунайскую милицію. Нежелавшіе покинуть своихъ старыхъ жилищъ обращены были въ обывателей венгерскаго королевства.

Окончивъ свое дѣло на Морошѣ и Тиссѣ, коммиссія перешла на правый берегъ Дуная, гдѣ находилась не малая часть прежней подунайской милиціи. Здѣсь также произошло раздѣленіе: половина сербовъ предпочла остаться военными и ушла къ Савѣ; другая половина обращена была въ подданныхъ Венгріи. Послѣ того уже не предстояло никакихъ затрудненій для преобразованія посавской, бродской и градишканской милицій въ правильные граничарскіе полки.

Во время этихъ-то перемѣнъ и возникъ городъ, имѣвшій впослѣдствіи такое важное значеніе въ административной и литературной жизни австрійскихъ сербовъ. Этотъ городъ возникъ на лѣвомъ берегу Дуная противъ Петроварадинскаго шанца, служившаго до тѣхъ поръ мѣстопребываніемъ начальника подунайской милиціи. Шанецъ переименованъ былъ въ крѣпость, весьма грозную въ настоящее время; а противъ него владѣвшіе въ этой мѣстности обширными садами и загородными домами сербы, преимущественно купцы, выставлявшіе за себя прежде рекрутовъ по найму, заложили городъ, получившій названіе Новаго Сада, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ преимущества вольнаго королевскаго города, т.-е. самоуправленіе во внутреннихъ дѣлахъ при непосредственной зависимости отъ государя. Въ началѣ онъ заселенъ былъ только сербами и въ немъ считалось не болѣе шестисотъ дворовъ; но потомъ явились переселенцы изъ Греціи, Болгаріи и Босніи, а также промышленники и торговцы, нѣмецкіе, мадьярскіе, армянскіе, еврейскіе и цинцарскіе.

Граничарскіе полки, разселенные по границамъ Славоніи и Хорватіи съ Турціей, получили регулярное устройство. Въ Славоніи ихъ было пять: два гусарскихъ, сремскій и славонскій, и три пѣхотныхъ, петроварадинскій, бродскій и градишканскій. Сремскій гусарскій и петроварадинскій пѣхотный полки получили начальниковъ сербскаго происхожденія, Аѳанасія Рашковича и Іосифа Монастырлію; полковникомъ славонскаго гусарскаго полка назначенъ былъ хорватъ Иванъ Петранды, а остальными полками командовали нѣмцы Пекъ и баронъ Янусъ. Остальные офицеры въ нихъ были сербы, но въ 1751 году начальникомъ всего пограничнаго войска назначенъ былъ генералъ отъ кавалеріи графъ Цербеллени, который наполнилъ эти полки нѣмецкими и мадьярскими офицерами, а оба гусарскіе полка соединилъ въ одинъ. Кромѣ того, полки эти получили нѣмецкихъ шефовъ. За этими сербскими полками слѣдовали полки чисто хорватскіе, восемь пѣхотныхъ и три гусарскихъ, и располагались вдоль турецкой границы чрезъ Лыку и Горбаву до Рѣки (Фіуме), будучи устроены по такой же системѣ. Въ нихъ на-

считывалось до 44,400 человѣкъ, въ сербскихъ же 16,400, а въ переселенныхъ въ Банатъ только 2,850 и баталіонъ чайкистовъ въ мѣстечкѣ Тителѣ, лежащемъ при впаденіи Тиссы въ Дунай, въ 1,113 человѣкъ, такъ что всего граничарскаго войска славянскаго происхожденія послѣ реформъ, произведенныхъ по требованію венгровъ, въ мирное время насчитывалось до 64,763 человѣкъ, но въ военное время число его возрастало до 80,000.

Помимо этихъ регулярныхъ войскъ, имѣвшихъ исторію и сохранившихся въ Австріи до нашего времени, въ началѣ царствованія Маріи-Терезіи возникъ еще одинъ южно-славянскій полкъ весьма оригинальнымъ способомъ. Частыя войны австрійцевъ съ турками создали на границахъ, куда съ трудомъ проникали власть и вліяніе Вѣны и Константинополя, многія и значительныя шайки разбойниковъ, такъ-называемыхъ гайдуковъ, съ которыми тщетно боролась австрійская администрація. Самыя строгія преслѣдованія, самыя жестокія кары не достигали своихъ цѣлей. Но Марія-Терезія нашла средство прекратить гайдучество, особенно сильно развившееся вдоль Савы. Она издала манифестъ, обѣщавшій прощеніе разбойникамъ, если они добровольно подчинятся властямъ и вступятъ въ военную службу. Знаменитому барону Тренку поручено было сформировать особый полкъ изъ этихъ выходцевъ. Много содѣйствовали усмиренію гайдуковъ, принадлежавшихъ къ православному исповѣданію и не принимавшихъ въ свою среду католиковъ, сельскіе священники, которые, по порученію патріарха, нарочно ходили съ крестомъ и евангеліемъ по разнымъ распутіямъ, лѣсамъ и горамъ, обращались къ попадавшимся имъ шайкамъ съ проповѣдью, читали имъ манифестъ въ сербскомъ переводѣ и склоняли вступить въ полкъ Тренка. Это средство оказалось дѣйствительнѣе, чѣмъ чтеніе манифеста по церквамъ и объявленіе его на городскихъ рынкахъ при барабанномъ боѣ. Гайдуцкія шайки являлись къ барону Тренку подъ начальствомъ своихъ арамбашей и всѣ годные изъ нихъ къ службѣ принимались барономъ въ полкъ; остальнымъ же выдавались охранные листы для прісканія постояннаго мѣста жительства. Сборнымъ пунктомъ тренковой вольницы была крѣпость Осекъ. Барону некогда было подумать о снабженіи своихъ волонтеровъ армейскою одеждой и онъ повелъ ихъ къ Вѣнѣ въ тѣхъ самыхъ разнохарактерныхъ костюмахъ, въ которыхъ они явились къ нему. Во всѣхъ городахъ, чрезъ которые они проходили, жители сбѣгались толпами посмотрѣть на это диковинное войско. Въ Вѣнѣ Марія-Терезія произвела имъ торжественный смотръ. Гайдуки удивили ее сво-

имъ ростомъ, свирѣпою наружностью и дикою живописностью наряда. Она нѣсколько разъ проѣхала вдоль рядовъ гайдуцкаго полка, объявила барону Тренку свое благоволеніе, пожаловала его въ полковники, а новобранцамъ его приказала раздать тутъ же по талеру на человѣка, что̀ и было исполнено придворными служителями, таскавшими съ собою цѣлые мѣшки денегъ. Пищчевичъ, прибывшій не задолго предъ тѣмъ въ Вѣну для изученія нѣмецкаго языка, самъ присутствовалъ при этомъ смотрѣ вмѣстѣ съ своимъ гувернеромъ. Вотъ какъ онъ описалъ нарядъ Тренкова полка: «На головѣ были у нихъ въ томъ парадномъ нарядѣ шапки, или какъ они называли колпаки, длинные изъ тонкаго краснаго сукна съ большою пришитою на концѣ къ сукну плетеною изъ серебра, а у другихъ изъ черного щелка назади по спинѣ висячею кистью, а опушки были высокія изъ черного бархата съ обшивкою поверху широкимъ серебрянымъ галуномъ и съ кистьми на шнурѣ опущенными на лѣвой сторонѣ, а къ нимъ подбородники, по-сербски называемые дѣрданы до полугруди спущенные, на коихъ были у нѣкоторыхъ навѣшены деньги, серебряные талеры и червонцы золотые, а за тѣми колпаками у каждаго бѣлое перо (знакъ геройства); штаны или широкіе шаравары кумачные красные съ многими фалдами пошитые (по-сербски димые или димліе) простеганы по швамъ узоромъ тонкимъ шелкомъ желтымъ, длиною только по колѣни, а внизъ отъ колѣна по ногѣ узкіе суконные пришивки или на подобіе чулка надѣваны съ застежками и бляшками назади ноги серебрянными, а иные были мѣдные, по-сербски тозлуки; обувь же у всѣхъ была одинакая и легкая по обычаю тамошнему, что по-сербски называютъ местве и опанки. Рубахи имѣли красныя, а иные голубыя и синія кумачныя, по-сербски кошуля отъ мусула црвена или плаветна, обшитыя по швамъ серебрянымъ узкимъ галуномъ, а поверхъ оныхъ надѣты камзольчики по поясъ короткіе безъ рукавовъ, иные изъ зеленаго или краснаго бархата, а другіе были изъ сукна хорошаго тонкаго, обложены у всѣхъ широкимъ золотымъ, а другіе серебрянымъ позументомъ, у коихъ наложено на грудяхъ множество въ нѣсколько рядовъ маленькихъ полупуговокъ мѣдныхъ вызолоченыхъ, а нѣкоторые имѣли вмѣсто тѣхъ полупуговокъ бляшки серебряныя (по-сербски называется дѣчерма съ токами). Вооружены они были такъ, какъ кто имѣлъ собственное ружье, по большей части въ оправѣ турецкой и весьма надежное, а къ тому при поясѣ въ особливо сдѣланномъ на то изъ желтаго сафьяна чехлѣ (по-сербски силай) пара пистолетовъ и ножъ длинный да еще сабля или мечъ припоясанъ, а при томъ ладунка съ патронами; галстуки у

всѣхъ были черные изъ крепы, а поясы шнурковые и плащи красные; за плечами на спинѣ для положенья хлѣба ранцы изъ черной тонкой кожи, у всѣхъ однимъ манеромъ сдѣланы не слишкомъ велики и чрезъ плечо ремнемъ на пряжкѣ застегнуты (по-сербски тарчуґъ). Таковое ихъ убранство и одежда, а особливо на солнечномъ свѣтломъ днѣ, приподавало зрителямъ весьма чудный и страшный видъ».

Эти-то гайдуки, обращенные въ солдатъ, ходили въ Баварію и въ Эльзасъ, участвовали въ семилѣтней войнѣ сперва подъ начальствомъ барона Тренка, а послѣ ареста его по доносу іезуитовъ подъ начальствомъ серба Адама Будайліи, затѣмъ мадьяровъ Шимшай и графа Пальфи, пока не слились съ венгерской арміей, ибо при самомъ образованіи своемъ были полкомъ армейскимъ, а не поселеннымъ, каковы граничарскіе [1]).

Когда передвиженіе сербскихъ милицій на новыя мѣста кончилось, начались попытки составить военные законы для образовавшихся такимъ путемъ граничарскихъ полковъ. Система за системой возникала въ головахъ вѣнскихъ правителей, и Гитцингеръ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: «Статистика Военной Границы», насчитываетъ до тридцати законодательныхъ плановъ, которые были примѣняемы къ устройству граничарскихъ полковъ до 1807 года. Наиболѣе видное мѣсто между этими попытками занимаютъ: «Граничарское право (Gränitzrechte)», изданное въ 1754 году, опредѣлившее судоустройство и судопроизводство въ Военной Границѣ, а также права и обязанности самихъ граничаръ и ихъ семействъ; кантонная система 1784 года, замѣнившая прежній хаосъ управленія однимъ общимъ для всѣхъ военныхъ провинцій управленіемъ, и опредѣлившая отношенія между провинціальными окружными и общинными военными же властями; наконецъ такъ-называемый коренной граничарскій законъ 1807 года, подписанный императоромъ Францомъ I, 7-го августа, коимъ признана была повинность каждаго жителя провинціи нести личную службу, домашнее и общинное хозяйство подчинено казенному, до-нельзя ограничено право производить торговлю, ремесла и право обученія, указаны всѣ обязательныя работы и поземельныя повинности. Высшая военная власть сосредоточена въ Загребѣ, Петроварадинѣ и Темешварѣ; затѣмъ, поставлены полковые или окружные суды и управленія, и наконецъ мѣстныя или компанейскія расправы. Все населеніе Воен-

---

[1]) Срав. Baron Franjo Trenk i Slavonski Panduri od *Luke Ilića*, *v* Zagrebu, 1845. Тренкъ въ молодости служилъ въ русской арміи (1738—1740); см. стр. 22 — 31 сочиненія Л. Илича.

ной Границы, солдаты и не солдаты, мужчины и женщины, взрослые и дѣти, объявлены были неотъемлемою составною частію имперскаго войска (ein integrirender Bestandtheil des Reicheheeres). Почти всѣ штабъ-офицерскія должности перешли въ руки нѣмцевъ; началось то жестокое управленіе, которымъ вообще отличаются военныя поселенія, гдѣ бы они ни были основаны, и которое на сей разъ усиливалось вслѣдствіе національной ненависти управляемыхъ къ правителямъ, гордымъ своею культурою [1]). Такой порядокъ вызвалъ съ 1848 года громкіе протесты со стороны хорватскаго сейма, собирающагося въ Загребѣ, и сербскаго церковно-народнаго конгресса, собирающагося въ Карловцахъ. Нынѣ самимъ правительствомъ поднятъ вопросъ объ обращеніи Военной Границы въ обыкновенныя провинціи съ гражданскимъ управленіемъ; но ихъ хотятъ присоединить не къ хорватскому, а венгерскому королевству, чрезъ что вопросъ военно-административный становится вопросомъ политическимъ.

II.

Одиночное переселеніе сербовъ и вообще южныхъ славянъ въ Россію въ прошломъ вѣкѣ началось ранѣе выхода сербскихъ милиціонеровъ изъ Австріи. Первымъ и замѣчательнѣйшимъ переселенцемъ былъ извѣстный Савва Владиславлевичъ, обыкновенно титуловавшійся графомъ Рагузинскимъ. Онъ былъ родомъ изъ Далмаціи, сербъ по происхожденію, и его имя нерѣдко встрѣчается при Петрѣ I. Онъ особенно извѣстенъ заключеніемъ мира съ китайцами, успѣлъ дослужиться до чина тайнаго совѣтника и, кромѣ того, владѣлъ большимъ имѣніемъ въ Малороссіи. Братъ его Ефимъ Владиславлевичъ служилъ при Аннѣ Іоанновнѣ и достигъ того же чина. Михаилъ Милорадовичъ переселился изъ Сербіи въ Россію въ 1711 году во время прусской кампаніи, за участіе въ которой онъ назначенъ былъ полковникомъ гадяцкаго казачьяго полка, а въ 1718 году получилъ большое имѣніе въ Малороссіи. При Аннѣ Іоанновнѣ выѣхали въ Россію: Иванъ Стояновъ, Степанъ Витковичъ, Паничъ, онъ же Божичъ, и Дмитрій Перичъ. Всѣ они выѣхали изъ Австріи. Первый дослужился до генералъ-майорскаго чина, второй до бригадирскаго, третій былъ полковникомъ казацкаго черниговскаго полка, а четвертый былъ подполковникомъ въ старомъ серб-

---

[1]) *Hietzinger* Statistik der Militärgrenze, II Band, seite 52. *Utiesenovic*, Die Militärgränze und die Verfassung, Wien, 1861, s. 32—44.

скомъ гусарскомъ полку. Стояновъ и Витковичъ получили большія имѣнія въ Малороссіи, а Паничъ и Перичъ меньшія. У Стоянова былъ сынъ Михаилъ, который и родился въ Россіи. Впослѣдствіи онъ дослужился до генералъ-майорскаго чина. У Милорадовича, выѣхавшаго при Петрѣ, были два племянника, Андрей и Петръ, родившіеся уже въ Россіи и начавшіе службу во времена Елизаветы Петровны при дворѣ, а потомъ въ арміи; изъ нихъ Андрей при императрицѣ Екатеринѣ былъ генералъ-поручикомъ и губернаторомъ Черниговской губерніи, а Петръ генералъ-майоромъ. Наконецъ, послѣднимъ выходцемъ изъ Австріи въ Россію, незадолго до общаго движенія сербовъ, былъ Петръ Текели, дядя знаменитаго въ исторіи венгерскихъ сербовъ Саввы Текели. На русскую службу былъ онъ принятъ въ чинѣ поручика и помѣщенъ въ старый сербскій гусарскій полкъ, а потомъ перешелъ въ армію и дослужился до генералъ-аншефа. «Онъ служилъ столько, замѣчаетъ Пишчевичъ, сколько и каждому повелѣваетъ его долгъ, но въ продолженіе всей своей жизни имѣлъ такое счастіе, что не только достигъ до великой старости, сохранивъ при этомъ крѣпкое здоровье, но еще на него сыпались не только чины и ордена, но и великое богатство; женатъ онъ не былъ и стало быть дѣтей законныхъ не имѣлъ, но оставилъ послѣ себя двоихъ побочныхъ, сына и дочь, которыхъ и назначилъ наслѣдниками большей части своего имѣнія, передавъ имъ и свою фамилію».

Уже изъ свѣдѣній о названныхъ выходцахъ можно видѣть, что въ Россіи былъ старый сербскій гусарскій полкъ до переселенія Хорвата и Шевича. О происхожденіи его Пишчевичъ не сообщаетъ никакихъ подробностей. Онъ только говоритъ: «Въ Россіи и прежде выхода нашихъ генераловъ съ давняго времени состояли старые гусарскіе полки и содержались при арміи полевыми съ названіемъ: сербскій, венгерскій, молдавскій и грузинскій, и хотя въ каждомъ изъ нихъ было по нѣскольку человѣкъ изъ той націи, по имени которой они назывались, но большая часть рядовыхъ состояла изъ людей разнаго племени. Такъ какъ эти полки съ самаго начала содержались на особенномъ и чудномъ штатѣ, то и походили болѣе на нерегулярное войско. У нихъ все было собственное: конь, карабинъ, пистолеты, сабля, мундиръ и конскій приборъ; все это они покупали и доставали сами, или же чрезъ подрядчиковъ, платя деньги изъ жалованья; но такія вещи никогда не имѣли одинаковой формы, она всегда была разнообразна; къ тому-жъ еще они должны были заботиться о своемъ провіантѣ и возить его постоянно съ собою. За все это они получали сверхъ жалованья еще раціонныя и порціон-

ныя деньги, что и составляло ежегодно такую ужасную сумму денегъ, какой казна не издерживала ни на одинъ полкъ. Однакожъ, несмотря на такіе расходы, эти гусарскіе полки никогда не были вполнѣ укомплектованы, и правительство уже давно тяготилось убытками, которые терпѣло отъ нихъ». Появленіе новыхъ сербскихъ полковъ должно было положить конецъ такому странному порядку.

Первый, какъ уже сказано было выше, двинулся въ Россію изъ Австріи Хорватъ, а за нимъ Шевичъ. Оба они получили чрезъ русскаго посла въ Вѣнѣ, графа Бестужева, привилегіи отъ императрицы Елизаветы Петровны на земли въ южной Россіи и генералъ-майорскіе чины. Хорватъ поспѣшилъ выѣхать въ Россію прежде подговоренныхъ имъ къ этому дѣлу товарищей и, прибывъ въ Кіевъ, приготовилъ имъ зимнія квартиры. Не тратя времени по пустому, онъ отправился скоро въ Петербургъ, гдѣ и принятъ былъ съ почестями. «Весь выѣздъ того народа, замѣчаетъ Пишчевичъ, приписанъ былъ ему въ похвалу, и онъ яко первый вышедшій сдѣлался надъ тѣмъ народомъ начальный». Въ его распоряженіе отданы были пустыя земли на Украинѣ, смежной съ тогдашнею польскою границею. На западѣ эти земли начинались отъ устья рѣки Синюхи, впадающей въ Бугъ, и шли вверхъ по ней до рѣчки Виса, а оттуда на востокъ до рѣчки Тясмина и по ней спускались внизъ къ Днѣпру и правымъ берегомъ его къ поселеніямъ запорожскихъ казаковъ, такъ что вся длина участка, отданнаго новымъ поселенцамъ, превышала тридцать миль. Разселивъ здѣсь своихъ сербовъ, Хорватъ опредѣлилъ дѣлиться имъ на два полка: одинъ гусарскій, прозванный по его имени хорватскимъ, а другой пѣхотный подъ названіемъ пандурскій. Вся эта земля названа была въ привилегіи, данной Хорвату, *Новой Сербіей*. Въ привилегіи упомянуто было, что земля эта вообще назначается для поселенія выходцевъ изъ цесарской имперіи, которые и должны состоять въ командѣ у Хорвата. Но чрезъ годъ туда же прибылъ и Шевичъ. Онъ не могъ ранѣе переселиться, потому что встрѣтилъ препятствія при полученіи отъ вѣнскаго двора паспортовъ для семействъ и родственниковъ всѣхъ своихъ сотоварищей, и еще потому, что самъ хотѣлъ распродать свое имѣніе. Онъ прибылъ въ Кіевъ въ сентябрѣ 1752 года и, узнавъ здѣсь о смыслѣ привилегіи, данной Хорвату, остался крайне недоволенъ ею. Ссылаясь на то, что и въ цесарской службѣ онъ состоялъ особымъ командиромъ надъ своей частью, онъ не хотѣлъ подчиниться Хорвату. Примѣръ Шевича нашелъ себѣ подражателя въ третьемъ предводителѣ австрійскихъ выходцевъ.

Это былъ подполковникъ Райко или Родіонъ Депрерадовичъ, служившій въ славонскомъ гусарскомъ полку. Не имѣя тѣхъ побужденій и правъ къ переселенію въ Россію, какія признаны были вѣнскимъ правительствомъ за Хорватомъ и Шевичемъ, ибо славонскій полкъ былъ издавна граничарскимъ и не принадлежалъ къ кассированной ландмилиціи, Депрерадовичъ съ самаго начала встрѣтилъ большія препятствія въ своемъ намѣреніи переселиться въ Россію. Получивъ отказъ со стороны вѣнскаго министерства, онъ объявилъ графу Бестужеву, что можетъ вывести въ Россію довольное число своихъ родственниковъ, если только получитъ надежду на таковую же милость отъ русской императрицы, какой удостоились Хорватъ и Шевичъ. Бестужевъ принялъ отъ него прошеніе, но не далъ никакого положительнаго отвѣта, и вскорѣ самъ былъ замѣненъ графомъ Кейзерлингомъ. Уже чрезъ новаго посла обѣщанъ былъ Депрерадовичу генералъ-майорскій чинъ въ русской службѣ, если только онъ самъ выхлопочетъ себѣ увольненіе изъ австрійскаго подданства. Полученіе этого увольненія ему стоило большихъ издержекъ. «Подвергнувъ себя великой отвагѣ и опасности, едва съ большимъ трудомъ онъ могъ достать таковое увольненіе, и принужденъ былъ весьма скоро выѣхать изъ Вѣны, взявши путь свой чрезъ Моравію, Польшу и далѣе чрезъ Лифляндію прямо въ Петербургъ, съ одной только своею супругою, не заѣзжая въ домъ свой въ Славоніи». Семейство его и родственники уже послѣ прибыли въ Кіевъ. Депрерадовичу также не понравилась привилегія, которою владѣлъ Хорватъ. Онъ подалъ отъ себя прошеніе, въ которомъ говорилъ, что ни у Хорвата, ни у Шевича быть съ своими переселенцами въ командѣ не желаетъ, считая себя по цесарской службѣ старше обоихъ, а потому и просилъ назначить особую мѣстность для поселенія приведенныхъ имъ сербовъ. Шевичъ просилъ о томъ же. Оба они въ 1752 году отправились въ Москву, гдѣ въ то время находился императорскій дворъ, и каждый самъ по себѣ имѣли хожденіе по своему дѣлу: «и трудились съ своими просьбами много, въ чемъ продолжалось время годъ цѣлый, и было затрудненій правительству нанесено довольно». Наконецъ рѣшено было отвести имъ пустыя земли въ юго-восточной сторонѣ Бахмутской провинціи между рѣками Донцомъ и Луганью. Пустыня эта, по отзыву Пишчевича, была «земля, какъ обыкновенно, затвердѣлая дикая, и можетъ быть что отъ созданья свѣта неработанная, и лежала во всѣ древніе вѣка безъ всякой пользы впустѣ и безъ народа; край однако теплый и жестокости зимней, какъ внутри Россіи бываетъ, тамъ нѣтъ, а хотя зима и бываетъ, но

умѣренна и климатъ, сходствующій много съ Молдавіей, ибо въ лѣсахъ дикіе овощи, яблоковъ и грушъ много, а также на иныхъ мѣстахъ и дикой виноградной лозы сыскать можно. На сей землѣ, какъ наши выходцы Шевичъ и Прерадовичъ съ своими колоніями туда пришли, было сперва прискорбія довольно, какъ обыкновенно на пустынѣ подъ небомъ безъ всякаго еще строенія и быть иначе не можно; однако принялись вскорѣ наши поселенцы руками за свои строенія и по назначенному отъ коммиссіи плану селиться стали оба генерала съ полками своими всякъ особно, но по смежности близко одинъ къ другому, и остались подъ особливымъ распоряженіемъ военной коллегіи, съ названіемъ по конфирмаціи той землѣ обоихъ полковъ *Славено-Сербія*, на которыхъ мѣстахъ обселившись живутъ потомки ихъ и понынѣ».

Разсказъ Пишчевича, какъ о новыхъ поселеніяхъ, такъ и о дѣйствіяхъ первыхъ начальниковъ ихъ, проникнутъ сильнымъ сочувствіемъ и къ людямъ и къ странѣ. Самъ онъ жилъ и дѣйствовалъ то въ Славено-Сербіи, то въ Новой Сербіи. Прибылъ онъ въ Россію позднѣе Хорвата, Шевича и Депрерадовича. Подобно послѣднему онъ не принадлежалъ къ ландмилиціи, кассированной благодаря настояніямъ мадьяръ, а служилъ въ славонскомъ гусарскомъ полку поручикомъ. Онъ задумалъ переселиться въ Россію уже тогда, когда уѣхали изъ Австріи всѣ первые переселенцы и когда австрійское правительство издало строгое запрещеніе относительно выдачи новыхъ паспортовъ, «дабы никто болѣе не отваживался просить таковыхъ увольненій въ Россію». Хотя Пишчевичъ и зналъ, что надо быть осторожнымъ при такомъ запрещеніи, но, какъ онъ самъ говоритъ, чему быть, тому не миновать: «по службѣ тамошней авантажа было мнѣ довольно, мои полковые командиры меня любили, шефъ генералъ нашъ содержалъ меня отмѣнно, чѣмъ и казалось бы быть довольну; но нѣтъ, а вошли въ голову мысли другія, и какъ возгорѣлись мои мысли о томъ, чтобы службу оставить и въ Россію идти, то уже и не могъ я резолюціей иною себя преломить, а утвердился въ семъ положеніи на томъ, для чего началъ изыскивать способы къ моему для службы увольненію, и пришелъ было тѣмъ къ близкой моей погибели: первѣе за то при полку былъ арестованъ, а потомъ отвезенъ за присмотромъ къ главнокомандующему въ Славоніи генералъ-губернатору въ крѣпость Осекъ (Esseg), гдѣ и слѣдствіе къ моему отвѣту было учреждено». Арестъ этотъ продолжался четыре мѣсяца, причемъ слѣдствіе не открыло, чтобы у Пишчевича были товарищи въ его намѣреніи. Дознано было также,

что его предки вышли изъ Далмаціи, не принадлежавшей тогда австрійскому дому, вступили въ австрійскую службу добровольно и служили всегда вѣрно. Допрашиваемый слѣдователями Пишчевичъ отвѣчалъ всегда одно и тоже на вопросъ, чтó заставляетъ его искать увольненія отъ службы: «яко человѣкъ по своему дворянству вольный, говорилъ онъ имъ, вознамѣрился я далѣе въ свѣтѣ побывать и счастіе своею службою искать». Чтобы удержать его въ службѣ, главнокомандующій представилъ въ вѣнскій придворный военный совѣтъ, а тотъ доложилъ императрицѣ Маріи-Терезіи о пожалованіи Пишчевича въ капитанскій чинъ. Послѣднему приходилось покориться волѣ начальства, но на его счастіе онъ получилъ новый предлогъ заявить при этомъ свое неудовольствіе. Произведя въ новый чинъ, его не оставляли въ гусарскомъ полку, а переводили въ бродскій пѣхотный полкъ, служить въ коемъ онъ не имѣлъ ни малѣйшей склонности, а между тѣмъ перемѣнить указъ императрицы уже было нельзя. Въ славонскомъ гусарскомъ полку капитанской вакансіи не было и ему пришлось бы или служить тамъ сверхъ комплекта и безъ жалованья, или же упросить другого капитана перейти въ пѣхотный полкъ, заплативъ ему за то большія деньги, сшивъ ему на свой счетъ мундиръ и всѣ принадлежности пѣхотной службы. И то и другое было неисполнимо и Пишчевичъ сталъ настаивать на своемъ увольненіи изъ австрійской службы, извѣстивъ о своемъ желаніи русскаго посла. Послѣднее обстоятельство не осталось безъ благопріятныхъ послѣдствій для Пишчевича. Вѣнскій дворъ выдалъ ему увольненіе въ Россію, съ прописаніемъ однакожъ въ немъ слѣдующихъ словъ: «sine consequentia ad alios, für dieses Mahl allergnädigst eingewilliget haben».

Съ рекомендательнымъ письмомъ отъ графа Кейзерлинга отправился Пишчевичъ въ Россію и прибылъ въ началѣ 1754 года въ Кіевъ, а оттуда въ Москву, гдѣ и представился вице-президенту военной коллегіи Степану Өедоровичу Апраксину, а чрезъ него императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, допустившей его «къ ручкѣ». Пишчевича зачислили въ гусарскій полкъ капитанскимъ чиномъ и послали въ Ново-Сербію подъ начальство Шевича. Здѣсь онъ былъ свидѣтелемъ первыхъ дѣйствій сербскихъ поселенцевъ.

«Наши генералы, Хорватъ въ Новой, Шевичъ и Депрерадовичъ въ Славено-Сербіи, писалъ впослѣдствіи Пишчевичъ, учинили своимъ выходомъ и своими поселеніями такой къ пользѣ примѣръ, что изъ древней пустыни сдѣлалась, вотъ уже нынѣ, земля обѣтованная, населенная, разработанная, удобренная, и

плоды земные стала давать изобильные, и какъ бы не они тогда ее заселять зачали, то бы можетъ и навсегда осталась подъ прежнимъ своимъ именемъ пустыни, понеже не находился никто предъ тѣмъ, чтобы тѣ земли иностраннымъ народомъ наполнить и заселить, доколѣ сіи наши выходцы туда не пришли и учинили тому начало и фундаментъ, не устрашась такого близкаго и злаго сосѣдства, каковы тогда страшны были турки и татары, что и надлежитъ дѣломъ великимъ сочтено быть».

Хорватъ, Шевичъ и Депрерадовичъ разселили своихъ выходцевъ ротами и построили для нихъ шанцы, изъ коихъ впослѣдствіи выросли изрядныя мѣстечки. Сюда стали стекаться торговые люди изъ Россіи и другихъ странъ, и завелись базары и ярмарки. Особенно быстро росъ Новомиргородъ, который Хорватъ избралъ своимъ мѣстопребываніемъ. Въ самихъ шанцахъ поселенцамъ отводимо было довольное количество земли для дворовъ, а кругомъ шанцовъ даже съ излишествомъ. Офицерамъ земля раздавалась въ вѣчное владѣніе въ количествѣ соотвѣтственно ихъ рангамъ, и они строили хутора и деревни и заселяли ихъ людьми, выходившими изъ польской Украины и становившимися чрезъ то «ихъ собственными подданными».

Пишчевичъ нигдѣ не говоритъ о числѣ выходцевъ, пришедшихъ съ Хорватомъ, Шевичемъ и Депрерадовичемъ, но замѣчаетъ, что они не составляли комплекта тѣхъ полковъ, которые слѣдовало устроить на основаніи дарованныхъ имъ привилегій. Недостаточное число выходцевъ однакожъ очень скоро было пополнено новыми пришельцами не только изъ Австріи, но даже изъ Старой Сербіи и Турціи [1]). Трудно было положить первое основаніе новымъ поселеніямъ на югѣ Россіи; но затѣмъ уже никакія запрещенія со стороны австрійскаго двора не могли удержать постояннаго наплыва славянскихъ переселенцевъ, а также грековъ и румынъ.

Но у новыхъ поселенцевъ были опасные и весьма близкіе враги: крымскіе татары и запорожскіе казаки. Особенно враждебно

---

[1]) Въ сочиненіи Рычкова «Топографія Оренбургской губерніи» есть любопытное извѣстіе: «На самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ Мочинская слобода имѣлась (за р. Самарой), заводимо было новое селеніе *черногорцевъ* и *албанцевъ*, коимъ не только оныя угодья, которыя къ той слободѣ прежде были назначены, но и по Иргизу рѣкѣ и въ другихъ мѣстахъ пространныя дачи приписаны въ томъ чаяніи, что изъ Европы въ Россію выдетъ на житье людство немалое; токмо первые оттоль выходцы, поживши здѣсь года съ три, пожелали служить въ арміи, а другіе просили, чтобъ ихъ уволить на житье въ *Новой Сербіи* въ командѣ генералъ-маіора Хорвата, почему всѣ они въ 1759 году туда и отпущены». См. «Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащіе», сентябрь 1762 года, стр. 199.

относились къ нимъ казаки и оставили по себѣ недобрую память въ запискахъ Пишчевича. «Казаки запорожскіе, говоритъ онъ, жили разсѣянные по всей той пустынѣ своими куренями или шалашами, но ближе къ крымскимъ татарамъ и какъ въ нихъ постоянства не было, такъ и приличной жизни не имѣли, ибо, будучи безъ женъ и безъ дѣтей, состояли приращеніемъ изъ единаго только скопища и сволочи изъ разныхъ краевъ, какъ россійской, такъ и польской Украины, умножая свои толпы едиными только пришельцами, ушедшими по какимъ-либо содѣяннымъ злодѣйствамъ изъ своихъ мѣстъ, а другіе и по своей волѣ, не будучи склонны къ земледѣлію, а больше къ праздности и воровству; и собиралось таковыхъ въ тѣ ихъ обиталища много, главное же ихъ гнѣздо называлось *Запорожская Сѣчь*, гдѣ и настоящій начальникъ ихъ, атаманъ кошевый, всегда имѣлъ свое пребываніе. Хотя сіи запорожцы и принадлежали Россіи, но зла въ пограничныхъ мѣстахъ причиняли не меньше, какъ и самые татары, ибо не уважая сихъ нашихъ выходцевъ, поселившихся въ сосѣдствѣ съ ними, не только что ненавидѣли ихъ, но еще и нападали часто на ихъ новыя селенія, грабили и отганивали скотъ и коней, а нѣкоторыхъ людей и на смерть убивали; такъ капитана Уксусовича въ Новой Сербіи, напавши въ ночное время на его домъ, застрѣлили, даже и виноватаго въ томъ сыскать было не можно, а у генерала Шевича захватили въ полѣ коней и угнали. Къ тому же они имѣли тогда въ своемъ владѣніи и въ полной своей власти такія обширныя мѣста, по обѣимъ сторонамъ рѣки Днѣпра до самыхъ границъ татарскихъ, что имѣли всѣ способы къ укрытію себя отъ всѣхъ содѣянныхъ своихъ злодѣйствъ». Чтобы защититься отъ запорожцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить границу между новыми поселеніями и запорожскою сѣчью, Хорватъ поставилъ на рѣчкѣ Ингулѣ крѣпость святой Елизаветы, подлѣ которой вскорѣ образовался немалый торговый городъ, привлекшій къ себѣ купцовъ изъ разныхъ странъ. Изъ этого-то поселенія и родился впослѣдствіи богатый Елизаветградъ. Прикрытіемъ для поселенцевъ, занявшихъ Славено-Сербію, послужила старая крѣпость Бахмутъ.

Не прошло и семи лѣтъ по водвореніи сербовъ на ихъ новой родинѣ, какъ уже они могли доказать свои военныя способности. Въ 1757 году, вслѣдствіе участія Россіи въ семилѣтней войнѣ, Хорватъ отправилъ въ армію полный гусарскій полкъ. Такой же полкъ составленъ былъ изъ эскадроновъ, выставленныхъ Шевичемъ и Депрерадовичемъ. Въ 1759 году, въ Новой Сербіи сформированы два полка полевые изъ молодыхъ сербовъ, болгаръ, грековъ и

румынъ, названные македонскимъ и болгарскимъ. Формированіемъ болгарскаго полка занимался Пишчевичъ, имѣвшій уже чинъ премьеръ-майора. Онъ выбралъ главной квартирой для себя селеніе, лежавшее на границахъ Малороссіи, Новой Сербіи и польской Украины, и сталъ вызывать туда иностранцевъ, желавшихъ вступить въ русскую службу. Къ нему явилось не мало сербовъ, молдаванъ, валаховъ, грековъ, болгаръ, даже нѣмцевъ и мадьяръ: «Но то было при семъ вербункѣ чудно, замѣчаетъ Пишчевичъ въ своихъ запискахъ, что Хорватъ не позволялъ принимать въ службу поляковъ, ниже единаго человѣка; онъ ихъ смертельно не любилъ». Въ обоихъ полкахъ, какъ болгарскомъ, такъ и македонскомъ, офицеры были изъ сербовъ. Всѣ четыре полка, высланные изъ Новой и Славено-Сербіи, отличались хорошимъ видомъ и одеждою, сшитою по совершенно новому образцу. По окончаніи войны эти полки послужили примѣромъ для преобразованія всѣхъ гусарскихъ полковъ въ арміи.

Затѣмъ наступило мирное время, повлекшее новый и сильный приливъ переселенцевъ всякаго происхожденія, особенно изъ Малороссіи, какъ въ Славено-Сербію, такъ и въ Новую Сербію. Вскорѣ населеніе обѣихъ областей такъ умножилось, что въ 1764 году Новая Сербія переименована была въ Новороссійскую губернію, а Хорватъ уволенъ отъ службы по слабости здоровья, и вскорѣ умеръ. Славено-Сербія, начальники которой, Шевичъ и Депрерадовичъ также скончались, названа была сперва Екатерининской провинціей Новороссійской губерніи, а потомъ отчислена въ 1775 г. къ Азовской губерніи. Въ томъ же году уничтожена была и Запорожская Сѣчь не безъ сильнаго содѣйствія со стороны сербскихъ переселенцевъ. Колонизація всего Новороссійскаго края пошла еще быстрѣе. Туда вызывались переселенцы отовсюду; такъ, въ 1782 году, когда испанцы овладѣли портомъ Магономъ на островѣ Миноркѣ, то англійскій гарнизонъ, занимавшій этотъ портъ, обратился съ просьбою къ русской императрицѣ о поселеніи его въ Новороссійской губерніи, куда и былъ принятъ. Наконецъ въ 1784 году, во всей Россіи введены намѣстничества, и земли, составлявшія нѣкогда привилегированныя владѣнія Хорвата, Шевича и Депрерадовича, вмѣстѣ съ Запорожскою Сѣчью вошли въ составъ Екатеринославскаго намѣстничества, причемъ восточная половина его носила названіе Екатеринославской губерніи, а западная Вознесенской. Но слѣды военнаго устройства прежнихъ поселеній еще были живы съ тою лишь разницей, что сербскіе, болгарскіе и македонскіе полки вошли въ общую жизнь слободскихъ гусарскихъ полковъ, располагавшихся на сѣверъ отъ нихъ, харьковскаго,

ахтырскаго, изюмскаго, сумскаго и острогожскаго. Но и въ этихъ послѣднихъ полкахъ офицеры были бо́льшею частію изъ сербовъ. «Таковое новое учрежденіе принесло какъ службѣ, такъ и казнѣ пользу великую, говоритъ Пишчевичъ, а болѣе тѣмъ, что Россія пріобрѣла изъ тѣхъ самыхъ выходцевъ надежныхъ и практикованныхъ офицеровъ, кои не только полковыми командирами были, но и такихъ достойныхъ и знающихъ совершенно долгъ и порядокъ службы, что умѣли повернуть и начало положить такому важному дѣлу, людей обмундировали и выучили и въ надлежащую полковую исправность и совершенство поставили, прилагая усердіе и тщаніе и труды неусыпные, стараясь другъ передъ другомъ какъ бы наилучше, чѣмъ и сотворили они полки славные изъ людей такихъ простыхъ, кои прежде сколько времени казаками состояли почти безъ употребленія. Я же съ моей стороны говорю то, какъ мнѣ тѣхъ полковъ душа и сердце довольно опытами были извѣстны, что счастливъ бы всякій иностранный государь былъ, когда бы только таковыхъ и того же званія воиновъ въ своей арміи имѣть могъ, а лучше нигдѣ быть не могутъ». Такой отзывъ гусарскіе полки южной Россіи оправдали во время первой турецкой войны. Императрица Екатерина II прислала имъ рескриптъ «съ приписаньемъ между прочимъ къ ихъ похвалѣ еще и сего драгоцѣннаго слова: *спасибо*». Славная служба гусарскихъ полковъ сдѣлала то, что и впослѣдствіи при Екатеринѣ формированіе новыхъ полковъ этого рода поручалось сербскимъ офицерамъ, и «чрезъ то, заключаетъ Пишчевичъ, осталась въ войскѣ россійскомъ безсмертная гусаръ слава».

Въ концѣ своего сочиненія Пишчевичъ приводитъ цѣлый списокъ штабъ-офицеровъ сербскаго происхожденія, служившихъ въ русской арміи, въ его время: 8 генералъ-поручиковъ, 12 генералъ-майоровъ, 4 бригадира, 17 полковниковъ, 8 подполковниковъ, 37 майоровъ и т. д. *).

---

*) «*Генералъ-поручики:* Иванъ Самойловичъ Хорватъ, Иванъ Георгіевичъ Шевичъ, Райко или Родіонъ Депрерадовичъ, Максимъ Ѳедоровичъ Зоричъ, Ѳедоръ Арсеніевичъ Чорба, Георгій Ивановичъ Шевичъ (внукъ стараго Шевича), графъ Иванъ Подгоричанинъ, Іосифъ Ивановичъ Хорватъ (сынъ стараго Хорвата); *генералъ-майоры:* Семенъ Гавриловичъ Зоричъ, Николай Ивановичъ Чорба, Георгій Михайловичъ Богдановъ, Давыдъ Гавриловичъ Неранжичъ, Георгій Ивановичъ Хорватъ, Иванъ Дмитріевичъ Хорватъ (оба племянники стараго Хорвата), Георгій Родіоновичъ Депрерадовичъ, Иванъ Родіоновичъ Депрерадовичъ (оба сына стараго Депрерадовича), Константинъ Николаевичъ Лалошъ, Иванъ Христофоровичъ Штеричъ, Семенъ Михайловичъ Черноевичъ, кавалеръ графъ Георгій Петровичъ Подгоричанинъ; *бригадиры:* Константинъ Николаевичъ Юзбаша, Дмитрій Ивановичъ Хорватъ (сынъ стараго Хорвата), Родіонъ Степановичъ Пламенацъ, Алексѣй Родіоновичъ Депрерадовичъ (сынъ стараго Депрерадовича); *полковники:* Гаврила Радуловичъ, Антонъ Хорватъ, Иванъ

Три десятилѣтія спустя, почти на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, возникли по мысли Аракчеева военныя поселенія, но они уже не имѣли ничего общаго съ поселеніями Хорвата, Шевича и Депрерадовича. «Пахатные солдаты» этихъ новыхъ поселеній приняли враждебно попытку обратить ихъ самихъ и потомство въ обязательныхъ воиновъ; между тѣмъ какъ сербы, болгары и имъ подобные слободскіе гусары не могли оторваться отъ военныхъ занятій. Но чтò было возможно въ эпоху первоначальной колонизаціи края и чтò имѣло тогда несомнѣнное значеніе и силу, то въ XIX-мъ столѣтіи было ошибкою, вызванною капризомъ одного человѣка. Аракчеевскія военныя поселенія не могли даже достичь и того сравнительно выгоднѣйшаго состоянія, какого достигли граничарскія поселенія въ Австріи, имѣвшія подъ собою историческую почву. Такая невыгодность сравненія для русскихъ поселеній не укрылась отъ зоркаго взгляда знаменитаго наполеоновскаго генерала, маршала Мармона, который управлялъ съ 1810 по 1813 г. иллирійскими провинціями, отнятыми французской имперіей у Австріи, а впослѣдствіи познакомился и съ южною Россіей. «Въ обѣихъ странахъ, писалъ маршалъ, есть военные корпуса, соединенные на одной и той же области, пополняющіеся изъ ея собственнаго населенія и отчасти сами себя содержащіе. Эти поселенія управляются офицерами, устроены военнымъ образомъ, при соблюденіи опредѣленныхъ формъ, обнимающихъ собою всѣ интересы. Но между ними есть громадныя различія. Въ Военной Границѣ солдаты обыкновенно

Хорватъ (сыны стараго Хорвата), Іосифъ Цветѣновичъ, Иванъ Шевичъ (стараго Шевича сынъ), Авраамъ Рашковичъ, Игнатъ Уваловъ, Николай Петровичъ, Лазарь Текелій, Василій Тотовичъ, Василій Косавчичъ, Арсеній Давыдовичъ, Петръ Сентяининъ, Ефремъ Райковичъ, Иванъ Чорба, Иванъ Требинскій, Павелъ Черноевичъ (былъ капитанъ гвардіи); *подполковники:* Самойло Хорватъ (племянникъ стараго Хорвата), Петръ Шевичъ (сынъ стараго Шевича), Иванъ Шевичъ (правнукъ стараго Шевича), Арсеній Чорба, Павелъ Вуичъ, Петръ Чорба, кавалеръ Петръ Штеричъ, Степанъ Ожеговичъ, Иванъ Шутовичъ, Иванъ Вукотичъ, Алексѣй Требинскій, Степанъ Букинскій, Иванъ Скоричъ, Филиппъ Петровичъ, Степанъ Жигичъ, Михаилъ Станковичъ, Максимъ Чорба, Максимъ Вуичъ, Иванъ Вуичъ, Георгій Вуичъ, Симеонъ Райковичъ, Иванъ Голубъ, Петръ Голубъ, Алексѣй Пантазій, Иванъ Милорадовичъ, Петръ Маріановичъ, Иванъ Міоковичъ, Игнатъ Міоковичъ, Петръ Міоковичъ, Павелъ Міоковичъ, Аврамъ Міоковичъ, Алексѣй Юзбаша, Михаилъ Мишковскій, Степанъ Сабовъ, Лазарь Сабовъ, Василій Сабовъ, Георгій Филиповичъ, Өедоръ Ваній, Степанъ Пишчевичъ, Гаврила Пишчевичъ, Ефимъ Пишчевичъ, Лазарь Пишчевичъ, Өеофилъ Пишчевичъ, Александръ Пишчевичъ, Иванъ Пишчевичъ (послѣдніе двое сыны издателя сей книги). А сверхъ означенныхъ здѣсь по регистру есть еще довольное число въ чинахъ оберъ-офицерскихъ, люди молодые служатъ въ полкахъ, кои здѣсь въ Россіи породились, о коихъ ежели бы сдѣлать по именамъ такое же описаніе, то бы набралось ихъ много».

смѣшаны съ населеніемъ, въ военныхъ колоніяхъ совершенно отдѣлены отъ него. Въ Австріи всѣ граничары составляютъ пѣхоту; въ Россіи же бо́льшее вниманіе обращается на конницу, составляющую наиболѣе смѣшанный родъ вооруженія, причемъ солдаты нуждаются въ постоянномъ содѣйствіи своихъ офицеровъ. Граничары отправляютъ свои повинности частію посредствомъ податей, частію посредствомъ рабочихъ дней. Въ военныхъ поселеніяхъ, за исключеніемъ постоя и содержанія солдатъ, существуетъ единственный налогъ, состоящій въ рабочихъ дняхъ. Это различіе было неизбѣжно: въ Австріи правительство не имѣетъ въ Военной Границѣ никакихъ земель, чтобы завести свое хозяйство или постройки; въ Россіи же императоръ пожертвовалъ подъ поселеніе обширное пространство, отличающееся необычайнымъ плодородіемъ. Весьма естественно, что въ Австріи, сравнительно бѣдномъ и густо населенномъ краѣ, содержится пѣхота, а въ Россіи, гдѣ населеніе незначительно, но произведенія почвы богаче, содержится кавалерія, требующая меньшаго числа людей, но стоющая гораздо дороже. Кромѣ того, въ Австріи существованіе Военной Границы оправдывается особенною цѣлію, постоянною и ежедневною охраною весьма растянутыхъ границъ, къ чему наиболѣе способна пѣхота. Поэтому и обыватели Военной Границы пользуются несравненно большею независимостію и болѣе обезпечены въ возможной для нихъ свободѣ. Таковы послѣдствія давняго порядка вещей для однихъ и совершенно новой системы для другихъ. Если предположить, что въ обѣихъ странахъ военные поселяне одинаково благоденствуютъ, то въ Россіи надо потратить несравненно болѣе заботъ, чтобы сохранить это довольство» [1]).

Эти историческія различія между граничарскимъ бытомъ въ Австріи и военно-поселенскимъ въ Россіи и были главною причиною того, что первый просуществовалъ несравненно долѣе чѣмъ послѣдній, хотя уже и надъ нимъ исторія произнесла свой строгій приговоръ.

Нилъ Поповъ.

---

[1]) Einige Worte über die russischen Militär-Kolonien in Vergleiche mit der K. K. Osterreichischen Militär-Grenze und mit allgemeinen Betrachtungen darüber. Von Karl Freiherrn von Pidoll zu Quintenbach. Wien, 1847; s. 25—26. Voyage de M. le Maréchal Duc de Raguse dans la Russie méridionale, tome I. Bruxelles, 1833.



ПУГАЧЕВСКІЙ БУНТЪ

ПО ЗАПИСКАМЪ

СОВРЕМЕННИКА И ОЧЕВИДЦА.

Пугачевщина, какъ называетъ русскій народъ пугачевскій бунтъ, не вполнѣ исчерпана въ исторіи Пушкина, да и изъ всего, что до сихъ поръ издано, далеко еще нельзя узнать всѣхъ частностей смуты, какъ мы убѣдились въ томъ при чтеніи одной неизданной до сихъ поръ рукописи современника и очевидца событій. Познакомимъ читателей въ нѣсколькихъ словахъ съ исторіею этой рукописи и съ судьбой ея автора.

Рукопись доставлена намъ 85-ти-лѣтнимъ старцомъ въ Эткульской станицѣ оренбургскаго казачьяго войска [1]). Имъ она была пріобрѣтена случайно и привезена изъ Звѣриноголовской станицы, гдѣ жилъ и умеръ ея авторъ. Текстъ написанъ четкимъ, стариннымъ почеркомъ, на двухъ стахъ пятнадцати листахъ сѣровато-синей бумаги, сложенныхъ вчетверо и переплетенныхъ въ книгу, на подобіе старопечатныхъ книгъ, въ тяжелый неуклюжій переплетъ. Ведена она въ видѣ дневника, или вѣрнѣе воспоминаній, и за утратою первыхъ 12 страницъ, намъ сначала было невозможно узнать имя и фамилію автора, такъ какъ онъ вездѣ замѣняетъ ихъ личными мѣстоимѣніями, но за то, предъ нами оставалась раскрытою вся его жизнь и служебная карьера, съ самымъ подробнымъ описаніемъ сопровождавшихъ ихъ событій. Рукопись начинается гораздо ранѣе эпохи самозванца и, не заключая въ себѣ исключительнаго повѣствованія

---

[1]) Нѣкогда крѣпости, сожженной во время пугачевскаго нашествія.

объ этомъ событіи, отводитъ ему мѣсто въ хронологическомъ порядкѣ, не болѣе какъ на 50-ти листахъ, заканчиваясь 1784 годомъ, т.-е. годомъ выхода въ отставку автора воспоминаній.

Вотъ, что разсказывается въ рукописи о лицѣ автора.

Въ то время, когда будущій авторъ записокъ жилъ въ своемъ семействѣ въ Тобольскѣ, съ нимъ познакомился одинъ изъ ссыльныхъ, находившійся по сосѣдству (фамилія котораго, какъ увидимъ ниже, осталась тайною для автора). Новый знакомецъ обратилъ вниманіе на смѣтливость и смышленность 15-ти-лѣтняго мальчика, и какъ-то спросилъ его: ученъ-ли онъ грамотѣ? на что вмѣсто отвѣта будущій авторъ воспоминаній принесъ ему лоскутъ бумаги, на которомъ имъ была написана какая-то молитва. Тогда «щедрый господинъ», какъ называетъ своего знакомаго авторъ, предложилъ ему, не хочетъ ли онъ учиться у него? Мальчикъ съ удовольствіемъ согласился. Ученіе шло прекрасно, такъ что вскорѣ авторъ записокъ изъ ученика дѣлается другомъ своего учителя, который, видя его серьезность и любовь къ наукамъ, проникается къ нему полнымъ довѣріемъ и по случаю неожиданнаго отъѣзда семейства, къ которому принадлежалъ его юный другъ, разсказываетъ ему свою біографію, изъ которой мы узнаемъ, что учитель принадлежалъ къ знатной русской фамиліи, былъ хорошо образованъ и игралъ не послѣднюю роль при императорскомъ дворѣ, въ царствованіе Елизаветы Петровны. Вотъ разсказъ ссыльнаго въ той формѣ, какъ передаетъ его авторъ записокъ:

«Отецъ мой былъ военноначальникомъ не малаго корпуса и служилъ при государѣ Петрѣ Великомъ, бывъ съ нимъ во всѣхъ походахъ и баталіяхъ и получилъ отъ него награжденіе не малый генеральскій чинъ; женатъ былъ также на знатнаго рода дѣвицѣ и имѣлъ одного только сына—меня, который, поэтому, кромѣ природной своей грамоты, обучаемъ былъ говорить, читать и писать по-нѣмецки, по-англійски и по-французски, а на 18-мъ году возраста моего, я былъ родителемъ моимъ отправленъ для вояжированія въ прочія европейскія государства, гдѣ и находился ровно пять лѣтъ, бывъ въ Цесаріи, Голландіи, Англіи и во Франціи, и проѣхалъ часть Италіи. И могу сказать, другъ мой (продолжалъ учитель), могъ насмотрѣться всякихъ происхожденіевъ и болѣе полезныхъ къ моему наученію, и естьли обо всемъ порядочно говорить, что мною тамъ видѣно или слышано, то можетъ изъ того сочиниться великая книга моей исторіи, для чего я обо всемъ и умалчиваю... По прошествіи пяти лѣтъ бытности моей въ европейскихъ государствахъ, прибылъ я въ Петербургъ; но уже родителя своего въ живыхъ не

засталъ, который до прибытія моего за два мѣсяца скончался— оставивъ меня всякой помощи лишеннаго. Однакожъ царствующая государыня Елизавета Петровна, услышавъ о прибытіи и о поведеніи моемъ, къ тому же и за службу родителя моего, изволила принять меня въ службу; произведя поручикомъ, опредѣлила гвардіи въ преображенскій полкъ, гдѣ я съ прочіей своей братіею продолжалъ мою службу съ порядочнымъ поведеніемъ, и могу сказать отъ всѣхъ съ похвалою».

«Но счастіе мое недолго продолжалось; когда по требованію государыни привезенъ былъ наслѣдникъ, внукъ блаженной памяти Петра I-го, Петръ Өедоровичъ, то для увеселенія и разогнанія скуки, я, какъ знающій иностранные языки и странствовавшій по многимъ государствамъ, опредѣленъ былъ къ нему, подобно какъ дядькою, и приказано мнѣ вперять ему всѣ россійскія обыкновенія, въ чемъ я съ одной стороны и имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, но съ другой — юная младость и самовластіе воспрепятствовали моему счастію, за что я безвинно осужденъ и посланъ сюда, не отнимая однакоже ни чести, ни дворянства моего; но впередъ, что послѣдовать можетъ со мною, въ томъ есть власть Всемогущаго Творца, онъ можетъ современемъ прекратить мое несчастіе и возстановить на прежнее состояніе. Вотъ, любезный другъ, моя исторія, а что я кратко окончилъ оную, то нельзя другого чего сказать, какъ препятствуетъ моя въ томъ благопристойность и такой секретъ, о которомъ вѣчно умалчивать долженъ».

Таковъ былъ воспитатель автора предлагаемыхъ мною записокъ.

Далѣе, авторъ разсказываетъ о своемъ отъѣздѣ, въ мартѣ 1746 года, изъ Тобольска въ крѣпость Бакланскую, расположенную при рѣкѣ Тоболѣ. Здѣсь припоминаетъ онъ о тѣхъ разрушеніяхъ, которыя терпѣла крѣпость отъ наводненій вообще и отъ весенняго наводненія 1748 года въ особенности. Въ это наводненіе много было разрушено зданій и погибло очень много народа, такъ какъ вода прибыла вдругъ, въ ночное время, когда жители не ждали прилива. Наводненіе продолжалось пятнадцать дней. Въ 1749 году апрѣля 1-го дня, авторъ записокъ зачисленъ въ драгуны 19-ти лѣтъ отъ роду, и употребляемъ былъ вмѣстѣ съ прочими на тяжелыя крѣпостныя работы. Но, говоритъ онъ, «я недолго въ семъ игѣ находился, и въ исходѣ того же года опредѣленъ къ ротнымъ письменнымъ дѣламъ, и былъ въ этой должности года съ два. Къ счастію моему, въ маѣ 1751 года состоялось именное повелѣніе, чтобы при полкахъ учредить училища, и желающихъ изъ полковыхъ служителей, мо-

лодыхъ людей — обучать инженерному искусству». Такое распоряженіе, объявленное въ полковомъ приказѣ, какъ видно изъ воспоминаній, пришлось по душѣ автору ихъ, который говоритъ о себѣ, что онъ «съ дѣтскаго возраста имѣлъ пристрастіе къ наукамъ, а потому, пользуясь случаемъ, и съ разрѣшенія своего ротнаго командира, капитана Федорова, человѣка просвѣщеннаго, отправился въ школу, находившуюся въ Троицкѣ. Въ школѣ авторъ записокъ пробылъ три года, вмѣстѣ съ 9-ю другими школьниками; въ это время, по словамъ его, онъ выучилъ «геометрію, планъ-геометрію, тригонометрію съ показаніемъ практики и вычертилъ четыре манира фортификаціи», а отъ другого учителя выучился «музикѣ на скрипицѣ». Затѣмъ слѣдуютъ воспоминанія о пріѣздѣ въ Троицкъ, въ январѣ 1754 года, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Неплюева «для обозрѣнія стараніемъ его вновь построенныхъ крѣпостей», и объ учрежденіи въ Троицкѣ градской канцеляріи и заложеніи великолѣпной каменной церкви. Въ этотъ пріѣздъ главнаго начальника Оренбургскаго края, авторъ воспоминаній, съ разрѣшенія своего полкового командира, премьеръ-майора Ренненкампфа, обращался къ Неплюеву съ просьбою объ опредѣленіи его, для пріобрѣтенія дальнѣйшихъ познаній, въ Оренбургскую инженерную команду, но Неплюевъ отказалъ ему въ этомъ желаніи на томъ основаніи, что онъ не изъ дворянъ и находится уже на службѣ; а произведя его въ унтеръ-офицеры, опредѣлили его къ инженерной должности, поручивъ ему производство фортификаціонныхъ работъ въ крѣпостяхъ Нижне-Уйской дистанціи. Въ это время, говоритъ лѣтопись, была «проектирована» сибирская линія, построеніемъ крѣпостей, начиная съ мѣста называемаго «Звѣриная Голова», на которомъ въ 1753 году построена была пятиугольная цитадель, обнесенная «заплотами, надолбами и рогатками», со всѣми необходимыми внутренними строеніями, какъ-то: штабъ и оберъ-офицерскими квартирами, солдатскими казармами, провіантскимъ магазиномъ, артиллерійскимъ выходомъ и другими необходимыми постройками. Крѣпость получила названіе отъ мѣста и потому наименована Звѣриноголовскою [1]). Крѣпость Бакланская, съ основаніемъ новой цитадели, упразднена, какъ потерявшая значеніе, потому что находилась отъ послѣдней всего въ пяти верстахъ, и гарнизонъ ея былъ переведенъ въ Звѣриноголовскую, которая, по соглашенію главнаго оренбургскаго и сибирскаго начальства, поступила въ вѣдѣніе перваго. Такимъ образомъ, эти записки указываютъ намъ годъ основанія западно-сибирской ли-

[1]) Нынѣ станица оренбургскаго казачьяго войска того же названія.

ніи. Въ томъ же году, авторъ воспоминаній, по распоряженію оренбургскаго инженернаго начальства, былъ командированъ въ Звѣриноголовскую крѣпость, для приведенія въ порядокъ, какъ укрѣпленій ея, такъ и внутреннихъ построекъ. Въ 1755 году, онъ былъ командированъ для заложенія Зелаирской крѣпости, во время башкирскаго бурзянскаго возмущенія, въ распоряженіе генералъ-майора Бахметева, которымъ и былъ по прибытіи посланъ для измѣренія разстоянія по тракту отъ Зелаирской до Кизильской крѣпости, съ приказаніемъ нанести на планъ всѣ тѣ мѣста, на которыхъ признана будетъ необходимою постройка мостовъ, съ исчисленіемъ подробной смѣты матеріаламъ и деньгамъ потребнымъ на ихъ постройку. Работы производились подъ прикрытіемъ десяти драгунъ и пятидесяти башкирцевъ. Во время производства работъ, прикрытію этому суждено было выдержать нападеніе многочисленной шайки бунтующихъ башкиръ, отъ которыхъ избавила его во-время посланная помощь. Въ этомъ сраженіи очевидецъ пугачевскаго бунта былъ раненъ. По окончаніи работъ, авторъ былъ представляемъ къ наградѣ, но получить ее не удостоился. Далѣе онъ сѣтуетъ на то, что вслѣдствіе получаемаго имъ въ годъ трехъ-рублеваго жалованья, бѣдность сильно давила его, такъ что положеніе его было ужасно. Но съ прибытіемъ въ полкъ подполковника Уварова, для командованія имъ, положеніе автора улучшилось, потому что Уваровъ «вскорости свѣдавъ о его состояніи, произвелъ его въ каптенармусы».

Въ 1759 году, подполковникъ Уваровъ, исходатайствовавъ автору отчисленіе отъ инженернаго вѣдомства, опредѣлилъ его учителемъ математики къ имѣвшимся въ полку штабъ и оберъ-офицерскимъ дѣтямъ и ввѣрилъ ему воспитаніе своего сына. Полковой командиръ, довольный своимъ учителемъ, просилъ прибывшаго въ Троицкъ оренбургскаго оберъ-коменданта генералъ-майора Писарева о награжденіи автора, который въ силу этого ходатайства былъ произведенъ въ 1761 году въ чинъ вахмистра. По приказанію генерала Писарева, авторъ былъ обучаемъ иконостасной живописи, къ чему онъ оказалъ большія способности. Въ 1763 году, смѣнившій Уварова, полковникъ Андрей Ивановичъ Воейковъ опредѣлилъ автора воспитателемъ къ своему сыну. Въ 1764 году, по перечисленіи полка, въ которомъ служилъ авторъ, на полевое содержаніе, онъ, за выбытіемъ многихъ офицеровъ, былъ произведенъ въ прапорщики, и въ этомъ чинѣ ему поручено было по новымъ рисункамъ построить полковой обозъ.

Въ 1765 году, по прибытіи въ Троицкую крѣпость бригад-

наго командира генералъ-майора Гаврила Петровича Черепанова, авторъ записокъ состоялъ при немъ для снятія плановъ съ крѣпостей Верхней и Нижней Уйскихъ дистанцій и ѣздилъ съ нимъ до Верхояицкой крѣпости, которую, по порученію генерала Черепанова, онъ нанесъ на планъ съ подробнымъ описаніемъ прилегающихъ къ ней мѣстностей. Спустя нѣкоторое время, по приказанію командовавшаго тогда оренбургскимъ корпусомъ, генералъ-поручика Александра Петровича Мельгунова, онъ былъ отправленъ въ Оренбургъ, гдѣ приказано было ему вдвое увеличить карту Оренбургской губерніи съ линіею отъ послѣдняго къ сибирской линіи Алабужскаго редута до Гурьева городка, съ большею частію Казанской и Астраханской губерній, частію Каспійскаго моря, Киргизъ-Кайсакскою степью, съ Малою и Большою Дарьями, впадающими въ Аральское море, съ Бухаріей и Хивой.

Тою же зимою, генераломъ Мельгуновымъ было поручено автору воспитаніе племянника его, 18-лѣтняго флигель-адъютанта Мельгунова. Впослѣдствіи авторомъ были построены на Маячной горѣ двѣ четырехъ-угольныя земляныя крѣпости, изъ которыхъ одна и до сихъ поръ существуетъ. Эти крѣпости служили лѣтомъ для обученія оренбургскихъ солдатъ военному искусству — обороны и взятія крѣпостей. По выходѣ въ отставку генералъ-поручика Мельгунова, авторъ нѣкоторое время находился въ Троицкѣ; но потомъ вновь состоялъ при генералѣ Черепановѣ, уже командирѣ оренбургскаго корпуса, съ которымъ онъ ѣздилъ въ Казань, для встрѣчи императрицы Екатерины II, гдѣ удостоился быть представленнымъ ея величеству и допущенъ былъ поцѣловать руку монархини. Затѣмъ онъ былъ въ Москвѣ, и наконецъ, въ 1768 году, возвратился въ Оренбургъ. Далѣе, разсказываетъ авторъ о возвращеніи своемъ въ полкъ, и о походѣ въ Турцію, на Астрахань, гдѣ онъ находился до 1770 г. Будучи въ Астрахани, авторъ снялъ теченіе Волги со впадающими въ нее притоками и заселенными мѣстами до города Симбирска. Въ томъ же году авторъ былъ произведенъ въ поручики, но по слабому здоровью своему онъ просилъ о переводѣ его изъ московскаго легіона, въ который былъ переименованъ его полкъ, въ сибирскіе драгунскіе полки и прибылъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Омскую крѣпость; потомъ онъ, по его же просьбѣ, переведенъ въ оренбургскій гарнизонъ. Изъ Оренбурга былъ командированъ въ Ставрополь, куда прибылъ въ мартѣ 1771 г. и по представленію управлявшаго городомъ и ставропольскою канцеляріею, бригадира Ивана Захаровича фонъ-Фегезакъ, назначенъ былъ оренбургскою губернаторскою канцеляріею въ долж-

ность воеводскаго товарища. Служа здѣсь, онъ замѣнялъ землемѣра. Далѣе авторъ разсказываетъ, что въ началѣ «прожектированія оренбургской линіи, по всей оной расположены были три «драгунскіе» и три «лодмилицкіе» конные же полки. Драгунскій, оренбургскій, въ коемъ я состоялъ, уфимскій и казанскій откомандированы въ походъ въ 1768 году, а 1772 года изъ трехъ «лодмилицкихъ» полковъ учреждены легкія полевыя команды, изъ оставшихся же вновь сформированы гарнизонные баталіоны, которыхъ числомъ десять. Изъ нихъ четыре оставлены въ Оренбургѣ, подъ названіемъ оренбургскихъ, пятый въ Ставрополѣ, который и прежде стоялъ и назывался ставропольскимъ, а протчіе пять расположены на линіи и наименованы по названію крѣпостей, а именно: Озернинскій, что нынѣ Орскій (это въ 1784 году) [1]), Кизильскій, Верхояицкой, Троицкой и Звѣриноголовской». «А какъ я, замѣчаетъ авторъ, имѣлъ въ Звѣриноголовской станицѣ домъ, то и просился о переводѣ меня въ тотъ баталіонъ, «на что и резолюція послѣдовала». Съ 1773 года начинаются уже воспоминанія о пугачевскомъ бунтѣ, но и первая половина записокъ не лишена интереса, какъ указаніе на исторію Оренбургскаго края, почти отъ начала ея, до обстоятельствъ предшествовавшихъ появленію Пугачева. А обстоятельства эти, какъ видно, не были намъ благопріятны: волненія въ Башкиріи, непріязненныя отношенія киргизъ-кайсаковъ, грабившихъ наши пограничныя селенія, о чемъ часто говорится въ запискахъ, недовольство заводскихъ помѣщичьихъ крестьянъ и мятежи яикскихъ казаковъ, недовольныхъ новыми порядками, вводимыми въ ихъ войсковое управленіе, не предвѣщали ничего добраго. Казалось, что все недовольное ожидало только предлога, чтобы открыто начать мятежъ, — предлогъ этотъ въ лицѣ Пугачева не заставилъ себя ждать, и «яицкое казачество» первое подняло знамя бунта [2]).

---

[1]) Нынѣ Орскъ уѣздный городъ Оренбургской губерніи; въ немъ стоитъ уѣздная команда. Прочія крѣпости давно упразднены.

[2]) Продолжая розыскивать, *кому именно* принадлежали записки современника и очевидца о пугачевскомъ бунтѣ, я получилъ наконецъ отъ здѣшняго исправника В. К. Чупина достовѣрное и точное свѣдѣніе объ авторѣ ихъ. Записки въ подлинникѣ хранятся именно у него.

Найденныя мною, въ Эткульской станицѣ оренб. казач. войска (Челяб. уѣзда, отъ города 40 верстъ), записки о пугачевщинѣ, какъ то оказывается теперь, принадлежатъ перу отставного поручика Андрея Егоровича Поспѣлова, который умеръ въ 1811 году; онъ жилъ въ Звѣриноголовской крѣпости, гдѣ имѣлъ свой домъ, о чемъ, какъ мы видѣли, упомянуто имъ въ запискахъ. Домъ этотъ завѣщалъ онъ церкви, которымъ нынѣ владѣетъ нѣкто г. Кукоретинъ. Домъ сохранилъ свой старый видъ екатерининскаго времени и находится противу старой деревянной церкви. Женатъ По-

I.

Прибывши въ Звѣриноголовскую крѣпость, авторъ воспоминаній предполагалъ отдохнуть отъ всѣхъ служебныхъ занятій, наслаждаясь спокойствіемъ гарнизонной службы, но это спокойствіе было очень скоро прервано появленіемъ Пугачева. Приводимъ въ подлинникѣ разсказъ объ этомъ: «Видно угодно было Богу, говоритъ авторъ, за беззаконія наша наказать Россію чрезъ этого варвара; онъ родился на Дону и былъ донской казакъ, имѣлъ жену и дѣтей, но, за многія воровства и разныя преступленія, былъ подъ стражею и подлежалъ тягчайшему наказанію, отъ котораго бѣжалъ и находился въ укрывательствахъ по разнымъ мѣстамъ. Былъ пойманъ въ Казани и содержался болѣе года въ острогѣ, откуда ушелъ. Наконецъ, тоже подъ стражею находился въ Царицынѣ, но и оттолѣ скрылся и, проѣхавъ Волгу, явился въ Узеняхъ, къ Яику принадлежащихъ, гдѣ по большей части прибѣжище имѣютъ раскольники и бѣглые всякаго рода люди». Здѣсь Пугачевъ объявилъ о себѣ, что онъ императоръ Петръ Ѳедоровичъ, о чемъ, будто-бы, какъ свидѣтельствуетъ лѣтопись, было донесено въ Яицкой городокъ, откуда прибыли къ нему, въ видѣ депутаціи, лучшіе люди изъ казацкихъ старшинъ и значительное число казаковъ, за которыми вскорѣ присоединилось къ самозванцу почти все яицкое войско. Такимъ образомъ, увеличивъ толпу свою, онъ двинулся въ походъ. А какъ въ Яицкомъ городкѣ находился полковникъ Симоновъ съ баталіономъ, то Пугачевъ, неувѣренный въ своихъ силахъ и по совѣтамъ руководившихъ его дѣйствіями казаковъ, оставивъ въ сторонѣ Яицкій городокъ, принялъ трактъ свой къ Оренбургу; куда слѣдуя, всѣ попутныя крѣпости, какъ-то: Нижнеозерную, Розсыпную, Татищевскую и Чернорѣчинскую [1]), какъ малолюдныя и не принявшія, за невѣдѣніемъ его умысла, должной предосторожности, легко взялъ. Комендантовъ этихъ крѣпостей и всѣхъ, по выраженію автора, «имѣющихъ благородное наименованіе, безъ изъятія предалъ мучительной смерти». Все это Пугачевъ сдѣлалъ такъ скрытно, что въ Оренбургѣ ничего не знали о случившемся. Изъ всѣхъ же занятыхъ имъ крѣпостей,

---

спѣловъ не былъ, но имѣлъ незаконнорожденнаго сына, который и нынѣ живетъ, въ глубокой старости, въ качествѣ оспопрививателя, подъ фамиліею Ѳедорова, въ селѣ Становскомъ, Челябинскаго уѣзда. У Андрея Егоровича былъ еще братъ Михаилъ Егоровичъ Поспѣловъ, который въ чинѣ полковника умеръ въ Иркутскѣ, въ какое именно время—свѣдѣній нѣтъ.

[1]) Нынѣ станицы оренбургскаго казачьяго войска.

онъ забиралъ съ собою артиллерію, порохъ, ружья, воинскіе припасы и людей, что значительно увеличивало его военныя средства.

Вскорѣ самозванецъ пришелъ къ Оренбургу и остановился въ Бердской казачьей слободѣ, въ разстояніи отъ города въ семи верстахъ. Тогда только увидѣло оренбургское начальство того времени необходимость въ рѣшительныхъ мѣрахъ; оно дало знать о появленіи Пугачева всѣмъ подвѣдомственнымъ крѣпостямъ, съ приказаніемъ о немедленной высылкѣ (по назначенному количеству отъ каждаго гарнизона) отрядовъ, для защита Оренбурга.

«По этому приказанію (говоритъ авторъ) изъ нашего Звѣриноголовскаго баталіона командированъ былъ секундъ-маіоръ Шкапскій, съ двумя ротами, изъ которыхъ при одной, за неимѣніемъ капитана, находился—я. Мы вступили въ маршъ 14-го октября 1773 года и продолжали путь свой скорыми маршами къ Оренбургу, но получили на пути повелѣніе остановиться въ Верхне-Озерной крѣпости, куда мы прибыли 29 октября; имѣя прежде сего остановку, двое сутокъ, для пріема денежной казны, на жалованье и прогоны, до 3-хъ тысячъ рублей — въ Верхне-Яицкой крѣпости [1]), изъ коей отправлено съ нами исетскихъ казаковъ, при ихъ сотникѣ, сто человѣкъ да башкирцевъ двѣсти человѣкъ. Казаки, согласно полученному въ пути приказанію, оставлены нами въ Орской крѣпости, а башкирцы при слѣдованіи до Озерной всѣ разбѣжались. Въ Озерной находился тогда полковникъ Демаринъ съ весьма малымъ числомъ гарнизона, коего состояло солдатъ не болѣе 80 человѣкъ старыхъ и дряхлыхъ инвалидовъ и конфедератовъ, до сто калмыкъ, до тридцати бердскихъ казаковъ, до 60 башкирцевъ, 45 человѣкъ жителей престарѣлыхъ, отставныхъ солдатъ и казаковъ, на всѣхъ сихъ никакой къ защищенію отъ непріятеля надежды положить было не можно».

Подобный составъ гарнизона тогдашнихъ крѣпостей очень наглядно объясняетъ успѣхъ Пугачевскаго дѣла на первыхъ порахъ.

Прибытіе подкрѣпленія изъ Звѣриноголовской чрезвычайно обрадовало коменданта Верхне-Озерной. Распорядительный полковникъ Демаринъ въ тотъ же день распредѣлилъ всю команду на 8 фасовъ [2]), поручивъ начальство надъ каждымъ особому

---

[1]) Верхнеуральскъ, уѣздный г. Оренб. губер.

[2]) Озерная крѣпость того времени имѣла видъ четыреугольника. Укрѣпленія ея состояли изъ небольшого земляного валика и рва съ шестью бастіонами, и двумя воротами; расположена на ровномъ мѣстѣ и окружена съ одной стороны озеромъ, а съ двухъ другихъ крутыми большими оврагами.

офицеру; въ томъ числѣ автору записокъ достался бастіонъ на серединѣ куртины, къ большому оврагу съ оренбургской стороны. Команда его состояла изъ 25 человѣкъ солдатъ и 45 нерегулярныхъ калмыковъ, башкирцевъ и казаковъ, на которыхъ была весьма сомнительная надежда; «въ слѣдствіе чего, во время сраженія съ непріятелемъ, ихъ размѣщали между солдатами, которымъ было приказано, въ случаѣ если ими будетъ замѣчено въ инородцахъ, или казакахъ намѣреніе измѣнить, колоть таковыхъ безъ всякаго помилованія». Распоряженіе это не было тайной и имѣло свои хорошія послѣдствія, такъ что въ два сильныхъ нападенія непріятеля, какъ инородцы, такъ и казаки дрались съ бунтовщиками, хотя и не особенно охотно и стойко, но были послушны.

Постоянная опасность, угрожавшая Озерной отъ пугачевскихъ полчищъ, была такъ велика, что гарнизонъ, всю осень и зиму, не исключая и фасныхъ начальниковъ, прожилъ въ землянкахъ, нарочно вырытыхъ въ земляномъ валѣ крѣпости.

Въ то время когда въ Верхне-Озерной готовились встрѣтить непріятеля, самозванецъ значительно усиливался прибытіемъ въ его шайку людей разнаго званія, такъ что присоединеніе взбунтовавшихся уральскихъ башкиръ и заводской черни, обольщенной обѣщаніями Пугачева освободить ихъ отъ тяжкихъ крѣпостныхъ работъ, увеличило его толпу до 50-ти тысячъ. Отливши на заводахъ [1]) пушки и увеличивъ такимъ образомъ свою артиллерію, Пугачевъ блокировалъ Оренбургъ, безпокоя его гарнизонъ безпрерывными приступами, при чемъ обѣ стороны несли весьма значительный уронъ убитыми и ранеными. Бригадиръ Корфъ, слѣдующій къ Оренбургу со вспомогательными командами изъ Троицка, Озерной и изъ прочихъ мѣстъ, былъ аттакованъ Пугачевымъ почти подъ пушками Оренбурга и обязанъ своимъ спасеніемъ лишь во-время высланному изъ крѣпости войску. Трофеями самозванцу досталось нѣсколько повозокъ, слѣдовавшихъ сзади отряда. На слѣдующій день, между Оренбургомъ и Чернорѣчинской крѣпостью, Пугачевъ напалъ на слѣдовавшаго со вспомогательною же командою изъ сибирскаго и ставропольскаго баталіоновъ, полковника Чернышева, который, подходя къ Оренбургу, не ожидая нечаяннаго нападенія, шелъ безъ всякой предосторожности. Самозванецъ же, заблаговременно извѣщенный о движеніи вспомогательнаго отряда, расположился.

[1]) Здѣсь авторъ противорѣчитъ разсказу у Пушкина, въ третьей главѣ исторіи, что будто заводы были приведены въ подданство Пугачева Хлопушею, который выслалъ ему оттуда артиллерію. Очевидецъ же говоритъ, какъ увидимъ ниже, что Хлопуша выпущенъ изъ острога *позже присоединенія заводовъ къ Пугачеву*.

съ своею толпою въ густыхъ кустарникахъ, растущихъ по обѣимъ сторонамъ дороги, близъ рѣки Сокмары, по которой долженъ былъ проходить Чернышевъ, и когда этотъ безпечный военноначальникъ вошелъ въ средину засады, Пугачевъ разомъ ударилъ на него всѣми силами [1]). Чернышевъ сражался съ непоколебимымъ мужествомъ, но непріятель, овладѣвъ его артиллеріею, наносилъ ему чрезвычайный уронъ и принудилъ его сдаться. Къ несчастію Чернышева, изъ Оренбурга не успѣли подать ему помощь.

Пугачевъ, взявши Чернышева въ плѣнъ со всѣмъ отрядомъ, состоящимъ изъ 500 человѣкъ пѣхоты при 12-ти офицерахъ [2]), захватилъ 4 мѣдныя орудія съ артиллерійскими запасами, денежныя суммы и весь обозъ, возвратился въ Бердо съ тріумфомъ. На другой день, самозванецъ предлагалъ Чернышеву вступить въ его службу, но храбрый полковникъ отвергъ съ гордостью это предложеніе, называя Пугачева публично воромъ и измѣнникомъ, за что онъ и всѣ офицеры, по приказанію разсвирѣпѣвшаго Пугачева, были тотчасъ повѣшены.

Во время осады Оренбурга, говоритъ современникъ, находился въ немъ губернаторомъ генералъ-поручикъ Рейнсдорфъ [3]), который, понимая всю опасность угрожавшую городу отъ непріятеля, и видя неудачу своихъ вылазокъ противъ него, рѣшился побѣдить самозванца хитростью. Мѣра эта столь оригинальна, что я признаю необходимымъ выписать цѣликомъ разсказъ современника о подсылкѣ Хлопуши къ Пугачеву, съ цѣлію совершенно иной, нежели какъ то разсказывается у Пушкина.

Вотъ этотъ разсказъ: «Генералъ Рейнсдорфъ, видя, что войско его возвращалось съ немалымъ урономъ, и не имѣя возможности избавиться отъ сей опасности, прибѣгнулъ-было къ нѣкоторой хитрости, употребляя всѣ способы къ отысканію такого усерднаго къ отечеству человѣка, который бы пожертвовалъ своею жизнью къ освобожденію города отъ напраснаго разоренія и жителей отъ напрасной смерти. По многомъ стараніи, нашелъ таковаго изъ заключенныхъ въ острогѣ ссыльныхъ колодниковъ, за многіе разбои и душегубства содержащагося, прозва-

[1]) Пушкинъ приписываетъ погибель Чернышева измѣнѣ нарочно подосланнаго къ нему Пугачевымъ сотника Подурова. Глава 3-я стр. 41.

[2]) Пушкинъ говоритъ, что въ отрядѣ Чернышева находились 30 человѣкъ офицеровъ, но намъ кажется, что число это преувеличено, соображаясь съ числительностью отряда, и показанія современника едвали не вѣроятнѣе. Далѣе Пушкинъ говоритъ, что Чернышевъ имѣлъ дѣло съ Пугачевымъ прежде Корфа, что также противорѣчитъ сказаніямъ очевидца. Глава III, стр. 41.

[3]) Пушкинъ называетъ Рейнсдорфа Рейнсдорпомъ.

ніемъ Хлопушу, который, какъ бы въ знакъ своего раскаянія, съ охотою на сіе согласился, съ великою клятвою и заклинаніемъ, обѣщаясь, по разрѣшеніи его отъ узъ и по выпускѣ изъ города, явясь къ сему злодѣю, при удобномъ къ тому случаѣ, умертвить соннаго и тѣмъ возстановить тишину въ государствѣ [1])». «Смерть-де моя, говорилъ онъ (Хлопуша) чинимая мною предъ симъ уменьшитъ злодѣйства, за которыя безпрестанно угрызаетъ меня совѣсть, за что можетъ получу отъ Создателя моего прощеніе грѣхамъ моимъ». Такъ повѣря его льстивымъ словамъ и чрезвычайной клятвѣ, разрѣша Хлопушу отъ узъ, выпустили его изъ города въ томъ уповаціи, что онъ неминуемо исполнитъ свое обѣщаніе.

«Но какъ посуда, въ которой бывалъ Діогенъ, напитавшись его духу, не можетъ ничѣмъ отъ него освободиться,—кромѣ огня, подобно сему и сей извергъ Хлопуша, наполненъ будучи всякаго распутства и кровожадности, можетъ ли уже быть честнымъ человѣкомъ и дѣлать что на пользу, на что онъ не рожденъ?! Какъ скоро получилъ онъ отъ оковъ освобожденіе, такъ и забылъ всѣ свои клятвенныя обѣщанія, какія чинилъ при отпускѣ его; а потому, представъ предъ Пугачева, объявилъ ему, что онъ невольникъ, нарочно выпущенный изъ острога для умерщвленія его; «но сіе гнусное предпріятіе, продолжалъ Хлопуша, исполнить не въ состояніи и не намѣренъ, а предаю всего себя въ ваше милостивое распоряженіе съ непреклоннымъ обѣщаніемъ хранить ваше здравіе и служить вамъ со всякою вѣрностію, до послѣдней капли крови не жалѣя живота своего». Злодѣй удивился сему нечаянному предувѣдомленію и особливо чистосердечному открытію сего изверга, съ великими похвалами благодарилъ его, произведя прямо въ полковники и наградя щедро, командировалъ его, спустя немного времени, съ 4-мя тысячами, для приведенія подъ его злодѣйское подданство крѣпостей: Пречистенской, Воздвиженской и Верхне-Озерной, въ которой мы тогда съ господиномъ полковникомъ Демариномъ находились».

Исполняя порученіе Пугачева, Хлопуша, въ чинѣ полковника, командуя 4-хъ-тысячной толпою мятежниковъ, въ непродолжи-

---

[1]) А. С. Пушкинъ разсказываетъ, что Хлопуша былъ выпущенъ Рейнсдорпомъ, для тайнаго распространенія въ пугачевскомъ станѣ увѣщевательныхъ манифестовъ, что, по моему мнѣнію, могло быть исполнено всякимъ перебѣжчикомъ и для такого маловажнаго порученія не было основанія выпускать острожнаго каторжника, который хорошо зная край, могъ быть полезенъ Пугачеву. Скорѣе можно согласиться съ современникомъ, что Рейнсдорфъ, уговорившн Хлопушу убить самозванца, разсчитывалъ разомъ отдѣлаться отъ обоихъ разбойниковъ, такъ какъ приверженцы пугачевскіе не замедлили бы отмстить смерть своего предводителя.

тельномъ времени, почти безъ всякаго сопротивленія, взялъ крѣпости Пречистенскую и Воздвиженскую и двинулся къ Озерной, въ которой не было ничего извѣстно о взятіи упомянутыхъ крѣпостей, потому что всѣ сообщенія были прерваны бунтующими.

II.

Въ ночь на 18 ноября 1773 года, говорятъ записки, Хлопуша подошелъ къ Верхне-Озерной и, пользуясь ночной темнотою, разставилъ во многихъ мѣстахъ свою артиллерію, чтобы съ разныхъ сторонъ разомъ открыть огонь по крѣпости; толпу же свою, которой число значительно увеличилось съ присоединеніемъ гарнизоновъ взятыхъ имъ крѣпостей, ввелъ въ имѣвшіеся по обѣ стороны крѣпости овраги. Всѣ эти приготовленія къ аттакѣ сдѣланы были Хлопушей столь тихо, что въ крѣпости не было ничего слышно, и нечаянное нападеніе бунтовщиковъ легко могло увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, еслибъ одинъ изъ числа ихъ, вѣроятно плѣнникъ, не подалъ сигнала наружнымъ часовымъ тремя ружейными выстрѣлами, въ разстояніи не болѣе ста саженъ отъ вала. Сигналъ этотъ былъ услышанъ и часовые дали знать полковнику Демарину, который въ ту же минуту приказалъ бить тревогу, а гарнизонъ не замедлилъ занять свои мѣста. Предосторожность эта была причиной того, что Хлопуша не рѣшился тотчасъ-же начать приступъ, и это обстоятельство, по выраженію лѣтописца, послужило въ пользу осажденнымъ; потому что во время ночного нападенія всѣ тѣ, на вѣрность которыхъ была плохая надежда, могли передаться бунтовщикамъ, и крѣпость была бы взята Хлопушей. Предводитель мятежниковъ, не рѣшаясь идти на приступъ, открылъ сильный огонь по крѣпости, продолжавшійся до самаго разсвѣта, но безъ всякаго вреда. Съ крѣпости, чтобы не подать подозрѣнія въ неисправности, отвѣчали пушечной пальбою, но холостыми зарядами, сберегая боевые заряды для болѣе рѣшительныхъ минутъ. Съ наступленіемъ дня, пушка, поставленная противъ фаса, на которомъ находился очевидецъ, начала-было наносить вредъ гарнизону, отъ котораго защищалъ его нѣсколько земляной валъ, въ который часто ударялись непріятельскія ядра; однако было убито непріятельскими выстрѣлами нѣсколько калмыцкихъ лошадей, стоявшихъ позади крѣпостной баттареи. Двумя или тремя удачными выстрѣлами, говоритъ очевидецъ, пушка, наносившая намъ вредъ, была сбита нами «и весьма повреждена», такъ что непріятель принужденъ былъ оставить эту позицію. Противу

углового бастіона, смежнаго съ тѣмъ, который занималъ очевидецъ, за небольшой избой, до половины врытой въ землю, бунтовщики поставили другую пушку, выстрѣлы которой наносили сильный вредъ осажденнымъ; заставить же ее замолчать крѣпостные артиллеристы долго не имѣли возможности, такъ какъ непріятель, сдѣлавши выстрѣлъ, утаскивалъ орудіе за избу и по заряженіи ставилъ его на мѣсто для новаго выстрѣла. Наконецъ удалось крѣпостнымъ канонирамъ удачнымъ выстрѣломъ, въ тотъ моментъ, когда бунтующіе вытащили пушку, оторвать у нея часть дула. Такая удача, говоритъ современникъ, избавила насъ отъ пушечныхъ выстрѣловъ непріятеля.

Послѣ канонады началась съ обѣихъ сторонъ сильная ружейная стрѣльба. Засѣвшіе въ оврагахъ толпы бунтовщиковъ нѣсколько разъ бросались на приступъ, но каждый разъ были отбиваемы картечью съ значительнымъ урономъ, заставившимъ отказаться отъ дальнѣйшихъ приступовъ. Послѣ этой неудачи непріятель снова засѣлъ въ оврагахъ и производилъ безпрестанную ружейную, пушечную и изъ луковъ пальбу, не причиняя осажденнымъ почти никакого вреда, что современникъ объясняетъ гадательно, или малымъ искусствомъ ихъ артиллеристовъ, или нежеланіемъ послѣднихъ наносить вредъ крѣпости, такъ какъ они силою были завербованы, изъ взятыхъ крѣпостей, въ войско Хлопуши. Много, говоритъ онъ, было пустыхъ выстрѣловъ, а еще больше пущено было черезъ крѣпость. Хлопуша рѣшился на отчаянный приступъ; но не имѣлъ успѣха, и, отбитый съ значительнымъ урономъ, при захожденіи солнца отступилъ отъ крѣпости. Замѣчательно то обстоятельство, что Хлопуша старался скрыть отъ осажденныхъ свою потерю въ людяхъ и поэтому, предъ вторымъ приступомъ, онъ приказалъ тайно собрать тѣла убитыхъ въ такое мѣсто гдѣ бы ихъ не было видно. Съ нашей стороны, говоритъ лѣтописецъ, было убито 1 капралъ, 1 солдатъ, 3 казака, 1 башкирецъ, да въ крѣпости двѣ женщины и 9 раненыхъ, а всего разнаго званія 15 человѣкъ. Всю слѣдующую ночь гарнизонъ изъ предосторожности простоялъ въ ружьѣ, готовясь ежеминутно встрѣтить непріятеля. Въ эту ночь, нѣкоторые часовые слышали вдали пушечную стрѣльбу, не зная чему приписать эти выстрѣлы; но вскорѣ получили извѣстіе, что Пугачевъ, узнавъ о движеніи генералъ-майора Кара, спѣшившаго на помощь къ Оренбургу, встрѣтилъ его со всѣми своими силами, не болѣе какъ въ ста верстахъ отъ Оренбурга. Нечаяннымъ на него нападеніемъ Пугачевъ привелъ весь отрядъ генерала Кара въ невыразимый ужасъ, такъ что солдаты, побросавъ свое оружіе, передались самозванцу и выдали своихъ

руками всѣхъ офицеровъ, которыхъ Пугачевъ повѣсилъ. Генералъ Каръ едва могъ спастись бѣгствомъ [1]).

Съ отступленіемъ Хлопуши отъ Верхне-Озерной, по его приказанію, крѣпость держали въ блокадѣ кондуровскіе татары, соединившись съ башкирами, и своими безпрестанными нападеніями, днемъ и ночью, держали гарнизонъ въ страхѣ въ теченіи 8-ми сутокъ. Положеніе крѣпости было дѣйствительно ужасно; всѣ сообщенія съ нею были прерваны мятежниками; изъ крѣпости не представлялось никакой возможности выѣхать за хлѣбомъ, за дровами или за кормомъ для лошадей. Между тѣмъ бунтовщиками было сожжено все обывательское сѣно, вслѣдствіе чего скотъ умиралъ голодной смертью; тѣ же изъ смѣльчаковъ, которые рисковали выѣхать за крѣпость съ цѣлію накосить камыша для прокормленія своей скотины, попадали въ плѣнъ къ бунтовщикамъ, скрывавшимся въ кустахъ, или были убиваемы на мѣстѣ.

Послѣ пораженія генерала Кара, Пугачевъ возвратился въ Бердо и здѣсь узналъ отъ Хлопуши о неуспѣхѣ его подъ Верхне-Озерной [2]). Неудача сообщника раздражила самозванца и онъ, нисколько не мѣшкая, увеличилъ толпу Хлопуши еще тремя тысячами, принялъ личное начальство надъ этой сволочью, и двинулся для взятія Верхне-Озерной. Въ пути Пугачевъ перемѣнилъ свое намѣреніе и, вмѣсто того чтобы идти на Озерную, пошелъ по направленію къ крѣпости Ильинской, гарнизонъ которой состоялъ изъ двухъ ротъ подъ начальствомъ майора Заева, и изъ небольшого числа казаковъ. Пугачевъ появился совершенно неожиданно передъ Ильинской и началъ тотчасъ же приступъ, открывъ предварительно убійственный огонь изъ бывшихъ при немъ орудій. Бой продолжался съ утра и до вечера, и хотя гарнизонъ упорно защищался, но видимое превосходство въ силахъ непріятеля побѣдило его мужество, и крѣпость была взята; чему особенно способствовало то обстоятельство, что крѣпость, не имѣя земляного вала, «была обнесена ветхимъ деревяннымъ за-

---

[1]) Въ исторіи Пушкина разсказъ о сраженіи Кара съ Пугачевымъ переданъ нѣсколько иначе: по его словамъ Каръ 8 часовъ отстрѣливался изъ своихъ 5-ти пушекъ, бросилъ свой обозъ и потерялъ (если вѣрить его донесенію) не болѣе 120 человѣкъ убитыми, ранеными и бѣжавшими». Впрочемъ Пушкинъ самъ сомнѣвается въ вѣрности донесенія Кара. Глава III, стр. 89.

[2]) Это показаніе очевидца опровергаетъ разсказъ Пушкина о соединеніи Хлопуши съ Пугачевымъ для дѣйствія противъ генерала Кара, и въ самомъ дѣлѣ, въ ту ночь, когда Хлопуша отступилъ отъ Озерной, въ которой находился очевидецъ, генералъ Каръ былъ разбитъ Пугачевымъ, и Хлопуша не могъ поспѣть на соединеніе съ самозванцемъ.

плотникомъ», который не могъ выдержать сильной канонады непріятельской артиллеріи и былъ сбитъ до основанія.

«Невозможно изобразить вкорененной злобы и варварства сего злодѣя, говоритъ современникъ, какое онъ оказалъ при взятіи сей несчастной крѣпости; первое, маіора Заева и всѣхъ не токмо офицеровъ, но и унтеръ-офицеровъ и капраловъ, словомъ всѣхъ большихъ и малыхъ чиновниковъ приказалъ повѣсить, а иныхъ и другимъ разнымъ смертямъ предать, равножъ и изъ солдатъ оставилъ самую малѣйшую часть, сверхъ же сего безчеловѣчный сей извергъ не могъ удовольствоваться и насытить кровожадную душу свою мщеніемъ немалаго числа мужескаго пола людей, предалъ всѣхъ женщинъ смерти, не щадя притомъ малыхъ дѣтей и беззлобіевыхъ младенцевъ».

Забравши денежныя суммы, какія нашелъ въ крѣпости, провіантъ, артиллерію, съѣстные припасы, ружья и весь порохъ, въ которомъ онъ особенно нуждался, самозванецъ отправилъ все это окольными дорогами въ Бердо; «а потомъ всю крѣпость обратилъ въ пепелъ, такъ что ни кола не осталось».

На другой день Пугачевъ отправился обратно, въ намѣреніи осадить Озерную, но на пути получилъ извѣстіе, что въ Оренбургѣ начинается голодъ, вынудившій Рейнсдорфа выпустить изъ города 500 исетскихъ казаковъ подъ начальствомъ атамана Севастьянова, и что казаки эти должны будутъ ночевать въ Красноярской крѣпости. Желаніе Пугачева захватить означенныхъ казаковъ второй разъ заставило его оставить въ сторонѣ Озерную и остановиться въ Кондуровской татарской слободѣ, гдѣ, переночевавъ, ожидалъ онъ прибытія помянутыхъ казаковъ въ Гирьяльскій редутъ (послѣдній къ Озерной крѣпости), расположась со всею арміею неподалеку отъ этого редута, въ горахъ, съ которыхъ можно было видѣть движеніе казачьяго отряда. Когда казаки прибыли въ Гирьяльскій редутъ и расположились на отдыхъ, часть изъ нихъ, по распоряженію атамана Севастьянова, была отправлена за сѣномъ. Спустя нѣкоторое время, Пугачевъ окружилъ ихъ и требовалъ сдачи; казаки, не надѣясь устоять въ битвѣ съ многочисленными силами самозванца, принуждены были сдаться. Пугачевъ тотчасъ-же приказалъ повѣсить атамана, есаула и всѣхъ офицеровъ, не взирая на то, что они не сопротивлялись ему и просили о помилованіи. Простыхъ же казаковъ, по приводѣ къ присягѣ на вѣрность, распредѣлилъ между своими толпами, и въ три часа по полуночи выступилъ къ Озерной. Въ ночь на 26-е ноября, когда Пугачевъ находился въ Гирьяльскомъ редутѣ, около полуночи къ Верхне-Озерной прибѣжало до 30-ти исетскихъ казаковъ, просившихся впустить ихъ въ крѣ-

пость и тѣмъ спасти отъ злодѣя, который разбилъ ихъ пятисотенную команду, выпущенную изъ Оренбурга, и объяснявшихъ свое спасеніе откомандированіемъ ихъ за фуражемъ; возвращаясь откуда, они издали узнали объ участи своихъ товарищей и, побросавъ воза, рѣшились искать спасенія въ Озерной. Эти же казаки предупредили озерининскій гарнизонъ о близости Пугачева. Хотя показанія ихъ были чистосердечны и заслуживали полнаго вѣроятія, но ихъ долго не хотѣли впустить въ крѣпость, а потомъ хотя они и были впущены, но полковникъ Демаринъ изъ предосторожности велѣлъ посадить ихъ въ пустой погребъ, двери котораго, по его приказанію, были завалены лѣсомъ и къ погребу приставленъ караулъ.

На разсвѣтѣ наступающаго дня, т.-е. 26 ноября, Пугачевъ показался на горѣ по направленію съ оренбургской стороны, въ разстояніи отъ крѣпости верстахъ въ двухъ и, для устрашенія гарнизона, расположился съ своими главными силами на этой горѣ, на значительныхъ интервалахъ, а сзади горы поставилъ башкирцевъ и другой сбродъ почти ничѣмъ невооруженный, которому приказывалъ гикать (т.-е. кричать съ визгомъ), думая этимъ гамомъ многочисленной толпы навести паническій страхъ на осажденныхъ [1]). Однакожъ хитрость эта ему не удалась, во первыхъ, потому, что главныя его силы, будучи разбросаны небольшими отрядами по горѣ, казались за двѣ версты маленькими кучками, и во-вторыхъ, гиканье трусливыхъ башкиръ почти недоносилось до крѣпости. Постоявши на горѣ съ четверть часа, самозванецъ сталъ спускаться въ оврагъ, начинавшійся отъ фаса очевидца въ разстояніи 30 саженъ и простиравшійся на 10 верстъ. Спустившись въ него со всѣми силами, Пугачевъ вдругъ пропалъ изъ виду стоявшихъ на валу, потому что оврагъ былъ широкъ и глубокъ. Здѣсь Пугачевъ употребилъ въ дѣло новую хитрость: онъ, какъ полагаетъ очевидецъ, раздѣлилъ свою толпу на двѣ части, которымъ приказалъ напасть одной на другую, открывъ съ обѣихъ сторонъ сильную перестрѣлку. Хитростью этой Пучачевъ хотѣлъ обмануть гарнизонъ крѣпости, подавши поводъ думать, что осаждающіе сражаются между собою, и тѣмъ вызвать полковника Демарина въ поле, чтобы тотчасъ же окружить его со всѣхъ сторонъ и взять въ плѣнъ. Но и эта хитрость ему не удалась; гарнизонъ крѣпости дѣйствительно былъ пора-

---

[1]) Очевидецъ и защитникъ Озерной опровергаетъ разсказъ Пушкина о томъ, что крѣпость эта была два раза осаждаема Пугачевымъ, даже и числа, выставленныя имъ, противорѣчатъ Пушкинскимъ; такъ Пушкинъ говоритъ, что самозванецъ пришелъ къ Озерной (во второй разъ) 30 ноября, а очевидецъ, какъ сказано выше, говоритъ, что осада началась 26 ноября.

женъ маневромъ самозванца и полковникъ Демаринъ долго колебался, что ему предпринять: пользуясь ли усобицей у непріятеля, неожиданной вылазкой ударить на него и обратить въ бѣгство, или держаться выжидательной системы, и по нѣкоторомъ размышленіи, какъ говоритъ лѣтописецъ, призналъ раціональнымъ послѣднее и тѣмъ спасъ крѣпость.

Отвлекая вниманіе гарнизона мнимой усобицей, Пугачевъ сдѣлалъ свои распоряженія, готовясь къ приступу; онъ раздѣлилъ свои силы на двѣ части, одну оставилъ въ сказанномъ выше оврагѣ, а другой приказалъ спѣшиться, и пользуясь мѣстностью, позади пригорковъ ввелъ по другую сторону крѣпости въ оврагъ такъ скрытно, что движенія этого осажденные замѣтить не могли. На находившіяся въ лицевой сторонѣ крѣпости, на разстояніи ста саженъ, небольшія двѣ горки (противъ угловыхъ бастіоновъ) поставилъ нѣсколько единороговъ, и какъ всё было исполнено, тотчасъ же приказалъ начать канонаду изъ всѣхъ орудій; при чемъ всегда, послѣ выстрѣла, мятежники увозили орудія за эти горки и зарядивши ставили опять на прежнее мѣсто; ружейной же перестрѣлки еще не было.

Вскорѣ, самозванецъ, окруженный свитой человѣкъ въ 50 яицкихъ казаковъ, подъ краснымъ знаменемъ показался между своими пушками и крѣпостью весьма въ близкомъ разстояніи, и проѣзжая очень тихо, мимо крѣпостныхъ стѣнъ, останавливался на нѣкоторое время для переговоровъ съ осажденными. Передаю эти переговоры въ той формѣ, какъ они записаны очевидцемъ:

«Тѣлохранители Пугачева увѣщевали всѣхъ насъ сими словами: «Взирайте всѣ, о вы, солдаты, казаки, калмыки и башкиры, взирайте на своего государя Петра Федоровича! вотъ онъ изволитъ шествовать подъ этимъ знаменемъ, и не мѣшкавъ сдайте крѣпость и вашихъ начальниковъ; вамъ никакого озлобленія учинено не будетъ, государь милосердъ, прощаетъ васъ во всѣхъ вашихъ преступленіяхъ; а если вы сего не учините, почувствуете всю тяжесть его монаршаго гнѣва, по взятіи сей крѣпости!...»

«Храбрые солдаты наши (говоритъ очевидецъ) на сіе увѣщеваніе ихъ съ поносительствомъ соотвѣтствовали сими словами: «У насъ нѣтъ государя, кричали они, и всѣ мы совершенно знаемъ, что Петра Федоровича давно уже на свѣтѣ нѣтъ, онъ преставился и погребенъ, въ Петербургѣ, что всему государству извѣстно! А у насъ нынѣ императрицей Екатерина Алексѣевна, государыня благоразумная, кроткая и милосердая, которую мы всѣ любимъ и почитаемъ, за которую стоимъ и продолжать будемъ наше ратоборство съ вами до послѣдней капли крови!

Очувствуйтесь, о вы, яицкіе казаки, продолжали солдаты, смягчите злостью наполненныя и кровожаждущія сердца ваши; познайте свою непростительную погрѣшность, разсмотрите прозорливыми очами кому вы служите; коего вы теперь называете государемъ, сей есть самозванецъ, воръ и извергъ рода человѣческаго, съ Дону простой казакъ Емелька Пугачевъ, который заворовавшись бѣжалъ оттолѣ и присталъ къ вамъ, таковымъже подобнымъ себѣ ворамъ. Вы же приняли его къ себѣ не съ таковымъ намѣреніемъ чтобы утвердить въ величествѣ, безсомнѣнно зная всѣ, кто онъ таковъ; но для того единственно, чтобы напитаться вкорененнымъ въ васъ хищничествомъ, разбойникамъ принадлежащимъ и напоить себя неповинною кровью вами умерщвленныхъ людей, вдовъ и сиротъ и беззлобныхъ младенцевъ».

Послѣ этихъ переговоровъ пугачевская свита обратилась къ тѣмъ казакамъ, которые прибѣжали въ Озерную ночью: «А вы, исетскіе казаки, кричала свита, съ тѣмъ ли сюда посланы, чтобы по сіе время молчать и не исполнять даннаго вамъ отъ насъ приказанія, что мѣшкаете и не зажигаете ни въ какомъ мѣстѣ крѣпость». «Но предосторожность наша, говоритъ очевидецъ, избавила насъ отъ зажигателей, засаженныхъ полковникомъ въ погребъ, откуда они безъ посторонней помощи не могли выйти. Солдаты, будучи оскорблены поношеніемъ и угрозами самозванца, открыли ружейный огонь, но (говоритъ современникъ) Богу видно угодно было грѣхъ нашихъ ради попустить сего самозванца для нашего наказанія, не только его, но и единаго человѣка изъ его свиты травить не могли и они остались безъ всякаго повреждения».

Миновавши крѣпость, Пугачевъ спустился въ малый оврагъ и тотчасъ же открылъ сильный ружейный огонь; но какъ оврагъ былъ слишкомъ глубокъ, то для выстрѣла бунтующіе выбѣгали наружу и терпѣли пораженіе отъ мѣткаго огня съ крѣпости, что значительно охлаждало ихъ запальчивость. Самозванецъ, видя значительную убыль людей въ рядахъ мятежниковъ и принимая во вниманіе близкое разстояніе оврага отъ крѣпости, приказывалъ толпамъ своимъ идти на приступъ, ободряя ихъ крикомъ «грудью, други!» но никто не трогался съ мѣста, и бунтовщики отвѣчали своему предводителю: «да сунься-ка самъ! развѣ не видать, какъ намъ пули въ лобъ прилетаютъ». Въ тоже самое время, изъ поставленныхъ противъ угловыхъ бастіоновъ пушекъ производилась безпрерывная пальба, которая въ началѣ почти была недѣйствительна, но когда прибылъ туда Пугачевъ и перепоролъ нагайками, въ виду крѣпости, своихъ артиллеристовъ,

то выстрѣлы послѣднихъ стали наносить сильный вредъ осажденнымъ; особливо пока находился на батареяхъ самъ Пугачевъ, приказывавшій стрѣлять вдоль по куртинамъ. Это распоряженіе самозванца показываетъ намъ, что онъ близко былъ знакомъ съ моральнымъ впечатлѣніемъ, какое производитъ дѣйствіе артиллерійскаго огня во флангъ. Такое распоряженіе было не безуспѣшно: у осажденныхъ оказался значительный уронъ и многіе упали духомъ; прежде всѣхъ смѣшались калмыки, и оставивъ стѣны, спѣшили укрыться въ землянкахъ, вырытыхъ въ валу. Полковникъ Демаринъ приказывалъ выгонять бѣжавшихъ на свои мѣста; а какъ распоряженіе это сопровождалось различными безпорядками, то и внушило мысль Пугачеву, что между осажденными идетъ разладъ, и онъ рѣшился, пользуясь минутой, идти на штурмъ, но встрѣченный сильнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ былъ отброшенъ, съ большимъ урономъ, обратно въ оврагъ, и болѣе уже не отваживался на приступы. По отбитіи штурма, полковникъ Демаринъ сосредоточилъ артиллерійскій огонь противъ непріятельскихъ батарей, препятствуя своими выстрѣлами правильному дѣйствію непріятельскихъ орудій, и мѣткостью крѣпостныхъ выстрѣловъ заставилъ непріятеля сняться съ позиціи, и прекратить канонаду. Дѣйствіе артиллеріи уже не возобновлялось болѣе, за то ружейная перестрѣлка неумолкала съ обѣихъ сторонъ до самой ночи.

На другой день, досадуя на неуспѣхъ, Пугачевъ отступилъ отъ крѣпости, обѣщаясь придти къ ней съ свѣжими силами, чтобы взять Озерную непремѣнно и разорить ее до основанія, безъ всякой пощады гарнизону. По отступленіи Пугачева, неизмѣнные союзники его, кондуровскіе татары и башкиры снова окружили крѣпость и безпрестанно безпокоили нападеніями ея гарнизонъ [1]). Пугачевскіе союзники были для осажденныхъ пожалуй опаснѣе Пугачева, потому что не проходило дня, особливо праздничнаго, чтобы они не сдѣлали нападенія, разсчитывая на оплошность осажденныхъ. Эти набѣги продолжались до тѣхъ поръ, пока не выпалъ глубокій снѣгъ, который, препятствуя дѣйствію въ разсыпную, заставилъ непріятеля отступить отъ крѣпости.

Когда была снята блокада Верхне-Озерной, исетскіе казаки-заключенники были выпущены изъ погреба и подвергнуты полковникомъ Демаринымъ строгому допросу, насколько справедливы

---

[1]) Объ осадѣ Верхне-Озерной крѣпости, въ отсутствіе Хлопуши и Пугачева, татарами кондуровской слободы и башкирами, ничего не сказано въ исторіи Пугачевскаго бунта. Пушкина. Объ осадѣ Озерной у Пушкина сказано не болѣе 10-ти строчекъ.

показанія Пугачевской свиты, относительно подсылу ихъ для зажженія крѣпости, во время нападенія самозванца; но казаки съ клятвою отреклись отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ и были освобождены изъ-подъ ареста.

III [1]).

«Сверхъ же сихъ злодѣйскихъ набѣговъ, говоритъ очевидецъ, повстрѣчалось съ нами еще другое, да и немалое несчастіе, т.-е. въ недостаткѣ провіанта, который долженствовало перевозить изъ Орской крѣпости въ разстояніи 150 верстъ безъ жительствъ и дороги; а какъ мы содержались въ безпрестанной блокадѣ, то и послать намъ за онымъ (провіантомъ) отъ сего было не можно, почему и пришли всѣ мы въ крайнюю опасность». Таково было положеніе Верхне-Озерной крѣпости во время осады ея кондуровскими татарами и башкирами. Въ Орской въ то время находился генералъ Станиславскій, къ нему-то полковникъ Демаринъ и обратился съ требованіемъ о немедленной присылкѣ провіанта, при безопасномъ прикрытіи, угрожая въ случаѣ промедленія невозможностью защищать крѣпость. Но какъ всѣ пути отъ Озерной до Орской были заперты мятежниками, то требованіе о провіантѣ пришлось отправить съ двумя казаками, вызвавшимися, за 25 рублей каждому, доставить его генералу Станиславскому. Охотники были выпущены изъ крѣпости ночью съ приказаніемъ слѣдовать позади рѣки Яика, по возможности безопасными мѣстами и быть пѣшими, а чтобы не попасться въ руки непріятелю или киргизъ-кайсакамъ, велѣно имъ слѣдовать ночами. Черезъ 10 дней казаки, претерпѣвшіе задержку въ пути отъ стужи и киргизовъ, прибыли наконецъ въ Орскую крѣпость и доставили требованіе Станиславскому.

Получивши требованіе, генералъ-майоръ Станиславскій отправилъ провіантъ на 85 подводахъ, положа на каждую только по двѣ четверти, опасаясь бо́льшей тяжестью обременить слабосильныхъ лошадей, которымъ предстоялъ бездорожный путь. Транспортъ отправился подъ прикрытіемъ роты мушкатеръ, при двухъ единорогахъ и прибылъ 8 января 1774 года въ Озерную, какъ выражается авторъ записокъ, «къ великому нашему неугодованію». Но такъ какъ продовольствія этого могло достать

[1]) Глава эта составляетъ совершенно новую страницу Пугачевскаго бунта, такъ какъ ея содержаніе не было извѣстно историку Пугачевщины.

лишь на короткое время, то полковникъ Демаринъ еще два раза посылалъ въ Орскую за провіантомъ. Въ послѣдній разъ требованіе было отправлено съ самимъ очевидцемъ Пугачевскаго бунта, которому при обратномъ слѣдованіи въ Озерную генералъ Станиславскій отказалъ въ конвоѣ на томъ основаніи, что Орской угрожала тогда опасность. Опасность эта заключалась въ умыслѣ орскихъ казаковъ изъ татаръ, по отправленіи конвоя, значительно уменьшавшемъ числительность гарнизона, сдать крѣпость Пугачеву. Измѣнники послали къ самозванцу нарочныхъ съ извѣстіемъ, чтобы онъ прибылъ къ нимъ въ условленное время, но предварительно увѣдомилъ бы ихъ о своемъ приближеніи, для того чтобы могли они ночью истребить всѣхъ солдатъ, разставленныхъ у нихъ по квартирамъ, и тѣмъ содѣйствовать успѣшному взятію крѣпости.

Одинъ изъ числа заговорщиковъ рѣшился выдать своихъ товарищей и почти въ ту же минуту, какъ были отправлены казаками нарочные къ Пугачеву, онъ явился къ генералу Станиславскому и открылъ ему заговоръ; послѣдній тотчасъ же приказалъ всѣхъ казаковъ, «оставя только малыхъ ребятъ», забивъ въ колодки, посадить въ винный выходъ, вырытый въ горѣ, взявши изъ него вино; въ погоню же за посланными къ самозванцу былъ командированъ офицеръ съ 20-ю драгунами, который на четвертый день, догнавъ нарочныхъ и отобравши у нихъ письмо къ Пугачеву, представилъ ихъ къ генералу. «Хотя сіи злодѣи при допросахъ, кои чинены имъ пристрастно, съ великимъ истязаніемъ, и чинили во всемъ запирательство, но привезенное письмо явно изобличило ихъ измѣну, за что къ чувствительному ихъ наказанію генералъ приказалъ всѣ дома ихъ разломать до основанія и раздать жителямъ».

«По таковымъ обстоятельствамъ,—продолжаетъ авторъ,—не получивши я ни малѣйшаго прикрытія, принужденнымъ нашелся отправиться въ путь свой, имѣя только для конвоированія взятыхъ изъ Озерной 25 человѣкъ калмыкъ, на коихъ никакой надежды положить было не можно и въ слѣдованіи моемъ всякую минуту бывъ въ величайшей опасности, ожидалъ на себя злодѣйскаго нападенія».

На четвертый день по отбытіи транспорта изъ Орска, пройдя разоренную Пугачевымъ Ильинскую крѣпость, очевидецъ замѣтилъ, по направленію отъ крѣпости Озерной, ѣдущихъ верхами двухъ казаковъ, которыхъ принявъ за Пугачевскій разъѣздъ, отрядилъ отъ себя двухъ же человѣкъ на встрѣчу ѣдущимъ съ приказаніемъ спросить у послѣднихъ, что они за люди? и въ случаѣ если они окажутся дѣйствительно непріятельскимъ разъ-

ѣздомъ, велѣлъ посланнымъ сейчасъ же ему донести. Мнимый Пугачевскій разъѣздъ оказался казаками, отправленными отъ полковника Демарина на встрѣчу транспорту съ радостнымъ извѣстіемъ о пораженіи Пугачева при Татищевской крѣпости, 8 марта, генераломъ Голицынымъ. Демаринъ писалъ очевидцу, что Голицынъ, «разбивъ Пугачева, преслѣдовалъ его до самаго Сакмарскаго городка, и что все пространство отъ Татищевой до Сакмарска было устлано трупами мятежниковъ; что столица самозванца Бердо вся истреблена и состоитъ теперь подъ вѣденіемъ Оренбурга, а самъ онъ «злодѣй» бѣжалъ и гдѣ нынѣ скрывается, не извѣстно» [1]).

На третій день послѣ описаннаго событія авторъ записокъ прибылъ съ транспортомъ въ Озерную, находясь въ пути ровно 8-мь сутокъ, за усталостью, худобою и безсиліемъ полуголодныхъ лошадей. Здѣсь онъ узналъ отъ полковника Демарина о разореніи кондуровской слободы, и вотъ какъ передаетъ онъ разсказъ объ этомъ событіи: «Господинъ полковникъ, ища свою сатисфакцію въ отмщеніе за безпокойствіе наше и величайшія пакости, командировалъ солдатъ 100, и 50 человѣкъ калмыкъ и казаковъ при одномъ капитанѣ и двухъ субалтернъ-офицерахъ, въ кондуровскую слободу, и приказалъ употребя всѣ способы оную разорить, отплатя тѣмъ порядочно за ихъ варварскія суровости, что оными и учинено. И хотя помянутые татары сначала вступили съ ними въ жестокое сраженіе, которое продолжалось немалое время, но наконецъ по усиленномъ пораженіи принуждены были ретироваться. Во время же происхожденія перепалки, татары старались всѣхъ женъ и дѣтей своихъ переправить за рѣку Сакмару, которая, за быстротою теченія своего противу ихъ жительства, во всю зиму не замерзаетъ, но за торопливостію многіе перетонули, а многіе жъ побиты, и тако симъ врагамъ христіанства учинено изрядное возмездіе не только убійствомъ нѣкоторыхъ, но и сущимъ разореніемъ».

16-го числа марта 1774 года, очевидецъ былъ командированъ съ 5-ю сотнями казаковъ и калмыковъ въ Башкирію для отысканія муки и для публикованія манифеста «о поимкѣ злодѣя Емельки Пугачева» [2]). Въ этой командировкѣ авторъ записокъ находился болѣе двухъ недѣль, и разъѣзжая на значительное пространство отъ Озерной по башкирскимъ селеніямъ, для отысканія муки, онъ не только не имѣлъ возможности исполнить возложеннаго на него порученія, но даже не видалъ въ селеніяхъ ни

---

[1]) Ордеръ полковника Демарина къ очевидцу.

[2]) Записки современника и очевидца, страница 178.



одного человѣка, потому что послѣ разбитія Пугачева и разоренія кондуровской слободы полковникомъ Демаринымъ, башкирцы, опасаясь за участіе въ бунтѣ подвергнуться участи кондуровскихъ татаръ, оставили свои жилища и со всѣмъ имуществомъ бѣжали въ горы. Тѣ же изъ башкиръ, которые не успѣли спастись бѣгствомъ, завидѣвши русскій отрядъ фуражировъ, тотчасъ старались отъ нихъ скрыться. Пріѣхавъ въ одно большое башкирское селеніе, совершенно безлюдное, очевидецъ намѣревался въ немъ переночевать, но прибытіе неизвѣстнаго ему башкирскаго сотника, съ извѣстіемъ, что фуражирамъ угрожаетъ опасность отъ собравшейся неподалеку значительной башкирской шайки, заставило его измѣнить свое намѣреніе и, оставивъ селеніе, спѣшить въ обратный путь. Всю ночь фуражиры ѣхали скорою ѣздою, нигдѣ не останавливаясь, и, пробѣжавъ верстъ до 60-ти, дали нѣкоторый роздыхъ лошадямъ въ одной изъ пустыхъ башкирскихъ деревень, накормивъ ихъ найденнымъ тутъ овсомъ, и затѣмъ продолжали, не останавливаясь, во весь день путь свой дальше. Къ вечеру этого дня, проѣхавъ много пустыхъ деревень, отрядъ фуражировъ достигъ большой башкирской неоставленной жителями деревни. Видя, что лошади ихъ, сдѣлавшія въ сутки бѣгъ болѣе 100 верстъ, не могли служить имъ болѣе, фуражиры обратились къ тѣмъ жителямъ съ просьбой о перемѣнѣ ихъ лошадей; на это башкирцы очень охотно согласились. Отдохнувши тутъ нѣкоторое время, очевидецъ, взявъ съ собой нѣсколько башкиръ, предъ разсвѣтомъ выѣхалъ изъ деревни, и весь остатокъ той ночи и наступающаго дня фуражиры, ѣхавши на свѣжихъ лошадяхъ, къ полдню прибыли въ лежащую на самомъ берегу Сакмары большую деревню, населенную казанскими татарами, которые, не принимая участія въ пугачевскомъ бунтѣ, много потерпѣли отъ самозванца.

Въ надеждѣ на ихъ помощь, очевидецъ рѣшился остаться у нихъ въ деревнѣ и, отпуская проводниковъ, взятыхъ изъ башкирскаго селенія, приказалъ имъ, если не будетъ предвидѣться никакой опасности, привести оставленныхъ у нихъ лошадей, съ тѣмъ, чтобъ получить своихъ, а объ опасности обязывалъ проводниковъ, не мѣшкая, дать знать ему. На пятый день въ татарскую деревню проводниками были доставлены лошади фуражировъ, причемъ башкирцы разсказывали, что шайка, о которой предупредилъ очевидца башкирскій сотникъ, дѣйствительно не только была въ той деревнѣ, гдѣ онъ получилъ извѣстіе о ней, но доѣзжала и до ихъ селенія, въ числѣ трехъ сотъ человѣкъ, и разспрашивала у жителей о немъ, но, узнавши отъ послѣднихъ, что русскій офицеръ уже болѣе сутокъ какъ выѣхалъ изъ этого

селенія, возвратилась назадъ, не преслѣдуя его далѣе. Получивши своихъ лошадей, отрядъ прибылъ въ крѣпость благополучно, и авторъ воспоминаній доложилъ полковнику Демарину о той опасности, которой онъ могъ подвергнуться, будучи на фуражировкѣ; послѣдній былъ сначала пораженъ этой вѣстью, «но потомъ (продолжаетъ очевидецъ), спустя нѣкоторое время, оказалось, что Емелька Пугачевъ, не будучи пойманъ и скрываясь тогда въ Башкиріи, находясь отъ меня не въ дальнемъ разстояніи и слыша неоднократно, что я публикую манифестъ о поимкѣ его, злодѣя, приказалъ башкирамъ меня поймать, которыхъ нарочно для сего собралось ровно 300 человѣкъ, но я благодарю Бога, что Онъ всесильною своею рукою отъ сего меня избавилъ, а то досталось бы мнѣ пить отъ сего злодѣя горькую чашу».

IV.

«Вскорѣ послѣ описанныхъ мною событій,—говоритъ очевидецъ,—согласно полученному изъ Оренбурга приказанію, командированъ былъ я съ ротою въ Орскую крѣпость, на мѣсто генерала Станиславскаго, отрядъ котораго былъ подвинутъ къ Верхояицкой крѣпости». Прибывши въ Орскую 20-го числа марта, очевидецъ не засталъ уже въ ней Станиславскаго и нашелъ крѣпость совершенно беззащитною. «Не долго, говоритъ онъ, мы наслаждались спокойствіемъ, ибо злодѣй, будучи въ Башкиріи, успѣлъ собрать значительныя толпы мятежниковъ и снова двинулся къ линіи. Пугачевъ, предполагая, что въ Орской по прежнему стоитъ съ значительными силами генералъ Станиславскій, оставивъ ее въ правой рукѣ, вышелъ горами прямо на Уртазымскую крѣпость, которую и взялъ безъ малѣйшаго сопротивленія, не оставивъ камня на камнѣ; потомъ, слѣдуя вверхъ по рѣкѣ Яику, обошедъ Кизильскую крѣпость, напалъ на Магнитную, которою овладѣлъ послѣ долгаго сопротивленія, приступомъ. Коменданта и прочихъ начальниковъ онъ повѣсилъ; беззащитныхъ жителей велѣлъ переколоть, а крѣпость всю выжегъ. Ожидая встрѣтить сильное сопротивленіе въ Верхояицкѣ и не рѣшаясь имѣть дѣло съ генераломъ Станиславскимъ, о прибытіи котораго самозванецъ имѣлъ уже свѣдѣніе, Пугачевъ двинулся къ Троицкой крѣпости, куда слѣдуя, «попутныя крѣпости Карагайскую, Петропавловскую и Степную [1]) побралъ, и всѣхъ на-

[1]) У Пушкина упоминается о взятіи лишь одной Карагайской крѣпости и не говорится объ участи другихъ ни слова. Глава VI, стр. 78.

чальниковъ отъ мала и до велика предалъ смерти; крѣпости же и бывшія въ нихъ строенія всѣ выжегъ и, забравши всѣхъ жителей тѣхъ крѣпостей съ женами и дѣтьми, двинулся далѣе. А для чего онъ злодѣй (говоритъ лѣтописецъ) чинилъ сіе забирательство никто знать не можетъ».

20-го мая 1774 года, Пугачевъ явился подъ Троицкой крѣпостью и тотчасъ же началъ осаду ея. Легкое взятіе этой крѣпости самозванцемъ очевидецъ объясняетъ тѣмъ, что Троицкая крѣпость имѣла слишкомъ обширныя укрѣпленія, сравнительно съ числительностью стоявшаго въ ней гарнизона, которымъ поэтому нельзя было занять всю линію укрѣпленій. По взятіи крѣпости Пугачевъ оказалъ, по словамъ очевидца, необыкновенное варварство. Бывшаго коменданта бригадира де-Фееръвара съ семействомъ «мучительной смертью умертвилъ; изъ штабъ и оберъ-офицеровъ, равножъ и изъ малыхъ чиновниковъ никого въ живыхъ не оставилъ, а жителей и отставныхъ солдатъ и прочихъ, всѣхъ выгналъ за городъ и, ноставя въ шеренги, приказалъ башкирцамъ пиками всѣхъ переколоть [1]). Къ вящшему же разоренію положилъ было онъ злодѣй свое намѣреніе, порядочно ограбя Троицкую, городъ сжечь, а самому отправиться для таковаго же разоренія внизъ, т.-е. къ Каракульской, Крутоярской, Усть-Уйской и Звѣриноголовской крѣпостямъ, по взятіи которыхъ имѣлъ намѣреніе слѣдовать въ Тобольскъ».

21-го мая, генералъ-поручикъ Декалонгъ прибылъ съ своимъ корпусомъ въ Троицку и увидѣлъ Пугачева, расположившагося лагеремъ подъ городомъ наканунѣ имъ сожженнымъ. Декалонгъ тотчасъ же напалъ на Пугачева и послѣ кровопролитнаго сраженія, длившагося нѣсколько часовъ, Пугачевъ былъ разбитъ, толпы его разсѣяны и самъ онъ съ небольшимъ числомъ приверженцевъ бѣжалъ въ Уральскія горы, конечно, отказавшись отъ мысли идти къ Тобольску. «Въ самое сіе время (разсказываетъ очевидецъ), когда злодѣй производилъ въ помянутыхъ крѣпостяхъ свои безчеловѣчныя убійства и разоренія, находились мы въ Орской въ великой опасности, однакожъ сколько имѣлось у насъ въ крѣпости наличныхъ людей, заняли оными всѣ нужныя мѣста и учинили поправленіе брустверамъ въ куртинахъ и бастіонахъ, ибо та крѣпость была земляная, построенная какъ настоящее фортификаціонное укрѣпленіе, и приняли наикрѣпчайшую предосторожность, а чрезъ то можетъ избавились мы отъ сильнаго башкирскаго нападенія».

---

[1]) Этихъ подробностей о взятіи Троицкой крѣпости въ исторіи Пугачевскаго бунта нѣтъ и Пушкинъ мимоходомъ замѣчаетъ о взятіи Троицка по прибытіи къ нему генерала Декалонга. Глава VI, стр. 78.

«По разбитіи же злодѣемъ Магнитной крѣпости, сожалѣлъ онъ очень, послѣ извѣстившись, что крѣпости Таналыцкая, Орская и Губерлинская остались неразоренными и приказывалъ онъ башкирцамъ, употребя всѣ способы, оныя разорить. Въ тоже время, по приказанію его, представлены были ему привезенные киргизскіе старшины, которыхъ онъ злодѣй съ великою ласковостью принялъ и приказалъ имъ всѣ оставшіяся отъ разоренія крѣпости — до основанія разорить, ничего не опасаясь» [1]).

Во все время опасности, угрожавшей Орской крѣпости, продолжаетъ очевидецъ, отъ бродячихъ шаекъ башкиръ и кайсаковъ, державшихъ Орскую въ осадномъ положеніи, крѣпость посѣтили и другія несчастія. Быстро развившійся падежъ лошадей, не только лишилъ жителей и гарнизонъ перевозочныхъ средствъ, но почти всѣхъ оставилъ пѣшими. Правда, что это бѣдствіе, на этотъ разъ, не сопровождалось обычнымъ нападеніемъ башкиръ, но за то киргизъ-кайсаки дерзкими набѣгами безпрестанно безпокоили крѣпость, и два раза скрали поставленный въ верстѣ отъ крѣпости казачій пикетъ, который, имѣя важное значеніе, не былъ ужъ болѣе возобновляемъ за слабостію исетскихъ «безлошадныхъ» казаковъ.

«Сверхъ же сего (пишетъ современникъ), посѣтило насъ вящшее несчастіе, а именно: на людей великія лихорадки и горячки, а паче всего зловредная цинготная болѣзнь, отъ которой немалое число померло; а другіе одержимые сими болѣзнями не могли вспомоществовать въ случаѣ защищенія [2]). Киргизъ-кайсаки, узнавши о бѣдствіяхъ постигшихъ Орскую, участили свои набѣги; весь рогатый скотъ въ виду крѣпости былъ угнанъ киргизами и слабый гарнизонъ не въ состояніи былъ воспрепятствовать этому грабежу. Точно такимъ образомъ отбили кайсаки весь скотъ у таналыцкихъ жителей, а Губерлинскую крѣпость, гарнизонъ которой состоялъ изъ 20 человѣкъ, разорили до основанія».

Далѣе очевидецъ разсказываетъ о нападеніи киргизъ-кайсаковъ на сѣнокосную команду, высланную изъ Орской для заготовленія сѣна на зиму, для спасенія которой онъ былъ командированъ съ небольшимъ отрядомъ, при одной пушкѣ, и своимъ появленіемъ заставилъ киргизовъ, преднолагавшихъ что за нимъ

[1]) Пушкинъ ничего не говоритъ объ этой депутаціи отъ киргизскаго народа, которую принималъ Пугачевъ въ качествѣ императора Петра III, послѣ взятія Магнитной крѣпости.

[2]) Въ исторіи Пугачевскаго бунта ничего не говорится объ этихъ бѣдствіяхъ, посѣтившихъ Орскую крѣпость во время киргизскихъ набѣговъ, и нѣтъ сомнѣнія, что «частности» могли быть лишь занесены только очевидцемъ «претерпѣвшимъ до конца».

слѣдуетъ подкрѣпленіе, искать спасенія на другомъ берегу Яика и тѣмъ избавилъ отъ плѣна своихъ сослуживцевъ. Вскорѣ послѣ описанныхъ событій очевидецъ командированъ въ Таналыцкую крѣпость за провіантомъ, куда выступилъ 22-го октября 1774 г. Транспортъ мой, говоритъ онъ, состоялъ изъ 80 подводъ, «которыя съ великой нуждой набраться могли». Прикрытіе же транспорта состояло изъ 40 человѣкъ солдатъ и 35 казаковъ при двухъ орудіяхъ.

Слѣдуя съ транспортомъ и не доѣзжая до Таналыцкой крѣпости верстъ 20-ти, замѣтилъ я, говоритъ очевидецъ, значительную толпу киргизъ на степной сторонѣ рѣки Яика, «которые долгое время, подобно хищнымъ звѣрямъ, разсматривали насъ, однакожъ видно усмотрѣвъ двѣ пушки наши, коихъ они весьма боятся, нападеніе учинить на насъ не отважились и пустились впередъ все сыртомъ, держась рѣки Яика».

Прибывши въ Таналыцкую крѣпость, очевидецъ узналъ, что встрѣтившіеся съ нимъ киргизы наканунѣ его прибытія отбили у жителей весь рогатый скотъ, до послѣдняго теленка и что малолюдный гарнизонъ не въ состояніи былъ удержать хищниковъ.

Переночевавъ въ Таналыцкой крѣпости двѣ ночи и нагрузясь провіантомъ, транспортъ выступилъ въ обратный путь. Приближаясь къ крѣпости Орской, очевидецъ былъ пораженъ пожаромъ, дымъ котораго, препятствуя ему видѣть крѣпость, навелъ его на мысль, что въ его отсутствіе крѣпость была взята киргизами и выжжена до основанія. Въ силу этого предположенія, остановивши транспортъ, очевидецъ послалъ нѣсколько человѣкъ въ Орскую для узнанія истины. Посланные воротились и привезли извѣстіе, что крѣпость цѣла, но что вокругъ крѣпости горятъ травы и кустарники. Извѣстіе это успокоило автора воспоминаній. Онъ, двинувшись далѣе и прибывши въ Орскую, узналъ, что значительныя толпы киргизъ-кайсаковъ, нѣсколько дней осаждая крѣпость, не давали покою ни днемъ, ни ночью; «а особливо поморили было всѣхъ жаждою, не выпуская за водою, а отважившихся за оною или за другимъ какимъ случаемъ, захватывая, плѣнили. Сіе чрезвычайное безпокойствіе производили они варвары (говоритъ очевидецъ) во все то время, какъ я находился въ Таналыцкой и въ обратномъ пути, т.-е. пятеро сутокъ безпрестанно, въ кои захвачено ими солдатъ пять, женщинъ восемь, лошадей, кои за негодностію оставлены отъ транспорта, 35-ть. Но какъ скоро увидали въ крѣпости мое приближеніе, то тотчасъ же отступили и зажгли вокругъ крѣпости травы и кустарники, чтобы воспрепятствовать моему движенію; однакожъ я, по благости Божіей, прошелъ всѣ сіи опас-

сныя мѣста благополучно, и киргизы уже болѣе насъ не безпокоили, по той можетъ причинѣ, что злодѣй Емелька Пугачевъ уже былъ пойманъ».

«Оный злодѣй (продолжаетъ современникъ), по разбитіи его г. генераломъ Декалонгомъ, оставилъ намѣреніе свое слѣдовать въ Сибирь, ибо путь его былъ пресѣченъ, а обратился обратно въ Уральскія горы и составивъ новую толпу мятежниковъ, сожегъ и разорилъ Кундравинскую слободу и казачью Чебаркульскую крѣпость, великія селенія, непротивившія ему, и проливъ въ оныхъ много неповинной крови, всѣхъ пощаженныхъ имъ мужскаго пола взялъ въ свою толпу. Но пробираясь оттолѣ чрезъ горы, нечаянно сошелся съ господиномъ подполковникомъ Михельсономъ, который и учинилъ на него нападеніе, и происходило между ними жестокое сраженіе; наконецъ Михельсонъ небольшимъ своимъ деташаментомъ надъ чрезвычайною злодѣйскою толпою учинилъ побѣду, разбилъ и разогналъ оную по разнымъ мѣстамъ».

Послѣ этого пораженія Пугачевъ вскорѣ успѣлъ собрать новыя толпы мятежниковъ и двинулся къ Казани, «въ разсужденіи своего многолюдства (сказано въ запискахъ) собравшагося къ нему по пути изъ черемисъ, вотяковъ и со многихъ заводовъ крестьянъ, вооруженныхъ пиками, топорами, косами и простыми дубинами».

Съ такимъ воинствомъ Пугачевъ приблизился къ Казани; жители Суконной слободы встрѣтили самозванца съ почетомъ за городомъ, прочіе же городскіе обыватели искали спасенія въ крѣпости. Пугачевъ, желая наказать непокорныхъ казанцевъ, приказалъ мятежникамъ зажечь городъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, исключая Суконной слободы, жители которой ему были доброжелательны. Между тѣмъ Михельсонъ, извѣстясь, что Пугачевъ направился къ Казани, пошелъ за нимъ слѣдомъ; но «уже не успѣлъ остановить злодѣя, до сожженія города, однакожъ, не давъ болѣе ему никакой пакости городу учинить, подъ самымъ онымъ напалъ на него и всю его многочисленную толпу разбилъ и оставилъ на мѣстѣ сраженія столько убитыхъ, не свѣдущихъ военнаго искусства тварей, что и сочесть не можно. Самъ же злодѣй, видя чрезвычайную надъ собой побѣду, ретировался съ малыми людьми и, оставя предпринятое свое намѣреніе слѣдовать къ Москвѣ, обратилъ свой трактъ къ Саратову; куда слѣдуя, всѣхъ къ себѣ склонялъ, а особливо изъ помѣщичьихъ людей (паки умножилъ свою злодѣйскую толпу), изъ коихъ многіе господъ своихъ къ нему привозили, который (Пугачевъ) величайшими муками сихъ несчастныхъ людей муча пре-

давалъ жесточайшей смерти. Онъ же злодѣй, препровождая путь свой, неслыханныя причинялъ злодѣянія, жегъ многія попутныя селенія, грабилъ и разорялъ божіи храмы, не имѣя никакого сожалѣнія и помилованія къ безвиннымъ и незлобивымъ младенцамъ».

Подполковникъ Михельсонъ снова настигъ самозванца. Нанеся ему нѣсколько сильныхъ пораженій (о чемъ говоритъ авторъ въ воспоминаніи, «мнѣ пространно писать не разсудилось»), преградилъ ему путь въ Астрахань, куда спѣшилъ Пугачевъ, чтобы переправиться чрезъ Волгу, какъ говорится въ запискахъ, укрыться въ Узеняхъ, а потомъ бѣжать въ Персію или киргизскія степи.

Находившіеся при самозванцѣ яицкіе казаки, утратившіе вѣру въ успѣхъ своего дѣла и желая снискать милость правительства, рѣшились выдать голову своего предводителя «и улучивъ способное къ тому (говорится въ запискахъ) время, поймавъ его Емельку, связали, не принявъ отъ него ни просьбы, ни угрозъ; и черезъ многія мѣста привезенъ онъ былъ въ Москву, гдѣ получилъ по дѣламъ своимъ достойное наказаніе и съ послужниками своими, а чрезъ что Россія возымѣла паки тишину и спокойствіе, которое и понынѣ по благости божіей процвѣтаетъ»!

Здѣсь конецъ запискамъ современника и очевидца о Пугачевскомъ бунтѣ; конечно, воспоминанія современника не представляютъ полной картины этого событія, но достоинство ихъ заключается въ томъ, что онѣ были писаны для себя, безъ намѣренія кому-нибудь угодить или досадить. Авторъ строго ограничился потому въ своемъ разсказѣ тѣмъ, что по его внутреннему убѣжденію было достовѣрно. Только такимъ образомъ можно объяснить, почему онъ проходитъ молчаніемъ, напримѣръ, такіе факты, какъ осада Уфы и волненія въ Пермскомъ краѣ. Трудно допустить мысль, чтобы современникъ не зналъ о проявленіяхъ бунта въ этихъ мѣстахъ, и нельзя допустить, чтобы свѣдѣній этихъ онъ не имѣлъ, но, не будучи увѣренъ въ ихъ непогрѣшимости, онъ, очевидно, не рѣшился занести ихъ въ свою лѣтопись, изъ опасенія обмануться самому и ввести въ заблужденіе тѣхъ, кому его записки могли бы достаться впослѣдствіи.

Н. Середа.

Челябинскъ.

ОЧЕРКИ
ОБЩЕСТВЕННАГО ДВИЖЕНІЯ
ПРИ АЛЕКСАНДРѢ I.

III. Сперанскій *).

Кружокъ довѣренныхъ друзей, съ которыми императоръ Александръ дѣлилъ свои первые планы, держался недолго. Съ 1806 года они мало-по-малу устраняются отъ дѣлъ, и Тильзитскій миръ начинаетъ новый періодъ въ жизни Александра и въ его царствованіи. Но Александръ не покидалъ однако своихъ либеральныхъ намѣреній, и конституціонный вопросъ, который онъ поставилъ себѣ въ самомъ началѣ царствованія, продолжалъ занимать его почти до послѣднихъ лѣтъ его жизни. Въ этомъ второмъ періодѣ конституціонные планы получили новое замѣчательное развитіе въ рукахъ Сперанскаго. Удаленіе Сперанскаго, какъ удаленіе перваго кружка, также не остановило конституціонныхъ мечтаній Александра. Въ 1812 г., въ извѣстномъ разговорѣ съ г-жей Сталь, онъ полувысказываетъ свое желаніе дать не «случайныя» ручательства хорошаго правленія [1]). Въ томъ же, быть можетъ,

*) См. выше: февр. 722; апр. 648 стр.

[1]) «Императоръ,—разсказываетъ г-жа Сталь, — съ энтузіазмомъ говорилъ мнѣ о своемъ народѣ и обо всемъ, чѣмъ этотъ народъ способенъ сдѣлаться. Онъ высказалъ мнѣ желаніе, о которомъ знаютъ всѣ,—улучшить положеніе крестьянъ, еще находящихся въ крѣпостномъ рабствѣ. «Государь, сказала я, вашъ характеръ есть уже конституція для вашей имперіи, и ваша совѣсть есть ея гарантія.»—Еслибъ это было и такъ, отвѣчалъ онъ, я все-таки былъ бы только счастливой случайностью! — Прекрасныя слова, я думаю—первыя слова такого рода, какія произносилъ абсолютный

еще болѣе оживленномъ настроеніи онъ былъ въ теченіи Наполеоновскихъ войнъ, когда онъ самъ и, подъ его вліяніемъ, его союзники говорили о свободѣ народовъ и обѣщали своимъ народамъ учрежденія, которыя должны были обезпечить эту свободу. Императоръ Александръ, въ то время тѣсно сблизившійся съ знаменитымъ Штейномъ, первый настаивалъ на либеральной программѣ, которую должны были принять правительства; мнѣнія, которыя онъ высказывалъ тогда почти публично, многимъ напоминали принципы лучшихъ временъ революціи [1]). На вѣнскомъ конгрессѣ онъ упорно стоялъ за конституціонное устройство Польши, противъ мнѣнія почти всѣхъ безъ исключенія своихъ совѣтниковъ (Каподистрія, Поццо-ди Борго, самый Штейнъ и т. д.) и противъ мнѣнія другихъ державъ, и дѣйствительно въ Польшѣ введено было представительное правленіе. Александръ не только явился въ Польшѣ конституціоннымъ королемъ, но объявилъ, что такія же учрежденія онъ готовитъ и для Россіи. (Рѣчь при открытіи варшавскаго сейма, 15-го марта 1818). Эта русская конституція дѣйствительно приготовлялась; ее составляли, кажется, по образцу той, какая дана была Польшѣ; проектъ ея найденъ былъ, нѣсколько лѣтъ спустя, въ бумагахъ Н. Н. Новосильцова и напечатанъ (на французскомъ языкѣ) въ одномъ политическомъ сборникѣ тридцатыхъ годовъ [2]). Александръ былъ конституціоннымъ государемъ и въ другомъ мѣстѣ—именно въ завоеванной у шведовъ Финляндіи. Современникъ разсказываетъ объ этомъ: «Своимъ благороднымъ образомъ дѣйствій относительно Финляндіи, императоръ Александръ какъ будто желалъ заставить забыть несправедливый способъ ея пріобрѣтенія, и вознаградить новыхъ подданныхъ за перемѣну правленія, которой они подверглись. Онъ далъ Финляндіи новое устройство и конституцію, и оставилъ ее во всѣхъ отношеніяхъ: законодательномъ, административномъ и судебномъ, независимой отъ остальной имперіи. Тамъ установлено было національное пред-

---

государь». (Dix années d'exil, Brux. 1821, стр. 281. Эти слова были уже приведены въ 3-мъ томѣ «Considérations sur la révolution française»).

[1]) Фарнгагенъ, жившій въ Парижѣ въ 1814 г. въ военной и дипломатической средѣ и видѣвшій также императора Александра, говоритъ въ своихъ запискахъ: «Многіе питали тогда искреннюю надежду, и даже на союзныхъ монарховъ смотрѣли съ довѣріемъ; они энергически и благоразумно вели свое дѣло, ихъ умѣренность была очевидна, и императоръ Александръ говорилъ языкомъ, напоминавшимъ прекраснѣйшія изліянія первыхъ временъ революціи» (Denkwürdigkeiten, 2-te Ausg. Leipz. 1843, III, 165).

[2]) Portfolio, ou Collection de documens politiques relatifs à l'histoire contemporaine. Traduit de l'anglais. Hambourg, 1837, т. V, стр. 378—419.

ставительство... Его благія намѣренія въ пользу этой части имперіи увѣнчаны были полнымъ успѣхомъ: во все его царствованіе Финляндія процвѣтала подъ сѣнью учрежденій, которыми обязана была великодушію этого государя» [1]).

Эти примѣры достаточно показываютъ, какъ въ разные періоды царствованія, до самыхъ послѣднихъ годовъ обнаруживались конституціонныя влеченія Александра. Мы остановимся теперь на томъ періодѣ его плановъ, когда сотрудникомъ его былъ Сперанскій, и когда его конституціонныя намѣренія относительно самой Россіи отличались, кажется, наибольшей степенью увлеченія.

Эти планы Александра были продолженіемъ той же главной мысли, которая была внушена ему воспитаніемъ и высказалась въ мѣрахъ и проектахъ первыхъ лѣтъ царствованія. Теперь его опытность увеличилась настолько, что онъ долженъ былъ еще больше прежняго видѣть «безобразіе зданія». Реакціонныя партіи не могли выставить пока ничего, что походило бы на какую-нибудь раціональную систему и что могло бы отвратить Александра отъ его намѣреній. Внѣшнія дѣла, которыя съ первой войны противъ Наполеона стали особенно отвлекать его вниманіе отъ внутреннихъ русскихъ дѣлъ, эти внѣшнія дѣла не уменьшали, повидимому, его либеральнаго настроенія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще поддерживали его. Войны съ Наполеономъ въ свое время вызывали осужденія строгихъ домашнихъ политиковъ, какъ напр. въ запискѣ Карамзина. Дѣйствительно, можетъ быть, что русская политика выказала въ нихъ лишній задоръ и охоту мѣшаться въ чужія дѣла; при всемъ томъ были обстоятельства, объясняющія тогдашнюю роль Россіи. Строгіе судьи, какъ Карамзинъ, начавшіе смѣло судить и рядить о русской политикѣ при Александрѣ, прежде всего забывали, что политика, враждебная Франціи, начата была не Александромъ: она была принята уже Екатериной и Павломъ, и тогда имѣла даже гораздо меньше основаній,—потому что была исключительно дѣломъ реакціоннаго раздраженія противъ принциповъ, пріобрѣвшихъ господство во Франціи и изъ Франціи ничѣмъ не грозившихъ Россіи. Можно было сказать, что Александръ въ своихъ войнахъ только продолжалъ политику Екатерины,—для мудрости которой упомянутые судьи не находили вообще достаточныхъ похвалъ. Съ другой стороны, враждебное отношеніе къ Франціи имѣло теперь и иныя основанія: Наполеоновскіе захваты, завоеванія, нарушенія международнаго права, наконецъ задѣвавшія и

[1]) La Russie. III, стр. 122—123.

Россію, побуждали ставить дѣло такъ, какъ наконецъ Александръ и поставилъ его. Война была ведена неискусно, даже плохо; Александръ самъ сдѣлалъ много ошибокъ, между прочимъ увлекшись желаніемъ явиться въ роли полководца, и т. п., но онъ могъ не безъ основанія говорить, что война велась за независимость и права народовъ и за политическое достоинство Россіи. При всѣхъ неудачахъ войны, это достоинство Россіи получило однако отъ Наполеона полное удовлетвореніе, и Тильзитскій миръ былъ заключенъ.

Въ массѣ общества этотъ миръ не былъ популяренъ, по разнымъ обстоятельствамъ, и между прочимъ потому, что въ ней развивались уже особыя представленія о противникѣ Александра. Наполеонъ уже въ то время возбуждалъ въ русскихъ ненависть, которая дошла потомъ до своего послѣдняго предѣла въ 1812 году: его еще не называли и не считали Антихристомъ, но въ немъ уже видѣли изчадіе революціи и олицетвореніе якобинства. Наполеонъ доставлялъ наконецъ опредѣленную цѣль для той ненависти, которую, незатѣйливое въ своихъ идеяхъ, большинство общества почувствовало къ французской революціи еще съ конца правленія Екатерины. Эта вражда въ массѣ была совершенно искренняя, и литература, которой правительство по своимъ соображеніямъ позволило въ теченіе военныхъ дѣйствій говорить что̀ угодно противъ Наполеона, постаралась раздуть ее еще больше. Со временъ революціи въ русскомъ обществѣ стала особенно развиваться вражда къ французскимъ вліяніямъ — французскому воспитанію, литературѣ, нравамъ; собственно говоря эта вражда началась уже давно, со временъ «Живописца» и «Бригадира», и въ ней въ одно и тоже время сказывались и сатирическая реакція противъ поверхностнаго подражанія и вмѣстѣ старовѣрческая нелюбовь къ нововведеніямъ, и возбужденіе къ самостоятельности и упорство стараго невѣжества. Борьба противъ «галломаніи» — въ этомъ самомъ двусмысленномъ значеніи — совершенно совпадала съ политическими планами правительства противъ Франціи и «якобинскихъ идей» при Екатеринѣ и Павлѣ; теперь она опять совпадала съ войной. Понятно, поэтому, то впечатлѣніе, которое произвелъ въ обществѣ Тильзитскій миръ. Если были недовольные самымъ началомъ войны, потому что не видѣли для Россіи достаточнаго повода мѣшаться въ нее и тратить силы; если другіе были недовольны войной по той причинѣ, что она велась плохо (что̀ было справедливо), то быть можетъ еще больше недовольны были миромъ: съ этого мира начинались дружескія отношенія между русскимъ императоромъ и «изчадіемъ революціи», которое успѣли уже возненa-

видѣть, и вмѣстѣ съ тѣмъ начинались для Россіи торговыя стѣсненія континентальной системы.

Александръ конечно мало руководился взглядами общества, которые потомъ вовсе не остались для него тайной. Миръ былъ вынужденъ необходимостью: воевать дольше физически было нельзя; кромѣ того, Александръ былъ раздраженъ противъ Англіи за ея слабое содѣйствіе, и это раздраженіе почти уничтожало поводы къ непріязни со стороны Наполеона. Условія мира—кромѣ континентальной системы, которая, впрочемъ, не особенно строго исполнялась съ русской стороны—были неожиданно выгодны и извѣстнымъ образомъ почетны для Россіи: съ ней трактовали какъ съ державой равной, а не какъ съ побѣжденной. Это объяснялось тѣмъ, что обстоятельства самого Наполеона требовали отъ него уступчивости и умѣренности.

Въ личной исторіи Александра Тильзитскій миръ отразился новыми вліяніями. Наполеонъ произвелъ на Александра сильное впечатлѣніе. Мудрено, конечно, опредѣлять, въ чемъ именно состояло это впечатлѣніе, но во всякомъ случаѣ геніальная энергія Наполеона, широкіе, полу-фантастическіе планы господства надъ Европой, ловкая лесть подѣйствовали на Александра; онъ удивлялся Наполеону. Въ Эрфуртѣ, только черезъ годъ послѣ Тильзита, Александръ былъ, кажется, уже гораздо сдержаннѣе; отвѣчая на лесть и любезности тѣмъ же, онъ однако не подавался такъ скоро на предложенія, и его подозрительность яснѣе указывала ему, и даже нѣкоторымъ изъ его окружающихъ, тѣ причины, которыя заставляли Наполеона расточать передъ нимъ свою внимательность [1]).

Въ Эрфуртъ императоръ взялъ съ собой и Сперанскаго. Въ это время Сперанскій вступалъ на высшую ступень своего значенія; какъ прежде своимъ первымъ приближеннымъ, такъ теперь ему Александръ сообщилъ свои планы и предположенія и обдумывалъ съ нимъ проекты всеобщаго преобразованія русскаго государственнаго устройства и управленія. На Сперанскаго, какъ разсказываютъ, Наполеонъ произвелъ также чрезвычайное впечатлѣніе, по которому отчасти можно вѣроятно судить и о впечатлѣніяхъ самого Александра. Отношенія Александра къ Наполеону были конечно весьма сложны. Здѣсь были чисто политическія отношенія, гдѣ дѣйствовалъ простой разсчетъ и понимаемыя какъ обыкновенно «государственныя пользы», которыхъ искали въ дипломатическихъ побѣдахъ, въ пріобрѣтеніи новыхъ

---

[1]) См. любопытныя замѣчанія объ ихъ сношеніяхъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ у Ланфре, Hist. de Napoléon, IV, 118—134, 393—415.

земель и т. п.; были отношенія личныя, гдѣ Наполеонъ возбуждалъ въ Александрѣ удивленіе и быть можетъ невыгодно дѣйствовалъ на его характеръ [1]),—но ихъ встрѣча имѣла и обширный историческій смыслъ. Личность и дѣятельность Наполеона имѣли вообще двойственный характеръ, вслѣдствіе котораго Наполеонъ и въ тогдашней жизни одинаково справедливо вызывалъ и энтузіазмъ и ненависть, и въ исторіи является орудіемъ свободы и орудіемъ угнетенія. Человѣкъ личнаго властолюбія, съ крайнимъ безсердечіемъ и даже презрѣніемъ къ человѣчеству, онъ, при всемъ своемъ цезаризмѣ, оставался дѣйствительно сыномъ революціи, и въ его дѣятельности, хотя и среди множества противорѣчій, продолжали жить идеи, выработанныя французскимъ XVIII-мъ вѣкомъ. При всей жадности къ власти, къ завоеваніямъ, онъ оставался представителемъ націи, которая произвела громадный переворотъ въ своей внутренней жизни и, уничтоживъ въ ней средневѣковыя традиціи, стояла впереди Европы, еще погруженной въ эти традиціи. Имперія была реакціей противъ революціоннаго погрома, но эта реакція не была и не могла быть полной: многое было завоевано окончательно, и возстановленіе монархическихъ формъ было возможно только подъ условіемъ сохраненія завоеванныхъ общественныхъ принциповъ. Эти принципы имперія вносила и въ свои завоеванія: отсюда то странное явленіе, что Наполеоновское иго въ Германіи послужило для нея началомъ освободительнаго движенія. Уничтожая политическую независимость цѣлыхъ странъ, завоеваніе начинало для нихъ независимость гражданскую. Германскій феодализмъ былъ подорванъ также, какъ былъ подорванъ французскій. Необыкновенный организаціонный талантъ Наполеона дѣлалъ то, что учрежденія, законодательство, имъ наслѣдованныя отъ революціи и собранныя имъ въ систему, быстро бросали свои корни, и сохранили свое вліяніе на умы и въ то время, когда Наполеона уже не было. Новый Аттила былъ вмѣстѣ и представителемъ исторически созрѣвшей идеи, требовавшей обновленія политической жизни.

Едвали можно сомнѣваться, что въ этомъ историческомъ своемъ значеніи Наполеонъ имѣлъ вліяніе и на Александра. Тѣсная встрѣча открывала этотъ характеръ не только въ его мрачныхъ, отталкивающихъ сторонахъ, но и въ его преобразующемъ освободительномъ значеніи. Едвали совсѣмъ случайно было то обстоятельство, что съ этого времени начинается новый

---

1) Александръ еще въ 1812 г. говорилъ г-жѣ Сталь о своемъ тогдашнемъ удивленіи Наполеону, который, какъ замѣчаетъ она, между прочимъ внушалъ ему макіавелическое презрѣніе къ людямъ. (Dix années d'exil, стр. 229).

порывъ импер. Александра къ преобразованіямъ въ русской жизни, къ которымъ, повидимому, онъ нѣсколько охладѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ распался «комитетъ», работавшій такъ малоуспѣшно, и съ тѣхъ поръ, какъ потребность въ разнообразіи и въ шумной роли увлекла Александра въ путаницу европейскихъ дѣлъ. Въ такомъ же смыслѣ Наполеонъ произвелъ сильное впечатлѣніе и на Сперанскаго, который былъ теперь главнымъ дѣльцомъ при Александрѣ. Такимъ образомъ вліянія совпадали, и это способствовало согласію взглядовъ въ начавшихся теперь совмѣстныхъ работахъ императора и его перваго статсъ-секретаря.

Не слѣдуетъ впрочемъ преувеличивать этого вліянія. Этотъ періодъ правленія Александра называютъ обыкновенно «французскимъ», какъ предшествовавшій называютъ «англійскимъ» — названія, которыя могутъ имѣть смыслъ развѣ по указанію на внѣшнія политическія связи Россіи за эти два періода, но затѣмъ едвали что объясняютъ. Сперанскаго винили въ наклонности къ «французской системѣ»; онъ, кажется, и самъ не спорилъ, что она ему нравилась, но несправедливо было бы сказать, что только въ этомъ вліяніи и заключался источникъ реформаторскихъ плановъ, надъ которыми думали теперь Александръ и Сперанскій. Мы видѣли, что у Александра эти мысли были давнія; несомнѣнно, что они не были новы и у Сперанскаго, — здѣсь они оба могли встрѣтить только новое возбужденіе, которое придало имъ энергіи и предпріимчивости. Начались новыя преобразовательныя предпріятія.

Намъ нѣтъ необходимости останавливаться на подробностяхъ дѣятельности Сперанскаго; мы можемъ ограничиться указаніемъ на книгу барона Корфа (1861), гдѣ читатель найдетъ массу свѣдѣній объ его служебной дѣятельности, и на рецензію этой книги въ «Современникѣ» 1861, гдѣ метко и просто характеризована реформаторская дѣятельность Сперанскаго и его положеніе въ общественной жизни [1]). Мы остановимся только на нѣкоторыхъ общихъ чертахъ, и затѣмъ желали бы дать понятіе объ основномъ характерѣ и содержаніи реформъ, задуманныхъ Сперанскимъ. Эти реформы, какъ извѣстно, осуществились на дѣлѣ только въ однихъ второстепенныхъ своихъ частяхъ; основныя ихъ положенія остались только на бумагѣ. И въ то время и послѣ эти основныя положенія не были почти извѣстны въ русскомъ обществѣ, не говоря о литературѣ; онѣ не нашли мѣста и въ біографіи, которая ограничилась только изложеніемъ частей цѣлаго плана, исполненныхъ на практикѣ.

[1]) «Русскій Реформаторъ», Совр. 1861, окт., стр. 211—250.

Сперанскій былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей молодого поколѣнія въ первые годы царствованія Александра. Своимъ умомъ, знаніями, быстротой работы онъ выдавался изъ массы чиновнаго люда; и это достаточно объясняетъ его блестящую карьеру. Образованіе его было духовно-академическое, но онъ скоро успѣлъ пріобрѣсти и ту ходячую французскую начитанность, которой ограничивалось теоретическое образованіе у лучшихъ государственныхъ людей эпохи,—не говоря о другихъ государственныхъ людяхъ, у которыхъ не было и этого. Въ самомъ началѣ царствованія Александра, Сперанскій былъ принятъ въ министерство Кочубеемъ, какъ человѣкъ, отъ котораго онъ ждалъ себѣ самой дѣйствительной помощи; тогда нужны были именно свѣжіе дѣятельные люди, которые съумѣли бы понять новыя желанія правительства, и въ состояніи были устроивать новый порядокъ вещей. Сперанскій совершенно оправдалъ ожиданія и уже въ это время выдавался изъ ряду какъ человѣкъ съ широкимъ взглядомъ на вещи. Министерство Кочубея получало особенное значеніе по обширному кругу дѣйствій и оживленной работѣ; въ глазахъ умныхъ людей служба въ его канцеляріи стала считаться своего рода школой, образовательнымъ средствомъ; журналъ этого министерства вызывалъ сочувствіе[1]). Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ здѣсь Сперанскій. Онъ не имѣлъ еще вполнѣ самостоятельной роли, но въ немъ уже опредѣлился человѣкъ новаго образа мыслей, партизанъ новой системы, какую заставляли предполагать мѣры правительства. Съ 1803 года ему уже начали поручать особыя важныя дѣла по новымъ преобразованіямъ. Когда около времени Тильзитскаго мира Александръ разошелся съ своими прежними совѣтниками, онъ тотчасъ приблизилъ къ себѣ Сперанскаго, и на него возложена была такая же масса разнообразныхъ дѣлъ, какая прежде была на рукахъ Новосильцова. Передъ поѣздкой въ Эрфуртъ, Александръ назначилъ его въ коммиссію законовъ, а вскорѣ по возвращеніи сдѣлалъ его товарищемъ министра юстиціи, что должно было утвердить его значеніе въ коммиссіи, отъ которой ожидались теперь капитальныя законодательныя работы. Сперанскій, по словамъ Розенкампфа, еще прежде былъ усерднымъ почитателемъ французской системы централизаціи и Наполеонова кодекса, и теперь, когда императоръ Александръ, въ своемъ новомъ настроеніи опять сталъ думать о широкой политической

---

[1]) См., напр., нелишенные интереса отзывы Евгенія, впослѣдствіи митрополита кіевскаго, въ его частныхъ письмахъ 1804—1805 г. «Русскій Архивъ», 1870, стр. 841, 846.

реформѣ, онъ не могъ найти сотрудника и исполнителя лучше Сперанскаго: порывистымъ желаніямъ и торопливости императора совершенно отвѣчала и смѣлая, неутомимая и систематическая дѣятельность Сперанскаго.

Съ такимъ направленіемъ мыслей Сперанскій приступалъ къ работамъ, о которыхъ мы будемъ говорить. Его личный характеръ и въ то время и послѣ, до сихъ поръ, подвергался многоразличнымъ осужденіямъ и самымъ ненавистнымъ клеветамъ. Не только его враги, ненавидѣвшіе его за образъ мыслей или вслѣдствіе личныхъ столкновеній, взваливали на него всевозможныя обвиненія; но и люди, совершенно расположенные цѣнить многія благія его начинанія, строго осуждали недостатки его характера и вообще очень низко цѣнили его нравственное достоинство. Нечего конечно повторять и опровергать тѣ безсмысленные доносы и клеветы, которые распространялись его непріятелями: обвиненія въ измѣнѣ, которымъ повѣрилъ-было и самъ Александръ, во взяткахъ и т. п. Но объ немъ очень строго судятъ и такіе современники, какъ Н. И. Тургеневъ.

«Ни на одного изъ русскихъ государственныхъ людей не клеветали столько какъ на Сперанскаго; а по разбору фактовъ онъ оказывается человѣкомъ очень рѣдкаго природнаго благородства»,—говоритъ авторъ упомянутой статьи о книгѣ барона Корфа, и свое послѣднее заключеніе выводитъ изъ разныхъ данныхъ, собранныхъ въ этой книгѣ, и свидѣтельствующихъ о прямотѣ этого характера. Прибавимъ еще отзывъ сухого и безпристрастнаго Дмитріева, который говоритъ, что любилъ Сперанскаго, когда тотъ еще не имѣлъ своего высокаго служебнаго положенія, находя въ немъ «просвѣщеніе, благородство и привѣтливость». Впослѣдствіи, въ ихъ служебныхъ отношеніяхъ была между ними «нѣкоторая холодность», — «но это не мѣшало мнѣ, говоритъ Дмитріевъ, отдавать ему полную справедливость, и желать искренно, чтобы важный трудъ его, новое уложеніе, которому онъ посвятилъ свои способности, лучшіе годы жизни своей, усовершенный государственнымъ совѣтомъ, и впослѣдствіи собственною опытностію, скорѣе былъ довершенъ и обнародованъ. Тогда бы имя его дошло до потомства» [1]). Припомнимъ, что это писалъ почитатель Державина и ближайшій другъ Карамзина.

Отзывы Тургенева [2]) безжалостны, и объясняются конечно тѣмъ положеніемъ, въ какое сталъ Сперанскій по возвращеніи

---

[1]) «Взглядъ» etc., стр. 199.

[2]) La Russie, I, 573—576: «le peu de valeur de l'homme moral»; «la pusillanimité de Speransky»; «il a pu donner quelque méthode à ses créations, mais il lui a été impossible de leur donner de l'âme, par la simple raison que lui-même n'avait pas d'âme».

изъ ссылки, и особенно его ролью въ началѣ новаго царствованія. Тургеневъ вѣроятно и зналъ Сперанскаго только въ это время, по его возвращеніи въ Петербургъ, а въ это время въ немъ произошла сильная перемѣна, достаточно характеризованная въ книгѣ барона Корфа и въ статьѣ «Современника». Сперанскій послѣ ссылки былъ уже человѣкъ сломленный.

Въ это позднѣйшее время, когда онъ сталъ уклончивъ и искателенъ, когда онъ сталъ добиваться дружбы сильныхъ людей, какъ Аракчеева, и, принося такія «жертвы своему положенію», какъ говоритъ его біографъ, дошелъ до того, что даже написалъ похвальное слово военнымъ поселеніямъ,—его новыя связи набрасывали дѣйствительныя пятна на его характеръ: его обвиняли въ безсердечномъ честолюбіи. Но если справедливо, что и въ это позднѣйшее время Сперанскій, какъ находилъ возможнымъ утверждать авторъ статьи «Современника», «былъ честолюбивъ, но не въ томъ дюжинномъ смыслѣ, какой обыкновенно соединяется съ этимъ словомъ: онъ хотѣлъ великой исторической дѣятельности, онъ хотѣлъ заслужить славу въ потомствѣ государственными преобразованіями, и человѣка, имѣющаго такую цѣль, нельзя упрекать въ тщеславной суетности, когда онъ хлопочетъ о власти»,—то едвали можно сомнѣваться, что въ прежнее время его побужденія были столько же безкорыстны, что онъ дѣйствительно искалъ великой исторической дѣятельности и хотѣлъ заслужить славу въ потомствѣ государственными преобразованіями.

Говоря объ этихъ преобразованіяхъ, большая часть которыхъ осталась въ видѣ проектовъ, никогда не увидѣвшихъ свѣта, біографъ Сперанскаго не разъ называетъ его мечтателемъ, забѣгавшимъ въ будущее, дѣлавшимъ второй шагъ, не сдѣлавъ перваго. Нетрудно придти къ такому заключенію, когда мы знаемъ, какія событія совершались на дѣлѣ, какъ мало успѣха имѣла потомъ идея этихъ преобразованій и какъ обманчивы оказались надежды; но обыкновенно таковы бываютъ сужденія *a posteriori* о всякихъ неудавшихся предпріятіяхъ и планахъ. Репутація синицы, зажигающей море, легко остается за людьми, широкіе планы которыхъ не осуществились; но не всегда неудача бываетъ слѣдствіемъ самой сущности плана: вина ея можетъ быть въ недостаткѣ характера, въ непригодности средствъ, а вовсе не въ намѣреніи и не въ идеѣ преобразованія. У Сперанскаго не было тогда умѣнья предвидѣть и бороться съ интригой, не было безжалостной рѣшимости раздавить своихъ враговъ, и не было низости, какой свергли его самого. Всѣ его надежды опирались на личности Александра. Мы не знаемъ подробностей

ихъ «стократныхъ можетъ быть разговоровъ и разсужденій», гдѣ они только вдвоемъ, въ тайнѣ отъ всѣхъ, обсуждали всеобщую реформу государственнаго устройства, и, слѣдовательно, намъ трудно судить о томъ, какое впечатлѣніе могла производить на Сперанскаго эта личность въ тѣ самыя минуты, когда онъ предлагалъ Александру свои проекты, когда императоръ раздѣлялъ его идеи, «поправлялъ и дополнялъ» его планъ. Этотъ планъ, какъ увидимъ, былъ исполненъ смѣлыхъ вещей, и что̀ было думать Сперанскому, когда Александръ самъ поручалъ ему этотъ трудъ и одобрялъ эти смѣлыя вещи? Какое предвидѣніе могло ему открыть неуловимую подвижность этого характера, всю непрочность опоры, на которой онъ хотѣлъ утвердить свое предпріятіе? Правленіе Александра въ то время еще не обнаружило до такой степени тѣхъ свойствъ, съ которыми оно неразлучно въ исторіи. Напротивъ, надежды вовсе еще не были разрушены, и впереди ожидалось преобразованіе Россіи.

Чтобы точнѣе опредѣлить «мечтательность» Сперанскаго, не надо забывать общихъ свойствъ времени, которыя отражались и на его понятіяхъ. Въ то время вообще мало знакомъ былъ тотъ скептицизмъ, который заставляетъ ближе присматриваться къ вещамъ, не даетъ увлекаться традиціонными призраками и который сталъ довольно обыкновененъ потомъ. То, что кажется невѣроятнымъ для насъ, не казалось невѣроятнымъ въ то время, и то, что кажется намъ самообольщеніемъ почти ребяческимъ, было тогда въ обыкновенномъ порядкѣ вещей. Недавно напечатана была цѣлая масса писемъ Сперанскаго къ его дочери и друзьямъ [1]), которыя ярко выставляютъ до сихъ поръ мало извѣстную сторону въ его характерѣ, именно мистицизмъ, и притомъ въ одной изъ очень странныхъ его формъ. Письма Лопухина къ Сперанскому (отъ 1804 года) показываютъ, что это была давняя черта мнѣній Сперанскаго, вовсе не внушенная модой или развитая только позднѣйшими обстоятельствами, какъ можно было бы подумать (если не ошибаемся, такимъ причинамъ приписывали его участіе въ Библейскомъ обществѣ). Мистицизмъ для многихъ замѣнялъ въ тѣ времена всякую идеальную и абстрактную философію, и можно себѣ представить, что онъ мало способствовалъ строгости мысли. Но какъ этотъ религіозный мистицизмъ мирился въ умѣ Сперанскаго съ очень смѣлыми и реальными политическими идеями, на которыхъ онъ основывалъ свои проекты, такъ съ этими реальными идеями мирился и своего рода мистицизмъ политическій, въ его пониманіи русскихъ вопросовъ.

---

[1]) Переписка со Столыпинымъ, Цейеромъ, Лопухинымъ и др., въ «Р. Архивѣ».

Тотъ характеръ общественнаго сознанія, который выразился напр. въ Радищевѣ, имѣлъ еще слишкомъ мало представителей; большинство людей, начавшихъ думать о государственной и общественной реформѣ, очень смутно понимали ея условія и средства исполненія. Признавая происхожденіе власти отъ народа, Сперанскій въ то же самое время оставался вѣренъ привычнымъ понятіямъ; какъ самъ Александръ озабочивался тѣмъ, какимъ образомъ ограничить «произволъ нашего правленія», такъ и Сперанскій искалъ ограниченія власти въ той же самой абсолютной власти. Оба забывали объ обществѣ и объ народѣ, не хотѣли искать въ нихъ элементовъ свободы, которую хотѣли основать, рѣшали вопросы за нихъ и въ секретѣ отъ нихъ, и думали сдѣлать все одними административными предписаніями, назначить впередъ путь, по которому должна была идти освобождаемая ими жизнь. Этотъ взглядъ главнымъ образомъ принадлежалъ конечно императору, какъ ему вообще принадлежала иниціатива; Сперанскій ошибался по крайней мѣрѣ тѣмъ, что безусловно подчинялся ему, не хотѣлъ провѣрить и исправить его. Мы постараемся дальше показать, чѣмъ объясняются разныя ошибки и пробѣлы въ политическихъ теоріяхъ Сперанскаго; но Сперанскій прежде всего на самомъ себѣ долженъ былъ испытать, какъ невѣрны были его разсчеты.

Къ 1808 году старое министерство окончательно разсѣялось,— Новосильцовъ, сдѣланный сенаторомъ, оставилъ всѣ дѣла и уѣхалъ надолго за границу; Чарторижскій замѣненъ былъ въ иностранныхъ дѣлахъ Будбергомъ и остался только попечителемъ виленскаго учебнаго округа; П. А. Строгановъ съ началомъ войны 1807 года перешелъ въ военную службу; наконецъ въ ноябрѣ этого года Кочубей также оставилъ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ былъ замѣненъ Куракинымъ. Сперанскій, до сихъ поръ неимѣвшій никакой самостоятельной роли, работавшій много, но только по чужимъ указаніямъ, сталъ теперь при Александрѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

«Пора пристрастія ко всему англійскому, господствовавшаго при прежнихъ любимцахъ, окончательно миновала,— разсказываетъ баронъ Корфъ. Если уже Тильзитскій миръ произвелъ совершенную перемѣну и въ политикѣ нашего кабинета, и въ личныхъ чувствахъ русскаго государя къ императору французовъ, то Эрфуртъ довершилъ ее окончательно. Александръ воротился въ Петербургъ, очарованный Наполеономъ, а его статсъ-секретарь— и Наполеономъ и всѣмъ французскимъ. Послѣ видѣннаго и слы-

шаннаго при блестящемъ французскомъ дворѣ, Сперанскому еще болѣе прежняго показалось, что все у насъ дурно, что все надобно передѣлать, что — по любимымъ тогдашнимъ его выраженіямъ — il faut trancher dans le vif, tailler en plein drap. Данное ему новое, самостоятельное положеніе освобождало его отъ постороннихъ стѣснительныхъ вліяній, а милость Государя вдохнула въ него полную отвагу. Наполеонъ и политическая система Франціи совершенно поработили воображеніе и всѣ помыслы молодого преобразователя; онъ снова находился какъ бы въ чаду, но уже съ тою разницею, что, найдя себѣ готовый образецъ для подражанія, совсѣмъ откинулъ прежнюю робость малоопытности. Вмѣсто осмотрительныхъ попытокъ и нѣкоторой сдержанности, наступила эпоха самоувѣренности и смѣлой ломки всего существовавшаго».

Въ своемъ письмѣ къ императору изъ Перми въ январѣ 1813 года, Сперанскій указываетъ ходъ предпріятія, исполненіе котораго поручилъ ему Александръ. По возвращеніи въ Петербургъ, императоръ, занятый своей давнишней мыслью о преобразованіи имперіи, передалъ Сперанскому разные прежніе матеріалы и работы этого рода и нерѣдко проводилъ съ нимъ цѣлые вечера въ чтеніи сочиненій, относящихся къ этому предмету. Изъ всѣхъ этихъ матеріаловъ и изъ личныхъ разговоровъ и мнѣній Александра надо было составить одно цѣлое. Выработанный такимъ образомъ «планъ государственнаго преобразованія», по словамъ Сперанскаго, въ сущности своей не представлялъ ничего новаго, но идеи, съ 1801 г. занимавшія Александра, приведены были въ систему. «Весь разумъ сего плана, — говорилъ Сперанскій, — состоялъ въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ утвердить власть правительства на *началахъ постоянныхъ* и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сей власти болѣе достоинства и истинной силы».

По словамъ барона Корфа, Сперанскій въ видѣ вступленія къ разрѣшенію этой задачи представилъ обширную записку о свойствѣ и предметахъ законовъ государственныхъ вообще, о раздѣленіи ихъ на преходящіе и коренные или неподвижные, и о примѣненіи тѣхъ и другихъ къ разнымъ степенямъ власти. «Потомъ онъ принялся, съ свойственнымъ ему жаромъ, за составленіе полнаго плана новаго образованія государственнаго управленія во всѣхъ его частяхъ, отъ кабинета государева до волостнаго правленія».

«Колоссаленъ былъ этотъ планъ, — продолжаетъ баронъ Корфъ, — исполненъ смѣлости, какъ по основной своей идеѣ, такъ и въ подробностяхъ развитія. Все еще живя жизнію болѣе мыслительною, кабинетною, нежели практическою, Сперанскій

не чувствовалъ или скрывалъ отъ себя, что онъ, по крайней мѣрѣ частію своихъ замысловъ, опережаетъ и возрастъ своего народа, и степень его образованности; не чувствовалъ, что строитъ безъ фундамента, т.-е. безъ достаточной подготовки умовъ въ отношеніяхъ нравственномъ, юридическомъ и политическомъ; наконецъ, что, увлекаясь живымъ стремленіемъ къ добру, къ правдѣ, къ возвышенному, онъ, какъ сказалъ когда-то нѣмецкій писатель Гейне, хочетъ ввести будущее въ настоящее, или, какъ говорилъ Фридрихъ Великій про Іосифа II-го, дѣлаетъ второй шагъ, не сдѣлавъ перваго....

«Какъ бы то ни было, но работа создавалась, подъ перомъ смѣлаго редактора, съ изумительною быстротою. Не далѣе октября 1809 года весь планъ уже лежалъ на столѣ Александра. Октябрь и ноябрь прошли въ ежедневномъ почти разсмотрѣніи разныхъ его частей, въ которыхъ государь дѣлалъ свои поправки и дополненія [1]). Наконецъ положено было приступить къ приведенію плана въ дѣйствіе».

Но когда нужно было сдѣлать это, Александромъ, повидимому, овладѣла обычная нерѣшимость.

«Тутъ начались колебанія, — продолжаетъ баронъ Корфъ. Свѣтлый умъ Александра постигъ, что неизмѣримо легче было написать, чѣмъ осуществить написанное, и что, во всякомъ случаѣ, необходимы сперва разныя переходныя мѣры». Сперанскій, повидимому, сообразуясь съ измѣнившимся мнѣніемъ или нерѣшительностью Александра, предлагалъ програму исполненія, по которой слѣдовало, избѣгая всякой торопливости, открывать новыя установленія только тогда, когда все образованіе ихъ будетъ готово, переходъ отъ старыхъ учрежденій къ новымъ сдѣлать постепеннымъ и естественнымъ и наконецъ устроить такъ, чтобы имѣть всегда возможность остановиться и сохранить во всей силѣ прежній порядокъ, въ случаѣ еслибы для устройства новаго представились какія-нибудь непреодолимыя препятствія. Срокомъ окончательнаго введенія учрежденій онъ предлагалъ опредѣлить 1 сентября 1811. Еслибы это осуществилось, онъ ожидалъ, что тогда Россія «воспріиметъ *новое бытіе* и совершенно во всѣхъ частяхъ преобразится».

«Но въ книгѣ судебъ было написано другое,—говоритъ его біографъ. Сперанскому все казалось уже совершеннымъ, поконченнымъ, и исполненіе своего плана онъ раздѣлялъ на сроки единственно съ тѣмъ, чтобы еще болѣе обезпечить его успѣхъ. Вмѣсто того, важнѣйшія части этого плана никогда не осуще-

[1]) Объ этомъ говоритъ самъ Сперанскій въ своемъ пермскомъ письмѣ.

ствились. Приведено было въ дѣйствіе лишь то, что̀ самъ онъ считалъ болѣе или менѣе независимымъ отъ общаго круга задуманныхъ преобразованій; все прочее осталось только на бумагѣ и даже исчезло изъ памяти людей, какъ стертый временемъ очеркъ смѣлаго карандаша»....

Біографъ Сперанскаго и не нашелъ нужнымъ или возможнымъ останавливаться на этомъ общемъ планѣ и ограничился только тѣми частями проекта, которыя получили дѣйствительное исполненіе.

Этотъ общій планъ преобразованія, въ свое время оставшійся никому недоступной тайной, былъ чрезвычайно мало извѣстенъ и впослѣдствіи. Единственное небольшое извлеченіе изъ него сдѣлано въ много разъ нами цитированной книгѣ Н. И. Тургенева, откуда заимствовалъ потомъ Гервинусъ основанія своей характеристики Сперанскаго [1],—которой между прочимъ даетъ высокую цѣну и баронъ Корфъ. Изъ этого до сихъ поръ единственнаго источника и мы заимствовали немногія, приводимыя ниже свѣдѣнія о планахъ Сперанскаго.

Но обратимся сначала къ тому, что̀ было изъ нихъ исполнено на дѣлѣ. Это были только отдѣльныя и не самыя важныя части цѣлаго плана; да и эти части не даютъ точнаго понятія о характерѣ цѣлаго: по словамъ біографа Сперанскаго, онѣ получили исполненіе только «порознь, разновременно, во многомъ даже на другихъ основаніяхъ», и потому «далеко отошли отъ первоначальнаго общаго плана и почти потеряли всякую съ нимъ связь»; онѣ «не могли принять полной жизни въ томъ объемѣ и духѣ, какіе имъ предназначались». Мы увидимъ, что это замѣчаніе совершенно справедливо. Самъ Сперанскій, по открытіи одного изъ этихъ новыхъ учрежденій—преобразованнаго государственнаго совѣта, еще въ то время говорилъ въ своемъ общемъ отчетѣ за 1810 г. императору Александру: «тѣ, кои не знаютъ связи и истиннаго мѣста, какое совѣтъ занимаетъ въ намѣреніяхъ вашихъ, не могутъ чувствовать его важности. Они ищутъ тамъ конца, гдѣ полагается еще только начало; они судятъ объ огромномъ зданіи по одному краеугольному камню».

Въ такомъ отношеніи были новыя учрежденія къ настоящему цѣлому плану. Это была слабая тѣнь цѣлаго, отдѣльные отрывки, значительно смягченные Сперанскимъ въ практическомъ исполненіи не только для массы общества и членовъ пра-

---

[1]) La Russie, III, 423 — 508, гдѣ кромѣ извлеченій изъ плана помѣщены также отрывки изъ пермскаго письма и записка Розенкампфа противъ Сперанскаго. Ср. Gervinus, Gesch. des neunzehnten Jahrh. II, стр. 707—716.

вительства, которымъ хотѣли представить ходъ учрежденій постепеннымъ и естественнымъ, — но, какъ намъ кажется, смягченные Сперанскимъ и для самого императора Александра...

Цѣль новыхъ плановъ Александра была та же самая, къ которой стремились идеи, «занимавшія императора съ 1801 г.», т.-е. цѣль конституціонная. Какъ ни далеко отстояли учрежденія, осуществленныя на дѣлѣ, отъ первоначальнаго проекта, мы увидимъ, что и въ нихъ все-таки проглядываетъ эта идея.

Преобразованія, къ которымъ приступлено было послѣ колебаній императора и которыя были произведены или только успѣли начаться до паденія Сперанскаго, состояли въ новомъ «образованіи»: 1) государственнаго совѣта; 2) министерствъ; 3) сената; въ законодательствѣ представленъ былъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта проектъ гражданскаго уложенія [1]).

Государственный совѣтъ, въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ въ первые годы царствованія Александра, представлялъ собой учрежденіе, не имѣвшее опредѣленной роли и круга дѣйствій, учрежденіе безгласное, и имѣлъ мало вліянія. Сперанскій хотѣлъ расширить его значеніе и дать ему «публичныя формы». Въ одной изъ своихъ записокъ онъ указывалъ два обстоятельства, дѣлавшія преобразованіе старыхъ учрежденій необходимымъ, во-первыхъ, положеніе нашихъ финансовъ, требовавшее непремѣнно новыхъ и значительныхъ налоговъ, и дошедшее до послѣдней степени безпорядка смѣшеніе въ сенатѣ дѣлъ суда и управленія. Относительно перваго Сперанскій писалъ: «Налоги тягостны бываютъ особенно потому, что кажутся *произвольными*. Нельзя каждому съ очевидностію и подробностію доказать ихъ необходимость. Слѣдовательно, очевидность сію должно замѣнить *убѣжденіемъ* въ томъ, что *не дѣйствіемъ произвола*, но точно необходимостію, признанною и представленною отъ совѣта, налагаются налоги. Такимъ образомъ *власть державная* сохранитъ къ себѣ всю цѣлость народной любви, нужной ей для счастія самого народа; она охранитъ себя отъ всѣхъ неправыхъ *нареканій*, заградитъ уста злонамѣренности и злословію, и самые налоги не будутъ казаться столь *тягостными* съ той минуты, какъ признаны будутъ необходимыми». Относительно смѣшенія суда и управленія, онъ говорилъ, что въ этомъ отношеніи исправленій отлагать больше нельзя, и что сдѣлать ихъ слѣдуетъ отдѣленіемъ извѣстной части управленія и назначеніемъ для нея

[1]) Мы касаемся этихъ предметовъ только въ самыхъ общихъ чертахъ; для подробностей читатель можетъ обратиться къ книгѣ барона Корфа, гдѣ этотъ предметъ изложенъ обстоятельно.

особеннаго порядка. Предлогами для образованія государственнаго совѣта, онъ указывалъ: 1) разсмотрѣніе проекта гражданскаго уложенія, часть котораго была имъ къ тому же времени окончена, и 2) упомянутыя финансовыя дѣла.

Преобразованіе государственнаго совѣта готовилось въ величайшей тайнѣ; о немъ не зналъ даже Аракчеевъ и былъ въ бѣшенствѣ отъ этого. Проектъ показанъ былъ только значительнѣйшимъ лицамъ—графу Салтыкову, князю Лопухину, графу Кочубею, канцлеру Румянцеву; Аракчееву показали его почти наканунѣ обнародованія.

Новый государственный совѣтъ открытъ былъ въ особенномъ торжественномъ собраніи 1-го января 1810 года, рѣчью императора. Эта рѣчь (написанная Сперанскимъ, но исправленная Александромъ) — по словамъ барона Корфа — была исполнена чувства, достоинства и такихъ идей, которыхъ никогда еще Россія не слышала съ престола. Затѣмъ Сперанскій, въ качествѣ государственнаго секретаря, прочелъ манифестъ объ образованіи совѣта, положеніе о немъ, списокъ вновь назначенныхъ членовъ его и чиновниковъ. Это учрежденіе—говоритъ біографъ Сперанскаго — для всѣхъ присутствовавшихъ въ этомъ собраніи было совершенно ново по своему духу и содержанію. Въ манифестѣ, открывавшемъ государственный совѣтъ, «Александръ провозглашалъ передъ лицомъ Россіи, что законы гражданскіе, сколь бы они ни были совершенны, *безъ государственныхъ установленій не могутъ быть тверды;* совѣтъ и сенатъ прямо названы были *сословіями*; впервые всенародно выражено сознаніе, что *положеніе государственныхъ доходовъ и расходовъ требуетъ неукоснительнаго разсмотрѣнія и опредѣленія;* впервые возвѣщено, что разумъ всѣхъ усовершеній государственныхъ долженъ состоять въ *учрежденіи образа управленія на твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ закона;* наконецъ, все образованіе совѣта, въ которомъ была особая глава подъ названіемъ *коренныхъ его законовъ*, носило на себѣ явный отпечатокъ понятій и формъ, совершенно новыхъ въ нашемъ общественномъ устройствѣ».

Дѣйствительно все это было ново для членовъ совѣта, большинство которыхъ всѣ свои политическія понятія извлекло изъ нравовъ Екатерининскихъ и Павловскихъ временъ,—потому что въ выраженіяхъ манифеста, какъ ни были они неопредѣленны или общи, говорилъ уже не прежній тонъ абсолютной власти, не допускавшей идеи о раздѣленіи своего права; слухъ, привычный къ прежнему тону власти, открывалъ въ этихъ выраженіяхъ то, что̀ и хотѣли сказать ими, но все еще опасались сказать

совершенно ясно. Мы видѣли прежде, какъ въ подобномъ случаѣ комментировалъ Шторхъ слова указа объ опредѣленіи правъ и обязанностей сената. То, въ чемъ мы затрудняемся видѣть что-нибудь особенно новое, и можемъ увидѣть только особенно взвѣшивая выраженія, въ то время казалось гораздо болѣе яркимъ и сильнымъ.

Въ этихъ общихъ выраженіяхъ дѣйствительно можно прослѣдить тѣ же давнишнія мысли Александра о преобразованіи характера нашей верховной власти, объ ограниченіи «произвола нашего правленія»: отсюда заботы о томъ, чтобы добиться образа управленія, учрежденнаго на «твердыхъ и непремѣняемыхъ» основаніяхъ закона; отсюда заботы о государственныхъ «установленіяхъ», безъ которыхъ не могутъ и законы имѣть силы. Всѣмъ этимъ Александръ и его совѣтникъ хотѣли обозначить учрежденія, которыя были бы независимы отъ «произвола», въ состояніи были бы поставить ему преграду. Отсюда и названіе совѣта и сената «сословіями»—терминъ, который, въ собственномъ его значеніи конечно вовсе не соотвѣтственъ тѣмъ учрежденіямъ, какимъ онъ былъ приданъ: ни государственный совѣтъ, ни сенатъ, вовсе конечно не составляютъ «сословій», — но это выраженіе намекало на тѣ états, Stände и т. п., которыя въ другихъ странахъ выражали собой извѣстную представительную автономію общества и ограниченіе «произвола».

Такой смыслъ новаго учрежденія еще болѣе указывали другія его подробности. Манифестъ [1]) упоминалъ въ самомъ началѣ, что внутреннія установленія русскаго государства, въ самаго основанія его, «постепенно усовершаясь, *прелагаемы были* по разнымъ *степенямъ* гражданскаго его существованія», и цѣлью этихъ усовершенствованій и перемѣнъ, происходившихъ въ русскихъ государственныхъ учрежденіяхъ, по словамъ манифеста, было именно достигнуть управленія, основаннаго на (упомянутыхъ выше) «твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ закона» т.-е. достигнуть прекращенія произвола и утвержденія такъ-называемой тогда «истинной монархіи». Сказавъ о приготовляемомъ изданіи гражданскаго Уложенія, императоръ обѣщалъ — «по примѣрамъ древняго отечественнаго нашего законодательства, назначить порядокъ, коимъ Уложеніе сіе *совокупнымъ разсмотрѣніемъ избраннѣйшихъ сословій* имѣетъ быть *уважено* и достигнетъ своего совершенства». Подъ «примѣрами древняго законодательства» разумѣлись вѣроятно старинные соборы, и можетъ быть Екатерининская коммиссія. Государственному совѣту

---

[1]) См. Полн. Собр. Зак. № 24,064.

предназначалось образованіе, «свойственное *публичнымъ установленіямъ»*. Во главѣ «коренныхъ законовъ государственнаго совѣта», дѣятельность его опредѣлялась тѣмъ, что въ совѣтѣ соображаются всѣ части управленія въ главныхъ ихъ отношеніяхъ къ законодательству, и потому въ немъ предлагаются и разсматриваются всѣ законы, уставы и учрежденія въ ихъ первообразныхъ начертаніяхъ для представленія верховной власти, которой принадлежитъ окончательное ихъ утвержденіе,—и затѣмъ на предварительное разсмотрѣніе его представлялись еще слѣдующіе предметы (§ 29): во-первыхъ, всѣ предметы и случаи, требующіе новыхъ законовъ, отмѣны, измѣненія или разъясненія прежнихъ, и мѣры для успѣшнаго ихъ исполненія; далѣе, *общія* внутреннія *мѣры въ чрезвычайныхъ случаяхъ*; *объявленіе войны, заключеніе мира* и подобныя внѣшнія мѣры, когда онѣ по обстоятельствамъ могутъ подлежать предварительному обсужденію; *ежегодныя смѣты* государственныхъ приходовъ и расходовъ, и чрезвычайныя финансовыя мѣры...; наконецъ, *отчеты* всѣхъ *министерствъ* по ихъ управленіямъ.—Въ этомъ опредѣленіи круга дѣйствій государственнаго совѣта опять обнаруживается желаніе предоставить «сословію» хотя предварительное обсужденіе тѣхъ мѣръ, въ которыхъ бываютъ особенно заинтересованы общество и нація, и которыя въ странахъ конституціонныхъ предоставляются на разсмотрѣніе національнаго представительства.

Мы скажемъ далѣе о томъ, какой результатъ дало это учрежденіе и насколько Александръ и особенно его совѣтникъ могли быть удовлетворены его дѣятельностью на практикѣ въ сравненіи съ тѣми ожиданіями, какія на него возлагались.

Другое преобразованіе совершено было въ министерствахъ. Первоначальное ихъ устройство въ 1802 году, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ практики, обнаружило различныя несовершенства. Сперанскій указывалъ ихъ въ слѣдующемъ: 1) въ недостаткѣ настоящей *отвѣтственности министровъ*; 2) въ неточномъ распредѣленіи дѣлъ между министерствами, и 3) въ недостаткѣ учрежденій, т.-е. въ недостаточномъ устройствѣ административнаго механизма министерствъ. Предложенныя имъ преобразованія внесены были на предварительное разсмотрѣніе государственнаго совѣта, но прошли въ немъ безъ всякихъ замѣчаній и перемѣнъ, и затѣмъ приведены были въ дѣйствіе двумя манифестами,—отъ 25 іюля 1810, при которомъ обнародовано было новое распредѣленіе дѣлъ по министерствамъ, и манифестомъ отъ 25 іюня 1811 г., при которомъ издано было «общее образованіе министерствъ».

Такимъ образомъ, за устройствомъ совѣта, стоявшаго во гла-

вѣ законодательства, послѣдовало преобразованіе учрежденія, которое становилось во главѣ администраціи. Подробности и высокую оцѣнку этого новаго огромнаго труда Сперанскаго читатель найдетъ въ книгѣ барона Корфа, компетентнаго судьи въ этихъ предметахъ. По словамъ его, какъ бы мы ни смотрѣли на основную мысль этого произведенія, оно, по стройности системы, по логической послѣдовательности ея развитія и необыкновеннымъ достоинствамъ изложенія, можетъ одно составить славу своего автора и могло справедливо быть предметомъ его гордости.

«Перемѣнялись царствованія,—продолжаетъ біографъ Сперанскаго, — перемѣнялись многократно люди и системы, передѣлывались всѣ уставы, старые и новые, а общее учрежденіе министерствъ полвѣка стоитъ неподвижно, не только въ главныхъ началахъ, но почти и во всѣхъ подробностяхъ, будто изданное вчера, хотя въ практическомъ приложеніи его къ каждому министерству порознь, даже и въ общемъ его дѣйствіи, оно развилось *не на тѣхъ*, можетъ быть, *нитяхъ*, *которыя были приготовлены Сперанскимъ*. Прибавимъ, что и всѣ тѣ организаціонныя работы, которыя, впослѣдствіи, были произведены у насъ другими, представляютъ, постоянно, сколокъ съ этого образцоваго творенія, не въ одной только мысли, но въ самомъ ея выраженіи, въ планѣ, въ раздѣленіяхъ, почти въ словахъ».

Эта исторія учрежденія, послѣднее устройство котораго было вполнѣ дѣломъ Сперанскаго, показываетъ конечно, что Сперанскій обладалъ большимъ талантомъ организаціи, въ которомъ впослѣдствіи рѣдко кто могъ съ нимъ равняться. Но если устроенная имъ административная система стала потомъ обильнымъ источникомъ бюрократизма,—вслѣдствіе чего Сперанскаго и обвиняютъ всего чаще какъ родоначальника бюрократіи,—то едва-ли справедливо приписывать именно ему этотъ плачевный результатъ министерской реформы. Сперанскій конечно давалъ формы администраціи, но не его вина, если эти формы не наполнялись содержаніемъ; бюрократія создалась не отъ силы самыхъ формъ, а отъ всего склада управленія и всего склада жизни, въ которомъ власть административная (въ той ли, другой ли формѣ) всегда была всесильна надъ жизнью и угнетала ее формализмомъ и произволомъ. Наконецъ, позднѣйшее развитіе министерствъ дѣйствительно совершилось далеко *не на тѣхъ нитяхъ*, которыя Сперанскій приготовлялъ. *Отвѣтственность* министровъ на дѣлѣ вышла призрачная, или совершенно никакая, но это и не было то, чего собственно хотѣлъ Сперанскій.

Далѣе, стояло на очереди преобразованіе сената. Какъ въ

реформѣ министерствъ Сперанскій старался дать ихъ дѣйствіямъ больше правильности съ конституціонной мыслью объ отвѣтственности министровъ за ихъ управленіе, такъ здѣсь онъ желалъ уничтожить ту путаницу дѣлъ, какая господствовала въ сенатѣ отъ смѣшенія судебной и административной властей. Мы видѣли, что уже первые совѣтники Александра приходили къ мысли дать сенату значеніе только высшей судебной инстанціи. Сперанскій также хотѣлъ отдѣлить части правительственныя отъ судныхъ, и изъ соединенія первыхъ составить сенатъ правительствующій, изъ вторыхъ судебный: первый, одинъ для всей имперіи, долженъ былъ состоять изъ министровъ и ихъ товарищей, и изъ главныхъ начальниковъ отдѣльныхъ управленій; второй долженъ былъ состоять изъ сенаторовъ отъ короны, и сенаторовъ *по выбору* отъ дворянства, и долженъ былъ размѣститься по четыремъ судебнымъ округамъ: въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани и Кіевѣ. Проекты обоихъ учрежденій были выработаны Сперанскимъ въ теченіе 1810 и въ началѣ 1811 года, разсмотрѣны были сначала въ особомъ комитетѣ изъ Завадовскаго, Лопухина и Кочубея, разосланы потомъ ко всѣмъ членамъ государственнаго совѣта и въ іюнѣ 1811 внесены въ его общее собраніе, гдѣ разсмотрѣніе проектовъ продлилось до половины сентября. Новое учрежденіе встрѣтило здѣсь весьма упорную оппозицію. Возраженія сводились вообще къ тому, что «перемѣна учрежденія, великими монархами установленнаго и цѣлый вѣкъ существовавшаго, произведетъ *печальное впечатлѣніе* на умы» — какъ будто бы прежнія времена могли внушить такой интересъ къ этому учрежденію и какъ будто возражатели въ самомъ дѣлѣ привыкли обращать вниманіе на «печальныя впечатлѣнія»; что раздѣленіе сената уменьшитъ его *важность*, что вдали отъ монарха въ него легче могутъ проникнуть слабость и пристрастіе, и что раздѣленіе повлечетъ большія издержки и трудность пріискать людей на разныя сенатскія должности; что назначеніе сенаторовъ *по выбору* противорѣчитъ духу самодержавія и можетъ еще обратиться во вредъ, потому что выборы могутъ подпасть вліянію богатыхъ помѣщиковъ, которые черезъ это пріобрѣтутъ возможность тѣснить кого захотятъ; что окончательное рѣшеніе дѣлъ сенатомъ также умаляетъ прерогативы самодержавія, тѣмъ болѣе, что преобразованіе еще не ручается за улучшеніе вмѣстѣ съ тѣмъ способности и свойства судящихъ; наконецъ, что выраженіе «державная власть», употребленное въ проектѣ, несвойственно Россіи, гдѣ есть только «самодержавная» власть. Въ этихъ возраженіяхъ была своя доля правды, но еще больше было, кажется, лицемѣрнаго подслу-

живанія передъ властью; при подачѣ голосовъ большинство совѣта все-таки, по разнымъ личнымъ соображеніямъ, высказалось за проектъ. Александръ утвердилъ мнѣніе большинства, но исполненіе не состоялось, отчасти потому, что оно требовало многихъ приготовительныхъ мѣръ и значительныхъ издержекъ, отчасти по обстоятельствамъ, заставлявшимъ готовиться къ войнѣ. По убѣжденіямъ самого Сперанскаго, какъ онъ говоритъ въ своемъ пермскомъ письмѣ, Александръ отложилъ исполненіе этого преобразованія до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Въ его царствованіе такихъ обстоятельствъ уже не наступало.

Мы упоминали, что во вновь образованный государственный совѣтъ предполагалось съ самаго начала внести на разсмотрѣніе «проектъ гражданскаго Уложенія» и планъ финансовъ. И то, и другое было также трудомъ Сперанскаго. Эти труды, въ которыхъ опять высказывались новые пріемы и новый взглядъ на вещи, въ особенности послужили цѣлью нападеній противъ Сперанскаго. Читатель найдетъ достаточно подробностей объ этомъ въ книгѣ барона Корфа. Въ «Уложеніи», изготовленномъ слишкомъ поспѣшно, было много недостатковъ, хотя кажется до сихъ поръ не была по справедливости оцѣнена основная мысль этой работы, хотя и неудовлетворительно исполненной [1]). Съ той точки зрѣнія, на которой стоялъ вообще Сперанскій въ то время, и въ которой нельзя не находить много вещей, чрезвычайно справедливыхъ, «Уложеніе» по своей мысли было совершенно параллельно тому цѣлому проекту, изъ котораго выходили, какъ отдѣльныя части, реформы совѣта, министерствъ и сената, и долженъ былъ выйти еще цѣлый рядъ новыхъ учрежденій. Не забудемъ, что Сперанскій предлагалъ только проектъ; дѣло того собранія, въ которое онъ былъ внесенъ, было принять и развить его, или отвергнуть; личная отвѣтственность автора отступаетъ на второй планъ. Но сущность поднятаго вопроса была вполнѣ дѣломъ Сперанскаго, и свободная отъ предубѣжденій исторія русскаго законодательства вѣроятно признаетъ, что Сперанскій былъ очень правъ во многихъ своихъ мнѣніяхъ о недостаткахъ прежняго русскаго законодательства и отчасти правъ и въ самомъ пріемѣ, которымъ онъ хотѣлъ исправить эти недостатки [2]).

---

[1]) Это конечно дѣло спеціалистовъ. Въ книгѣ барона Корфа опровергнуто впрочемъ нѣсколько несправедливыхъ обвиненій противъ Сперанскаго въ запискѣ Карамзина о древней и новой Россіи.

[2]) По словамъ барона Корфа, Сперанскій въ то время «не давалъ никакой цѣны отечественному законодательству, называлъ его варварскимъ и находилъ совершенно безполезнымъ и лишнимъ обращаться къ его пособію».

Въ письмѣ къ Столыпину, въ августѣ 1809 г., онъ говоритъ: «Здѣсь хотятъ насъ

Мы увидимъ дальше, что мнѣнія Сперанскаго не были лишены основаній и доказательствъ.

Такъ шли задуманныя преобразованія. Въ этой формѣ они были однако чрезвычайно далеки отъ того идеала, который онъ составилъ себѣ и который раздѣлялъ съ нимъ Александръ. Баронъ Корфъ приводитъ любопытный отрывокъ изъ его общаго отчета государю за 1810 годъ (первый годъ существованія преобразованнаго совѣта), гдѣ ясно высказываются и исходная точка реформъ, и нѣкоторое удовольствіе (быть можетъ, преувеличенное отчасти для императора) отъ пріобрѣтеннаго успѣха, и возраженія недовольнымъ, но вмѣстѣ съ этимъ и прискорбное сознаніе несовершенства дѣла, для полноты котораго недоставало необходимыхъ дальнѣйшихъ реформъ, а также недоставало и людей, способныхъ какъ слѣдуетъ понять и то, что сдѣлано.

«Излишне бы было изображать здѣсь пользу сего установленія,—говоритъ Сперанскій. Приводя его въ движеніе и поддерживая личнымъ вашимъ дѣйствіемъ, В. В. лучше другихъ можете объять все его вліяніе на общее благоустройство. Совѣтъ учрежденъ, чтобы *власти законодательной*, дотолѣ разсѣянной и разнообразной, *дать* первый видъ, *первое очертаніе правильности*, постоянства, твердости и единообразія. Въ семъ отношеніи онъ исполнилъ свое предназначеніе. Никогда въ Россіи законы не были разсматриваемы съ бо́льшею зрѣлостію, какъ нынѣ; никогда государю самодержавному не представляли истины съ бо́льшею свободою, такъ какъ и никогда, должно правду сказать, самодержецъ не внималъ ей съ бо́льшимъ терпѣніемъ. Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣланъ уже безмѣрный шагъ отъ *самовластія* къ *истиннымъ формамъ монархическимъ*. Два года тому назадъ умы самые смѣлые едва представляли возможнымъ, чтобы россійскій императоръ могъ съ приличіемъ сказать въ своемъ указѣ: «внявъ мнѣнію совѣта» [1]); два года тому назадъ сіе показалось бы оскорбленіемъ величества. Слѣдовательно, пользу сего учрежденія должно измѣрять не столько по настоящему, сколько по будущему его дѣйствію. Тѣ, *кои не знаютъ* связи и *истиннаго мѣста*, какое совѣтъ занимаетъ въ намѣреніяхъ вашихъ, не могутъ чувствовать его важности. Они ищутъ тамъ

увѣрить, что сенатъ вашъ (Столыпинъ служилъ въ сенатѣ) есть самый высшій образъ благоустроеннаго судилища. Вы знаете, склоненъ ли *я симъ чудесамъ въ Россіи вѣрить*», и пр. (Р. Арх. 1870, стр. 882).

[1]) О судьбѣ этой формулы впослѣдствіи, біографъ Сперанскаго говоритъ, что «*на практикѣ* она была употребляема весьма не долго послѣ паденія Сперанскаго, но *въ законѣ* она оставалась до изданія новаго образованія совѣта 15 апрѣля 1842 года и включена была и въ первое изданіе Свода (1832)». Жизнь Спер., I, 137, прим.

конца, гдѣ полагается еще только начало; они судятъ объ огромномъ зданіи по одному краеугольному камню.

«Но сколь далеко еще отстоитъ установленіе сіе отъ совершенства!—говоритъ онъ дальше. Время, съ коего начали у насъ заниматься публичными дѣлами, весьма еще непродолжительно; количество людей, кои въ предметахъ сихъ упражняются, вообще ограниченно, и въ семъ ограниченномъ числѣ надлежало еще, по необходимости, избирать только тѣхъ, кои, *по чинамъ ихъ и званіямъ*, могли быть помѣщены съ приличіемъ. При семъ *составѣ совѣта* нельзя, конечно, и требовать, чтобъ съ перваго шага поравнялся онъ, въ правильности разсужденій и въ пространствѣ его свѣдѣній, съ тѣми установленіями, кои *въ семъ родѣ* въ *другихъ государствахъ* существуютъ. Недостатокъ сей не можетъ, однакоже, быть предметомъ важныхъ заботъ. По мѣрѣ успѣха въ *прочихъ политическихъ установленіяхъ*, и сіе учрежденіе само собою исправится и усовершится».

Эти «прочія политическія установленія», какъ мы говорили уже, не увидѣли свѣта, и тѣ слабые элементы «истинной монархіи», которые Сперанскій ввелъ въ учрежденіе совѣта и министерствъ и которые могли развиться только съ другими широкими реформами, были теперь предоставлены самимъ себѣ, и не поддерживаемые ничѣмъ, слились и затерялись въ прежнемъ традиціонномъ теченіи государственной жизни. Въ пермскомъ письмѣ Сперанскій, вѣроятно уже предчувствовавшій полное паденіе своихъ плановъ, съ тяжелымъ чувствомъ говоритъ о возраженіяхъ, какими встрѣченъ былъ проектъ преобразованія сената: «Возраженія сіи, большею частію, происходили отъ того, что элементы правительства нашего не довольно еще образованы и разумъ людей, его составляющихъ, *не довольно еще пораженъ несообразностями настоящаго вещей порядка*, чтобъ признать благотворныя ваши перемѣны необходимыми. И слѣдовательно надлежало дать время, должно было еще потерпѣть, *еще попустить безпорядокъ и злоупотребленія*, чтобъ наконецъ ихъ ощутили, и тогда, вмѣсто того, чтобъ затруднять намѣренія ваши, сами бы пожелали ихъ совершенія».

Между тѣмъ противъ Сперанскаго уже начиналась вражда, которая достигла наконецъ его низверженія. Источники этой вражды достаточно разъяснены въ его біографіи и въ указанной статьѣ «Современника». Сперанскій держался исключительно расположеніемъ императора Александра. Это былъ человѣкъ чуждый придворной и правительственной сферѣ. Онъ былъ въ ней выскочка, тѣмъ болѣе ненавистный, что онъ и не хотѣлъ сближаться съ ней: обремененный множествомъ дѣлъ, онъ и

прежде былъ довольно недоступенъ; теперь онъ еще рѣже сталъ показываться въ свѣтъ. Занятый своими преобразовательными проектами, которыми искренно увлекался, онъ велъ уединенную, скромную жизнь; онъ не могъ дѣлиться своими мыслями и тайной своихъ работъ; его интересы слишкомъ расходились съ обыкновенными интересами того общества, къ которому онъ принадлежалъ теперь по своему положенію. Въ немъ заискивали [1]), пока считали его обыкновеннымъ временщикомъ, дружба съ которымъ даетъ всякія выгоды и почести; но какъ скоро поняли, что онъ пользуется расположеніемъ императора вовсе не для своихъ личныхъ цѣлей, что онъ дѣйствительно думаетъ о государственныхъ дѣлахъ, и что онъ вовсе не собираетъ своей партіи, не возвышаетъ своихъ друзей, — къ нему стали относиться совершенно иначе. При всемъ своемъ умѣ, Сперанскій не понялъ достаточно всей опасности своего положенія въ подобныхъ условіяхъ. Баронъ Корфъ сообщаетъ любопытный фактъ, характеризующій нравы и объясняющій паденіе Сперанскаго. «Два лица, уже облеченныя до нѣкоторой степени довѣріемъ государя, предложили его любимцу пріобщить ихъ къ *своимъ видамъ* и учредить, изъ нихъ и себя, помимо монарха, безгласный, тайный комитетъ, который управлялъ бы всѣми дѣлами, употребляя государственный совѣтъ, сенатъ и министерства единственно въ видѣ своихъ орудій. Съ негодованіемъ отвергнулъ Сперанскій ихъ предложеніе; но онъ имѣлъ неосторожность, по чувству ли презрѣнія къ нимъ, или, можетъ быть, по другому тонкому чувству умолчать о томъ передъ государемъ». Онъ далъ этимъ оружіе своимъ врагамъ противъ самого себя.

Къ этому присоединились другія обстоятельства. Сперанскій прямо вооружилъ противъ себя придворную среду и огромную чиновничью массу знаменитыми указами о придворныхъ званіяхъ и объ экзаменахъ на чины (1809 г.). Оба указа, данные Александромъ по совѣщанію съ однимъ Сперанскимъ, приписаны были исключительно его вліянію, и возбужденное ими озлобленіе, безъ сомнѣнія, очень содѣйствовало тому, что на Сперанскаго легко стало сваливать потомъ всякія мѣры, которыя были или считались стѣснительными, какъ потомъ сваливались на него финансовыя затрудненія и т. п. а наконецъ взво-

---

[1]) Даже высшіе государственные сановники униженно за нимъ ухаживали. «Всякій разъ,—говоритъ Дмитріевъ въ своихъ запискахъ,—когда онъ ни входилъ отъ государя въ залу общаго собранія совѣта, нѣкоторые изъ членовъ обступали съ шептаньемъ, отбивая одинъ другого, между тѣмъ какъ многіе изъ-за нихъ въ безмолвіи обращались къ нему, какъ подсолнечники къ солнцу, и домогались ласковаго его возрѣнія» («Взглядъ», стр. 194).

дить на него и совсѣмъ фантастическія обвиненія. Наконецъ — самыя государственныя реформы. Какъ ни были осторожны новыя учрежденія, вводимыя Сперанскимъ, какъ ни была неопредѣленна перспектива дальнѣйшаго государственнаго преобразованія, какую представляли собой эти учрежденія, но консервативныя части общества тѣмъ не менѣе почуяли здѣсь что то грозившее старому порядку и стали защищать его. Услужливые и, можетъ быть, дальновидные сановники упрямо отвергали ту долю самостоятельности, какую само правительство желало предоставить обществу, и охраняли абсолютность самодержавія даже отъ тѣхъ умѣренныхъ смягченій, которыя отдавалъ на ихъ обсужденіе самъ императоръ. Въ консервативной массѣ было такъ мало мысли о какихъ-нибудь улучшеніяхъ, такъ сильна была грубая любовь къ старому застою, что нововведеніе, нарушавшее ихъ спокойствіе, становилось настоящимъ преступленіемъ. Въ оппозиціи, которую встрѣтили въ обществѣ планы Сперанскаго, были уже не только люди съ своекорыстными разсчетами, не только легковѣрные невѣжды, но даже и люди, болѣе или менѣе порядочные. Въ запискѣ Карамзина, кромѣ его личныхъ мнѣній, конечно повторено много толковъ и «московскихъ вѣстей», которыя онъ слышалъ въ обществѣ своего и другихъ круговъ. Озлобленный тонъ записки достаточно показываетъ настроеніе консервативнаго большинства, которое теперь уже дѣлало Карамзина своимъ оракуломъ.

Сперанскій задолго до печальной развязки, разрушавшей всю его дѣятельность и съ злой ироніею опровергавшей его политическій идеализмъ — начиналъ уже чувствовать невозможность удержаться. За годъ до ссылки, въ февралѣ 1811 года, въ отчетѣ императору онъ изображалъ свое трудное положеніе и свои столкновенія съ людскими страстями, «а еще болѣе съ неразуміемъ», и настойчиво просилъ разрѣшенія покинуть всѣ свои занятія по текущимъ дѣламъ, и работать только въ коммиссіи законовъ. Александръ удержалъ его [1]). Къ концу 1811 г. Сперанскій, повидимому, уже переставалъ вѣрить въ свои надежды. Въ октябрѣ 1811 года онъ пишетъ къ своему другу Столыпину: «...Поѣздка (въ деревню) и паче воздержаніе отъ *излишнихъ затѣй* по службѣ возвратили мнѣ почти все мое здо-

---

[1]) Въ запискахъ Дмитріева сообщается любопытное свѣдѣніе, что уже *съ августа 1811 г.* министръ полиціи «получилъ тайное приказаніе примѣчать за поступками Сперанскаго» («Взглядъ» и пр., стр. 194). Это свѣдѣніе, если оно вѣрно, прибавляетъ новую чрезвычайно странную черту къ исторіи этого дѣла и къ образу дѣйствій импер. Александра. Біографъ Сперанскаго, имѣвшій въ рукахъ записки Дмитріева, не объяснилъ этого обстоятельства; также и авторъ «Исторіи Александра I», см. III, стр. 190 и слѣд.

ровье. Я называю излишними затѣями всѣ мои предположенія и желаніе *двинуть грубую толщу*, которую никакъ съ мѣста сдвинуть не можно. Пусть же она остается спокойна; а я не буду терять моего здоровья въ тщетныхъ усиліяхъ. Вотъ вамъ краткое описаніе физическаго и политическаго моего бытія. Девизъ мой: *хоть трава не рости*»...[1]) Это былъ совершенно естественный исходъ.

Извѣстно, какой оборотъ получило дѣло подъ конецъ, когда усилилась тревога передъ войной. Сперанскій былъ вольнодумецъ, революціонеръ, мартинистъ, иллюминатъ; теперь его называли измѣнникомъ. Всѣ темныя обвиненія чрезвычайно легко принимаются и распространяются въ грубомъ обществѣ, притомъ лишенномъ публичной жизни и сколько-нибудь свободной печати. Извѣстно, съ какимъ успѣхомъ интрига поразила Сперанскаго. Александръ подъ первымъ впечатлѣніемъ доносовъ хотѣлъ разстрѣлять Сперанскаго. При послѣднемъ докладѣ Сперанскаго, въ концѣ котораго императоръ высказалъ ему свою немилость и свои обвиненія, Александръ, повидимому, не рѣшился даже сказать ему *всего*, въ чемъ онъ его заподозрилъ, и несмотря на то, что чувство справедливости къ Сперанскому, повидимому, удержало его отъ этого сознанія, онъ не далъ Сперанскому возможности что-нибудь сказать въ свое оправданіе. Сперанскій все-таки осужденъ былъ на ссылку. Въ этой ссылкѣ идеальному патріоту пришлось вынести тяжелыя испытанія—его удалялись или оскорбляли какъ измѣнника: темное обвиненіе натравляло на него народную злобу.

Обвиненія, заключавшіяся въ этихъ доносахъ, и обстоятельства, въ какихъ эти доносы были сдѣланы, до сихъ поръ не могли быть разъяснены вполнѣ,—но сущность обвиненій сводилась къ государственной измѣнѣ и къ намѣренію вооружить народъ противъ правительства. Въ книгѣ барона Корфа собрано много свѣдѣній и объ этомъ предметѣ. Обвиненія не заслуживаютъ, конечно, опроверженій. Сперанскій чрезвычайно просто, съ большимъ достоинствомъ и чувствомъ полной правоты, объяснилъ и оправдалъ свою политическую дѣятельность въ томъ письмѣ[2]), которое удалось ему только съ помощью небольшой хи-

---

[1]) Р. Арх. 1870, стр. 884.

[2]) Это письмо, къ которому намъ не разъ надо было обращаться, часто цитируется въ книгѣ барона Корфа, приведено съ выпусками въ изданіи писемъ Сперанскаго къ Масальскому, и вполнѣ, но со множествомъ грубыхъ ошибокъ, напечатано въ одномъ заграничномъ изданіи (Парижъ, Франкъ, 1858) Мы сочли не безполезнымъ напечатать его по списку, болѣе исправному, и въ полномъ составѣ. См. ниже приложенія.

трости, обманувшей его враговъ, переслать къ императору Александру изъ Перми въ январѣ 1813 года.

Обратимся наконецъ къ первоначальнымъ проектамъ, къ тому «колоссальному плану», которому суждено было погубить своего автора, но никогда не осуществиться.

Біографъ Сперанскаго, не входя въ разборъ этого плана, этихъ «начинаній, не достигшихъ полной зрѣлости и самимъ Сперанскимъ впослѣдствіи покинутыхъ», не сомнѣвается при этомъ, что «подробности тогдашнихъ предположеній займутъ нѣкогда важную страницу въ исторіи Россіи и въ біографіи императора Александра». Но кромѣ того, эти подробности существенно необходимы и для полноты біографіи самого Сперанскаго. Можно положительно сказать, что безъ нихъ его характеръ и лучшая половина его жизни и трудовъ останутся неясными, безъ нихъ невозможно дать достаточнаго оправданія дѣятельности, которая въ свое время подверглась такой озлобленной враждѣ и которую иначе слишкомъ легко обвинять въ легкомысленной мечтательности. Въ этомъ проектѣ мы находимъ положительное разъясненіе тѣхъ реформъ, которыя были осуществлены въ неполномъ видѣ; находимъ ключъ къ отдѣльнымъ мѣрамъ и мнѣніямъ, и готовый отвѣтъ на многія возраженія и обвиненія, которыя дѣлались потомъ противъ Сперанскаго его критиками и его врагами. Во многихъ случаяхъ, съ своей точки зрѣнія Сперанскій могъ справедливо говорить, что въ реформахъ «порицали то, чего еще не знали», и «искали тамъ конца, гдѣ полагалось только начало».

Между тѣмъ этотъ планъ, въ свое время составлявшій тайну, былъ очень мало извѣстенъ и впослѣдствіи; въ нашей литературѣ кажется до сихъ поръ не было никакого обзора его содержанія. Прошло уже шестьдесятъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Сперанскій работалъ съ импер. Александромъ надъ этими предположеніями; тридцать лѣтъ прошло со смерти ихъ автора. Теперь, кажется, можетъ наступить время для исторической оцѣнки, или по крайней мѣрѣ для ея начала.

Проектъ Сперанскаго для нашего времени потерялъ уже свой непосредственный интересъ. За нимъ остается интересъ чисто историческій. Если русская жизнь и до сихъ поръ не достигла тѣхъ формъ, идея которыхъ проникаетъ планы Сперанскаго, то исторія сдѣлала однако свое дѣло: она разъяснила вопросъ, открыла въ немъ новыя стороны и, въ частности, произвела въ русской жизни капитальный переломъ, на который Сперанскій въ свое время не рѣшался разсчитывать и безъ котораго

однако самая идея его не могла осуществиться вполнѣ разумно. Освобожденіе крестьянъ, о которомъ Сперанскій думалъ только отдаленнымъ образомъ, поставило русскую жизнь на такой путь, гдѣ его идеалъ не можетъ имѣть непосредственнаго значенія.

Можно думать, что и въ свое время проектъ Сперанскаго, при всей широтѣ его, не удовлетворилъ бы стремленіямъ лучшихъ передовыхъ людей, — правда, чрезвычайно немногихъ, — не удовлетворилъ бы именно отсутствіемъ рѣшенія крестьянскаго вопроса; но при всемъ томъ, въ виду общаго характера понятій и общаго хода дѣлъ онъ дѣйствительно представляетъ собой трудъ смѣлый и колоссальный. Оставшись совершенно неизвѣстнымъ, онъ не имѣлъ конечно никакого практическаго вліянія на развитіе общественныхъ идей (или только очень небольшое, ограниченное тѣми людьми, которые могли съ нимъ ознакомиться), но самъ по себѣ онъ остается чрезвычайно любопытнымъ моментомъ въ ихъ развитіи. Чтобы обозначить историческую цѣнность этого момента, мы воспользуемся словами современника, который самъ вовсе не расположенъ къ Сперанскому, судитъ его, быть можетъ, слишкомъ строго и который однако говоритъ объ его проектѣ слѣдующими словами:

«Если Россія когда-нибудь будетъ имѣть безпристрастную исторію, имя Сперанскаго будетъ въ ней упомянуто съ нѣкоторой честью. Потомство забудетъ, или никогда не будетъ знать нравственную незначительность этого человѣка (le peu de valeur de l'homme moral); оно не остановится на тѣхъ его дѣлахъ, которыя увидѣли свѣтъ, и которыя не заслуживаютъ большого вниманія (за исключеніемъ «Свода»); но оно отдастъ ему справедливость, что онъ обращалъ свои мысли къ лучшему будущему для своего отечества и выразилъ ихъ въ проектѣ государственнаго устройства. Этотъ проектъ, составленный такъ-сказать на глазахъ императора и имъ одобренный, есть одно изъ столь многочисленныхъ доказательствъ либеральныхъ влеченій Александра. Малодушіе Сперанскаго никогда не позволило бы ему высказываться такъ смѣло, какъ онъ высказывается въ этомъ трудѣ, если бы онъ не получилъ на это надлежащаго полномочія.

«Проектъ Сперанскаго былъ очень мало извѣстенъ въ Россіи... Въ немъ говорится о различныхъ учрежденіяхъ, которыя должны были привести русскихъ къ легальному правленію, къ конституціонной представительной формѣ правленія. Онъ написанъ откровеннымъ языкомъ, что производитъ пріятное впечатлѣніе въ читателѣ, любящемъ свое отечество. Если вспомнить, что этотъ трудъ былъ написанъ до 1812 года, то нельзя не признать, что Спе-

ранскій былъ однимъ изъ самыхъ передовыхъ людей своего времени не только для Россіи, но и для континентальной Европы» [1]).

Мы возвратимся къ историческому значенію плановъ Сперанскаго, и перейдемъ теперь къ самому проекту. Выше было упомянуто, что ему предшествуетъ обширная вступительная записка объ общихъ вопросахъ государственнаго устройства, и затѣмъ слѣдуетъ самый проектъ. Не имѣя въ рукахъ самаго документа, мы пользуемся только тѣмъ, что было извлечено Тургеневымъ и, слѣдовательно, переводимъ съ французскаго.

Вотъ нѣсколько отрывковъ, — во-первыхъ изъ введенія къ проекту.

Въ самомъ началѣ изложенія авторъ обращается къ исторіи для указанія той потребности, которая всегда чувствовалась въ правильномъ (представительномъ) порядкѣ государственнаго устройства. Сперанскій говоритъ:

«Уже въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича была почувствована необходимость положить границы абсолютной власти. Нравы того вѣка не позволили установить въ этомъ отношеніи учрежденій прочныхъ; но по крайней мѣрѣ внѣшнія формы достаточно открывали желаніе достигнуть нѣкогда такихъ учрежденій.

«Во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ считали необходимымъ совѣтоваться съ боярами, составлявшими тогда образованнѣйшую часть народа, и испрашивать, для принимаемыхъ мѣръ, благословеніе патріарха.

«Во внѣшнихъ формахъ, данныхъ правительству во времена Петра I, нисколько не думали о свободѣ политической; но Петръ, открывая дорогу наукамъ и торговлѣ, тѣмъ самымъ открывалъ дорогу и свободѣ. Не имѣя никакого яснаго намѣренія дать Россіи политическое бытіе, этотъ государь приготовилъ для него путь уже тѣмъ однимъ, что онъ имѣлъ инстинктъ цивилизаціи.

«Основанія, установленныя Петромъ I, получили такую твердость, что при вступленіи на престолъ императрицы Анны, сенатъ могъ счесть себя въ правѣ требовать политическаго бытія, и явиться посредникомъ между народомъ и престоломъ.

«Но эта попытка была преждевременна, и довольно было придворной интриги, чтобъ сдѣлать ее неудачной.

«Царствованіе императрицы Елизаветы, безплодное для славы государства, не болѣе благопріятно было и для политической

---

[1]) La Russie, I, 573—574.

свободы; но промышленность и торговля скрывали въ себѣ сѣмена этой свободы, которыя только выростали и развивались съ ними.

«Настало наконецъ царствованіе Екатерины II. Все, что сдѣлано было въ другихъ странахъ для устройства сословныхъ собраній, все, что политическіе писатели того времени предлагали наилучшаго для содѣйствія успѣху свободы, все, что пытались сдѣлать во Франціи въ теченіе двадцати пяти лѣтъ для предупрежденія того великаго переворота, настоятельность котораго предвидѣли, — все это Екатерина употребила при устройствѣ коммиссіи объ уложеніи. Созваны были депутаты націи, и созваны въ строгихъ формахъ національнаго представительства; для этого собранія составленъ былъ Наказъ, заключавшій въ себѣ собраніе лучшихъ политическихъ истинъ того времени; ничто не было забыто, чтобы облечь это собраніе всѣми гарантіями свободы и всѣми аттрибутами достоинства, чтобы дать ему, чтобы дать Россіи, которую оно представляло, политическое бытіе. Но все это было такъ незрѣло, такъ преждевременно, что только величіе первой мысли и блескъ послѣдовавшихъ военныхъ и политическихъ подвиговъ могли спасти эту попытку отъ всеобщаго неодобренія.

«Съ тѣхъ поръ мысли Екатерины II, какъ это можно видѣть по ея дальнѣйшему образу дѣйствій, совершенно измѣнились. Неуспѣхъ этой попытки, кажется, охладилъ ее и такъ сказать устрашилъ ее отъ внутреннихъ политическихъ реформъ.

«Царствованіе императора Павла I замѣчательно закономъ о престолонаслѣдіи, и также закономъ, который установляетъ за правило, что крестьяне должны работать на помѣщика не больше трехъ дней въ недѣлѣ. Это былъ первый законъ, обнаружившій благопріятное расположеніе къ крестьянамъ, со времени ихъ подчиненія землевладѣльцамъ.

«Въ настоящее царствованіе можно указать слѣдующія государственныя установленія:

«1) Дозволеніе всѣмъ свободнымъ сословіямъ владѣть землями.

«2) Учрежденіе класса свободныхъ хлѣбопашцевъ.

«3) Учрежденіе министерствъ, съ отвѣтственностью министровъ.

«4) Мѣры, принятыя для Лифляндіи, какъ опытъ и примѣръ общаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ.

«Все это доказываетъ, что Россія, несмотря на свое абсолютное правленіе, очевидно идетъ къ свободѣ.»

О необходимости представительныхъ формъ, вытекающей изъ настоящаго положенія дѣлъ, Сперанскій говорилъ:

«Всѣ жалуются на смѣшеніе, которое царствуетъ въ нашихъ гражданскихъ законахъ; но гдѣ средство улучшить ихъ, ввести въ нихъ желаемый порядокъ, когда мы не имѣемъ законовъ политическихъ! Къ чему служатъ законы, опредѣляющіе права собственности каждаго, когда сама эта собственность не имѣетъ никакого прочнаго и опредѣленнаго основанія? Къ чему гражданскіе законы, когда ихъ таблицы могутъ каждый день разбиться о первый камень абсолютизма? Жалуются на безпорядокъ въ финансахъ: но можно ли устроить хорошо финансы тамъ, гдѣ нѣтъ публичнаго кредита, гдѣ не существуетъ никакого политическаго учрежденія, которое могло бы обезпечивать его прочность? Жалуются на медленность, съ какой распространяются просвѣщеніе, промышленность: но гдѣ принципъ, который могъ бы оживотворить ихъ? Къ чему стараться просвѣщать раба, если просвѣщеніе не должно имѣть на него другого дѣйствія, кромѣ того, что оно заставитъ его еще болѣе почувствовать тягость своего положенія?

«Наконецъ, это общее недовольство, эта наклонность все критиковать, суть не что иное какъ выраженіе скуки отъ нынѣшняго порядка вещей.

«...Умы находятся въ тягостномъ безпокойствѣ; и это безпокойство можно объяснить только полнымъ измѣненіемъ, происшедшимъ въ мнѣніяхъ, только желаніемъ другого правленія, желаніемъ, пожалуй, неопредѣленнымъ, но тѣмъ не менѣе живымъ... Все это доказываетъ, что существующая система правленія не соотвѣтствуетъ болѣе состоянію общественнаго мнѣнія, и что пришло время замѣнить эту систему другою».

О недостаточности и неопредѣленности существующихъ законовъ Сперанскій говорилъ:

«Въ хаосѣ указовъ есть распоряженія, не только темныя и недостаточныя, но и противорѣчащія одно другому. Повѣрять ли, что у насъ нѣтъ точнаго закона о наслѣдствѣ ab intestato, о завѣщаніяхъ? Въ уголовномъ законодательствѣ не опредѣлены вещи самыя простыя, самыя обыкновенныя: такъ, всегда судили и приговаривали, и продолжаютъ судить и приговаривать за переливъ монеты, и однакоже въ законахъ нѣтъ ни слова, гдѣ бы предписывалось наказывать это дѣйствіе. Не говорю здѣсь о предметахъ болѣе важнаго свойства, именно объ отношеніяхъ крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ, т.-е. объ отношеніяхъ милліоновъ людей, составляющихъ полезнѣйшую часть населенія, съ

горстью тунеядцевъ [1]), которые присвоили себѣ, Богъ знаетъ почему и какъ, всѣ права, всѣ привилегіи».

За этими отрывками изъ вступительной записки слѣдуютъ, въ нашемъ источникѣ, извлеченія изъ самаго плана государственнаго образованія. Въ этихъ извлеченіяхъ указаны только главнѣйшіе пункты плана, чтобы дать только самое общее понятіе о трудѣ Сперанскаго. Извлеченіе буквально слѣдуетъ выраженіямъ самаго проекта.

И здѣсь опять, прежде всего, выставлены общія соображенія.

«Найти средства сдѣлать основные государственные законы ненарушимыми и священными для всѣхъ, не исключая особы монарха,—говоритъ Сперанскій,—всегда было предметомъ размышленій для всѣхъ добрыхъ царей, для лучшихъ умовъ, для всѣхъ тѣхъ, кто любитъ свое отечество и не отчаявается въ его благоденствіи».

Относительно формъ правленія, авторъ, послѣ многихъ теоретическихъ разсужденій, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ, указывающимъ на близость того времени къ эпохѣ 1789 года:

«1) Никакое правительство не можетъ быть законно, если оно не основано на волѣ страны.... 4) Источникъ всякой власти есть государство, страна. 5) Всякое правительство существуетъ на извѣстныхъ условіяхъ, и законно только до тѣхъ поръ, пока исполняетъ эти условія.

«Въ дѣтствѣ обществъ, форма правленія могла быть только деспотическая... Но когда государи перестали быть отцами своихъ подданныхъ, когда они начали пользоваться своимъ могуществомъ противно истиннымъ интересамъ подданныхъ, тогда къ общимъ условіямъ, на которыхъ воля народа основала правленіе, и которыя, по своей неопредѣленности и недостаточности, привели наконецъ къ произволу, найдено было необходимымъ прибавить спеціальныя правила, опредѣлить болѣе строго предметъ желаній народа. Эти правила названы были *основными законами* страны, и ихъ цѣлость учрежденіями (конституціей).

«Правленіе, организованное такимъ образомъ, можетъ быть или ограниченная монархія, или ограниченная аристократія.

«Отсюда слѣдуетъ: 1) что основные законы государства должны быть дѣломъ націи; 2) что основные законы государства полагаютъ границы абсолютной власти.

«Всѣ государства имѣли всегда и будутъ всегда имѣть двѣ

[1]) Въ одной изъ рукописей это выраженіе (fainéants) зачеркнуто и замѣнено: горстію людей. Примѣч. Тургенева.

формы правленія: форму внѣшнюю и форму внутреннюю. Первая состоитъ въ грамотахъ, основныхъ законахъ, учрежденіяхъ, внѣшнимъ образомъ опредѣляющихъ взаимныя отношенія различныхъ силъ государства; вторая состоитъ въ такомъ распредѣленіи этихъ силъ, чтобы ни одна изъ нихъ не могла получить господства надъ другими.

«Внѣшняя форма не имѣетъ никакой важности; дѣйствительную важность имѣетъ только форма внутренняя. Со всѣми внѣшними признаками свободы, законности, народъ въ дѣйствительности можетъ быть рабомъ.

«Когда народъ установилъ основные законы, когда онъ взялъ клятву отъ исполнительной власти въ ихъ сохраненіи, когда онъ устроилъ какой-нибудь парламентъ, сенатъ, онъ еще не основалъ этимъ свободы, если могущество правительства остается тѣмъ же, чѣмъ оно было до существованія этихъ учрежденій.

«Одна внѣшняя форма никогда не въ состояніи была бы установить въ Англіи правленіе, какое мы въ ней видимъ.

«Правленіе Рима при цезаряхъ было въ сущности деспотическое, между тѣмъ какъ внѣшняя форма была совершенно республиканская.

«Тотъ, кто захотѣлъ бы судить о Россіи по внѣшней формѣ правленія, по грамотамъ, даннымъ различнымъ сословіямъ націи, по ея сенату, по ея дворянству, учрежденному въ наслѣдственное сословіе, не сказалъ ли бы тотъ, что она имѣетъ правленіе монархическое? Однакоже, это далеко не такъ».

О внутренней формѣ правленія Сперанскій говорилъ:

«Всякое правленіе, чтобы быть законнымъ, должно основываться на общей волѣ народа. Сила можетъ быть ограничена только силою... Созданія, исходящія только изъ личной воли монарха, не могутъ служить противовѣсомъ силѣ; приписывать имъ это значеніе значило бы измѣрять пространство тяжестью... Итакъ, власть правительства можетъ быть ограничена только властью народа.

«Обѣ эти власти имѣютъ одинъ и тотъ же источникъ, такъ какъ правительство не можетъ имѣть иной власти, какъ та, которую вручилъ ему народъ».

Изъ этого принципа авторъ извлекаетъ между прочимъ то слѣдствіе, что «всякое правленіе абсолютное или произвольное есть правленіе узурпированное и никогда не можетъ быть законно».

«Власть или силы народа, дѣйствительно, всегда бываютъ больше силъ правительства, такъ какъ народъ самъ создаетъ свои силы, между тѣмъ какъ правительство бываетъ сильно и

могущественно только въ той степени, въ какой допускаетъ это народъ.

«Но силы народа слишкомъ часто бываютъ на дѣлѣ парализованы: 1) отъ незнанія народомъ его правъ; 2) отъ различія интересовъ и недостатка связи между отдѣльными лицами.

«Распаденіе народа на различныя сословія, на различныя корпораціи можетъ считаться причиной всякаго абсолютнаго правленія. Divide, ut imperes.

«Первый шагъ, который нужно сдѣлать для ограниченія абсолютной власти, это положить конецъ раздорамъ, существующимъ между различными сословіями и различными состояніями, соединить ихъ всѣ, чтобы уравновѣсить силу правительства.

«Такъ какъ весь народъ въ цѣлости не можетъ блюсти за тѣмъ, чтобы правительство оставалось въ предѣлахъ, предписанныхъ закономъ, то совершенно необходимо, чтобы было сословіе, которое, становясь между имъ и правительствомъ, было достаточно просвѣщенно, чтобы понимать, какіе должны быть истинные предѣлы власти, достаточно независимо, чтобы не бояться ея, и достаточно связано интересами съ народомъ, чтобы никогда не имѣть покушенія измѣнить ему.

«Отсюда слѣдуетъ, что въ ограниченной монархіи нужно установить два большіе отдѣла: высшій классъ, обязанный блюсти за исполненіемъ законовъ, и низшій классъ, отдѣленный отъ перваго по имени и по наружности, но тождественный съ нимъ по своимъ интересамъ».

Въ устройствѣ и организаціи этого высшаго класса авторъ взялъ образцомъ англійскую аристократію. Изложивши устройство этой аристократіи, онъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ положеніе и особенности низшаго класса.

«1) Народъ состоитъ изъ всего того, что не входитъ въ аристократію. Дѣти перваго государственнаго сановника, кромѣ старшаго, принадлежатъ къ народу.

«2) Никакой классъ народа не можетъ имѣть исключительныхъ правъ на владѣніе той или другой собственностью; но всѣ граждане должны имѣть пользованіе тѣмъ, что они пріобрѣтаютъ.

«3) Народъ долженъ участвовать въ составленіи законовъ, если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ.

«4) Народъ довѣряетъ аристократіи блюсти за исполненіемъ законовъ, такъ какъ она обязана представлять его.

«5) Всякая собственность народа наслѣдственна; но его должности избирательны.

«6) Никто не долженъ быть судимъ иначе, какъ своими равными.

«Если, несмотря на всѣ предосторожности, какія найдутъ нужнымъ принять, власть, глухая къ воплю народа и презирающая его гнѣвъ, доходитъ до всѣхъ крайностей, какія произволъ можетъ себѣ дозволить въ своемъ безуміи, какія средства представитъ предлагаемая нами форма правленія, чтобы воспротивиться имъ? Отвѣтъ легкій: какія средства могутъ человѣческія силы противопоставить Тамерлану и другимъ подобнымъ чудовищамъ? Какіе законы могли когда-нибудь держаться, когда государства падали въ развалинахъ?»

Авторъ оканчиваетъ эти общія соображенія цитатой изъ Монтескьё: «point de noblesse, point de monarchie».

Затѣмъ слѣдуютъ частныя соображенія собственно о Россіи въ до-александровскую эпоху и при Александрѣ I.

«Я не знаю, — говоритъ авторъ въ началѣ, — въ чемъ состояли истинныя намѣренія русскихъ государей со времени Петра I относительно устройства Россіи; однакоже ихъ величайшей заботой было, кажется, дать этой имперіи всѣ внѣшніе признаки монархическаго правленія, сохраняя въ своихъ рукахъ власть самую абсолютную. Думали ли они, дѣйствительно, что права и грамоты, данныя на бумагѣ, достаточно опредѣляли форму правленія, или напротивъ, не считали ли они необходимымъ пріучить народъ къ словамъ, прежде чѣмъ позволить ему обладать вещами, дѣйствительностью? Признавали ли они, въ своей совѣсти, справедливыми и полезными принципы, которыхъ они не рѣшались обращать въ факты? Наконецъ, не дѣйствовали ли они только вслѣдствіе внезапныхъ вдохновеній, безъ всякаго опредѣленнаго плана? Какъ бы то ни было, нѣтъ страны въ мірѣ, гдѣ слова соотвѣтствуютъ вещамъ меньше чѣмъ въ Россіи.

«Всѣ установленныя власти, какъ административныя, такъ и судебныя, имѣютъ свои имена и представляютъ монархическіе внѣшніе признаки. Сенатъ называется хранителемъ законовъ; дворянство есть природный хранитель ихъ. Мы также имѣемъ въ народѣ свободные классы; развѣ купцы, мѣщане, даже государственные крестьяне не имѣютъ своихъ правъ, своихъ привилегій? Развѣ они не судятся своими равными?

«Вотъ источникъ ошибки, въ которую необходимо впадаютъ всѣ, кто судитъ о Россіи по внѣшнимъ признакамъ.

«По внѣшности у насъ есть все, а на дѣлѣ у насъ нѣтъ ничего; и въ особенности у насъ еще нѣтъ монархическаго правленія.

«Не говоря о другихъ учрежденіяхъ, что̀ такое само русское дворянство, когда личность всякаго дворянина, его собственность,

его честь, все наконецъ, зависятъ не отъ закона, но только отъ воли абсолютнаго властителя? Самый законъ не зависитъ ли также отъ этой воли, которая одна дѣлаетъ и провозглашаетъ этотъ законъ?... Право собственности есть только право терпимое верховной властью, и собственники суть только люди, имѣющіе эту собственность въ своемъ пользованіи (usufruitiers).»

«Я желалъ бы, — продолжаетъ авторъ, — чтобы кто-нибудь показалъ мнѣ, какая есть разница между отношеніемъ крѣпостныхъ къ ихъ господамъ и отношеніемъ дворянъ къ верховной власти. Развѣ послѣдняя не имѣетъ надъ дворянами тойже самой власти, какъ дворяне надъ крѣпостными?

«Итакъ, вмѣсто этой пышной классификаціи русскаго народа на различныя сословія, на дворянъ, купцовъ, мѣщанъ, я нахожу въ Россіи только два сословія: это — рабы верховной власти, и рабы землевладѣльцевъ. Первые свободны только относительно послѣднихъ; въ дѣйствительности, въ Россіи нѣтъ свободныхъ людей, кромѣ нищихъ и философовъ.

«Что окончательно уничтожаетъ въ русскомъ народѣ всякую энергію, это — тѣ отношенія, въ которыхъ поставлены между собою эти два класса рабовъ. Интересъ дворянства требуетъ, чтобы крестьяне были ему совершенно подчинены; интересъ крестьянъ требуетъ, чтобы дворяне точно также были подчинены коронѣ... Престолъ всегда представляется крестьянамъ какъ единственный противовѣсъ власти ихъ господъ».

Авторъ объявляетъ, что однимъ изъ слѣдствій этого порядка вещей является невозможность, для народа вообще, сдѣлать какой-нибудь дѣйствительный успѣхъ въ просвѣщеніи.

«Въ самомъ дѣлѣ, — говоритъ онъ, — что̀ такое образованіе, знанія, для народа несвободнаго, какъ не средство живѣе почувствовать бѣдственность своего положенія, источникъ волненій, которыя могутъ только способствовать къ бо̀льшему его порабощенію, или могутъ навлечь на страну ужасы безначалія. Изъ человѣколюбія столько же, сколько изъ политики, слѣдуетъ оставить рабовъ въ невѣжествѣ, если не хотятъ дать имъ свободы.

«Полагаютъ,—продолжаетъ авторъ,—что просвѣщеніе должно предшествовать свободѣ. Но что́ разумѣютъ подъ этимъ словомъ просвѣщеніе? Если оно означаетъ возвышенный образъ мыслей, способность понимать тонкія различія, существующія между истиной и ложью, наконецъ, если оно означаетъ чувство нравственнаго добра, тогда надо признать, что ни одинъ народъ на свѣтѣ никогда не достигалъ до этой степени совершенства, что еще долго ни одинъ народъ не достигнетъ ея, въ чемъ я и не вижу впрочемъ никакой необходимости. Нравственное чувство замѣ-

няется у народа религіей, которая говоритъ ему, безъ сомнѣнія, менѣе тонкимъ образомъ, но во всякомъ случаѣ довольно ясно, — въ чемъ состоитъ грѣхъ, въ чемъ спасеніе; за отсутствіемъ логики, простой здравый смыслъ показываетъ ему, сколько нужно, добро и зло, истину и ложь. И что касается до способности обнять мыслью неизмѣримость вселенной, уразумѣть ничтожество желаній, человѣческихъ страстей, ничтожество самой науки, то я не знаю, къ чему вся эта возвышенная философія можетъ служить земледѣльцу. Если же, напротивъ, подъ просвѣщеніемъ разумѣютъ знаніе полезныхъ истинъ, которое почерпается изъ книгъ, усовершенствованіе промышленности, общественной жизни, то я не понимаю, какимъ образомъ рабъ могъ бы пріобрѣсти подобное воспитаніе; я думаю даже, что ему надо было бы имѣть сначала нѣкоторую свободу для того, чтобы разумъ его могъ просвѣтиться, и воля—перестать быть безплодной....»

«Такимъ образомъ, — продолжаетъ авторъ, — Россія, раздѣленная на различные классы, истощаетъ свои силы въ борьбѣ, которую эти классы ведутъ между собой, и оставляетъ правительству весь объемъ безграничной власти.

«Государство, устроенное такимъ образомъ, если оно и будетъ имѣть то или другое внѣшнее устройство, тѣ или другія грамоты дворянству, грамоты городамъ, два сената и столько же парламентовъ, есть государство деспотическое , и пока оно будетъ состоять изъ тѣхъ же элементовъ, ему невозможно будетъ быть государствомъ монархическимъ....

«Если не хотятъ рѣшиться коснуться до этого основного порядка вещей, всѣ усилія правительства должны ограничиться слѣдующими второстепенными предметами:

«1) Населить и разчистить необработанныя и ненаселенныя земли; потому что человѣческое племя можетъ плодиться даже подъ абсолютнымъ правленіемъ, если оно не слишкомъ дурно;

«2) Держать подъ ружьемъ сильную армію;

«3) Улучшить полицію;

«4) Упростить судебный порядокъ: безъ сомнѣнія, подъ абсолютнымъ правленіемъ, судъ никогда не можетъ быть совершаемъ вполнѣ справедливымъ образомъ, но по крайней мѣрѣ онъ можетъ быть скорый;

«5) Собрать въ систематическомъ порядкѣ законы и указы;

«6) Упорядочить налоги и финансовое управленіе.

«Вотъ все, что̀ можно, все, что̀ должно стремиться сдѣлать при нынѣшнемъ правленіи.

«Но, чтобъ остаться вѣрнымъ своимъ планамъ, чтобъ не уничтожить того немногаго счастія, какое дозволено народу имѣть

при этомъ правленіи, чтобъ не расточить національныхъ богатствъ въ безполезныхъ попыткахъ, правительство въ тоже время должно отказаться:

«1) Отъ всякой мысли имѣть твердые и прочные законы, потому что подъ такимъ правленіемъ подобные законы невозможны;

«2) Отъ всякихъ усилій въ пользу народнаго образованія: человѣколюбіе повелѣваетъ принять этотъ послѣдній принципъ, потому что образованный рабъ есть несчастнѣйшій изъ людей; сдѣлать это было бы также и хорошей политикой, потому что, давая образованіе массѣ народа, нельзя было бы не повредить абсолютному правленію, и не вызвать къ волненію и неповиновенію;

«3) Отъ всякихъ предпріятій, которыя имѣли бы цѣлью усовершенствовать національную промышленность, т.-е. отъ основанія всякихъ фабрикъ или мануфактуръ, требующихъ примѣненія свободныхъ искусствъ;

«4) Отъ всякаго возвышенія національнаго характера, такъ какъ рабъ не можетъ имѣть національнаго характера; рабъ можетъ быть здоровъ тѣломъ, крѣпокъ своими физическими силами, но онъ никогда не способенъ къ великимъ дѣламъ; безъ сомнѣнія есть исключенія, но они не уничтожаютъ правила;

«5) Отъ всякаго замѣтнаго увеличенія національнаго богатства: главное основаніе всякаго богатства заключается въ религіозномъ уваженіи права собственности, а это уваженіе становится невозможно при отсутствіи законовъ.

«6) Тѣмъ болѣе еще надо будетъ отказаться отъ улучшенія положенія низшаго класса народа: плодъ его трудовъ будетъ всегда истребляемъ роскошью высшаго класса»....

«Предполагая,—говоритъ авторъ дальше,—что благодѣтельныя намѣренія императора встрѣтятъ препятствія въ силѣ обстоятельствъ, мы постараемся по крайней мѣрѣ съ большей заботливостью изыскать, какія средства улучшенія можетъ допустить настоящее положеніе вещей.

«Совершенная невозможность обезпечить счастіе Россіи, не касаясь нынѣшняго устройства различныхъ классовъ націи, достаточно доказываетъ необходимость подвергнуть ихъ преобразованію. Уже полвѣка назадъ признано было, что ни одно европейское государство, находясь въ сношеніяхъ съ другими государствами, не могло бы надолго сохранить деспотическое правленіе. Довольно принять въ соображеніе ту степень, какой вообще достигло просвѣщеніе, довольно видѣть примѣръ, представляемый другими націями, и его заразительность, наконецъ спросить

внутреннее чувство, прислушаться къ желаніямъ народа, какъ ни слабо онъ ихъ выражаетъ, — чтобы убѣдиться въ необходимости преобразованія и узнать положительно, въ чемъ состоятъ желанія и надежды всѣхъ.

«Въ чемъ должно состоять это преобразованіе?... Преобразованіе должно стремиться по крайней мѣрѣ изгладить то вопіющее противорѣчіе, которое существуетъ у насъ между наружной формой и дѣйствительной формой правленія; исполнить то, о чемъ государи въ теченіе столѣтія не переставали говорить народу; укрѣпить престолъ, не удерживая народъ въ его летаргическомъ снѣ и въ его предразсудкахъ, но ставя основаніемъ этого престола законъ и всеобщій порядокъ....

«Мудрость правительства состоитъ не въ томъ, чтобы ожидать событій и подчиняться имъ, но въ томъ, чтобы управлять ими, умѣть отнять у случая то, что этотъ случай можетъ принести вреднаго.

«Предпринимая преобразованіе, надо начать съ того, чтобы организовать иначе, чѣмъ есть, различные классы народа, и измѣнить отношенія ихъ между собою и къ престолу.

«Мы видѣли выше, что въ хорошо организованномъ государствѣ вся масса національныхъ силъ должна быть раздѣлена на два класса: классъ высшій и классъ низшій.

«Высшій классъ долженъ быть основанъ на правѣ первородства (майоратѣ). Онъ предназначенъ занимать первыя государственныя должности и блюсти за сохраненіемъ законовъ. Связанный съ народомъ неразрѣшимыми связями родства, владѣнія, онъ будетъ связанъ съ престоломъ столь же неразрѣшимыми связями почестей и отличій, также какъ и привилегіей короны вводить въ ряды этого класса всѣхъ тѣхъ, кого она сочтетъ того достойнымъ. Этотъ классъ составитъ истинную монархическую аристократію.

«Низшій классъ будетъ состоять изъ всѣхъ тѣхъ, кто не будетъ, по праву первородства или по волѣ монарха, призванъ въ классъ высшій. Этотъ классъ будетъ привязанъ къ престолу гражданской и военной службой, почестями, богатствами, и къ высшему классу связями родства, уваженія, мыслью, что этотъ послѣдній будетъ хранителемъ законовъ. Низшему классу необходимо будетъ принадлежать бóльшая часть богатствъ и образованности страны. Въ немъ нельзя будетъ установить другихъ отличій, кромѣ дарованій, способностей и добродѣтели. Кто осмѣлится тогда угнетать его или смотрѣть на него съ презрѣніемъ?

«Ничто не помѣшало бы правительству отдѣлить три или четыре первые класса нынѣшней дворянской іерархіи отъ осталь-

ного дворянства, и начать съ установленія для этихъ четырехъ классовъ права первородства. Собственно говоря, это не было бы нововведеніемъ.

«Такая реформа не была бы ущербомъ для самого этого высшаго класса....

«Здѣсь было бы конечно и свое неудобство, происходящее изъ того, что четыре первые класса въ настоящее время заключаютъ въ себѣ много дворянъ безъ значенія, безъ заслугъ, и которые слѣдовательно не внушаютъ никакого уваженія. Но это неудобство будетъ только временное: не пройдетъ столѣтія, какъ это дворянство очистится и пріобрѣтетъ весь необходимый блескъ и значеніе. Притомъ отъ воли императора будетъ зависѣть ввести въ него нѣкоторыхъ изъ богатыхъ лицъ низшаго класса. Наперекоръ всѣмъ химерамъ людей, мечтающихъ о метафизическомъ равенствѣ, великое государство должно имѣть не только Юліевъ Цезарей, но и Крассовъ. Пока эти послѣдніе существуютъ, другіе не осмѣливаются узурпировать высшую власть.

«Нынѣшнее мелкое дворянство также не будетъ имѣть разумнаго основанія жаловаться на такую реформу.... Развѣ оно уже теперь не засѣдаетъ въ судахъ рядомъ съ людьми изъ низшихъ классовъ, и развѣ императоръ не можетъ возвести въ дворянство половину населенія страны?...

«Остается только опредѣлить время, когда это раздѣленіе произойдетъ, и способъ, какимъ оно должно быть исполнено.

«Тоже народное собраніе [1]), которое созвано будетъ для изготовленія законовъ, положитъ и первыя основанія этого раздѣленія.

«Чтобы не рисковать ничѣмъ, нужно — 1) чтобы это раздѣленіе было съ самаго начала указано распоряженіями, которыя будутъ приняты для созыва собранія, въ которыхъ сказано будетъ, что дворяне, принадлежащіе къ первымъ четыремъ классамъ, составятъ особую палату, а остальное дворянство будетъ засѣдать съ депутатами отъ народа; 2) чтобы среди работъ собранія первой палатѣ предложено было возстановить древній законъ Петра I о первородствѣ, ограничивая его примѣненіе высшимъ классомъ; вторая палата не будетъ имѣть повода возражать, такъ какъ этотъ законъ не будетъ прямо къ ней относиться; 3) чтобы въ тоже время предложенъ былъ законъ въ томъ смыслѣ, что за исключеніемъ первыхъ четырехъ классовъ не будетъ больше классовъ или номинальныхъ степеней: совѣт-

1) У Тург.: «le même congrès national».



никъ какого-нибудь управленія будетъ совѣтникъ, копіистъ будетъ копіистъ и ничего больше; этимъ уничтожены будутъ всѣ отличія классовъ или гіерархическихъ чиновъ; останется только отличіе, связанное съ занимаемымъ мѣстомъ, съ исполняемой должностью; 4) нужно поставить правиломъ и повелѣть, чтобы всѣ дѣла, приносимыя въ суды, рѣшаемы были всѣми засѣдателями совмѣстно [1]), исключая однако дѣла уголовныя первыхъ четырехъ классовъ, которыя должны быть судимы въ высшемъ судѣ. Исполненіе подобнаго закона такъ легко, что даже въ наше время недоставало только двухъ или трехъ голосовъ, чтобы онъ былъ принятъ сенатомъ.

«Эти четыре распоряженія, когда время освятитъ ихъ, изгладятъ всѣ нелѣпыя различія, существующія теперь, и соединятъ всѣ части народа въ одно цѣлое. Дворянинъ сохранитъ свой дворянскій титулъ, и, если это ему нравится, можетъ имъ гордиться; но весь русскій народъ будетъ пользоваться тѣми же правами какъ онъ.

«Правда, что, несмотря на эти перемѣны, дворянство сохранитъ еще прерогативу, которая и послѣ будетъ отличать его отъ другихъ классовъ: оно будетъ по прежнему имѣть крестьянъ. Но, какія бы трудности ни могло представить освобожденіе, крѣпостное рабство есть вещь, столь противорѣчащая здравому смыслу, что его нельзя считать иначе какъ временнымъ зломъ, которое неминуемо должно имѣть свой конецъ».

«Мнѣ кажется,—продолжаетъ авторъ,—что, раздѣливъ дѣло освобожденія на двѣ эпохи, можно было бы привести его къ счастливому рѣшенію.

«Въ первой эпохѣ ограничатся тѣмъ, чтобы опредѣлить повинности, которыя владѣлецъ можетъ законно требовать отъ крестьянина. Въ тоже время, въ интересѣ самихъ владѣльцевъ, установлена будетъ какая-нибудь судебная власть, которая будетъ рѣшать споры между владѣльцами и земледѣльцами. Подобное учрежденіе указано уже въ Наказѣ императрицы Екатерины II.... Такимъ образомъ, и безъ особеннаго формальнаго закона, крестьяне, изъ крѣпостныхъ или рабовъ, каковы они теперь, сдѣлаются только приписанными къ землѣ, *glebae adscripti*. Это будетъ первая степень ихъ освобожденія.

«Къ этой мѣрѣ можно было бы прибавить двѣ другія, которыя состояли бы: первая—въ томъ, чтобы обратить подушную подать въ поземельный налогъ; вторая—въ томъ, чтобы пред-

---

[1]) Выборные засѣдатели принимали участіе только въ тѣхъ дѣлахъ, которыя касались лицъ ихъ сословія.

писать, при совершеніи актовъ, указывать не число душъ, но пространство земель, составляющихъ предметъ сдѣлки.

«Во второй эпохѣ, которой впрочемъ должны предшествовать различныя распоряженія второстепенныя, крѣпостнымъ крестьянамъ возвращено будетъ ихъ древнее право свободно переходить отъ одного землевладѣльца къ другому. Этимъ совершится ихъ окончательное освобожденіе».

Въ заключеніи этого отдѣла авторъ говоритъ:

«Представляя всѣ эти соображенія, мы не имѣли въ виду ни установлять основные законы, ни излагать внѣшнюю форму, которую слѣдуетъ дать правленію; мы хотѣли только изыскать основанія, на которыхъ эти законы должны быть утверждены, если когда-либо Провидѣніе, которое нынѣ столь очевидно покровительствуетъ Россіи, удостоитъ благопріятствовать такому дѣлу. Поэтому, мы только вкратцѣ указали нѣкоторыя, впрочемъ весьма важныя частности,—что̀ отняло у цѣлаго ту ясность, какую оно могло бы имѣть. Это цѣлое было бы полнѣе, еслибы начерченъ былъ впередъ планъ зданія, котораго мы стараемся утвердить основы».

Въ новомъ отдѣлѣ авторъ говоритъ «о духѣ предпринимаемыхъ реформъ». Прежде, чѣмъ перейти къ нему, замѣтимъ, что, по предположенію г. Тургенева, различныя части проекта были написаны въ разное время, чѣмъ онъ и объясняетъ нѣкоторыя, неважныя впрочемъ, противорѣчія, которыя встрѣчаются въ отдѣльныхъ трактатахъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи ихъ нашъ источникъ не представляетъ уже прямыхъ извлеченій изъ текста Сперанскаго, и сообщаетъ только главные принципы, къ которымъ Сперанскій приходитъ «послѣ долгихъ разсужденій». Здѣсь уже начинается проектъ самой регламентаціи новыхъ отношеній, которыя реформаторъ хотѣлъ внести въ русскую жизнь. Это была самая трудная часть его плана, потому что вообще гораздо легче понять ненормальность извѣстнаго порядка вещей, чѣмъ найти настоящія средства къ исправленію; естественно, что эта часть проекта довольно легко поддается критикѣ.

Цѣль реформы, по объясненіямъ Сперанскаго, не можетъ быть иная, какъ основать правленіе, до тѣхъ поръ абсолютное, на «твердыхъ и непремѣняемыхъ» законахъ.

Иниціатива новыхъ законовъ должна исключительно принадлежать исполнительной власти.

Власть судебная, по своей сущности, входитъ въ аттрибуты исполнительной власти; но эта послѣдняя предоставляетъ отправленіе ея судьямъ, избираемымъ самими тѣми, кто нуждается

въ этомъ ея отправленіи. Исполнительная власть такимъ образомъ присвоиваетъ себѣ только право блюсти за строгимъ исполненіемъ судебныхъ формъ.

Всѣ гражданскія права не могутъ быть даны всѣмъ безразлично. Такъ какъ земли, занятыя земледѣльцами, могутъ быть во владѣніи только у извѣстнаго привилегированнаго класса, это обстоятельство составитъ въ этомъ случаѣ исключеніе. Впрочемъ, владѣніе этими землями должно бы всегда быть сообразно съ законами, опредѣляющими этотъ предметъ.

Это различіе въ правѣ владѣнія есть первый источникъ неравенства состояній.

Второй источникъ этого неравенства указывается владѣніемъ собственностью вообще. Лица, не владѣющія совершенно ничѣмъ, не должны имѣть участія въ пользованіи политическими правами.

Этихъ правъ не должны также имѣть слуги, рабочіе поденщики и пр.

Всѣ гражданскія и политическія права могутъ быть раздѣлены на три разряда: 1) общія гражданскія права, принадлежащія всѣмъ гражданамъ; 2) особенныя гражданскія права, принадлежащія только лицамъ, которыя могутъ пользоваться ими по своему воспитанію и роду жизни; 3) политическія права, принадлежащія собственникамъ.

Отсюда три слѣдующія состоянія: 1) дворянство; 2) среднее сословіе; 3) рабочій классъ.

Дворяне будутъ пользоваться всѣми гражданскими правами, принадлежащими русскимъ подданнымъ.

Они будутъ изъяты отъ личной очередной службы; но каждый дворянинъ обязанъ будетъ вступать на государственную службу, по гражданской или по военной части, и оставаться въ ней не менѣе десяти лѣтъ, не перемѣняя рода службы.

Дворяне одни будутъ имѣть право владѣть населенными землями, управляя ими по предписаніямъ закона.

Дворяне, смотря по значенію ихъ собственности, будутъ пользоваться политическими правами, т.-е. тѣми, которыя даютъ возможность быть избирателемъ или избираемымъ.

Дворянамъ разрѣшается заниматься всякаго рода промышленностью; они могутъ быть негоціантами, купцами и т. д., не теряя этимъ правъ, связанныхъ съ дворянствомъ.

Дворянство бываетъ двухъ родовъ: личное и потомственное. Дѣти потомственныхъ дворянъ дѣлаются сами дворянами только прослуживши предписанный закономъ срокъ. Дѣти личныхъ дворянъ принадлежатъ къ среднему сословію. Личные дворяне не дѣлаются потомственными отъ того только, что провели на службѣ

предписанный закономъ срокъ; для этого нужно еще, чтобы они оказали особенныя заслуги. Потомственное дворянство теряется по отказѣ вступить въ государственную службу или оставаться въ ней требуемое время. Оно теряется также по судебному приговору, а также вступленіемъ дворянина въ рабочій классъ.

Среднее сословіе пользуется общими гражданскими правами, но не всѣми особенными гражданскими правами, и не всѣми правами политическими.

Личная служба людей средняго сословія должна быть опредѣлена закономъ, смотря по ихъ положенію и роду промышленности, которою они занимаются.

Имъ можно будетъ пріобрѣтать личное дворянство, добровольно поступая на службу, по исполненіи той, которую наложитъ на нихъ вышеуказанный законъ.

Среднее сословіе составляется изъ негоціантовъ, купцовъ, мѣщанъ, однодворцевъ и также крестьянъ, владѣющихъ извѣстной поземельной собственностью.

Рабочій классъ будетъ пользоваться общими гражданскими правами.

Вступленіе въ высшій классъ будетъ разрѣшено для каждаго человѣка изъ рабочаго сословія, который успѣетъ пріобрѣсти извѣстное количество поземельной собственности, и удовлетворитъ требованіямъ службы, опредѣленной закономъ для его сословія.

Къ рабочему классу будутъ принадлежать всѣ крестьяне, живущіе на помѣщичьихъ земляхъ, ремесленники и ихъ работники, и наконецъ слуги.

Такимъ образомъ всѣ классы народа будутъ связаны другъ съ другомъ. Лица низшихъ классовъ, отправленіемъ своего промысла, своими трудами, всегда будутъ имѣть возможность достигнуть вступленія въ высшее сословіе.

Наконецъ въ трактатѣ «о духѣ органическихъ законовъ» Сперанскій излагаетъ самую систему учрежденій—ту самую, которую начали-было приводить въ исполненіе преобразованіемъ государственнаго совѣта и новымъ устройствомъ министерствъ. Мы прослѣдимъ въ немногихъ словахъ главные пункты этой системы; изъ этого коротваго обзора будетъ достаточно видно, что Сперанскій былъ съ своей точки зрѣнія правъ, когда говорилъ, что выполненіе цѣлой системы дало бы иной видъ тѣмъ реформамъ, которыя безъ этого казались отрывочны и непонятны.

Органическіе законы опредѣляютъ форму учрежденій, которыя служатъ средствами дѣйствія для силъ государства. Во главѣ этихъ учрежденій долженъ стоять государственный совѣтъ, въ

которомъ Сперанскій видѣлъ послѣднее звѣно всей государственной организаціи. Затѣмъ слѣдуютъ другія учрежденія: министерство, «государственная дума», сенатъ. Въ этихъ трехъ учрежденіяхъ заключаются всѣ государственныя силы или власти, именно: законодательство ввѣрено государственной думѣ; судъ или судебная часть—сенату; администрація—министерству. Дѣйствіе этихъ трехъ учрежденій соединяется въ государственномъ совѣтѣ и черезъ него восходитъ къ престолу.

Государственный совѣтъ во внѣшней своей формѣ, повидимому, устроенъ былъ такъ, какъ и предполагалось въ проектѣ; но ему недоставало подготовительныхъ учрежденій и — людей.

Дальнѣйшія правительственныя учрежденія предполагалось устроить слѣдующимъ образомъ:

Государственная дума должна была имѣть значеніе законодательнаго собранія. Она должна была составиться изъ депутатовъ отъ всѣхъ свободныхъ классовъ, выбираемыхъ, какъ мы покажемъ дальше, въ губернскихъ собраніяхъ. Президентъ думы назначается изъ трехъ кандидатовъ, выбираемыхъ собраніемъ.

Законы предлагаются вообще правительствомъ; они обсуждаются въ государственной думѣ и утверждаются императоромъ.

Дума получаетъ отчеты отъ министровъ. Въ случаѣ явнаго нарушенія государственной конституціи, дума имѣетъ право требовать отвѣта у министровъ, и дѣлать по этому предмету представленія престолу.

Никакой новый законъ не можетъ быть обнародованъ безъ участія думы. Всѣ законы финансовые, установленіе новыхъ налоговъ, какого бы то ни было рода, должны быть обсуждаемы въ думѣ. Законъ, принятый думой, представляется на утвержденіе императора. Законъ, отвергнутый большинствомъ голосовъ въ думѣ, останется недѣйствителенъ. Для разсмотрѣнія проектовъ законовъ, дума назначаетъ изъ среды своей спеціальныя коммиссіи.

Дума собирается ежегодно, въ извѣстный срокъ, безъ всякаго особеннаго призыва. Засѣданія продолжаются сообразно количеству разсматриваемыхъ дѣлъ. Полномочія думы прекращаются: отсрочкой до слѣдующаго года, и распущеніемъ, — то и другое совершается верховной властью, по представленію государственнаго совѣта.

Дѣла предлагаются на разсмотрѣніе думы, отъ имени верховной власти, однимъ изъ министровъ или членовъ государственнаго совѣта. Отсюда исключаются: 1) представленія о нуждахъ государства; 2) представленія объ отвѣтственности; 3) представленія относительно мѣръ, противныхъ основнымъ законамъ государ-

ства. Въ этихъ трехъ случаяхъ, депутаты сами могутъ взять иниціативу, исполняя предписанныя на этотъ случай формальности.

Сенатъ представляетъ высшую инстанцію судебную. Сенаторы назначаются государственной думой. Онъ дѣлится на четыре департамента: два гражданскихъ и два уголовныхъ, распредѣленныхъ между двумя столицами. Всѣ судебныя дѣла подлежатъ ревизіи сената и его департаментовъ. При сенатѣ будетъ также высшій уголовный судъ, составленный изъ членовъ государственнаго совѣта, государственной думы и сената. Этому высшему суду подлежатъ государственныя преступленія, а также преступленія, совершенныя министрами, членами совѣта, сенаторами, генералъ-губернаторами и т. п. Министръ юстиціи есть блюститель судебныхъ формъ въ судопроизводствѣ гражданскомъ и уголовномъ, какъ въ сенатѣ, такъ и во всѣхъ другихъ судахъ.

Засѣданія сената публичны; его рѣшенія печатаются.

Министерство представляетъ собой высшую административную власть.

Главные недостатки устройства министерствъ 1802 г. Сперанскій указываетъ здѣсь въ слѣдующемъ: 1) въ недостаткѣ отвѣтственности; 2) въ недостаткѣ точности въ раздѣленіи дѣлъ; 3) въ недостаткѣ учрежденій [1]).

Относительно перваго, въ проектѣ изложены слѣдующія соображенія. Не одинъ разъ являлась мысль дать или возвратить сенату нѣкоторыя политическія права, чтобы поднять его на высоту учрежденія, передъ которымъ министры были бы отвѣтственны за свое управленіе. Но подобныя попытки не могли бы привести ни къ какому результату. Собраніе, совершенно зависящее отъ верховной власти, никогда не могло бы замѣнить собранія, составленнаго изъ выборныхъ націи.

Недостатокъ отвѣтственности даетъ всѣмъ дѣйствіямъ министровъ видъ произвола и дѣлаетъ то, что, вмѣсто серьезныхъ сужденій, эти дѣйствія встрѣчаютъ только такіе отзывы, которые приводятъ въ заблужденіе публику; въ самомъ дѣлѣ, мнѣніе публики, не находя никакой точки опоры, теряется въ пустыхъ предположеніяхъ, все осмѣиваетъ и вмѣсто того, чтобы содѣйствовать правительству, нападаетъ и клевещетъ на него.

Такое положеніе вещей, дѣйствуя обратно на правительство, производитъ въ немъ робость; оно боится браться за вопросы, требующіе силы, твердости. Оттого его дѣятельность направляется главнымъ образомъ на текущія дѣла, и вся тактика министровъ

---

[1]) Ср. Корфа, Жизнь Спер. I, стр. 122 — 123.

состоитъ въ томъ, чтобы избѣгать важныхъ вещей, имѣя однако видъ, что они неутомимо дѣйствуютъ и много хлопочутъ.

Для устраненія этого недостатка и исправленія другихъ слабыхъ сторонъ министерскаго устройства, крайне вредившихъ управленію и затруднявшихъ его, Сперанскій предлагалъ свои мѣры, которыя, относительно распредѣленія дѣлъ и установленія правилъ администраціи, были до значительной степени осуществлены въ состоявшемся преобразованіи министерствъ 1810 года. Что касается отвѣтственности министровъ, то Сперанскій (въ излагаемомъ здѣсь проектѣ) полагалъ, что она установится сама собой, когда будетъ «государственная дума», которая будетъ имѣть право требовать у нихъ отчета въ веденіи порученныхъ имъ дѣлъ: нужно будетъ только опредѣлить правила этой отвѣтственности. (Предположенная здѣсь отвѣтственность никогда не была введена).

Въ такомъ видѣ предполагалъ Сперанскій устроить высшія учрежденія власти—законодательной, судебной и административной. Онъ начертилъ и цѣлый планъ правительственной іерархіи отъ этихъ высшихъ пунктовъ до низшихъ мѣстъ управленія, отъ государственнаго совѣта до волостного правленія.

Онъ предполагалъ, между прочимъ, для этого новое дѣленіе имперіи на области и губерніи; первыя должны были заключать тѣ части имперіи, которыя по своему пространству и населенію не могли входить въ общую систему государственнаго управленія, какъ Сибирь, Кавказъ, Земля Войска Донского и т. п. Затѣмъ—новое распредѣленіе на губерніи, уѣзды и волости. Эти дѣленія должны были служить для различныхъ степеней учрежденій, которыя должны были быть устроены въ правильной градаціи, учрежденій порядка законодательнаго, судебнаго и административнаго. Всѣ эти учрежденія должны были имѣть четыре степени.

Въ порядкѣ законодательномъ:

Первую степень составляетъ «волостная дума».

Въ главномъ мѣстечкѣ волости, каждые три года собирается «волостная дума», составленная изъ всѣхъ поземельныхъ собственниковъ; въ нее посылаютъ и казенные крестьяне своихъ депутатовъ, по одному съ пятисотъ душъ.

Эта волостная дума назначаетъ членовъ волостного правленія, которому принадлежитъ управленіе волостью; она контролируетъ волостные доходы и расходы; выбираетъ депутатовъ въ уѣздную думу, и составляетъ списокъ двадцати значительнѣйшихъ лицъ волости, не исключая и отсутствующихъ [1]).

---

[1]) По замѣчанію г. Тургенева, составленіе этихъ списковъ, повторяющееся на каждой степени, напоминаетъ списки нотаблей въ конституціи, составленной Сіэсомъ.

Окончивъ свои занятія, дума расходится и мѣсто ея занимаетъ волостное правленіе.

Вторую степень составляетъ «уѣздная дума».

Депутаты, выбранные волостными думами, собираются, каждые три года, въ уѣздную думу, которая выбираетъ: 1) членовъ уѣзднаго правленія или совѣта; 2) членовъ уѣздныхъ судовъ; 3) депутатовъ въ губернскую думу.

Уѣздная дума разбираетъ желанія и представленія волостей, и передаетъ ихъ въ губернскую думу. На основаніи списковъ, доставленныхъ волостными думами, она составляетъ новый списокъ въ двадцать человѣкъ, выбирая ихъ изъ значительнѣйшихъ лицъ уѣзда. Послѣ этихъ занятій она расходится.

Третью степень составляетъ «губернская дума». Она составляется тѣмъ же порядкомъ изъ депутатовъ отъ уѣздныхъ думъ и выбираетъ: 1) членовъ губернскаго правленія или совѣта; 2) членовъ губернскаго суда, и 3) депутатовъ въ государственную думу. Эти послѣдніе депутаты выбираются изъ двухъ сословій, имѣющихъ политическія права; число ихъ, отъ каждой губерніи, опредѣляется закономъ.

Губернская дума составляетъ, на основаніи уѣздныхъ списковъ, свой списокъ двадцати значительнѣйшихъ лицъ губерніи, не исключая отсутствующихъ. Она контролируетъ доходы и расходы губерніи и, на основаніи свѣдѣній доставленныхъ уѣздными думами, составляетъ представленія о нуждахъ края.

По закрытіи засѣданій губернской думы, предсѣдатель ея посылаетъ списки выборныхъ должностныхъ лицъ, волостныхъ, уѣздныхъ и губернскихъ, къ канцлеру юстиціи (въ сенатѣ), а къ канцлеру государственной думы посылаетъ также списокъ депутатовъ, выбранныхъ отъ губерніи въ государственную думу, списокъ значительнѣйшихъ лицъ и наконецъ представленія о нуждахъ губерніи.

Четвертую и послѣднюю степень учрежденій законодательнаго порядка составляетъ «государственная дума», состоящая изъ депутатовъ отъ губерній, и по достоинству равная сенату и министерствамъ. Устройство ея мы видѣли выше.

Въ порядкѣ судебномъ:

Первая степень есть волостной судъ. Онъ разбираетъ споры частныхъ лицъ третейскимъ судомъ и старается примирить ихъ. Въ дѣлахъ по нарушенію полицейскихъ правилъ онъ долженъ употреблять скорѣе суммарное, чѣмъ формальное и письменное производство.

Волостной судъ состоитъ изъ судьи, его помощника, и судей, выбранныхъ различными частями волости и находящихся

въ разныхъ мѣстахъ волости. Въ извѣстныхъ дѣлахъ и преступленіяхъ волостной судья не можетъ рѣшать, не вызвавъ отъ волостного правленія двухъ депутатовъ, которые будутъ исполнять должность присяжныхъ. Судья будетъ président du jury [1]). Эти присяжные должны быть взяты изъ того класса, къ которому принадлежитъ подсудимый. Если таковыхъ не окажется, подсудимый передается уѣздному суду.

Дѣла, подлежащія волостному суду, и способъ его дѣйствій предполагалось опредѣлить особымъ закономъ.

Вторая степень — уѣздный судъ, составляющій первую инстанцію въ судебной процедурѣ. Онъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій, гражданскаго и уголовнаго. Число членовъ его, компетентность, способъ дѣйствій и пр. должны были быть опредѣлены особымъ закономъ.

Предсѣдатель уѣзднаго суда выбирается изъ числа двадцати значительнѣйшихъ лицъ уѣзда, и его назначеніе утверждается министромъ юстиціи; онъ будетъ имѣть не обязанности судьи, а долженъ быть блюстителемъ законныхъ формъ и производства. Въ этомъ судѣ также являются присяжные.

Третья степень — губернскій судъ. Онъ устроивается на тѣхъ же основаніяхъ, какъ уѣздный. Предсѣдатели, изъ списка губернскихъ думъ, назначаются министромъ юстиціи и утверждаются въ должности государственнымъ совѣтомъ.

Четвертая степень — сенатъ, предполагавшееся устройство котораго мы видѣли.

Въ порядкѣ административномъ:

Управленіе состоитъ изъ четырехъ главныхъ элементовъ: 1) управленіе государственное, или министерство; 2) управленіе губернское; 3) уѣздное; 4) волостное. Такъ какъ администрація можетъ исходить только отъ верховной власти, то всѣ второстепенныя и низшія подраздѣленія должны быть устроены сколько возможно сообразно съ высшимъ учрежденіемъ. Поэтому прежде всего должно быть организовано министерство. (Мы видѣли выше предположенія и исполненныя мѣры по этому предмету).

Мѣстное управленіе въ губерніяхъ должно имѣть тоже единство, которое свойственно организаціи исполнительной власти вообще. Губернія представляетъ, въ меньшихъ размѣрахъ, ту же администрацію какъ министерство. При настоящемъ порядкѣ (т.-е. порядкѣ того времени) въ прямое вѣдѣніе губернатора входитъ

---

[1]) По замѣчанію г. Тургенева, эти слова такъ и стоятъ въ проектѣ по-французски.

только полиція; на другія части администраціи онъ имѣетъ только косвенное дѣйствіе. Отсюда смѣшеніе въ администраціи.

Сперанскій предполагалъ для этого соединить губернское правленіе и казенную палату въ одно управленіе (подъ названіемъ «губернскаго правительства»), раздѣливъ его на нѣсколько отдѣленій. При этомъ «правительствѣ» долженъ былъ находиться «совѣтъ» изъ депутатовъ отъ поземельныхъ собственниковъ губерніи, безъ различія состояній. Этотъ совѣтъ будетъ собираться ежегодно; губернаторъ будетъ представлять ему отчетъ во всѣхъ доходахъ и расходахъ и бюджетъ на слѣдующій годъ; разсмотрѣвъ отчетъ, совѣтъ будетъ распредѣлять налоги на слѣдующій годъ.

Уѣздное управленіе должно устроиться, въ меньшихъ размѣрахъ, на томъ же основаніи. Мѣсто губернатора займетъ здѣсь вице-губернаторъ.

Волостное управленіе сохранитъ тѣ же формы въ еще меньшихъ размѣрахъ.

Такимъ образомъ, всѣ части государственной администраціи будутъ имѣть однообразное устройство; отъ министра до волостного правителя дѣла будутъ идти такъ-сказать по прямой линіи и не будутъ уклоняться безпрестанно въ стороны,—какъ теперь, когда теряется даже слѣдъ всякихъ злоупотребленій, которыя правительство хотѣло бы уничтожить.

Упомянемъ наконецъ спеціальный проектъ Сперанскаго объ устройствѣ правительственныхъ и судебныхъ учрежденій въ имперіи. По этому проекту значительная доля должностныхъ лицъ, какъ въ административномъ, такъ и въ судебномъ вѣдомствѣ, должны были назначаться путемъ выборовъ.

Таковъ былъ проектъ Сперанскаго. Прежде чѣмъ говорить объ его значеніи, достоинствахъ или недостаткахъ, возвратимся къ мнѣніямъ писателя, у котораго мы заимствовали изложеніе проекта и который одинъ пока высказался о немъ.

«Читая трудъ Сперанскаго,—говоритъ г. Тургеневъ,—я въ особенности искалъ какихъ-нибудь рѣшеній о капитальномъ для Россіи предметѣ, который, еслибы начата была какая-нибудь реформа, долженъ предшествовать всему: отмѣнѣ крѣпостного права. Я не нашелъ на этотъ счетъ ничего опредѣленнаго. Правда, цѣлый проектъ организаціи для имперіи показывалъ, что крѣпостное право не могло найти въ немъ мѣста; но вступая въ подробности о многихъ другихъ вопросахъ гражданскаго и политическаго устройства, Сперанскій кажется хотѣлъ избѣгать

этого. Но онъ открыто нападалъ на нѣкоторыя финансовыя учрежденія, связанныя съ крѣпостнымъ правомъ, напр. на подушную подать. Вообще, — говоритъ авторъ, — если этотъ трудъ носитъ на себѣ очевидные слѣды легкомыслія, съ которымъ этотъ реформаторъ брался за самые важные вопросы и трактовалъ ихъ, тѣмъ не менѣе при всей неполнотѣ и необработанности, этотъ трудъ сохранитъ отъ забвенія имя своего автора».

«Я не хочу оспаривать заслуги проектовъ Сперанскаго,— говоритъ тотъ же писатель далѣе, — я убѣжденъ, что исполненіе его плана, даже въ томъ видѣ, какъ онъ изложенъ въ проектѣ общей организаціи, было бы прогрессомъ и, слѣдовательно, благодѣяніемъ для страны; но я не могу не сказать, что въ этомъ трудѣ, какъ и во всѣхъ другихъ трудахъ своихъ Сперанскій слишкомъ много заботится о формѣ, и не довольно о сущности вещей. Онъ видѣлъ безпорядокъ, хаосъ повсюду; онъ признавалъ нелѣпость основныхъ учрежденій и порядка вещей, устроеннаго по этимъ учрежденіямъ; и всему этому злу онъ хотѣлъ помочь болѣе систематической, болѣе связной организаціей различныхъ государственныхъ вѣдомствъ, законодательнаго, административнаго и судебнаго. Онъ передѣлывалъ сенатъ, раздѣлялъ министерства, назначалъ каждому сферу, которой они должны ограничиться; онъ установлялъ порядокъ, которымъ дѣла должны были переходить изъ одной канцеляріи въ другую, отъ одной власти къ другой; онъ предписывалъ форму, какую должны имѣть дѣловыя бумаги; однимъ словомъ, онъ какъ будто вѣровалъ во всемогущество уставовъ, правилъ, писанныхъ на бумагѣ, во всемогущество формы. Онъ могъ дать своимъ твореніямъ нѣкоторую методу, но онъ не въ состояніи былъ дать имъ душу, по той простой причинѣ, что у него самого не было души. Во всѣхъ опытахъ, какіе дѣлалъ Сперанскій, во всѣхъ его вдохновеніяхъ нѣтъ ничего такого, что̀ было способно интересовать массы, ничего, что̀ обращалось бы къ тѣмъ благороднымъ и сильнымъ чувствамъ человѣческаго сердца, которыя одни способны произвести какой-нибудь порывъ къ добру, къ прогрессу, къ совершенствованію» [1]).

Въ этихъ словахъ писателя, какъ мы замѣтили, вовсе не расположеннаго къ Сперанскому, отдана справедливость труду Сперанскаго, но вмѣстѣ рѣзко высказалось довольно распространенное неблагопріятное мнѣніе о Сперанскомъ. Мы упоминали выше, что отзывы г. Тургенева, который зналъ Сперанскаго, повидимому, только позднѣе, по возвращеніи его изъ ссылки, съ одной сто-

[1]) La Russie I, 574—576.

роны вызывались характеромъ Сперанскаго за это время, съ другой усиливались особенно его ролью въ началѣ слѣдующаго царствованія. Между тѣмъ едвали возможно отвергать, что это не былъ его прежній характеръ, что Сперанскій, въ прежнее время смѣло выносившій ожесточенную ненависть многочисленныхъ враговъ, былъ сильно надломленъ тяжкими испытаніями ссылки. Довольно представить себѣ въ самомъ дѣлѣ, какія безотрадныя разочарованія должны были представляться ему въ эти годы ссылки, когда онъ долженъ былъ предчувствовать и полное разрушеніе своихъ плановъ и выносить тупую ненависть того самаго общества, для котораго онъ хотѣлъ работать, — чтобы увидѣть возможность этой перемѣны и этого паденія. Общественныя идеи, которыми онъ былъ проникнутъ, были еще очень новы въ русской жизни, и на первое время въ людяхъ еще не выработалась твердость убѣжденія, которая является только послѣ извѣстнаго періода сознательнаго пониманія ихъ въ обществѣ или послѣ сильнаго ихъ возбужденія. Поэтому, Сперанскаго, даже въ разгарѣ его дѣятельности, никакъ нельзя было бы сравнивать, напримѣръ, съ энтузіастами того поколѣнія, которому принадлежитъ его критикъ и которое показало рѣдкій примѣръ стойкости убѣжденій: ихъ взгляды были сходны — хотя только въ одной общей идеѣ, — но положенія ихъ были совсѣмъ непохожи; стремленія ихъ развивались различными путями и въ различной сферѣ. Сперанскій совершенно не имѣлъ той общественной школы, въ которой образовались мнѣнія этихъ позднѣйшихъ людей, и его развитіе было поэтому лишено оживляющей среды, вліяніе которой даетъ убѣжденіямъ ихъ силу, жизненность и солидарность по крайней мѣрѣ съ извѣстной долей общества. Напротивъ, по самымъ условіямъ его жизни и положенія, мысли его созрѣвали въ одиночествѣ и въ тайнѣ. Мы указывали обстоятельства, которыя создавали такое одиночество даже и независимо отъ оффиціальныхъ условій: къ тому времени онъ уже сдѣлался предметомъ ненависти, и это дѣлало для него почти невозможнымъ обмѣнъ мысли и чувства, даже повѣрку своихъ мнѣній. Составляясь, такимъ образомъ, путемъ одинокой теоретической мысли, понятія Сперанскаго естественно должны были пріобрѣсти меньше устойчивости: ему легче могла представляться возможность ошибки; съ другой стороны ему казалось, что еще возможна дальнѣйшая дѣятельность. Сперанскій безъ сомнѣнія не вдругъ отказался отъ своихъ прежнихъ понятій и надеждъ, но ему не представлялось никакой возможности борьбы (она и дѣйствительно едва ли была): онъ и прежде уклонялся отъ нея, надѣясь, что авторитетъ власти дастъ его реформамъ силу; теперь

своими уступками онъ надѣялся возстановить свое значеніе для будущаго времени. Но уступки слишкомъ часто требуютъ все новыхъ и новыхъ уступокъ.

Но признавъ эту перемѣну характера, надо быть безпристрастнѣе къ прежнему времени, и приведенный проектъ Сперанскаго не можетъ не требовать этого безпристрастія. Правда, онъ очень неполонъ, въ немъ есть ошибки, но и много положительныхъ достоинствъ. У Сперанскаго дѣйствительно нѣтъ прямого рѣшенія крестьянскаго вопроса, но онъ и не забываетъ его: самъ г. Тургеневъ находитъ, что въ его планѣ не остается мѣста для крѣпостного права; мало того, Сперанскій положительно указываетъ необходимость и предлагаетъ форму рѣшенія вопроса. Предложенная форма конечно не удовлетворительна съ нашей точки зрѣнія, потому что предполагаетъ «полнымъ» освобожденіе крестьянъ безъ земли; но это было довольно обыкновенное представленіе того времени. Едвали можно винить Сперанскаго и въ томъ, что его проекты не могли «интересовать массы», «не обращались къ благороднымъ и сильнымъ чувствамъ человѣческаго сердца»: форма его проектовъ была такова, что они и не могли имѣть подобнаго дѣйствія, а эта форма необходимо опредѣлялась самыми условіями его работы и всего его положенія. Проекты нисколько не предназначались для массы: они по своей программѣ должны были состоять въ развитіи политической теоріи и въ проектѣ учрежденій, — первое необходимо отвлеченно, второе необходимо сухо и формально. Проекты Сперанскаго были почти-что дѣловыя бумаги. Не мудрено однако видѣть, что за теоретическими разсужденіями лежитъ общественная мысль, которой никто не откажетъ въ серьезности. Холодный бюрократъ, какимъ у насъ привыкли считать Сперанскаго, не въ состояніи былъ бы написать многихъ страницъ проекта, которыя были своего рода подвигомъ. Какъ ни сильна могла быть поддержка императора Александра въ этой работѣ, строгая постановка вопроса была со стороны Сперанскаго большой смѣлостью; эта смѣлость далеко не была въ русскихъ нравахъ, и ея нельзя не оцѣнить, если вспомнить всеобщее раболѣпство и крайнюю боязнь сколько-нибудь свободнаго выраженія своей мысли.

Проектъ Сперанскаго — столько же драгоцѣнный историческій документъ, какъ протоколы Строганова: и въ томъ, и въ другомъ мы видимъ самый процессъ развитія политическихъ и общественныхъ элементовъ, какъ онъ обнаруживался въ высшей правительственной сферѣ, которая въ эту пору еще продолжала сохранять то передовое значеніе, какое имѣла она въ первые годы царствованія. Правительство продолжало быть представите-

лемъ новаго направленія, которое начинало обнаруживаться въ наиболѣе образованномъ, хотя очень немногочисленномъ, меньшинствѣ. Поэтому и теперь, въ той же сферѣ могла высказаться новая ступень развитія общественныхъ идей, представляемая проектомъ Сперанскаго. Выполненный только одной небольшой частью, въ цѣломъ оставшійся никому неизвѣстнымъ, онъ остается однако чрезвычайно интересенъ какъ историческій указатель движенія идей. Онѣ уже бросили корень въ жизни; непосредственные практическіе планы не удались, личность стерлась, самая сфера потомъ совершенно измѣнилась, — но идеи не погибли: онѣ продолжали развиваться, нашли для себя новыхъ приверженцевъ уже въ самомъ обществѣ.

Мы упоминали, что, по словамъ самого Сперанскаго въ пермскомъ письмѣ, его планъ всеобщаго государственнаго образованія «въ существѣ своемъ не содержалъ ничего новаго», но что «идеямъ, съ 1801 года занимавшимъ императора, дано въ немъ систематическое расположеніе». Въ какомъ именно отношеніи стоялъ трудъ Сперанскаго къ прежнимъ работамъ (которыя сообщилъ ему императоръ Александръ), мы не можемъ рѣшать съ точностью, за неимѣніемъ этихъ прежнихъ работъ. Но, ограничившись общими чертами, мы увидимъ, что связь между ними конечно была. Одна основная мысль занимала Александра тогда и занимала теперь, это — забота объ ограниченіи «произвола нашего правленія». Къ ней сводились разсужденія въ «комитетѣ», записки, представляемыя разными довѣренными государственными людьми, и проекты, которые выработывались въ самомъ комитетѣ. Была связь и въ частностяхъ мѣръ, которыя предлагались для достиженія этой цѣли тогда и предлагались теперь: въ этихъ мѣрахъ имѣлось въ виду приблизить русскую форму правленія къ «истинной монархіи» или къ формамъ конституціоннаго характера; была мысль о представительствѣ, было желаніе установить отвѣтственность министровъ, отдѣлить судебную власть отъ административной; изъ числа прежнихъ учрежденій вычеркнута тайная экспедиція, введены вновь министерства и государственный совѣтъ.

Но съ другой стороны едвали можно сомнѣваться, что работы Сперанскаго далеко не ограничивались однимъ сводомъ прежнихъ мнѣній; трудъ «систематическаго расположенія» былъ самостоятельный до очень значительной степени. Въ этомъ, кажется, убѣждаетъ сличеніе его проекта съ тѣми прежними матеріалами, по крайней мѣрѣ, которые до сихъ поръ извѣстны [1].

[1]) Отчасти они были указаны нами прежде: протоколы Строганова, записки Ла-

Разница между ними бросается въ глаза: то, что въ прежнихъ проектахъ высказывается какъ неопредѣленная, нерѣшительная мысль, въ планѣ Сперанскаго развивается въ положительную и ясную теорію; нетвердыя, колеблющіяся и отрывочныя предположенія выростаютъ въ цѣлую, связную систему учрежденій, которой нельзя отказать ни въ смѣлости, ни въ умной комбинаціи. Словомъ, работа Сперанскаго отличается отъ прежнихъ какъ цѣльная, сознательно обдуманная система, въ которой общая мысль находитъ уже практическое цѣлесообразное исполненіе и гдѣ указываются способы для достиженія предположенной цѣли. Когда болѣе будутъ извѣстны историческіе документы того времени, можно будетъ съ бо́льшей точностью опредѣлить отношеніе этихъ работъ, но можно, кажется, положительно сказать, что шагъ впередъ былъ сдѣланъ. Замѣтимъ наконецъ, что между работами этихъ двухъ періодовъ, какъ мы упоминали прежде, мудрено указать ту разницу, которую обыкновенно указываютъ въ нихъ, называя одинъ періодъ англійскимъ, другой французскимъ. Насколько мы знаемъ документы, эта разница едвали выразилась въ проектахъ до такой степени, чтобы ее можно было дѣлать характеристической. Напротивъ, въ обоихъ періодахъ можно находить одинаково слѣды и французскихъ, и англійскихъ образцовъ. Сперанскій могъ имѣть, и вѣроятно имѣлъ, въ виду какія нибудь французскія конституціи (начиная съ 1791 и пр.), но имѣлъ въ виду и англійскія учрежденія, напр. майоратъ, на которомъ онъ хотѣлъ построить новую аристократію. Точно также прежніе реформаторы не заимствовались своими образцами только изъ Англіи, какъ напр. въ устройствѣ министерствъ. Однимъ словомъ, у тѣхъ и другихъ гораздо больше высказываются общія стремленія къ «истинной монархіи», чѣмъ увлеченіе какими-нибудь спеціальными образцами учрежденій, и существенное различіе двухъ періодовъ заключается только въ степени и сознательности этого стремленія: у Сперанскаго оно было, по нашему мнѣнію, гораздо сильнѣе и обдуманнѣе, чѣмъ у его предшественниковъ.

Кромѣ этого общаго историческаго значенія, какъ момента или ступени въ развитіи политическихъ понятій, планъ Сперанскаго чрезвычайно любопытенъ въ частности для опредѣленія его собственной дѣятельности. Можно сказать, что этотъ проектъ во многихъ отношеніяхъ есть его защита и оправданіе. По этому плану можно судить, въ чемъ состояли его настоящія

гарпа, А. Р. Воронцова, Державина, Зубова, отрывокъ «Уложенія», сохранившійся въ бумагахъ Строганова, и т. д.

желанія, насколько практическое исполненіе отстояло отъ цѣлаго объема задуманныхъ преобразованій, и насколько истинный смыслъ учрежденій, осуществленныхъ на дѣлѣ, зависѣлъ именно отъ исполненія цѣлаго плана. Въ самомъ дѣлѣ, исполненіе, какъ видимъ, было крайне неполно. Изъ цѣлой системы остались только отрывки, сами по себѣ не представлявшіе наконецъ никакого, собственно политическаго, улучшенія, о которомъ всего больше и говорилъ императоръ Александръ. Государственный совѣтъ, которому въ проектѣ предоставлялась своя, довольно раціонально соображенная дѣятельность при сенатѣ, министерствахъ и «думѣ», далеко не имѣлъ того смысла на дѣлѣ, безъ этой системы учрежденій. Сенатъ остался безъ преобразованія. Министерства были усовершенствованы въ административномъ, исполнительномъ отношеніи, но остались по прежнему безъ противовѣса въ отвѣтственности передъ «думой», гдѣ эта отвѣтственность могла бы стать со временемъ дѣйствительно серьезной. Существенный элементъ плана, первый опытъ представительства, былъ вовсе покинутъ; отъ него уцѣлѣлъ только крайне неясный намекъ въ двухъ-трехъ обоюдныхъ выраженіяхъ манифеста о государственномъ совѣтѣ. Не говоримъ наконецъ о цѣломъ рядѣ учрежденій низшихъ степеней, которыя остались также совсѣмъ незатронутыми. Очевидно, что о преобразованіяхъ Сперанскаго можно судить справедливо только въ связи ихъ съ планомъ...

Въ планѣ есть недостатки, и очень крупные. Онъ составленъ дѣйствительно «легко»,—хотя не слѣдуетъ преувеличивать этой легкости. Для многихъ, и въ то время, и теперь, самымъ кореннымъ недостаткомъ показалось бы то, что Сперанскій вообще очень мало опирался на «историческихъ основаніяхъ», пожалуй даже совсѣмъ не опирался на нихъ. Сперанскій и здѣсь, какъ въ проектахъ уложенія, хотѣлъ строить заново, мало соображался съ преданіями и существующимъ порядкомъ вещей. Но этотъ недостатокъ, собственно говоря, очень условный. Въ гражданскомъ уложеніи Сперанскій, быть можетъ, былъ неправъ, когда слишкомъ задался законодательствомъ теоретическимъ и упустилъ изъ виду существующія практическія отношенія: это стоило ему несомнѣнныхъ ошибокъ. Такія ошибки, или практическія упущенія, есть и въ планѣ государственнаго образованія. Но это всего чаще недостатки частностей, а не основной мысли; и что касается до послѣдней, то мы не находимъ поводовъ обвинять Сперанскаго въ легкомысліи.

Во-первыхъ, не надо забывать, что его планъ былъ дѣйствительно планъ, проектъ, не болѣе. Многія части его были совер-

шенно не отдѣланы; для многихъ предположенныхъ учрежденій еще надо было составить спеціальныя правила и уставы. По всей вѣроятности, проектъ долженъ былъ быть внесенъ на окончательное разсмотрѣніе въ открытый уже государственный совѣтъ, черезъ который прошло образованіе министерствъ, черезъ который проходило преобразованіе сената и гражданское уложеніе. Такимъ образомъ, въ «планѣ» мы имѣемъ не готовую къ исполненію государственную мѣру, а только единичный проектъ, который могъ испытать съ вѣдома и добровольнаго участія автора значительныя видоизмѣненія; и слѣдовательно въ намѣреніи автора мы должны видѣть не окончательное рѣшеніе практическаго реформатора, а только предположенія, открытыя для критики. Во-вторыхъ, по сущности дѣла, Сперанскому не представлялось иной дороги, кромѣ нововведеній: на этой почвѣ дѣйствительно слѣдовало строить вновь потому, что старая жизнь, къ сожалѣнію, давала слишкомъ мало «историческихъ основаній», на которыхъ можно было бы послѣдовательно, органически развить новыя учрежденія. Какъ повидимому это ни странно, но мы и въ настоящее время, при всемъ господствѣ консервативныхъ взглядовъ и намѣреній, нерѣдко должны убѣждаться въ этомъ положеніи дѣла[1]). Сперанскій, въ началѣ проекта, ссылался на извѣстныя данныя прошедшей исторіи, которыя, по словамъ его, доказывали историческое существованіе той идеи государственнаго преобразованія, которую хотѣлъ выполнить императоръ Александръ. Мы видѣли, что и въ манифестѣ 1 января 1810 г. повторена неясная историческая ссылка. Но Сперанскій едвали серьезно понималъ эту ссылку, потому что на дѣлѣ она могла быть справедлива развѣ только въ самомъ общемъ смыслѣ, и вовсе не приходилась къ тому спеціальному примѣненію, въ которомъ хотѣли ее употребить. Исторически, развитіе шло иначе. Конституціонная идея, какъ разумѣлъ эту идею планъ Сперанскаго, не имѣла основанія въ прошедшемъ; въ этомъ видѣ она никогда не существовала въ русской жизни; она не имѣла ничего общаго съ древними демократическими учрежденіями и съ позднѣйшими думами и соборами. Съ Петра В. въ русской жизни не существовало никакого учрежденія, никакого преданія, которыя бы могли имѣть смыслъ какого-нибудь ограниченія верховной власти; напротивъ, эта власть развилась до своего апогея. Съ этой стороны для новѣйшаго реформатора невозможно было

---

[1]) Лучшія реформы послѣдняго времени никакъ нельзя натянуть на «историческія основанія»,—сколько ни старались иногда славянофилы толковать нашу старину въ этомъ смыслѣ.

найти никакихъ «историческихъ основаній». Тѣмъ не менѣе, основанія для реформы были, но онѣ заключались въ совершенно иномъ элементѣ — въ развитіи самого общества, развитіи, которое совершалось подъ вліяніемъ европейской образованности, внѣ какихъ-нибудь учрежденій, и которое, расширяя кругъ общихъ знаній и сообщая новыя нравственныя и общественныя понятія, наконецъ совершенно естественно приводило и къ извѣстному политическому сознанію. Единственное и очень достаточное «основаніе», которое имѣлъ здѣсь Сперанскій, было то, что практическая жизнь, государственная и народная, страдала множествомъ дѣйствительныхъ неустройствъ, и что въ людяхъ наиболѣе образованныхъ уже являлось сознаніе неудовлетворительности прежняго порядка и желаніе улучшить и усовершенствовать его по тѣмъ требованіямъ, какія указывали новыя понятія объ истинномъ благѣ государства и о достоинствѣ самой власти. Изъ этихъ требованій дѣйствительно и исходили всѣ преобразовательныя мечты императора и планы Сперанскаго. Понятно, что съ этой точки зрѣнія передъ реформаторомъ конечно открывался значительный просторъ: онъ не могъ вести своего дѣла иначе, какъ путемъ нововведеній. Надо было вносить въ жизнь новые элементы, новыя учрежденія, неизбѣжно нарушать традицію и ожесточать тѣхъ, кто былъ тупо къ ней привязанъ.

Нововведенія были не всегда удачны; иногда были слишкомъ произвольны. Такъ, мысль объ установленіи майората была случайная и произвольная; самое средство, предлагаемое Сперанскимъ для его введенія, какъ справедливо замѣтилъ г. Тургеневъ, похоже на фокусъ, tour de passe-passe; другія средства, которыми Сперанскій хотѣлъ ввести равенство правъ и уничтожить различія сословій, также мелочны. Способъ и объемъ исполненія вообще мало соотвѣтствуютъ положительной постановкѣ принциповъ, и своей крайней осторожностью свидѣтельствуютъ о желаніи ввести новый порядокъ вещей сколько возможно незамѣтнымъ образомъ,—какъ будто авторъ плана хотѣлъ, чтобы общество и народъ даже не почувствовали сильной перемѣны, которая произошла бы въ ихъ жизни. Это стараніе избѣгать всего, сколько-нибудь похожаго на крутой переходъ, вѣроятно всего больше происходившее отъ вліянія взглядовъ императора Александра, составляетъ, какъ мы скажемъ дальше, самую слабую сторону цѣлаго предпріятія, и вмѣстѣ характеристическую черту времени.

Но, при всѣхъ недостаткахъ, какіе мы можемъ открывать въ проектѣ Сперанскаго, нельзя не отдать справедливости его замѣчательнымъ достоинствамъ. Въ основаніи всякой разумной

реформы должно лежать ясное критическое отношеніе къ существующему порядку, и въ этомъ отношеніи трудъ Сперанскаго стоитъ, быть можетъ, выше всего, что только было сдѣлано русской мыслью до тѣхъ временъ. Примѣры такого здраваго критическаго отношенія являются уже давно, — ихъ можно начинать еще съ Котошихина; въ теченіе XVIII-го вѣка они изрѣдка повторялись въ публицистическихъ трудахъ въ родѣ Посошкова, въ цѣломъ рядѣ сатирической литературы, доходя наконецъ до Новикова, Радищева и реформаторовъ первыхъ лѣтъ царствованія императора Александра; но едвали гдѣ-нибудь были такъ положительно и опредѣленно указаны общіе принципы. Самая теорія не нова и не оригинальна; она несомнѣнно составилась подъ вліяніемъ европейскихъ теорій конца XVIII-го вѣка, начиная съ Монтескьё; но она была усвоена Сперанскимъ достаточно серьезно, что можно видѣть изъ самыхъ примѣненій къ русскимъ государственнымъ отношеніямъ, въ ихъ прошедшемъ и настоящемъ. Нельзя не признать, что эти политическія отношенія и ихъ частныя явленія и слѣдствія опредѣляются иногда чрезвычайно вѣрно. Таково напр. историческое замѣчаніе, что крѣпостное подчиненіе крестьянства отражалось усиленіемъ верховной власти до абсолютизма, такъ какъ интересъ крестьянства требовалъ, чтобы надъ помѣщиками стояла безграничная власть, которая бы могла внушать имъ спасительный страхъ и ограничивать ихъ деспотизмъ надъ крестьянами. Дѣйствительно таковъ былъ инстинктъ самого крестьянства: царская власть всегда была его надеждой, которая долго поддерживалась только слабо фактами, но наконецъ оправдалась, потому что только эта власть могла наконецъ совершить освобожденіе въ томъ размѣрѣ, какой оно получило въ послѣдней реформѣ. Чрезвычайно справедливы также мнѣнія Сперанскаго о томъ, должно ли просвѣщеніе предшествовать свободѣ, какъ думаютъ. Замѣчанія Сперанскаго впередъ опровергаютъ приторныя разсужденія Карамзина, который именно развивалъ мысль, что надо *сначала* просвѣтить крестьянъ, а потомъ освобождать ихъ. Крестьяне конечно никогда бы не были освобождены по этой программѣ. Наконецъ, нельзя не признать большой силы въ той дилеммѣ, которую Сперанскій ставитъ между предлагаемыми реформами и старымъ порядкомъ, гдѣ съ одной стороны открывалась обширная перспектива благотворныхъ преобразованій и улучшеній въ цѣлой національной жизни при новой внутренней политикѣ, а съ другой—только возможность однихъ частныхъ и мелкихъ починокъ въ старомъ зданіи. Любопытно видѣть, какъ въ этой послѣдней категоріи вещей, которыя можно сдѣлать только на

худой конецъ, указанъ былъ тотъ трудъ собиранія старыхъ указовъ, которымъ потомъ ограничилась послѣдняя дѣятельность Сперанскаго.

Языкъ Сперанскаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проекта и теперь, черезъ шестьдесятъ лѣтъ, можетъ показаться очень смѣлымъ: иначе и не могло быть при той сильной мысли, которую онъ высказывалъ. Сперанскій рѣзко ставитъ вопросъ объ учрежденіяхъ и очень невысокаго мнѣнія о старыхъ порядкахъ вообще, и чтобы понять нѣкоторую суровость его приговоровъ, которую вообще объясняли въ немъ самонадѣянностью, надо только вспомнить, что всего десять лѣтъ назадъ окончилось наше XVIII-е столѣтіе, которое доставляло слишкомъ много «оправдательныхъ пьесъ» для его мнѣній.

Вообще, проектъ Сперанскаго въ историческомъ отношеніи чрезвычайно любопытенъ, такъ какъ онъ наглядно представляетъ пунктъ столкновенія традиціоннаго устройства и характера власти съ новыми идеями времени, которыя заявляли о своемъ существованіи въ русскомъ обществѣ. Несвободный отъ недостатковъ и произвольныхъ гипотезъ относительно будущаго устройства государства, проектъ остается замѣчателенъ яснымъ пониманіемъ результатовъ прошедшаго и недостатковъ настоящаго. Эти существенные недостатки, замѣчаемые прежде только немногими лучшими умами, признавались теперь, въ тайнѣ, на самой вершинѣ правительства. Это критическое отношеніе къ прошедшему и настоящему было важнымъ фактомъ въ цѣломъ историческомъ движеніи: съ этого долженъ былъ начаться поворотъ въ цѣломъ сознаніи общества, таково должно было быть первое основаніе для дальнѣйшихъ стремленій общественнаго развитія. Проектъ Сперанскаго выражаетъ собой этотъ поворотный пунктъ. Дальше, жизнь должна была вступить на другую дорогу и дѣйствительно вступала на нее: отношенія должны были измѣниться; общество, сначала мало замѣтно, съ остановками и колебаніями, но больше и больше обнаруживало попытки самостоятельности и открывало себѣ независимый путь развитія. Скептицизмъ и проекты Сперанскаго были однимъ изъ важныхъ фактовъ въ исторіи нашего общественнаго мнѣнія. Въ мысляхъ Сперанскаго могли быть неполноты и ошибки, съ нашей точки зрѣнія ихъ можетъ набраться больше еще, чѣмъ съ тогдашней,— но эти мысли во всякомъ случаѣ остаются важнымъ историческимъ фактомъ.

Мы упоминали выше, какимъ тяжелымъ осужденіямъ подвергся этотъ проектъ даже съ точки зрѣнія тогдашней либеральной партіи, и объясняли, что̀ въ этихъ осужденіяхъ было

не совсѣмъ справедливаго. Проектъ Сперанскаго могъ не «интересовать массъ», онъ дѣйствительно и не разсчитывалъ на это; но несправедливо было бы представлять его только дѣломъ безжизненной регламентаціи. Достаточно вникнуть въ нѣсколько характеристическихъ фразъ проекта, чтобы увидѣть въ немъ «душу», которой не хотѣлъ замѣчать строгій судья Сперанскаго. «Весь русскій народъ»—вотъ послѣдняя цѣль благихъ желаній и усилій Сперанскаго, и онъ конечно, во многомъ былъ вѣрнымъ истолкователемъ лучшихъ стремленій своего времени. Въ проектѣ ясно выразилась выроставшая въ обществѣ потребность въ извѣстной самостоятельной дѣятельности.

Но самые пріемы и способы исполненія, — которыхъ мы не приписываемъ собственному выбору Сперанскаго, — показываютъ, или что эта потребность только еще начинала складываться или, скорѣе, что слишкомъ сильны были привычки стараго порядка. Въ самомъ дѣлѣ, въ проектѣ, какъ вообще во всѣхъ тогдашнихъ планахъ императора Александра, идетъ дѣло именно о томъ, чтобы ограничить въ русской жизни угнетающее начало безграничнаго авторитета, предоставить извѣстный просторъ самому обществу, возбудить его самостоятельную дѣятельность въ общественно-политическихъ вопросахъ, — и между тѣмъ, самая мысль объ этомъ сколько возможно скрывается отъ общества, важныя государственныя преобразованія приготовляются въ тайнѣ даже отъ членовъ высшаго правительства, и только нѣкоторыя частныя, стоящія на очереди, нововведенія сообщаются предварительно двумъ-тремъ довѣреннѣйшимъ лицамъ (какъ это было съ преобразованіемъ госуд. совѣта). Этотъ пріемъ, отражавшій въ себѣ обыкновенную нерѣшительность импер. Александра, очевидно, заключалъ въ себѣ странное недоразумѣніе. Если, по словамъ Сперанскаго, нельзя было дать народу просвѣщеніе безъ свободы, то еще меньше можно было приготовить свободу безъ свободы. Императоръ Александръ имѣлъ великодушный планъ расширить общественную свободу, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пугался сильной перемѣны; онъ не отказывался отъ плана, но старался дать исполненію самыя мягкія формы, произвести освобожденіе самыми незамѣтными переходами: въ то время думали, что это можно сдѣлать безъ вѣдома самого общества, и не думали, что, напротивъ, для этого прежде всего надо было начать съ первыхъ вопросовъ освобожденія—съ защиты крестьянина, съ распространенія образованія, съ терпимости къ его свободѣ, съ освобожденія литературы, съ открытаго суда и т. п. Тогда только либеральныя начинанія правительства нашли бы отвѣтъ въ обществѣ, привлекли къ

себѣ всѣ лучшіе его элементы, и дѣло реформы воспользовалось бы всѣми силами той части общества, которая уже чувствовала въ нихъ потребность. На дѣлѣ вышло на оборотъ: наиболѣе просвѣщенная и либеральная доля общества не могла высказываться, и оставалась подъ страхомъ, когда еще продолжались старые порядки, между тѣмъ, для консервативной оппозиціи была вся возможность дѣйствовать, интриговать, и выдавать свои гнусности и интриги за ревность ко благу отечества. Но Сперанскій мало былъ виноватъ въ этомъ ходѣ дѣла. Этотъ способъ дѣйствій принадлежалъ, конечно, самому императору Александру: отчасти это была его обыкновенная опасливая осторожность, отчасти—пріемъ, наслѣдованный отъ прежней правительственной практики, которая никогда не хотѣла дозволять обществу самому думать объ общественныхъ дѣлахъ. Правительство, не довѣряя обществу, собственно говоря, мало знало его внутреннюю жизнь и его интересы. Объ его настроеніи, его желаніяхъ или неудовольствіяхъ знали только по слухамъ, всего чаще неполнымъ, ошибочнымъ или преувеличеннымъ. Понятно, въ какую сторону ловкіе люди эксплуатировали эти слухи при извѣстномъ характерѣ Александра. Можно винить Сперанскаго, что онъ не старался измѣнить этого положенія дѣла, но трудно сказать, насколько это было для него возможно, еслибы онъ и захотѣлъ этого. Это былъ давнишній взглядъ, историческое недовѣріе и недоразумѣніе, и передѣлать его вдругъ было бы нелегко во всякомъ случаѣ.

Это явленіе было прискорбно; къ сожалѣнію, оно находило себѣ обильную пищу: огромное большинство самого общества дѣйствительно и не думало о какихъ-нибудь подобныхъ требованіяхъ, было довольно стариной и не искало никакой свободы. Доказательствомъ былъ оракулъ этого большинства, Карамзинъ.

А. Пыпинъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Письмо Сперанскаго къ Императору Александру въ январѣ 1813 г., изъ Перми.

Всемилостивѣйшій Государь!

При отлученіи меня, В. И. В. между прочими знаками милостиваго вниманія сказали мнѣ: что „во всякомъ другомъ положеніи дѣлъ, менѣе настоятельномъ, Вы употребили бы годъ или два, чтобъ точнѣе разсмотрѣть и повѣрить свѣдѣнія, къ Вамъ о мнѣ дошедшія". Изъ сего я долженъ заключить, что мнѣніе Ваше о мнѣ еще не рѣшено не возвратно. Въ послѣдствіи назначеніе денежнаго мнѣ пособія и невидимая, но мнѣ примѣтная, защита Ваша утвердили еще болѣе сію надежду.

Среди дѣлъ столь высокой важности мнѣ казалось непристойнымъ развлекать собою Ваше вниманіе. Теперь, когда дѣла сіи пріемлютъ видъ окончательный, могу ли я ласкаться, что В. В. удостоите исполнить то, что прежде признавали справедливымъ?

Представляю сіе письмо посредствомъ моей дочери, потому, что всякій другой путь откровеннаго изъясненія мнѣ пресѣченъ и не знаю еще, какъ и сіе дойдетъ непосредственно до рукъ Вашихъ.

Удостойте, Всемилостивѣйшій Государь, Вашего вниманія объясненія, при семъ прилагаемыя, не столько изъ снисхожденія къ моей судьбѣ, какъ по уваженію ихъ предмета. Судьба моя и безъ нихъ, по единому движенію справедливости и благости Вашей, могла бы рѣшиться. Но государи всегда имѣютъ личную и прямую пользу внимать истинѣ, особливо когда она касается до важныхъ дѣлъ государственныхъ.

Есмь съ благоговѣніемъ и пр.

М. Сперанскій.

Въ самомъ началѣ царствованія В. И. В. поставили себѣ правиломъ, послѣ толикихъ колебаній нашего правительства, составить наконецъ твердое и на законахъ основанное положеніе, сообразное духу времени и степени просвѣщенія и слѣдовать ему неуклонно.

Отъ сего единаго начала постепенно возникали всѣ главныя учрежденія Ваши, кои, по важности и пространству своему, могли бы прославить самое долголѣтнее и дѣятельное царствованіе, еслибы или люди были справедливѣе, или обстоятельства счастливѣе.

Исполнители, коихъ В. В. употребляли въ семъ дѣлѣ, каждый попеременно, въ свою очередь, были предметомъ зависти, клеветы и злословія въ бо́льшей или ме́ньшей степени. Сему и быть надлежало, когда В. В. и сами нерѣдко встрѣчались съ такъ-называемымъ общимъ мнѣніемъ, коего привычка и страсти не терпѣли перемѣнъ въ настоящемъ и страшились ихъ еще болѣе въ будущемъ.

Не взирая на сіе чрезъ 12 лѣтъ В. В. постоянно слѣдовали симъ путемъ. Мѣнялись люди, измѣнялись планы, но главная мысль и намѣреніе оставались неизмѣнными.

До 1808 года я былъ почти только зрителемъ и удаленнымъ исполнителемъ сихъ преобразованій; но мысли мои и сердце всегда слѣдовали за ними. Когда въ 1803 году В. В. угодно было поручить мнѣ чрезъ графа Кочубея, въ начальствѣ коего я тогда служилъ, составить планъ образованія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ имперіи, я принялъ сіе порученіе съ радостію и исполнилъ его съ усердіемъ.

Въ концѣ 1808 года, послѣ разныхъ частныхъ дѣлъ, В. В. начали занимать меня постояннѣе предметами высшаго управленія, тѣснѣе знакомить съ образомъ вашихъ мыслей, доставляя мнѣ бумаги, прежде къ вамъ дошедшія, и нерѣдко удостоивали проваждать со мною цѣлые вечера въ чтеніи разныхъ сочиненій, къ сему относящихся.

Изъ всѣхъ сихъ упражненій, изъ стократныхъ, можетъ быть, разговоровъ и разсужденій В. В., надлежало наконецъ составить одно цѣлое. Отсюда произошелъ планъ всеобщаго государственнаго образованія.

Въ существѣ своемъ онъ не содержитъ ничего новаго; но идеямъ, съ 1801 г. занимавшимъ Ваше вниманіе, дано въ немъ систематическое расположеніе.

Весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ, чтобъ посредствомъ законовъ и установленій утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сей власти болѣе правильности, достоинства и истинной силы.

Въ теченіи слишкомъ двухъ мѣсяцевъ занимаясь почти ежедневно разсмотрѣніемъ его, послѣ многихъ перемѣнъ, дополненій и поправленій, В. В. положили наконецъ приводить его въ дѣйствіе.

Полезнѣе, можетъ быть, было бы всѣ установленія сего плана, пріуготовивъ вдругъ, открыть единовременно: тогда они явились бы всѣ въ своемъ размѣрѣ и стройности и не произвели бы никакого въ дѣлахъ смѣшенія. Но В. В. признали лучшимъ терпѣть на время укоризну нѣкотораго смѣшенія, нежели все вдругъ перемѣнить, основавшись на одной теоріи. Сколько предусмотрѣніе сіе ни было основательно, но въ послѣдствіи оно сдѣлалось источникомъ ложныхъ страховъ и неправильныхъ понятій. Не зная плана правительства, судили намѣреніе его по отрывкамъ, порицали то, чего еще не знали, и, не видя точной цѣли и конца перемѣнъ, устрашились вредныхъ уновленій.

Пройду кратко всѣ установленія, отъ плана сего возникшія, дабы означить, какъ вмѣстѣ съ ними возникала и расширялась клевета и ненависть, всегда ихъ преслѣдовавшія.

I. *Совѣтъ.* Учрежденіе сіе, за мѣсяцъ прежде открытія, сообщено было графу Николаю Ивановичу Салтыкову и князю Лопухину. Словесно и письменно они его одобрили; всѣ послѣдствія его оправдали. Но одни ви-

дѣли въ семъ установленіи подражаніе французскому, хотя кромѣ раздѣленія дѣлъ они ничего не имѣютъ общаго. Другіе утверждали, что разумъ сего учрежденія стѣсняетъ власть государеву. Гдѣ и какимъ образомъ? Не по государеву ли повелѣнію дѣла вносятся въ совѣтъ? Не единымъ ли словомъ его рѣшатся? Но зависть и клевета лучше желаютъ казаться слѣпыми, нежели быть безгласными.

II. *Министерства.* Въ манифестѣ 1802 года обѣщаны были подробныя учрежденія или инструкціи министрамъ, но до 1810 года ихъ не было. Безпорядокъ и смѣшеніе, при личныхъ взаимныхъ недоразумѣніяхъ, доходили до крайности. В. В., стоя въ средоточіи дѣлъ, въ собственной работѣ Вашей съ министрами, болѣе всѣхъ сіе чувствовали и почти ежедневно напоминали мнѣ о необходимости сего учрежденія. По мыслямъ В. В. составленъ былъ планъ, внесенъ на разсмотрѣніе предсѣдателей совѣта, всѣми единогласно одобренъ и потомъ принятъ въ совѣтѣ. На семъ основанъ былъ манифестъ о раздѣленіи министерствъ и составленъ общій уставъ.

Въ раздѣленіи министерствъ допущена нѣкоторая отъ прежняго перемѣна въ размѣщеніи или, такъ сказать, въ рамахъ дѣлъ; но рамы сіи никогда не могли быть неподвижны, и на будущее время нѣсколько разъ еще измѣниться могутъ. Изъ сей перемѣны возникли два новыя министерства: полиціи и контроля; но первое учреждено по собственному и личному убѣжденію В. В. въ его необходимости, а второе основано на порядкѣ счетовъ, неоспоримомъ и очевидномъ.

Общій уставъ постановилъ самые точные и ясные предѣлы отношеніямъ и власти министровъ. Смѣю утверждать съ достовѣрностію, что ни одно государство въ Европѣ не можетъ похвалиться учрежденіемъ столь опредѣлительнымъ и твердымъ. Оно лежитъ теперь покрыто пылію и прахомъ; но время и опытъ возстановятъ его и оправдаютъ.

Надлежало приступить къ *частнымъ уставамъ.* Возложено было на самихъ министровъ составить проекты, дабы послѣ пересмотрѣть ихъ и привесть въ единство.

Здѣсь каждый министръ, считая ввѣренное ему министерство за пожалованную деревню, старался наполнить ее и людьми и деньгами. Тотъ, кто прикасался къ сей собственности, былъ явный иллюминатъ и предатель государства, и это былъ — я. Мнѣ одному противъ осьми сильныхъ надлежало вести сію тяжбу. У одного министра финансовъ, не говоря о другихъ, убавлены цѣлые два департамента и сверхъ того нѣсколько отдѣленій, и такимъ образомъ уменьшены штаты ежегодно болѣе нежели на 100 тыс. рублей. Въ самыхъ правилахъ наказовъ надлежало сдѣлать важныя перемѣны, отсѣчь притязанія власти, привести ее въ предѣлы, ограничить насильныя завладѣнія одной части надъ другою, и словомъ, всѣ сіи наказы вовсе передѣлать. Можно ли было сего достигнуть, не прослывъ рушителемъ всего добра, человѣкомъ опаснымъ и злонамѣреннымъ?

Другіе, можетъ быть, меня счастливѣе, совершатъ сію работу; но совершить ее необходимо: ибо какъ скоро одно министерство движется по данному направленію, то вмѣстѣ съ нимъ должны идти и другія, иначе они станутъ другъ друга затруднять, какъ то опытъ уже доказалъ и доказывать будетъ.

Между тѣмъ какъ занимались сею работою, В. В. подтверждали мнѣ многократно о образованіи сената.

III. *Сенатъ*. Образованіе сената было въ необходимой связи съ учрежденіемъ министерствъ. Не могутъ два сіи установленія идти на двухъ началахъ, совершенно противоположныхъ.

Проектъ сего образованія прежде всего сообщенъ былъ графу Заводовскому, князю Лопухину и графу Кочубею. Письменные ихъ отзывы при самыхъ бумагахъ. Послѣ сего онъ разсмотрѣнъ въ собраніи предсѣдателей, напечатанъ и внесенъ въ Совѣтъ; мѣсяцъ времени опредѣленъ былъ для того, чтобъ каждый у себя дома могъ его обдумать.

Изъ хода сего дѣла всякъ легко могъ усмотрѣть, что не желали тутъ ни исторгнуть согласія, ни предвосхитить его смятеніемъ и поспѣшностію.

Не взирая на сіе, возстали укоризны. Не буду здѣсь упоминать о томъ, что въ укоризнахъ сихъ было жестокаго и терзавшаго мою личность. Обращусь къ самому источнику тѣхъ только возраженій, кои имѣли видъ безпристрастія. Возраженія сіи, большею частію, происходили отъ того, что элементы правительства нашего недовольно еще образованы и разумъ людей, его составляющихъ, не довольно еще пораженъ несообразностями настоящаго вещей порядка, чтобъ признать благотворныя Ваши перемѣны необходимыми. И слѣдовательно надлежало дать время, должно было еще потерпѣть, еще попустить безпорядокъ и злоупотребленія, чтобъ наконецъ ихъ ощутили, и тогда, вмѣсто того, чтобъ затруднять намѣренія Ваши, сами бы пожелали ихъ совершенія.

Мысль сія съ горестію вырывалась у меня въ самыхъ публичныхъ разговорахъ и разсужденіяхъ. Я представилъ ее во всей силѣ и В. В., и означилъ даже въ докладной моей запискѣ, которая при дѣлахъ и теперь должна находиться. Могъ ли я тогда подумать, что сіе самое разсужденіе дастъ поводъ врагамъ моимъ сдѣлать то злобное приложеніе, какое въ послѣдствіи оказалось?

Между тѣмъ мнѣнія въ пользу проекта были многочисленны и уважительны. Съ твердостію и чистотою намѣреній, В. В. не рѣшались еще остановить исполненія. Двумя записками, въ разное время отъ меня поднесенными, представлялъ я, сколь неудобно было бы, при настоящемъ расположеніи умовъ, продолжать сіе дѣло. Вмѣстѣ съ тѣмъ, возрастающіе слухи о войнѣ рѣшили, наконецъ, В. В. отложить его до времени.

Дай Богъ, Всемилостивѣйшій Государь! чтобъ время сіе настало. Проектъ можетъ быть перемѣненъ, исправленъ, или совсѣмъ передѣ-

лянъ людьми, болѣе меня свѣдущими; но я твердо увѣренъ, что безъ устройства сената, сообразнаго устройству министерствъ, безъ средоточія и твердой связи дѣлъ, министерства всегда будутъ наносить болѣе вреда и Вамъ заботы, нежели пользы и достоинства.

IV. *Законы.* Есть люди, кои и коммиссію законовъ считаютъ вреднымъ уновленіемъ, хотя она учреждена еще при Петрѣ Великомъ и съ того времени почти непрерывно существовала.

Развлеченный множествомъ дѣлъ, я не могъ сей части дать того ходу, какого бы желалъ; но смѣю сказать, что и въ ней сдѣлано, въ теченіи двухъ лѣтъ, болѣе, нежели во все предъидущее время. Цѣлое почти столѣтіе протекло въ однихъ несвязныхъ планахъ и обѣщаніяхъ; въ мое время не только составлены твердые планы на важнѣйшія части; но составлены, изданы и въ совѣтѣ разсмотрѣны двѣ труднѣйшія части гражданскаго уложенія; третья и послѣдняя требовала только отдѣлки.

Со всѣмъ тѣмъ, никогда не хвалился я сими работами и охотно, и въ свѣтѣ и передъ В. В., раздѣлялъ честь ихъ съ коммиссіею; но несправедливости людей принуждаютъ меня, наконецъ, быть любочестивымъ. Пусть сличатъ безобразныя компиляціи, представленныя мнѣ отъ коммиссіи, т. е. отъ г. Розенкампфа, и если найдутъ во стѣ два параграфа, коими бы я воспользовался, я уступлю имъ всю честь сего произведенія. Сличеніе сіе не трудно, ибо компиляціи сіи всѣ остались въ моемъ кабинетѣ.

Другіе искали доказать, что уложеніе, мною внесенное, есть переводъ съ французскаго, или близкое подражаніе. Ложь или незнаніе, кои изобличить также не трудно: ибо то и другое напечатано. Въ источникѣ своемъ, т. е. въ римскомъ правѣ, всѣ уложенія всегда будутъ сходны; но съ здравымъ смысломъ, съ знаніемъ сихъ источниковъ и кореннаго ихъ языка, можно почерпать прямо изъ нихъ, не подражая никому и не учась ни въ нѣмецкихъ, ни во французскихъ университетахъ.

V. *Финансы.* Въ исходѣ 1809 г., тогда, какъ В. В. занимали меня планомъ общаго образованія, предсталъ вопросъ, дѣлу сему посторонній, но по важности своей привлекавшій на себя все Ваше вниманіе. В. В. съ справедливымъ безпокойствомъ взирали на постоянный упадокъ ассигнацій и не могли съ равнодушіемъ видѣть, что средства къ пополненію недостатковъ, Вамъ представляемыя, состояли въ умноженіи тѣхъ же ассигнацій. Безпокойство сіе возрасло до высшей степени, когда въ смѣтѣ на 1810 годъ, заранѣе представленной, открытъ былъ ужасный недостатокъ въ 105,000,000 рублей, а способовъ къ замѣнѣ его въ виду не было.

Вступало къ Вамъ множество проектовъ, но всѣ они представляли минутныя и вредныя облегченія. В. В. желали открыть корень зла и пресѣчь его, доколѣ была еще возможность. Сею одною рѣшительностію, смѣло могу утвердить, В. В. спасли тогда государство отъ банкротства.

Послѣ многократныхъ о семъ разсужденій, составленъ былъ планъ финансовъ и внесенъ въ комитетъ, который тогда въ домѣ г. Гурьева собирался. По двухнедѣльномъ предварительномъ разсмотрѣніи, онъ признанъ былъ необходимымъ и представленъ Совѣту. Были споры, но самое важное большинство его одобрили: принялись за исполненіе.

Здѣсь, тѣже самые члены правительства, кои планъ одобрили, вмѣсто того, чтобъ единодушно способствовать его исполненію, начали всемѣрно затруднять его; и тотъ, кто долженъ былъ главнымъ быть его исполнителемъ, министръ финансовъ, не отрекаясь отъ него на словахъ, сталъ первымъ его противникомъ на дѣлѣ.

Откуда сіе противурѣчіе? Оно изъясняется слѣдующимъ: весьма легко сказать: прекратить выпускъ ассигнацій; но надобно было чѣмъ-нибудь ихъ замѣнить; для сего надлежало:

1) Сократить и привести въ порядокъ издержки; а здѣсь-то неудобства и роптаніе. Вмѣсто того, что прежде каждый министръ могъ почерпать свободно изъ такъ называемыхъ экстраординарныхъ суммъ, въ новомъ порядкѣ надлежало все вносить въ годовую смѣту, потомъ каждый почти рубль подвергать учету въ двухъ инстанціяхъ Совѣта, часто терпѣть отказы и всегда почти уменьшеніе, и, въ концѣ всего, еще ожидать ревизіи контролера. Самъ министръ финансовъ подвергся тому же правилу. Могъ ли кому нравиться сей вещей порядокъ?

2) Надлежало возвысить налоги. Слишкомъ двадцать лѣтъ Россія сего не знала. Каждый членъ правительства хотѣлъ сложить съ себя бремя сей укоризны; надлежало, однакожъ, чтобъ кто-нибудь ее понесъ. Судьба и несправедливость людей меня избрали на сію жертву; меня осыпали эпиграммами, ругательствами и пр., а другіе были въ сторонѣ.

Были попытки и тогда уже окружить ваше величество страхами народнаго неудовольствія и подозрѣніями ко мнѣ. Отчетъ, который за 1810 годъ имѣлъ я счастіе представить въ февралѣ послѣдующаго года, изображалъ во всей силѣ мои опасенія. Я предвидѣлъ, не безъ страха, всѣ личныя слѣдствія, и тогда же просилъ уволить меня отъ званія государственнаго секретаря. Ваше величество самымъ милостивымъ образомъ опровергли и мои страхи, и мои желанія.

Такъ прошелъ 1810 годъ.

1811 годъ представилъ совсѣмъ противныя явленія. Тутъ министръ финансовъ предлагалъ налоги, а Совѣтъ отвергалъ ихъ, яко неблаговременные. Онъ, министръ, доказывалъ, что въ половинѣ года все станетъ; прошелъ цѣлый годъ, ничто не остановилось и передержка была малозначуща. Тѣмъ не менѣе я и въ семъ году былъ рушителемъ порядка и человѣкомъ опаснымъ.

Насталъ 1812 годъ. Недостатокъ весьма важный и, сверхъ того, близкая война. Министръ финансовъ представилъ систему налоговъ чрезмѣрно крутую и тягостную. Часть ихъ принята, другая замѣнена нало-

гами легчайшими. Сіе смягченіе и сіи перемѣны, умноживъ раздраженіе, послужили послѣ министру финансовъ и обширному кругу друзей его весьма выгоднымъ предлогомъ отречься отъ всѣхъ мѣръ новаго положенія, сложить съ себя отвѣтственность и, по примѣру 1810 года, но уже съ большею силою, на меня одного обратить всѣ неудовольствія.

Еслибы въ сіе время можно было напечатать всѣ представленія сего министра, тогда всѣ нареканія съ меня обратились бы на него; но его бумаги лежали спокойно въ дѣлахъ совѣта, а манифестъ съ примѣчаніями, толкованіями, московскими вѣстями и ложными страхами, ходилъ по рукамъ.

Я мнилъ, что спокойный взглядъ и терпѣніе двухъ или трехъ мѣсяцевъ разсѣятъ сію бурю. Въ самомъ дѣлѣ, она начала утихать; налоги приняли свою силу и пошли своимъ чередомъ [1]).

Но между тѣмъ, какъ я былъ спокоенъ, властолюбивая зависть [2]) не дремала и воспользовалась сопряженіемъ обстоятельствъ. Приступаю къ подробностямъ, весьма для меня горестнымъ.

Я не знаю съ точностію, въ чемъ состояли секретные доносы, на меня взведенные. Изъ словъ, кои при отлученіи меня В. В. сказать мнѣ изволили, могу только заключить, что были три главные пункта обвиненія: 1) что финансовыми дѣлами я старался разстроить государство; 2) привести налогами въ ненависть правительство; 3) отзывы о правительствѣ.

1) *О финансахъ.* Къ 1810-му году доходы государственные составляли около 125.000.000. Къ 1812-му они доведены были до 300.000.000. Приращеніе—въ два года 175.000.000.

Слова можно прикрасить, исказить, и перетолковать, а дѣлъ, на простомъ счетѣ основанныхъ, перемѣнить нельзя.

Смѣло могу еще разъ утверждать, что, перемѣнивъ систему финансовъ, В. В. спасли государство отъ банкротства. Придетъ время, всемилостивѣйшій государь, когда благія учрежденія ваши, оправдавшись опытомъ, привлекутъ на себя благословеніе людей благомыслящихъ. Тогда, смѣю думать, и мое имя и мои бѣдствія вспомнятъ не безъ сожалѣнія.

Планъ финансовъ и всѣ операціи, на немъ основанныя, всегда выдержатъ съ честью самое строгое изслѣдованіе всѣхъ истинныхъ государственныхъ людей, не только у насъ, но и во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ. Не словами, но математическимъ счетомъ можно доказать, что еслибы въ свое время онъ не былъ принятъ, то не только вести настоящую войну, но и встрѣтить ее было бы не съ чѣмъ. И тотъ же планъ, въ обширныхъ его примѣненіяхъ, можетъ еще доставить важныя

---

[1]) Большая часть ихъ и теперь существуетъ.

[2]) Разумѣю моихъ доносителей.



пособія въ тѣхъ затрудненіяхъ, кои обыкновенно открываются послѣ войны.

Но отъ чего же столько ропоту? Отъ того, что ни въ какой землѣ не перемѣняли финансовой системы безъ неудовольствія.

Отъ чего же — еще вопрошаютъ — понизились еще болѣе ассигнаціи со времени введенія плана? Это есть секретъ правительства; онъ состоитъ въ томъ: 1) что въ то же самое время, какъ перемѣняли систему, принуждены были выпустить около 46.000.000 новыхъ ассигнацій; 2) въ томъ, что отъ прежняго казначейства, безъ умысла, единственно по незнанію, представленъ былъ неправильный счетъ той массы, которая была въ обращеніи, и на семъ счетѣ, коего неправильности тогда узнать никакъ было невозможно, основаны были первыя операціи. Но со всѣмъ тѣмъ, унизясь въ первый годъ, ассигнаціи потомъ такъ твердо установились, что въ теченіи трехъ послѣдующихъ лѣтъ онѣ сохранили постоянно свое достоинство, и теперь еще, послѣ всѣхъ бѣдствій войны, онѣ свободнѣе, по цѣнѣ ихъ, принимаются въ народѣ, нежели самое серебро. Сіе ли называется разрушеніемъ государственнаго кредита?...

2) *О ропотѣ отъ налоговъ.* Какое странное притязаніе желать, чтобы народъ кланялся и благодарилъ, когда облагаютъ его налогами! Естественно, сперва поговорятъ, побранятъ, потомъ перестанутъ, а со временемъ, когда образумятся, то и благодарить будутъ. Гдѣ же не бранили за налоги? но можно-ли сіе минутное неудовольствіе признавать опаснымъ ропотомъ? Если налоги въ половинѣ февраля произвели опасный ропотъ, то куда дѣвалась сія опасность, въ мартѣ, въ маѣ, въ іюнѣ? Гдѣ слѣды сего общаго неудовольствія? Какимъ же волшебствомъ тотъ же народъ, тоже дворянство, коего ропотомъ въ февралѣ стращали, въ маѣ и іюнѣ готовы были всѣмъ жертвовать? Откуда сія перемѣна? Налоги не были сложены; напротивъ во многихъ мѣстахъ усилены. Слѣдовательно опасный ропотъ сей былъ баснь, выдуманная людьми легкомысленными, кои, проживъ весь вѣкъ свой въ женскихъ сплетняхъ, потѣмъ же самымъ сплетнямъ и московскимъ вѣстямъ судятъ о дѣлахъ государственныхъ и даже (горько помыслить) мнятъ управлять ими.

Не могу миновать здѣсь одного примѣчанія, которое и прежде, въ первомъ письмѣ моемъ отсюда, я старался сколько могъ означить. Не попустите, всемилостивѣйшій государь, чтобъ система ложныхъ страховъ и подозрѣній, система, коею, какъ я догадываюсь, ищутъ уловить вниманіе вашего величества, чтобъ система сія, всегда приводившая государей къ безславію, а государства къ бѣдствіямъ, превозмогла надъ достоинствомъ моральнаго вашего характера, который одинъ, смѣю сказать, среди всѣхъ неустройствъ нашего правительства, досели составлялъ отраду народа и надежду всѣхъ людей просвѣщенныхъ и благомыслящихъ. Одни мечтатели, или люди коварные и властолюбивые, могутъ видѣть въ народѣ самомъ кроткомъ и добродушномъ, въ подданныхъ,

привыкшихъ повиноваться самой малѣйшей власти, и вамъ, всемилостивѣйшій государь, дѣйствительно и лично преданныхъ, —могутъ, въ семъ народѣ, въ мнѣніяхъ его и пустыхъ толкахъ неразумія или легкомыслія, видѣть ропотъ, опасности, причины важныхъ подозрѣній. Ужасъ поражаетъ мое воображеніе, когда я помыслю о слѣдствіи сихъ внушеній. Смѣло могу назвать ихъ, если они существуютъ, преступленіемъ противъ самаго величества. Но Богъ, проведшій васъ сквозь толикое множество трудныхъ произшествій и сохранившій для благоденствія Россіи, безъ сомнѣнія сохранитъ и отъ сихъ опасныхъ сѣтей, скрытыхъ подъ видомъ личной преданности и какой-то привязанности къ старымъ русскимъ правиламъ. Истинныя русскія правила суть взаимная любовь и довѣріе между государемъ и подданными, точное отношеніе отца къ дѣтямъ, а совѣты, основанные на страхѣ и угодливости мнимому общему мнѣнію, когда оно несправедливо и пользамъ государственнымъ противно, суть совѣты не русскіе, но совѣты или малодушные, или злые, и во всѣхъ отношеніяхъ васъ недостойные. Сіе мнимое общее мнѣніе слабо и ничтожно, когда его презираютъ; напротивъ—строптиво и ужасно, когда его слушаютъ. Простите, всемилостивѣйшій государь, сіе невольное сердца моего изліяніе. Враги мои могли очернить меня предъ Вами, но никогда не отъучатъ сердца моего желать Вашей славы, сохраненія Вашего достоинства и кроткаго правленія.

3) *Объ отзывахъ*. Третій пунктъ обвиненія, сколько могъ я выразумѣть, состоитъ въ томъ, что я отзывался худо о правительствѣ. Если доносители разумѣютъ подъ именемъ правительства тѣ элементы, изъ коихъ оно слагается, т. е. разныя установленія, то правда, что я не скрывался и въ послѣднее время, съ горестью многимъ повторялъ, что они, состоя изъ старыхъ и новыхъ, весьма худы и несообразны. Но сіе было мнѣніе всѣхъ людей благомыслящихъ и, смѣю сказать, и мнѣніе вашего величества; скрывать же сего я не имѣлъ никакой нужды.

Если разумѣютъ подъ именемъ правительства людей, его составляющихъ, то и въ семъ я также признаюсь. Горесть—видѣть все искаженнымъ, все перетолкованнымъ, всѣ труды покрытыми самою ѣдкою желчію и при покорности намѣреніямъ Вашимъ на словахъ, видѣть совершенную противоположность имъ на дѣлѣ, горесть, снѣдавшая мое сердце и часто доводившая до отчаянія имѣть при сихъ элементахъ и людяхъ какой-либо въ дѣлахъ успѣхъ, не взирая на всѣ ваши желанія, горесть сія часто, а особливо въ послѣднее время, по случаю сенатскихъ и финансовыхъ споровъ, вырывалась у меня невольнымъ образомъ изъ сердца. Но, всемилостивѣйшій государь, измученъ; дѣйствительно измученъ множествомъ дѣлъ и ежедневно еще терзаемъ самыми жестокими укоризнами, могъ ли я быть всегда равнодушнымъ? И, впрочемъ, сіи самые члены правительства, коихъ чувствительность отзывомъ симъ толико оскорбилась, не воздавали ли мнѣ за сіе сторицею?

Но чтобъ могъ я подъ именемъ правительства разумѣть особу вашего величества, душа моя возмущается при размышленіи, что я доведенъ до того, чтобъ опровергать сію гнусную клевету, иначе какъ презрѣніемъ. Съ 1801 года, чрезъ 12 лѣтъ, въ разныхъ разстояніяхъ отъ вашего лица, я неуклонно слѣдовалъ сердцемъ и душею за всѣми вашими намѣреніями, и въ послѣдніе два года былъ близкимъ ихъ исполнителемъ. Во всѣхъ представленіяхъ моихъ я имѣлъ дѣло съ однимъ вашимъ разумомъ и никогда не хотѣлъ обольщать вашего сердца. Вашъ разумъ и строгая съ моей стороны логика были одни мои орудія; въ нихъ состояла вся тайна моихъ работъ и успѣховъ. Никогда и ни въ чемъ важномъ не желалъ, да и не могъ я получить вашего согласія иначе, какъ посредствомъ самыхъ точныхъ доказательствъ и разсужденій. Для сего сочиняемы мною были не докладныя записки, но, можно сказать, цѣлыя книги. Въ истинѣ сего смѣю сослаться на собственныя ваши воспоминанія, на всѣ докладныя бумаги, кои я вамъ подносилъ. Какимъ же образомъ, съ какою уродливою лживостью, противъ ежедневнаго моего опыта, вздумалъ я порицать и злословить въ послѣднее время то, что очевидно чтилъ и уважалъ въ теченіи столь многихъ лѣтъ? Для чего? Какую цѣль могла имѣть сія лживость? возбудить неудовольствіе,—но въ комъ?—въ Армфельдѣ и Балашевѣ?—и на какой же конецъ? чтобъ сдѣлать переворотъ въ правительствѣ? Но въ чью пользу? гдѣ способы? гдѣ сообщники? гдѣ связи? Въ дѣлахъ 20-лѣтней службы, во всѣхъ бумагахъ, въ двухгодичномъ моемъ удаленіи, во всѣхъ надзорахъ и изысканіяхъ, тогда какъ сердца и уши открыты слушать обо мнѣ всякую клевету и нелѣпость, открылъ ли кто одинъ слѣдъ, одну тѣнь какой-либо связи подозрительной?

Здѣсь одна горестная мысль раздираетъ мое сердце: непріятели мои могли сомнѣваться въ политическихъ моихъ правилахъ, могли думать о привязанности моей къ французской системѣ; но ваше величество, зная мои по сей части работы, не могли колебаться. Поведеніе мое было столь ясно, что если бы бумаги и дѣла мои можно было напечатать, тогда сами непріятели мои устыдились бы своихъ предположеній. Не я ли былъ одинъ изъ первыхъ, который обращалъ вниманіе вашего величества на предстоявшую войну и на всѣ козни, ей предшествовавшія? Ссылаюсь на подробныя записки, многократно, въ разныхъ эпохахъ и за долгое время поднесенныя. Онѣ всѣ находятся въ моихъ бумагахъ. Смѣю себѣ присвоить, что никто, можетъ быть, по крайней мѣрѣ случайно, столько не содѣйствовалъ, чтобъ заранѣе освѣтить истинныя намѣренія Франціи, какъ я. Когда отправляли въ Парижъ гр. Нессельроде, на краткое время, съ порученіемъ финансовымъ по займу, тогда предположенному и совсѣмъ безъ видовъ дипломатическихъ, не я ли представлялъ вашему величеству открыть съ нимъ переписку, которая впослѣдствіи содѣлалась однимъ изъ главныхъ источниковъ свѣдѣній

вѣрнѣйшихъ и полезнѣйшихъ? И впрочемъ, еслибы и не могъ я привести сихъ и симъ подобныхъ доводовъ, какъ можно вообще согласить слѣдующія противорѣчія: быть преданнымъ Франціи и лишить ее всей торговли въ Россіи введеніемъ новаго тарифа; желать разрушенія порядка и въ тоже время всемѣрно содѣйствовать его устроенію; желать ослабить правительство и вмѣстѣ возвышать его доходы; быть глубокимъ честолюбцемъ и имѣть вокругъ себя однихъ враговъ; желать привести у народа въ ненависть правительство и себя перваго и прежде всего подвергать неминуемо сей самой ненависти? Пусть согласятъ все сіе мои доносители: мнѣ и писать и мыслить о семъ уже омерзительно.

Между тѣмъ однакоже, сіе жестокое предубѣжденіе о связяхъ моихъ съ Франціею, бывъ поддержано эпохою моего удаленія [1]), составляетъ теперь самое важное и, могу сказать, *единственное пятно* моего въ народѣ обвиненія.

Вамъ единственно, всемилостивѣйшій государь, вашей справедливости принадлежитъ его изгладить. Смѣю утвердительно сказать въ вѣчной правдѣ предъ Богомъ, вы обязаны, Государь, сіе сдѣлать. Вы не можете тутъ имѣть во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія; вашею тайною, а не своею, я связанъ; слѣдовательно вамъ же и развязать все должно. Финансы, налоги, новыя установленія, всѣ дѣла публичныя, въ коихъ я имѣлъ счастіе быть вашимъ исполнителемъ, все оправдается временемъ; но здѣсь чѣмъ я оправдаюсь, когда все покрыто и должно быть покрыто тайною?

Обращаюсь еще разъ къ личнымъ отзывамъ. Отъ чего, спросятъ, доходили отъ разныхъ лицъ однѣ вѣсти? Отъ того, что сіи разныя лица составляли одно тѣло, а *душа* сего тѣла былъ тотъ самый, кто всему казался и теперь кажется постороннимъ.

Еслибы въ правотѣ моей совѣсти и дѣлъ нужно мнѣ было не спускаться къ симъ потаеннымъ сплетнямъ, на коихъ основаны мои обвиненія, я легко могъ бы показать и начало ихъ и происхожденіе; открыть и воздушныя ихъ финансовыя системы и личные корыстолюбивые ихъ разсчеты; указать всѣ лица, запечатлѣть каждое изъ нихъ своею печатью, обличить ложь въ самомъ ея средоточіи, и представить на все столь ясные доводы, что они сами бы, можетъ быть, онѣмѣли. Но къ чему всѣ сіи улики? онѣ будутъ теперь имѣть видъ рекриминацій, всегда ненавистныхъ. И сверхъ того, враги мои, можетъ быть, и въ сію минуту стоятъ предъ вашимъ величествомъ, а я за 2000 верстъ, и весь почти совершенно въ ихъ власти [2]).

Мнѣ остается пояснить одно обстоятельство, которое, бывъ обвиненію постороннимъ, чрезмѣрно однакоже обрадовало моихъ непріятелей, давъ имъ случай всю громаду ихъ лжи прикрыть нѣкоторою истиною.

[1]) А наче въ Пермь.

[2]) Это не фраза, а сущая истина.



Ваше величество припомнить, безъ сомнѣнія, изволите, какъ въ одно время я докладывалъ, что Бекъ приходилъ ко мнѣ и просилъ исходатайствовать ему у васъ минуту вниманія. „На что“? изволили вы спросить. „Онъ что-то нашелъ въ перлюстраціи, чего не хочетъ показать канцлеру, не представивъ прежде вамъ“. Ваше величество сказали мнѣ, что позовете его чрезъ Геслера, что дѣйствительно и исполнили и, давъ ему ваши наставленія, дозволили и впредь въ подобныхъ случаяхъ къ себѣ относиться. Бекъ, благодаря меня за сей случай, предложилъ, что когда встрѣтится въ дѣлѣ его что-либо достойное вниманія особеннаго, онъ будетъ меня извѣщать. Онъ могъ сіе сдѣлать, въ чистотѣ совѣсти, не считая меня чуждымъ правительству и его тайнамъ. Съ вѣдома ли его или нѣтъ, но чрезъ третье лицо, въ самомъ дѣлѣ изрѣдка и безъ связи получилъ я нѣсколько сихъ листовъ. Что они въ себѣ содержали? Пустыя вѣсти о войнѣ, свѣдѣнія и разсужденія, кои, стоя въ средоточіи дѣлъ и имѣя всегда и по симъ предметамъ доступъ къ вашему величеству, я въ тысячу разъ лучше и подробнѣе всегда зналъ, нежели они. Что могли мнѣ новаго сказать какой-нибудь г. Бушъ и ему подобные, жалкіе дипломаты? Слѣдовательно, допустивъ входить къ себѣ сіи бумаги, даже въ видахъ любопытства, не могъ я назначать имъ высокой важности. Одинъ взглядъ на содержаніе ихъ [1]) удостовѣритъ васъ, всемилостивѣйшій государь, въ маловажности ихъ; числа ихъ докажутъ, что они вошли ко мнѣ безъ связи;—а все вмѣстѣ можетъ увѣрить, что тутъ могло быть легкомысліе, но никто никогда не въ силахъ превратить его въ государственное преступленіе.

Со всѣмъ тѣмъ и прежде и теперь, я повергаю себя единственно въ ваше великодушіе и желаю еще лучше быть *прощеннымъ*, нежели во всемъ *правымъ*.

Нужно-ли, всемилостивѣйшій государь, чтобъ я оправдывалъ себя и противъ тѣхъ обвиненій, кои разсѣваемы были моими врагами, о нравственныхъ моихъ правилахъ и о связяхъ моихъ съ мартинистами, иллюминатами, и проч.?

Бумаги мои ясно доказываютъ, что никогда и никакихъ связей я не имѣлъ; вообще о всѣхъ вещахъ я старался имѣть собственныя мои мнѣнія и никогда не вѣрилъ слѣпо чужимъ.

Когда ваше величество пожелали о предметахъ сего рода и въ особенности о мистической ихъ части имѣть свѣдѣнія, я съ удовольствіемъ готовъ былъ посвятить вамъ всѣ плоды моихъ собственныхъ изысканій и размышленій. Бесѣды сіи мнѣ тѣмъ были пріятнѣе, чѣмъ болѣе я видѣлъ, что предметъ ихъ сообразенъ съ сердечными вашими чувствами. Не изъ книгъ, не изъ актовъ и хартій, почерпалъ я сіи истины; онѣ были изліяніемъ души моей, смѣю сказать, ими преисполнен-

---

[1]) При удаленіи, я представилъ ихъ Вашему Величеству.

ной. Обстоятельства и многодѣліе прервали, слишкомъ рано, сіи лестныя для меня сношенія и хотя не имѣлъ я еще времени открыть вамъ во всемъ пространствѣ истинныя ихъ знаменованія, но, судя по самому ихъ началу, смѣю сослаться на собственное ваше сердце и на самыя бумаги, у васъ оставшіяся, что другое въ сихъ истинахъ вы слышали отъ меня, кромѣ указаній на достоинство человѣческой природы, на высокое ея предназначеніе, на законъ всеобщей любви, яко единый источникъ бытія, порядка, счастія, всего изящнаго и высокаго? Да и когда, при какомъ случаѣ, слышали вы, всемилостивѣйшій государь, отъ меня другія правила? Во все время, какъ я пользовался вашимъ довѣріемъ, кого и чѣмъ я очернилъ, помрачилъ, или кому старался повредить въ глазахъ вашихъ? На кого навелъ я какую-либо тѣнь подозрѣнія? Напротивъ, я всегда желалъ и при всѣхъ случаяхъ старался питать и возвышать въ душѣ вашей ту любовь къ человѣкамъ, ту кротость и снисхожденіе, коимъ Богъ и природа въ благости своей васъ одарили.

Всемилостивѣйшій государь! въ невидимомъ присутствіи Бога сердцевѣдца, смѣю здѣсь вопросить: такъ-ли поступаетъ, совѣтуетъ, дѣйствуетъ и говоритъ мрачный честолюбецъ, ненавидящій своего государя и желающій привесть его въ ненависть!

Простите, всемилостивѣйшій государь, пространность сихъ изъясненій. Въ теченіи двухъ почти лѣтъ враги мои говорили одни. Мнѣ оставалось страдать и молчать.

Въ награду всѣхъ горестей, мною претерпѣнныхъ; въ возмездіе всѣхъ тяжкихъ трудовъ, въ угожденіе В. В—ву, къ славѣ вашей и къ благу государства подъятыхъ; въ признаніе чистоты и непорочности всего поведенія моего въ службѣ, и наконецъ въ воспоминаніе тѣхъ, милостивыхъ и лестныхъ мнѣ частныхъ сношеній, въ коихъ одинъ Богъ былъ и будетъ свидѣтелемъ между вами и мною, — прошу единой милости: дозволить мнѣ съ семействомъ моимъ въ маленькой моей деревнѣ провести остатокъ жизни, по истинѣ одними трудами и горестями преизобильной.

Если въ семъ уединеніи угодно будетъ поручить мнѣ окончить какую-либо часть публичныхъ законовъ, разумѣя гражданскую, уголовную или судебную, я приму сіе личное отъ вашего величества порученіе съ радостію и исполню его безъ всякой помощи, съ усердіемъ, не ища другой награды, какъ только: *свободы* и *забвенія*.

Богъ, общій Отецъ и Судія государей и ихъ подданныхъ, да благословитъ благія намѣренія вашего величества на пользу государства, да ниспошлетъ вамъ исполнителей кроткихъ безъ малодушія и усердныхъ безъ властолюбія. Сіе будетъ навсегда предметомъ желаній человѣка, коего многіе въ службѣ могутъ быть счастливѣе, но никто не можетъ быть лично вамъ преданнѣе.

ТУРЕЦКАЯ ПРОВИНЦІЯ

и

ЕЯ СЕЛЬСКАЯ И ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ.

Путешествіе по Македоніи и Албаніи.

I.

Осенью 1868 года мнѣ представился случай сдѣлать путешествіе по странѣ, въ которой, кажется, ни одна русская женщина еще не бывала. Посолъ въ Константинополѣ, генералъ Игнатьевъ, выхлопоталъ одному изъ моихъ знакомыхъ, уже прежде ѣздившему по Турціи, султанскій фирманъ для безопаснаго проѣзда по Македоніи и Албаніи, а въ Солуни составился, въ исходѣ сентября, русскій караванъ, чтобы пуститься въ эти малоизвѣстныя страны.

Сѣвъ на лошадь 1-го октября на берегу Архипелага, я 3-го декабря разсталась съ своимъ конемъ въ Дурацдо, на Адріатическомъ морѣ, и признаюсь, эти 64 дня верховой ѣзды по горамъ и доламъ Македоніи и Албаніи оставили во мнѣ самое пріятное воспоминаніе.

Само собою разумѣется, что проѣздъ русской путешественницы черезъ города и села Македоніи и Албаніи не могъ не возбуждать въ жителяхъ удивленіе и любопытство. Удивлялись больше мужчины-христіане, любопытствовали необыкновенно женщины, какъ христіанки, такъ и турчанки. Со стороны турокъ я не замѣчала особеннаго удивленія. Турки привыкли считать европейцевъ за эксцентриковъ, способныхъ на всякія несо-

образности, и ихъ вовсе не удивляло то, что женщина *московка* вздумала пробираться по ихъ горнымъ тропинкамъ и посѣщать ихъ *ханы* (гостинницы), гдѣ рогожка на грязномъ земляномъ полу составляетъ единственную мебель.

— Зачѣмъ они пріѣхали? спрашивалъ какой-нибудь турокъ у каваса Мустафы, нашего тѣлохранителя. «Э, такъ просто *шатаются* по свѣту», и этотъ отвѣтъ ихъ вполнѣ удовлетворялъ.

Напротивъ того, христіане всегда и вездѣ выражали изумленіе на счетъ моего появленія у нихъ. Они выросли въ такомъ страхѣ, такъ рѣдко отлучаются изъ дому, ихъ жены такія домосѣдки, что путешествіе мое казалось имъ чѣмъ-то необыкновенно удивительнымъ. «Какой страшный трудъ вы перенесли, говорили они мнѣ, чтобы посѣтить наше святое мѣсто! Богъ вамъ воздастъ сторицею. Вы первыя изъ русскихъ къ намъ пріѣхали посмотрѣть на нашу *сиротиню*» [1]).

Впрочемъ, несмотря на то, что я была первая русская, показавшаяся въ Македоніи и Албаніи, и даже, въ большей части мѣстъ, гдѣ мы проѣзжали, первая вообще европейская путешественница, какую тамъ видѣли, я должна признаться, что большого вниманія, собственно мнѣ, какъ женщинѣ, не оказывали. Мужчины, болгары, албанцы и валахи, какъ турки, такъ и христіане, до того привыкли считать женщину за существо низшей породы, что они невольно распространяли этотъ взглядъ и на иностранку, хотя слышали, что въ Европѣ женщина пользуется почетомъ и первенствомъ въ обществѣ. Это они знали по слухамъ; но тѣмъ не менѣе подать гостьѣ прежде мужчинъ кофе или варенье, неизбѣжное угощенье въ Турціи,—рѣшались только въ тѣхъ домахъ, хозяева которыхъ живали въ Константинополѣ и тамъ пріобрѣли нѣсколько европейскаго лоску. Всего простодушнѣе выразилъ общее воззрѣніе старикъ монахъ въ одномъ изъ значительнѣйшихъ болгарскихъ монастырей. Мы пріѣхали туда послѣ довольно утомительнаго переѣзда по жаркому солнцу; всѣ усѣлись какъ слѣдуетъ на полъ и пошло обычное угощеніе вареньемъ и кофеемъ. Уставъ отъ продолжительной верховой ѣзды, я, одна въ компаніи, не сѣла, а стала у окна и занялась разсматриваніемъ происходившаго на дворѣ. «Пожалуйста, дайте ей *изумъ* (позволеніе), чтобъ она сѣла съ нами», сказалъ добродушный монахъ, думая, что я не смѣю сѣсть при мужчинахъ.

Вообще, послѣ первыхъ привѣтствій мужчины рѣдко обращались ко мнѣ съ рѣчью и оставляли меня совершенно въ покоѣ. Но зато, когда отворялись двери изъ женской половины христіан-

---

[1]) *Сиротиня*—сиротствующій бѣдный народъ.

скаго дома, и особенно въ ту минуту, когда я оставалась одна въ отведенной мнѣ комнатѣ, я становилась жертвою невообразимаго любопытства. Меня окружали хозяйка и ея дочери, невѣстки, родственницы, сосѣдки. Иногда въ болгарскихъ городахъ, гдѣ почти все населеніе состоитъ изъ христіанъ, комната не могла вмѣстить всѣхъ женщинъ и дѣвицъ, желавшихъ на меня посмотрѣть и являлись онѣ двумя или тремя смѣнами. Спрашивали онѣ меня только—откуда я, и понимаю ли ихъ языкъ; иногда распрашивали про Россію: далеко ли отъ нихъ, холодно ли или тепло, растетъ ли рисъ, какой мы ѣдимъ хлѣбъ, много ли у насъ въ Россіи денегъ; но какихъ-нибудь вопросовъ, относящихся къ религіи или политикѣ, я ни разу ни отъ какой женщины не слыхала. Все любопытство ихъ сосредоточивалось на моей внѣшности. Болгарскія женщины въ Македоніи совершенно дѣти. Какъ дѣти, онѣ не вѣрятъ глазамъ, а все хотятъ ощупать руками. Бывало обступятъ меня, и первымъ долгомъ трогаютъ за носъ и за лобъ, да проведутъ руками по щекамъ, щупаютъ руками волоса и косу, какъ будто хотятъ удостовѣриться, такой ли я человѣкъ, какъ онѣ сами. Затѣмъ начинается освидѣтельствованіе платья, тоже посредствомъ рукъ, и рядъ разспросовъ о томъ, такъ ли одѣваются всѣ въ Россіи, какъ я одѣта, какіе носятъ сапоги, шляпы, какъ называется по-русски каждая вещь на мнѣ надѣтая, носятъ ли у насъ на головѣ фесы; однимъ словомъ, закидываютъ множествомъ вопросовъ по туалетной части, иногда выпрашиваютъ какъ дѣти, чтобъ я имъ отдала ту или другую вещь. Приходилось мнѣ не разъ употреблять хитрости, чтобы спастись отъ этихъ докучливыхъ посѣтительницъ. Были и такіе болгарскіе дома, гдѣ гостепріимство и сердечное радушіе не сопровождалось никакою докучливостью.

Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю дни, проведенные въ семействѣ Хаджи Стефана, въ Криворѣчной Паланкѣ, у эконома (благочиннаго) попа Димитрія, въ Кумановѣ, и у священника попа Трифона, въ Гостиварѣ. Со стороны турецкихъ женщинъ во всѣхъ гаремахъ, гдѣ мнѣ случилось побывать, я встрѣтила не менѣе любопытства, но больше мягкости въ пріемахъ, чѣмъ у христіанокъ. Воли рукамъ онѣ не давали; лицо и волоса не подвергались ихъ осязанію; вообще онѣ принимали меня чрезвычайно любезно, нѣжно цѣловали при встрѣчѣ и прощаніи и видимо были рады посѣщенію, прерывавшему безконечную монотонность ихъ жизни взаперти. Впрочемъ о турецкихъ гаремахъ я еще поговорю подробнѣе.

II.

Ѣздить по Турціи дѣло вовсе не страшное. Опасности для иностранцевъ путешественниковъ нѣтъ нигдѣ никакой. Я ѣхала чрезъ самыя дикія мѣста Албаніи, около горы Томора и изъ Берата въ Эльбассанъ и т. д., также мало опасаясь разбойниковъ, какъ изъ Петербурга въ Царское Село. Но чтобы путешествовать въ Турціи, нужно совершенно отказаться отъ всѣхъ нашихъ житейскихъ удобствъ и, такъ-сказать, зажить новою жизнію. Во-первыхъ, нужно отказаться отъ всякихъ вѣстей изъ дому, потому что во внутреннихъ областяхъ нѣтъ почтъ, а на телеграммы, какъ я убѣдилась по опыту, невозможно дождаться отвѣта. Газеты нигдѣ и никѣмъ не получаются. Выѣхавъ за ворота приморскаго портоваго города, европейскій человѣкъ чувствуетъ себя какъ бы перенесеннымъ въ новый міръ. Никакой слухъ о происходящемъ въ Европѣ до него не долетаетъ; ни одинъ европеецъ не попадется вамъ на встрѣчу. Васъ окружаютъ люди въ странныхъ одеждахъ, съ непонятными для насъ привычками жизни, люди, которые живутъ въ домахъ безъ столовъ, стульевъ и скамей, ѣдятъ безъ вилокъ, пьютъ воду и вино безъ рюмокъ и стакановъ, ѣздятъ въ дорогу безъ экипажей, возятъ хлѣбъ, дрова и всякіе товары безъ возовъ, на спинахъ лошадей. Отправляясь въ путешествіе по Турціи, вы непремѣнно должны взять съ собою цѣлый караванъ людей и лошадей, вести съ собою въ дорогу цѣлое хозяйство. Караванъ съ вами неразлученъ, и вы къ нему такъ привыкаете, что онъ вамъ нѣкоторымъ образомъ замѣняетъ семью.

Приморскій портовый городъ, изъ котораго мнѣ пришлось окунуться въ глубь Турціи былъ, какъ я уже сказала, Солунь, пользующійся великолѣпнымъ мѣстоположеніемъ, у залива, при подошвѣ высокой горы, но грязный и вонючій, какъ всѣ турецкіе города, населенный пестрою толпою грековъ, жидовъ, болгаръ, турокъ. Солунь еще примыкаетъ къ Европѣ своими пароходными сообщеніями и европейскими консульствами. Здѣсь, при обязательной помощи гостепріимнѣйшаго русскаго консула, г. Лаговскаго, составили мы свой караванъ и пустились въ странствованіе. Авангардъ нашъ состоялъ изъ трехъ несчастныхъ клячъ, на которыхъ нагрузили сундуки, чемоданы, разные мѣшки, и т. п.; на четвертой ѣхалъ хозяинъ, онъ же погонщикъ этихъ трехъ лошадей и везъ также немалый грузъ, привѣшеный по обѣимъ сторонамъ его *самара*, т.-е. вьючнаго сѣдла, сдѣланнаго изъ связанныхъ веревками палокъ. Этотъ *кираджи* (погонщикъ

вьючныхъ лошадей) былъ одѣтъ въ бѣлую фланелевую куртку, бѣлые фланелевые же шаравары и имѣлъ на головѣ бѣлый фланелевый колпакъ; разумѣется, весь этотъ оригинальный костюмъ былъ крайне грязенъ и оборванъ. За *кираджи* ѣхалъ, на старомъ бѣломъ конѣ, старый воинъ знаменитаго Али-паши Янинскаго, бывавшій, какъ говорятъ, во время-óно и въ разбойникахъ, болгаринъ Тырпчи, котораго намъ рекомендовали какъ особенно опытнаго путеводителя. Ему 75 лѣтъ, но и до сихъ поръ онъ не можетъ жить иначе какъ верхомъ; онъ заболѣетъ, если останется нѣсколько дней на одномъ мѣстѣ. Его морщинистое мѣднаго цвѣта лицо украшено длинными бѣлыми усами и живыми черными глазами. По модѣ старыхъ временъ, отъ которой начинаетъ отказываться молодое поколѣніе болгаръ, Тырпчи брѣетъ голову и оставляетъ чубъ на темени, но этотъ чубъ появляется на свѣтъ только въ церкви, въ другое же время всегда покрытъ краснымъ засаленнымъ *фесомъ*. *Фесъ* — это плотно прилегающій къ головѣ колпакъ изъ краснаго сукна, съ синею кистью изъ шелковыхъ или бумажныхъ нитокъ на верхушкѣ. Но Тырпчи не носитъ феса просто, какъ другіе, а (тоже по старинной модѣ) обматываетъ его до половины синимъ крученымъ платкомъ въ родѣ чалмы; кисть феса у него не болтается, а плотно прихвачена этимъ платкомъ. Сверхъ обыкновеннаго турецкаго бешмета изъ краснаго сукна и синей куртки, на немъ былъ надѣтъ широкій бѣлый плащъ съ бахромой внизу, съ широкими рукавами, и съ широко расходящимися полами. Такіе плащи я видѣла потомъ въ Албаніи. За широкимъ кожанымъ поясомъ у него былъ заткнутъ кинжалъ и пистолеты. Ни феса съ повязкою, ни бѣлаго плаща, ни остальнаго платья Тырпчи никогда не снимаетъ, и на сонъ грядущій облегчаетъ себя только тѣмъ, что кладетъ пистолеты и кинжалъ возлѣ головы. Тырпчи христіанинъ и потому, несмотря на всѣ свои подвиги и службу при Али-пашѣ Янинскомъ, онъ не пользуется надлежащимъ авторитетомъ.

Для европейца, путешествующаго по Турціи, нужно имѣть съ собою непремѣнно *каваса* изъ мусульманъ, т.-е. такого человѣка, который имѣетъ право употребить свой *карбачъ* (нагайку), чтобы расчистить дорогу отъ погонщиковъ и пѣшеходовъ или выгнать постояльцевъ изъ единственной комнаты какого-нибудь *хана* и заставить ихъ переселиться на конюшню. Карбачемъ размахивалъ передъ нами нашъ кавасъ Мустафа, кровный албанецъ; онъ щеголялъ своею синею курткою, шитой золотомъ, съ висячими разрѣзными рукавами и огромною вышитою золотомъ звѣздою на спинѣ. Въ торжественные дни онъ замѣ-

нялъ простой свой купакъ, за которымъ носятся пистолеты, широкимъ кожанымъ поясомъ, покрытымъ сплошнымъ золотымъ шитьемъ, и сверхъ широкихъ синихъ шараваръ надѣвалъ албанскій *фустанъ*, т.-е. бѣлую миткалевую юбку, спускающуюся нѣсколько ниже колѣнъ, сшитую безчисленнымъ множествомъ складокъ. Когда мы изъ Македоніи переѣхали въ Албанію, то фустанъ, этотъ главнѣйшій признакъ албанскаго костюма, надѣвался Мустафою постоянно во всю дорогу. Вообще замѣтно было, что ему хотѣлось передъ своими соотечественниками показаться въ самомъ изящномъ видѣ, тогда какъ между болгарами онъ позволялъ себѣ являться въ négligé. Для полноты описанія я должна сказать, что на ногахъ у него были надѣты *чарапы*, т.-е. толстые шерстяные бѣлые чулки до колѣнъ; дома онъ носилъ красныя албанскія туфли съ загнутыми вверхъ носками, въ родѣ тѣхъ, какія рисуютъ у китайцевъ, въ дорогу же надѣвалъ сверхъ *чарапов* другіе теплые чулки изъ коричневаго сукна и огромные сапоги. Большого росту и съ тою характеристическою физіономіею, которою отличаются албанцы, — тонкія черты лица, длинный узкій носъ и большіе черные глаза, — Мустафа обладаетъ всѣми качествами, которыя приписываются его племени. Отличный наѣздникъ, немножко хвастунъ, онъ чрезвычайно боекъ и, какъ всѣ албанцы, превосходный служитель, вѣрный и расторопный, человѣкъ на всѣ руки: и коновалъ, и поваръ, и разсыльный; онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и нашимъ драгоманомъ, потому что, кромѣ своего природнаго албанскаго языка, онъ говоритъ на болгарскомъ и сербскомъ, на смѣси которыхъ съ русскимъ мы съ нимъ и объяснялись, и сверхъ того отлично знаетъ по-гречески, по-турецки и по-влашски. Мнѣ онъ такъ ловко прислуживалъ, что я его прозвала своею горничною.

Итакъ, Мустафа ѣдетъ впередъ, выбирая тропинку для насъ, за нимъ гуськомъ тянемся мы, русскіе, а сзади трясется на огромномъ вьюкѣ Іованчо, нашъ *сеизъ* (конюхъ), который обязанъ вечеромъ и передъ утреннею зарею накормить ячменемъ, напоить и вычистить нашихъ лошадей, а во время переходовъ везти въ разныхъ *бисагахъ* (верховыхъ сумкахъ) и *торбахъ* (мѣшечкахъ) хлѣбъ, баранину, вино и все, что нужно имѣть подъ рукою. Слуга слугъ нашихъ, Іованчо, молодой болгарскій парень въ синей оборванной курткѣ и синихъ шараварахъ, терпитъ сильныя притѣсненія со стороны старика Тырпчи и Мустафы. Если что не такъ, то они на немъ вымещаютъ свое неудовольствіе. Таковъ нашъ постоянный караванъ; но къ нему присоединяются еще другія смѣняющіяся личности. Кромѣ немногихъ большихъ прямыхъ дорогъ, каравану вездѣ необходимъ

проводникъ. Въ Македоніи, пользующейся репутаціею совершенной безопасности, берутъ проводникомъ отъ села до села какого-нибудь простого крестьянина изъ болгаръ или турокъ. Даже, начиная отъ Скопія и по всей Албаніи намъ давали провожатыми отъ города до города двухъ *сувари* или *заптіе*, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ охранять и сопровождать наши вьюки, а другой показывать намъ дорогу и оберегать нашу безопасность. *Сувари*—это турецкій конный жандармъ въ оборванномъ черномъ полукафтанѣ съ черною кожаною перевязью, украшенною мѣдными бляхами черезъ плечо громко бренчащій заржавленною саблею, которая составляетъ обыкновенно его единственное оружіе; изрѣдка сувари имѣетъ и короткое ружье, которое онъ всю дорогу держитъ передъ собою въ рукѣ. *Заптіе*—пѣшіе полицейскіе солдаты; они не имѣютъ формы, одѣваются какъ попало, по мѣстной модѣ, всегда оборваны и какъ знакъ своей должности, носятъ необыкновенно длинную винтовку, съ выгнутымъ внизъ желѣзнымъ прикладомъ и съ кремнемъ въ куркѣ.

Но эта компанія еще не вся: почти всегда свиту нашу умножали еще разные *чорбаджіи* (почетные христіане) или *попы*, либо монахи, которые изъ любезности провожали русскихъ гостей нѣсколько часовъ пути отъ города или монастыря, или выѣзжали къ намъ на встрѣчу. Не разъ также случалось мнѣ съ удивленіемъ замѣтить какую-нибудь новую личность, неожиданно появившуюся въ хвостѣ нашего каравана. Оказывалось, что это былъ просто незнакомый проѣзжій, присосѣдившійся къ нашему поѣзду, чтобы изъ любопытства разспросить у конюха Іованчо, кто мы такіе, или чтобы воспользоваться охраною нашихъ вооруженныхъ провожатыхъ. Особенно куріозный попутчикъ присталъ къ намъ за Охридомъ и, несмотря на всѣ старанія отогнать его, слѣдовалъ за нами съ непреодолимымъ упорствомъ. То былъ оборванный старикъ мусульманинъ съ длинною сѣдой бородой, съ трубкою, заткнутою за спиною подъ платье. Онъ выдавалъ себя за муллу; нашъ Мустафа, который, какъ всѣ албанцы, питаетъ весьма мало благоговѣнія къ магометанской религіи, прозвалъ его «турецкимъ митрополитомъ» и безпощадно надъ нимъ трунилъ. Несмотря на то, мулла три дня не отставалъ отъ насъ, употребляя всѣ тонкости дипломата на то, чтобы выпросить себѣ на ночлегъ даровое угощеніе кофеемъ.

III.

Мы выѣхали въ позднее время года. Дни были очень коротки, и приходилось потому подыматься весьма рано. Обыкновенно въ 12 часовъ по турецкому счету, то-есть по нашему времени въ 5 съ половиною утра въ октябрѣ, и въ $4\frac{1}{2}$ въ ноябрѣ — придутъ объявить, что лошади кончили свой кормъ и что пора *пустить товары*, то-есть отправить вьюки. Начинается *въ ханъ*, гостинницѣ, всеобщая возня, при свѣчахъ и лучинахъ.

Безъ крику въ Турціи дѣла не дѣлаютъ, и потому со страшными возгласами и руганью подводятъ подъ чемоданы вьючныхъ лошадей, подымаютъ, перевязываютъ, прикрѣпляютъ чемоданы, сумки и мѣшки. Между тѣмъ въ комнатахъ происходитъ оригинальная сцена. Сидя на полу, со свѣчками, поставленными на полъ, мы умываемся, пьемъ чай и собираемъ наши пожитки. Настаетъ перекличка: не забыто ли то-то, куда уложена такая-то вещь, взять ли запасъ того-то и другого для обѣда. Наконецъ входитъ Мустафа и объявляетъ, что *товары побтюжали* (то-есть вьючныя лошади отправились въ путь) и что сейчасъ будетъ все готово и для насъ. Прощаемся съ хозяевами, если останавливались въ частномъ домѣ или въ монастырѣ, расплачиваемся съ *ханджи* въ гостинницѣ и, одѣвшись, смотря по погодѣ, садимся на лошадь.

Насчетъ погоды, могу сказать, Турція насъ побаловала. Съ перваго октября по первое ноября былъ только одинъ день съ сильнымъ пронзительнымъ вѣтромъ въ горахъ и дня три перепадалъ дождь. Все остальное время мы ѣхали въ одномъ лѣтнемъ платьѣ; со снѣгомъ и холодомъ встрѣтились только на высотахъ между Кирчевскимъ монастыремъ и монастыремъ Слѣпче. Потомъ былъ холодъ и слякотв въ Битоли, но выѣхавъ изъ этого города 19-го ноября, мы имѣли отличную погоду до самаго пріѣзда въ Дураццо, 3-го декабря, — погоду, какая бываетъ у насъ иногда въ сентябрѣ. По утрамъ было свѣжо, садились мы на лошадь въ шубахъ, но когда солнце выходило изъ-за горъ, мы ихъ снимали и ѣхали по лѣтнему, въ одномъ платьѣ. Въ путешествіи по Турціи ежедневные переѣзды длятся обыкновенно часовъ семь или восемь. Иногда, смотря по разстоянію ночлеговъ, бывали маленькіе переѣзды часовъ въ пять или шесть, а большіе въ десять и даже одиннадцать часовъ. Больше нельзя ѣхать въ это время года не столько отъ усталости, но потому, что рано смеркается, а ѣхать въ темнотѣ по турецкимъ доро-

тамъ невозможно. Если отъ города до города или до монастыря больше одиннадцати часовъ пути, то останавливаются гдѣ-нибудь на дорогѣ въ селѣ. Мы выбирали всегда христіанское село, потому что въ немъ, по сознанію самого каваса Мустафы, и люди привѣтливѣе и можно достать чего-нибудь поѣсть. Только одинъ разъ въ Албаніи пришлось переночевать въ мусульманскомъ селѣ *Душары*, между Москополемъ и Бератомъ. Впрочемъ, надобно сказать, что и въ этомъ селѣ, несмотря на разбойничьи физіономіи жителей, мы были приняты какъ нельзя болѣе гостепріимно.

Обыкновенный переѣздъ, какъ я сказала, восемь часовъ ѣзды шагомъ и отчасти перевалистою рысцою, которою умѣютъ ходить однѣ турецкія лошади. Шагъ весьма покойный для дороги, вовсе не тряскій, довольно скорый. Восемь часовъ такой ѣзды составитъ на нашу мѣру около сорока верстъ. Ѣхать въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, по сорока верстъ въ день, покажется чѣмъ-то страшно скучнымъ для европейскаго путешественника, но это имѣетъ однако и свою пріятную сторону. Сначала наводятъ ужасъ горы, на которыя карабкаешься верхомъ, подымаясь большею частію зигзагами между острыхъ скалъ или по грудамъ навалившагося камня. Подыматься вверхъ еще ничего, но спускаться внизъ весьма тяжело. Того и гляди, лошадь полетитъ со скалы куда-нибудь на дно ущелья или въ рѣчку, которая обыкновенно вьется внизу между спершимися горами. Но турецкія лошади привычны къ горамъ и необыкновенно осторожны. Впрочемъ, турки всегда слѣзаютъ съ сѣдла и идутъ пѣшкомъ подъ гору. Это дѣлали и наши провожатые, и вѣрный кавасъ Мустафа бралъ подъ уздцы мою лошадь на всѣхъ головоломныхъ спускахъ. Разъ только, при объѣздѣ кругомъ огромной горы Томора подъ Бератомъ, въ Албаніи, онъ прозѣвалъ, я не доглядѣла, и лошадь моя, ступивъ на совершенно гладкую и покатую скалу, повалилась со всѣхъ ногъ. Паденіе совершилось для меня благополучно. Также безъ дурныхъ послѣдствій обошлось купанье въ рѣкѣ *Пшинѣ*, куда меня свалила лошадь, когда я не въ силахъ была удержать ее противъ быстроты теченія. Это были единственныя приключенія во все мое путешествіе. По поводу послѣдняго, монахи Пшинскаго монастыря разсказывали, что когда идетъ толпа поклонниковъ въ монастырь, всякій разъ непремѣнно кто-нибудь изъ нихъ попадетъ въ воду, и это такъ установлено св. Прохоромъ, основателемъ монастыря. Это и не мудрено: рѣка Пшиня чрезвычайно быстра, довольно глубока и такъ извилиста, что впродолженіе нѣсколькихъ часовъ ее приходится переѣзжать въ бродъ чуть не до 8 или 10 разъ.

Тронувшись съ мѣста, какъ я сказала, рано утромъ, сначала ѣдешь весьма невесело и мало наслаждаясь окружающими видами. Но скоро утренній воздухъ разгонитъ сонливость, и начинается самое лучшее время всего переѣзда. Путешествіе въ эти часы кажется пріятною прогулкою по восхитительной мѣстности, подъ благодатнымъ небомъ. Еще не жарко, еще нѣтъ усталости, еще колѣни не заболѣли отъ продолжительнаго сидѣнья на неловкомъ дамскомъ сѣдлѣ. Однако, часа черезъ три послѣ выѣзда, вдругъ станешь съ любопытствомъ разспрашивать провожатыхъ, гдѣ будетъ привалъ для обѣда. «Черезъ часъ или полтора будетъ *ханъ* или село», бываетъ обыкновенный отвѣтъ, и съ нетерпѣніемъ ждешь этого благодѣтельнаго *хана* или села. Наконецъ видишь, вдругъ нашъ Мустафа пришпорилъ лошадь своими широкими, острыми шпорами и понесся впередъ. Значитъ, *ханъ* или село близко, и онъ поскакалъ впередъ, чтобы сказать, что ѣдутъ *големы люди* (большіе, то-есть важные люди), и велѣть развести огонь и вымести мѣсто на полу или, если есть, на балконѣ. Когда мы подъѣзжаемъ, онъ успѣлъ уже распорядиться всѣмъ, поставилъ свою лошадь гдѣ-нибудь подъ навѣсъ и ждетъ моего приближенія. Онъ беретъ мою лошадь подъ уздцы, подводитъ ее къ какому-нибудь камню или скамейкѣ и помогаетъ мнѣ слѣзть. Входимъ въ *ханъ*. Придорожный *ханъ* (я буду здѣсь говорить именно о тѣхъ *ханахъ*, которые находятся по дорогамъ, а не о *ханахъ* въ большихъ городахъ) большею частію стоитъ одиноко въ полѣ, гдѣ-нибудь у рѣчки или внизу горы, рѣдко на ея вершинѣ, и рѣдко также въ селеніи.

На дорогахъ, гдѣ бываетъ большой проѣздъ, иногда можно видѣть два, три *хана* рядомъ или близко одинъ отъ другого. Придорожный ханъ устроенъ весьма просто. Глиняная низкая стѣна безъ оконъ; высокая черепичная крыша, поддерживаемая деревянными перекладинами и подпорами, вотъ и все. Иногда сбоку, въ углу, отгорожена глиняною или деревянною перегородкою небольшая комната. Но *ханъ* есть собственно не что иное, какъ помѣщеніе для лошадей. Ихъ ставятъ у яслей, устроенныхъ вдоль всѣхъ четырехъ стѣнъ *хана*. Тутъ же, гдѣ стоятъ лошади, устроено гдѣ-нибудь въ сторонѣ маленькое возвышеніе изъ утоптанной глины, гдѣ разводится огонь. Кругомъ огня кладутся рогожки и тутъ на поджатыхъ ногахъ, съ высунутыми впередъ колѣнями, садятся люди. Для кушанья подается *софра*, круглая доска на подпоркахъ вершковъ въ пять или шесть вышины. Въ мѣстахъ, гдѣ живутъ болгары, подаютъ и стулья, то-есть маленькія дощечки, вытесанныя весьма неровно, полукругомъ, изъ дубоваго дерева на трехъ вставленныхъ въ доску расходящихся

палкахъ, служащихъ ножками. Такой стулъ бываетъ около полуаршина вышины. Вмѣстѣ съ болгарскимъ населеніемъ исчезаютъ и эти стулья; люди сидятъ просто на полу. Впрочемъ, сидѣть на стулѣ, который, какъ онъ ни низокъ, однако вдвое выше служащей столомъ *софры*, и оттуда тянуться за кушаньемъ весьма неловко, и мы предпочитали слѣдовать примѣру албанцевъ и влаховъ, то-есть садиться у *софры* на полъ.

Бываютъ *ханы*, въ которыхъ помѣщается лавочка съ табакомъ, мыломъ, спичками, тесьмами и гофманскими каплями, любимымъ и главнымъ лекарствомъ отъ всѣхъ болѣзней. Гофманскіе капли почти вездѣ красуются на полкѣ въ болгарскомъ или албанскомъ *ханѣ* и своимъ ярлыкомъ съ нѣмецкою надписью являются тамъ единственнымъ представителемъ европейской культуры.

Иногда и придорожные *ханы* бываютъ двухъ-этажные. Въ такомъ случаѣ въ верхнемъ этажѣ, куда взбираются по крутой лѣстницѣ изъ узенькихъ дощечекъ, вы найдете двѣ комнатки по бокамъ, а между ними открытое пространство съ небольшою площадкою, которая выдается немного впередъ въ видѣ балкона. Сюда на верхъ приглашаютъ почетныхъ гостей, тогда какъ простые путешественники, торговцы и *кираджи* (погонщики) остаются въ нижнемъ этажѣ, съ лошадьми.

Но на верху, въ комнатахъ, всегда столько навалено сору и вообще такъ грязно, что единственное спасенье балконъ. На немъ мы и располагаемся бивуакомъ. Сейчасъ притащатъ сумки, фляжки, *кошницы* (корзинки), мѣшечки, вынутъ оттуда все, что̀ нужно, тарелки, вилки, ножи и главное, съѣстные припасы, и побѣгутъ внизъ, къ огню, разогрѣвать привезенный обѣдъ. Въ придорожномъ *ханѣ* можно достать только турецкій хлѣбъ, т.-е. плоскія, легкія, весьма вкусныя лепешки изъ темной пшеничной муки, или же совершенно для насъ несъѣдомыя тяжеловѣсныя лепешки изъ кукурузы, да *ракію* (водку); изрѣдка бываетъ вино и яйцы. Другого ничего нѣтъ; обѣдъ, состоящій изъ баранины съ придачею иногда *кокошки* (курицы) или рыбы, нужно привезти съ собою.

Бываютъ и такіе переѣзды, гдѣ на счетъ мѣста для обѣда намъ скажутъ: «есть *ханъ*, да нѣтъ въ немъ ни души». Такихъ гостинницъ, брошенныхъ хозяиномъ на волю проѣзжающихъ, мы встрѣчали не мало. Въ нихъ въѣзжаютъ въ отворенныя настежь для всякаго путника ворота, и пользуются даровою кровлею. Кромѣ крыши, такой *ханъ* ничего не даетъ гостю. Нужно самимъ отыскать и притащить сучьевъ и развести огонь. Если хлѣба не захватили съ собою, то приходится ждать, пока прой-

дутъ погонщики вьючныхъ лошадей. Они всегда запасаются хлѣбомъ на дорогу. Мнѣ случилось быть свидѣтельницей сцены, удивившей меня съ непривычки, но, какъ оказывается, весьма обыкновенной въ турецкихъ нравахъ. Разъ (это было на одной изъ высокихъ горъ, отдѣляющихъ долину Вардара отъ долины Струмы, на пути изъ Гевгеліи въ Струмницу), мы расположились обѣдать въ безлюдномъ ханѣ. Хлѣба недоставало. «Погодите, говоритъ Мустафа, *кираджи* сейчасъ проѣдутъ, здѣсь большая дорога». Дѣйствительно, скоро мы видимъ цѣлую вереницу нагруженныхъ вьюками тощихъ лошадей и злополучныхъословъ. *Кираджи* идутъ позади, погоняя ихъ длинными палками. Одинъ сидитъ верхомъ по-дамски, т.-е. бокомъ. «Дай хлѣба *за пары*», (за деньги), пристаетъ Мустафа. «Нѣтъ хлѣба, ей-Богу нѣтъ, весь вышелъ, и самимъ ѣсть нечего».—Лжешь! восклицаетъ нашъ тѣлохранитель, останавливаетъ его лошадь и преспокойно засунувъ обѣ руки въ его *бисаги*, вытаскиваетъ оттуда нѣсколько пшеничныхъ лепешекъ, и самодовольно ихъ намъ приноситъ. На лицѣ *кираджи* не выразилось, повидимому, ни изумленія, ни гнѣва. Его, кажется, нисколько ни удивляло, что проѣзжіе *големые люди* отняли у него силою хлѣбъ, а скорѣе удивило то, что ему вынесли за этотъ хлѣбъ деньги. Еще чаще возобновляютъ этимъ способомъ запасъ винограду. Хлѣбомъ не трудно запастись съ вечера на цѣлый день; но винограду много не повезешь съ собою верхомъ. По этому, какъ только встрѣчаются на дорогѣ крестьяне или бабы съ навьюченными на лошадей илиословъ корзинами винограда (корзины эти дѣлаются изъ прутьевъ весьма глубокія, съ узкимъ дномъ, и широкимъ, открытымъ верхомъ), весь нашъ конвой спѣшитъ опустить въ нихъ руки.

Взять нѣсколько вѣтокъ винограду у прохожаго не только не считается предосудительнымъ, но никогда владѣльцу въ голову не придетъ отказать въ этомъ даровомъ угощеніи или просить за него какой-нибудь платы.

Когда путешественники и провожатые утолили свой голодъ, быстро укладываются вынутыя изъ мѣшковъ и сумокъ вещи, и мы опять садимся на коней и ѣдемъ тѣмъ же порядкомъ. Черезъ два, три часа ѣзды начинаетъ снова разбирать нетерпѣніе, и начинаются разспросы и соображенія о томъ, далеко ли *до конака* (ночлега). Но въ Турціи никто дорогъ никогда не мѣрилъ, и каждый говоритъ наугадъ и розно. Когда приглашаютъ ѣхать въ какое-нибудь мѣсто, говорятъ, что всего 4 или 5 часовъ пути, гдѣ на дѣлѣ окажется цѣлыхъ семь или восемь; когда удерживаютъ и просятъ остаться до другого дня, говорятъ, что до *конака* часовъ 10, когда можно доѣхать въ 6. Ханджи (со-

держатель гостинницы) говоритъ одну цифру, *попъ* другую, мюдиръ (турецкій городничій) третью.

Въ Турціи, гдѣ удивительно бережно смотрятъ за лошадьми, считаютъ необходимымъ напоить лошадей за часъ до ночлега; если не случится воды за часъ, то поятъ за $1^1/_2$ часа и за $^3/_4$ часа, но напоить раньше или позже считаютъ вреднымъ и предпочитаютъ оставить лошадей ненапоенными до полуночи. Когда объявлено, что надо поить лошадей, то мы уже знаемъ навѣрно, что остается уже только около часу ѣзды. Обыкновенно съ этого же мѣста отдѣлится нашъ Мустафа или одинъ изъ *суварu* и поскачетъ впередъ объявить о пріѣздѣ гостей и заказать ужинъ, если нужно остановиться въ *ханѣ*, отдать рекомендательное письмо, если ѣдемъ въ частный домъ, предупредить игумена, ежели отправляемся въ монастырь. Пріѣхать *въ ханъ*, не предваривъ заранѣе *ханджи*, невозможно: послѣ захожденія солнца достать ничего нельзя и останешься безъ ужина. А въ частный домъ или въ монастырь явиться невзначай почитается невѣжливымъ. Въ Турціи даже въ большихъ городахъ, какъ въ Битоли и Солуни, дѣлаютъ визиты не иначе, какъ давъ знать напередъ о посѣщеніи.

Конакъ (ночлегъ) есть важная вещь для путешественниковъ въ Турціи. Конакомъ бываетъ въ городѣ либо *ханъ*, либо домъ какого-нибудь *попа* или *чорбаджи*, куда васъ пригласятъ; очень часто конакомъ служилъ намъ монастырь, потому что монастырей множество въ той странѣ, куда я ѣздила, особенно въ сѣверной части Македоніи; изрѣдка приходилось останавливаться на ночлегъ въ селѣ.

Македонскій или албанскій городъ издали всегда очень красивъ. Онъ непремѣнно стоитъ у подножія или по близости горы; часто вы встрѣчаете городъ, выстроенный на холмѣ, примыкающемъ къ большому горному кряжу. Въ Македоніи верхняя часть города вездѣ занята домами мусульманъ, а христіане живутъ внизу, въ предмѣстьяхъ; напротивъ того, въ Албаніи христіанскій кварталъ обыкновенно занимаетъ верхнюю часть города, а мусульманскій нижнюю. Такъ, напр., въ Охридѣ къ христіанскимъ домамъ нужно подыматься весьма высоко, а въ Бератѣ христіане сосредоточены въ стѣнахъ древней цитадели, къ которой подъемъ такъ крутъ, что трудно взобраться туда верхомъ.

За̀мки или цитадели возвышаются надъ многими городами, и вездѣ они въ развалинахъ: мы посѣщали такія развалины въ Струмницѣ, въ Штипѣ, въ Охридѣ; въ одномъ только Бератѣ древній за̀мокъ остался обитаемымъ.

Но не развалины зàмка, возвышающіяся надъ городомъ, придаютъ ему тотъ красивый видъ, который заставляетъ всегда любоваться турецкимъ городомъ, когда завидишь его издали. Этимъ городъ обязанъ своимъ садамъ, минаретамъ и кладбищамъ. Сады (бóльшею частію изъ фруктовыхъ деревъ) и кладбища съ своими тонкими пирамидами почти черныхъ кипарисовъ или замѣняющими кипарисъ на сѣверѣ тополями, окружаютъ городъ со всѣхъ сторонъ на большое разстояніе и составляютъ для глаза издали широкій темнозеленый фонъ, на которомъ рѣзко отдѣляются, точно бѣлыя колонны, тоненькіе минареты. Минаретовъ всегда множество, даже въ маленькомъ городѣ; они не похожи на наши колокольни, а скорѣе имѣютъ видъ круглой каланчи, съ остроконечною верхушкою, и всегда выкрашены въ бѣлую краску, а верхушка черная; пониже этой верхушки выдается каменный бортъ, кругомъ котораго ходитъ пять разъ въ день человѣкъ, призывающій мусульманъ на молитву.

Каждый городъ начинается мусульманскими кладбищами. Они не загорожены и болѣе или менѣе густо усѣяны каменными столбиками, въ родѣ тумбъ, которыя ставятся надъ мужчинами, и плиточками камня, которыя втыкаются въ землю тамъ, гдѣ похоронена женщина. Покойниковъ своихъ мусульмане хоронятъ, какъ кажется, очень просторно, потому кладбища занимаютъ огромныя пространства: часто кладбища, окружающія городъ, больше самого города.

Столбики надъ могилами мужчинъ представляютъ на верху болѣе или менѣе искусное изображеніе чалмы: тамъ гдѣ похороненъ какой-нибудь паша, бей или ученый, ставится столбъ повыше и чалма дѣлается огромная, иногда она выкрашена въ красный или зеленый цвѣтъ, или красными и синими или желтыми полосами. Чалму замѣняютъ надъ нѣкоторыми могилами изваянія высокихъ, также раскрашенныхъ, шапокъ въ родѣ уланскихъ киверовъ, и другихъ странныхъ головныхъ уборовъ: это значитъ, что тутъ покоится какой-нибудь янычаръ. Надписей на надгробныхъ памятникахъ я не замѣтила. Могилы, принадлежащія одному знатному семейству, покрыты легкимъ каменнымъ сводомъ на тоненькихъ столбикахъ, издали похожимъ на балдахинъ. На кладбищѣ свободно растутъ деревья, но ихъ не сажаютъ, какъ у насъ, такъ чтобы они осѣняли именно ту или другую могилу. Турецкое кладбище не производитъ, или по крайней мѣрѣ, на меня не производило, того невольно тяжелаго впечатлѣнія, какое мы ощущаемъ, идя по кладбищу, особенно городскому, у насъ. Тамъ, кажется, ничего не напоминаетъ о

смерти, и я не удивляюсь, что кладбища служатъ въ турецкихъ городахъ любимымъ мѣстомъ для прогулки. Но эти просторныя зеленыя, веселыя кладбища принадлежатъ только господствующему мусульманскому меньшинству. Куда дѣваетъ масса христіанъ своихъ покойниковъ, непонятно. Только при нѣкоторыхъ церквахъ, и то выстроенныхъ въ послѣдніе годы, вы видите небольшое кладбище и нѣсколько надгробныхъ плитъ съ длинными затѣйливыми надписями по-болгарски или по-гречески.

За кладбищемъ начинается городъ, т.-е. отвратительная мостовая улицы, съ неизбѣжнымъ домикомъ безъ оконъ, но съ деревяннымъ балкономъ во всю ширину фасада: это кофейня; на балконѣ сидитъ и, прихлебывая изъ маленькихъ чашечекъ и покуривая, поглядываетъ на прохожихъ и проѣзжихъ разнообразная мусульманская публика: одни въ лохмотьяхъ, другіе въ болѣе или менѣе изящномъ народномъ костюмѣ, третьи въ потертыхъ форменныхъ полукафтанахъ. Противъ кофейни или возлѣ ея кузница и какая-нибудь полуразвалившаяся или вовсе разрушившаяся мечеть. Начинаются дома, но вы ихъ не видите. По обѣимъ сторонамъ узкой улицы тянутся глиняные заборы, за которыми дома скрываются. Если улица населена христіанами, то будьте увѣрены, что на звукъ копытъ отъ проѣзжающаго каравана путешественниковъ тамъ-и-сямъ ворота отопрутся и выглянутъ изъ-за нихъ любопытствующія женщины или дѣвушки. Если же улица, по которой вы ѣдете, принадлежитъ къ мусульманской части города, то не только никто не покажется въ воротахъ, а напротивъ и тѣ немногія женщины, которыя идутъ по улицѣ, завидя иностранцевъ, спѣшатъ къ воротамъ ближайшаго дома, чтобы у нихъ укрыться, повернувшись къ вамъ спиною. Мужчины останавливаются, всматриваясь въ путешественниковъ и, съ особеннымъ недоумѣніемъ, оглядываютъ меня, невиданную диковинку, европейскую женщину; только самые степенные изъ мусульманъ идутъ своей дорогой, какъ бы не обращая на насъ вниманія. Ребятишки бѣгутъ за нами и только потому не окружаютъ насъ слишкомъ назойливою толпою, что боятся кавасовой нагайки.

Улица съ глухими заборами тянется долго, а въ большихъ городахъ, съ преобладающимъ мусульманскимъ населеніемъ, какъ напр., Скопіе, Бератъ, Эльбассанъ, вамъ покажется, что конца ей нѣтъ. Ноги лошадей разъѣзжаются по неровнымъ глыбамъ булыжника, служащимъ мостовою, и вязнутъ въ ямахъ грязи между этими глыбами. Мою лошадь ведутъ подъ уздцы, какъ на самыхъ опасныхъ спускахъ: въ самомъ дѣлѣ, на улицѣ въ го-

родѣ больше риску сломать себѣ шею, чѣмъ гдѣ-либо въ дорогѣ. Легко также стукнуться головою объ углы выступающихъ на улицу домовыхъ крышъ. Но вотъ вы приближаетесь къ центру города. Вмѣсто заборовъ, пошли дома, выходящіе окнами на улицу, двухъ-этажные, выбѣленные, съ воротами по срединѣ нижняго этажа, съ лавками по обѣимъ сторонамъ воротъ. Верхній этажъ обыкновенно выдается впередъ на улицу. Въ окнахъ кое-гдѣ видны рамы со стеклами. Въ иныхъ домахъ на одной сторонѣ всѣ окна загорожены снаружи частымъ переплетомъ, изъ деревянныхъ некрашенныхъ полосокъ, похожимъ издали на сито. Это домъ мусульманскій, и загороженныя окна принадлежатъ женской половинѣ или такъ-называемому гарему. Нижній этажъ, тамъ гдѣ онъ не отданъ подъ лавки, занятъ кладовыми, сараями и т. п. Живутъ только въ верхнемъ. На лавкахъ нѣтъ вывѣсокъ. Вывѣскою служитъ самый товаръ, который весь виденъ съ улицы, потому что лавка вся открыта снаружи: нѣтъ ни передней стѣны, ни двери. Полъ возвышается на аршинъ надъ улицей. На немъ у самаго края разставлены продаваемые предметы, напр., въ одной лавкѣ хлѣбъ, въ другой корзины съ фруктами, въ третьей разныя сласти, въ четвертой башмаки и т. п. Иные товары развѣшены. Одна сторона оставлена свободною: тутъ на коврикѣ или рогожкѣ сидитъ продавецъ. Покупатель просто останавливается передъ нимъ на улицѣ, и такъ они торгуются. Ремесла производятся тутъ же въ лавкахъ, гдѣ продаются издѣлія. Напримѣръ, въ сапожной лавкѣ сапожникъ сидитъ передъ проходящею публикою и точаетъ себѣ сапоги, а когда явится покупщикъ, оставляетъ работу и показываетъ готовый тутъ же разставленный товаръ. Оружейники, мѣдники, слесаря производятъ страшный стукъ по улицѣ. Особенно странно видѣть этихъ мастеровыхъ, работающихъ *en plein air* въ холодное время. Каждый ставитъ возлѣ себя *мангалъ*, т.-е. широкій глиняный тазъ, наполненный горячими угольями. Всякіе пять минутъ онъ кладетъ работу и протягиваетъ руки надъ *мангаломъ*; погрѣетъ руки и опять за работу, потомъ опять грѣетъ руки и т. д. Нельзя безъ улыбки смотрѣть на эти сидящія на корточкахъ фигуры съ протянутыми надъ мангаломъ руками. Идетъ снѣгъ, вода замерзаетъ, а имъ другого тепла не надо, какъ для рукъ.

Во всякомъ городѣ, большомъ и маломъ, центръ составляетъ *чаршія*, гостинный дворъ. Это ряды лавокъ въ родѣ тѣхъ, которыя я описала, но тѣснѣе и непосредственно одна къ другой примыкающія. Въ маленькихъ городкахъ *чаршію* составляетъ рядъ ла-

вокъ по обѣимъ сторонамъ главной улицы. Въ большихъ городахъ она помѣщается въ обширномъ зданіи съ улицами и переулками, въ родѣ рядовъ въ московскомъ «Городѣ». Московскіе ряды могутъ дать приблизительное понятіе о *чаршіяхъ* въ турецкихъ городахъ, какъ Скопіе, Битоль, Бератъ. Только вмѣсто стеклянныхъ крышъ, раскидываются въ солнечные или дождливые дни надъ улицею куски грязнаго холста или рогожки, и оттого въ чаршіи ужасно темно, а послѣ каждаго дождя образуется на улицѣ жидкая, непросыхающая грязь. Впрочемъ, какъ и у насъ, лавки однородныхъ предметовъ всегда помѣщаются вмѣстѣ. Вы проѣзжаете рядъ мѣховыхъ лавокъ, потомъ рядъ лавокъ съ ситцами и другими тому подобными произведеніями австрійскихъ фабрикъ; направо видите цѣлый проулокъ съ лавками золотыхъ дѣлъ мастеровъ, налѣво рядъ лавокъ съ сапожнымъ товаромъ и т. д. Какъ у насъ, лавочники зазываютъ покупателей; впрочемъ это дѣлаютъ преимущественно христіане; турки, особенно старики, сидятъ и флегматически ожидаютъ покупщика, иной, даже когда покупщикъ подойдетъ, прежде чѣмъ тронуться съ мѣста, разспроситъ, дѣйствительно ли ему нуженъ товаръ, или онъ только такъ пришелъ поглядѣть и прицѣниться, и если онъ не увѣренъ въ серьезности покупщика, не встанетъ на ноги и не протянетъ руки, чтобы достать ему требуемую вещь. Когда мы проѣзжали по *чаршіи*, большая часть христіанъ вставали, кланялись, прикладывая правую руку къ груди и ко лбу, другіе, потрусливѣе, если и не кланялись, то дѣлали жестъ, какъ будто хотятъ поклониться. Мусульмане, напротивъ того, не подавали вида, что обращаютъ на насъ вниманіе.

По близости *чаршіи*, а въ маленькихъ городахъ обыкновенно по серединѣ ея, находится *ханъ*, принимающій усталыхъ путниковъ съ ихъ вьюками въ свои гостепріимныя, но не комфортабельныя объятія. Городскіе *ханы* бываютъ турецкіе, то-есть содержимые мусульманиномъ, и христіанскіе. Разница между ними та, что въ турецкомъ *ханѣ* у хозяина достать ничего рѣшительно нельзя, кромѣ корму для лошадей. Даже за кипяткомъ посылаютъ къ сосѣду цирюльнику; кофе, безъ котораго турокъ жить не можетъ, продаетъ въ *ханѣ* особый *кафеджи*, который имѣетъ свою лавку въ нижнемъ этажѣ хана. Кушанье нужно стряпать самимъ, и жаркое посылать жарить къ булочнику, единственному обладателю печи въ городѣ. Въ христіанскомъ ханѣ можно достать и посуду, и стаканы, и кипятокъ, и кушанье; недостаетъ только печи, чтобы жарить жаркое. За то хозяинъ-турокъ цѣлый день сидитъ на мѣстѣ и куритъ трубку, и къ нему

обращаются съ почтеніемъ; говорятъ ему *ханджи-баши*, то-есть *глава ханджіевъ;* на хозяина изъ христіанъ кричатъ *ханджи-море*, и онъ цѣлый день на побѣгушкахъ у постояльцевъ. По внѣшности городскіе *ханы*, и турецкіе и христіанскіе, совершенно похожи одинъ на другой. Это длинное двухъ-этажное зданіе съ окнами на улицу, съ галлерею на дворѣ, съ крутою деревянною лѣстницею, по которой не легко взобраться, и съ нѣсколькими маленькими выбѣленными комнатами, безъ малѣйшей меблировки. Ханы эти, какъ и всѣ другіе дома въ городахъ, которые мы видѣли, строены изъ необожженной сѣрой глины. Такъ какъ мы путешествовали въ холодное время года, то насъ особенно интересовалъ вопросъ объ окнахъ: будутъ ли въ ханѣ стекла или по крайней мѣрѣ ставни въ окнахъ? Стекла въ Турціи рѣдкость; ихъ находили мы только въ весьма немногихъ *ханахъ* и домахъ; въ большихъ монастыряхъ бываетъ одна комната со стеклами для почетныхъ гостей. Обыкновенно довольствуются деревянными ставнями, либо залѣпляютъ на зиму окна писчей бумагой. Часто, а въ сельскихъ домахъ почти вездѣ, нѣтъ въ окнахъ ничего, кромѣ трехъ или четырехъ продольныхъ палокъ. Шубы были намъ нужны не столько для ѣзды на чистомъ воздухѣ, сколько для ночлеговъ. Окна приходилось завѣшивать на ночь всѣми имѣвшимися у насъ платками и пледами; тѣмъ не менѣе бывало иногда невыносимо холодно, потому что дуетъ не изъ однихъ оконъ, а столько же изъ дверей, которыя никогда плотно не притворяются, а также изъ-подъ полу и черезъ потолокъ. Жилыя комнаты помѣщаются, какъ я сказала, въ верхнемъ этажѣ; въ полу между досками бываютъ такія щели, что иногда можно видѣть, что̀ дѣлается внизу. Такія же щели и въ потолкѣ, а иногда потолка нѣтъ вовсе, и сквозь черепичную крышу видны звѣзды. Для отопленія имѣется иногда каминъ, но рѣдко такой, въ которомъ можно развести огонь; обыкновенно каминъ этотъ или вовсе безъ трубы, или труба сдѣлана такъ, что изъ нея несетъ страшнымъ дымомъ. Впрочемъ, бо̀льшею частію въ *ханахъ*, какъ и въ частныхъ городскихъ домахъ, вовсе нѣтъ каминовъ, а для согрѣванія жильцовъ ставится посреди комнаты мангалъ, мною уже описанный. Кому холодно, тотъ подсаживается къ мангалу и протягиваетъ надъ нимъ руки.

При такомъ устройствѣ домовъ и гостинницъ, повидимому, путешественникамъ должна грозить ежечасно жестокая простуда. Ничуть не бывало: слишкомъ два мѣсяца странствовала я по такимъ гостинницамъ и домамъ, и ни разу не схватила даже насморка.

V.

Народъ въ городахъ очень гостепріимный. Мы часто получали приглашеніе ѣхать на *конакъ* въ домъ къ кому-либо изъ почетныхъ жителей, но избѣгали этого, потому что въ гостинницѣ остановиться гораздо удобнѣе. Пріѣдешь въ *ханъ*, расположишься какъ умѣешь съ своими вещами на полу и, отдыхая на складной походной кровати, ждешь пока поспѣетъ ужинъ, съ его неизмѣннымъ menu: пилавъ съ разварной бараниной, жареная баранина и *пита*, то-есть круглый невысокій пирогъ изъ слоенаго тѣста на бараньемъ жирѣ.

Если же придется пользоваться гостепріимствомъ болгарскаго *чорбаджи* (старшины) или *иконома* (старшаго городского священника), дѣло необходится такъ просто. Вы попались въ неволю къ слишкомъ предупредительнымъ хозяевамъ, и должны отказаться отъ свободы располагать собою и даже своими движеніями. Вотъ что̀ значитъ *конакъ* (ночлегъ) въ болгарскомъ домѣ.

Хозяину, какъ водится, дано знать напередъ о времени прибытія ожидаемыхъ имъ гостей. Онъ или выѣзжаетъ къ намъ на встрѣчу за городъ, или, когда нѣтъ у него лошади, встрѣчаетъ насъ гдѣ-нибудь на улицѣ и провожаетъ до своего дома. Какъ только мы въѣхали на дворъ, онъ беретъ за узду лошадь моего спутника г-на Г., а его сынъ, братъ или другой какой-нибудь родственникъ оказываетъ ту же услугу мнѣ. Насъ окружаетъ толпа домашнихъ и любопытствующихъ, всѣ намъ кланяются и здороваются съ нами. Поодаль, тоже на дворѣ, стоятъ женщины и дѣвушки и тоже кланяются. Когда кончены первыя привѣтствія, хозяинъ говоритъ: *заповѣдайте* (прикажите), и взявъ подъ руку главу нашего каравана, ведетъ его вверхъ по крутой деревянной лѣстницѣ, которая придѣлывается всегда снаружи у стѣны дома со стороны двора и выходитъ прямо во второй этажъ. Мои спутники, соблюдая европейскій этикетъ, стараются пропустить меня впередъ, но это не всегда удается. Женщина въ Турціи не должна соваться впередъ. Но вотъ мы прошли сѣни и входимъ въ гостинную, которую любезный хозяинъ намъ и предоставляетъ. Это большая комната съ множествомъ оконъ и, разумѣется, безъ всякой мебели, но съ коврами, хорошими или грубыми, смотря по достатку хозяина; кругомъ трехъ стѣнъ положены длинныя подушки, а въ двухъ углахъ у передней стѣны разостлано нѣчто въ родѣ плоскихъ тюфяковъ, на которые и сажаютъ гостей. Про-

тивоположная или задняя стѣна (т.-е. та, которая примыкаетъ къ сѣнямъ) занята рядомъ деревянныхъ шкапчиковъ, въ которыхъ хранится домашній скарбъ, кофейный приборъ, посуда, тюфяки и одѣяла, и т. д. У болгаръ нѣтъ обычая ставить образа въ углу комнаты, какъ это дѣлается у насъ. Рѣдко вы увидите образа въ болгарскомъ домѣ; но въ нѣкоторыхъ домахъ, одинъ изъ шкапчиковъ у стѣны служитъ кивотомъ: въ немъ разставлено нѣсколько иконъ, между ними крестъ, виситъ лампада. Когда дверцы шкапчика затворены, все это скрыто отъ нескромнаго взора; но при насъ, русскихъ, кивотъ всегда отпирался. Чтобы дополнить описаніе гостинной въ зажиточномъ болгарскомъ домѣ, я должна прибавить, что въ углу стоитъ всегда большой сундукъ, окованный желѣзомъ, вѣроятно съ деньгами и цѣнными вещами. Кругомъ стѣнъ на вышинѣ около трехъ аршинъ сдѣлана полка, на которой обыкновенно разставлены яблоки, стоятъ бутылки съ водкой и кладутся разныя мелкія вещи.

Итакъ, мы вошли въ эту комнату и усѣлись по угламъ на тюфячкахъ; хозяинъ разспрашиваетъ про здоровье. Черезъ минуту или двѣ входятъ и становятся у задней стѣны сыновья или родственники хозяина и тѣ сосѣди, которыхъ онъ извѣстилъ о пріѣздѣ гостей. Подаютъ всѣмъ кофе и сласти. Позади мужчинъ выглядываютъ изъ-за двери или отваживаются переступить черезъ порогъ хозяйка съ дочерьми, родственницами, сосѣдками. До приглашенія со стороны гостей хозяинъ и прочая публика не садится.

Когда приглашеніе послѣдовало, они быстро скидаютъ туфли, вступаютъ въ чулкахъ на коверъ и садятся на корточки у боковыхъ стѣнъ, хозяинъ выше всѣхъ, а прочіе въ порядкѣ, который устанавливается между ними, кажется, сообразно богатству и отчасти по лѣтамъ. Должно быть, богатство играетъ первую роль. Я видѣла въ одномъ городѣ молодого купца, лѣтъ 25-ти, почитавшагося первымъ богачемъ между жителями: онъ всегда садился выше сѣдыхъ стариковъ. Женщины, несмотря ни на какія приглашенія, никогда не садятся, пока въ комнатѣ находятся хозяинъ или другіе мужчины-туземцы. Только въ двухъ или трехъ домахъ съ европейскимъ оттѣнкомъ хозяйка садилась въ присутствіи хозяина. Обыкновенно же онѣ дожидаются у дверей, пока мужчины уйдутъ, и тогда входятъ и садятся съ гостями. Послѣ разговора болѣе или менѣе продолжительнаго, посторонніе посѣтители уходятъ, хозяинъ идетъ хлопотать объ ужинѣ и путешественники могутъ успокоиться. Черезъ часъ или два является ужинъ. Въ христіанскихъ домахъ (вообще все это

описаніе относится къ домамъ христіанъ; у мусульманъ намъ не приходилось останавливаться въ городахъ), ужинъ состоитъ изъ кислаго супа и чего-нибудь мясного, подаваемаго въ нѣсколькихъ видахъ: баранина, курица, индѣйка, жареная и вареная, съ рисомъ и съ капустой и въ другихъ еще видахъ. Кромѣ капусты и *фасули* (бѣлыхъ бобовъ) никакая зелень, никакія овощи въ этихъ странахъ неизвѣстны. Я помню, въ Кичевѣ архіерей угощалъ насъ блюдомъ картофеля изъ своего огорода: картофель этотъ подали какъ самую изысканную рѣдкость. Вина вездѣ въ изобиліи, но только свѣжаго, т.-е. непростоявшаго году. Людямъ непривыкшимъ такое вино опасно; но для насъ розыскивали *старое*, т.-е. прошлогоднее вино, которое впрочемъ можно достать не во всякомъ городѣ. Старымъ виномъ мы обыкновенно запасались въ монастыряхъ.

Съ сельской жизнью въ Турціи мы не могли познакомиться такъ близко, какъ съ городскою, потому что въ селахъ намъ приходилось останавливаться очень рѣдко. И безъ того смотрѣли на насъ, особенно въ Константинополѣ, какъ на людей опасныхъ для спокойствія Оттоманской Имперіи; а если бы мы стали вникать въ бытъ сельскаго люда, то не только про моихъ спутниковъ, но пожалуй и про меня заговорили бы, что мы присланы взбунтовать болгарскій народъ. Села мы видѣли только проѣздомъ и въ нихъ останавливались только тогда, когда рѣшительно не было другого пристанища.

Село въ Македоніи и Албаніи состоитъ изъ разбросанныхъ тамъ-и-сямъ глиняныхъ мазанокъ, крытыхъ черепицею, либо плоскими кусками камня, и въ рѣдкихъ мѣстахъ соломою. Очень часто избы строятся въ два яруса. Внизу помѣщается скотъ, держатся бочки съ виномъ, лари съ хлѣбомъ. Кукуруза привѣшивается къ балкамъ, поддерживающимъ крышу, и замѣняетъ собою потолокъ. Во многихъ селахъ избы обнесены заборомъ изъ глины или камней, сложенныхъ рядами до такой вышины, что человѣкъ, сидя верхомъ, видитъ крышу дома, но не можетъ разглядѣть оконъ и двора. Когда заборъ глиняный, то сверху покрываютъ его каменными плитами, чтобы не смывало дождемъ. Часто однако заборовъ не бываетъ, и избы выходятъ своими маленькими окошечками на улицу. Такія избы встрѣчаются не только въ христіанскихъ, но и въ мусульманскихъ селахъ; но кажется у мусульманъ это рѣдкость. Сколько помнится, избы съ окнами, выходящими на улицу, я встрѣчала у мусульманъ только въ Албаніи. Есть мѣстности, гдѣ всѣ безъ исключенія дома обнесены высокимъ заборомъ, такъ что, проѣз-

жая через село, не видишь ничего, кромѣ этихъ глиняныхъ оградъ да запертыхъ воротъ. Таковы села въ окруженной горами плодородной равнинѣ, называемой *Мегленъ*. Вода есть опаснѣйшій врагъ этихъ глиняныхъ построекъ. Иногда довольно бываетъ одного дня съ сильнымъ дождемъ, чтобы горный ручей, выступивъ изъ береговъ, смылъ цѣлое селеніе. Когда мы проѣзжали черезъ Мегленъ, намъ показали тамъ развалины такого села, смытаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Городъ Каикандель или Тетово переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто раза три, уходя отъ горныхъ потоковъ, стекающихъ съ огромной Шаръ-Планины. Намъ показывали слѣды прежняго мѣстоположенія этого города. За то пожары здѣсь бываютъ рѣдко. Не знаю, изъ опасенія ли разливовъ или по другимъ причинамъ, села очень рѣдко строются на берегу рѣкъ, протекающихъ по долинамъ. Ѣдешь иногда нѣсколько часовъ посреди долины, не встрѣчая ни одного села, а по бокамъ видишь селенія, которыя лѣпятся у подножія горъ или на нѣкоторой высотѣ. Есть очень много селъ, жители которыхъ почему-то предпочли строиться на очень большой возвышенности, тогда какъ они могли бы жить удобнѣе и теплѣе пониже. Особенно странное впечатлѣніе производятъ села влаховъ, стоящія выше черты облаковъ. Въ нихъ попадаются избы плетеныя изъ прутьевъ, въ видѣ корзины, съ соломенною крышей. Въ осеннее время, когда мы проѣзжали, въ этихъ деревняхъ не было ни одной души. На зиму влахи со всѣмъ семействомъ, съ стадомъ и пожитками спускаются въ теплыя равнины у Солуня и другихъ мѣстъ и тамъ располагаются на бивуакахъ.

Подымаясь на горную цѣпь Гуршетъ, которая отдѣляетъ Мегленскую равнину отъ долины Вардара у городка Гевгелія, мы встрѣтили караванъ влаховъ, отправлявшихся изъ своего села на зимнія квартиры. Мужчины и нѣкоторыя женщины шли пѣшкомъ, другія женщины ѣхали верхомъ на лошадяхъ и ослахъ; въ корзинахъ по бокамъ лошадей качались въ каждой по-двое маленькихъ дѣтей, посаженныя лицомъ другъ противъ дружки. Подъ шерстяными коврами было навьючено все богатство переселенцевъ. Собаки шли впереди и позади.

Села болгаръ и влаховъ представляютъ видъ нѣкотораго относительнаго благосостоянія; но села албанцевъ и туровъ (какъ переселенцевъ изъ Азіи, называемыхъ *юруками*, такъ и потомковъ болгаръ или влаховъ, принявшихъ мусульманскую вѣру) поражаютъ своею нищетою. Болгары занимаются земледѣліемъ, и селенія ихъ всегда окружены воздѣланными полями. Поля покрыты обильною жатвой, вы видите вездѣ необыкновенное трудолюбіе,

но изумляетесь громадной и напрасной тратѣ силъ и богатствъ. Болгаринъ пашетъ маленькимъ плугомъ, едва царапающимъ землю, а въ этотъ плугъ запряжены иногда три пары воловъ и буйволовъ (тѣ и другіе запрягаются вмѣстѣ); одинъ крестьянинъ водитъ плугъ, двое или трое другихъ хлопочутъ около воловъ и буйволовъ, понукая ихъ всѣми возможными криками. Очевидно, что при небольшой снаровкѣ ту же работу сдѣлалъ бы одинъ человѣкъ съ парой воловъ. Вспахавъ землю одинъ разъ, прямо бросаютъ въ нее сѣмена; рѣдко кладутъ навозъ, рѣдко даже заборониваютъ, употребляя, вмѣсто бороны, какую-то странную связку прутьевъ. Чтбы могла дать эта земля при малѣйшемъ умѣньи народа?! Пару буйволовъ запрягаютъ болгары въ двухколесную таратайку, немного бо́льшую тѣхъ, въ которыхъ скачутъ на одной лошадкѣ наши чухонцы подъ Петербургомъ. На такой таратайкѣ громадные буйволы везутъ медленнымъ шагомъ съ поля въ деревню стожокъ сѣна или нѣсколько сноповъ хлѣба, либо кукурузы. Правда, таратайка нелегка на ходу, потому что ея колеса сколочены изъ огромныхъ кусковъ дерева въ видѣ восьмиугольника, не окованы желѣзомъ и не смазаны.

Въ теплыхъ долинахъ, напримѣръ около Солуни, по Вардару и по Брегальницѣ, болгары разводятъ табакъ, хлопчатникъ и *сесамъ*, низенькое растеніе съ желтыми цвѣточками, изъ сѣменъ котораго дѣлаютъ масло. Въ низменныхъ, сырыхъ мѣстахъ, особенно у Брегальницы, они сѣютъ рисъ и очень тщательно орошаютъ рисовыя поля канавками. Склоны горъ покрыты виноградниками.

Въ долинахъ, которыя лежатъ повыше, сѣютъ они кукурузу и пшеницу, а въ наиболѣе холодныхъ мѣстахъ рожь и ячмень. Поднявшись еще выше въ горы, вы находите селенія, гдѣ почти не сѣютъ хлѣба, а живутъ преимущественно стадами овецъ, которымъ обширныя плоскогорья доставляютъ превосходныя пастбища. Такихъ нагорныхъ селъ всего больше мы встрѣчали въ Албаніи; жители въ большей части этихъ селъ албанцы, но есть и такія, которыя населены влахами; въ Македоніи къ югозападу нагорныя села по большей части влашскія, къ сѣверозападу албанскія и только на востокѣ и сѣверѣ болгарскія. Гдѣ болгарское населеніе смѣшано съ албанцами и влахами, вы можете быть увѣрены найти влаховъ и албанцевъ на горѣ, а болгаръ въ долинахъ. Болгары же, тамъ гдѣ сдѣлались горными жителями, отличаются тѣмъ, что никогда не оставляютъ своихъ селъ, тогда какъ влахи и албанцы на зиму сходятъ съ высотъ и перекочевываютъ съ стадами въ теплыя приморскія равнины, напр. въ

Солунское поле и въ обширную равнину Музаке у Адріатическаго моря, лѣтомъ почти необитаемую по причинѣ убійственнаго климата, а на зиму покрывающуюся, какъ говорятъ, сотнями тысячъ овецъ. Хозяева стадъ платятъ туркамъ, владѣющимъ этими мѣстами, извѣстную сумму за право пастьбы, и стада процвѣтаютъ. У болгаръ же несчастныя овцы всю зиму выкапываютъ себѣ своими маленькими копытцами траву изъ-подъ снѣга, покрывающаго горы. Но случается часто, вьюга нагонитъ снѣгу столько, что овцѣ его не разрыть. На эти голодные дни болгары страннымъ образомъ заготовляютъ кормъ своему стаду. Гдѣ гора поросла дубовымъ или буковымъ лѣсомъ (а такихъ лѣсовъ въ горахъ Македоніи множество), они безъ жалости обрубаютъ на каждомъ деревѣ всѣ сучья и, выбравъ нѣсколько большихъ деревьевъ, складываютъ на нихъ эти сучья въ видѣ стога, обращая концы съ листьями внутрь, а комли наружу. Стогъ этотъ покрываетъ всю верхушку дерева и кончается аршина на три отъ земли, ниже его не дѣлаютъ, потому что иначе козы стали бы его общипывать. Листья на сложенныхъ такимъ образомъ сучьяхъ сохраняютъ свою свѣжесть, и ими-то кормятъ болгары свои стада въ дни глубокаго снѣга. Но нельзя передать словами, какое грустное впечатлѣніе производятъ эти лѣса съ обрубленными у каждаго дерева и кустика сучьями и съ торчащими кое-гдѣ стогами. На верховьяхъ Брегальницы и въ горныхъ мѣстахъ сѣверной Македоніи мы иногда цѣлые дни ѣхали такимъ лѣсомъ. Влахи, какъ кажется, почти вовсе не занимаются земледѣліемъ; всѣ они пастухи и живутъ вообще въ большомъ довольствѣ. Въ нѣкоторыхъ селахъ влахи съ овцеводствомъ соединяютъ какое-нибудь ремесло: такъ, напр., есть влашскія села, въ которыхъ занимаются тканьемъ ковровъ, другія, гдѣ жители всѣ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера. Мнѣ разсказывали, что два влашскихъ села близъ Битоля (имена ихъ я забыла) снабжаютъ всю Албанію золотыми и серебряными (въ особенности, филиграновыми, весьма искусными) издѣліями.

Какъ болгары, такъ и влахи христіане православные, и потому они до послѣдняго времени не имѣли своей земли; земля, на которой они живутъ, принадлежитъ туркамъ, по большей части городскимъ жителямъ. Не знаю въ точности, на какихъ условіяхъ она отдается тѣмъ, которые занимаются овцеводствомъ; относительно земледѣльцевъ мы слышали вездѣ въ Македоніи одно и тоже: болгаринъ отдаетъ въ казну десятую долю всѣхъ произведеній земли, а изъ остальнаго отдаетъ половину помѣщику; отъ помѣщика онъ получаетъ сѣмена для посѣва, но рабочій скотъ долженъ имѣть свой. Кромѣ того, онъ обязанъ привозить

помѣщику въ домъ, безплатно, по его требованію, дрова, куръ, гусей, яйца и молока. Казна, кромѣ десятины, сбираемой особымъ откупщикомъ, беретъ съ земледѣльца еще подать съ винограда и табаку, отдаваемую также на откупъ, и денежный налогъ взамѣнъ *харача* и рекрутской повинности. Положеніе земледѣльцевъ-мусульманъ, которыхъ въ Македоніи не мало, значительно легче, хотя и они жалуются, что обременены казенными податями, тогда какъ прежде ихъ вовсе не платили, но земля у нихъ по большей части своя, немногіе нанимаютъ ее у помѣщиковъ; условія найма тѣ же какъ и для христіанъ, но ихъ не такъ прижимаютъ. Несмотря на все это, болгары и влахи христіане богатѣютъ, а мусульмане, какъ турецкаго, такъ и европейскаго племени, видимо бѣднѣютъ. Если вы встрѣчаете на пути село полуразрушенное, съ множествомъ опустѣлыхъ домовъ, то будьте увѣрены, что это село непремѣнно мусульманское; если въ селѣ, черезъ которое вы проѣзжаете, часть домовъ въ исправности, а другіе необитаемы или въ развалинахъ, то можете по этому угадать, что въ этомъ селѣ живутъ смѣшанно христіане и турки; исправные дома принадлежатъ первымъ, развалины послѣднимъ. Я спрашивала о причинахъ этого явленія у каваса Мустафы (мусульманина). «Видите ли, объяснилъ онъ: христіане работаютъ, а турки привыкли ѣсть все готовое». Въ настоящее время, когда мусульмане не могутъ съ прежнею безнаказанностью грабить христіанъ и сдѣлались смирнѣе, богатство стало мало-по-малу переходить въ руки христіанъ; купцы-христіане скупаютъ имѣнія у турокъ; намъ попадались въ нѣсколькихъ мѣстахъ цѣлыя деревни, которыя «откупили» всю свою землю у *аги* (помѣщика). Начало этого улучшенія, судя по всѣмъ отзывамъ, которые мы слышали, относятъ къ Крымской войнѣ.

Но это я говорю только о Македоніи. Въ Албаніи положеніе христіанъ не улучшилось, они попрежнему подвергаются грабежамъ и принуждены скрывать тотъ достатокъ, какой у нихъ есть. Ихъ села крайне бѣдны, но столько же бѣдны и деревни албанцевъ, исповѣдывающихъ мусульманскую вѣру. Иногда въ цѣлой деревнѣ албанской вы не найдете чѣмъ накормить вашихъ лошадей, не говоря о пищѣ для людей. Жители питаются во многихъ мѣстахъ одною кукурузой. На вопросы наши о причинахъ нищеты албанскихъ деревень, всегда отвѣчали тѣмъ, что земля скудная: Албанія состоитъ изъ однихъ горъ и скалъ. Это только отчасти справедливо. Дѣйствительно, есть горныя мѣста, гдѣ удивляешься, чѣмъ люди могутъ жить. Отъ Москополя до Берата мы ѣхали пять дней и не видали клочка поля:

все камень да скалы, и кое-гдѣ только небольшія лужайки. Но точно также бѣдны албанскія селенія и въ великолѣпнѣйшихъ долинахъ, которыя ничѣмъ на видъ не уступаютъ богато воздѣланнымъ болгарами долинамъ Вардара и Брегальницы; таковы, напримѣръ, равнина между Скопіемъ и Тетовомъ и далѣе къ Гостивару; долина Люми-мора (большой рѣки) у Берата; долина Шкумби отъ Эльбассана къ Кавоѣ. Земля лежитъ почти вся пустыремъ и только кое-гдѣ обработываются небольшіе клочки, и албанскіе поселяне въ этихъ долинахъ живутъ такими же нищими, какъ въ горахъ. Кажется, албанецъ не имѣетъ любви къ земледѣлію; кто можетъ, тотъ идетъ заработывать деньги службою у пашей, у европейцевъ, въ полицейскихъ командахъ, въ сторожахъ у богатыхъ христіанъ, у архіереевъ, при монастыряхъ и т. д. Дóма остаются, по большей части, старики, дѣти и женщины; женщины же какъ въ Албаніи, такъ и въ Македоніи, христіанки равно какъ и мусульманки, никогда не работаютъ въ полѣ.

VI.

Путешественнику по Турціи всего интереснѣе и труднѣе познакомиться съ образомъ жизни турецкихъ женщинъ, побывать въ ихъ обществѣ, въ ихъ гаремахъ. Какъ путешественницѣ, мнѣ было это легче. Первый гаремъ, какой мнѣ удалось видѣть, былъ въ домѣ мегленскаго помѣщика, Солиманъ-аги, въ с. Суботскомъ. Если не ошибаюсь, мы, первые изъ европейцевъ, попали въ Мегленъ. Мегленъ служилъ одною изъ первыхъ станцій на нашемъ пути по Македоніи. Нашъ караванъ, по выѣздѣ изъ Солуня, двигался первые два дня по богатой равнинѣ на западъ. Слѣва иногда виднѣлась синева моря; справа и далеко впереди большія горы. Переѣхавъ по развалившемуся мосту черезъ рѣку Вардаръ, мы остановились въ турецкомъ *ханѣ* на берегу рѣки, и на другой день направились по большой дорогѣ въ Енидже. Недоѣзжая Енидже, намъ указывали въ полѣ разбросанные камни, иные весьма крупные и хорошо отесанные. Это, какъ говорятъ, остатки древняго города, въ которомъ родился Александръ Македонскій. Близъ этихъ развалинъ обогнали мы длинную вереницу верблюдовъ, которые шагали своимъ оригинальнымъ шагомъ, привязанные другъ къ другу; вся же эта цѣпь верблюдовъ была опять привязана къ ослу, который смѣло тащилъ ихъ за собою, слѣдуя по стопамъ погонщика, а этотъ шелъ впереди, одинъ на весь караванъ.

Изъ Енидже нашъ путь лежалъ на монастырь св. Луки, и на болгарское село Сланицу. Оно замѣчательно костюмомъ женщинъ. Онѣ носятъ на головѣ какую-то странную шляпу, въ видѣ воронки, съ острымъ концомъ кверху, изъ кожи, обшитой краснымъ сукномъ. Намъ говорили, что такихъ воронокъ не носятъ нигдѣ, кромѣ этого села. Вскорѣ мы простились съ равниной и стали взбираться на большую крутизну по узенькой дорожкѣ, кое-гдѣ мощеной. Гдѣ мостовая, тамъ лошадь рѣшительно ступить не можетъ и мостовую тщательно объѣзжаютъ, гдѣ только возможно. Таковы всѣ безъ исключенія мощеныя дороги, какія встрѣчаются въ Турціи. Къ счастью, ихъ немного. Обыкновенно подъ городомъ вымощено нѣсколько клочковъ дороги, гдѣ на $1/_2$ версты, гдѣ на $1/_4$ версты и меньше того. Сама лошадь инстинктивно старается сойти съ мостовой, гдѣ между каждымъ камнемъ глубокая яма. Такъ проѣхали мы г. Нѣгошъ, расположенный на большой высотѣ, примыкающей къ хребту Турло; этотъ городъ славится своимъ виномъ и красотою жителей. Дѣйствительно, тамъ видно много мужчинъ съ овальными лицами и тонкимъ очертаніемъ носа, губъ и подбородка, чрезвычайною рѣдкостью у болгаръ. Болгары вообще имѣютъ лицо круглое, носъ широкій, черты лица грубѣе, чѣмъ у грековъ и албанцевъ. Увѣряютъ, что жители Нѣгоша происходятъ отъ смѣси грековъ съ болгарами. Они умѣютъ говорить на обоихъ языкахъ, болгарскомъ и греческомъ. Послѣднему отдаютъ предпочтеніе, какъ языку болѣе образованному и модному; по-гречески говорятъ въ обществѣ; болгарскій языкъ преобладаетъ въ домашнемъ быту, а въ селахъ, окружающихъ Нѣгошъ, господствуетъ исключительно. Но нѣсколько далѣе къ югу, у Верріи, начинаются греческія селенія, и въ самомъ городѣ Верріи, который у болгаръ называется *Беръ*, какъ намъ сказывали, по-болгарски никто не говоритъ. Въ Нѣгошѣ мы оставались не долго и на *конакъ* (ночлегъ) поѣхали въ монастырь св. Іоанна Предтечи, гдѣ, какъ оказалось, служба совершается по-гречески, также какъ у св. Луки. Монастырь стоитъ на высокой горѣ, подъ которою разстилается равнина, покрытая самою разнообразною зеленью и окаймленная цѣпями горъ. Изъ монастыря мы долго ѣхали густою чащей, въ которой, какъ намъ разсказывали, водятся дикіе пѣтухи (*дивии пѣтли*), то-есть фазаны. Спустившись въ долину, называемую *Страшенъ-долъ*, мы потомъ ѣхали мимо горы *Ушите*, знаменитой разбойниками. Потомъ, по долинѣ Гюбской рѣки мы поднялись къ монастырю св. Троицы въ Воденѣ.

Пока мы осматривали этотъ монастырь, во дворъ въѣхалъ какой-то бойкій господинъ въ европейскомъ костюмѣ, съ ружьемъ черезъ плечо, съ охотничьей собакой. Онъ поспѣшилъ съ нами поздороваться и объявить намъ, что онъ французъ и посланъ въ Македонію, чтобы закупить шелковичныхъ червей для французскихъ плантацій, гдѣ черви погибли отъ болѣзни. Этотъ французъ былъ единственный иностранецъ, котораго я видѣла въ продолженіи двухъ-мѣсячнаго путешествія по внутреннимъ областямъ Турціи, кромѣ лицъ, служащихъ въ консульствахъ.

Отъ монастыря небольшой, но весьма крутой подъемъ ведетъ къ городу Воденъ, который лежитъ на обрывистой горѣ. Вблизи города въ этого обрыва падаетъ водопадъ.

Старикъ Тырпчи не далъ намъ отдохнуть въ Воденѣ и, несмотря на темную ночь, дождь и отвратительнѣйшую дорогу по горѣ, потащилъ насъ на *конакъ* въ село Церковино, гдѣ у него свой домъ и гдѣ живетъ его семейство, состоящее изъ двухъ женатыхъ сыновей. Разумѣется, они старались угостить на славу.

На другой день послѣ весьма труднаго переѣзда черезъ горы, мы спустились въ ровное, отлично-обработанное, благодатное поле Мегленское. Оно покрыто плантаціями табаку и хлопчатой бумаги, представлявшей, въ то время, когда я проѣзжала, довольно красивый видъ. Каждый кустъ покрытъ множествомъ дозрѣвшихъ и лопнувшихъ пуколокъ, изъ которыхъ торчитъ бѣлая какъ снѣгъ вата. Кругомъ, со всѣхъ сторонъ, Мегленское поле окружено цѣпями горъ и представляетъ, когда на него смотришь сверху, видъ длиннаго четвероугольнаго ящика съ зеленымъ дномъ. *Конакъ* въ Мегленѣ былъ для меня очень интересенъ. Мы пріѣхали въ домъ Солиманъ-аги Дурзіи, офицера русской службы и владѣльца села Суботско и другихъ помѣстій въ Мегленѣ. Онъ съ тремя братьями тамъ главные помѣщики. Они ведутъ свой родъ отъ первыхъ турецкихъ завоевателей. Говорятъ, что еще недавно этотъ родъ владѣлъ Мегленомъ, почти какъ независимымъ княжествомъ и не признавалъ никакихъ властей. И теперь мюдиръ (уѣздный начальникъ) мегленскій стоитъ на вытяжкѣ передъ Солиманъ-агою и его братьями, какъ у насъ бывало исправникъ передъ помѣщикомъ-вельможею. Въ домѣ Солиманъ-аги также какъ у всѣхъ другихъ мусульманъ въ Мегленѣ, всѣ говорятъ только по-болгарски; турецкій языкъ знаютъ только весьма немногіе. Солиманъ-ага попыталъ счастія на службѣ въ Россіи; онъ былъ нѣсколько лѣтъ на Кавказѣ и недавно возвратился къ своимъ плантаціямъ и къ своей семьѣ. Принялъ онъ насъ чрезвычайно радушно и повелъ меня въ свой гаремъ, гдѣ служилъ мнѣ переводчикомъ.

Гаремъ Солиманъ-аги первый, который я видѣла въ Турціи. Онъ занимаетъ одну половину большого глинянаго дома, въ которомъ живутъ братья Дурзіи. Оконъ на улицу въ гаремѣ нѣтъ; окна выходятъ, съ одной стороны, въ загороженный высокимъ заборомъ садъ, съ другой стороны въ отгороженную часть двора, куда снаружи нѣтъ ходу. Изъ этого двора — подъемъ по деревянной лѣстницѣ во-второй этажъ (въ нижнемъ этажѣ помѣщаются кладовыя). Затѣмъ корридоръ, служащій переднею, съ четырьмя дверями. Одна ведетъ въ комнату, которую можно назвать гостинною, съ нѣсколькими окнами. Въ ней устроены два турецкіе дивана, покрытые бѣлыми простынями. На нихъ разбросаны вдоль стѣны подъ окнами нѣсколько подушекъ, обтянутыхъ тоже бѣлыми наволочками. На лѣво у стѣны столъ, признакъ европейскаго вліянія. Этотъ столъ покрытъ бѣлой салфеткой, на немъ разныя вещи, какъ-то: банка съ помадой, духи, кусокъ мыла, гребенка, гребень и т. д. Надъ столомъ повѣшено небольшое зеркало въ черной рамкѣ съ бронзовымъ рѣзнымъ ободочкомъ. Изъ этой гостинной вы входите въ одну изъ спаленъ, гдѣ стоитъ желѣзная большая кровать, принадлежащая Солиманъ-агѣ и изобличающая вліяніе жизни въ Россіи. У другихъ братьевъ кроватей нѣтъ, имъ стелютъ по полу *ятаки*, т.-е. тонкіе тюфяки, набитые ватой. Въ спальнѣ стоитъ также турецкій диванъ, покрытый бѣлой простыней. Въ углу на лѣво столикъ, на которомъ стоитъ графинъ съ водкою и нѣсколько маленькихъ стаканчиковъ. Обитательницы гарема часто угощаются изъ графина и меня угощали изъ него. Далѣе изъ этой спальни дверь ведетъ на каменную лѣстницу изъ трехъ ступенекъ. Пройдя эти три ступеньки, вы найдете другую деревянную дверь; отворите дверь и вступите въ баню. Въ ней полъ каменный; посрединѣ немного возвышаются двѣ каменныя плиты, на которыхъ можно усѣсться. Между плитами широкая, довольно плоская ваза, примѣрно въ три четверти аршина въ поперечникѣ, въ которую проведены два крана, одинъ съ горячей, другой съ холодной водой. Когда моются, эту вазу наполняютъ водой и изъ нея умываются. За баней большая длинная комната съ двумя рѣшетчатыми окнами. Въ ней стоятъ сундуки и въ углу лежитъ платье, покрытое бѣлой простыней; тамъ кончается одинъ рядъ комнатъ. Въ другой рядъ вы попадете изъ передней по лѣстницѣ въ нѣсколько ступенекъ; этотъ рядъ комнатъ принадлежитъ старшему брату Солиманъ-аги, Магометъ-агѣ.

У каждаго изъ четырехъ братьевъ по одной женѣ. Онѣ составляютъ одну семью, вмѣстѣ обѣдаютъ и ужинаютъ и про-

водятъ дни вмѣстѣ, не дѣлая рѣшительно ничего. Ни одна турецкая *мадамъ* (такъ этихъ барынь называютъ мужья и прислуга); никогда не занимается рукодѣліемъ или какой бы ни было работой. Все дѣлаетъ женская прислуга. Между четырьмя *мадамами* въ гаремѣ братьевъ Дурзіевъ строго наблюдается старшинство. Старшая считается какъ бы попечительницею другихъ, она ни до чего не дотрогивается своими руками, другія *мадамы* подаютъ ей все. Чашка кофе или папиросница возлѣ нея, но она не протянетъ руки за ними, а одна изъ младшихъ встаетъ и подаетъ. Когда я вошла въ гаремъ, меня встрѣтила старшая *мадамъ*, жена Солиманъ-аги: старшій братъ, овдовѣвъ, женился на второй женѣ и такимъ образомъ старшинство перешло къ женѣ второго брата. Минуты двѣ спустя вошла въ гостиную вторая по старшинству барыня, за нею, черезъ нѣсколько минутъ, третья, наконецъ четвертая. Старшей *мадамъ* лѣтъ подъ сорокъ, у нея пріятное круглое лицо, черные, крашеные черною же краской волосы и брови. Волосы у лица съ обѣихъ сторонъ острижены въ кружокъ немного ниже уха, а на затылкѣ висятъ до таліи и заплетены въ нѣсколько тоненькихъ косичекъ. На головѣ надѣтъ красный фесъ безъ кисти, весь покрытый золотыми монетами, которыя на немъ нашиты въ три ряда. Фесъ надѣтъ нѣсколько на лѣвую сторону, а на правой сторонѣ къ нему пришитъ лиловый цвѣтокъ. Она была одѣта въ блѣднорозовое платье изъ тонкой бумажной матеріи, сшитое на европейскій покрой въ три полотнища съ тальею, но покороче нашихъ дамскихъ платьевъ. Изъ-подъ него видны были широкіе турецкіе шальвары. На ногахъ простые кожаные башмаки. У таліи черный, довольно широкій поясъ съ большою золоченою пряжкою. Изъ-подъ пояса висѣли большіе часы, въ родѣ мужскихъ, съ длинною серебряною цѣпочкою вокругъ шеи. На шеѣ было восемь нитокъ жемчуга, которыя однако не обхватывали всю шею, а висѣли только спереди; сзади видны были простые шнурки. Въ ушахъ небольшія продолговатыя серебряныя серьги съ камнемъ, который она называла каморинъ (аквамаринъ?).

Костюмъ трехъ другихъ турецкихъ дамъ отличался отъ костюма старшей тѣмъ, что вмѣсто платья на европейскій фасонъ онѣ носили такъ-называемую *антерію*, то-есть нѣчто въ родѣ нашего простонароднаго кафтана. *Антерія* запахивается спереди и подпоясывается поясомъ, обыкновенно изъ галуна. Она доходитъ немного ниже колѣнъ; подъ нею носятся широкіе шальвары. У одной изъ женъ *антерія* была сѣрая кисейная съ большими цвѣтами, у другой желтая, у третьей клѣтчатая съ крас-

ными цвѣточками. Шальвары кроятся всегда изъ той же матеріи, какъ *антерія.* Головной уборъ у каждой былъ разный: у одной *кундакъ*, у другой *янка*, у послѣдней *шкепа. Кундакъ*— это платокъ, повязанный на головѣ узломъ сзади, съ висячими отъ узла концами; съ правой стороны цвѣтокъ. У дамы, которую я видѣла здѣсь, *кундакъ* былъ изъ розоваго крепа, съ розовымъ цвѣткомъ, но дѣлаютъ ихъ также и другихъ цвѣтовъ, иногда изъ крепа, иногда изъ бархата. *Янка*—креповая (зеленая, синяя, розовая, желтая, и т. д., смотря по вкусу) косынка, сложенная пальца въ два ширины и надѣтая на голову концами назадъ; концы маленькіе. Спереди на одномъ боку *янки* втыкается въ нее булавка съ золотою бабочкою или другимъ украшеніемъ. Труднѣе описать *шкепу.* Ее всего лучше сравнить съ кокошникомъ, когда смотришь на шкепу спереди, но у нея нѣтъ дна, а есть только передняя и боковыя стѣнки. Назади она замыкается тоненькимъ ободкомъ. Шкепа дѣлается на картонѣ изъ бархату или крепу. Свояченица Солимана-аги носила шкепу синюю креповую, съ наколотымъ спереди большимъ цвѣткомъ изъ брилліантовъ, настоящихъ или поддѣльныхъ—не знаю.

Турецкія *мадамы* проводятъ жизнь въ совершенной праздности, читать и писать онѣ не умѣютъ. Дѣтьми своими онѣ, кажется, вовсе не занимаются: ребенокъ подойдетъ къ матери, она его поласкаетъ, потомъ онъ уйдетъ и мать уже не обращаетъ никакого вниманія на то, куда онъ пошелъ, чтó онъ дѣлаетъ. Да надобно замѣтить, что въ турецкихъ гаремахъ, сколько я ихъ видѣла, дѣтей очень мало, гораздо меньше чѣмъ въ болгарскихъ семействахъ. Болгарскіе дома кишатъ дѣтьми; изъ всѣхъ шести гаремовъ, какіе я посѣтила, только въ трехъ было по одному ребенку; въ томъ числѣ, на весь гаремъ четырехъ братьевъ Дурзіевъ былъ только одинъ мальчикъ, сынъ старшаго брата Магомета-аги отъ первой жены его. Тѣ немногія дѣти, которыхъ я видѣла въ турецкихъ гаремахъ, показались мнѣ довольно ласковыми и вовсе меня не дичились, хотя въ первый разъ видѣли иностранку. Они, уставя глаза, глядѣли на меня, и потомъ, чрезъ нѣсколько времени, уходили къ служанкамъ. Прислуга въ гаремѣ Солимана-аги состоитъ изъ трехъ весьма некрасивыхъ женщинъ, одной какой-то желто-коричневой черкешенки, привезенной съ Кавказа, одной негритянки и третьей турчанки.

Солиманъ-ага называлъ ихъ своими невольницами и говорилъ, что онѣ куплены за деньги. Турчанка была куплена у ея родителей дѣвочкой лѣтъ 12-ти, на нѣсколько лѣтъ, подъ условіемъ— по окончаніи срока выдать ее замужъ или возвратить родителямъ.

Этотъ обычай, покупать дѣвочекъ-турчанокъ у бѣдныхъ родителей для прислуги, весьма распространенъ въ Македоніи; даже богатые болгары покупаютъ себѣ такихъ турчанокъ, особенно для того, чтобы ихъ дѣти выучивались отъ нихъ по-турецки. Я не слыхала, чтобы изъ христіанскихъ семействъ продавали такимъ образомъ дѣтей; христіане и христіанки идутъ въ услуженіе какъ у насъ, за жалованье.

Извѣстна затворническая жизнь турецкихъ женщинъ. Когда имъ нужно выдти на улицу, онѣ закутываются въ широкій плащъ изъ сукна, люстрина или коленкора, непремѣнно зеленаго цвѣта, похожій по покрою на рясу нашихъ священниковъ; на голову надѣваютъ бѣлое холщевое покрывало и завязываютъ его вокругъ шеи. Только въ большихъ городахъ, подъ европейскимъ вліяніемъ, дозволяютъ себѣ послабленіе — покрывало дѣлаютъ изъ кисеи, а въ Константинополѣ даже изъ тюля; обуваютъ желтые башмаки. Въ этомъ видѣ идутъ онѣ дѣлать визиты родственницамъ или пріятельницамъ; но подобные выходы большая рѣдкость въ жизни турецкихъ дамъ. Онѣ почти все время сидятъ дома, то на полу, то у окна. Меня интересовалъ вопросъ о томъ, тяготятся-ли онѣ своимъ затворничествомъ, и я не разъ спрашивала объ этомъ турецкихъ *мадамъ*; онѣ мнѣ отвѣчали, что нѣтъ, что онѣ такъ привыкли. Разумѣется, при такомъ образѣ жизни, и понятія этихъ женщинъ весьма не широкія, и разговоръ крайне ограниченный.

Вотъ одинъ изъ моихъ разговоровъ съ обитательницами гарема братьевъ Дурзіевъ. Когда я вошла и перецѣловалась съ хозяйками, которыя поочередно выходили ко мнѣ, и когда мы наконецъ усѣлись и обмѣнялись привѣтствіями, приложивъ каждая руку ко лбу, старшая стала спрашивать:

«Здоровы ли вы?»

— Славу Богу здорова.

«Тепло-ли у васъ въ Россіи?»

— Нѣтъ, теперь зима, холодно.

«Растутъ ли у васъ яблоки, груши, сливы?»

— Растутъ.

«Давно ли выѣхали изъ Россіи?»

— Столько-то мѣсяцевъ.

«Какъ вы сюда добрались, верхомъ или пѣшкомъ?»

— Верхомъ.

«Всѣ ли у васъ носятъ платье такое, какое на васъ надѣто, съ гладкой ли спиной или со швами?»

— Носятъ различно.

«Покажите вашу шляпу (тутъ разсматриваютъ шляпку). А у насъ такихъ шляпокъ не носятъ, мы носимъ либо *фесъ*, либо *шкепу*, либо *янку*. Живете ли въ своемъ домѣ или нанимаете?»

— Нанимаю.

«Есть ли у васъ отецъ или мать? изъ кого состоитъ ваше семейство?»

— Изъ такихъ-то.

«Есть ли у васъ цвѣты, растетъ ли герань въ Россіи? Хотѣлось бы намъ посмотрѣть на Россію. Есть ли тамъ у васъ собаки, кошки, волы и овцы» и т. д. до безконечности.

Разговоръ ведетъ большею частію старшая мадамъ; рѣдко одна изъ младшихъ вставитъ свой вопросъ. Разговоръ прерывается показываніемъ турецкихъ нарядовъ и снятіемъ выкройки съ моего платья, потомъ продолжается въ томъ же родѣ. При этомъ угощаютъ прежде всего вареньемъ, потомъ кофеемъ, водкой и разными сластями. Всѣ дамы курятъ папиросы, которыя у нихъ называются сигары. Вообще я должна сказать, что *мадамы* какъ у Солимана-аги, такъ и во всѣхъ другихъ гаремахъ были со мною любезны, какъ только могли. Принимали онѣ меня съ видимымъ удовольствіемъ, какъ рѣдкую и особенно почетную гостью, старались удерживать какъ можно дольше и вездѣ горячо благодарили за посѣщеніе, увѣряя, что онѣ прежде никогда не видали европейской женщины.

М. Карлова.

МАЛОРОССІЯ

въ ея

СЛОВЕСНОСТИ.

Малороссія (Южная Русь) въ исторіи ея литературы съ XI по XVIII вѣкъ. *И. Г. Прыжова.* Воронежъ. 1869.

Оставаясь на точкѣ зрѣнія чисто научной, никто не станетъ отвергать значительнаго участія Малороссіи въ образованіи русской культуры, ни вообще южно-русскихъ попытокъ на литературно-культурное развитіе до XVIII вѣка, когда, подъ вліяніемъ перемѣщенія правительственной централизаціи, культурные центры Россіи перешли на сѣверъ, въ Петербургъ и Москву, когда русская культура и литература получила надолго или подражательное или абстрактное европейское направленіе, или если и стала получать національную основу и направленіе, то почти исключительно великорусское. Новѣйшій трудъ г. Прыжова представляетъ, несмотря на всю краткость его содержанія, довольно полный указатель къ старой южно-русской литературѣ и къ тому, чтó о ней было писано (хотя не безъ нѣкоторыхъ, незначительныхъ впрочемъ, промаховъ); вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ даетъ въ сжатомъ очеркѣ довольно удовлетворительную характеристику разныхъ эпохъ и памятниковъ литературной исторіи Южной Руси. Наша литература такъ бѣдна сочиненіями касательно Южной Руси, что уже по этому одному нельзя не обратить вниманія на очеркъ г. Прыжова. Но кромѣ того, по поводу этого

очерка, мы считаемъ нелишнимъ представить, конечно, по необходимости сжато и кратко, нѣсколько добавочныхъ соображеній и фактовъ о предметѣ, который, несмотря на его важность, весьма рѣдко обращаетъ на себя вниманіе нашей печати.

Значеніе Малороссіи въ русской исторіи и жизни до сихъ поръ еще хорошо не выяснено въ общемъ сознаніи. На нее смотрятъ или какъ на одну изъ незначительныхъ провинцій Россіи, которая ничѣмъ особенно не отличается отъ другихъ, или какъ на край, который если и имѣлъ своеобразную исторію и сохранилъ многія отличія, то эта исторія и эти отличія имѣютъ слишкомъ мѣстный интересъ, какъ, напр., особенности исторіи и быта какого-нибудь бывшаго казанскаго, или астраханскаго царства. Но весьма рѣдко смотрятъ на Малороссію, какъ на страну, имѣющую оригинальныя особенности и въ тоже время общія всему русскому міру, только своеобразно развитыя черты исторіи и быта,—не будь которыхъ, исторія и даже нынѣшнее состояніе всей Руси было бы далеко не таково, какъ теперь, и которыхъ роль еще далеко не кончена, а которыя напротивъ—призваны играть немаловажную роль въ будущемъ Россіи: ибо Малороссія по своему положенію, этнографіи и исторіи есть переходный членъ отъ Россіи къ юго-западному славянству, а слѣдовательно и вообще къ юго-восточной Европѣ. Въ недавнее время вниманіе общества обратилось на западныя окраины Россіи, въ томъ числѣ и на Малороссію, но это не привело еще пока къ лучшему ея пониманію, а скорѣе даже удалило отъ этого пониманія, потому что въ послѣднее время стали слишкомъ часто объяснять всякаго рода отличія Малороссіи отъ внутренней Россіи польскимъ вліяніемъ. Между тѣмъ, такой взглядъ на половину ложенъ, а на другую, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи прошлаго и настоящаго Малороссіи, вліяніе на нее Польши окажется далеко не исключительно гибельнымъ, ибо это вліяніе было проводникомъ европейскаго вліянія вообще, которое шло изъ Польши не только въ Малороссію, но и въ Москву, и здѣсь представляло начало того культурнаго наплыва Европы на Россію, который особенно проявился въ петровское время, и котораго благодѣтельности для Россіи окончательно отрицать не рѣшаются и самые крайніе славянофилы. Наша Академія наукъ вотъ уже другой годъ задаетъ тему для соисканія преміи: «Объ отношеніяхъ Польши и Россіи», не только политическихъ, но и культурныхъ,—и, безъ сомнѣнія, разъясненіе значенія послѣднихъ было бы особенно желательно, — причемъ не обошлось бы дѣло и безъ разъясненія культурнаго значенія Малороссіи въ русской исторіи, которое сознается вообще слишкомъ мало.

Нельзя сказать, чтобъ объ немъ не было вовсе ничего говорено въ нашей ученой литературѣ, а затѣмъ не говорилось и въ жизни. Но опять нельзя сказать, чтобы объ этомъ было говорено достаточно полно и даже чтобъ вопросъ объ этомъ былъ поставленъ удовлетворительно. Всѣ знаютъ, что просвѣщеніе Руси началось на югѣ, въ Кіевѣ, что здѣсь было раньше распространено христіанство, что здѣсь началась письменность, здѣсь писались лѣтописи, пѣли Боянъ и авторъ «Слова о полку Игореви». Но говоря о такихъ проявленіяхъ умственной жизни въ Южной Руси въ древнее время, мы не представляемъ себѣ эту Русь въ реальныхъ образахъ: мы представляемъ ее только, какъ отвлеченное географическое понятіе, и кромѣ того полагаемъ, что послѣ, съ татарскимъ погромомъ, всѣ эти начала цивилизаціи такъ и пропали безслѣдно. Между тѣмъ, по своимъ чертамъ кіевская Русь Владиміра, Нестора и автора «Слова о полку Игореви» была тоже юго-западная Русь, которая въ слегка измѣненномъ видѣ жила и живетъ и теперь подъ именемъ Малороссіи, и если въ ней раньше началось развитіе цивилизаціи, то это обстоятельство должно же проявляться и въ нынѣшнемъ состояніи тамошняго народа; если такъ скоро послѣ принятія христіанства кіевская Русь произвела Нестора, Мономаха, «Волынскую лѣтопись», «Слово о полку Игореви»,—то долженъ же былъ во всемъ этомъ принять участіе и характеръ народа, населявшаго и населяющаго всю эту страну, а не одна только относительная близость къ Византіи и къ юго-западной Европѣ вообще, хотя и она въ свою очередь не могла же не повлiять на воспріимчивость народа къ цивилизаціи.

Всѣ знаютъ также, что юго-западная Русь, сначала Острогъ съ Волынью, а потомъ опять Кіевъ стали еще разъ разсадникомъ литературы и образованія для всего русскаго міра, съ половины XVI до половины XVIII вѣка. Всѣ знаютъ имена Константиновъ Острожскихъ, Петра Могилы, Дмитрія Ростовскаго, Лазаря Барановича, Ѳеофана Прокоповича и др. Но, во-первыхъ, никто почти не знаетъ, какая связь существуетъ между дѣятельностію этихъ южно-русскихъ людей XVI — XVIII в. и дѣятельностью южно-руссовъ XII—XIII в., что проявленіе этихъ просвѣтителей XVI — XVIII в. было возможно именно вслѣдствіе непрерывности просвѣщенія и сношеній съ образованнымъ міромъ Южной Руси съ древнихъ временъ и до XVIII в. Во-вторыхъ, мало кто знаетъ связь дѣятельности названныхъ замѣчательныхъ лицъ съ народомъ, ихъ родившимъ. И какъ относительную просвѣщенность Южной Руси XII — XIII в. объясняютъ только византійскимъ вліяніемъ, такъ въ литературѣ и образованіи этой

Руси XVI — XVIII в. видятъ только результатъ латинско-польскаго вліянія, признавая въ ней національной стороной только одну защиту православія. Во всей этой литературѣ видятъ одинъ только подражательный, или церковный характеръ, забывая тѣсную связь тогдашней южно-русской школы и церкви съ жизнію, и забывая также, что еслибы все тогдашнее литературное движеніе было только подражательно-наносное, схоластическое, то оно не могло бы породить такихъ русскихъ и такихъ свѣтскихъ общественныхъ дѣятелей, каковъ былъ, напр., Могила въ Южной Руси, Дмитрій Ростовскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ въ сѣверной.

Такимъ образомъ, въ культурной исторіи Южной Руси неполно понимаются даже и тѣ стороны ея, которыми она оказала вліяніе на весь русскій міръ, которыя принесли плодъ даже и на сѣверѣ Руси. А между тѣмъ и въ южно-русской политической исторіи и въ исторіи южно-русской литературы обращаютъ вниманіе почти исключительно только на тѣ стороны, которыми онѣ соприкасаются съ исторіей Руси Московской, развившей наше нынѣшнее централизованное государство, въ которомъ сложилась и та цивилизація и литература, которыми мы живемъ теперь. Такъ въ политической исторіи Южной Руси мы слѣдимъ только за группировкой разныхъ племенъ подъ властію династіи, изъ которой произошли и цари московскіе и всея Руси, и какъ только эта династія перестаетъ править на югозападѣ Руси, мы оставляемъ исторію этой земли, обращаясь къ ней только тогда, когда она начинаетъ ломать связи съ Польшей и входить подъ власть династіи московскихъ наслѣдниковъ шапки Мономаха,—и принимаемъ царство послѣднихъ за единственный типъ русскаго государства и общества. Между тѣмъ въ политической и общественной жизни Руси Владиміра Мономаха и Богдана Хмельницкаго было немало такого, что, пожалуй, не вошло въ струю жизни Московскаго царства и вышедшаго изъ него нынѣшняго нашего политическаго и общественнаго строя, но что представляетъ во всякомъ случаѣ любопытныя политико-соціальныя попытки значительной части тожерусскаго племени, что́ оставило по себѣ глубокіе слѣды въ народномъ характерѣ и бытѣ на значительной территоріи русскаго государства, и что́ еще, быть можетъ, пригодится въ свое время для соціально-политической исторіи Россіи, какъ пригодилось пресловутое «русское» (южно-русское) упорство для спасенія югозападной Руси отъ уніи и Польши [1]). Такъ точно и въ ли-

---

[1]) «Упартый, якъ русинъ»,—говоритъ польская пословица, согласно и съ нашей поговоркой: «упрямъ, какъ хохолъ». Русинъ—старое названіе русскаго сохранилось

тературной исторіи юга Россіи мы цѣнимъ собственно только сохраненіе традиціи письменности до тѣхъ поръ, пока она утвердилась въ Москвѣ и Петербургѣ, при помощи правительства, уже въ XVIII в., и весьма мало интересуемся содержаніемъ этой письменности, дѣлая исключеніе только для Нестора и «Слова о Полку Игореви», забывая, что, напр., послѣднее могло развиться только на почвѣ народной поэзіи, которая и до сихъ поръ на югѣ Россіи сохраняетъ близость свою къ этому памятнику русской поэзіи XIII в., — и что «Слово» это собственно не оказало ровно никакого вліянія на послѣдующее литературное развитіе сѣвера Руси (если не считать подражательной Задонщины) и не имѣетъ съ нимъ ровно никакой связи. Между тѣмъ живость и драматизмъ южно-русскихъ лѣтописей, особенно Волынской, богатство хоть бы одной мемуарно-исторической литературы на югѣ Россіи въ XVII—XVIII в., въ то время, когда литературы или почти вовсе не было на сѣверѣ Руси, или она приняла высокопарный, псевдо-классическій характеръ, — все это если и мало повліяло на ходъ развитія литературы, которую, faute de mieux, мы считаемъ за обще-русскую, — то представляетъ по крайности любопытное проявленіе умственныхъ силъ народа, которыя врядъ ли на вѣки осуждены на безмолвіе.

Книжка г. Прыжова любопытна въ томъ отношеніи, что, несмотря на свою неполноту и краткость, несмотря даже на нѣкоторыя ошибки, она часто гораздо яснѣе передаетъ ходъ и характеръ литературной исторіи Южной Руси, чѣмъ довольно обширные курсы русской исторіи и исторіи русской литературы; при этомъ литературная исторія Южной Россіи какъ въ древнюю пору, такъ и въ XVI—XVIII в. не представляется у г. Прыжова отдѣльно отъ жизни и характера народа и теперь населяющаго эту область.

Г. Прыжовъ начинаетъ свою книжку съ обзора мѣстности, занимаемой южно-русскимъ племенемъ, и языка, которымъ оно говорило и говоритъ. Авторъ высказывается за древность и самобытность южно-русскаго языка, ссылаясь на извѣстнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ лингвистовъ, которые о немъ писали:

въ названіи народа юго-западной или Малой Россіи. Названіе это неправильно считаютъ у насъ иногда наноснымъ, выдуманнымъ поляками для отличія *русиновъ* отъ *русскихъ*. Правда, что прилагательное отъ перваго правильно — *руській*, а не *русинскій*. Для примѣра галицкое народное четверостишіе: «Ой *Русине*, *Русине*, *Русинку* — небоже, не бойся ты баламута, — *Руській* Богъ поможе».

Миклошича, А. Шлейхера, Ламанскаго, Срезневскаго, Лавровскаго, Максимовича, Головацкаго и наконецъ Бодянскаго. Затѣмъ г. Прыжовъ описываетъ старый Кіевъ, средоточіе Руси, которая уже съ XIII в. стала называться *Украиной*, и широту отношеній Кіева съ разнымъ народомъ тогдашняго христіанскаго міра, составляющую контрастъ изолированности, какой отличалось средоточіе Руси сѣверо-восточной до XVII в. Эти отношенія всего лучше выражаются словами пѣвца Игорева: «ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морави поютъ славу Святъславлю». Намъ кажется только, что авторъ нѣсколько увлекся, назвавъ тогдашній Кіевъ «старшимъ братомъ славянъ», а также, что авторъ, вслѣдъ за г. Костомаровымъ («Черты народной южнорусской исторіи») впалъ въ ошибку, характеризуя старую кіевскую жизнь по былинамъ Владимірскаго цикла, въ которыхъ нѣтъ ничего южно-русскаго, кромѣ именъ географическихъ. По крайней мѣрѣ тѣ женщины изъ былинъ и тѣ удальцы (Марина и Чурило), по которымъ г. Костомаровъ характеризуетъ жизнь горожанъ и дружины стараго Кіева, слишкомъ великорусскіе типы, чтобъ ихъ переносить на югъ.

Переходя собственно къ литературѣ Малороссіи съ XI в., г. Прыжовъ указываетъ слѣды южно-русскаго языка въ сборникѣ Святослава (1073), въ грамотахъ и рукописяхъ XII—XIII в., и притомъ, говоря о первомъ памятникѣ, выражается слѣдующимъ образомъ: «Даже Буслаевъ, радикально отвергающій самобытность южно-русскаго языка, здѣсь какъ-то проговорился *о вліяніи южно-русскаго писца* и по поводу ѥ, которое въ сборникѣ постоянно вмѣсто ѥ *сть*, прибавилъ: «это по-малорусски». (Хрестоматія. 276, 278). Не знаемъ, откуда извѣстны г. Прыжову взгляды г. Буслаева на южно-русскій языкъ, но по крайней мѣрѣ печатно московскій профессоръ высказался далеко не въ томъ смыслѣ, какъ говоритъ г. Прыжовъ, и вотъ тому доказательство. Въ той же исторической хрестоматіи, на которую указываетъ г. Прыжовъ, г. Буслаевъ говоритъ слѣдующее: «Малорусское нарѣчіе отличается отъ великорусскаго самостоятельными этимологическими формами въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, замѣчательными по бо́льшей древности» (стр. 1630). На тѣхъ же страницахъ, на которыя указываетъ г. Прыжовъ, г. Буслаевъ, комментируя «Изборникъ», вовсе не проговаривается, по поводу одного слова, о вліяніи южно-русскаго писца, а говоритъ рѣшительно: «правописаніе Святославова Изборника, въ основѣ своей болгарское, подверглось значительнымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ южно-русскаго писца»,— и указываетъ нѣсколько примѣровъ этихъ измѣненій. Еще болѣе слѣдовъ южно-русскаго языка

находитъ г. Буслаевъ въ «Словѣ о полку Игореви». Въ примѣчаніяхъ къ послѣднему, г. Буслаевъ не только указываетъ эти слѣды, но и сравниваетъ цѣлыя выраженія изъ него съ выраженіями малорусской народной поэзіи, перенося въ эти примѣчанія сущность отдѣльной своей статьи: *Объ эпическихъ выраженіяхъ украинской поэзіи* (Хрестом. 600 и слѣд.). Сближенія, которыя дѣлаетъ въ этой статьѣ г. Буслаевъ между «Словомъ о полку Игореви» и украинскими пѣснями,—не оставляютъ никакого сомнѣнія, что въ «Словѣ» мы имѣемъ дѣло съ родоначальникомъ украинскихъ думъ, сохранившихся съ XVI в.

Какъ и слѣдовало, г. Прыжовъ посвятилъ довольно мѣста разбору этого любопытнаго памятника древней русской словесности и вмѣстѣ одного изъ лучшихъ образцовъ героическаго эпоса. Множество словъ и до сихъ поръ употребляемыхъ въ Малороссіи: *година*, *туга*, *оксамиты*, *Днѣпре Словотуцѣ* (Дніпро Словутъ) и т. д., много формъ языка, выраженія, размѣръ и по мѣстамъ риѳма, точь-въ-точь, какъ въ украинскихъ думахъ, наконецъ характеръ и духъ,—все это не оставляетъ никакого сомнѣнія, что мы имѣемъ дѣло съ украинской думой XII вѣка. Г. Прыжовъ приводитъ слова Бѣлинскаго: «За южно-русское происхожденіе «Слова» говоритъ больше всего выражающійся въ немъ бытъ народа. Есть что-то теплое, благородно-человѣческое во взаимныхъ отношеніяхъ дѣйствующихъ лицъ этой поэмы; особенно поразительны благородныя отношенія половъ» (Бѣл. V. 87—88). Надо замѣтить, что эти слова написаны Бѣлинскимъ въ той статьѣ, въ которой онъ слишкомъ строго отнесся къ великорусской народной поэзіи и изображаемому ею быту, особенно къ былинамъ. Въ подтвержденіе близости «Слова» къ украинской поэзіи, мы позволимъ себѣ привести изъ примѣровъ сходства выраженій, указанныхъ г. Буслаевымъ, особенно выдающіеся. Вотъ какъ изображаетъ пѣвецъ «Слова» поле битвы: «Чорна земля подъ копыты, костьми была посѣяна, а кровью польяна, тугою взыдоша по русской земли»,—а вотъ тѣ же образцы изъ украинской пѣсни: «Чорна зимля заорана и кулями посіяна, білымъ тіломъ зволочена, а кровію сполощена». Вотъ изъ «Слова» изображеніе наступающаго войска: «Чорныя тучи съ моря идутъ, хотятъ прикрыти четыре солнца, а въ нихъ трепещутъ синіи молніи. Быти грому великому»;—тотъ же образъ въ украинской думѣ: «Изъ-за горы хмара выступае,—выступае, выхожае, до Чигирина громомъ выгремляе, на украинську землю блискавкою блискае», и т. д. Знаменитый плачъ Ярославны есть не что иное, какъ пѣсня украинской дивчины; а превосходный финалъ «Слова о полку Игореви»—повторяется во многихъ украинскихъ

думахъ. Для примѣра укажемъ въ сборникѣ г. Максимовича (1849) длиннѣйшую изъ украинскихъ думъ о возвращеніи запорожскаго гетмана Самуила Кушки изъ турецкаго плѣна. Позволимъ себѣ сказать, что сравненіе выраженій поэмы XII в. и украинской поэзіи было бы также умѣстно въ статьѣ г. Прыжова, какъ и сравненіе языка «Слова» съ малорусскимъ.

Разсмотрѣвъ «Слово о полку Игореви», г. Прыжовъ упоминаетъ о записанныхъ уже въ недавнее время украинскихъ пѣсняхъ и преданіяхъ о временахъ до-татарскихъ и татарскомъ нашествіи, между которыми особенную важность имѣютъ дума о походѣ старшаго князя-язычника въ цареградскую землю (Кулишъ, «Зап. о Ю. Руси», I, 172) и о службѣ въ Цареградѣ (Мордовцевъ, «Сборн»., 192). Краткость предположеннаго объема и вообще болѣе библіографическій, чѣмъ критическій пріемъ отношенія къ народной поэзіи, заставили нашего автора ограничиться только наименованіями этихъ обломковъ древнѣйшаго творчества на югѣ Россіи. Но мы позволимъ себѣ на нихъ остановиться, обративъ при этомъ вниманіе на то, что̀ опущено г. Прыжовымъ, потому что, въ виду недавно-поднятаго спора о происхожденіи былинъ такъ-называемаго кіевскаго цикла, остатки эпоса великокняжескаго въ той землѣ, гдѣ дѣйствительно происходили событія русской исторіи великокняжескаго періода, получаютъ особенную важность. Дума о походѣ старшаго князя-язычника въ христіанскую землю, напечатанная въ «Запискахъ о Южной Руси» г. Кулиша (т. I, стр. 172—178), записана, по словамъ стараго южнорусскаго этнографа Шишацкаго-Илича, отъ 80-лѣтней старухи. Начинается этотъ разсказъ прозою и послѣ принимаетъ видъ обыкновенной украинской думы, какъ будто дума эта начала уже переходить въ сказку. Это сказаніе-дума очень вѣрно передаетъ обстановку походовъ кіево-варяжскихъ князей на Цареградъ и упоминаетъ боговъ Мокоша и Посвистача, которому молятся, чтобъ онъ «моря не турбовавъ». Море однако заволновалось и князь-язычникъ долженъ былъ сознаться въ безсиліи бога своего и принялъ христіанство. Дума эта возбуждаетъ сомнѣніе въ своей подлинности именно упоминаніемъ боговъ Посвистача и особенно Мокоша, которымъ трудно было сохраниться изъ столь древнихъ временъ; но если она была написана какимъ-либо грамотѣемъ, то когда — сказать съ точностью трудно. Заподозрить Шишацкаго-Илича въ сочиненіи нѣтъ основанія, хотя въ прежнія времена не считалось зазорнымъ поддѣлывать народныя думы, примѣромъ чему служитъ г. Срезневскій съ его запорожской стариной и думами, составленными по Рубану и Конисскому. Дума

могла быть составлена и въ XVII в. какимъ-нибудь книжникомъ, и послѣ приняла болѣе народный складъ.

Пока, впрочемъ, ничего положительнаго нельзя сказать ни за, ни противъ этой думы; въ виду же важности вопроса о формѣ, въ какой остались у русскаго народа преданія о событіяхъ кіевскаго періода, желательно было бы, чтобы тѣ, кто имѣетъ возможность обслѣдовать мѣстность, въ которой записалъ Шишацкій свою думу, поискали—нѣтъ ли въ народѣ какихъ-либо стиховъ изъ нея или варіантовъ.

Другое преданіе, относящееся къ древнѣйшимъ кіевскимъ временамъ, есть сказаніе о Кирилѣ Кожемякѣ и убіеніи имъ змія, сходное съ лѣтописнымъ сказаніемъ объ «Янѣ Усмошвецѣ», напечатанное тоже у г. Кулиша («Записки о Ю. Руси», т. II, стр. 27 и слѣд.). Оно уже приняло характеръ прозаической *сказки*. Но отъ удѣльной эпохи Южной Руси въ народѣ остались несомнѣнные памятники въ стихотворной формѣ, только не въ видѣ былины или думы, а въ видѣ колядокъ, въ которыхъ уже сглажены лица и событія, хотя и остались общія черты быта удѣльнаго періода. Колядки, какъ праздничныя пѣсни, были первоначально, какъ и теперь, прославленіемъ, обращеннымъ къ лицу, но теперь онѣ остались только такъ-сказать нарицательными прославленіями, а прежде, по крайности нѣкоторыя изъ нихъ, должны были быть собственно обращенными къ богу, или къ князю, котораго личные подвиги воспѣвались и такимъ образомъ обрядовая пѣсня принимала явно характеръ эпическій (чтò можно замѣчать въ поэзіи всѣхъ почти народовъ). Съ теченіемъ времени эти «личныя» пѣснопѣнія обращались въ нарицательныя, и обрядовому ихъ значенію мы и обязаны тѣмъ, что въ колядкахъ остались черты древнѣйшаго гражданскаго быта русскаго племени, какъ и древнѣйшихъ его религіозныхъ понятій [1]). Кажется, что на это значеніе колядокъ до сихъ поръ не было обращено вниманія. Г. Прыжовъ называетъ въ числѣ пѣсенъ древнѣйшаго происхожденія, напечатанную г. Костомаровымъ въ «Малорусскомъ Сборникѣ» г. Мордовцева пѣсню о походѣ въ Цареградъ (стр. 192). Но эта пѣсня — колядка, хотя въ упомянутомъ сборникѣ она лишена характера колядки посредствомъ откинутія отъ нея припѣвовъ. Въ «Сборникѣ Галицкихъ Пѣсенъ»,

---

[1]) Сколько-нибудь подробное указаніе этихъ послѣднихъ не входитъ въ нашу программу, но не можемъ не указать въ галицкихъ колядкахъ нѣсколько №№, рисующихъ чрезвычайно древнія космическія понятія, напр. въ Чт. Моск. Общ. Истор. и Др. 1864 г. т. I, стр. 5, № 7—созданіе земли, неба и свѣтилъ треми голубями, которые достаютъ изъ моря песокъ и золотой камень. Стр. 43, 53, 65 и др. — олицетвореніе солнца и другихъ свѣтилъ и названіе солнца богомъ и т. п.

изданномъ г. Головацкимъ, между колядками есть два варіанта пѣсни, напечатанной г. Костомаровымъ, которые, сводя болѣе характеристическіе стихи, мы представимъ для наглядности въ слѣдующемъ видѣ [1]).

Ой въ чыстімъ полі, блызько дороги
Ой дай Боже!
Стоять наметы білі шовкові,
А въ тихъ наметахъ всі громодове,
Радоньку радять не єднакую,
Не єднакую, а троякую:
«Ой не справляймо на жоны шубы,
На жоны шубы, на дочки злото,
Але справляймо мідяни човна,
Мідяни човна, срібнії весла,
Та пускаймося на тыхій Дунай,
Долівъ Дунаемъ, підъ Царегородъ;
Ой чуемо тамъ доброго пана,
Що платыть добре за заслуженьку.
Ой дае на рокъ по сто червоныхъ,
По сто червоныхъ, по коникові,
По коникові, тай по шабелці,
Тай по шабелці, по парі суконъ,
По парі суконъ, та й по шапочці,
Та й по шапочці, та й по панночці.

Въ этой пѣснѣ царь константинопольскій уже сталъ просто добрымъ паномъ, — въ одномъ варіантѣ паномъ Петромъ, — однакожъ она слишкомъ ясно рисуетъ службу русскихъ въ числѣ варяговъ у императоровъ Византіи. Въ одномъ изъ варіантовъ раду о походѣ рядятъ «молодци», идя «рано зъ церковці», — но какъ полученіе дѣвушекъ въ жалованье за службу, не совмѣстно съ христіанствомъ, то слѣдуетъ думать, что церковь здѣсь замѣнила языческое моленіе передъ походомъ. Другія колядки галицко-малорусскія представляютъ подробности быта временъ великокняжескихъ. Такова, напр., колядка, изображающая походъ воина, называемаго «нашъ панокъ», на три дороги, въ три земли [2]).

Одна дорога — та въ Волоськую,
Друга дорога — та въ Нѣмецькую,
Третя дорога — та въ Турецькую:
Зъ Волощины йде — волики веде,
Зъ Нѣмеччины йде — грошики несе,
Зъ Туреччины йде — коники веде.
Ой воликами на хлібъ робыты,
А грошыками війску платыты,
А кониками зъ війскомъ ся быты.

1) Чт. въ Моск. Общ. Ист. и Др. 1864, I, стр. 33, 67.
2) Тамъ-же стр. 61.



Названія земель тутъ, конечно, позднѣйшія,—но обстановка похода, и стихъ—*грошыками війску платыты*, очевидно относится къ эпохѣ княжеской феодальной, а не къ польской аристократической и не къ разбойнической. Къ памяти о набѣгахъ относятся и варіанты, изображающіе «гордаго пана», который сидитъ въ шелковомъ шатрѣ и къ которому приходятъ три паны (теперь изъ Вѣны, стр. 65), и другіе, представляющіе молодца съ тремя трубами (стр. 59). На удѣльныя войны намекаетъ и колядка объ осадѣ города, многочисленные варіанты которой называютъ Кіевъ, Львовъ, Сандоміръ и т. п. (тамъ-же 54, 62—65). Весьма характерна также колядка, представляющая отъѣздъ пана въ Сандоміръ судъ судить. Пѣсня спрашиваетъ [1]):

Що жъ йому дано за тоты суды?
—Ой дано жъ йому та три селечка:
А въ однімъ селі — старіі люде,
А въ другімъ селі — усе парубочки,
А въ третімъ селі — усе дівочки.

Тутъ очевидно представляется галицкое боярство, производящее судъ, по порученію князя, и получающее вознагражденіе селами. Трудно теперь судить, на какое событіе намекаютъ варіанты колядокъ, которые говорятъ о плѣнѣ то «невѣрнаго», то «турецкаго» царя, котораго привозятъ въ «русскую», или «чешскую» землю, въ которой нѣтъ короля, — но изображеніе въ одномъ изъ варіантовъ «короля руського» относитъ эту пѣсню къ временамъ Данила и его сыновей (стр. 29—30). Къ временамъ Данила и, кажется, его молодости слѣдуетъ отнести и нѣсколько колядокъ, изображающихъ возвратъ боярина изъ угорской земли. Вотъ характеристическія мѣста изъ важнѣйшихъ варіантовъ этихъ колядокъ [2]):

Въ нашого пана, пана крайника
Ей красні(о) въ него и дворі його,
Тисові сінці, яворовы сходці,
Ходить ей по нихъ молода княгиня,
На той княгині кованый поясъ,
На тімъ поясі золоті ремячки,
На тихъ ремячкахъ мідяні ключи.
Мідяні ключи тихо, тихо дзвініте,
Тихо дзвініте,—пана забудите!
Бо теперъ панъ нашъ зъ Угоръ приіхавъ;
А зъ Угоръ, зъ Угоръ, зъ Угорьской земли.
Зійшлися къ нему вшитки панове,

[1]) Тамъ-же стр. 33.
[2]) Тамъ-же стр. 11.

Вшитки панове, його братове,
Сталися його вывідовати:
«Ой пане, пане, што тамъ чувати,
Што тамъ добраго въ Угрохъ слухати?» —
«Добре слышано, бо южъ поорано
Южъ поорано, злотомъ засіяно,
Павьяннымъ перцёмъ заволочено,
Золотымъ мечемъ загорождено» [1]).

Въ одномъ варіантѣ панъ, вернувшійся изъ Угоръ, называется панъ Перемысльный (Перемышльскій):

Передъ нимъ пляше молоде паня,
На тимъ паняті рудая сукня (одежда)
На ноженькахъ ма'тъ шнурованы бітки,
На бочейкахъ ма'тъ кованый поясъ,
На тимъ поясі жовты ремячки
На тыхъ ремячкахъ золоти ключи,
На голові ма'тъ павяный вінокъ,
На ручейці ма'тъ золотый перстінекъ

Панъ, говорится въ колядкѣ, пріѣхалъ съ войны, — но это, очевидно, позднѣйшее недоразумѣніе; слова: «въ Угрохъ добре слухати» и описаніе того, что дѣлается тамъ, — означаетъ, что уграмъ заплачены деньги и что тамъ собралось войско, которое блеститъ павлиными перьями на шлемахъ и стоитъ съ поднятыми мечами. Если такъ, то пѣсня говоритъ объ ожиданіи помощи отъ угровъ, а «молоде паня» есть Данило, возстановленный на столѣ княжескомъ съ помощью угровъ (слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что бояринъ Перемышльскій, по лѣтописи, былъ противъ Данила). Слѣдующая колядка уже безъ всякихъ натяжекъ относится къ аресту Ивана Берладника и такимъ образомъ передаетъ и имя и событіе:

А тамъ на лугахъ, на барзъ широкихъ,
Тамъ же ми горитъ терновый огникъ,
Самъ молодъ, ей, самъ молодъ!
Самъ молодейкій на коничейку, самъ молодъ!
Колъ огня ходитъ широкій танецъ,
А въ танцы ходитъ княгня Иванко,
На головойці сокола носитъ,
Въ правой ручейці коничька водитъ,
Въ лѣвой ручейці гусевки носитъ.
Нихто не видівъ, лемъ слишь пански слузы;
Скоро ввиділи, пану доповіли:
«Ой ідьте, ідьте, Иванка звязите,
Иванка звязите, ту го приведіте,
Соколойка пустите до соківниці

[1]) Другой варіантъ: *обгорождено отъ злои тучи.*

Гусовки шмарьте до гусевниці
Коничька вставте до коничейки,
Иванка всадьте до темничейки».
Соколикъ квілить, головойки хоче,
Гусевки граутъ, Иванка споминаутъ,
Коничокъ гребе, до поля хоче,
Иванко плаче, до милейкої хоче.

Вотъ все, что пока собрано изъ южно-русскихъ преданій и пѣсенъ о временахъ великокняжескихъ. Оно показываетъ, что на мѣстѣ дѣйствія героевъ тѣхъ временъ, уже не сохранились былины и думы, т.-е. стихотворные разсказы о событіяхъ, а только сказки и колядки. Это отсутствіе на югѣ былинъ и присутствіе ихъ на сѣверѣ пробовали объяснить (г. Погодинъ) тѣмъ, что нынѣшніе малороссіяне не жили въ кіевскій періодъ въ нынѣшней территоріи, на которой жили тогда великоруссы. Эти великоруссы, будто бы вытѣсненные татарскимъ погромомъ, пошли на сѣверъ Руси и распространились по его сѣвернымъ и южнымъ окраинамъ,—чѣмъ объясняется и то, что по этимъ окраинамъ, а не около Москвы и Суздаля, записана и большая часть былинъ. Малоруссы же пришли изъ-за Карпатъ уже въ XIV в.,—и конечно, не могли сохранить преданій о кіевскомъ періодѣ. Но сказка о Кожемякѣ и приведенныя нами колядки показываютъ, что преданія эти сохранились. Въ колядкахъ этихъ рисуется ясно бытъ временъ великокняжескихъ: отношенія къ грекамъ, вѣче (громадове), походы, князья, боярство, домы и одежда тѣхъ временъ рисуются гораздо ближе къ дѣйствительности, чѣмъ обстановка великорусскихъ былинъ, которая, какъ показано ясно г. Стасовымъ, не имѣетъ вовсе сходства съ дѣйствительностью удѣльнаго времени, — нѣтъ только, исключая Ивана Берладника, собственныхъ именъ, которыя за то сохранились въ великорусскихъ былинахъ (Владиміръ, Ставръ и др.). Это показываетъ, что сепаратистическая гипотеза г. Погодина о позднѣйшемъ пришествіи малоруссовъ не имѣетъ основанія,— отсутствіе же около Кіева былинъ объясняется давностью времени и тѣмъ, что событія и лица позднѣйшей демократической эпохи казацкой заслонили въ памяти народа событія и лица эпохи княжеско-дружинной. Имя самого Ивана Берладника осталось, можетъ быть, потому, что Берладъ былъ родъ тогдашней Сѣчи и что этотъ *изгой* - князь былъ окруженъ «худыми» людьми. Чѣмъ же объясняется присутствіе кіевскихъ именъ Владиміра, Ставра и т. п. въ былинахъ великорусскихъ, при ихъ дальнѣйшемъ, чѣмъ въ южныхъ колядкахъ, внутреннемъ содержаніи отъ

быта временъ кіевскихъ,—въ этомъ теперь и состоитъ вопросъ, который, конечно, мы не возьмемся рѣшать.

Раннее разореніе татарами Кіева слилось въ народномъ сознаніи съ поздними татаро-турецкими набѣгами, а потому не оставило спеціальныхъ пѣсенъ и сказаній, если не считать отрывковъ, напечатанныхъ въ «Запискахъ о Южной Руси», о защитѣ Кіева богатыремъ Михайликомъ, въ которомъ г. Кулишъ думаетъ видѣть извѣстнаго боярина Дмитрія. Изъ временъ литовскихъ въ печати извѣстна только одна пѣсня (про походъ Малаго Гирея, Менгли Гирея), которая впрочемъ даетъ полное основаніе предполагать, что ихъ было гораздо больше. Да иначе и быть не могло, ибо народъ западной Руси въ литовское время принималъ достаточно большое участіе въ оборонѣ страны отъ иноземцевъ. Любопытенъ характеръ этихъ остатковъ древнѣйшихъ пѣсенъ южно-русскихъ, — совершенно сближающій ихъ съ позднѣйшими думами. Южно-русская пѣсня, которая сохраняетъ слѣды историческаго событія или эпохи, сохранила ихъ въ возможно конкретномъ видѣ, передавая или конкретныя подробности быта, или событія, или имя. Видно, что пѣсню первоначально сложилъ народъ, который самъ видѣлъ и принималъ участіе въ событіяхъ, а не слышалъ только о нихъ, — оттого онъ иногда удерживалъ скудныя числомъ преданія и черты, но ясныя и конкретныя, а не припутывалъ къ нимъ чужихъ. Оттого даже въ древнѣйшихъ своихъ памятникахъ южно-русская поэзія сохраняетъ въ сильной степени историческій, а не сказочный характеръ.

Г. Прыжовъ не могъ, конечно, останавливаться долго на обломкахъ литературы южно-русской временъ литовскихъ, — и, ограничившись доказательствомъ русскаго характера государства и оффиціальнаго языка княжества Литовскаго, спѣшитъ перейти къ временамъ столкновенія южно-руссовъ съ поляками, къ которымъ относится разцвѣтъ южно-русской литературы и народной словесности. «И вотъ теперь, говоритъ г. Прыжовъ, судьбы міра выводятъ на позорище исторіи южно-русскій народъ съ его теплымъ и свѣтлымъ христіанствомъ, народъ, невѣдавшій ни расколовъ, ни ересей, — чуждый всякой нетерпимости и фанатизма, необыкновенно богатый пѣснями, въ которыхъ слышится его доброе, любящее сердце, горячо преданное своей *матери Украинѣ*, — народъ умный и честный, — не ничтожный народъ, а напротивъ хранитель началъ высшей гражданственности. Тогда для южно-русскаго народа опять настало время борьбы *за русскую землю* и въ теченіи этой борьбы въ Южной Руси возникаютъ *просвѣщеніе* и *поэзія...*» Все это правда, но

не безъ нѣкоторой односторонности. Г. Прыжовъ, при всемъ своемъ уваженіи къ Южной Руси, все еще не окончательно отрѣшился отъ обычныхъ отношеній къ ея исторіи, по которымъ послѣдняя имѣетъ только отрицательное, реакціонное значеніе, значеніе *борьбы* противъ враговъ — противъ кочевниковъ въ удѣльное время, противъ татаръ и турокъ въ литовско-польское, и противъ поляковъ въ казацкое. Борьба борьбою, но въ Южной Руси, какъ и во всякой странѣ, въ которой разъ возникло культурное движеніе, были и свои внутреннія задачи общественной жизни и просвѣщенія, которыя возникали независимо отъ борьбы съ внѣшними врагами и даже прямо страдали оттого, что всѣ силы народа должны были направляться на внѣшнюю борьбу. Притомъ же, если борьба, напр. южно-руссовъ съ поляками, сопровождалась развитіемъ просвѣщенія, то это говоритъ въ пользу того, что просвѣщеніе не «возникло» только, какъ реакція во время борьбы, а было уже въ извѣстной степени въ странѣ, которая понимала необходимость не одной только матеріальной, но и нравственной реакціи чужому напору.

Слѣдя въ южно-русской литературной жизни только за проявленіями борьбы противъ чужого, г. Прыжовъ въ исторіи литературы древне-кіевскаго періода остановился только на «Словѣ о полку Игореви», но опустилъ лѣтопись, начальную, кіевскую и волынскую и такіе памятники, какъ завѣщаніе Мономаха. А между тѣмъ въ нихъ видны тѣ же черты южно-русской народности, которыя съ такимъ сочувствіемъ изображаетъ г. Прыжовъ въ приведенныхъ выше словахъ. Южныя же лѣтописи, особенно волынская (Ипатьевская), выдаются среди древне-русскихъ лѣтописей другихъ областей особенною живостью и полнотою изложенія, показывающею, что ихъ составляли не удалившіеся вовсе отъ жизни монахи, — «какъ дьякъ въ приказѣ посѣдѣлый»,—но близкіе участники въ событіяхъ описываемыхъ. Эти лѣтописи прямые родоначальники тѣхъ хроникъ-мемуаровъ, которые велись въ казацкое время и которые въ общемъ весьма вѣрно характеризованы и г. Прыжовымъ, а между тѣмъ онъ совершенно номенклатурно говоритъ о лѣтописныхъ памятникахъ исторической литературы Южной Руси, а нѣкоторые и вовсе опускаетъ, какъ напр. Густынскую. Эта, во многихъ отношеніяхъ, слабая лѣтопись любопытна однакожъ потому, что доводитъ разсказъ до 1597 г. и отличается начитанностію составителей въ литературѣ польско-латинской (Длугошъ, Кромеръ, Вагнини) и греческой (Оміръ) и такимъ образомъ связываетъ древнѣйшее лѣтописаніе южно-русское съ позднимъ, котораго

представителями могутъ быть сочтены лѣтописи южно-русскія, изданныя г. Н. Бѣлозерскимъ и доводящія разсказъ до 1750 и 1783 г., а также съ мемуарной литературой казацкой эпохи и съ такими сводами, какъ Синопсисъ [1]). Останавливаясь преимущественно только на такихъ памятникахъ, которые были проявленіемъ борьбы южно-руссовъ съ иноземцами, г. Прыжовъ и въ литературной исторіи XVI—XVII в. говоритъ обстоятельно (конечно, въ предѣлахъ статьи) о полемической дѣятельности кіево-могилянской академіи, о вызванной казацкими войнами исторіографіи, — но почти ничего не говоритъ о литературномъ движеніи въ юго-западной Руси, предшествовавшемъ религіозной уніи и казацкой реакціи. Это движеніе имѣло центрами Вильну, Острогъ и Львовъ. До сихъ поръ единственныя сочиненія, которыя знакомятъ сколько-нибудь съ этимъ литературнымъ движеніемъ—это г. Максимовича «Книжная старина южнорусская» во «Временникѣ», издаваемомъ Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1849 г. № 1 и 3, — статья, имѣющая впрочемъ преимущественно библіографическій характеръ, и г. Костомарова «Южная Русь въ концѣ XVI в.» въ III т. «Монографій». Сокращеніе изъ статьи г. Максимовича сдѣлано имъ же въ «Письмахъ о князьяхъ Острожскихъ» (Кіевъ. 1866). Обѣ статьи даютъ возможность только предполагать, какой интересный пунктъ исторіи просвѣщенія на Руси представляетъ литературное движеніе въ юго-западной Руси XVI в., но полнаго понятія о немъ нельзя составить, потому что ни одинъ памятникъ изъ напечатанныхъ въ то время не былъ изданъ вновь ученымъ образомъ теперь, а многое остается и до сихъ поръ въ рукописи, а все вообще пользуется у нашихъ ученыхъ и педагоговъ тѣмъ (просвѣщеннымъ, конечно)—невниманіемъ, какимъ награждается у насъ все, что относится къ прошлому и настоящему Южной Руси, несмотря на то, что она украшена тремя университетами и столькими же учебными округами. Впрочемъ, для размѣровъ статьи г. Прыжова, для изображенія общаго характера литературной дѣятельности старой Малороссіи достаточно и тѣхъ данныхъ, какія представляютъ названныя статьи гг. Максимовича и Костомарова.

У насъ вообще слишкомъ односторонне смотрятъ на западно-русскую литературно-печатную дѣятельность XVI в. и дѣлаютъ изъ нея слишкомъ односторонній выборъ. На нее смотрятъ только, какъ на православную реакцію пропагандѣ като-

[1]) Лѣтописи, изд. Н. Бѣлозерскимъ, тоже опущены г. Прыжовымъ.

лицизма. Между тѣмъ, литературное движеніе Литвы и Волыни въ XVI в., правда, сосредоточивалось около религіозныхъ вопросовъ, но было отраженіемъ литературнаго движенія эпохи возрожденія наукъ и реформаціи, общаго всѣмъ тогдашнимъ европейскимъ странамъ, въ число которыхъ входила и тогдашняя Южная Русь, хотя, конечно, отраженіемъ слабѣйшимъ. Насильственный характеръ уніи и казацко-крестьянская реакція надломили начавшееся литературное движеніе и сократили его въ борьбу за догматы православія, — съ какимъ характеромъ является преимущественно литература кіево-могилянскаго періода. Но болѣе раннее литературное движеніе имѣло болѣе широкій характеръ. На тогдашнемъ русскомъ (западно-русскомъ) литературномъ языкѣ, развившемся на почвѣ малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій, писали и католики и протестанты, какъ и православные. И духъ пропаганды, и свойственное времени реформаціи вниманіе къ массамъ народа, побуждали тогдашнихъ писателей оставлять латынь и церковно-славянщину для языка русскаго; хотя, съ другой стороны, необходимость обращаться къ европейскому общественному мнѣнію заставляла борющіяся религіозныя и политико-національныя партіи писать и по латыни, — а нападки католиковъ и протестантовъ на непонятность церковно-славянскаго языка и сильная подмѣсь къ тогдашнему церковному языку западной Руси чужихъ словъ заставляли многихъ ревнителей православія изучать и обработывать свой церковный языкъ и священныя книги и при этомъ обращаться для свѣрки къ языку греческому. Словомъ, XVI в. вмѣстѣ съ началомъ XVII-го для Южной Руси, какъ и для всей современной Европы, былъ вѣкомъ переводовъ священнаго писанія на народный языкъ, изученія латинскихъ и греческихъ отцовъ и писанія политико-религіозныхъ памфлетовъ, — въ родѣ *либелловъ*, которыми такъ богаты литературы Европы въ упомянутое время.

Первая книга, напечатанная на русскомъ языкѣ, была «Библія Руска», переведенная съ Вульгаты католикомъ докторомъ Францискомъ Скориною изъ Полоцка, вышла въ Прагѣ въ 1517—1519 г. иждивеніемъ виленскаго мѣщанина Богдана Онькова. Она предупредила чешскій переводъ библіи (1555) и польскіе (1561 и 1563 г.). Церковно-славянскія книги: Часословъ, Псалтырь, Октоихъ и Тріодь были напечатаны Швайпольтомъ Фѣолемъ еще въ 1491 г. въ Краковѣ, откуда печатникъ, обвиненный въ ереси, бѣжалъ въ Венгрію. Въ 1525 г., уже въ Вильнѣ, Скорина напечаталъ въ типографіи, заведенной въ домѣ бурмистра Якова Бабича, Апостолъ, Псалтырь, Акаѳисты и др. Въ 1562 г., въ Несвижѣ напечатанъ «Катихизисъ для простыхъ людей языка

Рускаго», сочиненный кальвинистомъ Симономъ Буднымъ съ товарищи, иждивеніемъ кн. Николая Радивила Чернаго. Вотъ первенцы печати церковно-славянской и русской, начало которой обыкновенно несправедливо ставятъ въ 1563—64 г., когда Иванъ Өедоровъ съ товарищами напечаталъ Апостолъ въ Москвѣ. Московскіе печатники, обвиненные въ ереси, бѣжали къ гетману литовскому и воеводѣ русскому (кіевскому) гр. Ходкевичу, который завелъ типографію въ Заблудовѣ (Гродн. губ.), выпустившую Евангеліе и Псалтырь въ 1568 — 69 гг. Өедоръ переселился, по смерти гетмана, во Львовъ, гдѣ издалъ Апостолъ, — первенца печати червоно-русской въ 1573—74 г., а потомъ въ Острогъ къ кн. Конст. Конст. Острожскому, гдѣ, послѣ свѣрки съ греческимъ текстомъ, былъ изданъ по церковно-славянски Новый Завѣтъ и Псалтырь въ 1580 г. До 1616 г., когда основана была типографія въ Кіевѣ, на Руси было напечатано, по счету г. Максимовича («Книжная Старина», продолж. въ «Кіевлянинѣ», 1850), 112 изданій, изъ коихъ въ Литвѣ 42, въ Галиціи и на Волыни 42, въ Москвѣ—28. Въ этой печати принимали участіе далеко не одни только православные, а и католики и протестанты. Вообще вліяніе послѣднихъ на тогдашнюю юго-западную Русь было довольно сильно, даже на православныхъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ письма кн. Конст. Конст. Острожскаго, который называлъ кальвинистовъ «послѣдователями истиннаго закона Христова». Когда былъ поднятъ вопросъ объ уніи, кн. Острожскій писалъ извѣстному Поцѣю,—что онъ одобряетъ мысль соединенія православныхъ съ католиками, но считаетъ унію правильною только тогда, еслибы и другіе православные, близкіе къ южно-руссамъ, москвичи и валахи приступили къ соединенію. Для этого онъ предлагалъ владимірскому епископу ѣхать въ Москву, а львовскому къ волохамъ. При совмѣстномъ заключеніи уніи кн. Острожскій предлагалъ многое исправить и измѣнить въ церковномъ устройствѣ, обрядахъ, въ ученіи относительно св. тайнъ и «отдѣлить отъ церкви человѣческіе вымыслы». Поцѣй не считалъ что-либо нужнымъ мѣнять въ тогдашнемъ православіи, въ Москву же ѣхать рѣшительно отказался, опасаясь «съ такимъ посольствомъ попасть подъ кнутъ». Вскорѣ послѣ брестской уніи вышло сочиненіе «Апокрозисъ» русина и православнаго Христофора Бронскаго,— который требовалъ равнаго и свободнаго участія свѣтскихъ людей въ дѣлахъ вѣры наравнѣ съ духовными, а ученіе о безусловномъ повиновеніи духовенству называлъ «наукою и разсказаніемъ не христіанскихъ, але жидовскихъ докторовъ, рабиновъ и рабасовъ, которые въ Талмутѣ безчисленное количество глу-

ныхъ и брыдливыхъ, Божему прироженому и писаному праву противныхъ фальшовъ и кламствъ написавши,—подъ потопленіемъ тому всему своимъ жидамъ вѣрити росказали, оже бы ся дообаченья приходити не могли.»

Въ Южной Руси издавна свѣтскіе люди участвовали въ выборѣ священнослужителей, а Бронскій требовалъ права паствы и низлагать ихъ. Нѣкоторые готовы видѣть въ Бронскомъ признакъ только упадка православія, вслѣдствіе отпаденія духовенства въ унію, а въ словахъ Острожскаго признакъ ослабленія православія, вслѣдствіе неустройствъ церкви и слабости просвѣщенія православнаго духовенства. Но едвали не правильнѣе будетъ видѣть въ приведенныхъ мысляхъ Острожскаго и Бронскаго, которые оба были ревнители православія, признаки сильнаго возбужденія мысли въ южно-русскомъ обществѣ XVI в., которое хотѣло, не отрываясь отъ ставшей національною вѣры, произвести въ ней преобразованія и дать просторъ личной совѣсти и уму,—а также черты православно-реформаціоннаго, чуждаго узкаго сектантства, свободомыслія, свойственнаго южноруссамъ вообще.

Проявленіе идей реформаціи и возрожденія затронуло близко и другіе важные вопросы въ Южной Руси: отношеніе свѣтскаго образованія къ духовно-аскетическому и вопросъ о языкѣ для богослуженія. О положеніи этихъ вопросовъ въ умахъ русскихъ людей въ XVI в. можно судить по обличительному сочиненію монаха Іоанна изъ Вишни, напечатанному съ рукописи Публичной библіотеки въ «Актахъ южной и Западной Россіи», II т. Православный монахъ жалуется на чтеніе Платона и Аристотеля и «другихъ подобныхъ имъ машкарниковъ и комедійниковъ», жалуется на свѣтскость высшаго православнаго духовенства, на отступленія его отъ строгой воздержности. Очевидно, что и въ Южной Руси происходило тоже, что дѣлалось въ Европѣ въ эпоху возрожденія и реформаціи. Чтеніе языческихъ писателей возбудило между прочимъ свободомысліе, которое не нравилось благочестивымъ людямъ. Это свободомысліе, приводившее многихъ къ реформаціоннымъ идеямъ, попадая въ сферу богатаго духовенства, соединилось съ непосредственнымъ сенсуализмомъ и матеріалистическимъ скептицизмомъ, свойственнымъ всѣмъ эксплуататорамъ, подрывало окончательно узы традиціональной морали, сдерживавшія въ извѣстной мѣрѣ эгоизмъ и чувственность. Такъ было нѣкогда съ католическими прелатами-язычниками временъ Александра VI и Льва X, такъ было и съ аристократами временъ регентства и Людовика XVI. А этотъ развратъ оффиціальныхъ блюстителей морали вызывалъ въ благочестивыхъ людяхъ

реакцію противъ идей, которыми онъ прикрывался, но въ тоже время наводилъ ихъ на мысли о необходимости реформировать церковь и общество, и такимъ образомъ реакціонеры сходились съ свободными мыслителями, какъ сходились въ мысли о необходимости реформы въ католицизмѣ и классики Макіавелли и Цвингли, и суровые монахи Саванаролла и Лютеръ. Очевидно, что нѣчто подобное, хотя въ меньшей степени, творилось и въ южно-русскомъ обществѣ XVI в., и Іоаннъ изъ Вишни обличалъ духовенство своего времени не хуже протестантовъ и Христофора Бронскаго. Свѣтское образованіе и чтеніе классиковъ подкапывалось подъ церковно-славянскій языкъ, который тоже защищаетъ Іоаннъ изъ Вишни. Подъ него шелъ подкопъ съ двухъ сторонъ. Вѣрные своему стремленію распространенія вѣры въ массахъ, протестанты и въ западной Руси взялись за народный языкъ, стараясь на немъ изложить вѣроученіе и священное писаніе, оставивъ церковно-славянскій языкъ, какъ мало понятный народу, хотя по духу пропаганды могли прибѣгать къ этому языку, какъ къ средству вліянія на православныхъ. Съ другой стороны іезуиты, опираясь на важность латинскаго языка, какъ связи въ то время всѣхъ образованныхъ народовъ Европы, старались эксплуатировать эту важность въ пользу католической латыни и противъ церковно-славянскаго языка (Скарга: «O Jedności wiary»). При этомъ духъ интриги и пропаганды заставлялъ и іезуитовъ прибѣгать и къ народному русскому и къ церковно-славянскому языку, хотя и тотъ и другой въ большинствѣ случаевъ былъ имъ ненавистенъ. Ревнители православія по реакціи должны были крѣпче прилѣпиться къ церковно-славянскому языку, какъ къ внѣшнему признаку православія. «По дьявольскому навожденію, говоритъ Іоаннъ изъ Вишни, славянскій языкъ обмерзѣлъ многимъ: его не любятъ и хулятъ; но онъ есть плодоноснѣйшій и любимѣйшій Богомъ языкъ человѣческій именно за то, что на немъ нѣтъ ни грамматики, ни риторики, ни діалектики, ни прочихъ коварствъ дьявольскаго тщеславія». Издательская дѣятельность въ Острогѣ и потомъ въ Кіевѣ имѣла цѣлію поддержаніе церковно-славянскаго языка, причемъ кіевскіе дѣятели на наивной защитѣ Іоанна изъ Вишни не остановились, а почувствовали необходимость для церковно-славянскаго языка грамматики, риторики и діалектики, а вообще для православнаго человѣка науки. При этомъ необходимость вести борьбу за вѣру и народность заставила православныхъ прибѣгать и къ латинскому и польскому языку (М. Смотрицкій, П. Могила). Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта борьба вѣръ и языковъ въ юго-западной Руси, еслибы ей предоставлено было свободное развитіе,

но насильственныя мѣры въ пользу уніи привели къ преобладанію католицизма и польскаго языка въ дворянствѣ, усилили реакцію въ пользу церковно-славянскаго языка, въ небольшомъ числѣ оставшагося православнаго духовенства, а національно-сословная вражда массъ къ шляхтѣ сблизила ихъ съ православной партіей въ духовенствѣ, — такъ что умственное религіозное движеніе XVI в. сильно съузилось. Впрочемъ, оно не осталось вовсе безъ слѣдовъ: языкъ литературы кіево-могилянскаго періода все-таки приблизился къ народному, извѣстная доля прежняго свободомыслія давала возможность развиться достаточно сильной терпимости, даже въ духовенствѣ, какъ можно видѣть на примѣрѣ такихъ людей, какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ; на немъ же и даже на такихъ лицахъ, какъ Дмитрій Ростовскій, можно видѣть, что не прошло безъ слѣда для южно-русскаго общества и то знакомство съ свѣтскимъ, классическимъ образованіемъ, которое проникало изъ Италіи и Германіи въ Польшу и западную Русь въ XVI и XVII в. Политическая и соціальная борьба съ Польшею вызвала богатое развитіе исторической литературы и поэзіи; извѣстное же сближеніе вѣры съ жизнью вызвало зародыши національной драмы.

Дѣятельность кіево-могилянской академіи, равно какъ и историческая и драматическая литература XVII и XVIII в. въ Южной Руси характеризованы сжато, но довольно полно въ брошюрѣ г. Прыжова, хотя и мѣстами и недостаточно систематично. Г. Прыжовъ даетъ довольно большое значеніе казачеству, даже въ умственной дѣятельности Южной Руси. Г. Прыжовъ выражается такъ: «Несправедливо говорили поляки, что казаки — это ни больше, ни меньше, какъ разбойничья шайка, несправедливо писалъ и Самойловъ, что запорожцы — это «мамілюки, разбойники, бродяги, развращенные» и, наконецъ, сами историки великорусскаго народа говорили, что казаки — это не что иное, какъ искатели зипуновъ» (стр. 43). Историкъ политическій не можетъ не цѣнить Запорожья въ дѣлѣ поднятія знамени русской народности, оставленнаго южно-русскимъ дворянствомъ скоро послѣ уніи, и въ дѣлѣ сближенія съ крестьянствомъ казачества, которое было до того отдѣльнымъ сословіемъ и возставало прежде (бунтъ Косинскаго) только за свои сословныя права. Обѣ стороны значенія Запорожья дѣлаются замѣтными съ эпохи Сагайдачнаго и окончательно проявляются во время Богдана Хмельницкаго. Но казачество не оставалось безъ вліянія и на ходъ литературнаго развитія Южной Руси. «Въ это время, говоритъ г. Прыжовъ, въ Южной Руси совершается необыкновенно замѣчательное явленіе. Церковь и гражданинъ соединяются въ одно:

монахъ подаетъ руку воину. Вся прошедшая жизнь приводила къ тому, что монахъ часто становился въ ряды казаковъ, а казаки дѣлались монахами. Монахи благословляли казаковъ на битву, они же святили ножи, и въ тоже время запорожецъ шелъ въ монахи, а войсковой судья вдругъ дѣлался митрополитомъ. Монахъ и казакъ одинаково были гражданами своей земли, одинаково служили просвѣщенію, заводили школы, изучали свою исторію, занимались поэзіей.

Тимъ-то и сталась по всему світу
Страшенная козацькая сила,
Що у васъ, панове молодці,
Була воля и душа едина!...

«Этотъ братскій союзъ всей земли сказался особенно въ двухъ великихъ людяхъ Южной Руси начала XVI в., въ гетманѣ Петрѣ Конашевичѣ Сагайдачномъ и кіевскомъ митрополитѣ Петрѣ Могилѣ. Гроза турокъ и татаръ, суровый Петръ Конашевичъ Сагайдачный даетъ сиротствующему кіевскому престолу митрополита Іова Борецкаго, на свой счетъ возобновляетъ Богоявленское кіевское братство, учреждаетъ фундацію на школу братства львовскаго, и рука, которая вчера еще громила турокъ, теперь пишетъ объясненіе на унію». «Петръ Могила — сынъ Семеона Могилы, бывшаго господаремъ Молдавіи. Родился онъ въ 1597 г. и, по преданію, воспитывался въ Парижѣ, потомъ служилъ въ польскихъ войскахъ и участвовалъ въ битвѣ съ турками подъ Хотинымъ (совмѣстно съ Сагайдачнымъ). Въ 1626 г. онъ является въ Печерскомъ монастырѣ, а въ 1628 г. избранъ митрополитомъ. Онъ самъ такъ разсказывалъ о своей дѣятельности: «Когда Богъ благословилъ мнѣ быть пастыремъ столицы митрополіи кіевской, и прежде того еще архимандритомъ Печерской Лавры, — съ того времени, видя упадокъ *благочестія* (православія) въ народѣ русскомъ ни отчего иного, какъ оттого, что не было никакого наставленія и наукъ, я положилъ обѣтъ мой Господу Богу, все мое имущество, доставшееся отъ родителей и что только, за должнымъ удовлетвореніемъ святыхъ мѣстъ, мнѣ ввѣренныхъ, останется отъ доходовъ съ имѣній, имъ принадлежащихъ, обращать частію на обновленіе разрушенныхъ домовъ Божіихъ, которыхъ жалкія остались развалины, и частію на основаніе школъ въ Кіевѣ, правъ и вольностей народа русскаго». Извѣстно, что Петръ Могила исполнилъ свой обѣтъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ учрежденіе братской школы, превращенной потомъ въ кіево-могилянскую коллегію, печерской типографіи, литературная дѣятельность и дѣятельность на сеймахъ въ пользу православія, поддержанная казаками.

Близости духовенства съ казачествомъ, а слѣдовательно съ массами народа, слѣдуетъ приписать проявленіе жизненности въ южно-русской литературѣ XVI—XVIII в., которая иначе грозила остаться исключительно схоластической или псевдо-классической. Несмотря на приверженность къ церковно-славянскому языку, кіевское духовенство въ концѣ XVI в. приготовило изложеніе православнаго исповѣданія на малорусскомъ нарѣчіи, на печатаніе котораго получило дозволеніе отъ московскаго патріарха Адріана. Въ другихъ родахъ литературы струя жизненно-народная была еще сильнѣе. Вслѣдствіе жизненности религіи въ Южной Руси, какъ нѣсколько раньше въ западной Европѣ, создалась церковная драма, которая все больше принимала народный характеръ и переходила въ политическую драму и даже комедію. Уже вертепная драма, временъ Сагайдачнаго (1600—1620 г.), написанная на церковно-славянскомъ языкѣ, вставляетъ интермедію на народномъ языкѣ и въ число дѣйствующихъ лицъ вводитъ не только Ирода и компанію, но и лицъ изъ народа, поляка, казаковъ,—вводитъ и народную пѣсню:

Да не буде лучче,
Да не буде краще,
Якъ у насъ на Украини,—
Що не мае жида,
Що не мае ляха,
Не мае Уніи.

Драма Ѳеофана Прокоповича «Милость Божія, Украину черезъ Богдана Хмельницкаго освободившая и возвеличившая», представленная въ Кіевѣ въ 1728 г., есть уже народно-политическая драма. Въ комедіяхъ и мистеріяхъ Довгалевскаго, учителя піитики въ Кіевѣ (1736) выводятся казаки, литвины, москали, ксендзы, жиды, поляки, живыя лица, говорящія живымъ языкомъ,—а сцена, изображающая ляха-пана съ литвинами (бѣлоруссами)—подданными, представляетъ рѣшительный протестъ противъ крѣпостного права, которому подобнаго тщетно бы мы стали искать въ тогдашней аристократически-придворной литературѣ сѣверной Россіи, равно какъ и такой жизненности изображеній! Церковная драма переходила съ юга Россіи и на сѣверъ, но здѣсь она не пользовалась благорасположеніемъ и оставалась въ тѣсныхъ библейскихъ рамкахъ. Скоро она замѣнилась театромъ псевдо-классическимъ, тоже чуждымъ жизни народной и русской, какимъ онъ оставался до самого XIX в. На югѣ Россіи обстоятельства не позволили развиться болѣе совершенной народной драмѣ, и хотя попытки Котляревскаго представляютъ любопытные для своего времени (конецъ XVIII и

начало XIX в.) опыты народной драмы и комедіи, довольно родственной старымъ опытамъ, но, къ сожалѣнію, малорусская сцена дальше не пошла, несмотря на то, что народная жизнь, пѣсни и исторія полны драматическихъ сюжетовъ.

Другая сфера литературной дѣятельности въ Южной Россіи уже прямо обязана своимъ развитіемъ казачеству. Это исторіографія, богатство которой въ XVII и началѣ XVIII в. представляетъ такой контрастъ бѣдности національной исторіографіи въ тогдашней сѣверной Руси. Далеко не всѣ памятники исторіографіи Южной Руси дошли до насъ, не все изъ того, что уцѣлѣло, издано, — а все почти не пользуется вниманіемъ нашей науки и школы, а потому едва извѣстно по именамъ. А между тѣмъ одно перечисленіе важнѣйшихъ памятниковъ этой исторіографіи указываетъ на ихъ значеніе. Это «Лѣтопись Самовидца о войнахъ Хмельницкаго», «Діаріушъ» Самуила Зорка, писаря въ Кошѣ, не дошедшій до насъ, но послужившій источникомъ Величку; «Сказаніе о войнѣ казацкой» Величка, реестры всего войска запорожскаго, бывшіе въ рукахъ Максимовича и имъ описанные, но до сихъ поръ неизданные и, по всей вѣроятности, пропавшіе (г. Прыжовъ, кажется, считаетъ ихъ напечатанными), лѣтопись Максима Плиска, доведенная до 1780 г., Григорія Грабянки «Небывалая брань Б. Хмельницкаго съ поляками», Марковича записки, Діаріушъ Ханенка, «Исторія Руссовъ» (псевдо) Конисскаго и т. д. Отличительная черта историческихъ сочиненій южно-русскихъ — большое вниманіе къ актамъ, которые иногда цѣликомъ приводятся въ сочиненіи,—а черезъ то значительная обстоятельность. При этомъ весьма многіе авторы обладали значительною для своего времени начитанностью, знакомствомъ съ всеобщей исторіей, съ польскими и литовскими хрониками, русскими лѣтописями, важнѣйшими историко-политическими трактатами западно-европейской литературы, напр. исторіей Германіи Пуффендорфа и т. п. Замѣчательно, что относительная ученость не мѣшала прелестной наивности разсказа, которою особенно отличается «Сказаніе Самуила Велички», представляющее безспорно одно изъ лучшихъ произведеній старинной русской исторіографіи. Это сказаніе, равно какъ и исторія руссовъ превосходятъ всѣ остальныя произведенія южно-русской литературы XVIII вѣка.

Г. Прыжовъ кратко характеризуетъ ихъ, и мы имѣемъ только два возраженія противъ его словъ: первое—что онъ напрасно отдаетъ послѣднему произведенію первенство въ южно-русской исторіографіи, а во-вторыхъ, что онъ напрасно оспариваетъ мнѣніе г. Максимовича, нынѣ признанное всѣми,—что «Исторія Руссовъ» писана не Конисскимъ. Промахи и противорѣчія ея съ

другими сочиненіями, несомнѣнно принадлежащими Конисскому, слишкомъ явны; притомъ же самъ Конисскій не говоритъ, что онъ писалъ «Исторію Руссовъ». На это произведеніе надо смотрѣть, какъ на памфлетъ въ пользу правъ и вольностей руссовъ, т.-е. малороссіянъ, памфлетъ, мѣстами чрезвычайно ѣдкій и даже художественный (напр. тамъ, гдѣ онъ изображаетъ насилія, производимыя солдатами, по словамъ которыхъ «куры, гуси, дѣвки, молодицы,—все наше, по праву воина и по приказу его благородія»), а не какъ на внѣшне-фактическую исторію, тогда онъ составитъ незамѣнимый памятникъ состоянія просвѣщенія и политическихъ идей Малороссіи въ половинѣ XVIII в. Но, къ сожалѣнію, съ этой точки зрѣнія «Исторія Руссовъ» не была никѣмъ еще разсмотрѣна. Намъ казалось бы, что теперь, когда печатаются рѣчи и записки малороссійскихъ депутатовъ въ коммиссіи 1767 г., въ которой они защищали равноправность сословій и свободу крестьянъ, настало время оцѣнки и «Исторіи Руссовъ», которая была передана Конисскимъ роменскому депутату Полетикѣ, какъ руководство исторіи его родины, необходимое для справокъ члену коммиссіи составленія законовъ. По поводу Велички мы сдѣлаемъ только одно замѣчаніе г. Прыжову, что онъ напрасно называетъ Величка войсковымъ писаремъ (стр. 32). Войсковый писарь былъ чинъ генеральный и соотвѣтствовалъ канцлеру или министру иностранныхъ дѣлъ,—Величка же былъ просто канцеляристъ гетманской канцеляріи.

Если конецъ XVII и начало XVIII в. въ Малороссіи изобилуютъ историческими сочиненіями лицъ близко участвовавшихъ въ событіяхъ казацко-украинской исторіи,—то вторая половина XVIII в. обильна сводами историческихъ свѣдѣній о Малороссіи и ея географическими и статистическими описаніями. Изъ послѣднихъ особенно важно многотомное румянцовское описаніе Малороссіи, послужившее матеріаломъ для Чепы—«Записки о Малороссіи, ея жителяхъ и произведеніяхъ» (1798) и Шафанскаго—«Краткое географическое и историческое описаніе Малой Россіи» (1786). Румянцовское описаніе Малороссіи составлялось коммиссіей съ 1765 — 68 года. Конисскій говоритъ, что оно нечаянно уничтожилось, но г. Лазаревскій нашелъ изъ нея въ архивѣ черниговской казенной палаты 148 фоліантовъ около 1,000 листовъ каждый, обнимающихъ полки Черниговскій, часть Кіевскаго, Нѣжинскій, Стародубскій, часть Прилуцкаго и Смѣлянскую сотню Лубенскаго. Въ настоящее время эти томы находятся въ библіотекѣ черниговскаго губернскаго статистическаго комитета и часть изъ нихъ (полки Нѣжинскій, Кіевскій и Черниговскій) описаны г. Ал. Лазаревскимъ («Обозрѣніе Румянцовской

описи Малороссіи», изд. черн. губ. стат. ком. вып. I и II, Черниговъ, 1866 и 1867 г.). Въ обработкѣ исторіи Малороссіи принимали участіе и малороссіяне, воспитанники кіевской академіи, какъ Симоновскій (учившійся потомъ за границей), Бантышъ-Каменскій, Рубанъ и другіе, такъ и иностранцы Ригельманъ (поселившійся въ Малороссіи) и Миллеръ. Централизація образованія въ Москвѣ и Петербургѣ отвлекла къ концу XVIII в. умственныя силы Малороссіи, а съ другой стороны пособія правительства обратились на изученіе исторіи Руси Московской,— а потому такъ блистательно начатое изученіе судебъ Южной Россіи ослабѣло. Какъ ни почтенны въ своемъ родѣ труды Бантыша-Каменскаго (младшаго) и Н. Маркевича для исторіи Малороссіи,—но ихъ нельзя поставить на ряду съ современными имъ трудами по исторіи сѣверной Руси, и едва-ли не слѣдуетъ упрекнуть г. Прыжова въ преувеличеніи, когда онъ говоритъ, что Д. Н. Бантышъ-Каменскій обезсмертилъ себя исторіей Малой Россіи. Да и трудно было, и трудно до сихъ поръ равняться изучающимъ исторію и жизнь Малороссіи съ изучающими Русь сѣверную. Послѣдніе издавна воспитывались въ лучшихъ учебныхъ заведеніяхъ, университетахъ, которые Южная Русь получила позже, опирались и опираются на правительственныя пособія, на ученыя общества, занимали и занимаютъ университетскія каѳедры на сѣверѣ и югѣ Россіи, имѣютъ органами своихъ трудовъ журналы, сосредоточенные въ Петербургѣ и Москвѣ, которые, хотя и сбываются въ не маломъ количествѣ на югѣ Россіи, однакожъ (что, пожалуй, и естественно, — хотя не совсѣмъ справедливо) имѣютъ въ виду удовлетвореніе интереса ближайшей къ нимъ публики и весьма рѣдко помѣщаютъ статьи по исторіи и этнографіи мало знакомаго имъ юга Россіи. Люди, изучающіе жизнь Малороссіи, были прежде воспитанники духовныхъ заведеній, отстававшіе въ образованіи отъ воспитанниковъ университетовъ, потомъ, если и университетскіе, то не занимая независимыхъ и богатыхъ досугомъ мѣстъ, должны работать для своей спеціальности урывками между другихъ, большею частью постороннихъ дѣлъ, принятыхъ ради пріобрѣтенія средствъ къ жизни, — должны издавать свои труды исключительно на собственныя средства, — такъ что еще удивительно, что все-таки не мало сдѣлано для исторіи и этнографіи Южной Руси. Только съ сороковыхъ годовъ, благодаря тому, что г. Бодянскій сталъ редакторомъ «Чтеній въ Московскомъ Обществѣ исторіи и древностей»,—началось печатаніе важнѣйшихъ памятниковъ исторіографіи южно-русской XVII и XVIII в., и въ тоже время политическое положеніе западнаго края побудило правительство помочь ученой

разработкѣ исторіи изданіемъ документовъ ея, которымъ занялась археографическая коммиссія въ Кіевѣ, и петербургская. Эти изданія, можно сказать, создали южно-русскаго историка, котораго смѣло можно поставить въ числѣ лучшихъ современныхъ историковъ, Н. И. Костомарова. Во всякомъ же случаѣ даже новые труды гг. Костомарова, Кулиша и др., по исторіи Южной Россіи еще далеко не исчерпали даже того матеріала, который даютъ до сихъ поръ изданные акты и памятники южно-русской исторіографіи XVII и XVIII в. А сколько еще не издано!

Если памятники этой исторіографіи были результатомъ солидарности южно-русскаго казачества и наиболѣе образованнаго въ старой Руси сословія — духовенства, то плодомъ солидарности казачества съ народомъ была богатая народно-историческая поэзія Украины. Г. Прыжовъ говоритъ, что ни одинъ славянскій народъ не имѣетъ такой богатой исторической поэзіи. Съ этимъ нельзя согласиться: изъ славянъ богаче всѣхъ въ этомъ отношеніи сербы. И это совершенно понятно: общенародная героическая жизнь протянулась у нихъ до самаго XIX в.,—когда наконецъ вниманіе образованнаго общества всей Европы обратилось къ народной поэзіи, а потому сербскій эпосъ записанъ въ такой полнотѣ, какъ ни одинъ изъ славянскихъ. Между тѣмъ южно-русскій историческій эпосъ обратилъ на себя вниманіе записывателей только тогда, когда народно-героическій вѣкъ довольно далеко отодвинулся въ прошлое, а потому мы имѣемъ его далеко не въ полномъ видѣ,—и только по такимъ образчикамъ, какъ думы о Кушкѣ, Хмельницкомъ и др., можемъ гадать, что эпосъ этотъ былъ не меньше, а можетъ быть и больше сербскаго, и можемъ оцѣнить всю потерю, которая была послѣдствіемъ небреженія нашего общества къ Южной Руси съ половины XVIII вѣка. Южно-русскій историческій эпосъ, всецѣлое произведеніе казачества, можетъ всего лучше опровергнуть мнѣніе, что казаки Южной Руси были только разбойники и искатели зипуновъ, элементъ противуобщественный. По странному совпаденію обстоятельствъ въ такомъ взглядѣ на южно-русское казачество сходятся польскіе писатели и наши историки московско-государственнаго направленія. Понятно, что поляки съ трудомъ согласятся смотрѣть иначе на южно-русское казачество. Русскіе историки до тѣхъ поръ будутъ такъ смотрѣть на него, пока не признаютъ въ исторіи Малороссіи нѣкоторыхъ особенностей сравнительно съ исторіей Руси московской. Нѣсколько узковатый взглядъ на казачество, какъ на противуобщественный элементъ имѣетъ еще нѣкоторый смыслъ въ примѣненіи къ казачеству восточному — донско-уральскому, но вовсе не годится для оцѣнки казачества

западнаго, малорусскаго. Казачество восточное имѣетъ значеніе, какъ протестъ противъ крѣпостныхъ порядковъ XVI—XVIII в. и какъ проявленіе русской колонизаціи въ степяхъ. Но въ первомъ случаѣ оно имѣетъ чисто отрицательное значеніе, а во-второмъ слишкомъ мѣстное: казаки донскіе, уральскіе весьма рѣдко отожествлялись съ остальными московскими землями, и если даже поднимали возстаніе крестьянъ въ сосѣднихъ областяхъ, то при Стенькѣ Разинѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что и при Разинѣ и при Пугачевѣ въ возстаніяхъ восточныхъ казаковъ принимали участіе и люди изъ западнаго казачества. Во всякомъ же случаѣ казачество восточное представляло только одинъ слой русскаго народа—низшій; слои же, которые были такъ или иначе, но все же культурные — духовенство и дворянство, не принимали въ нихъ никакого участія. Протестуя противъ существовавшихъ въ Московскомъ государствѣ порядковъ, казаки только инстинктивно чувствовали возможность другихъ порядковъ и, будучи слабы въ культурномъ отношеніи, не могли подняться до сознательныхъ, не только положительныхъ, но и отрицательныхъ началъ. Притомъ же протестовать имъ приходилось противъ правительства единовѣрнаго и единонаціональнаго, т.-е. такого, отвергнуть принципы котораго могли бы только весьма сознательныя головы. Поэтому великорусскій удалъ-добрый молодецъ, до самого Пугачева включительно, путался, когда желалъ опредѣлить свою роль, какъ видно очень хорошо и изъ народныхъ пѣсенъ. Такъ одна пѣсня жалуется на воеводу за то, что онъ «воръ-собака заѣдаетъ жалованье», но особенно за то, что мѣшаетъ грабить корабли на Волгѣ; другая жалуется, что казаковъ зовутъ ворами и разбойниками, — и объясняетъ: «мы вѣдь, братцы, не воры, не разбойнички, Стеньки Разина мы работнички», и дальше заявляетъ, что «гуляемъ мы на Волгѣ не первый годъ, воровства и грабительства довольно есть». Отъ этого удалъ-молодецъ по большей части въ концѣ концовъ сознаетъ себя виноватымъ и, или винится передъ царемъ и народомъ на плахѣ, или старается заслужить свои вины передъ государемъ, какъ Ермакъ въ пѣснѣ и дѣйствительности.

Казачество, кромѣ протеста противъ тяжкихъ для народа общественныхъ порядковъ, имѣетъ еще въ русской исторіи значеніе элемента колонизующаго и защищающаго русскую землю отъ чужеземцевъ. Эту роль исполняло, какъ казачество западное, такъ и восточное; но обстоятельства, при которыхъ дѣйствовала каждая часть казачества, были различны, а потому различны были и формы дѣйствія и нравственный складъ обѣихъ частей дѣйствующаго элемента. На Дону, Волгѣ, Уралѣ и въ Сибири каза-

чество достигло своего полнаго развитія тогда, когда уже на востокѣ Россіи инородческій элементъ былъ въ значительной степени ослабленъ дѣятельностью Московскаго государства, казачество здѣсь не имѣло уже значенія оборонительнаго элемента, а было уже наступательнымъ, особенно на Уралѣ и въ Сибири. Такой же характеръ имѣли и набѣги донцовъ и яицкихъ казаковъ по Черному и Каспійскому морю, особенно послѣднему: персы никогда вѣдь не угрожали русскимъ. Поэтому война съ невѣрными восточнаго казачества по большей части носила характеръ добыванія зипуновъ, весьма часто бывшаго чрезвычайно вреднымъ для государства. Въ томъ же случаѣ, когда казачество это служило государству, какъ, напр., въ подчиненіи закамскихъ инородцевъ, наступательный наплывъ на послѣднихъ, ничѣмъ съ ихъ стороны не вызванный, долженъ былъ развить въ наступателяхъ безчеловѣчно-эгоистическое презрѣніе къ чужакамъ, — быть можетъ, и полезное для государственныхъ цѣлей, но вредное въ нравственномъ отношеніи.

Всѣхъ указанныхъ особенностей были далеко не чужды и казаки западные, малороссійскіе: они тоже далеко не прочь были поискать зипуновъ; да и кто отъ нихъ отказывался въ тѣ времена? кто отказывается и теперь? Но дѣло въ томъ, что рядомъ съ этими чертами въ малорусскомъ казачествѣ были и другія, — и это происходило вовсе не отъ какихъ-либо природныхъ преимуществъ однихъ казаковъ надъ другими, а отъ различія условій, въ которыя каждые были поставлены судьбою. Начавши разбоемъ и протестомъ за свои сословныя права (бунты Наливайки и Косинскаго), малорусскіе казаки поставлены были въ необходимость слить свое дѣло съ дѣломъ всего южно-русскаго народа (Сагайдачный и Богданъ Хмельницкій). Такъ какъ высшее южно-русское дворянство отпало отъ своей народности и вѣры, то казаки остались сильнѣйшими представителями того и другого, приняли въ себя и часть дворянства, оставшуюся вѣрною народности и православію и вступили въ тѣсный союзъ съ литературно-религіозными представителями южно-русской народности. Къ казакамъ присоединился сынъ господаря, человѣкъ европейскаго образованія, Петръ Могила, и достаточно образованные шляхтичи, какъ Сагайдачный и Хмельницкій, или Даніилъ Братковскій, авторъ сатирическихъ произведеній на польскомъ языкѣ, казненный шляхетскимъ судомъ за замыселъ возстанія православно-крестьянскаго населенія на правой сторонѣ Днѣпра, совмѣстно съ казаками Палія; южно-русское казачество принимало даже гонимые въ другихъ земляхъ, относительно высокіе культурные элементы, какъ аріане изъ Польши, давшіе

Южной Руси Немирича, вліянію котораго, а также протестанта Верещака, на Выговскаго слѣдуетъ приписать внесеніе такихъ условій въ гадячскія статьи, какъ основаніе университетовъ и свободы печати; изъ бѣжавшихъ изъ Пруссіи еретиковъ происходилъ Иннокентій Гизель, членъ кіевскаго духовенства, которое такъ тѣсно связывалось съ казачествомъ. Какъ принятіемъ въ свою среду всей массы южно-русскаго народа казачество малорусское въ свою лучшую пору расширило свои стремленія, такъ принятіемъ въ себя культурныхъ слоевъ населенія оно достигло сознательности этихъ стремленій. Сознательности ихъ помогало и то обстоятельство, что бороться южно-русскимъ казакамъ пришлось противъ чужого, а не своего государства. Борьба южно-русскихъ казаковъ съ Польшей по всѣмъ этимъ причинамъ не была только протестомъ инстинктовъ, какъ борьба донскихъ и уральскихъ казаковъ противъ Московскаго государства, но борьбою принциповъ.

Также отличны были условія и формы борьбы малорусскихъ казаковъ противъ невѣрныхъ. Крымское ханство существовало до самаго конца XVIII в., не то, что Астраханское и Казанское; оно было силой, наступавшей на русскій народъ,—не то, что инородцы сибирскіе и уральскіе. Вмѣсто далекой и безобидной для Россіи Персіи тутъ была Турція, которая наступала въ самую глубь Южной Руси, и одно время владѣла Каменцемъ. Тутъ, слѣдовательно, была борьба за жизнь или смерть, и притомъ борьба со стороны малорусскаго племени болѣе оборонительная, чѣмъ наступательная, а потому и менѣе противная чувству гуманности. На походы южно-русскихъ казаковъ въ Турцію и Молдавію вовсе нельзя смотрѣть, какъ на стремленіе только добыть зипуновъ, которое ссорило польское государство съ турецкимъ. Польское государство имѣло право быть недовольнымъ тѣмъ, что казаки нападаютъ на Турцію, потому что польскому государству, какъ и московскому до тѣхъ поръ пока оно не завладѣло Малороссіей, не было надобности воевать съ Турціей, достаточно удаленной отъ собственно-польскихъ областей; но казаки малорусскіе, самовольно воюя съ турками, были представителями самостоятельной народной политики, на которую наталкивало Южную Русь ея положеніе. Иванъ Свирговскій, украинскій гетманъ XVI столѣтія, котораго дѣятельность такъ хорошо оцѣнена и разсказана въ монографіи г. Костомарова, Иванъ Свирговскій, затѣявшій совмѣстно съ молдаванами и волохами возстаніе православныхъ христіанъ противъ Турціи, есть народный начинатель восточнаго вопроса на Руси, вопроса, за который государство русское взялось только въ XVIII вѣкѣ. Без-

пристрастный читатель долженъ согласиться, что такая постановка вопроса должна была возбуждать въ народѣ и другія, высшія побужденія, чѣмъ исканіе зипуновъ.

Все сказанное можно было бы обильно подтвердить фактами изъ южно-русской исторіи, но такъ какъ мы имѣемъ въ виду только исторію словесности въ Южной Руси и касаемся политической исторіи только по связи ея съ исторіей литературы, то и подтвержденія сказанному приведемъ изъ памятниковъ народной словесности.

Обзоръ послѣдней у г. Прыжова, къ сожалѣнію, почти исключительно номенклатурный, хотя, какъ библіографическій указатель, заслуживаетъ полнаго вниманія и благодарности [1]). Имѣя въ виду хотя краткое, но наглядное подтвержденіе высказанныхъ нами мыслей о южно-русскомъ казачествѣ, мы приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ самыхъ историческихъ пѣсенъ и думъ малорусско-казацкаго эпоса. Борьба малорусскаго казачества съ татарами и турками предшествуетъ борьбѣ его съ поляками. Пѣсенъ о нападеніяхъ татаръ и турокъ чрезвычайно много въ южно-русской поэзіи,—причемъ въ Галиціи больше говорится о туркахъ, а въ Украйнѣ о татарахъ. Множество пѣсенъ разсказываетъ печальную участь плѣнниковъ русскихъ, уведенныхъ татарами и турками, причемъ иныя передаютъ чрезвычайно драматическіе случаи, какъ, напр., плѣнъ сначала дочери, которая становится женою турка, а потомъ матери, которая дѣлается нянькою своего внука («Русалка Днѣстровская» стр. 5, Сборникъ г. Головацкаго въ «Чтеніяхъ» ч. I. 42). Вотъ какъ изображаетъ пѣсня набѣгъ турокъ и плѣненіе женъ и дѣтей южно-русскихъ:

Поле жъ мое, широкое!
Не могла'мъ тя проглянути
Черненькими оченьками;
Теперь е'мъ проходила
Біленькими ноженьками!
Що ся въ полі забіліло,
Ой чи гуси, чи лебеди?

---

[1]) Впрочемъ, указатель г. Прыжова заключаетъ нѣкоторыя неточности и пропуски. Въ перечисленіи думъ цикла турецкаго пропущена важная дума о Марусѣ Богуславкѣ; пѣсни о насиліяхъ польскаго рейментаря и о насиліи пана Каніовскаго надъ Бондаривной отнесены къ слишкомъ ранней эпохѣ—до Хмельницкаго, —между тѣмъ, какъ онѣ говорятъ о событіяхъ вѣка XVIII, вѣка гайдамацкаго, а не казацкаго. Тоже слѣдуетъ сказать и о думахъ о Савѣ Чаломъ. Аллегорическая пѣсня о чайкѣ и ея дѣтяхъ сочинена не Хмельницкимъ, а послѣднимъ кошевымъ Запорожья Кальнишемъ. Нельзя не замѣтить, что малорусское ухо обижается несклоненіемъ малорусскихъ именъ; г. Прыжовъ пишетъ: дума про Морозенк*о*. Малороссіяне же свои имена на *о* склоняютъ въ мужескомъ родѣ, ибо *о* все равно, что Ъ.

Теперь гуси не літають,
Ни лебеди не плывають,
То татаре полонъ женуть:
Одинъ полонъ съ жіночками
Другій полонъ зъ дівочками,
Третій полонъ зъ діточками,
Стали кошомъ підъ Яришомъ,
Та взялися паевати:
Дівка впала парубкові,
А тещенька зятенькові.
Взявъ відъ йійі по при коні,
По при коні на ремені.
Ой кінь біжить дорогою
Тещу веде терниною;
Терня ноги пробиває,
Кровця сліды заливае,
Чорный воронъ залитае,
Тоту кровцю испивае.

Такое обращеніе, конечно, не могло вызвать къ туркамъ и татарамъ сочувственнаго отношенія, а потому старая плѣнница, попавши въ няньки къ своему внуку — обязанная кромѣ того еще прясть и пасти стадо, припѣваетъ такъ:

Люлю, люлю, татарчятко,
По донечці унучятко!
Бодай стадо выздыхало,
Бодай кужель (прядево) спопеліла (сгорѣли)
Бодай дитя скаменіло!

Когда дочь узнаетъ свою мать и говоритъ ей:

Мати моя рідпенькая!
Скидай съ себе свои латы (рубище въ заплатахъ),
Вберай дорогіи шаты!
Будешъ зъ нами пануваты!..

Мать отвѣчаетъ:

Лішши моя вбоги латы
Ніжъ дороги твои шаты.

Разговоръ дальше оканчивается такими словами:

Мати жъ моя рідненькая!
Чи схочешь тутъ панувати
Чи поідешь въ рідні краи?
— Волю схочу дома бідовати,
Якъ въ чужині панувати. —

Безъ сомнѣнія, что народъ, сложившій подобный разговоръ, не былъ особенно падокъ на чужіе зипуны.

Еще нагляднѣе рисуетъ турецкую неволю дума, изображающая жизнь невольниковъ мужчинъ, которыхъ заставляли работать на каторгахъ (галерахъ). Вотъ эта характерная дума:

У святу неділю не сызи орлы заклекоталы
Якъ то бідны невольники у тяжкій неволі заплакали,
У гору рукі підыймали, кайданами забряжчали;
Господа Милосерднаго прохали, та благали:
Подай намъ, Господи, зъ неба дрібенъ дождикъ
А зъ низу буйный вітеръ!
Хочай бы чи не встала на Чорному морю быстрая хвиля;
Хочай бы чи не повырывала якорівъ зъ турецкои каторги!
Да уже ся намъ турецька бусурманьска каторга надоіла:
Кайданы — залізо ноги поврывало
Біле тіло козацьке молодецьке коло жовтои кости пошмугляло (истерло)
Баша турецькій бусурманьскій,
Недовірокъ (ренегатъ) хрисгіанскій,
По ринку вінъ похожае;
Вінъ самъ добре тее зачувае (слышитъ);
На слуги свои, на турки — янычаре зо зла гукае:
«Кажу я вамъ, турки — янычаре, добре вы дбайте (здѣсь старайтесь)
Изъ ряду до ряду захожайте,
По три пучки тернины и червонои таволги (кустарникъ — spirea) набирайте,
Бідного невольника по тричи въ однимъ місці затинайте!»
То ті слуги, турки — янычаре, добре дбали
Изъ ряду до ряду захожали,
По три пучки тернины и червоною таволги у руки набирали
По тричи въ однімъ місці бідного невольника затинали,
Тіло біле козацьке молодецьке коло жовтои кости обвивали
Кровь христіанску неповинно проливали.
Стали бідніи невольники на собі кровъ христіанску забачати,
Стали землю турецьку, віру бурсурманьску клясти проклинати:
«Ты, земле турецька, віро бусурманьска,
Ты разлуко христіанська!
Не одного ты розлучила зъ отцемъ, зъ матерью,
Або брата зъ сестрою,
Або мужа зъ вірною жоною!
Вызволь Господи! всіхъ бідныхъ невольниківъ
Зъ тяжкои неволі турецькои
Зъ каторги бусурманьскои!
На тихи води
На ясны зори
У край веселый
У міръ хрещеный,
Въ города христіанськи!
Дай Боже міру царському
Народу христіанському
Славу на многи літа!»

Дума эта, надѣемся, ясно показываетъ мотивы войнъ мало-

русскаго казачества съ турками и татарами и историческое значеніе «рыцарства» Запорожья.

Малорусскія думы описываютъ нѣсколько примѣровъ избавленія христіанскихъ плѣнниковъ отъ такой неволи. Это передаютъ варіанты думы о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова, объ уходѣ изъ плѣна Самуила Кушки и о Марусѣ Богуславкѣ. Мы остановимся на послѣднихъ двухъ сюжетахъ, потому что они, вопервыхъ отличаются большимъ драматизмомъ, а во-вторыхъ, изображаютъ не только плѣнниковъ, остававшихся твердыми въ христіанствѣ, но и ренегатовъ, поведеніе которыхъ, въ концѣ концовъ, показываетъ, насколько все-таки велика была и въ нихъ сила народнаго чувства и нравственныхъ началъ. Дума о Самуилѣ Кушкѣ начинается описаніемъ выплывавшей изъ Трапезонта галеры «трёмя цвітами процвітаной, малёваной». Въ той галерѣ гулялъ Алканъ-паша «трапезанськое княжя», имѣя съ собой избраннаго люду: семьсотъ турокъ, янычаръ четыреста, да бѣдныхъ невольниковъ триста пятьдесятъ человѣкъ, не считая старшины войсковой. Между послѣдней выдавался Кушка Самойло, гетманъ запорожскій и ляхъ Бутурлакъ, сотникъ переясловскій. Этотъ былъ тридцать лѣтъ въ неволѣ, двадцать четыре, какъ сталъ на волѣ. —

Потурчився, побусурманився,
Для паньства великаго,
Для лакомства несчастнаго,—

и сдѣланъ былъ ключникомъ галерскимъ. Галера ѣдетъ въ Козловъ (Евпаторію), по дорогѣ къ Кафѣ (Өеодосія) Алканъ-паша видитъ сонъ, будто турки его порубаны, а самого его Кушка на три части изрубилъ и въ Черное море бросилъ. Ляхъ Бутурлакъ объясняетъ сонъ такъ, что нужно строже слѣдить за плѣнниками и привязываетъ ихъ крѣпче,—какъ въ предыдущей думѣ. Алканъ-паша отправляется въ городъ пировать съ невѣстой. Тогда Кушка обратился къ ляху Бутурлаку:

«Ой Ляше-Бутурлаче, брате старесенькій!
Колись и ты бувъ въ такій неволі, якъ мы тепера:
Добро намъ учини
Хочь насъ, старшину, одомкни;
Хай бы и мы у городі побували
Панське весилье добре знали.»
Каже Ляхъ-Бутурлакъ:
«Ой Кушко-Самойло, гетьмане запорожській,
Батьку козацькій,
Добро ты учини,
Віру христіанську підъ ноги підтопчи,
Хрестъ на собі поломни!

Аще будешъ віру христіанську підъ ноги топтати,
Будешъ у нашого пана молодого за рідного брата пробувати!»
То скоро Кушка Самойло зачувавъ
Словами промовлявъ:
«Ой Ляше-Бутурлаче, сотнику Переясловській,
Недовірку христіанській!
Бодай же ты того не дождавъ,
Щобъ я віру христіанську підъ нозі топтавъ!
Хочъ я буду до смерти біду да неволю приймати,
А буду въ землі козацькій голову христіанську покладати!
Ваша віра погана,
Земля проклята!»

Ренегатъ бьетъ стараго товарища по щекѣ и обѣщаетъ пуще заковать въ цѣпи,—о чемъ шпіонъ доноситъ Алкану-пашѣ. Успокоенный паша шлетъ вино своимъ прислужникамъ на галеру. Вино пробудило совѣсть ренегата, сокрушенную тридцатилѣтней тяжкой неволей:

Ставъ Ляхъ-Бутурлакъ дорогіи напитки пити-підпивати;
Стали умыслы козацьку голову клюшника розбивати:
«Господи! есть у мене, що испити и исходити,
Тилько ні-съ-кімъ объ вірі христіанській розговорити...»

Ляхъ-Бутурлакъ начинаетъ угощать Кушку, но Кушка не пьетъ, а выливаетъ, ренегатъ же клюшникъ пьетъ, пока не сваливается. Кушка отмыкаетъ замки у плѣнныхъ товарищей, и послѣ разныхъ приключеній, съ помощью и самого очнувшагося Бутурлака, приводитъ галеру въ Лиманъ Днѣпра-Славута съ великой добычей. Добычу эту дѣлятъ бывшіе плѣнники между собою и казаками запорожскими, причемъ третью часть золота и серебра.—

......брали, на церкви накладали
На Святого Межигорського Спаса,
На Трехтемировській монастырь,
На Святую Січовую Покровъ давали,—
Которы давнимъ козацькимъ скарбомъ будували,
Щобъ за ихъ, встаючи и лягаючи,...
Милосерднаго Бога благали.

Дума оканчивается такими словами:

Правда, панове, полягла
Кушки Самойла голова,
Въ Кіеві-Каневі монастырі [1]).
Слава не умре, не поляже!
Буде слава славна

[1]) Въ Каневскомъ монастырѣ погребены были три героя запорожскіе: Подкова, Жахъ и Кушка. Монастыря этого теперь нѣтъ; на мѣстѣ его стоитъ высокій холмъ, подъ которымъ погребенъ Тарасъ Шевченко.

По-міжъ козаками
По-міжъ друзьями
По-міжъ рыцарями,
По-міжъ добрыми молодцями.
Утверди, Боже! люду царського
Війска запорожськаго
Донського
Съ сіего черню Дніпровою
Низовою
На многія літа
До конця віка! [1])

Дума о Марусѣ Богуславкѣ начинается описаніемъ темницы на берегу Чернаго моря. Въ этой темницѣ сидятъ семьсотъ невольниковъ, которые уже тридцать лѣтъ не видятъ «солнца праведнаго». Къ нимъ приходитъ «дівка бранка» (плѣнница), Маруся, попівна Богуславка и спрашиваетъ, знаютъ-ли они, какой теперь день въ «нашій» землѣ христіанской. Плѣнники забыли счетъ дней.

«Ой козаки,—говоритъ Маруся,—
Вы бідні невольники!
Що сегодня у нашій землі христіанській Великодная субота,
А завтра Святый празникъ, роковый день Великъ день».
То тоді тіи козаки тее зачували
Білимъ лицемъ до сирої землі припадали,
Дівку бранку
Марусу, попівну Богуславку
Кляли проклинали:
Та бодай ты, дівко бранко,
Марусю, попівно Богуславко,—
Щастя и долі собі не мала,
Якъ ты намъ святый празникъ, роковый день Великъ-день сказала!»

Маруся проситъ не проклинать ее и обѣщаетъ выпустить казаковъ, когда выѣдетъ паша въ мечеть, а ей оставитъ ключи. Выпуская казаковъ, Богуславка говоритъ:

«Ой козаки,
Бідниі невольники!
Кажу я вамъ добре дбайте,
Въ городы христіанські утікайте;
Тільки прошу я васъ, одного города Богуслава не минайте,
Моему батьку и матері знати давайте:
Та нехай мій батько добре дбае,
Грунтівъ, великихъ маетківъ нехай не збувае,
Великихъ скарбівъ нехай не збірае,
Та нехай мене, дівки бранки,
Марусі, попівни Богуславки

[1]) Сборникъ украинскихъ пѣсенъ, изд. М. Максимовича, I, 1849. стр. 31—48.

Зъ неволі не выкупае;
Бо вже я потурчилась, побусурманилась,
Для роскоші турецкоі
Для лакомства нещастнаго!» [1])

Думы, изъ которыхъ мы только-что привели отрывки, кажется намъ, доказываютъ, что въ борьбѣ казачества южно-русскаго съ турками были и другіе мотивы, кромѣ стремленія къ поживѣ, что жизнь тогдашней южной Руси производила типы, которые не могутъ не возбуждать сочувствія и нынѣшняго человѣка.

Другой циклъ поэтическихъ сказаній южно-русскихъ порожденъ борьбою казаковъ съ поляками и жидами. Думы этого цикла не забываютъ тоже похвалиться добычей—такъ одна дума оканчивается слѣдующими словами:

Тогді-то не одинъ козакъ за пана гетьмана Хмельницкаго Бога просивъ
Що не одинъ жидовській жупанъ зносивъ.

Но дѣло въ томъ, что здѣсь, какъ и въ думахъ перваго цикла, дума не ограничивается одною добычей, а указываетъ на другія, болѣе крупныя причины борьбы народа южно-русскаго съ поляками и жидами. Такъ одна дума начинаетъ разсказъ свой о борьбѣ Хмельницкаго съ поляками слѣдующимъ образомъ:

Ой чи добре панъ Хмельницькій починавъ
Якъ изъ Берестецького року
Всіхъ ляховъ-панівъ на Украину на чотырі місяци высылавъ,
И велівъ панамъ-ляхамъ на Украині чотырі місяци стояти,
А ні козаку, ни мужику жадноі (никакой) *кривды починати.*
. . . .
То ще жъ то ляхи, мостивыі паны, по козакахъ и по мужикахъ стаціею постали,
Одъ козацькихъ, одъ мужицькихъ коморъ стали ключи одбірати
Да стали надъ їіхъ домами господарями:
Хозяина на конюшню одсылае
А самъ изъ його жоною на подушкахъ почивае.
То козакъ, альбо мужикъ изъ конюшни прихожае
У квартирку [2]) поглядае,
Ажъ ляхъ, мостивый панъ ище изъ його жоною на подушкахъ опочивае.
То вінъ одинъ осьмакъ у кармані мае,
Пійде зъ тоски, та зъ печалі у корчму тай той прогуляе.
То ляхъ, мостивый панъ, одъ сна уставае,
Юлицею иде,
Якъ свиня, ухомъ веде.

---

[1]) Кулиша, Записки о Юж. Руси, I.
[2]) Квартирка называется небольшое окошечко въ задней стѣнѣ украинской хаты.

То ляхъ до корчмы прихожае,
Якъ свиня, ухо до корчмы прикладае.
Йще слухае, прослухае
Що козакъ, альбо мужикъ про ляхівъ размовляе.
То ляхъ у корчму убігае и козака за чубъ хватае.
То козакъ козацькій звычай знае,
То будто до ляха медомъ и оковитою (aqua vitae) горілкою припивае
А туть ляха за чубъ хватае,
И склянищею межі очі шмагае
И келепомъ [1]) по ребрамъ торкае
Ище зъ тиха словами промовляе:
«Эй ляхи жъ вы ляхи,
Мостивні паны!
Хотя жъ вы одъ нась ключі поодбірали,
И стали надъ нашими домами господарями,...
Хотя бъ вы на нашу кумпанію не нахождали».

Другая дума рисуетъ «лядскую неволю» вмѣстѣ съ «жидовською».

Якъ одъ Кумівщины (возстаніе 1637—1638 г.) да до Хмельнищины
Якъ одъ Хмельнищины.... да й до свого жъ то дня,
Якъ у землі кралевській да добра не було:
Якъ жиды-рандарі
Всі шляхи козацькі зарандовали,
Що на однйі милі
Да по три шинки становили,
Становили шинки по долинахъ,
Зводили щогли (шесты) по високихъ могилахъ.
Ище жъ то жиди рандарі
У тому не перестали:
На славній Украині всі козацькі торги заарандовали
Да брали мито-промито:
Одъ возового
По півъ золотого,
Одъ пішого пшениці по три денежки мита брали,
Одъ неборака-старця
Брали куры да яйця
Да ище питае:
«Ци нема, котикъ, сце цого?»
Ище жъ то жиди рандарі
У тому не перестали:
На славній Украині всі козацькі церкві заарандовали.
Которому бъ то козаку, альбо мужику давъ Богъ дитину появити,
То нейди до попа благословитьця,
Да иди до жида рандаря, да положъ шостакъ, щобъ позволивъ церкву одчинити,
Тую дитину охреститы.
Ище жъ то которому бъ то козаку, альбо мужику давъ Богъ дитину одружити,

[1]) Палка съ молоткомъ.

То не йди до попа благословитьця,
Да пойди до жида-рандаря, да положъ битый талярь, щобъ позволивъ церкву одчинити,
Тую дитину одружити.
Ище-жъ то жиди-рандарі
У тому не перестали:
На славній Украині всі козацькі ріки заарандовали.
Который бы то козакъ, альбо мужикъ исхотивъ риби вловити,
Жінку свою зъ дітьми покормити,
То не йди до пана благословитьця
Да пійди до жида-рандаря да поступи йому часть оддать
Щобъ позволивъ на річці риби вловити
Жінку свою зъ дітьми покормити.

Вслѣдъ за описаніемъ подобной неволи украинскаго казака, или мужика, обѣ думы заключаютъ почти одинаково слѣдующія слова:

Тогді жъ то якъ у святий день божественный у вовторникъ
Гетьманъ Хмельницькій козаківъ до сходу сонця у походъ виправлявъ,
И стиха словами промовлявъ:
«Эй козаки вы, діти, друзі!
Прошу васъ, добре дбайте,
Одъ сна вставайте,
Руській *оченашъ* читайте
На славну Украину прибувайте,
Жидівъ - рандарівъ (или ляхівъ, мостивыхъ панівъ) у пень (до корня) рубайте,
Кровъ ихъ у полі зъ жовтимъ піскомъ мішайте,
Віры своеі христіанськоі у поругу не подайте.

Кажется, что эти отрывки подтверждаютъ сказанное выше о достаточности основаній и сознательности возстаній казацкихъ противъ польскаго панства и порядковъ XVII вѣка. Раскаянія и уступки со стороны возставшихъ тутъ и быть не могло. И это ясное сознаніе права своего на свой трудъ,—волю и землю, и сознаніе права своего низвергать то, что̀ ихъ отнимаетъ, ни на минуту не покидало украинскаго народа. Ляха украинецъ ненавидѣлъ всегда, но не какъ человѣка чужой націи, даже не какъ человѣка чужой вѣры, а какъ лицо, съ которымъ связывается понятіе о заѣданіи чужого труда, о насиліи и развращеніи его жены и дочери. «Тікай, ляше, говоритъ одна украинская пословица, бо все, що на тобі, то наше»! И потому-то украинецъ пользуется всякимъ случаемъ выгнать «ляшківъ-панківъ геть ажъ за Вислу». Не удалось это сдѣлать казакамъ въ XVII вѣкѣ, пробовали сдѣлать это гайдамаки въ XVIII вѣкѣ,—когда, по словамъ пѣсни, даже отрубленная голова одного изъ гайдамакъ, на укоры: «Было бъ тебѣ ляшківъ-панківъ—не бить,»—отвѣчаетъ:

«А я того, вражі ляхи, та и не забуду,
Якъ и била, ляшківъ-панківъ, такъ и бити буду».

Насколько тяжелый гнетъ крѣпостного права, освященнаго силою русскаго государства, которой не доставало польскому для охраненія господства пановъ надъ народомъ, не смогъ все-таки переломить свободолюбивое упрямство малоросса, свидѣтельствуютъ даже пѣсни «крепацкія» и рекрутскія. Мы позволимъ себѣ привести здѣсь отрывокъ изъ одной изъ нихъ, а другую, которая не была напечатана до сихъ поръ,—всю.

Батькамъ було добре
На Вкраині жити,
А сынамъ досталось
Панщину робыти.

Далѣе жалуется вѣтеръ, у котораго орелъ спрашиваетъ, не видѣлъ ли онъ казацкой славы.

А вотъ рекрутская пѣсня, въ которой прекрасная форма старой украинской пѣсни уже попорчена, но еще остался старый духъ протеста:

Прійшла карта до двора, до двора,
Що рекрутовъ брать пора.
Прийшовъ соцькій, прийшовъ війтъ,
Прійшовъ війтъ, я изъ хати та на тікъ.
Я изъ хати та на тікъ, тай на тікъ,
Тамъ сховався въ житній стігъ.
А въ стогові та найшли, на найшли,
Назадъ руки звязали,
Назадъ руки звязали, звязали
Та въ присутствіе повели;
Та въ присутствіе повели, повели,
Та підъ міру підвели.
Хлопъ до міры не доставъ, не доставъ,
Панокъ грішми підсипавъ;
Панокъ грішми підсипавъ, підсипавъ,—
Хлопъ на віки та пропавъ.
Літъ за двадцать я вернувсь, я вернувсь,—
Ні до кого пригорнуться:
Жінка зъ журбы померла, померла
Дочку взяли до двора,
Мого Грицця тай били, тай били
Та на віки забили.

XIX-ый вѣкъ не представлялъ условій благопріятныхъ для поднятія тѣхъ гражданскихъ войнъ, какія поднимались въ XVII и XVIII вѣкахъ въ области южно-русскаго племени. Но старый казацкій духъ не разъ покушался прорваться въ мѣстныхъ кре-

стьянскихъ возстаніяхъ, которыя, если представлялся удобный случай, угрожали охватить обширный край. Такихъ удобныхъ случаевъ было въ недавнее время по одному на галицко-угорскихъ русиновъ и на народъ нашего юго-западнаго края. 1846—48 гг. въ Австріи были временемъ венгерско-польскаго движенія. Народъ южно-русскій, подвластный венгерскимъ и польскимъ панамъ, не поддержалъ ихъ и даже высказался прямо за цезаря, котораго правительство, угадавъ стремленія народа, поспѣшило издать нѣсколько полезныхъ для него мѣръ. Двѣ пѣсни гуцуловъ (русскіе горцы въ Карпатахъ), напечатанныя въ сборникѣ г. Головацкаго, въ «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей» (1864, IV), отлично характеризуютъ отношенія тамошняго народа къ полякамъ и венграмъ съ одной стороны и къ правительству съ другой. Поляки и венгры, видно изъ пѣсни, подбивали народъ къ возстанію, указывая на самое тяжелое для народа бремя государственной жизни: на наборы. Но, какъ говоритъ одна галицкая коломійка:

Ой волю я, пане брате, Цісарю служити,
Ніжъ я маю вражимъ ляхамъ панщину робити! —

что и не удивительно, при австрійскомъ короткомъ срокѣ солдатской службы, а потому масса не поддалась революціонной пропагандѣ и сочла для себя болѣе выгоднымъ поддержать «Цісаря». Вотъ цѣликомъ другая гуцульская пѣсня, которая представляетъ одинъ изъ новѣйшихъ памятниковъ русскаго народнаго творчества въ родѣ исторической пѣсни. Кстати читатель можетъ видѣть образчикъ языка однихъ изъ ближайшихъ нашихъ родичей между австрійскими славянами:

А Господи Милосердный!
Екъ мы бідовали,
А поки мы та панщину
Кэжко відбували.
Слава Богу, же намъ горяздъ
Теперь сесі літа,
Аже бы нашъ Тісарь здоровъ,
Та й живъ многі літа.
Бога просимъ за Тісаре,
Ше чесъ, ше годины,
Намъ паншіну подарувавъ,
Абыхъ не робили.
Бога просімъ за Тісаре
Сараки (сѣрые) Руснаки;
На Тісаре нагнівавъ се
  Венгеръ та Поляки.
Ай бо Венгеръ, та й Поляки
  Біду наробили
Тілько було въ царе земли,
  Усю сколотили (возмутили),
Ой Підгірье спудилосе (испугалось)
  Ше Венгеръ женесе,—
Бога просімъ за Тісаре,
  Тісарь не даесе.
Ой Підгірье спудилосе,
  Ше нась Венгръ зітне,
Бога просімъ за Тісаре
  Чей се Тісарь зіпре.
Спудила се уся Польша,
  Польша та й Иршава,—
Та бо чей нась поратуе
  Сила Москалева.
Венгръ Руса не боевсе
  Не мавъ тоі дійми

Бо вінъ не чювъ, ше иде Москаль
Вороными кіньми.
Того войска не богато,
Лишь три миліоны.
А екъ ввійшли въ Венгершину
Стали на загоны
А лишь тілько Московскаго
Венгеръ війска збачивъ,
Якъ загуливъ въ загороду
Окропомъ опаривъ.
То бо Москаль поправивсе
Заложивъ каноны (пушки)
Отъ такъ убивъ Венгершину
Господи бороны!
Отъ такъ убивъ того Венгра
Ше лишь ставъ, екъ курка,
Вхопивъ собі толпу войска,
Та й утікъ підъ Турка.
А газетье не читаемъ
Нихто то не чюе
Але чи го видевъ Туровъ.
Чи вінъ тамъ газдуе (хозяйничаетъ).

Этотъ «мотивированный цезаризмъ» составляетъ въ послѣднее время самую характеристическую черту русскаго простонародья въ Галиціи. Австрійское правительство пользуется имъ, хотя, конечно, вполнѣ послѣдовательно не идетъ въ ту сторону, куда желаетъ народъ; правительство принимаетъ этотъ мотивированный, условный цезаризмъ за безусловный и думаетъ, что, сдержавъ подогрѣваніями его революціонное направленіе поляковъ или венгровъ, оно можетъ успокоиться и даже попустить имъ слегка возжи, разсчитывая опять, при надобности, поднять народный цезаризмъ. Опыты нѣсколько разъ удавались послѣ 1846 года, и теперь въ Венгріи русины предоставлены на волю венгровъ. Но весьма можетъ статься, что правительство цезаря ошибется въ разсчетѣ, особенно, когда, становясь парламентарнымъ, оно окончательно станетъ и аристократическимъ для Венгріи и Галиціи. Тогда народъ увидитъ и то, что цезарское правительство не исполняетъ условій, которыя, положимъ, никогда не были юридически скрѣплены между народомъ русскимъ и цезаремъ, но которыя народъ тѣмъ не менѣе въ душѣ своей весьма сознательно считалъ заключенными; народъ увидитъ, что и въ правительствѣ уже нѣтъ цезаря, — а остался только «Венгръ та Поляки». Что̀ онъ предприметъ? Подавятъ ли народъ или онъ восторжествуетъ? Если случится послѣднее, — то кто унаслѣдуетъ австрійскому цезарю? Во всякомъ случаѣ, судя по пѣснямъ, народъ русскій въ Австріи глубоко и сознательно недоволенъ соціальнымъ порядкомъ,—и русскія провинціи этой имперіи стоятъ на волканѣ.

Отношенія южно-русскаго народа къ послѣднему польскому возстанію въ юго-западномъ краѣ весьма напоминаютъ отношенія другой части его къ революціи польской и венгерской 1846—1849 г. Что̀ дѣлалось и, особенно, что̀ думалось по селамъ и хуторамъ юго-западнаго края между 1861 — 1864 г., до сихъ поръ подробно неизвѣстно, но и теперь уже можно сказать смѣло, что предоставленный самъ себѣ народъ въ юго-западномъ

краѣ покончилъ бы круче и радикальнѣе, и конечно жесточе съ польскимъ возстаніемъ и съ обрусеніемъ края. Настроеніе народа противъ поляковъ настолько сильно, что его замѣтила еще администрація сороковыхъ годовъ, которая, какъ извѣстно, не очень-то обращала вниманіе на массы народа. Результатомъ этого вниманія къ народно-политическимъ отношеніямъ юго-западнаго края было составленіе инвентарныхъ правилъ, которому не упустилъ народъ посвятить и свои пѣсни. Двѣ изъ нихъ напечатаны, и такъ какъ онѣ помѣщены въ малораспространенномъ провинціальномъ изданіи, то мы приведемъ ихъ вполнѣ.

Вотъ пѣсня, рисующая панщину и прославляющая генералъ-губернатора Димитрія Бибикова, превращеннаго народомъ въ Никиту:

Вставай, вставай, громадонько,
Вставай, не ливуйся.
Та пійдемо до церковці
Богу помолимся.
Помолимось іому щиро (горячо),
Якъ за батька діты,
Щобъ давъ щастя й долю добру
Панові Микиті.
А панъ той нашъ губернаторъ,
Вінъ насъ слобоняе,
Отъ проклятыхъ панівъ-ляхівъ
Добре бороняе.
Слава тобі, генерале,
Въ віки вічні одъ насъ;
Памятувать и дяковать (благодарить)
Будемо по всякъ часъ.
Було перше мы днюемо
Въ пана на роботи,—
Спочивку не знаемо,—
Робимо голоті (голымъ панамъ).
А теперъ ты зупынивъ йіхъ
Цими *йвантарами*.
Наляковъ йіхо. Може й буде
Правда и міжъ нами.
Слава тобі, генерале,
Ты нашъ славный тату!
Може теперь веселійші
Ввійдемъ въ свою хату.

А вотъ другая пѣсня, изображающая, что сталось съ инвентарями:

Губернаторъ нашъ Бибиковъ,
Давъ намъ янватарі,—
Щобъ робити панамъ пять (?) день
Изъ кождоі пары,—
По три копы зъ чоловіка,
А дві копі зъ жінки,
Щобы жали въ тиждень (недѣля) літомъ
Панові въ відрібки.
Зразу добре родилися,
Зполняли йвантари,—
А тамъ стали шкуры дерты,
Якъ и спершу дерлы,
Цілый тиждень верзувати,
Якъ и верзували,
А въ неділю ранесенько
До выпису гнаты.
Атаманы зъ батогами,
Зъ нагаемъ гуменный,
На роботу цілый тиждень,—
Гонять мовъ скаженыхъ (бѣшеныхъ).
Провдивіі янвантари
Твои, генерале,
У кухверки поховали (спрятали)
Чортові невіры!
Становіи, що читали
Янвантари тіи,
Подружилося зъ ляхами,

Мовъ брати рідніі.
Вкупі бьють насъ,
Вкупі й обдерають

И до тебе, генерале,
Зъ листомъ не пускають....
Ой не дай насъ, генерале,
Тяжко забижцати,—
Свою долю сірітскую,
Гірко проклинати.
Не дай же имъ, генерале,
Насъ поневіряти (обманывать),—
Бо будемо й тебе, добрый,
Й тебе проклинати! [1])

Едвали мы очень ошибемся, если скажемъ, что эта пѣсня, наравнѣ съ другими, приведенными здѣсь, принадлежитъ къ числу характернѣйшихъ образцовъ обличительной поэзіи послѣднихъ временъ. А вѣдь онѣ сложены неграмотнымъ народомъ.

Между 1861—1863 г., когда волновались поляки и приготовляли послѣднее возстаніе и въ то же время ихъ мировые посредники отрѣзывали у крестьянъ поземельные участки и вводили выкупные договоры по «добровольному» соглашенію съ участіемъ войскъ,—приготовлялся къ чему-то и народъ. Поляки что-то чуяли, чего-то боялись, приписывали враждебное настроеніе народа пропагандѣ украинофиловъ, на которыхъ и старались направить преслѣдованія правительства,—то силились сами овладѣть народомъ, пріодѣвшись украинофилами. Нашему обществу смутно извѣстна эта темная исторія, о которой еще не пришло время говорить съ полнотою и безпристрастіемъ итсорика, для которой нѣтъ почти обнародованныхъ матеріаловъ. Настроеніе народа 1861—63 г. и его отношеніе къ польскому возстанію характернѣе всего рисуется нѣсколькими пѣснями объ отмѣнѣ крѣпостного права и одной пѣсней о самомъ повстаніи, которыя напечатаны въ «Кіевлянинѣ». Одна изъ этихъ пѣсенъ такъ рисуетъ положеніе крестьянъ при крѣпостномъ правѣ:

Ой не треба гірше
Якъ це мы зазналы
Отъ тыхъ панывъ ляшкивъ
Лыха скуштовалы!
Мучилы насъ; тай валялы
Ци ляхи завзяты,
Гадюками называлы.
Нехъ воны прокляты!
Съ паномъ мужикъ, якъ стринется
То до земли нызко гнется,
Бо мусилы такъ робыты
Колы хотилы ще житы.
Колысь былы, катувалы
Посторонками вязалы,
А панъ ляхъ ще сміется
Люльку курить, тай дереться:
«Бийте моцнiй мужика,
Нехай знае *psia jucha*,
Що панъ стоить уваженья,
И нема тутъ извиненья,
Нехай шапку здыймае.
Не хтiвъ — въ шкуру достае!»

Другая пѣсня изображаетъ отлетъ панщины и безпомощность

---

[1]) См. «Югозападный край въ послѣднее двадцатипятилѣтіе» (1838—1863). В. Шульгина; отд. оттискъ изъ «Кіевлянина». Кстати,—отчего такъ мало распространена эта во многихъ отношеніяхъ любопытная брошюра, тогда какъ плохія творенія виленскихъ историковъ переводятся даже на французскій языкъ?

пановъ и отношеніе крестьянъ къ тому, отъ кого пришло имъ освобожденіе:

Ой летіла зозуленька поверхъ горы, села,—
Чогось наша громадонька смутна, не весела.
Сіла соби на заборі, тай стала куваты:
«Збырайтеся громадонька, щось маю казаты!»
Наихалы становыи, сталы говорыты:
«Не будете, люды добры, панщины робыты!»
Наихалы мыровыи, тай сталы казаты:
«Не будете предъ панамы шапокъ здыйматы!»
Ой летіла дика качка, сіла въ очереті,
Утікала панщинонька въ темны пущи, нетри;
Не сама жъ вона утікала, громадонька гнала!
Якъ загнала въ пущи, нетри, тамъ вона пропала.
Ой летіла птыця пава, середъ села впала,
А въ місяці февралі панщина пропала;
А два паны, а два паны, а два атаманы
Висемьнадцать лановыхъ, а еденъ пidданны.
Ажъ выходить стара пани на затынни двери:
«Вернысь, вернысь панщинонько хоча до вечери!»
—Не вернуся, не вернуся, я вамъ була вірна
Не вмілы мене шановаты, я съ того не винна!—
А въ нашого оконома нагай за плечима
За ковниромъ купа вошей съ чорными очима [1]).
Збираются комысари на тихее озерце
Чимъ бы мужика пиняты? Шобъ виняли серце!
Якъ воны тамъ зибралыся, сталы говорыты:
«Що мы будемъ, «panie bracie», тепера робыты?
«Бо не вміемъ мы косыты, наши жинки жаты,
«А нема вже намъ кому панщину отбуваты,
«Що не вміемъ молотыты, наши жинки прясты,
«Хиба пидемо на шляхи учитыся красты!»
Подякуймо бо мы Богу, да своему цареви,
Що вінъ зробывъ добродійство въ своему краеви,
Подякуймо мы цареви и своей царыці
Бо не ходять на панщину наши молодыці,
Подякуймо мы цариці, ще своей царевні,
Що вона насъ поривняла съ ляхами нарывні!

Понятно, что при такомъ образѣ мыслей народъ не могъ отнестись сочувственно къ новому возстанію въ 1863 г. Одна пѣсня изображаетъ повстаніе, какъ одинъ изъ выходовъ, который придумала себѣ шляхта, лишившись крестьянъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые шляхтичи думали поправить свои обстоятельства, въ случаѣ успѣха повстанія:

---

[1]) Намекъ на другую пѣсню, въ которой изображается процвѣтаніе крѣпостного права: тамъ на экономѣ «червоная шапка» и «шовкові онучи», — теперь же остался отъ старой роскоши только «нагай», которымъ некого бить.

Еденъ програвъ добры коні
Другій продавъ сани нові
А остатній догадался
За шильгину—въ лісъ сховався!
А мы ихъ ципамы гналы
Посторонками вязалы;
Колысь паны кровъ зъ насъ пылы
За тежъ мы ихъ віддячилы!
Пнованье намъ вбищалы
Золотую (грамоту) намъ читалы;
Власне паньство ихъ въ Сибирі
Ой широко! Нема міри.

Наконецъ, слѣдующая пѣсня, разсказывающая объ одной изъ крупнѣйшихъ стычекъ во время повстанія въ 1863 г. въ юго-западномъ краѣ въ селѣ Соловьевкѣ, Радомыслськаго уѣзда, представляетъ отношеніе крестьянъ и пановъ-повстанцевъ во всей ихъ жестокой реальности:

Шлы поляки на войну
За свою рідну ойчизну:
«Або намъ Польшу одбыты,
Або на світі не житы».
Тамъ ихъ несчастя спіткало,—
Выйшло мужицтва не мало
Сталы поляківъ спыняты,—
Сталы поляки казаты:
«Вы люде добрі, не быйте насъ;
Мы васъ одзволымъ отъ біды,
Тілько не робіть намъ шкоды».
Такъ збіралася громада,
Була межъ ными порада:
«Нумъ мы поляківъ, нумъ быты,
Бо вже намъ зъ нымы не жыты!»
Забралы булавкы въ рукы,
Предалы смерти ще й мукы:
Свердламы груды вертілы
Гроші забралы — лічылы (считали).

Пѣсня, какъ видно, находитъ даже естественнымъ со стороны поляковъ возстаніе, называетъ ихъ пораженіе «несчастіемъ», передаетъ вполнѣ сознательно предложѣнія отъ инсургентовъ, не скрываетъ жестокостей и грабежа крестьянъ,—но передаетъ главный мотивъ жестокости: «намъ зъ поляками не жыты...»

Такое ясное сознаніе народа дѣлало *обязательнымъ* обязательный выкупъ крестьянскихъ земель и тѣ мѣры, которыя приняты были въ юго-западномъ краѣ по крестьянскому вопросу съ 1863 г. Положили ли они хоть начало мирному сожительству

народа съ «ляхами»? Покончили ли они тотъ великій національно-соціальный вопросъ, который народъ считалъ открытымъ въ теченіи трехсотъ лѣтъ, и за рѣшеніе котораго онъ то кроваво, то мирно принимался столько разъ? На это отвѣтитъ будущее.

Такимъ образомъ, мы прослѣдили въ главныхъ чертахъ ходъ литературнаго малорусскаго творчества отъ временъ варяжскихъ до послѣднихъ дней. Какой же характеръ оно носитъ, гдѣ его идеи? Чѣмъ проявилась *Малороссія въ ея исторіи словесности?* Намъ кажется, вотъ въ чемъ: во времена великокняжескія народъ южно-русскій, или по крайности высшіе его слои, были, разумѣется, движимы военнымъ духомъ и желаніемъ добычи,— но это военное настроеніе рано приняло характеръ земской защиты («Завѣщаніе Мономаха» и «Слово о полку Игореви»); во всякомъ же случаѣ вѣкъ героическій на югѣ Руси представилъ грандіозные образы воиновъ, въ которыхъ непосредственная дикость военная скрашена тѣмъ эстетическимъ колоритомъ героизма, который является всегда, когда военныя движенія народа получаютъ и другую цѣль, кромѣ добычи, напр. защиту слабаго (смерда, у Владиміра Мономаха), войну за вѣру, наконецъ славолюбіе. Этотъ же героическій эстетизмъ поднимаетъ на югѣ Россіи, какъ и вездѣ, положеніе женщины, по крайней мѣрѣ хоть исключительныхъ женщинъ. Образы героевъ, которыхъ «слава не умре, не поляже», ихъ «милыхъ» мелькаютъ передъ нами и въ приведенныхъ колядкахъ и особенно въ «Словѣ о полку Игореви», — и остаются навсегда отличительною принадлежностью украинской поэзіи и жизни. Съ XVI в., кромѣ земской и національной защиты, которой посвящена казацкая поэзія и исторіографія, — въ южно-русской жизни и литературѣ сильно проявляется стремленіе къ просвѣщенію съ довольно сильнымъ стремленіемъ къ свободѣ и разнообразію личнаго мышленія. Съ конца XVII и въ XVIII в. видно стремленіе къ самосознанію въ исторіографіи и въ попыткахъ того реально-сатирическаго отношенія къ жизни, которое могущественно повліяло и на великорусскую цивилизацію чрезъ Гоголя. Исторіографія южно-руссовъ съ XVII и XVIII в., въ особенности «Исторія Руссовъ», пыталась вмѣстѣ съ тѣмъ провести извѣстныя начала самоуправленія, а народъ своей исторіей показалъ, что онъ готовъ на все ради полученія свободы личной, въ своей же поэзіи пока-

залъ, что онъ вполнѣ сознательно боролся за эту свободу. Почти на всѣхъ пунктахъ книжной литературы въ Южной Руси XVIII-й вѣкъ представляетъ какой-то обрывъ. Въ религіозномъ же движеніи въ сторону протестантизма и религіознаго разнообразія, мы видимъ обрывъ его въ XVII вѣкѣ, и только въ народной поэзіи тянется нѣчто непрерывное—это стремленіе къ соціальной свободѣ и протестъ противъ рабства, оттого, начавъ рѣчь о южно-русскихъ думахъ временъ казацкихъ, мы не могли остановить ее на цвѣтущихъ временахъ этихъ думъ и должны были дойти до пѣсенъ о венгерскомъ и польскомъ возстаніяхъ 1848—63 годовъ. Несмотря на меньшее совершенство формы, эти послѣднія произведенія ясно показываютъ, что народное творчество не оскудѣло окончательно, — что народная мысль внизу сохранила еще до сихъ поръ свои характеристическія черты и основное направленіе. Какъ же великъ перерывъ, совершившійся въ исторіи южно-русской мысли и слова въ XVII и XVIII в. вверху общества? Былъ ли онъ или есть окончателенъ? Или и здѣсь продолжалось въ извѣстномъ направленіи народное творчество и здѣсь оно создало что-нибудь, хоть сколько-нибудь прочное, сколько-нибудь пригодное для нравственнаго капитала русскаго общества? Но отвѣтъ на это выходитъ изъ предѣла задачи настоящей статьи.

П. Т — въ.



НОВЫЙ ШАГЪ

въ

СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Въ концѣ прошлаго года войска наши заняли Красноводскій заливъ на Каспійскомъ морѣ. Событіе это первостепенной важности, хотя для осуществленія его и потребовалось весьма мало силъ; но, можно думать, что послѣдствія его должны быть многосторонни и весьма значительны. Это — новый путь, или вѣрнѣе сказать, новый источникъ, но спрашивается чего?

Чтобы разъяснить этотъ вопросъ съ надлежащею полнотою, необходимо бросить бѣглый взглядъ на мѣстность, нами занятую, въ связи съ окружающими странами и народами. Я плавалъ по Каспійскому морю не болѣе двухъ разъ, и потому не считаю себя компетентнымъ судьею относительно качествъ этого моря и плаванія по немъ; но что касается Киргизской степи, то я странствовалъ по ней и изслѣдовалъ ее во всѣхъ направленіяхъ. Это даетъ мнѣ право присоединить свое мнѣніе ко многимъ другимъ, высказаннымъ въ нашей печати по вопросу, важность котораго для нашей будущности на Востокѣ понята всѣми, а нѣтъ сомнѣнія, что эта будущность зависитъ вполнѣ отъ правильности перваго шага.

Красноводскій заливъ находится въ юго-восточной части Каспійскаго моря, и территорія его составляетъ часть кочевьевъ туркменскаго народа, который занимаетъ всю мѣстность на югъ и востокъ отъ него, съ одной стороны до границъ Персіи, т.-е. до рѣки Гюргеня и отраслей горъ, съ другой — до предѣловъ Хивы и крѣпости Чарфвуй на Аму-Дарьй. Средоточіемъ туркменскихъ кочевокъ, хотя не въ смыслѣ географическомъ, можно считать страну между разрушеннымъ городомъ Мервь на низовьяхъ рѣки Мургабъ и рѣкою Атрекъ. На-

родъ этотъ извѣстенъ въ Средней Азіи какъ воинственнѣйшій, а на языкѣ европейца справедливѣе можетъ быть названъ разбойническимъ. Наклонность туркменовъ къ разбою, конечно, обусловливается окружающими физическими условіями и степенью ихъ культуры. Занимая почти совершенно безплодную пустыню, въ сосѣдствѣ странъ, сравнительно богатыхъ и населенныхъ народами, нравственно и физически слабѣйшими, туркмены не могли не сдѣлаться грабителями по призванію. Этой профессіей они занимаются искони, и пока сосѣди ихъ не заставятъ себя уважать, до тѣхъ поръ и они будутъ продолжать свою самую выгодную и легкую работу. Народъ этотъ, какъ и всякій другой, при измѣнившихся условіяхъ перестаетъ быть исключительно разбойничьимъ, что́ подтверждается опытомъ надъ переселенными изъ Хивы на низовья Аму-Дарьи іомудами. Іомуды, хотя нѣкоторое время составляли весьма непокойныхъ подданныхъ Хивы, однако теперь живутъ мирно, какъ и остальные кочевые народы, подвластные хивинскому хану.

Занявъ теперь часть земли туркменовъ, мы очевидно имѣемъ цѣль проложить чрезъ нее ближайшій и безопасный торговый путь въ Хиву и далѣе въ Среднюю Азію, разсчитывая, что Каспійскимъ моремъ подвозъ товаровъ будетъ дешевле, и что сухопутная дорога изъ Красноводскаго залива до Аму-Дарьи короче, чѣмъ съ оренбургской линіи до той же рѣки или до Бухары. Разсматривая это предположеніе, въ нашей печати не разъ заявляли о возможности провести рѣку Аму-Дарью въ Каспійское море, и не мало находится людей, повидимому компетентныхъ, совершенно увѣренныхъ въ томъ, что Аму-Дарья, въ сравнительно недавнее время, впадала въ море, и что сто́итъ только намъ пожелать, и рѣка тотчасъ обратится въ покорнаго данника Каспія.

Остановимся на минуту, чтобы разъяснить этотъ вопросъ, или хотя бы поставить его опредѣлительнѣе.

Исходною точкою мечтающихъ объ обращеніи Аму-Дарьи въ Каспійское море обыкновенно служатъ факты, сообщенные древними географами; однако никто изъ нихъ положительно не утверждаетъ, что онъ видѣлъ рѣку эту впадающею въ Каспійское море, такъ что всѣ эти такъ-называемые факты, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказываются скорѣе преданіями и сказками. Затѣмъ слѣдуютъ показанія Муравьева и другихъ путешественниковъ о видѣнномъ ими сухомъ руслѣ, и наконецъ разсказы о томъ, что хивинцы изъ опасенія прихода русскихъ запрудили рѣку и отклонили ее въ Аральское море. Противъ повѣствованій очевидцевъ о существованіи стараго русла нельзя возражать; но остается только вопросъ: дѣйствительно ли эта видѣнная ими долина есть старое теченіе Аму-Дарьи? Подобнаго рода слѣды бывшихъ протоковъ можно видѣть и въ другихъ частяхъ арало-

каспійской низменности; напримѣръ, въ такъ-называемой голодной степи, между фортомъ Перовскій и Тургайскомъ, существуетъ сухой протокъ Иске-Дарьялыкъ (старый Дарьялыкъ), названіе котораго какъ бы указываетъ на связь съ Сыръ-Дарьею, а между тѣмъ связи такой не существуетъ. Что касается запруды, то извѣстно, что въ нынѣшнемъ столѣтіи запруду у города Кюня-Ургендонъ—она-то и считается причиною отклоненія рѣки—прорвало водою, и что вода послѣ этого потекла въ западномъ направленіи, т.-е. какъ бы къ Каспійскому морю, однако, пройдя нѣсколько десятковъ верстъ, сама собою остановилась, далеко не дойдя до Каспія. Впрочемъ, вообще трудно предположить, чтобы хивинцы были въ состояніи отклонить такую огромную рѣку, какъ Аму-Дарья; невѣроятно также, чтобы кочевавшіе въ то время на этой мѣстности народы дозволили безпрепятственно отнять у себя воду, т.-е. необходимое условіе безбѣднаго существованія; наконецъ, какимъ образомъ искусственное сооруженіе, въ нашемъ случаѣ запруда, было построено такъ прочно, что съ самаго своего возникновенія не требуетъ болѣе поддержки; можно было бы скорѣе предположить, что такая работа будетъ нуждаться въ частомъ и значительномъ ремонтѣ. Безъ сомнѣнія, запруда эта могла быть исполнена только по распоряженію власти, а слѣдовательно народъ очень хорошо помнилъ бы значительность и тягость работы, и вѣроятно сохранилъ бы о ней какое-либо преданіе, не говоря уже о томъ, что необходимыя періодическія поправки постоянно напоминали бы народу о повинности, но мы знаемъ, что такой повинности собственно для запруды Аму-Дарьи не существуетъ.

Разсмотримъ теперь географическое положеніе всей этой мѣстности. Она лежитъ почти на одной широтѣ съ главной полосой вулканическихъ явленій въ Европѣ, гдѣ подъемы и погруженія материка, въ историческія времена, доказаны фактами, именно: южной Италіей, Архипелагомъ и Кавказомъ. На востокъ отъ Каспія слѣды вулканическихъ, хотя весьма медленныхъ, подъемовъ видны далеко внутри материка Азіи. Низовья рѣки Сыръ-Дарьи не безъ причины отклоняются медленно, но постоянно къ сѣверу; южные рукава ея, Яны и Кувань-Дарьи, текутъ далеко не съ прежнимъ обиліемъ водъ, и не доходятъ до Аральскаго моря, какъ я лично убѣдился, отнюдь не вслѣдствіе человѣческихъ усилій, но по причинѣ болѣе сильныхъ двигателей, еще вполнѣ неразслѣдованныхъ. Вновь занятая нами страна около Ташкента подвержена весьма частымъ землетрясеніямъ. Однимъ словомъ, все показываетъ намъ, что причину отклоненій и измѣненій теченія рѣкъ въ этомъ поясѣ, а къ нему принадлежатъ и низовья Аму-Дарьи, должно искать въ геологическомъ строеніи этой страны, а не гоняться за дешевымъ объясненіемъ, хотя съ перваго взгляда весьма простымъ и понятнымъ. Наконецъ, въ пользу измѣненія теченія во времена до-

историческія говоритъ отчасти тотъ отрицательный историческій фактъ, что на предполагаемомъ устьѣ этой рѣки никогда не было большого населенія или города, что однако по всей вѣроятности случилось бы, еслибъ она служила когда-либо торговымъ путемъ изъ Индіи. При этомъ не могу не указать на одинъ примѣръ шаткости объясненій физическихъ явленій усиліями человѣческихъ рукъ. Очень недавно, по случаю открытія Суэзскаго канала, въ книгѣ, спеціально посвященной этому предпріятію, говорится, что старыя устья Нила заносились пескомъ по мѣрѣ того, какъ лежащіе на нихъ большіе города разорялись; не правдоподобнѣе ли будетъ предположить, что города приходили въ упадокъ и переселялись вслѣдствіе засоренія рѣки. Конечно, такое объясненіе было бы раціональнѣе, но такъ какъ оно изобличаетъ поднятіе страны, гдѣ прорытъ новый каналъ, а слѣдовательно предвѣщаетъ этому послѣднему плохую будущность, то въ книгѣ, писанной въ пользу этого предпріятія, предпочли упомянутое объясненіе, т.-е., что города обусловливаютъ теченіе рѣкъ, а не рѣки положеніе городовъ.

Между тѣмъ, и у насъ не прочь сулить журавля въ небѣ, чтобы пощекотать народное самолюбіе, а мимоходомъ пощупать и карманы соотечественниковъ; надо было поднять курсъ акцій; но я думаю, что будущій городъ нашъ на Каспіѣ, при устьѣ Аму-Дарьи, принадлежитъ отчасти къ породѣ газетной водяной птицы.

Но возвратимся къ главному предмету. Потечетъ или не потечетъ Аму-Дарья въ Каспій, однако въ обоихъ случаяхъ намъ придется прокладывать дорогу къ Хивѣ, и, проложивъ дорогу, утвердиться въ какомъ-нибудь пунктѣ на рѣкѣ. Допустимъ, что мы такъ или иначе устранили физическія препятствія: провели рѣку Аму-Дарью или вырыли по дорогѣ колодези, однимъ словомъ, устроили путь, остается еще вопросъ охраненія новаго пути. Конечно, мы въ этомъ дѣлѣ люди опытные, проложили же мы путь чрезъ Киргизскую степь, а условія здѣсь, въ землѣ Туркменской, въ извѣстной степени тѣже, только воды и растительности еще меньше, и страна отдаленнѣе отъ нашихъ границъ. Но дѣлать нечего, проложивъ путь надо его сдѣлать безопаснымъ, иначе торговля по немъ не пойдетъ; для этого конечно надо заставить слушаться туркменовъ, а намъ хорошо извѣстно, что всѣ эти народы только тогда повинуются, когда нѣтъ физической возможности оказать неповиновеніе: примѣромъ могутъ служить Башкирія и Киргизская степь. Ограничиться постройкою укрѣпленныхъ пунктовъ по пути нельзя, потому что такое пограничное управленіе краемъ не приводитъ къ добру, всегда приходится занять весь край, какъ это еще недавно было доказано во время переформированія управленій Киргизской степи. Одною изъ побудительныхъ причинъ этого переформированія былъ именно пограничный способъ управленія, при

которомъ, какъ говорятъ, обрусеніе степи шло весьма туго и совершалось не съ должною полнотою. Достиженіе этихъ цивилизаціонныхъ цѣлей, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, естественный ходъ событій заставляютъ насъ подвигаться все далѣе, и не жалѣть ни силъ, ни средствъ, такъ что, занявъ первоначально лишь ближайшія кочевки киргизовъ за Ураломъ, мы постепенно дошли до Сырь-Дарьи, и до самого Самарканда. Итакъ, по всей вѣроятности мы займемъ и въ настоящемъ случаѣ весь край; но что̀ значитъ весь край? гдѣ его границы? Рѣка Атрекъ? нѣтъ, за Атрекомъ тоже кочуютъ туркмены. Рѣка Гюргень [1])? и на ней и за ней тотъ же народъ, такъ что остается принять за рубежъ на югѣ границу Персіи, что вѣроятно и будетъ самымъ раціональнымъ предѣломъ. На востокъ территорія кочевокъ туркменъ доходитъ до границъ Герата и Авганистана. Работа проложенія такого пути, со стороны физической, безъ сомнѣнія не легкая, со стороны административно-политической принимаетъ черезчуръ широкіе размѣры, однако ее избѣгнуть нельзя, сцѣпленіе событій приводитъ насъ къ ней строго-логическимъ путемъ. Сама судьба толкаетъ насъ все впередъ въ этомъ направленіи, хотя, не во гнѣвъ будь сказано, подталкиваютъ отчасти и простые смертные. Десять лѣтъ тому назадъ немногіе полагали, что мы будемъ теперь въ Самаркандѣ; еще черезъ десять лѣтъ, а можетъ быть и гораздо ранѣе, я думаю, мы дойдемъ до восточной границы Персіи и займемъ г. Мервь. Причина ясна: столкнувшись теперь съ туркменами, какъ прежде съ киргизами, намъ остается на выборъ: или терпѣть ихъ грабежи, или подчинить ихъ себѣ; подобнымъ образомъ подвигались англичане въ Индіи, такъ идутъ теперь русскіе въ Средней Азіи. Тутъ не можетъ быть и рѣчи о томъ, слѣдуетъ ли это дѣлать или нѣтъ, дѣло само собою сдѣлается, можно только разсуждать о томъ, ка̀къ выгоднѣе его сдѣлать. Этотъ послѣдній вопросъ, дѣйствительно, весьма важенъ и отъ правильнаго рѣшенія его зависитъ вообще успѣхъ предпріятія, потому что успѣшнымъ можно назвать только дѣло окупающее своими послѣдствіями потраченныя на него издержки; одно достиженіе цѣли, во что бы то ни стало, еще не есть успѣхъ въ полномъ смыслѣ слова.

Для разрѣшенія нашей задачи, т.-е., ка̀къ поступить въ данномъ случаѣ, мы должны подойти къ вопросу съ другой стороны, а именно со стороны внѣшней политики. Что̀ скажутъ ближайшіе сосѣди? Въ этомъ смыслѣ первенствующую роль надо признать за Англіей, а затѣмъ уже слѣдуютъ страны, лежащія между ея владѣніями и нашими, т.-е. Авганистанъ и Персія. Взглядъ англійской интеллигенціи на наши завоеванія въ Средней Азіи, въ послѣднее время, довольно ясно высказался въ прессѣ и въ рѣчахъ государственныхъ людей; въ об-

[1]) Атрекъ и Гюргень—рѣки, впадающія въ юго-восточный уголъ Каспійскаго моря.

щемъ итогѣ онъ не совсѣмъ невыгоденъ для насъ, но во всѣхъ отзывахъ, даже въ говорящихъ въ нашу пользу, слышится что-то недосказанное, условное, а эти недомолвки конечно многихъ пугаютъ, и не даютъ взглянуть на дѣло безпристрастно. Постараемся разъяснить причину этого. По нашему крайнему убѣжденію, она кроется въ разладѣ, обнаруживающемся у насъ такъ часто между словомъ и дѣломъ. Дальше мы укажемъ на источникъ этого разлада, теперь напомнимъ только нѣсколько фактовъ. Передъ занятіемъ соединительной линіи между Оренбургскою и Сибирскою степью, мы въ заявленіяхъ нашихъ мотивировали, совершенно справедливо, необходимость такого соединенія территоріальными условіями, но вслѣдъ затѣмъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ оказалось неизбѣжнымъ занять Чимкентъ, а потомъ и Ташкентъ; взявъ тотъ и другой, мы опять во всеуслышаніе печатно высказывали, что больше намъ ничего не надо, однако пошли и въ Ходжентъ, а наконецъ даже въ Самаркандъ. Что́ будетъ дальше — не знаемъ, но мнѣ сдается, что и этого окажется мало, можно даже сказать навѣрное, что придется округлить границу. Между тѣмъ и несмотря на это, передъ нами тотъ несомнѣнный фактъ, что никто изъ упомянутыхъ выше сосѣдей не заявилъ протеста противъ нашихъ завоеваній, а тѣмъ менѣе грозилъ войною. Послѣ этого нельзя не признать, что всѣ наши колебанія были по меньшей мѣрѣ излишни, и что гораздо раціональнѣе было бы впередъ уговориться съ кѣмъ слѣдуетъ, что́ намъ надо и куда мы стремимся, потому что въ такомъ случаѣ сосѣди не имѣли бы даже причины мѣшать намъ нравственно. На это могутъ возразить, что мы и сами достовѣрно не знаемъ, куда идемъ; но такое возраженіе будетъ совершенно несправедливо, и мы прекрасно знаемъ, чего хотимъ: намъ надо занять такую границу, за которую наши новые подданные, отчасти кочевые, не будутъ имѣть причины періодически переходить по экономическимъ условіямъ своего образа жизни. Очевидно, что этому условію не удовлетворяютъ ни линія изъ Джуссека на Туркестанъ и Аульета, ни на Ташкентъ, Ходжентъ или Самаркандъ: народы, живущіе на сѣверной сторонѣ этихъ границъ, болѣе или менѣе живутъ и кочуютъ и на югъ отъ нихъ. Другимъ весьма важнымъ условіемъ хорошей пограничной линіи служитъ населенность ея, существованіе на ней какихъ бы то ни было гражданскихъ порядковъ и хотя нѣсколько твердаго правительства; послѣднему условію впрочемъ отчасти соотвѣтствуетъ наше положеніе въ Самаркандѣ. Бухара, страна съ осѣдлымъ населеніемъ и имѣетъ организованное правительство, но это только именно около Самарканда; все пространство отъ него на востокъ до Китая и на западъ до Каспія не признаетъ ничьей прочной власти, а самая пограничная черта совершенно фиктивна. Вотъ причина, почему мы идемъ все дальше и дальше. Незнакомому близко съ положеніемъ дѣлъ наблю-

дателю, наше наступленіе не можетъ не казаться завоевательною политикою, т.-е. жаждою пріобрѣтенія, которому не предвидится конца. Дѣйствительно, по нашему уразумѣнію, предѣлъ движенія впередъ не ближе Афганистана и Персіи — вотъ тотъ рубежъ, до котораго намъ надо добраться. На этой границѣ мы должны встрѣтиться съ Англіею. Но какъ извѣстно, наша соперница (какъ дѣло это у насъ обыкновенно понимаютъ) сама не прочь изъ Авганистана создать нейтральную и независимую страну, а что касается до Персіи, то изъ нея Англія уже сдѣлала нѣчто въ родѣ такого государства. Занять Авганистанъ англичане не желаютъ и дѣйствительно нѣтъ никакихъ причинъ предвидѣть такое занятіе; во всякомъ случаѣ, какъ по опыту дознано, это вовлекло бы ихъ въ нескончаемый рядъ военныхъ дѣйствій, не дающихъ осязательнаго результата, кромѣ громадныхъ издержекъ. Спрашивается, зачѣмъ же мы не высказываемъ нашихъ желаній прямо и рѣшительно? Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ упомянутымъ разладомъ между словомъ и дѣломъ. Казалось бы, Россіи бояться нечего, не объявятъ же ей войну изъ-за какихъ-нибудь хивинскихъ и бухарскихъ интересовъ, а между тѣмъ наши газеты и журналы какъ будто все опасаются какихъ-то столкновеній. Объясненіе этихъ опасеній надо искать въ томъ преувеличенномъ понятіи о важности нашихъ пріобрѣтеній, которое журналы и брошюры стараются распространить въ публикѣ, совершенно забывая, что вмѣстѣ съ пріобрѣтеніями и выгодами на насъ ложится и очень значительное бремя, а подчасъ даже невыгоды могутъ становиться больше выгодъ. Стоитъ только сообразить разстоянія отъ центровъ нашей политической и промышленной жизни, и еще свойство странъ, по которымъ лежатъ пути сообщенія, чтобы убѣдиться, что не очень легко намъ будетъ защищать такія отдаленныя владѣнія. Но эта трудность, въ извѣстномъ смыслѣ, составляетъ нашу выгоду, потому что наши европейскіе сосѣди очень хорошо понимаютъ, что именно потому мы не можемъ сдѣлаться въ этихъ краяхъ слишкомъ опасными. Между тѣмъ, для полудикихъ народовъ мы всегда будемъ страшны и всегда будемъ имѣть возможность водворить тамъ порядокъ, а это одинаково нужно намъ и нашимъ европейскимъ сосѣдямъ. Но такія соображенія конечно не допускаются извѣстною кликою нашихъ публицистовъ, которымъ во что бы то ни стало надо съ одной стороны поддразнивать народное самолюбіе, увѣряя, что насъ вездѣ и всегда боятся, а съ другой — увѣрять правительство въ такихъ опасностяхъ, какихъ на дѣлѣ не существуетъ. Вслѣдствіе такого двоякаго стремленія, часть нашей прессы усматриваетъ въ каждой попыткѣ правительства или печати выдти на чистую дорогу—чуть не измѣну народному дѣлу. Ясное обозначеніе нашихъ цѣлей и желаній, конечно, однимъ разомъ лишило бы этихъ патріотовъ-подстрекателей возможности играть въ политику и сулить на-

роду выгоды, о существованіи которыхъ они сами имѣютъ весьма смутное понятіе.

Такимъ образомъ, мы остаемся при высказанной выше мысли, что выгоднѣйшимъ и удобнѣйшимъ способомъ достиженія нашихъ цѣлей въ Средней Азіи представляется намъ полное и открытое соглашеніе съ сосѣдями. Понятно, что и другіе европейскіе народы пожелаютъ участвовать въ эксплуатаціи, посредствомъ торговыхъ сношеній, тѣхъ странъ, которыя мы приведемъ къ повиновенію; но торговаго соперничества конечно безполезно избѣгать, и оно намъ въ общей сложности не можетъ быть опаснымъ.

Оставаясь при такомъ взглядѣ на наши отношенія въ Средней Азіи, посмотримъ, какую пользу можно ожидать отъ пріобрѣтенія и устройства торговой станціи на восточномъ берегу Каспійскаго моря. Предположимъ опять вышеупомянутые два случая: первый—Аму-Дарья будетъ впадать въ Каспій; и второй — Красноводскій заливъ будетъ только складочнымъ пунктомъ, а товары пойдутъ далѣе сухимъ путемъ. Первое изъ предположеній, какъ весьма невѣроятное, слѣдовало бы оставить совсѣмъ безъ вниманія, но скажемъ нѣсколько словъ и объ немъ. Если рѣка Аму-Дарья, которая въ бо́льшей части своего теченія судоходна, дойдетъ до берега Каспійскаго моря, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы морскія суда могли ходить безпрепятственно и по рѣкѣ; по всей вѣроятности, низовье ея будетъ не очень многоводно, потому что отъ хивинскихъ предѣловъ ей придется пробѣжать все разстояніе по глинисто-песчаной пустынѣ, поглощающей огромное количество водяныхъ паровъ, притоковъ же она, конечно, здѣсь принимать не будетъ. По меньшей мѣрѣ должно предполагать, что при устьѣ ея образуется отъ ила постоянный баръ, который во всякомъ случаѣ, по причинѣ удлиненія теченія рѣки, будетъ значительнѣе бара ея при впаденіи въ настоящее время въ Аральское море, а на этомъ послѣднемъ вода, какъ извѣстно, не превышаетъ двухъ съ половиною футовъ глубины. Другими словами, мы увидимъ здѣсь въ такомъ случаѣ тоже, что въ Астрахани, т.-е. суда рѣчныя не будутъ выходить въ море, и потребуется перегрузка. Это обстоятельство, какъ извѣстно, значительно уменьшаетъ достоинства водяного пути, тѣмъ болѣе, что для товаровъ, идущихъ изъ Россіи, безразлично—водою или по будущимъ желѣзнымъ дорогамъ чрезъ Кавказъ потребуется перегрузка два раза: въ Астрахани или Баку, и въ Красноводскомъ заливѣ. Но главное дѣло въ томъ, что обращеніе Аму-Дарьи въ Каспійское море есть конечно только мечта, равнымъ образомъ и паровые желѣзные пути въ Средней Азіи останутся еще долгое время въ области желаній; на самомъ же дѣлѣ здѣсь мы будемъ имѣть дѣло пока съ верблюдомъ. Принимая же этотъ способъ перевозки, т.-е. вьючный, за преобладающій, и сравнивая удобства его на пути изъ Красноводскаго залива

въ Бухару съ удобствами отправленія товаровъ чрезъ Оренбургскую и Сибирскую степи, мы, кажется, должны придти къ заключенію, что новое наше пріобрѣтеніе особыхъ весьма важныхъ коммерческихъ выгодъ не представляетъ. Изъ Россіи товары конечно могутъ быть доставляемы за меньшую плату въ Астрахань, чѣмъ въ Оренбургъ, Троицкъ или Петропавловскъ, но за то въ Астрахани предстоитъ перегрузка, потомъ фрахтъ моремъ, хотя современемъ будетъ конечно дешевый, но за то страховая премія уравновѣситъ часть этой дешевизны; наконецъ предстоитъ вновь перегрузка. На степномъ пути товаръ отъ воротъ русскихъ городовъ перевозится однимъ способомъ до мѣста назначенія. Особенно невыгодна для новаго пути необходимость направлять караваны изъ Красноводска почти исключительно по одной дорогѣ, тогда какъ степями они идутъ по множеству направленій, и недостатка корму для вьючныхъ животныхъ не предвидится, что непремѣнно должно случиться при слѣдованіи большого количества тяжестей по одной линіи; несмотря на неразборчивость и неприхотливость верблюда, извѣстное количество растительности ему однако необходимо. Это обстоятельство всегда будетъ ограничивать развитіе торговли по пути изъ Красноводска. Возможность увеличенія числа верблюдовъ на этой линіи весьма скоро достигнетъ своего предѣла, и остановитъ дальнѣйшее развитіе торговли, еслибы даже другія обстоятельства ей благопріятствовали.

Изъ всѣхъ искусственныхъ способовъ перевозки тяжестей, ближайшимъ къ осуществимости въ степяхъ можно считать конножелѣзныя дороги, но едвали и въ этомъ отношеніи не должно отдать преимущество нашимъ травянымъ степямъ передъ безводною пустынею между морями. При направленіи желѣзной дороги въ Саратовъ, нѣтъ ничего невозможнаго продолжить ее до г. Уральска, а отсюда конножелѣзный путь до низовьевъ Сыръ-Дарьи нельзя считать дѣломъ совершенно невозможнымъ. Послѣ этого, спрашивается, какія выгоды представляетъ въ коммерческомъ отношеніи занятіе Красноводскаго залива, не говоря уже о безплодіи и безводности его, что̀ намъ было давно извѣстно? Это пріобрѣтеніе неоспоримо принесетъ весьма большую пользу рыболовству, а равно разовьетъ по всей вѣроятности добываніе нефти на островѣ Челекенѣ, находящемся вблизи нашихъ новыхъ владѣній или составляющемъ уже часть ихъ. Вообще надо признаться, что хотя торговля наша въ Средней Азіи съ каждымъ годомъ болѣе развивается, но основаніе ея очень непрочно и въ явной зависимости отъ разныхъ случайностей. Такъ какъ мы дѣйствовали, не обращая вниманія на сосѣдей, то конечно они въ свою очередь будутъ противодѣйствовать нашимъ планамъ, и вотъ каковъ, мнѣ кажется, будетъ конечный результатъ нашихъ дѣйствій, которыя, вслѣдствіе своей неопредѣленности, не могутъ не раздражать въ извѣстной степени Пер-

сіи и ея союзниковъ. Мы пользовались на рынкахъ Средней Азіи первенствомъ не по причинѣ превосходства нашихъ товаровъ, но потому, что по настоящее время въ рукахъ англичанъ не было дешеваго и безопаснаго пути, а поэтому тѣ немногіе англійскіе товары, которые проникали туда, по дороговизнѣ перевозки, необходимо должны были быть необыкновенно дешевыя издѣлія, а слѣдовательно самаго дурного качества; понятно, что съ такими товарами намъ легко было конкуррировать. Дорога же чрезъ Авганистанъ, по трудности подъемовъ черезъ горы, еслибы даже удалось ее сдѣлать безопасною отъ грабителей, никогда не можетъ выдержать сравненіе съ удобствами путей, находящихся въ нашихъ рукахъ. Эти обстоятельства очень хорошо оцѣнены англичанами, и они не обращали всей своей энергіи на открытіе другой дороги, только лишь потому, что не желали черезъ это ускорить развязку ихъ отношеній къ намъ въ Средней Азіи. Теперь мы сами вынуждаемъ ихъ взяться за дѣло.

Путь этотъ, т.-е. лучшій и выгоднѣйшій для нихъ, идетъ изъ Персіи черезъ города Мешедъ и Мервь и среднее теченіе Аму-Дарьи. Нѣтъ сомнѣнія, что тому народу, который первый возстановитъ безопасность на этой дорогѣ, будетъ принадлежать, на долгое время, главенство въ торговлѣ съ Среднею Азіею. Между тѣмъ нашъ образъ дѣйствій, по настоящее время, очевидно не руководился этою мыслію, иначе мы бы не рѣшились раздражать Персію мелкими покушеніями на пріобрѣтеніе второстепенныхъ окружныхъ путей, а добивались бы главной цѣли. Продолжая дѣйствовать такъ, какъ мы начали, мы, какъ сказано, непремѣнно заставимъ англичанъ взять это дѣло въ свои руки; а руки эти довольно искусныя, и за что возьмутся,—то сдѣлаютъ хорошо и основательно. Въ самомъ дѣлѣ, устроить этотъ путь не такъ трудно, какъ кажется съ перваго взгляда, нашимъ соперникамъ стóитъ для этого только усилить и поддержать матеріально Персію, а она, какъ держава магометанская (хотя шіитскаго толка), будетъ сама собою имѣть большія преимущества передъ націями христіанскими. При помощи иностранныхъ офицеровъ персамъ не трудно будетъ покорить туркменовъ; удачную попытку въ этомъ отношеніи сдѣлалъ уже покойный Аббасъ-Мирза, но смерть помѣшала ему окончить начатое; теперь нѣчто подобное, конечно, уже дѣлается. Приведя туркменъ къ порядку посредствомъ Персіи, Англія не затруднится сдѣлать невозможнымъ всякія попытки грабежей со стороны авганъ, а затѣмъ дорога остается открытою. Если это случится, и случится помимо насъ, то конечно на первый разъ, а можетъ быть на довольно долгое время, всѣ выгоды отъ вновь открытаго пути и рынковъ, къ которымъ онъ ведетъ, достанутся нашимъ соперникамъ. Вотъ ближайшій результатъ нашихъ колебаній. Воспрепятствовать силою такому ходу дѣла окажется невозможнымъ, или по покрайней мѣрѣ введетъ

насъ въ издержки несоразмѣрныя съ ожидаемою пользою. Остается значитъ уладить дѣло путемъ дипломатическимъ, т.-е. принявъ не только участіе, но даже взявъ на себя главное усмиреніе туркменовъ, и предоставить Англіи охранять путь съ юга отъ авганъ и другихъ мелкихъ грабителей. Персія, убѣдившись въ согласіи европейскихъ державъ, конечно не можетъ не содѣйствовать. Если этотъ путь устроится послѣднимъ способомъ, то Англія не будетъ имѣть надобности, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, рисковать своими капиталами для проведенія по Персіи и Азіатской Турціи желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ товары дешево и безопасно могутъ доставляться изъ Чернаго моря по нашимъ закавказскимъ желѣзнымъ дорогамъ къ Каспійскому морю, или современемъ по дорогамъ чрезъ Персію. Путемъ соглашенія можно бы вести это предпріятіе успѣшнѣе и съ меньшими расходами добиться положительныхъ результатовъ, только не слѣдуетъ увлекаться неопредѣленными ожиданіями, которыя весьма легко могутъ не сбыться. Но конечно въ такомъ случаѣ занятіе Красноводскаго залива не есть рѣшительный шагъ, этотъ заливъ не составляетъ даже этапнаго пункта на нашемъ пути слѣдованія; но мѣра эта впослѣдствіи по всей вѣроятности оказалась бы необходимою, теперь же полезнѣе было бы занять мѣстность по рѣкѣ Гюргеню, черезъ что наша морская станція на Амуръ-аде получила бы первенствующее значеніе. Такимъ движеніемъ мы разомъ лишили бы туркменовъ возможности нападать на Персію и заставили бы ихъ разъ навсегда признать нашу власть; со стороны же Красноводскаго залива мы можемъ дѣйствовать только съ фронта, и не препятствуемъ имъ, удаляясь на югъ, смотря по обстоятельствамъ, соединяться съ нашими непріятелями или грабить нашихъ сосѣдей, что одинаково вредно для насъ.

Занятіе Красноводскаго залива еще менѣе можетъ считаться удачнымъ шагомъ къ окончательному рѣшенію вопроса о границѣ нашихъ владѣній, такъ какъ, не давая намъ фактической власти надъ туркменами, это занятіе дѣлаетъ насъ однако въ извѣстной мѣрѣ отвѣтственными за ихъ поступки, и въ тоже время безполезно возбуждаетъ опасенія въ нашихъ сосѣдяхъ, съ которыми къ концу концовъ придется, такъ или иначе, сводить счеты.

Л. М—ръ.

Казань.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е іюня, 1870 г.

Государственность нашей церкви и возникающія отсюда послѣдствія для государства и для церкви. — Различіе между свободою иновѣрческаго богослуженія и свободою религіи. — Извлеченіе изъ отчета оберъ-прокурора св. синода за 1868 годъ.—Православная пропаганда.—Дѣятельность духовенства по народному образованію. — Церковно-приходскія попечительства и препятствія къ ихъ развитію. — Отзывы духовенства о народной нравственности. — Общій взглядъ на отчетъ оберъ-прокурора. — Общество распространенія св. писанія и его первый отчетъ. — По поводу уличной продажи газетъ. — Отвѣтъ Диксона на письмо пр. Капустина.

Положеніе нашего духовенства, реформы, производимыя въ духовномъ вѣдомствѣ, отношенія «вѣдомства православнаго исповѣданія» къ обществу — предметы, имѣющіе у насъ исключительную государственную важность, такъ какъ церковь въ Россіи тѣсно соединена съ государствомъ. Правда, православная церковь въ настоящее время уже утратила значеніе могущественной, даже можно сказать главной государственной силы, какое несомнѣнно принадлежало ей прежде; съ тѣхъ поръ, какъ въ государство вступили иновѣрныя христіанскія же области, государство уже только само можетъ заботиться о скрѣпленіи своего единства, первоначальному установленію котораго, въ прежнихъ предѣлахъ, православная церковь содѣйствовала чрезвычайно много. Но при всемъ томъ, какъ бы ни была незначительна самостоятельность православной церкви въ юридическомъ смыслѣ, — фактически она и до сихъ поръ имѣетъ свой вѣсъ. Многіе изъ людей искренно либеральныхъ какъ будто игнорируютъ однако такой фактъ, и не признаютъ, что государство у насъ еще во многомъ само подчинено церкви, несмотря на все подчиненіе послѣдней первому, и что этотъ ненормальный фактъ вреденъ для обѣихъ сторонъ, замедляетъ раціональное развитіе политической жизни въ государствѣ, а въ церкви препятствуетъ самостоятельному, основанному на независимости и достоинствѣ, устройству.

Да, церковь дѣйствительно имѣетъ у насъ всѣ права важнаго государственнаго установленія. Начать съ того, что ей, то-есть ея отдѣльному, высшему начальству, подчинено въ имперіи населеніе слишкомъ въ шестьсотъ тысячъ душъ, представляющихъ притомъ высшую интеллигенцію сравнительно съ народными массами. Правда, новѣйшій законъ уничтожилъ наслѣдственность духовнаго званія. Но это собственно отмѣнило только непремѣнность духовной касты, а не уничтожило духовнаго сословія, которое всегда будетъ, такъ какъ средства къ жизни здѣсь зависятъ отъ отдѣльныхъ условій и состоятъ въ распоряженіи особой власти. Вопросъ: отъ кого и отъ какихъ условій зависятъ извѣстныя средства къ жизни, всегда рѣшитъ и вопросъ и томъ, кому подчинены не только сами пріобрѣтатели этихъ средствъ къ жизни, но и ихъ семейства. Управляя судьбами шестисотъ-тысячнаго населенія, православная церковь въ Россіи получаетъ изъ государственныхъ доходовъ болѣе $8^1/_2$ милліоновъ рублей, которые составляютъ бюджетъ вѣдомства св. синода и, конечно, представляютъ только малую часть дѣйствительнаго бюджета церкви, обнимающаго вознагражденіе за требы, кружечный и свѣчной сборы и частныя пожертвованія, наконецъ доходъ съ церковныхъ земель. Имѣя, такимъ образомъ, кругъ вѣдомства и бюджетъ наравнѣ съ другими главными государственными установленіями, православная церковь пользуется, по нѣкоторымъ законоположеніямъ, такими привилегіями, какими пользуются далеко не всѣ вѣдомства. Имѣя, такъ-сказать, особый удѣлъ въ государствѣ и долю въ государственномъ бюджетѣ въ свое исключительное пользованіе, она кромѣ того въ извѣстной мѣрѣ распространяетъ свою юрисдикцію на весь составъ имперіи, на всѣ вѣдомства и все общество. Ея наблюденію и одобренію въ значительной мѣрѣ подчинено все народное образованіе, малѣйшее изъ ея имуществъ ограждено кромѣ общихъ законовъ о собственности еще закономъ о святотатствѣ, ей подчинена мысль въ литературѣ, путемъ спеціальной цензуры.

Да и въ одной ли литературѣ свобода мысли гражданина подчинена церкви? Нѣтъ, всякое проявленіе мысли, всѣ дѣйствія гражданина при сліяніи государства съ церковью, подчинены государствомъ церкви. Это приводитъ насъ къ той всеобъемлющей привилегіи церкви, которая выражается преимущественно отрицательнымъ образомъ: государство не можетъ издать ни одного постановленія, не можетъ произвесть ни одной реформы, принять ни одной даже частной мѣры въ противность тѣмъ спеціально-духовнымъ уставамъ церкви, которые сами съ государствомъ не имѣютъ ничего общаго. Нѣтъ, напр., того вѣдомства, сословія, званія, изъ котораго окончательно невозможно было бы выйти, если человѣка зоветъ къ тому сильное внутреннее стремленіе. Человѣкъ воленъ избирать себѣ условія жизни, покрайней

мѣрѣ законъ ему въ этомъ не препятствуетъ, если онъ исполнилъ лежащія на немъ временно обязательства; онъ можетъ достигнуть любого званія, онъ можетъ перемѣнять мѣсто жительства отъ одного предѣла имперіи до другого; онъ можетъ даже законно выдти изъ нихъ. Единственная безусловная обязанность гражданина — принадлежность къ государству, самая государственная связь, подданство — и то допускаетъ исключеніе: законъ дозволяетъ просить въ нѣкоторыхъ случаяхъ объ исключеніи изъ подданства. Итакъ, государство допускаетъ выходъ изъ самого себя, даже самая основная связь его не можетъ быть окончательно безусловна для всѣхъ его членовъ. Но ничего этого оно, государство, при сліяніи его съ церковью, не допускаетъ по отношенію къ господствующей церкви: православное вѣдомство, званіе православнаго суть единственное вѣдомство и единственное званіе, изъ которыхъ безусловно и окончательно нѣтъ законнаго выхода. Конечно, человѣкъ можетъ фактически уклониться въ расколъ и въ данное время не подвергнуться за это преслѣдованію; но это будетъ все-таки преступленіе и безнаказанность будетъ только послабленіемъ, а не правомъ. И такой человѣкъ, даже если и не подвергнется уголовному наказанію или ссылкѣ, будетъ ipso facto лишенъ доступа къ преимуществамъ, какія даетъ государство, напр. къ службѣ, къ высшему образованію, полученію дипломовъ и т. д.

Мы должны поэтому поводу уяснить огромную разницу, какая существуетъ между свободою иновѣрческаго богослуженія въ государствѣ, и свободою религіозною. Достаточно для этого привести примѣръ, который представитъ намъ аномалію даже въ церковномъ смыслѣ: лютеранину открытъ въ государствѣ доступъ ко всѣмъ преимуществамъ, даже къ самымъ высшимъ государственнымъ отличіямъ, а русскій раскольникъ не можетъ даже вступить въ службу, развѣ въ солдаты. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія догматической, большинство русскихъ безпоповцевъ, напримѣръ, несомнѣнно ближе къ православію, такъ какъ лютеране отвергаютъ не только преемство священства въ наше время, но самый догматъ священства, и не только расходятся съ господствующею церковью въ настоящемъ, но отвергаютъ ея авторитетъ съ самаго начала, ибо отвергаютъ вселенскіе соборы. Да и не только лютеранинъ, а даже не христіане — евреи, магометане могутъ проходить государственную службу и получать отличія. Съ точки зрѣнія догматической, безпоповцамъ ужъ конечно слѣдовало бы отдать предпочтеніе передъ нехристіанами. Почему же государство этого не дѣлаетъ? Потому, что церковное правительство указываетъ, что православные въ лютеранство переходятъ весьма рѣдко, въ еврейство никогда, а въ безпоповщину и молоканство весьма часто; стало быть, для охраны господствующей

церкви приверженцы раскола должны быть лишены тѣхъ преимуществъ, которыми нехристіане могутъ безпрепятственно пользоваться.

Итакъ, государство не только согласуетъ всѣ свои постановленія съ правилами ученія господствующей церкви, воспрещаетъ все то, что воспрещаетъ она, и наказуетъ ея отщепенцовъ такъ или иначе, но подчиняется не только ученію церкви, ея вѣрованіямъ, а даже ея *особой политикѣ*. Изъ всего этого ясно, что православная церковь въ Россіи и по настоящее время есть не только важное государственное установленіе, наравнѣ съ прочими, но еще установленіе привилегированное и во многомъ рѣшительно подчиняющее себѣ мѣры государства ко внутреннему его развитію.

Мы не будемъ касаться вопроса о томъ, до какой степени такое положеніе дѣлъ, такая взаимноподчиненность можетъ быть вредна для внутренняго самостоятельнаго развитія какъ государства, такъ и церкви; наша цѣль въ настоящую минуту—разсмотрѣть современное фактическое положеніе дѣлъ въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія, помимо вопроса о нашей религіозной свободѣ. Мы должны однако замѣтить, что послѣдній вопросъ, о которомъ мы уже говорили не разъ, по какому-то странному недоразумѣнію, какъ будто не существуетъ въ настоящее время для огромнаго большинства нашей печати. Въ ней очень много говорится въ пользу совершеннаго отдѣленія церкви отъ государства во Франціи и въ Италіи, о несообразности духа клерикализма съ законодательствомъ по поводу Австріи, выражается радость, что наконецъ господство нетерпимости пало и въ Испаніи. И все это очень хорошо; но при умолчаніи о нашихъ внутреннихъ условіяхъ, все это получаетъ какой-то странный смыслъ и оставляетъ массу читателей въ пріятномъ убѣжденіи, что еслибы церковь въ иностранныхъ государствахъ была подчинена, какъ у насъ, вѣдомству оберъ-прокурора св. синода, то тамъ не могло бы даже и возникнуть никакихъ затрудненій на счетъ полной независимости государства отъ церкви.

Обращаясь къ данному положенію духовнаго вѣдомства, бросимъ безотносительный взглядъ на то, что тамъ происходитъ новаго. Съ 1866 года печатаются для общаго свѣдѣнія отчеты оберъ-прокурора, хотя и въ извлеченіяхъ только, но въ извлеченіяхъ весьма пространныхъ. Извлеченія изъ отчета оберъ-прокурора за 1868 годъ обнародованы уже нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ, и на нынѣшній разъ составляютъ около трехъ печатныхъ листовъ, но тѣмъ не менѣе они еще не даютъ полной картины наиболѣе интересныхъ сторонъ нынѣшней дѣятельности въ духовной средѣ, а потому, несмотря на множество неважныхъ частностей, они лишаютъ насъ иногда свѣдѣній наиболѣе существенныхъ. Въ обнародованныхъ извлеченіяхъ мы отмѣтимъ три стороны дѣятельности духовнаго вѣдомства: распростра-

неніе церкви, т.-е. прозелитизмъ и миссіонерство, попеченіе о народномъ образованіи и нравственности, и внутреннія преобразованія въ самомъ духовномъ вѣдомствѣ.

Въ отчетѣ упоминается о возсоединеніи къ православію нѣсколькихъ духовныхъ лицъ изъ раскола, причемъ дается особое значеніе обращенію раскольничьихъ архимандрита Геронтія и священно-инока Козьмы, принадлежавшихъ къ австрійской іерархіи. Первый былъ однимъ изъ участниковъ въ самомъ учрежденіи бѣлокриницкой митрополіи, а второй предназначался московскими раскольниками въ ихъ архіепископы. Относительно общаго положенія раскола въ Россіи отчетъ не указываетъ ничего новаго. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ расколъ слабѣетъ, но ослабленіе это, сколько видно изъ отчета, имѣетъ характеръ случайный, а потому можетъ быть только временнымъ. Въ одномъ мѣстѣ начнетъ появляться слишкомъ много наставниковъ, между которыми, разумѣется, произойдутъ раздоры, и вотъ довѣріе къ нимъ теряется и раскольники наконецъ приходятъ въ такую путаницу понятій или такое равнодушіе, что сами не знаютъ, какого толка держаться. Происшедшее въ самомъ расколѣ разногласіе относительно вопроса о подчиненности іерархіи, пребывающей за австрійскою границей, конечно, должно было ослабить авторитетъ раскольничьихъ наставниковъ и рвеніе ихъ паствъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Въ другихъ же мѣстахъ, расколъ хотя и не распространяется съ особымъ успѣхомъ, однако держится крѣпко. Мы находимъ два числовыхъ примѣра успѣховъ раскольничьей пропаганды. Если ограничиться ими, то общій результатъ борьбы православія съ расколомъ можно выразить цифрами. Раскольниковъ въ минувшемъ году обращено было 2,450 чел., а уклонилось въ расколъ въ губерніи Нижегородской 1,397 чел. и въ Саратовской губерніи 300 человѣкъ, всего 1,497; такъ что успѣхъ православной пропаганды обозначился бы цифрою 1,053 человѣка. Но дѣлая этотъ выводъ, мы не придаемъ ему значенія. Само собой разумѣется, что духовное вѣдомство не можетъ выразить въ цифрахъ *общаго числа* уклоненій въ расколъ; оно можетъ сдѣлать это только по отношенію къ крупнымъ населеніямъ, поголовно совратившимся и потому указываетъ на цифры такихъ уклоненій только, какъ на примѣры. Принимая же въ разсчетъ, что оно свидѣтельствуетъ о возрастаніи раскола еще въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, можно придти къ выводу, что значительнаго результата пропаганды съ обѣихъ сторонъ не было, то-есть, что отношенія раскола къ православію остались in statu quo.

Говоря о пропагандѣ, не можемъ не обратить вниманія на то, какъ неясно у насъ поставленъ до сихъ поръ даже и вопросъ о простой терпимости по отношенію къ раскольникамъ, уже не вновь совратившимся, а родившимся въ своей вѣрѣ. Отчетъ видитъ какъ бы

посягательство на права церкви уже не только въ распространеніи раскола, но и въ самой его *крѣпости.* Мѣстные архіереи до такой степени проникнуты идеею государственности церкви, что говорять только о необходимости мѣръ. Такъ, въ костромской епархіи, напримѣръ, расколъ, по удостовѣренію начальника епархіи «въ числѣ послѣдователей и въ своихъ силахъ слабѣетъ». Кажется, чего же желать тутъ и самимъ пропагандистамъ? Но нѣтъ, къ этому свидѣтельству костромской преосвященный прибавляетъ: «только нужно, чтобы терпимость къ раскольникамъ не переходила въ *поблажку* самому расколу и расколоучителямъ». Чтó значитъ наша терпимость къ расколу: что всѣхъ раскольниковъ не ссылаютъ? Едвали ее можно опредѣлить иначе, ибо нѣтъ сомнѣнія, что и теперь явись только гдѣ-нибудь расколоучитель, особенно «фанатическій», то-есть усердный и энергическій, относительно его тотчасъ же будутъ приняты мѣры по указанію мѣстнаго духовенства. Потомъ, гдѣ же кончается «терпимость» и начинается «поблажка»? — вотъ чтó опредѣлить особенно трудно. Вѣдь нельзя же себѣ представить, чтобы гдѣ-либо мѣстныя власти въ самомъ дѣлѣ стали *содѣйствовать* распространенію раскола — это нелѣпо. Но если онѣ не содѣйствуютъ, а только бездѣйствуютъ, то вѣдь это и есть терпимость. Или это уже есть поблажка? Но въ такомъ случаѣ, въ чемъ же именно можетъ заключаться терпимость?

Возьмемъ такой примѣръ: въ черниговской епархіи есть два раскольничьихъ монастыря; въ 1850 году послѣдовало правительственное распоряженіе о ихъ закрытіи, но не прежде, какъ когда всѣ живущіе въ немъ старцы перемрутъ. Положимъ, что это—терпимость. Но вотъ теперь, черниговскій преосвященный замѣчаетъ, что старцы эти «не умираютъ, а обновляются». Засимъ отчетъ уже отъ себя говоритъ, что здѣсь сектаторы собираются для разсужденій и «здѣсь стараются *крѣпко* держаться своего отщепенства», и потому, прибавляетъ отчетъ: «съ *устраненіемъ* этихъ препятствій, расколъ, можетъ быть, еще болѣе ослабѣлъ бы въ указанной мѣстности». Но устраненіе въ *настоящее время* того, что было терпимо *въ 1850 году,* было ли бы это для настоящаго времени:—терпимость?

Здѣсь же мы необходимо должны поставить такой вопросъ: съ какою цѣлью во всеподданнѣйшемъ отчетѣ указывается прямо на домъ одного богатаго купца въ Казани, гдѣ отправляются раскольничьи службы, хотя дѣло о закрытіи этой церкви, уже однажды возбужденное, остановилось *по отсутствію положительныхъ доказательствъ?* Само по себѣ существованіе молельни въ томъ или другомъ мѣстѣ— такая подробность, которая нейдетъ въ отчетъ. Отчего же объ этой именно молельнѣ въ немъ упомянуто? Или положительныя доказательства теперь найдены—но въ такомъ случаѣ возбудили бы вновь и самое дѣло. Не разсчитано ли скорѣе это указаніе въ отчетѣ на то,

чтобы молельня была закрыта, независимо отъ пути положительныхъ доказательствъ? Но для исходатайствованія такихъ мѣръ отдѣльныя представленія казались бы удобнѣе, чѣмъ отчеты о состояніи вѣдомства.

Мы также затрудняемся объяснить, съ какою цѣлью въ отчетѣ приведены, со словъ мѣстныхъ духовныхъ начальствъ, такія разсужденія раскольниковъ: «что все совершаемое въ томъ домѣ (казанскаго купца) будто бы извѣстно правительству; что правительствомъ дозволено свободное и безпрепятственное отправленіе службы по раскольническому обряду ихъ собственными, австрійскаго производства лже-священниками», съ прибавленіемъ, что такими разсужденіями «легковѣрные соблазняются». Или слѣдующее объясненіе о Нижегородской губерніи, въ которой именно расколъ сдѣлалъ наиболѣе значительныя пріобрѣтенія: «раскольники говорятъ, что *такъ какъ за удаленіе отъ церкви они не преслѣдуются*, то и не сомнѣваются получить спасеніе и безъ церкви». Подобное же свидѣтельство приведено въ отчетѣ и о Тверской губерніи. Съ какою цѣлью ссылаются на подобныя разсужденія мѣстныя духовныя начальства — это вполнѣ понятно. Они до такой степени прониклись духомъ церковной государственности, до такой степени убѣждены въ истинѣ, что государство должно быть карающимъ мечемъ въ рукахъ церкви, что ссылкѣ на подобныя разсужденія *съ ихъ стороны* удивляться нечего. Ихъ цѣль ясна: «вы даете поблажку раскольникамъ не преслѣдуя ихъ, не закрывая монастырей, оставленныхъ и въ 1850 году, не закрывая церкви въ домѣ казанскаго купца, хотя и безъ положительныхъ доказательствъ; вы не преслѣдуете раскольниковъ, и вотъ почему они крѣпко держатся, вотъ почему мы не можемъ обратить ихъ; вы ихъ не преслѣдуете, а они въ этомъ видятъ признаніе со стороны государства, и въ этомъ почерпаютъ главную свою силу». Цѣль ясна — надо возобновить преслѣдованія, и никакой, не только поблажки, но и терпимости быть не должно, ибо она-то и создаетъ крѣпость раскола; даже гдѣ онъ разрушается, онъ держится именно ею. Въ самомъ дѣлѣ, раскольники, по словамъ мѣстныхъ властей, утверждаютъ, что они держатся въ расколѣ только потому, что ихъ не преслѣдуютъ; слѣдовательно, они сами сознаются, что если бы ихъ преслѣдовали, то они не пошли бы и въ расколъ; отсюда ясно само собою, что терпимость свѣтской власти одна виновна въ расколѣ.

Повторяемъ, эта линія мысли совершенно понятна въ мѣстныхъ органахъ духовной власти. Но съ какой цѣлью эти настойчивыя, нѣсколько разъ повторенныя ссылки на то, что раскольники въ отсутствіи преслѣдованій видятъ себѣ какъ бы поощреніе отъ правительства, попали во всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора св. синода? Отчеты по министерствамъ служатъ выраженіемъ взгляда главныхъ

начальниковъ на ходъ управленія, и представляютъ сборъ данныхъ для дальнѣйшаго направленія дѣлъ въ томъ или другомъ смыслѣ. Стало быть, въ этихъ отчетахъ если приводятся безъ оговорки мнѣнія начальниковъ отдѣльныхъ частей, подвѣдомственныхъ министру и притомъ приводятся нѣсколько сходныхъ мнѣній, то не должно ли заключить, что самъ главный начальникъ эти мнѣнія раздѣляетъ и сочувствуетъ той цѣли, съ какою они высказаны?

Но такой выводъ въ настоящемъ случаѣ былъ бы прискорбенъ, и мы не рѣшаемся его сдѣлать. Вѣдь это означало бы просто, что нынѣшній главный начальникъ духовнаго вѣдомства считалъ бы полезнымъ лишить раскольниковъ возможности ссылаться на просвѣщенную и либеральную терпимость правительства. Мы скорѣе склонны думать, что означенныя донесенія мѣстныхъ духовныхъ начальствъ вкрались въ отчетъ оберъ-прокурора безъ особенной цѣли, за недостаткомъ редакціонной обработки, и попали туда, въ числѣ другихъ епархіальныхъ заявленій, какъ сырой матеріалъ.

Вся вообще миссіонерская или прозелитическая дѣятельность за 1868 годъ сводится не къ особенно значительнымъ результатамъ. О результатѣ борьбы съ расколомъ мы уже говорили: онъ совсѣмъ незначителенъ и притомъ весьма проблематическаго характера, такъ какъ цифра обращенія въ православіе доподлинно извѣстна, а цифра совращенія въ расколъ, по натурѣ самого факта, не можетъ быть извѣстна въ точности. Язычниковъ обращено 3,096 чел., то-есть втрое менѣе, чѣмъ сколько обращено католиковъ и протестантовъ, а именно 10,000 чел. Всего же обращено (съ раскольниками, евреями и магометанами) 16,825 душъ обоего пола. Гораздо бóльшая половина всего этого числа составилась посредствомъ обращенія католиковъ, именно 9,115 душъ. Въ виду этихъ несомнѣнныхъ, числовыхъ данныхъ, мы не можемъ обращать особаго вниманія на ту сторону отчета, которая излагаетъ разныя средства, употреблявшіяся для пропаганды православной вѣры среди раскольниковъ и язычниковъ. Нѣкоторыя изъ этихъ средствъ прекрасны, вполнѣ законны, основаны только на убѣжденіи: такъ, напр., бесѣды самихъ архипастырей церкви съ раскольниками при обозрѣніи епархій, проповѣди для раскрытія заблужденій, особыя миссіи въ забайкальскомъ и алтайскомъ краяхъ (послѣднее, впрочемъ, кажется разстроилось), въ Пекинѣ и Аляскѣ. Но всегда ли наши миссіонеры стоятъ на высотѣ своей задачи? Могутъ ли наши миссіонеры представить образцы энергіи и прозелитизма, какіе представляются иновѣрческими миссіонерами? Къ сожалѣнію, едва ли возможно представить на все это утвердительный отвѣтъ. Выше, въ статьѣ объ Уссурійскомъ краѣ (стр. 574) авторъ-очевидецъ свидѣтельствуетъ о положеніи нашего миссіонерства на отдаленномъ востокѣ, и судя по

его свидѣтельству, это великое дѣло не всегда находитъ для себя годныя орудія.

Перейдемъ къ участію православнаго духовенства въ народномъ образованіи. Участіе это очень велико, и мы не разъ уже говорили, что образованіе народной массы находится гораздо болѣе въ рукахъ духовнаго вѣдомства, чѣмъ въ рукахъ министерства народнаго просвѣщенія. Школъ, заведенныхъ духовенствомъ въ 1868 году, числилось 16,287, съ 335,130 учениками и 54,917 ученицами, всего 390,047 мальчиковъ и дѣвочекъ. Странно сказать, но справедливо, что у насъ, по отношенію къ распространенію народнаго образованія, министерству народнаго просвѣщенія принадлежитъ *третье* мѣсто. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ военному вѣдомству. Въ самомъ дѣлѣ, нашъ ежегодный наборъ на пополненіе выбывающихъ въ отпускъ составляетъ 80—90 тысячъ чел., которые привлекаются въ полковыя школы. Увольняется въ отпускъ ежегодно около 100 т. чел.; и если средній уровень грамотности въ войскахъ въ настоящее время принять только въ одну треть грамотныхъ, то стало быть полковыя школы ежегодно выпускаютъ обратно въ народъ около 30 т. готовыхъ учителей. Учителя эти, положимъ, далеко неудовлетворительны, но передъ пономарями (о священникахъ мы, разумѣется, не говоримъ) они имѣютъ важныя преимущества: они учатъ прямо гражданскому письму и притомъ сами прошли чрезъ методъ преподаванія гораздо болѣе быстрый и болѣе гуманный, чѣмъ тотъ, который издавна усвоенъ церковниками. Конечно, далеко не всѣ отпускные солдаты учатъ грамотѣ. Но во всякомъ случаѣ такой фактъ, какъ ежегодный выпускъ въ народъ 30 т. грамотныхъ человѣкъ, изъ которыхъ многіе могутъ сдѣлаться и учителями, даетъ полковымъ школамъ въ Россіи—какъ то въ настоящее время оказывается и въ Италіи—значеніе *главнаго* дѣятеля въ распространеніи грамотности.

Второе затѣмъ мѣсто принадлежитъ школамъ, устроеннымъ духовенствомъ, которыя важны своею многочисленностью. Замѣчательно, впрочемъ, что въ 1868 году общій итогъ учениковъ въ этихъ школахъ, въ сравненіи съ 1867 годомъ, оказывается почти на тысячу менѣе. Особеннаго вниманія заслуживаетъ свидѣтельство отчета, что духовенство начинаетъ вводить въ своихъ школахъ улучшенные методы преподаванія. Къ сожалѣнію, отчетъ весьма мало говоритъ объ этомъ важномъ предметѣ, т.-е. о состояніи народнаго образованія въ рукахъ духовенства, а тотчасъ же переходитъ къ менѣе интересному исчисленію пожертвованій. Но въ другой части его мы находимъ нѣсколько свѣдѣній о начальныхъ училищахъ, открываемыхъ при духовныхъ семинаріяхъ, подъ названіемъ воскресныхъ школъ. Эти школы въ 1869 году состояли уже при 48 семинаріяхъ; цѣль ихъ двоякая—представлять практику для семинаристовъ, изучающихъ педагогику, и достав-

лять элементарное образованіе «по возможности облегченнымъ способомъ» нѣкоторому числу дѣтей. Но главное значеніе такихъ школъ современемъ будетъ, надо надѣяться, то, что онѣ послужатъ примѣромъ для введенія и во всѣхъ 16-ти тысячахъ начальныхъ школъ духовенства этого «облегченнаго способа» обученія, т.-е. послужатъ въ духовномъ вѣдомствѣ нормальными первоначальными школами, если только онѣ не будутъ уничтожены введеніемъ въ нихъ латинскаго и греческаго языка, какъ то уже сдѣлано въ Петербургѣ и иныхъ мѣстахъ, что обращаетъ воскресныя школы просто въ приготовительныя школы для поступленія въ духовное званіе путемъ семинаріи. Въ этихъ воскресныхъ школахъ, по свидѣтельству отчета, «обученіе чтенію обыкновенно производилось по новѣйшей звуковой методѣ, признанной за легчайшую».

Всякій, конечно, дѣлаетъ дѣло какъ его понимаетъ и насколько имѣетъ средствъ, и какъ бы поэтому ни было мало школъ, учрежденныхъ духовенствомъ, въ которыхъ бы уже принятъ былъ «облегченный способъ», общество должно быть благодарно духовенству за самое учрежденіе множества народныхъ школъ. Мы далеки отъ того, чтобы, при положеніи дѣла у насъ, отрицать пользу церковной школы. Что церковная школа можетъ быть очень удовлетворительною, это доказываютъ существующія въ Петербургѣ при двухъ лютеранскихъ церквахъ школы, которыя правительство признало возможнымъ сравнить въ правахъ даже съ казенными гимназіями, и чему примѣра не представляетъ еще православное духовенство. Но никто не сомнѣвается также, что успѣхъ соединенія церкви со школою обезпечивается именно только тогда, когда церковный приходъ организованъ въ видѣ правильной церковной общины, гдѣ управленіе основано на выборномъ началѣ. Мы уже указывали въ одной изъ хроникъ на важность развитія такой общины у насъ. Представляя собою собраніе прихожанъ, на деньги которыхъ содержится и церковь, и школа при ней, и разныя благотворительныя учрежденія, эта община, для успѣха дѣла, должна контролировать и опредѣлять денежное хозяйство всѣхъ этихъ приходскихъ учрежденій. Кто жертвуетъ — тотъ и распоряжается употребленіемъ своей жертвы — это аксіома. Тогда и пожертвованія потекли бы гораздо обильнѣе, и въ приходахъ возникли бы не только хорошая школа и пріюты для больныхъ и убогихъ, однимъ словомъ учрежденія, о которыхъ въ огромномъ большинствѣ нашихъ приходовъ нѣтъ даже понятія, не возникла даже мысль о возможности ихъ существованія, но сверхъ того въ приходѣ появилось бы первое звено истинно-общественной жизни, скромной, но серьезной, общественной дѣятельности.

Начало такому учрежденію церковной общины у насъ положено

въ учрежденіи церковно-приходскихъ попечительствъ, число которыхъ ежегодно замѣтно возрастаетъ. Но когда нѣкоторыя изъ этихъ попечительствъ коснулись распоряженія церковными доходами и контролированія ихъ употребленія, то-есть именно того, что́ хотя и не предоставлено имъ по закону, но безъ чего они не имѣютъ причины быть, то имъ было объявлено, что попечительства имѣютъ право распоряжаться только тѣми суммами, которыя собраны чрезъ ихъ посредство и что всякое вмѣшательство ихъ въ распоряженія церковными имуществами противно церковнымъ канонамъ. При такомъ взглядѣ на попечительства, при такомъ строгомъ, безусловномъ огражденіи церковнаго хозяйства отъ контроля прихожанъ, церковная община у насъ, въ томъ смыслѣ, какъ мы только что говорили, никогда у насъ не возникнетъ. Попечительства будутъ, но въ нихъ не будетъ той жизни, той реальности, которая одна можетъ быть въ самомъ дѣлѣ плодотворна.

Само собою разумѣется, что всякое общество, собравъ само извѣстную сумму, можетъ распоряжаться ею по своему усмотрѣнію. Собирая пожертвованія на приходскую школу, на пріютъ въ приходѣ, общество конечно можетъ употребить эту сумму въ пользу школы и пріюта. Но спрашивается въ такомъ случаѣ, для чего же это общество должно непремѣнно состоять при церкви, быть «церковнымъ попечительствомъ», а не просто свѣтскимъ благотворительнымъ обществомъ? Для того, чтобы часть собираемыхъ имъ пожертвованій шла и на церковь и на призрѣніе духовныхъ сиротъ? Для того, чтобы на распоряженіе свѣтскими средствами благотворенія имѣлъ вліяніе приходскій священникъ? Но если церковь ожидаетъ для себя помощи отъ свѣтской общины и хочетъ имѣть вліяніе въ ея дѣлахъ, то раціонально было бы, чтобы и сама церковь удѣляла часть своихъ средствъ на образовательныя и благотворительныя цѣли общины и чтобы она допускала вліяніе послѣдней и на свое хозяйство. Школа и пріюты потому и группируются вокругъ церкви, что ожидаютъ воспособленія отъ ея средствъ, и въ дѣйствительности при соединеніи всѣхъ этихъ учрежденій подъ контролемъ общины, каждое изъ нихъ выиграетъ, потому что община будетъ охотнѣе жертвовать. Весь смыслъ общины церковной заключается именно въ такомъ соединеніи подъ общимъ контролемъ. Но не всѣ средства для содержанія церкви и причта, конечно, могутъ быть собраны *чрезъ посредство* общины, хотя всѣ они возникаютъ изъ нея же. Свѣчной и кружечный сборы, частныя пожертвованія, вознагражденія за требы—развѣ все это истекаетъ не изъ той же общины, развѣ это не ея же пожертвованія? Но если она не можетъ касаться этихъ сборовъ и при обиліи удѣлять изъ нихъ часть на школу или пріютъ, а главное, контролировать наше церковное хозяйство, идущее, извѣстнымъ путемъ, между церковнымъ старостою и священникомъ, то для чего же ей состоять при церкви?

Существуя отдѣльно, какъ свѣтское благотворительное общество, оно, по крайней мѣрѣ, всѣ свои попеченія и средства приложитъ къ свѣтскимъ цѣлямъ образованія и благотворительности и не будетъ сокрушаться мыслью о томъ, что у батюшки въ домѣ необходимы починки. За послѣдовавшимъ разъясненіемъ, повторяемъ, трудно ожидать, чтобы церковно-приходскія попечительства принесли всю ту пользу, къ какой они были способны при иныхъ условіяхъ.

Относительно состоянія народной нравственности, отчетъ оберъ-прокурора указываетъ главнымъ порокомъ пьянство. Намъ уже случалось говорить о свидѣтельствѣ епархіальныхъ начальниковъ по этому вопросу, ставшему у насъ «вопросомъ» собственно въ силу политической полемики между газетами. Нѣтъ причинъ не признавать въ этомъ случаѣ свидѣтельство духовенства вполнѣ безпристрастнымъ, ибо наше духовенство никакъ нельзя заподозрить въ какихъ-либо аристократическихъ происках и хотя бы сочувствіяхъ. Донесенія архіереевъ, къ сожалѣнію, ежегодно подтверждаютъ фактъ сильнаго развитія пьянства. Вотъ что̀ говоритъ объ этомъ, между прочимъ, нынѣшній отчетъ: «пьянство въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нѣсколько слабѣетъ»; затѣмъ приводятся примѣры, изъ губерній Самарской, Саратовской и Вологодской, уменьшенія пьянства вслѣдствіе убѣжденій духовенства; «но», продолжаетъ отчетъ, «подобныя явленія слишкомъ рѣдки и исключительны; въ другихъ епархіяхъ ихъ не было, напротивъ, во многихъ изъ епархій пьянство продолжалось въ сильной степени». Зло такъ сильно, что отчетъ прямо предлагаетъ слѣдующее: «чтобы искоренить зло, недостаточно одного духовно-нравственнаго вліянія пастырей; въ помощь ему необходимо устранить отъ немощныхъ самые соблазны, держащіе, такъ-сказать, въ своихъ рукахъ слабую волю нетрезвыхъ, т.-е. *необходимо положить предѣлъ безмѣрному умноженію питейныхъ заведеній и продажѣ вина по низкимъ цѣнамъ, такъ какъ въ послѣдніе годы эти два обстоятельства имѣли огромное вліяніе на развитіе пьянства*». Не знаемъ, что скажетъ на такое заявленіе оберъ-прокурора, основанное на донесеніяхъ епископовъ, министръ финансовъ, но очень хорошо знаемъ, что долгъ печати отнестись къ этому заявленію съ признаніемъ прискорбнаго факта и съ сочувствіемъ къ указываемой мѣрѣ. Правда, наша печать выказала большое нерасположеніе признать фактъ, что пьянство усилилось, и нашелся даже статистикъ, который утверждалъ, что число кабаковъ никакого вліянія на пьянство не имѣетъ. Но колебаніе въ этомъ случаѣ печати было чистымъ недоразумѣніемъ. Подобно тому, какъ у насъ въ печати иные патріотизмъ полагаютъ въ усиленіи политическихъ преслѣдованій, другіе считаютъ обязанностью либерализма прикрывать пьянство. Совсѣмъ иное опять дѣло выводить изъ пьянства необходимость крѣпостной

опеки или чего-либо въ этомъ родѣ, какъ будто въ служительскомъ сословіи, состоящемъ подъ самою непосредственной опекой, пьянство когда-либо было меньше, чѣмъ въ крестьянскихъ общинахъ?

Духовенство указывало еще на одну мѣру въ смыслѣ ограниченія пьянства, именно на повсемѣстное запрещеніе базаровъ въ воскресные дни. Но здѣсь духовенство являлось уже судьею не столь безпристрастнымъ, такъ какъ главной цѣлью такой мѣры было бы устранить нѣчто, отвлекающее людей отъ присутствія въ церкви. Какъ бы то ни было, по вопросу о повсемѣстномъ закрытіи базаровъ въ воскресные дни была переписка между духовнымъ вѣдомствомъ, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и II отдѣленіемъ, которое высказалось въ пользу нѣкотораго ограниченія предположенной мѣры.

Въ отчетѣ, въ томъ видѣ, какъ онъ лежитъ предъ нами, то-есть въ напечатанныхъ пространныхъ извлеченіяхъ изъ него, опущено много весьма существеннаго для характеристики современнаго положенія духовенства, и въ тоже время есть отдѣлы, которыми можно было бы пожертвовать безъ всякаго ущерба. Приходится даже сказать, что наиболѣе существеннаго въ этихъ извлеченіяхъ нѣтъ. Отчетъ разсказываетъ съ обычной оффиціальной сухостью о порядкѣ введенія преобразованнаго устава въ семинаріи разныхъ епархій, о преобразованіи академій, начертанномъ въ прошломъ году, но не говоритъ о томъ, въ какой мѣрѣ успѣшно вводились преобразованія въ разныхъ мѣстахъ и какія были встрѣчены при этомъ затрудненія, или новый уставъ вездѣ осуществился также безпрепятственно, какъ безпрепятственно существовалъ старый столь долгое время. Отчетъ хотя и составленъ за 1868 годъ, но въ немъ упоминаются и нѣкоторыя главныя событія 1869 года. Но о самомъ главномъ фактѣ извлеченіе не упоминаетъ, хотя этотъ фактъ даже и не относится исключительно къ прошлому году, а только выразился въ прошломъ году особенно рельефно: мы говоримъ о томъ стремленіи къ выборному началу въ духовной администраціи, которое выказалось въ духовенствѣ разныхъ епархій съ несомнѣнной силою, хотя существуетъ оно, надо полагать, не въ этихъ только епархіяхъ, а повсемѣстно, такъ какъ духовенство—сословіе наиболѣе однородное. Вмѣсто того, мы находимъ въ отчетѣ нѣчто въ родѣ отдѣла литературной критики, то-есть обозрѣніе повременныхъ духовныхъ изданій, съ характеристикою каждаго изъ нихъ. Не знаемъ, входитъ ли такой отдѣлъ въ отчеты какого-либо изъ другихъ вѣдомствъ; если входитъ, то остается пожелать, чтобы отзывы о періодической печати и въ немъ были столь же безпристрастно-одобрительны, какъ въ отчетѣ оберъ-прокурора. Относительно дѣятельности училищныхъ съѣздовъ духовенства, на которыхъ именно и выразилось стремленіе къ выборному началу, въ отчетѣ сказано соб-

ственно только о пожертвованіяхъ духовенства, какъ относительно введенія новаго семинарскаго устава сказано только о мѣрахъ начальства.

Желательно было бы болѣе жизненности въ отчетѣ, болѣе отношенія къ такимъ фактамъ, которые, положимъ, въ оффиціальномъ смыслѣ не занимають перваго мѣста, но въ дѣйствительности, знаменуя собою реальный ходъ дѣла, должны бы стоять на первомъ планѣ. Извѣстны, напримѣръ, заявленіе петербургскаго духовнаго съѣзда о выборномъ началѣ, разсужденія его о ходѣ дѣлъ въ попечительствѣ о бѣдныхъ духовнаго званія, заявленіе на съѣздѣ кіевскаго духовенства о примѣненіи выборнаго начала къ членамъ консисторіи, нѣсколько примѣровъ, что епархіальные начальники или не собирали съѣздовъ или заставляли ихъ дѣйствовать по своему приказанію. Были и такія заявленія, какъ напр. изъ курской епархіи, въ концѣ прошлаго года, что послѣ полутора года, какъ начали вводиться тамъ новые уставы семинарій и училищъ, духовенство все ещё не было допущено тамъ на дѣлѣ къ тому дѣятельному участію въ экономической и учебной части этихъ заведеній, какое предоставлено ему новыми уставами и т. п.

Вопросъ о томъ, какъ въ дѣйствительности идетъ примѣненіе реформъ уже сдѣланныхъ, какія оно встрѣчаетъ препятствія, и о томъ, какъ смотритъ высшее духовное управленіе на выразившееся въ средѣ духовенства требованіе новыхъ реформъ, основанныхъ на выборномъ началѣ—это вопросы, безъ сомнѣнія, самые важные въ настоящее время въ духовномъ вѣдомствѣ и на нихъ мы, къ сожалѣнію, не находимъ никакого отвѣта въ тѣхъ извлеченіяхъ изъ отчета, которыя лежатъ предъ нами.

Другимъ жизненнымъ вопросомъ для духовенства, именно вопросомъ объ обезпеченіи матеріальнаго его быта, отчетъ занимается много, но говоритъ только объ отдѣльныхъ мѣрахъ, напр. объ учрежденіи эмеритальныхъ кассъ потому, что общей мѣры не предполагается. Отчетъ съ похвалою упоминаетъ о готовности нѣкоторыхъ земскихъ собраній заняться улучшеніемъ положенія духовенства, съ наложеніемъ въ пользу его новаго сбора. Между тѣмъ, по ходатайству духовнаго вѣдомства, въ 1868 году послѣдовало запрещеніе земскимъ учрежденіямъ облагать сборомъ недвижимыя имущества въ родѣ архіерейскихъ домовъ, подворьевъ, и вообще монастырскія и церковныя имущества, «которыя по свойству своему не приносятъ дохода». Особые сборы въ пользу духовенства едвали по силамъ нашему и безъ того обремененному земству. Да и не странно ли возлагать надежды на него въ виду того громаднаго бюджета, какимъ располагаетъ церковь въ дѣйствительности, т.-е. считая вмѣстѣ средства удѣляемыя ей прави-

тельствомъ, церковные сборы, вознагражденія за требы и частныя приношенія или пожертвованія. За одинъ годъ, по отчету, пожертвовано на храмы до $2^3/_4$ мил. рублей, да еще недвижимыя имущества 18 монастырямъ и 13 церквамъ. Казенный бюджетъ духовнаго вѣдомства постоянно возрастаетъ. Такъ на одно улучшеніе духовно-учебныхъ заведеній ассигновано пособіе $1^1/_2$ милліона рублей.

Очевидно, что значительное улучшеніе быта большинства духовенства могло бы быть достигнуто просто болѣе правильнымъ распредѣленіемъ тѣхъ огромныхъ средствъ, какими оно въ дѣйствительности распоряжается и вмѣстѣ уменьшеніемъ штата (послѣднее, какъ извѣстно, уже и дѣлается). Такъ почти три милліона рублей пожертвованій на церкви въ теченіи года, вѣдь это представляетъ капиталъ по меньшей мѣрѣ въ 50 милліоновъ. Уже одинъ этотъ доходъ могъ бы оказать существенную пользу для улучшенія содержанія церквей существующихъ и ихъ причта, между тѣмъ, какъ постройка новыхъ церквей, ведущая къ увеличенію штата, должна бы быть ограничена. Можно бы, напримѣръ, прежде чѣмъ строить новую церковь въ мѣстности, гдѣ уже есть церковь, требовать не только, чтобы была въ наличности небольшая сумма, едва достаточная на начатіе работъ, съ возложеніемъ остального на вѣроятность дальнѣйшихъ подаяній и сборъ по книжкамъ, но еще, чтобы собрана была сумма достаточная для обезпеченія, по крайней мѣрѣ, ремонта этой церкви, какъ то иногда дѣлается въ Англіи. Относительно только что упомянутыхъ $1^1/_2$ мил. р. на улучшеніе духовныхъ учебныхъ заведеній, замѣтимъ еще, что употребленіе ея изъято отъ ревизіи государственнаго контроля и всецѣло поручено одному контролю синода. Если до нѣкоторой степени понятно изъятіе отъ общаго контроля суммъ особыхъ, такъ-называемыхъ, «въ распоряженіе» ассигнуемыхъ, положимъ хоть министерству иностранныхъ дѣлъ, то что же такая, единственная причина изъятія отъ контроля можетъ имѣть общаго съ расходованіемъ пособія на улучшеніе духовно-учебныхъ заведеній?

Въ этомъ, если не ошибаемся, выразилась, какъ и въ другихъ однородныхъ изъятіяхъ, неодолимая склонность духовенства къ независимости, хотя и странно говорить о независимости по поводу пособія изъ казны. На независимость церковь и духовенство, которое представляетъ ея дѣятелей, имѣютъ полное право, но не иначе, какъ подъ условіемъ независимости также и для государства. При осуществленіи такой взаимной независимости, справедливость требуетъ, чтобы государство позаботилось объ образованіи изъ нынѣшнихъ имуществъ и средствъ духовенства и изъ своихъ пожертвованій однажды навсегда церковнаго фонда, который и передало бы въ полное распоряженіе духовенству, давъ ему предварительно управленіе, основанное на выборномъ, представительномъ началѣ. Вотъ единственный путь окон-

чательно развязать руки и церкви и государству и обезпечить обѣимъ сторонамъ свободу того развитія, къ какому каждая изъ нихъ способна по своимъ собственнымъ, далеко несходнымъ на обѣихъ сторонахъ принципамъ существованія.

Мы видѣли выше, какъ духовенство невыгодно свидѣтельствуетъ о состояніи народной нравственности; нѣкоторыя мѣры, предлагаемыя отчетомъ оберъ-прокурора, какъ мы замѣтили, вызываютъ сочувствіе, но по своему характеру эти мѣры не зависятъ ни отъ оберъ-прокурора, ни отъ духовенства вообще. Вопросъ въ томъ, что дѣлаетъ духовенство, въ качествѣ духовенства, для народной нравственности? Низкій уровень народной нравственности въ послѣднее время сталъ сильно и часто безпокоить общество. Совершенство новыхъ судовъ могло только содѣйствовать къ раскрытію той бездны, на краю которой стоитъ нравственность нашихъ массъ. Для безопасности жизни и имущества самый бдительный надзоръ полиціи, при извѣстномъ состояніи народной нравственности, окажется всегда недостаточнымъ; частное лицо должно принимать само экстренныя мѣры къ самозащитѣ. Не въ лучшемъ положеніи предприниматель труда и вообще всякой работы: отвсюду слышны жалобы на пьянство и его ужасныя послѣдствія, и всѣ страдаютъ недостаткомъ годныхъ рабочихъ силъ. Извѣстно, какихъ мѣръ можно ожидать отъ духовенства по дѣлу исправленія народной нравственности; извѣстно также, что проповѣдь и примѣръ собственной жизни могли бы служить въ этомъ дѣлѣ лучшими орудіями; но именно проповѣдь занимаетъ всего менѣе мѣста въ дѣятельности нашего духовенства, ограничивающагося преимущественно исполненіемъ требъ. Не говоримъ о томъ, въ какой степени жизнь духовенства въ большинствѣ служитъ примѣромъ народной жизни; но во всякомъ случаѣ несомнѣненъ тотъ прискорбный фактъ, что духовенство въ общественныхъ массахъ не пользуется тѣмъ уваженіемъ, какого слѣдовало бы желать для пользы народной нравственности.

Въ виду такого положенія дѣлъ, мы должны обратить вниманіе общества на признаки самодѣятельности, которые обнаружились въ послѣднее время въ самомъ обществѣ съ цѣлью содѣйствовать къ поднятію уровня народной нравственности помимо духовенства. Мы говоримъ объ утвержденіи въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года «Общества для распространенія св. Писанія въ Россіи», составленнаго свѣтскими лицами. Цѣль Общества напоминаетъ «Россійское Библейское Общество» начала нынѣшняго вѣка, съ дѣятельностью и съ судьбою котораго нашъ журналъ познакомилъ своихъ читателей въ статьяхъ А. Н. Пыпина*). Настоящее Общество началось еще въ 1863 г., въ Петербургѣ, какъ сказано

*) Вѣстн. Евр. 1868, авг., сен., нояб., декабрь.



въ его первомъ годовомъ отчетѣ, «маленькимъ частнымъ кружкомъ, безъ имени и почти безъ средствъ». Цѣль Общества—содѣйствовать распространенію въ народѣ св. Писанія по цѣнѣ относительно дешевой [1]), а именно по той цѣнѣ, какая назначена святѣйшимъ синодомъ для его изданій. Бѣдные люди, содержащіеся въ больницахъ или богадельняхъ и заключенные могутъ пріобрѣтать книги по уменьшенной цѣнѣ и даже безплатно, на счетъ доходовъ Общества, изъ взносовъ его членовъ и добровольныхъ приношеній постороннихъ благотворителей. Весьма важную роль въ распространеніи библіи и евангелія играютъ тѣ члены общества, которые берутъ на себя разносить книги въ «такія мѣста, куда иначе онѣ, быть можетъ, не скоро еще или и никогда бы не попали», въ трактиры, въ питейные дома. Такіе члены названы въ отчетѣ *книгоношами*. О благой дѣятельности Общества можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: съ негласнаго начала существованія Общества, т.-е. съ 1863 г. распространено всего 105,171 экземпляръ, а въ 1869 г. 19,591 экз. Въ этой послѣдней цифрѣ занимаетъ весьма важное мѣсто дѣятельность книгоношъ: такъ, одинъ изъ нихъ, А. Б. Ф., родомъ датчанинъ, издавна поселившійся въ Россіи, въ 1869 году распространилъ 5,844 экземпляра (Новаго Завѣта 5,602, Псалтыря 185, и Ветхаго Завѣта на рус. языкѣ 57); другой, В. Г., безсрочно-отпускной рядовой кронштадтскаго портоваго экипажа, распространилъ въ разное время 992 экз.; членъ-сотрудница, Синклитикія Петровна Ф—ва, въ теченіи 1869 г., ходя преимущественно по питейнымъ домамъ, трактирамъ, заводамъ, продала 1,922 экземпляра. Никто конечно не могъ бы оказать такой услуги Обществу, какъ духовенство; «отъ души *желали бы*—говоритъ отчетъ—найти искреннее содѣйствіе въ лицахъ духовнаго званія, чтобы имѣть возможность учредить небольшія книжные склады при церквахъ». Общество дѣйствуетъ уже 7 лѣтъ, начиная съ 1863 года, и потому нельзя не удивляться, что его послѣдній отчетъ выражаетъ только желаніе относительно содѣйствія со стороны духовенства, между тѣмъ какъ можно было бы ожидать въ отчетѣ указаній на факты содѣйствія.

Въ виду низкаго уровня народной нравственности дѣятельность новаго Общества заслуживаетъ самаго горячаго и усерднаго сочувствія всѣхъ и каждаго. Одна формальная сторона религіи, какъ видно, мало содѣйствуетъ утвержденію нравственныхъ началъ, и недавно мы слышали, какъ извѣстные убійцы князя Аренберга благочестиво ходили молиться Спасителю наканунѣ совершенія своего гнуснаго замысла. Предъ такими фактами останавливаешься въ недоумѣніи и не знаешь,

[1]) Напр., экземпляръ Новаго Завѣта, малаго формата, въ коленкоровомъ переплетѣ 25 коп., большого формата въ корешкѣ 45 коп. Цѣна еще довольно высокая!

что̀ въ нихъ ужаснѣе, самое ли преступленіе, или уровень нравственности преступника? Теперь убійцы осуждены, но сущность дѣла измѣнилась мало: двумя чудовищами меньше, это и все! а сколько тысячъ и тысячъ имъ подобныхъ остаются жить среди насъ. Ожидать непереработки будущихъ поколѣній въ школѣ — слишкомъ долго, а дѣятельность упомянутаго Общества повліяетъ на взрослыхъ. Съ своей стороны, мы считаемъ долгомъ указать новому Обществу на судьбу прежняго Библейскаго Общества, которая можетъ быть для перваго поучительна во многихъ отношеніяхъ. По нашему мнѣнію, одною изъ причинъ паденія Библейскаго Общества было чрезмѣрное стремленіе его искать оффиціальнаго покровительства, вслѣдствіе чего въ члены общества вербовались становые, исправники, распространявшіе евангеліе не совсѣмъ евангельски. Въ наше время, Обществу можетъ оказать серьезную услугу земство, давъ помѣщеніе для склада при библіотекахъ сельскихъ училищъ. Еще бо̀льшую выгоду могло бы получить Общество отъ разрѣшенія ему печатать своимъ иждивеніемъ текстъ св. книгъ; Общество можетъ найти средство дѣлать свои изданія дешевле, или, напримѣръ, дѣлать особое изданіе для каждаго евангелиста отдѣльно, что̀ доставило бы возможность бѣднымъ людямъ пріобрѣтать мало-по-малу весь Новый Завѣтъ, тратя на это при каждомъ отдѣльномъ евангеліи какихъ-нибудь двѣ или три копѣйки.

Въ послѣдніе два мѣсяца общественное вниманіе Петербурга было обращено на фактъ, который впрочемъ не представляетъ ничего особеннаго, такъ какъ его легко было предвидѣть, при существующемъ законѣ о печати; дополнительный законъ къ закону 6 апрѣля, давно уже далъ право запрещать административно уличную продажу газетъ, въ видѣ карательной мѣры противъ редакціи того или другого изданія. Но тѣмъ не менѣе, осуществленіе этого права нынѣшній разъ было особенно замѣчено публикою, такъ какъ одновременно въ одномъ Петербургѣ была запрещена уличная продажа двухъ наиболѣе распространенныхъ газетъ, а именно «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и «Голоса». Мы надѣемся, что возможность повторенія такого обстоятельства обратитъ на себя вниманіе не одной публики, а также и существующей коммиссіи для пересмотра закона о печати, но въ какомъ смыслѣ?

Еще въ прошедшемъ году, въ майской книгѣ нашего журнала, по поводу уличной продажи газетъ, писалъ К. К. Арсеньевъ слѣдующее:

«Постановленіе о розничной продажѣ періодическихъ изданій, ставящее ее въ зависимость отъ усмотрѣнія администраціи, состоялось лишь въ прошедшемъ (1868) году, въ дополненіе къ закону 6 апрѣля. Въ основаніи его, очевидно, лежитъ предположеніе, что печать все еще недостаточно подчинена администраціи, что власть администраціи надъ

печатью должна быть не уменьшена, а увеличена, что необузданность печати требуетъ новыхъ, чрезвычайныхъ мѣръ къ ея укрощенію. Откуда возникло такое предположеніе—этого мы объяснить не беремся; въ нашихъ глазахъ оно противорѣчитъ всѣмъ фактамъ, представленнымъ исторіею печати за послѣдніе три года. Правда, французская администрація также имѣетъ право запрещать розничную продажу періодическаго изданія; но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что во Франціи уничтожена система административныхъ взысканій и что большинство французскихъ газетъ прямо враждебно правительству... Всѣ соображенія, приведенныя нами противъ системы административныхъ взысканій, вполнѣ примѣнимы и къ праву администраціи запрещать, по своему усмотрѣнію, розничную продажу періодическаго изданія. И здѣсь администрація является судьею въ собственномъ дѣлѣ, судьею безапелляціоннымъ и безотчетнымъ; и здѣсь карательная мѣра падаетъ не только на виновнаго, но и на невинныхъ; и здѣсь суду и наказанію не предшествуетъ защита».

По мнѣнію К. К. Арсеньева, даже предостереженія имѣютъ важныя преимущества предъ запрещеніемъ розничной продажи: «Въ предостереженіи объясняются мотивы, которыми оно вызвано, или по крайней мѣрѣ указывается статья, противъ которой оно направлено. Отсюда возможность критики, конечно, весьма ограниченная, но все-таки существующая; отсюда, хоть иногда, возможность догадаться, о какихъ вопросахъ слѣдуетъ говорить съ особою осторожностью. Запрещеніе розничной продажи объявляется безъ указанія причинъ: ни періодическое изданіе, ему подвергшееся, ни другіе журналы, ни публика—не знаютъ, чему приписать строгость администраціи. Первое, даже второе предостереженіе, сами по себѣ взятыя, могутъ обойтись для журнала безъ особенно грозныхъ послѣдствій; запрещеніе же розничной продажи не имѣетъ приготовительныхъ степеней, постигаетъ журналъ внезапно, неожиданно, и сразу наноситъ тяжелый ударъ его интересамъ. Розничная продажа газетъ появилась у насъ весьма недавно, но пріобрѣтаетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры; запрещеніе ея, слѣдовательно, становится и будетъ становиться все болѣе и болѣе чувствительнымъ для газеты».

Соображенія почтеннаго автора сбылись весьма скоро, потому что съ того времени, когда была писана его статья, хотя прошелъ годъ, но розничная продажа газетъ сдѣлала колоссальные успѣхи, такъ что годовой сборъ отъ розничной продажи распространенныхъ газетъ колеблется отъ 25 до 30 тысячъ. Положимъ, эта цифра не составляетъ статьи дохода изданія: она раздѣляется между многочисленными факторами производства, типографіей, бумажной фабрикой и т. д.; но во всякомъ случаѣ чистый доходъ редакціи будетъ скорѣе выше, чѣмъ ниже

5,000 рублей въ годъ. Суды, по закону, не налагаютъ штрафа сверхъ 500 рублей; будетъ ли потому сообразно съ духомъ общаго законодательства предоставить администраціи право на оштрафованіе въ 5,000 рублей и выше, смотря по степени распространенности газеты? Кромѣ того, эту мѣру мы считаемъ неудобною и для самой администраціи, если она захочетъ быть строго справедливою. Представимъ, что одна газета получаетъ отъ розничной продажи 1 рубль въ день, а другая 100 рублей въ тотъ же день; обѣ газеты сдѣлали какой-нибудь весьма рѣзкій отзывъ о дѣйствіяхъ администраціи; администрація запрещаетъ имъ розничную продажу, и потому за одинъ и тотъ же проступокъ налагаетъ на одну—рубль штафу, а на другую—100 рублей. Такой способъ штрафовать, напоминающій древнюю виру, Wehrgeld, наноситъ сильный ущербъ матеріальнымъ интересамъ и общества, неповиннаго въ проступкѣ редакціи. Люди недостаточные лишаются возможности пріобрѣтать газету по ежедневной цѣнѣ и вслѣдствіе того лишаются всѣхъ житейскихъ удобствъ, къ которымъ они успѣли уже привыкнуть. Но болѣе всего говоритъ противъ примѣненія виры къ печатному дѣлу самая сущность побужденія администраціи. Безъ сомнѣнія, администрація имѣетъ въ виду уменьшеніе распространенія той или другой газеты; но она не достигаетъ главной своей цѣли: тотъ нумеръ газеты, который вызвалъ запрещеніе уличной продажи, распространился въ наибольшемъ числѣ, а запрещеніе и уменьшеніе распространенія постигло слѣдующіе нумера, противъ которыхъ администрація ничего не имѣетъ. Но если почему-нибудь не окажется возможнымъ отмѣнить совершенно систему запрещенія уличной продажи газетъ, то администрація можетъ, по примѣру судебной власти, быть ограничена въ срокѣ запрещенія, сообразно, напримѣръ, количеству завода, печатаемаго газетой, чтобы въ наказаніи была какая-нибудь соразмѣрность и чтобы сумма штрафа не доходила до громадныхъ суммъ.

Относительно же источника, изъ котораго мы заимствовали систему запрещенія уличной продажи, должно замѣтить, что у насъ она практикуется несравненно въ болѣе обширномъ размѣрѣ, нежели во Франціи. Во Франціи газета, постигнутая подобной карой, не можетъ продаваться только въ разносъ и въ кіоскахъ [1]), но въ книжныхъ магазинахъ отдѣльная продажа газетъ запрещена не можетъ быть, потому что книжный магазинъ имѣетъ право безпрепятственно покупать у авторовъ и издателей всякія дозволенныя печатныя произведенія и продавать по экземплярамъ. Запрещеніе уличной продажи не есть запре-

---

[1]) Нѣчто подобное кіоскамъ представляютъ у насъ книжныя лавочки на мостахъ и площадяхъ.

щеніе изданія, и потому книжные магазины имѣютъ право пріобрѣтать у издателей газетъ сколько имъ угодно экземпляровъ и продавать внутри магазина отдѣльными нумерами. Намъ кажется, этотъ вопросъ слѣдуетъ окончательно выяснить: тутъ дѣло идетъ объ ограниченіи правъ торговаго сословія; и притомъ неприкосновенность правъ этого сословія, въ настоящемъ случаѣ, совпадала бы и съ выгодами недостаточной части публики. Не покупали бы газеты только тѣ, которые покупаютъ только потому, что газета имъ бросилась въ глаза на улицѣ или потому, что разнощикъ прокричалъ имъ уши; но люди серьезно нуждающіеся въ газетѣ зашли бы нарочно въ магазинъ и все-таки пріобрѣли необходимое для нихъ; все неудобство для нихъ ограничилось бы тѣмъ, что пришлось бы истратить нѣсколько лишнихъ секундъ на входъ въ книжный магазинъ.

Въ майской книгѣ мы имѣли случай познакомить читателей съ содержаніемъ новаго сочиненія Диксона о Россіи. Мы замѣтили, что англійскій туристъ, при всѣхъ достоинствахъ своего труда, не избѣгнулъ нѣкоторыхъ промаховъ и по временамъ сообщалъ о Россіи, о русскомъ обществѣ невѣроятные курьёзы. Между тѣмъ въ маѣ съ самимъ авторомъ случился такой курьёзъ, что онъ, видавшій у насъ курьёзы, на этотъ разъ скептически отнесся къ факту. Авторъ нашей статьи [1]) упомянулъ, что пр. Капустинъ, въ Москвѣ, отрекся публично отъ всякой солидарности съ книгою Диксона, какъ наполненною нелѣпостей, и напечаталъ въ этомъ смыслѣ письмо въ газетѣ «Голосъ». Это письмо было замѣчено Диксономъ, и по поводу его онъ написалъ объясненіе въ «Times», откуда и узналъ о письмѣ пр. Капустина. Это объясненіе Диксона помѣщено газетою «Голосъ» въ слѣдующемъ переводѣ:

«М. г. Въ статьѣ, озаглавленной «Русскій, какимъ онъ изображенъ въ книгѣ «Свободная Россія» (A Russian on *Free Russia*), вы приводите нѣсколько строкъ изъ предполагаемаго письма профессора Капустина. «Голосъ», изъ котораго вы приводите это извлеченіе, былъ, вѣроятно, жертвою какой-нибудь шутки, такъ какъ профессоръ Капустинъ не могъ написать этого письма, заключающаго въ себѣ несправедливыя вещи, которыя и профессоръ считаетъ также невѣрными. Это — свидѣтельство совершенно достаточное. Письмо приписываетъ профессору Капустину попытку разубѣдить меня въ намѣреніи моемъ писать о Россіи. Онъ же, напротивъ, употребилъ всѣ усилія, чтобъ поощрить меня къ осуществленію плана, который, завѣдомо ему, я задумалъ нѣсколько лѣтъ назадъ; фактъ этотъ можетъ подтвердить цѣ-

[1]) См. выше: май, стр. 349.

лая дюжина людей, живущихъ теперь въ Лондонѣ. Въ письмѣ говорится, будто въ Россіи смѣются надъ ошибками, заключающимися въ моей книгѣ. Въ то самое время, когда эти слова, будто бы, были написаны, въ Россіи не было еще ни одного экземпляра моей книги и не появлялось ни одного разбора ея. Книга моя, по словамъ приводимаго письма, исполнена, будто бы, ошибокъ; между тѣмъ, профессоръ Капустинъ лично сообщилъ мнѣ значительное число приводимыхъ мною фактовъ и каждое слово моей книги провѣрено имъ въ корректурѣ (passed under his eye in proof). Каждая поправка, сдѣланная имъ на корректурномъ листѣ, была принята редакціей. Такимъ образомъ, если въ цѣлой книгѣ есть хотя одинъ ошибочный фактъ, онъ одинаково принадлежитъ какъ ему, такъ и мнѣ, и т. д.

«Преданный вамъ Г. Диксонъ.—6, Сен-Джемс-Терасъ, 11-го мая».

«Можемъ увѣрить г. Диксона — прибавляетъ редакція «Голоса»— что въ «Голосѣ» напечатано было собственноручное письмо г. Капустина слово въ слово, безъ малѣйшаго отступленія отъ рукописи. Теперь намъ остается ожидать, что самъ г. Капустинъ поспѣшитъ разъяснить всю эту исторію».

Намъ кажется, что г. Капустинъ напрасно думалъ и жаловался въ своемъ письмѣ на то, что западная Европа невнимательно слѣдитъ за тѣмъ, что дѣлается у насъ. Настоящій случай показалъ, что въ западной Европѣ слѣдятъ даже за тѣмъ, что у насъ печатается, и письмо г. Капустина сдѣлалось въ Англіи извѣстно автору «Свободной Россіи» также хорошо, какъ еслибы онъ жилъ въ Россіи. Не знаемъ еще, какое дастъ г. Капустинъ объясненіе всей этой «исторіи»; но намъ кажется, что почтенный профессоръ слишкомъ поспѣшно старался оправдаться въ томъ, въ чемъ, быть можетъ, его никто бы и не обвинилъ, и какъ случается въ подобномъ положеніи, преувеличилъ свое оправданіе до того, что въ свою очередь и Диксонъ впалъ на этотъ разъ въ излишній скептицизмъ и даже счелъ письмо г. Капустина подложнымъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го іюня 1870.

Прямое значеніе послѣдняго плебисцита во Франціи. — Что такое плебисцитъ вообще?—Числовые результаты нынѣшняго плебисцита. — Голоса солдатъ, крестьянъ, городскихъ рабочихъ. — Дилемма, представляющаяся непримиримымъ противникамъ имперіи.—Хаосъ среди политическихъ партій. — Что думаютъ о плебисцитѣ республиканцы, буржуазные либералы, бонапартисты? — Задача министерства Олливье.—Республиканцы.

Въ продолженіи послѣдняго мѣсяца, Франція снова сосредоточивала на себѣ вниманіе всей Европы: всѣ политическія партіи въ разныхъ образованныхъ государствахъ, всѣ правительства ожидали съ тревогою въ душѣ результатовъ голосованія 8-го мая, точно судьбы всей Европы зависѣли отъ количества голосовъ, которые бросались въ урны во всѣхъ углахъ Франціи. Франція, однимъ словомъ, интересовала всѣхъ политиковъ и государственныхъ людей, и тѣмъ, очевидно, доказывала, что она не утратила еще перваго мѣста среди европейскихъ державъ. Ни крестьянскій вопросъ въ Ирландіи, разрѣшаемый въ британскомъ парламентѣ, ни прекрасный случай для политическаго развлеченія, представленный греческимъ правительствомъ по поводу убіенія секретарей англійскаго и итальянскаго посольствъ, ни забавное положеніе, въ которомъ вдругъ очутилось министерство Ланцы по поводу появившихся въ разныхъ мѣстахъ Италіи революціонныхъ бандъ, ни поднесеніе маршаломъ Примомъ маршалу Эспартеро испанской королевской короны, ни министерская игра въ примиреніе съ чехами въ Цислейтаніи, ни жалобные вопли домовитыхъ нѣмокъ противъ таможеннаго парламента, варварская страсть котораго къ повышенію налоговъ осмѣлилась коснуться даже кофе, ни возстаніе на островѣ Кубѣ, ни походъ вашингтонскихъ государственныхъ людей противъ многоженства у мормоновъ, — словомъ, ни одно явленіе въ политическомъ мірѣ не могло отвлечь всеобщее вниманіе отъ той борьбы, которая шла во Франціи *до* и *во время* голосованія и продолжается еще теперь. Какъ

и чѣмъ заняты умы тѣхъ и другихъ слоевъ французскаго населенія, какими чувствами исполнены ихъ сердца, чего желаютъ они, чего требуютъ, о чемъ могутъ только помечтать?—вотъ вопросы, которые повсюду раздавались въ европейской печати, и которые рѣшались безчисленными публицистами на тысячу ладовъ. Всѣ согласны были только въ одномъ—что французскій народъ даетъ императору Наполеону III вовсе не тотъ отвѣтъ, который отъ него требуютъ, такъ какъ и въ самомъ дѣлѣ вопросъ, обращенный къ французскимъ избирателямъ, былъ составленъ въ такихъ выраженіяхъ, что на него могли разумно отвѣчать развѣ одни члены парижскихъ законодательныхъ собраній, да записные политики и юристы. Что́ можетъ понять какой-нибудь крестьянинъ или работникъ, да и большинство буржуазіи въ этой странной формулѣ: — «Народъ одобряетъ либеральныя реформы, сдѣланныя въ конституціи, съ 1860 года, императоромъ при содѣйствіи великихъ государственныхъ учрежденій, и принимаетъ сенатское постановленіе отъ 20-го апрѣля 1870 года?» Многіе изъ избирателей даже никогда не слыхали объ этихъ реформахъ, и лишь незначительное число ихъ въ дѣйствительности пользовалось либеральными законами имперіи.

Дѣйствія самого правительства доказываютъ всего лучше, что императоръ искалъ въ плебисцитѣ не столько утвержденія его новой конституціи, сколько совершенно иныхъ цѣлей. И онъ самъ, и его министры, особенно Олливье, и агитаціонный комитетъ въ Парижѣ, и преданные префекты и меры въ департаментахъ, и генералы въ арміи и флотѣ—всѣ старались представить избирателямъ дѣло плебисцита чѣмъ-то въ родѣ борьбы между анархіею съ одной стороны, и свободою съ другой, между революціоннымъ терроромъ и спокойнымъ шествіемъ впередъ по пути умственнаго и нравственнаго прогресса и матеріальнаго процвѣтанія. Съ этою цѣлью сочинялись и распространялись въ безчисленномъ количествѣ экземпляровъ разные памфлеты и циркуляры, въ которыхъ доказывалось, что императорское правительство всегда было одушевлено самыми лучшими намѣреніями, и что оно, выступивъ въ настоящее время на либеральный путь, будетъ идти по немъ твердо и прямо, не вдаваясь ни въ реакцію, ни въ революцію. Вмѣстѣ съ этими чисто оффиціальными произведеніями разбрасывались повсюду, съ тою же цѣлью, цѣлые сборники рѣчей, произнесенныхъ наиболѣе легкомысленными и пустоголовыми членами соціалистской партіи въ разныхъ парижскихъ *réunions publiques*, — въ этихъ рѣчахъ личная собственность, семья, религія — все, чѣмъ такъ дорожатъ особенно зажиточные классы и все крестьянское населеніе во Франціи—подвергались самымъ безобразнымъ нападеніямъ и угрозамъ, и тѣмъ должны были возбуждать въ умахъ избирателей крайне отвратительное представленіе о противникахъ имперіи. Прибавьте къ

этому исторію о заговорѣ на жизнь императора, арестъ главнаго изъ этихъ заговорщиковъ, Бори, и найденныя въ квартирѣ его сотоварищей бомбы, а также стараніе правительства примѣшать къ этому ужасному, но еще недостаточно разъясненному дѣлу—одного изъ передовыхъ дѣятелей республиканской партіи, Гюстава Флуранса,—и у васъ едва-ли можетъ остаться сомнѣніе въ томъ, что правительство шло подъ ударъ поголовнаго голосованія съ цѣлью рѣшить вопросъ не о новой конституціи, а о самомъ существованіи второй имперіи. Свирѣпыя преслѣдованія республиканскихъ газетъ и многочисленные аресты такихъ лицъ, которыя заявили себя открытыми противниками имперіи, изгнаніе итальянскаго банкира Чернуски изъ предѣловъ Франціи за то только, что онъ пожертвовалъ сто тысячъ франковъ въ пользу демократическаго плебисцитнаго комитета,—всѣ эти факты еще болѣе подтверждаютъ, что въ плебисцитѣ имперія вступила въ азартную игру съ революціею. Въ рѣчи императора, произнесенной 21-го мая при пріемѣ депутаціи законодательнаго собранія, представившей ему результатъ голосованія 8-го мая, есть тоже одно мѣсто, изъ котораго очевидно, что правительство понимаетъ нынѣшнее народное голосованіе именно въ этомъ смыслѣ. «Плебисцитъ имѣлъ предметомъ—сказалъ Наполеонъ III—лишь народное утвержденіе конституціонной реформы; но среди битвы мнѣній и въ увлеченіи борьбою, споръ зашелъ гораздо дальше. Сожалѣть объ этомъ нечего. Противники нашихъ учрежденій поставили вопросъ между революціею и имперіею. Страна рѣшила его въ пользу системы, обезпечивающей порядокъ и свободу.»

Страна дѣйствительно рѣшила этотъ вопросъ въ пользу порядка и свободы, но вопросъ былъ поставленъ не противниками имперіи, а самимъ правительствомъ Наполеона III,—противники имперіи, напротивъ, не желали поголовной подачи голосовъ, и если, волею-неволею вдались въ агитацію, то лишь по собственному неблагоразумію, по нелѣпой, ни на чемъ не основанной увѣренности въ возможность подорвать авторитетъ имперіи посредствомъ открытой борьбы за существованіе. Только одна «Марсельёза» совѣтовала республиканцамъ вовсе не участвовать въ голосованіи, и за то ни одна газета не подвергается столь жестокимъ гоненіямъ со стороны императора, какъ именно этотъ органъ республиканской партіи. Воздержавшись отъ подачи голоса, республиканцы не потерпѣли бы столь полнаго пораженія, отъ котораго они не могутъ очнуться до сихъ поръ. Комедія разыграна правительствомъ превосходно, и какъ бы демократы и либералы ни складывали голоса, представленные плебисцитомъ, какъ бы ни старались они переобъяснить очевидный приговоръ націи,—все-таки нынѣшній плебисцитъ если означаетъ что-нибудь вообще, то именно «порядокъ и свободу», отнюдь не революцію и не coup d'état.

Во французской либеральной печати преобладаетъ мнѣніе, что нынѣшній плебисцитъ есть, собственно говоря, не что иное, какъ coup d'état противъ всѣхъ реформъ, произведенныхъ въ послѣднее время въ императорской конституціи 1852 года, что такъ какъ результатомъ нынѣшняго удачнаго для имперіи голосованія является прежде всего утвержденіе новой конституціи, и такъ какъ 13-я и 44-я статьи этой конституціи узаконяютъ право императора обращаться къ поголовной подачѣ голосовъ по всѣмъ законодательнымъ вопросамъ, то плебисцитъ, одобряя вмѣстѣ съ конституціею и законодательный голосъ поголовной подачи голосовъ, парализуетъ этимъ голосомъ самую конституцію и, слѣдовательно, возстановляетъ личный образъ правленія въ полномъ его составѣ. Но эта юридическая логика очевидно основана на ошибочномъ *qui pro quo.* Вмѣсто того, чтобы считать конституцію закономъ страны, французскіе буржуазные либералы, въ своемъ предразсудочномъ страхѣ передъ поголовною подачею голосовъ, принимаютъ плебисцитъ за законъ страны: имъ кажется, что допущеніе плебисцита кассируетъ конституцію; но имъ въ голову не приходитъ, что дѣйствительною законодательною властью въ странѣ можетъ быть лишь собраніе лицъ, способныхъ понимать и обсуждать широкіе политическіе и юридическіе вопросы, а никакъ не поголовная подача голосовъ. Въ дѣйствительности происходитъ совершенно иное: плебисцитъ никогда не даетъ прямого отвѣта даже на опредѣленно поставленные вопросы по законодательнымъ дѣламъ: онъ выражаетъ лишь одобреніе или порицаніе цѣлой правительственной системы. По законодательнымъ вопросамъ поголовное избирательное право даетъ рѣшенія лишь въ лицѣ выборныхъ людей всей націи, то-есть, въ лицѣ законодательнаго корпуса, за которымъ признаны, наконецъ, почти всѣ парламентскія права. При существованіи конституціи, правильнаго парламентскаго правленія, обращеніе къ народу во всѣхъ спорныхъ законодательныхъ пунктахъ совершается обыкновенно путемъ новыхъ выборовъ членовъ законодательнаго собранія,—плебисцитъ же въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ употребленъ *теперь*, оказывается въ конституціонныхъ странахъ напрасною роскошью. Онъ станетъ роскошью и во Франціи, коль скоро политическія партіи перестанутъ величать себя представителями всего народа, а не тѣхъ или другихъ интересовъ его, или политическихъ и соціальныхъ принциповъ. Плебисцитъ, какъ прямой отвѣтъ на политическій вопросъ, ничего не уменьшаетъ въ правахъ страны и ничего не увеличиваетъ, хотя изъ цифръ его можно выводить кое-какія поучительныя заключенія, но лишь въ связи со всѣми другими фактами данной минуты. Что Франція не желаетъ революціи, это можно было видѣть и понимать и безъ всякаго обращенія къ поголовной подачѣ голосовъ. Совсѣмъ другое происходитъ, когда къ поголовной подачѣ голосовъ обращаются съ предложеніемъ

избирать лучшихъ, способнѣйшихъ людей для удовлетворенія законодательныхъ потребностей націи. Избиратели въ этомъ случаѣ имѣютъ передъ своими глазами не общій вопросъ о перемѣнѣ цѣлой правительственной системы, а живыя лица, которыя должны заняться составленіемъ и обсужденіемъ реформъ, желательныхъ для преуспѣянія страны во всѣхъ отношеніяхъ. Результатъ голосованія показываетъ здѣсь, въ какомъ направленіи должна будетъ дѣйствовать законодательная власть страны: если большинство выборныхъ людей будетъ либеральное, и законодательная власть должна пойти либеральнымъ путемъ;—если консерваторовъ больше, то значитъ въ націи нѣтъ потребности въ новыхъ реформахъ;—если обѣ партіи уравновѣшиваютъ другъ друга, то значитъ нація нуждается лишь въ мелкихъ реформахъ, кое-какихъ улучшеніяхъ или дополненіяхъ. Какъ бы то ни было, плебисцитъ, и въ первомъ случаѣ, и во второмъ, и въ третьемъ приноситъ прямую, существенную пользу странѣ, указывая законодательной власти, въ какомъ направленіи должна она вести свои дѣла въ данную минуту;—мало того, безъ плебисцита въ этомъ государственномъ дѣлѣ правительство даже не можетъ правильно отправлять свои обязанности.

Имѣя въ виду указанную разницу въ значеніи плебисцита какъ избирательнаго начала, и какъ прямого, непосредственнаго голоса націи, мы считаемъ себя вправѣ отвергнуть всѣ сужденія приверженцевъ личной системы правленія во Франціи, основанныхъ на сравненіи цифръ нынѣшняго плебисцита съ цифрами прошлогодняго поголовнаго голосованія. Въ прошломъ году, какъ извѣстно, были выборы въ законодательное собраніе, изъ общаго результата которыхъ оказывается, что за правительственныхъ кандидатовъ было подано 4,053,056 голосовъ, а за оппозиціонныхъ 3,248,855; въ 1863 году правительственные кандидаты получили 5,300,080 голосовъ, а оппозиціонные — 1,960,000; въ 1857 выборы были еще благопріятнѣе для правительства. Изъ всѣхъ этихъ цифръ очевидно, что послѣ каждаго шестилѣтія въ странѣ все быстрѣе и быстрѣе усиливалась потребность въ реформахъ, что и побудило, наконецъ, императора произвесть широкую конституціонную реформу. Бонапартисты крайне довольны тѣмъ, что въ новой конституціи осталось право императора на непосредственное обращеніе къ голосу народа, и они провозглашаютъ уже теперь, что нынѣшній плебисцитъ будто бы уничтожилъ значеніе выборовъ 1869 года. Но это не такъ. Нынѣшній плебисцитъ далъ, правда, весьма внушительныя цифры, но онѣ ничего не говорятъ въ пользу застоя, такъ какъ въ нихъ выражено лишь желаніе націи удержать въ странѣ «порядокъ и свободу», но отнюдь не личный образъ правленія. Возьмемъ цифры послѣдняго плебисцита:

	За имперію.	Противъ.	Пустые голоса.
Общій результатъ голосованія: —	7.350,142	1.538,825	112,975
Голосованіе въ арміи: —	254,749	41,782	2,997
Голосованіе во флотѣ: —	23,895	6,009	506

Всѣхъ избирателей, внесенныхъ въ списки, было 10.568,501; изъ нихъ въ арміи числилось 300,684, а во флотѣ — 32,037.

Эти цифры если можно сравнивать съ какими-нибудь плебисцитарными цифрами во Франціи, то лишь съ тѣми, которыя были получены при избраніи Люи-Наполеона въ пожизненные президенты, вскорѣ послѣ извѣстнаго государственнаго переворота 1851 года, и при избраніи его же въ императоры въ 1852 году.

	За избраніе.	Противъ.
Въ 1851 году было подано:	7.439,216.	640,737.
— 1852 — — —	7.864,189.	231,145.

Въ 1851 году, изъ всего числа избирателей въ голосованіи приняло участіе лишь 75 процентовъ, въ 1852 — 84 процента, а нынѣ около 86 процентовъ. Цифры «да» остались почти неизмѣнными, но за то цифры «нѣтъ» значительно увеличились, что объясняется не только желаніемъ республиканской оппозиціи проявить всѣ свои силы, но и бо́льшею свободою въ голосованіи: въ 1851 и 1852 годахъ плебисцитъ происходилъ подъ вліяніемъ военнаго террора, многочисленныхъ ссылокъ въ Кайенну и т. п.,—правда, и теперь случился заговоръ Бори, послужившій поводомъ ко многимъ арестамъ, но тѣмъ не менѣе въ этихъ арестахъ нѣтъ того жестокаго, лютаго устрашенія, какимъ грозилъ Люи-Наполеонъ своимъ политическимъ противникамъ вскорѣ послѣ произведенныхъ по его волѣ насильственныхъ и беззаконныхъ переворотовъ.

Что въ нынѣшнемъ плебисцитѣ со стороны правительства не были употреблены всѣ самыя безсовѣстныя устрашающія средства противъ избирателей, — это доказывается всего лучше голосованіемъ въ арміи и флотѣ. Это голосованіе происходило безъ участія посторонней публики, въ казармахъ, въ присутствіи главныхъ полковыхъ начальниковъ, и несмотря на то, въ казарменныхъ урнахъ найдено около 50 тысячъ отрицательныхъ голосовъ изъ 330 тысячъ всѣхъ избирательныхъ голосовъ;—отношеніе отрицательныхъ голосовъ къ утвердительнымъ оказалось, слѣдовательно, въ войскахъ совершенно такое, какое мы видимъ въ остальномъ населеніи. Замѣчательно, что и въ провинціи Алжиріи, которая населена преимущественно военными людьми, также число отрицательныхъ голосовъ оказалось менѣе утвердительныхъ въ пять разъ. Изъ всего этого можно съ нѣкоторою вѣроятностью заключить, что все населеніе Франціи пользуется полною свободою взаимныхъ отношеній и умѣетъ сознавать полную солидар-

ность между гражданами. Если числа отрицательныхъ и утвердительныхъ голосовъ по вопросу о существованіи цѣлой правительственной системы оказываются во всѣхъ главныхъ государственныхъ слояхъ: гражданскомъ населеніи, войскѣ и колоніи, одинаково пропорціональными между собою, то ясно, что всѣ эти государственныя группы людей составляли свои политическія мнѣнія подъ вліяніемъ одинаковыхъ обстоятельствъ и при помощи другъ друга. Ясно далѣе, что и всѣ толки французской либеральной прессы о томъ, будто императорскія войска имѣютъ скорѣе преторіанскій характеръ, чѣмъ какой-либо иной — толки рѣшительно несправедливые. Тѣ немногіе факты перевода солдатъ въ Алжирію за участіе въ революціонныхъ сходкахъ въ Парижѣ, доказываютъ только, что императорское правительство не прочь принять насильственныя мѣры противъ солдатъ, которыхъ оно считаетъ революціонными противниками существующей династіи, но это вовсе не значитъ, что оно хлопочетъ внести въ войска казарменный, противогражданскій духъ. Одно то, что оно призываетъ солдатъ высказывать ихъ мнѣніе о доброкачественности императорскаго правительства, доказываетъ, что оно признаетъ въ солдатахъ и офицерахъ и ихъ гражданскій характеръ, что оно считаетъ ихъ прежде всего сынами Франціи, защитниками независимости отечества, но никакъ не слѣпыми орудіями правительственной воли. И солдаты, какъ всѣ другіе граждане, получили отъ императора его личное приглашеніе выразить свое мнѣніе объ его правительственныхъ талантахъ. Надобно отдать справедливость правительству Наполеона III, что во время агитаціоннаго періода передъ голосованіемъ 8-го мая, оно допускало въ войскахъ столь же широкую демократическую пропаганду, какъ и по всей странѣ вообще. Ліонскій корреспондентъ лондонской газеты «Daily News» разсказываетъ слѣдующій, весьма интересный фактъ, убѣждающій насъ въ томъ, что солдаты подвергались во время плебисцита однимъ и тѣмъ же вліяніямъ съ остальными гражданами. «Вчера (письмо отъ 8-го мая) я наблюдалъ долѣе часу за однимъ старичкомъ въ истасканномъ платьѣ, съ сѣдою бородой, который разносилъ демократическія прокламаціи къ арміи. Прокламаціи лежали у него въ кожаной сумкѣ за плечами, изъ которой онъ тащилъ ихъ одну за другою, чтобъ раздавать прохожимъ, но только тѣмъ изъ нихъ, которые были въ военномъ мундирѣ. Въ двухъ случаяхъ листы попали въ руки унтеръ-офицеровъ, которые, заглянувъ въ нихъ, чинно поблагодарили старика и, аккуратно свернувъ листки, опустили ихъ въ свои карманы; большинство же лицъ, которыя получали листки, были рядовые. Передъ военнымъ госпиталемъ на Quai de la Charité, нѣсколько человѣкъ въ военныхъ мундирахъ сидѣли рядомъ у стѣны; — старичокъ остановился передъ ними и вынулъ съ полдюжины листковъ, которые тотчасъ же разошлись по рукамъ. Даже часовой взялъ листокъ, и, ходя взадъ и впередъ

передъ госпиталемъ, читалъ поданную ему прокламацію въ глазахъ офицера, который спокойно курилъ сигару, глазѣя на всю эту сцену сквозь желѣзную рѣшетку госпитальныхъ воротъ. Еще съ бо́льшимъ удивленіемъ смотрѣлъ я на сцену, происшедшую на площади Bellecour, гдѣ вчера утромъ происходилъ смотръ мѣстнымъ войскамъ.... неустрашимый разнощикъ смѣло вмѣшался въ толпу солдатъ и началъ раздавать свои листки съ тою же дѣловою рѣшимостью, какою онъ отличался вездѣ. Я видѣлъ, какъ въ группѣ изъ четырнадцати человѣкъ 11-го линейнаго полка почти всѣ солдаты читали поданные имъ листки. Далѣе, мой старичекъ присталъ къ группѣ егерей;—первый изъ нихъ, получивъ листокъ, засмѣялся и передалъ его товарищу черезъ плечо. Нигдѣ не видѣлъ я ни малѣйшей попытки къ утайкѣ. Видѣлъ я уланскаго офицера, улыбающагося и отнѣкивающагося головою, когда старичекъ вручалъ прокламаціи его солдатамъ, по мѣрѣ того, какъ они проѣзжали другъ за другомъ мимо разносщика». Къ этому живому разсказу корреспондентъ прибавляетъ, что когда онъ посѣтилъ «анти-плебисцитарный» комитетъ, онъ видѣлъ, какъ приходили туда солдаты въ полной военной формѣ и просили дать имъ нѣсколько прокламацій, а во всѣхъ этихъ прокламаціяхъ солдату внушались далеко недисциплинарныя мысли. Начинаясь краснорѣчивымъ напоминаніемъ о томъ, что солдатъ составляетъ «часть самодержавнаго народа», и что «ни министры, ни генералы, ни полковники» не имѣютъ «никакой власти въ области совѣсти», прокламація: «A l'Armée» продолжаетъ:—Если вы думаете, что правительство, отрывающее васъ въ цвѣту жизни отъ вашихъ привязанностей, гражданскаго долга, надеждъ на самостоятельную жизнь, и дѣлающее васъ почти иностранцами въ вашей собственной странѣ, не нарушаетъ ни справедливости, ни вашей свободы,—то говорите «да» передъ лицомъ вашего начальства. Если же, напротивъ, вы желаете возвратиться къ вашему родному очагу.... если вамъ надоѣло служить опорою и орудіемъ политической системы, противъ которой вы будете бороться тотчасъ послѣ того, какъ перестанете быть солдатами, если вы не желаете болѣе тѣхъ безпутныхъ и безполезныхъ войнъ, которыя сто́или вамъ столько благородной крови,—если, однимъ словомъ, вы желаете жить въ самой странѣ какъ свободные люди, то смѣло говорите: «нѣтъ». Въ заключеніи прокламація касается дисциплины и говоритъ противъ несправедливостей по службѣ: о жалованьи, наградахъ, приказахъ и т. п.

Какъ въ казармахъ, такъ и въ городахъ (по отзывамъ всѣхъ иностранныхъ корреспондентовъ) и въ селахъ (насколько можно судить по молчанію либеральной прессы) нынѣшняя поголовная подача голосовъ происходила безъ особенно сильнаго давленія со стороны администраціи. Несомнѣнно одно — что администрація, особенно въ дере-

венскихъ округахъ, обнаруживала усиленную дѣятельность съ цѣлью побудить избирателей принять участіе въ голосованіи,—конечно, при этомъ побужденіи мѣстныя власти старались, можетъ быть, дать понять избирателю, что имперія находится въ опасности и новая революція на носу. Въ газетѣ «Temps» отъ 12-го мая, Бернаръ Лавернь, ancien représentant du peuple, пишетъ изъ тарнскаго департамента, что тамъ крестьяне, получивъ приглашеніе императора, хотѣли-было воздержаться отъ подачи голоса, но когда мѣстному меру и его подчиненнымъ удалось распространить въ селахъ слухъ о томъ, что существуетъ намѣреніе низвергнуть императора—«on voulait renverser l'empereur»—всѣ крестьяне, пользующіеся избирательнымъ правомъ, немедленно рѣшили принять участіе въ голосованіи, и всѣ они подали, вѣроятно, голосъ за имперію. Когда Лавернь спрашивалъ ихъ, почему они намѣрены дать «да» въ отвѣтъ на письмо императора, они отвѣчали: «Мы отлично продаемъ наши съѣстныя произведенія: быковъ, телятъ, барановъ, свиней по высокимъ цѣнамъ,—ни при одномъ правительствѣ эти цѣны не подымались такъ высоко. При другомъ правленіи наши дѣла, можетъ быть, не пойдутъ такъ хорошо». Другой корреспондентъ той же газеты (22-го мая) сильно нападаетъ на буржуазію, и вообще на образованные классы во Франціи за то, что они не оказываютъ никакихъ услугъ крестьянскому сословію и являются къ нему лишь во время политическихъ агитацій передъ поголовною подачею голосовъ. Крестьянинъ знаетъ лишь меровъ и духовенство, — только они одни заботятся объ удовлетвореніи его нуждъ и оказываютъ ему разныя одолженія, которыя они принимаютъ съ искреннею благодарностью; помѣщики-буржуа ведутъ себя съ крестьянами гордо, даютъ работу, платятъ за работу—и только; объ образованіи его, объ улучшеніи его матеріальнаго быта они не заботятся, вникнуть въ умственныя и нравственныя потребности крестьянъ они не считаютъ нужнымъ. Корреспондентъ жестоко порицаетъ эту преступную бездѣятельность и безпечность, и въ нихъ именно находитъ онъ главную причину того, что крестьянское сословіе склонно поддерживать имперію не только въ ея нынѣшнемъ конституціонномъ нарядѣ, но даже въ формѣ личной власти. Почти всѣ сельскія школы — говоритъ онъ — учреждены и поддерживаются имперіею и духовенствомъ, — школы помѣщиковъ составляютъ лишь рѣдкое исключеніе; собственныя школы крестьянъ буржуа поддерживаютъ лишь въ весьма немногихъ случаяхъ, между тѣмъ какъ правительство оказываетъ имъ значительное пособіе. Во многихъ мѣстностяхъ Франціи правительственный починъ произвелъ множество разныхъ работъ, выгодныхъ для крестьянъ: проселочныя дороги, мосты и т. п. Мы не говоримъ уже о громадныхъ работахъ, произведенныхъ съ цѣлью обратить степь Ланда, въ южной Франціи, въ плодоносную страну, которая вся была распредѣлена потомъ между

мелкими собственниками. Всѣ эти дѣла второй имперіи одновременно съ полною бездѣятельностью образованныхъ классовъ, гораздо больше способствують развитію въ крестьянахъ преданности къ имперіи, чѣмъ обыкновенно думають. Крестьянинъ сознательно преданъ имперіи — то потому, что «цѣны на съѣстныя произведенія» стоятъ высоко; то потому, что ему удобно возить эти съѣстныя произведенія на ближайшій рынокъ; то потому, что самъ патеръ сказалъ, что «такъ любитъ императоръ», или что «революціонеры отрицаютъ поземельную собственность». Все это аргументы, конечно, крайне невѣжественные, но этихъ аргументовъ для крестьянина совершенно достаточно и онъ голосуетъ за имперію, *противъ* революціонеровъ. Почтенный «представитель народа» Лавернь хочетъ возложить всю вину этого невѣжества на правительство императора Наполеона III, зачѣмъ оно, имѣя у себя подъ руками такой послушный сельскій людъ, не ввело *обязательнаго* образованія; но, не говоря о томъ, что во время имперіи образованіе среди низшихъ классовъ населенія усилилось на цѣлую четверть больше прежняго, тогда какъ населеніе имперіи увеличилось лишь на одну пятнадцатую, обязательное образованіе, введенное правительствомъ, безъ всякаго участія со стороны богатыхъ или образованныхъ классовъ, можетъ поправить въ политикѣ весьма мало и едва ли уничтожитъ то «звѣрство невѣжественнаго и безсмысленнаго числа»,—la brutalité du nombre ignorént et inconscient, — которое столь ненавистно «старому представителю народа». Звѣрство—c'est le mot! А какъ назвать бездѣятельность и безпечность буржуазіи, въ рукахъ которой находится бо́льшая часть французской территоріи? Редакторъ «Temps» Неффцеръ называетъ ихъ довольно мягко: «lafrivolité des classes dirigeantes». Эта суетность — справедливо прибавляетъ онъ—«была во всѣ времена главнымъ препятствіемъ къ либеральному, мирному и правильному прогрессу Франціи». Въ этой же суетности заключается и главная сила всякаго деспотизма, который господствовалъ въ несчастной Франціи во всѣхъ формахъ и все-таки не успѣлъ еще, кажется, вполнѣ убѣдить французовъ въ томъ, что отъ деспотизма можно ждать только деспотизма, въ какомъ бы образѣ этотъ деспотизмъ ни управлялъ страною.

Теперь есть уже признаки широкаго пробужденія французскаго общества,—люди разныхъ партій начинаютъ, наконецъ, сознавать, что правительство можетъ только въ томъ случаѣ создавать прочное благо въ обществѣ, когда само общество способно упрочить его за собою, и что такая способность не можетъ быть создана по правительственному приказу, если общество не привыкло къ самодѣятельности, къ пожертвованію временемъ, деньгами, здоровьемъ на сближеніе всѣхъ сословій между собою, на просвѣщеніе общественнаго мнѣнія всей страны, на управленіе обычными общественными дѣлами. Очень важно въ этомъ отношеніи еще то обстоятельство, что само правительство,

повидимому, тоже сознаетъ, что безъ участія общества — то-есть, всѣхъ классовъ его, — въ центральныхъ и мѣстныхъ дѣлахъ государства, всякая правительственная мѣра, какія бы превосходныя цѣли она ни преслѣдовала и какъ бы хорошо придумана она ни была, можетъ имѣть успѣхъ лишь временной, мимолетный. Безъ дѣятельнаго сочувствія и законнаго содѣйствія со стороны общества, самыя либеральныя реформы и самыя благодѣтельныя мѣры могутъ остаться безъ всякихъ послѣдствій, а въ иныхъ случаяхъ даже послужить орудіемъ къ ниспроверженію самого благодѣтеля. Такая участь постигла большинство наполеоновскихъ реформъ въ пользу городскихъ рабочихъ. Императоръ старался и о доставленіи имъ работы, и объ удешевленіи хлѣба, мяса и платья, и объ устройствѣ жилищъ, и объ освобожденіи ихъ изъ-подъ тягостной опеки хозяевъ, даже даровалъ имъ право стачекъ и разныхъ ассоціацій,—но въ окончательномъ результатѣ оказалось, что ряды имперіалистовъ среди рабочаго сословія все рѣдѣютъ съ каждымъ годомъ, а ряды республиканцевъ пополняются. Когда, послѣ голосованія 8-го мая, мѣстныя власти въ Марсели указали рабочимъ на труды императора въ пользу рабочихъ классовъ, и упрекнули ихъ въ неблагодарности, рабочіе отвѣтили на этотъ упрекъ адрессомъ, въ которомъ, между прочимъ, они утверждаютъ, что «никогда еще рабочіе не терпѣли такой нищеты, никогда еще привилегированные капиталисты и промышленники не выказывали такой роскоши, какъ въ настоящее время», и что они (то-есть рабочіе) «лишены возможности содержать своимъ трудомъ женъ, дѣтей и престарѣлыхъ родителей». Правда, рабочіе проявляютъ столь безпардонную «неблагодарность» къ императорскому правительству не во всѣхъ городахъ, даже не въ большей половинѣ ихъ,—все-таки подобныя демонстраціи служатъ очевиднымъ доказательствомъ того, что правительственныя мѣры не достигли своей цѣли и дали совершенно неожиданные результаты. Особенно важно то, что къ числу недовольныхъ принадлежатъ все самые крупные центры: сама столица Франціи (184,946 отрицательныхъ голосовъ и не болѣе 139,538 утвердительныхъ на 400 тысячъ избирателей), Ліонъ, Марсель, Тулонъ, Бордо, Нантъ, Нимъ и другіе [1]).

Какъ бы то ни было, изъ всѣхъ фактовъ, представленныхъ плебисцитарною агитаціею и самимъ плебисцитомъ, мы можемъ довольно смѣло заключить, что французскіе избиратели подавали свои голоса въ разбираемомъ случаѣ достаточно свободно и съ цѣлью совершенно опредѣленною, то, есть, въ видахъ разрушенія или сохраненія

---

[1]) Въ числѣ городовъ, оказавшихся въ пользу имперіи, есть нѣсколько большихъ густо населенныхъ и промышленныхъ, напримѣръ: Страсбургъ, Мюльгаузенъ, Рубэ, Аміенъ, Валансьенъ.

императорскаго трона Наполеона III. Если, слѣдовательно, изъ каждыхъ шести избирателей пять высказывались за сохраненіе этого трона, то непримиримымъ противникамъ имперіи остается или отвергнуть рѣшительно обязательность приговора поголовной подачи голосовъ, или признать имперію законнымъ правительствомъ, которое можно измѣнить или отмѣнить лишь посредствомъ другого плебисцита, или, вѣрнѣе сказать, посредствомъ неустанной работы для просвѣщенія поголовной подачи голосовъ. Дилемма эта явилась при первыхъ конституціонныхъ начинаніяхъ имперіи;—она представлялась демократической партіи и прежде, до голосованія 8-го мая, но она никогда еще не казалась столь очевидною, какою мы видимъ ее теперь въ цифрахъ плебисцита. Въ законодательномъ корпусѣ, послѣ выборовъ 1869 года, сейчасъ образовалась, кромѣ старой оппозиціи, партія лѣваго центра, признававшая вторую имперію законнымъ правительствомъ, но требовавшая вмѣстѣ съ тѣмъ парламентскаго образа правленія. Эта маленькая партія (изъ 40 человѣкъ) встрѣчала, во всѣхъ своихъ реформативныхъ требованіяхъ, дружное содѣйствіе со стороны демократической оппозиціи, въ которой вскорѣ стали раздаваться голоса въ пользу признанія императорской династіи, если Наполеонъ III согласится стать вполнѣ конституціоннымъ монархомъ. Результатъ нынѣшней поголовной подачи голосовъ такъ сильно подѣйствовалъ на болѣе податливыхъ членовъ демократической оппозиціи, что они рѣшились составить особую партію, подъ названіемъ «конституціонной лѣвой», къ которой, вѣроятно, присоединится и весь лѣвый центръ. Одно названіе этой партіи показываетъ, что она примирилась съ существованіемъ второй имперіи, и если имѣетъ въ виду какія-нибудь цѣли, то лишь довершеніе конституціоннаго зданія имперіи. Во главѣ этой партіи, первоначально отдѣлившейся въ числѣ семнадцати человѣкъ (всѣхъ демократовъ насчитывали въ корпусѣ до 70), стоитъ весьма способный и дѣльный конституціоналистъ, Эрнестъ Пикаръ; если ему удастся присоединить къ себѣ всѣхъ членовъ лѣваго центра, то онъ сдѣлается весьма опаснымъ соперникомъ Олливье, какъ кандидатъ въ будущіе либеральные министры имперіи. Пикаръ вѣрно подмѣчаетъ въ цифрахъ плебисцита полное пораженіе лѣвой стороны, и онъ съ какимъ-то болѣзненнымъ экстазомъ восклицаетъ: «Такъ падаетъ передъ нами та иллюзія, которая представляла намъ Францію, насильно удерживаемою въ оковахъ, разбить которыя она пламенно желала; такъ осуждена теперь эта шумливая дѣятельность, которою вотъ уже цѣлый годъ столь безразсудно замѣняли серьезное дѣло политики предусмотрительной и самоотверженной». Ясно, о какой «шумливой дѣятельности» говоритъ Пикаръ. Теперь иллюзія пала: Франція добровольно сидитъ въ оковахъ, и эти оковы ей такъ милы, что разбивать ихъ она не имѣетъ никакой нужды. Плебисцитъ перестаетъ мѣшать Пикару въ

дѣлѣ возстановленія во Франціи прочнаго конституціоннаго правленія. Что за важность, что въ конституціи стоятъ статьи 13-я и 44-я? — императоръ можетъ отказаться отъ пользованія этимъ правомъ и, во всякомъ случаѣ, если будетъ пользоваться имъ, то лишь въ исключительныхъ обстоятельствахъ. Кому охота безпрестанно подвергать свое собственное существованіе, а также спокойствіе и порядокъ страны какой-нибудь неожиданной катастрофѣ: пріостанавливать всѣ дѣла, колебать всѣ интересы и возбуждать агитаціи, подрывающія довѣріе ко всему общественному строю? Всѣ эти соображенія, конечно, весьма вѣски и правдивы, но они не отличаются особенною «предусмотрительностью и самоотверженіемъ», они не основаны на какомъ-нибудь прочномъ и несомнѣнномъ принципѣ: 7-го мая еще, Пикаръ могъ говорить противъ императорскихъ правъ, обращаться непосредственно къ поголовной подачѣ голосовъ, а 8-го мая онъ уже не видитъ въ этомъ правѣ никакой помѣхи къ развитію конституціонныхъ учрежденій. Такія скорыя умозаключенія возбуждаютъ сомнѣнія въ особенную «предусмотрительность и самоотверженіе» Пикара.

«Непримиримые» продолжаютъ твердить свое; но, чтобы не впасть въ противорѣчіе при разрѣшеніи представляющейся имъ теперь дилеммы, они стараются увѣрить всѣхъ и каждаго, что плебисцитъ нанесъ пораженіе не имъ, а либеральной партіи,—всѣмъ, кто вѣрилъ въ возможность превращенія наполеоновскаго правленія въ конституціонное. Плебисцитъ 8-го мая не только не скрываетъ за собою преступленіе 2-го декабря, но, напротивъ, еще ярче освѣщаетъ его и усиленно требуетъ мщенія. За имперію подано 7 милліоновъ голосовъ, за революцію полтора милліона, да полтора отказались отъ голосованія, то-есть, вовсе не признаютъ имперіи. Всѣ эти революціонные голоса́ — голоса́ людей, болѣе или менѣе образованныхъ, страстныхъ, способныхъ на жертвы, между тѣмъ какъ голоса́, поданные за имперію, принадлежатъ невѣжеству, продажности, лицемѣрію; — понятно, поэтому, что первые голоса́ по крайней мѣрѣ вдвое важнѣе послѣднихъ, и, слѣдовательно, у имперіи въ дѣйствительности только 3½ милліона голосовъ, тогда какъ у демократіи ихъ не менѣе 3-хъ милліоновъ. Ловко сосчитано, но натяжки въ немъ до того очевидны, что рѣшительно не понимаешь, какимъ образомъ серьезные люди могутъ утѣшаться подобными выводами. Во-первыхъ, въ полуторахъ милліонахъ голосовъ, не принимавшихъ участія въ голосованіи, революціонныхъ порицателей голосованія было много-много сто-двѣсти тысячъ: одни лишь приверженцы «Марсельёзы»; всѣ другіе отрицатели были или безпечные, крестьяне, или приверженцы орлеанистской и легитимистской партій, а также клерикалы ультрамонтанской партіи Велльо. Въ числѣ людей, подавшихъ отрицательные бюллетени, есть немало приверженцевъ Пикара и его

нынѣшнихъ сотоварищей, — съ удаленіемъ которыхъ изъ лагеря непримиримыхъ число этихъ послѣднихъ уменьшится значительно, такъ что если отдать имъ лишь всю цифру отрицательныхъ голосовъ, они должны остаться ею вполнѣ довольны. Другіе полтора милліона, причитанные себѣ непримиримыми, окажутся, въ случаѣ какой-нибудь революціонной попытки, скорѣе на сторонѣ имперіи, чѣмъ на сторонѣ революціи, такъ какъ всѣ эти враги имперіи еще сильнѣе ненавидятъ республику. Такъ какъ орлеанисты, легитимисты и т. д.—все избиратели образованные и обладающіе политическимъ смысломъ, и такъ какъ по своей численности они вполнѣ уравновѣшиваютъ непримиримыхъ, то ясно, что въ критическую минуту имперія будетъ имѣть за себя чистыхъ семь милліоновъ голосовъ. Сократите ихъ на два, пожалуй, цифра все-таки останется весьма внушительною. Однимъ словомъ, революція рѣшительно осуждена и безсильна.

Но изъ того, если что-нибудь невозможно въ настоящее время, еще не слѣдуетъ, что оно невозможно въ отдаленномъ будущемъ, при иныхъ условіяхъ. Принимать цифры плебисцита какъ народный приговоръ въ пользу личнаго образа правленія и потому застыть въ тѣхъ реформахъ, которыя проведены или начаты до настоящаго времени, значило бы (для имперіи) нанести всѣмъ своимъ успѣхамъ самый рѣшительный ударъ, а между тѣмъ таковы именно совѣты всей правой стороны законодательнаго корпуса, торопящейся всѣми силами замѣнить Олливье Руэромъ. «Правые» остались теперь единственными приверженцами чистаго бонапартизма, то-есть, личнаго правленія, поступающагося своими абсолютистскими прерогативами лишь настолько, насколько того требуетъ большинство такъ-называемаго «четвертаго сословія», то-есть, городскихъ рабочихъ и крестьянъ. Партія эта весьма вліятельная при дворѣ, коварная и безчувственная, глухая ко всѣмъ интересамъ образованныхъ классовъ, готовая во всякое время на всевозможные перевороты—партія крайне опасная не только для развитія свободы и благосостоянія во Франціи, но и для самой династіи, старые, отжившіе традиціонные интересы которой составляютъ кодексъ принциповъ этой партіи. Нынѣшній плебисцитъ правая сторона толкуетъ такъ, какъ объяснялъ самъ Наполеонъ всѣ свои прежніе плебисциты, то-есть, какъ выраженіе полной преданности императорскому дому. Поэтому, они отвергаютъ всякое значеніе выборовъ 1869 г. и всякую обязательность конституціоннаго устройства. Императоръ говоритъ, что плебисцитъ высказался въ пользу «порядка и свободы»; правая сторона утверждаетъ, что послѣднее словцо втиснуто въ рѣчь императора министромъ Олливье, что, напротивъ, народъ нанесъ самое рѣшительное пораженіе парламентаризму, что если онъ требуетъ чего-нибудь, то лишь систематическаго подавленія революціонныхъ ученій, распространеніе которыхъ успѣло значительно усилить ряды

республиканцевъ. Да, смотрите, республиканцы имѣютъ теперь полтора милліона голосовъ, а на прежнихъ плебисцитахъ они получали лишь 600 тысячъ въ 1851 году и только 200 тысячъ въ 1852! Вотъ кто торжествуетъ теперь—республика соціализма, но никакъ не конституціонилизма! Намъ не нужно управленіе разныхъ Олливье, которые, подъ видомъ преданности имперіи, играютъ на-руку прежнимъ королевскимъ режимамъ. Плебисцитъ—вотъ нашъ законъ; Руэ—вотъ дѣйствительно преданный слуга наполеоновской династіи! — Всѣ эти разсужденія правой стороны, какъ видитъ читатель, какъ бы подтверждаются сужденіями республиканцевъ, которые тоже увѣрены, что ихъ партія можетъ торжествовать побѣду, и это единогласіе правой и лѣвой стороны палаты производитъ такое глубокое впечатлѣніе на постороннихъ зрителей, что смущаетъ даже многихъ либераловъ.

Очевидно, нынѣшній плебисцитъ произвелъ отчаянный хаосъ въ головахъ всѣхъ политическихъ партій во Франціи, и пока этотъ хаосъ не разъяснится, все правленіе страны, вся законодательная дѣятельность ея будетъ пребывать въ крайне шаткомъ положеніи и угрожать французскому народу въ ближайшемъ будущемъ какими-нибудь новыми «неожиданностями». Министерство Олливье, если оно дѣйствительно воодушевлено серьезными либеральными намѣреніями, можетъ разомъ разрушить это опасное хаотическое состояніе — ему стбитъ только внесть въ законодательный корпусъ новый избирательный законъ съ отмѣною оффиціальныхъ кандидатуръ, и потомъ тотчасъ же назначить новые выборы: тогда всѣмъ будетъ ясно, какой законодательной политики требуетъ народъ—либеральной ли, или консервативной. Если Олливье не сдѣлаетъ этого, паденіе его неизбѣжно и имперія снова попадетъ въ руки правой стороны, то-есть, будетъ управлять страною безъ всякихъ принциповъ, лишь руководствуясь скудными и мелкими желаніями невѣжественнаго крестьянства и насильно подавляя не только крайнія, но и существенныя требованія городскихъ рабочихъ и всѣхъ образованныхъ классовъ вообще. Отъ такой системы революціонная партія дѣйствительно пріобрѣтетъ весьма большую пользу, такъ какъ къ ней присоединятся, волею-неволею, всѣ угнетаемые, весь цвѣтъ французскаго образованія, и ея окончательная побѣда станетъ лишь вопросомъ времени. Что будетъ послѣ — не знаемъ; во всякомъ случаѣ, повтореніе режима второй имперіи станетъ невозможнымъ. Можетъ быть, Франція попадетъ потомъ въ режимъ третьей имперіи, который будетъ мягче правленія второй имперіи настолько, насколько вторая имперія была мягче первой. Можетъ быть—но лучше было бы, для интересовъ всего образованнаго міра и преуспѣянія европейской цивилизаціи, еслибы вторая имперія теперь же распустилась въ правильную представительную систему, основанную на такомъ широкомъ и прочномъ фундаментѣ, какъ по-

головная подача голосовъ. Олливье постоянно хвалился тѣмъ, что онъ желаетъ осуществить мечты Мирабо и Бенжамена Констана. Да — дѣйствительно, обстоятельства превосходно сложились для осуществленія мечты этихъ замѣчательныхъ людей Франціи, но хватитъ ли у Олливье столько твердости въ характерѣ въ его придворныхъ сношеніяхъ, сколько нужно для этой цѣли — утверждать никакъ невозможно, такъ какъ мы имѣемъ уже нѣсколько фактовъ, доказывающихъ слабость министра: къ чему эти безчисленныя и безобразныя преслѣдованія республиканской прессы, къ чему эти многочисленные аресты и безпрестанныя выдумки заговоровъ, — съ какой стати, наконецъ, дѣло Бори и другихъ лицъ, обвиняемыхъ въ заговорѣ на жизнь императора, передается въ верховный судъ, когда самъ Олливье, во время преступленія Пьера Бонапарте, высказалъ мнѣніе, что онъ передаетъ убіеніе Нуара въ верховный судъ только потому, что не можетъ нарушить существующихъ о царствующей династіи законовъ? Гдѣ же тотъ законъ, который требуетъ передать и дѣло Бори въ верховный судъ?...

Для полной картины настоящаго положенія партій во Франціи намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о республиканцахъ. Что партія эта усилилась съ основанія имперіи—цифры плебисцита этого не доказываютъ. Теперь ихъ полтора милліона—это точно, но тѣ 600 тысячъ и 200 тысячъ голосовъ, которые имѣла оппозиція въ 1851 и 1852 годахъ, вовсе не представляютъ голоса тогдашнихъ республиканцевъ. Въ то время плебисцитъ происходилъ подъ вліяніемъ самаго отчаяннаго террора, и потому большинство лицъ, пользовавшихся избирательнымъ правомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ непризнававшихъ новаго режима, протестовало противъ него именно своимъ отсутствіемъ: республиканцы воздерживались отъ участія въ голосованіи, а всѣ отрицательные голоса принадлежали либераламъ орлеанской монархіи. Прудонъ, въ своей извѣстной книгѣ: «De la capacité politique des classes ouvrières», изданной въ 1865 году, продолжалъ еще считать голоса по этой мѣркѣ, и онъ было вправѣ считать такимъ образомъ, такъ какъ и на выборахъ 1863 года истые, непоколебимые республиканцы продолжали держаться въ сторонѣ. Только въ 1869 году они рѣшаются, наконецъ, принимать присягу съ цѣлью заявить свой голосъ на выборахъ, и только въ нынѣшнемъ плебисцитѣ рѣшились они открыто помѣряться силами съ имперіею, какъ личною, такъ и конституціонною. Основываясь на всѣхъ этихъ соображеніяхъ, мы считаемъ возможнымъ заключить, что республиканская партія не усилилась во Франціи численно, такъ какъ въ 1851 и 1852 годахъ неучаствовавшихъ въ плебисцитѣ было слишкомъ по полтора милліона голосовъ. Съ другой стороны, мы полагаемъ, что республиканская партія значительно улучшилась въ своемъ нравственномъ составѣ, хотя и те-

перь замѣтны слишкомъ частые разлады и недоразумѣнія между отдѣльными кружками. Революціоннаго, беззавѣтнаго пыла въ ней меньше, но за то твердость намѣреній непоколебима, несомнѣнна; республиканская партія умѣетъ внимать голосу благоразумія и сдержанности, никогда не покидаетъ изъ виду своей главной цѣли; во многихъ заявленіяхъ замѣчается еще блистательное легкомысліе и чарующія фразы, но есть среди республиканцевъ и весьма серьезные люди, каковъ напримѣръ Гамбетта. Рѣчь его къ молодому поколѣнію, произнесенная на банкетѣ, который давали въ честь его студенты парижскаго университета, верхъ совершенства и политической проницательности. «Героическія времена республиканской партіи—сказалъ онъ,—уже прошли... Сила противъ силы — это послѣднее средство можетъ быть употреблено лишь, какъ верховное возмездіе угрожаемаго права. До тѣхъ поръ, пока открыто поле для разсужденій, для споровъ, прозелитизма, пропаганды, пока человѣкъ можетъ сходиться съ человѣкомъ, гражданинъ съ гражданиномъ, пока души и умы имѣютъ возможность соглашаться между собою и проникаться другъ другомъ, пока полицейская рука не зажимаетъ рты свободныхъ гражданъ — до тѣхъ поръ слѣдуетъ громко провозглашать, что мы гнушаемся силою въ нашихъ рукахъ также точно, какъ силою въ рукахъ узурпаторовъ.» Показавъ молодымъ людямъ, какъ наука разрушила наполеоновскую легенду и какъ поголовная подача голосовъ стала орудіемъ деспотизма лишь вслѣдствіе лѣни и безпечности демократіи, Гамбетта призывалъ юношей на тяжкій, долгій, хлопотливый и безустанный, но въ высшей степени благородный трудъ — на просвѣщеніе поголовной подачи голосовъ. Только просвѣщеніемъ поголовной подачи голосовъ можетъ придти Франція къ «порядку и постоянству», которыхъ такъ желаетъ самъ Гамбетта и которые далеко еще не установлены въ его отечествѣ. «Друзья мои! — сказалъ онъ въ заключеніе, — вынесемъ отсюда энергическую рѣшимость осуществить наши ученія на практикѣ, не только въ томъ внутреннемъ судилищѣ, которое называется совѣстью, но и внѣ его, въ опытномъ мірѣ, посредствомъ явныхъ дѣйствій — посредствомъ явныхъ дѣйствій, господа. Нужно дѣйствовать, нужно соединяться для общей цѣли просвѣщенія и пропаганды... Нуженъ общій трудъ. Laboremus».!

Для республиканской партіи во Франціи весьма важно именно то, что не въ высшихъ слояхъ только находятся такіе благородные и стойкіе люди, каковъ Гамбетта. Низшіе слои общества, простые рабочіе тоже представляютъ множество примѣровъ непоколебимой преданности республиканскому знамени, а только въ этомъ случаѣ французская республиканская партія можетъ имѣть болѣе твердыя надежды на будущее.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ.

Май, 1870.

Современное состояніе школы въ Италіи.

Казалось бы, дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія должна преимущественно передъ всѣми другими обращать на себя вниманіе общества въ странѣ, которая серьезно стремится къ своему внутреннему благоустройству. Къ сожалѣнію, мы не то видимъ въ Италіи. У насъ всякое дѣйствіе министерства народнаго просвѣщенія возбуждаетъ толки и заботы исключительно только въ средѣ того учрежденія, или той провинціи, которыхъ непосредственно касается, — масса же общества остается вполнѣ безучастной. Въ послѣднее время финансовыя соображенія министра Селлы, клонящіяся къ ограниченію въ Италіи числа университетовъ или находящихся въ нихъ каѳедръ, правда, вызвали живую оппозицію со стороны большинства нашихъ періодическихъ изданій. Но оппозиція эта тѣмъ не менѣе представляетъ характеръ чисто-мѣстный и частный: кто боится за себя, тотъ и ратуетъ, а остальнымъ какъ будто и горя мало. Если туринскій университетъ выказалъ въ настоящемъ случаѣ сильное волненіе, то это единственно изъ боязни лишиться своего филологическаго факультета. Миланская академія, а за нею и пизанскій университетъ возвысили голосъ, потому что имѣли поводъ опасаться за свое существованіе. Всѣ другія высшія учебныя заведенія полуострова заговорили дружно, не изъ желанія общей пользы, а вслѣдствіе того, что каждое имѣло въ виду оградить себя отъ посягательствъ министра Селлы на свои личныя права. Столичная пресса тоже не отстала отъ другихъ и горячо заступилась за флорентинскій *Институтъ высшихъ наукъ и усовершенствованія* (Instituto di Studi superiori e di perfezionamento), при чемъ дѣло не обошлось безъ рѣзкихъ выходокъ. Не довольствуясь энергической защитой законныхъ правъ Флоренціи на учебное заведеніе высшаго разряда, пресса накинулась на цѣлую провинцію, уроженцы которой главнымъ образомъ входятъ въ составъ министерства Ланцы и Селлы. Такъ, недавно еще одна изъ нашихъ газетъ, пародируя извѣстное изреченіе римлянъ противъ папы Урбана VIII, восклицала: Quod non fecerunt barbari fecerunt subalpini (замѣняя послѣднимъ словомъ Barberini) и горько жаловалась на то, что «орды кафровъ и готтен-

готовъ, выйдя изъ Піемонта, на горе намъ водворились на цвѣтущихъ берегахъ Арно».

Впрочемъ, должно сознаться, что, помимо рѣзкостей формы, въ нападкахъ на министерство за его разрушительныя намѣренія заключается много справедливаго. У насъ полагаютъ, что въ настоящую минуту наибольшая опасность угрожаетъ вышеупомянутому флорентинскому *Институту высшихъ наукъ*, и потому прежде всего скажу о немъ нѣсколько словъ.

Еще въ средніе вѣка во Флоренціи существовала, пользовавшаяся довольно обширной извѣстностью, школа юридическихъ наукъ (Studio legale). Но когда Тоскана, присоединясь къ Піемонту, вошла въ составъ новаго итальянскаго королевства, столица ея, не имѣя собственнаго университета, была принуждена посылать своихъ молодыхъ людей для высшаго образованія въ Пизу, Сіенну и Болонью. А между тѣмъ ни одинъ изъ итальянскихъ городовъ не обладалъ такими богатыми научными средствами, какъ Флоренція. Въ ней находились: великолѣпный музей ископаемыхъ, роскошный гербарій, чрезвычайно древній физическій кабинетъ, огромный и отлично устроенный госпиталь и самая драгоцѣнная на всемъ полуостровѣ коллекція книгъ и рукописей. Не желая, чтобы такія богатства пропадали даромъ, временное правительство Тосканы, во главѣ котораго стояли маркизъ Джино Каппони, баронъ Риказоли и маркизъ Козимо Ридольфи, постановило употребить ихъ съ пользою для науки, но такъ, однако, чтобы отъ этого ни мало не могли пострадать сосѣдніе университеты. Такимъ образомъ, 22-го декабря 1859 года было положено во Флоренціи основаніе нынѣшнему *Институту высшихъ наукъ и усовершенствованія*, имѣющему въ виду *пополненіе* университетскаго образованія. Это учрежденіе раздѣляется на четыре отдѣла: въ 1-мъ преподаются философія и филологія, во 2-мъ науки естественныя и физическія, въ 3-мъ медико-хирургическія, въ 4-мъ фармацевтическія. Первоначально тутъ находился еще отдѣлъ юридическихъ наукъ, но впослѣдствіи онъ былъ уничтоженъ. Сообразно высокому значенію въ странѣ новаго учрежденія, преподавателямъ въ немъ было назначено вознагражденіе большее того, какое получали университетскіе профессора. Оно равнялось 4,000 лирамъ (около франка), тогда какъ послѣдніе получали всего только 3,000. Но когда въ 1862 году, декретомъ 31-го іюля жалованье университетскихъ профессоровъ было увеличено до 5,000 лиръ, это новое постановленіе министерства народнаго просвѣщенія не распространилось на *Институтъ высшихъ наукъ*, какъ управлявшійся своими собственными особыми постановленіями. Его профессора продолжали получать все тоже вознагражденіе въ 4,000 лиръ, несмотря на то, что *Институтъ высшихъ наукъ* имѣлъ въ виду *усовершенствованіе* въ какомъ-либо спеціальномъ знаніи молодыхъ людей, уже прошедшихъ пол-

ный курсъ университетскихъ наукъ, а слѣдовательно, считалъ въ числѣ своихъ профессоровъ такихъ ученыхъ, которыми Италія по справедливости можетъ гордиться. Между ними въ настоящее время особенно славятся: докторъ Буфалини и хирургъ Заннети, оба состоящіе при госпиталѣ Santa Maria Nuova; Микеле Амари, профессоръ арабскаго языка, пользующійся европейской извѣстностью и Северини, знаменитѣйшій въ Италіи синологъ, занимающій каѳедру китайскихъ нарѣчій; ботаникъ Филиппо Парлаторе, нѣмецкій физіологъ Мауриціо Шифъ и астрономъ Донати, открывшій комету, которая носитъ его имя. Такая неравномѣрность въ распредѣленіи жалованья между профессорами университета и профессорами института была наконецъ уничтожена предшественникомъ нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія, Анджело Баргони.

Значительный дефицитъ, который въ прошломъ году понесло министерство народнаго просвѣщенія, впервые навелъ министровъ Ланцу и Селлу на мысль о возможности пополнить его посредствомъ закрытія нѣсколькихъ университетовъ. Но большинство нашихъ университетовъ существуетъ на фонды совершенно частнаго свойства, въ различныя времена завѣщанныя имъ по духовнымъ завѣщаніямъ. Правительство можетъ закрыть университетъ, но не вправѣ ни присвоить себѣ суммъ, на которыя онъ существуетъ, ни обратить ихъ на какія-либо другія цѣли, неимѣющія въ виду высшаго народнаго образованія. Не далѣе, какъ въ нынѣшнемъ году, министерство народнаго просвѣщенія должно было дозволить мессинскому университету принять завѣщаніе, въ силу котораго докторъ Филиппо Джентиломо предписывалъ основать тамъ двѣ новыя каѳедры, одну народнаго права, другую агрономіи. А между тѣмъ мессинскій университетъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые нынѣшнее министерство, если бы могло, охотно уничтожило. Что въ Италіи слишкомъ много университетовъ—это всѣмъ извѣстно; что хорошо было бы нѣкоторые изъ нихъ превратить въ техническія и практическія школы — всѣ съ этимъ соглашаются. Бѣда въ томъ, что нынѣшнее министерство, руководимое мелочными экономическими разсчетами, стремится разрушать, а не перестраивать зданія, воздвигнутыя трудами прежнихъ поколѣній. Немудрено потому, если его намѣренія въ этомъ случаѣ возбуждаютъ всеобщее неодобреніе.

Мы имѣемъ въ Италіи два учебныя заведенія высшаго разряда: флорентинскій *Институтъ высшихъ наукъ и усовершенствованія* и миланскую *Учено-литературную академію*. Всѣхъ университетовъ считается у насъ 19: въ Туринѣ, Генуѣ, Кальяри, Сассари, Павіи, Падуѣ, Пармѣ, Моденѣ, Болоньѣ, Феррарѣ, Урбино, Мачератѣ, Перуджіи, Пизѣ, Сіеннѣ, Неаполѣ, Палермо, Мессинѣ и Катаніи. Такое изобиліе высшихъ учебныхъ заведеній при весьма низкомъ уровнѣ образованія массъ въ странѣ, не можетъ быть признано полезнымъ. Совер-

шенно естественно, что при многочисленности каѳедръ въ нашихъ университетахъ и при настоящемъ плохомъ состояніи у насъ первоначальнаго образованія, высшія науки не вездѣ и не всегда читаются съ одинаковымъ успѣхомъ. Кромѣ того, мы имѣемъ еще высшія политехническія школы, училища для инженеровъ, военныя, морскія и коммерческія, такъ что если судить о степени нашего образованія по количеству нашихъ учебныхъ заведеній, то страна наша должна быть признана чуть ли не самой просвѣщенной въ мірѣ. Но къ сожалѣнію, качество преподаваемаго у насъ ученія не равняется количеству и при отсутствіи въ немъ практическаго направленія оно часто оказывается вполнѣ безполезнымъ.

Не будучи въ силахъ ни уменьшить число университетовъ, ни произвести въ нихъ радикальныя перемѣны, наши министры народнаго просвѣщенія до сихъ поръ ограничивались только незначительными въ нихъ нововведеніями, для которыхъ не требуется согласіе парламента и въ которыхъ они не обязаны никому давать отчета. Но нововведенія эти, подобно всѣмъ произвольнымъ дѣйствіямъ, зависящимъ отъ минутнаго каприза одного лица, ровно ни къ чему не привели. Если же за это время и было сдѣлано что хорошее для университетовъ, такъ оно должно быть отнесено исключительно къ тѣмъ немногимъ мѣсяцамъ, когда мѣсто секретаря министерства народнаго просвѣщенія занималъ профессоръ Виллари. Къ числу его наиболѣе удачныхъ дѣйствій должно отнести открытіе при неаполитанскомъ университетѣ высшей образцовой школы, для приготовленія учителей въ гимназіи и лицеи. Подобная школа уже существовала при пизанскомъ университетѣ. Виллари былъ въ ней директоромъ и, успѣвъ на дѣлѣ убѣдиться въ пользѣ, какую приносятъ такого рода заведенія, имѣющія въ виду спеціальную педагогическую цѣль, поспѣшилъ основать двѣ новыя нормальныя школы: одну при флорентинскомъ *Институтѣ высшихъ наукъ*, другую, какъ мы уже сказали, при неаполитанскомъ университетѣ. Кромѣ того, министръ Баргони, все съ содѣйствіемъ того же Виллари, постановилъ, чтобы университетскій курсъ наукъ по юридическому факультету длился всего четыре года, находя, что этого срока вполнѣ достаточно для чисто-теоретическаго изученія законовъ. Онъ при этомъ имѣлъ въ виду дать молодымъ людямъ возможность посвящать болѣе времени на практическія занятія, которыя такъ необходимы для пріобрѣтенія опытности и навыка въ дѣлахъ.

Не слѣдуетъ также забывать хотя и неудавшуюся попытку министра Баргони нѣсколько возвысить въ Италіи уровень женскаго образованія. Онъ въ прошломъ году издалъ циркуляръ, въ которомъ обращался къ префектамъ, въ тоже время исполняющимъ должность президентовъ въ учебныхъ комитетахъ, съ предложеніемъ побудить подвластныя имъ провинціи къ открытію въ нихъ высшихъ женскихъ

учебныхъ заведеній. Въ этихъ школахъ, по программѣ Баргони, должны были преподаваться, кромѣ итальянскаго языка и литературы, иностранные языки, рисованіе, ариѳметика, домашнее хозяйство, пѣніе, гимнастика и начальныя свѣдѣнія изъ естественныхъ наукъ. Но какъ ни скромны были требованія почтеннаго министра, онѣ, повидимому, не имѣли никакого результата, такъ какъ у насъ по-сю пору еще не открыто ни одно высшее учебное заведеніе для женщинъ.

Но главныя заботы какъ Баргони, такъ и преемника его, нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія, Корренти, были и продолжаютъ быть устремлены на дѣло первоначальнаго образованія.

По статистическимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1861 году, оказалось, что число безграмотныхъ въ Италіи простиралось до 17 милліоновъ. Цифра эта была нѣсколько преувеличена, такъ какъ къ числу безграмотныхъ гражданъ причитались также и новорожденныя дѣти до шестилѣтняго возраста включительно, изъ которыхъ, по общему порядку вещей, безъ сомнѣнія многимъ даже не придется достигнуть зрѣлаго возраста. Вычтя изъ цифры 17 милліоновъ все, что въ ней есть преувеличеннаго, мы все-таки получимъ еще страшную по своей громадности цифру 12 милліоновъ. Конечно, съ 1861 года и эти 12 милліоновъ должны были значительно уменьшиться, такъ какъ у насъ въ теченіи десяти лѣтъ только и дѣло что воспитывали учителей и учительницъ, открывали школы, предлагали преміи и вознагражденія всюду, гдѣ процвѣтала грамотность, а тамъ гдѣ ее не было—старались силою ее вводить. Тѣмъ не менѣе, мы все-таки должны сознаться, что масса нашего народа пребываетъ въ страшномъ невѣжествѣ, и это главнымъ образомъ по тремъ причинамъ. Во 1-хъ, у насъ, несмотря на быстрое въ послѣднее время пріумноженіе школъ, ихъ все-таки еще слишкомъ мало; во-2-хъ, школы эти не достаточно хорошо организованы, а въ-3 хъ, наши крестьяне и ремесленники по выходѣ изъ школы тотчасъ перестаютъ заниматься чтеніемъ и мало-по-малу забываютъ то, чему успѣли научиться.

Все это сильно озабочиваетъ у насъ всѣхъ истинныхъ друзей просвѣщенія и побуждаетъ ихъ отыскивать средства, могущія измѣнить къ лучшему существующій порядокъ вещей.

Что касается до среднихъ учебныхъ заведеній въ Италіи, то они раздѣляются на двѣ категоріи—на классическія и на реальныя. Курсъ классическихъ наукъ состоитъ изъ пяти лѣтъ гимназіи и трехъ лицея; курсъ реальныхъ—изъ трехъ лѣтъ такъ-называемой технической школы и трехъ лѣтъ техническаго института. Рядомъ съ послѣдними недавно возникли еще коммерческія и ремесленныя училища, которыя въ короткое время своего существованія уже успѣли оказать не мало пользы. Но классическія гимназіи и лицеи у насъ мало-по-малу приходятъ въ большой упадокъ. Число учениковъ въ нихъ постоянно

уменьшается. Въ прошломъ году изъ флорентинскаго лицея всего только *одинъ* молодой человѣкъ выдержалъ экзаменъ для поступленія въ университетъ. Во многихъ лицеяхъ насчитываютъ не болѣе какъ до восьми и до десяти учениковъ, такъ что не рѣдко число въ нихъ преподавателей превышаетъ число воспитанниковъ. По неволѣ приходится сознаться, что классическія гимназіи и лицеи отжили свой вѣкъ даже въ Италіи, въ самомъ отечествѣ Ливія и Цицерона. Этому отчасти содѣйствуютъ также, я полагаю, трудный и утомительный способъ преподаванія, какъ у насъ, такъ и въ другихъ странахъ, классическихъ языковъ. На нашихъ глазахъ постоянно совершается странный феноменъ: всякій мало-мальски способный ученикъ въ два года успѣваетъ очень порядочно выучиться санскритскому языку, тогда какъ большинство гимназистовъ и лицеистовъ, по истеченіи восьми лѣтъ школьнаго ученія, не въ состояніи перевести ни одного латинскаго автора, исключая тѣхъ, которыхъ имъ толковали въ классѣ. Кромѣ того, совершенная непримѣнимость латинскаго языка къ тѣмъ профессіямъ, къ какимъ готовится масса учениковъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отвращаетъ ихъ отъ тягостнаго и безполезнаго труда. У многихъ вошло въ привычку говорить, что затверживаніе латыни составляетъ отличное упражненіе, которое изощряетъ умъ и память. Намъ кажется, что оно скорѣе утомляетъ учащагося, составляя нѣчто въ родѣ умственной гимнастики, гораздо болѣе напрягающей, нежели развивающей способности.

Какъ Баргони, такъ и Корренти, повидимому, раздѣляютъ наше мнѣніе, потому что оба до сихъ поръ обращали весьма мало вниманія на классическія учебныя заведенія средняго разряда. Баргони во все время своего управленія министерствомъ заботился только о предотвращеніи въ гимназіяхъ и лицеяхъ злоупотребленій на экзаменахъ и вообще о поддержаніи въ нихъ порядка и благочинія. Но вполнѣ сознавая, что этого еще не достаточно для успѣшнаго хода занятій, онъ въ прошломъ году обратился къ преподавателямъ съ циркуляромъ, въ которомъ выражалъ желаніе, чтобъ они были не столько учителями, сколько воспитателями юношества. Вотъ его подлинныя слова по этому случаю: «профессоръ—говоритъ онъ,—долженъ учить своихъ воспитанниковъ не столько читать и говорить, сколько думать. Главная его обязанность образовать, развить и укрѣпить самый духъ ученика..... Послѣдній тогда только и научится правильно думать, когда достигнетъ умѣнья здраво мыслить и благородно чувствовать. Въ этомъ и заключается настоящая задача среднихъ учебныхъ заведеній».

Кромѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ учебныхъ заведеній, въ Италіи нѣтъ ни одного сколько-нибудь значительнаго города, который не имѣлъ бы своей нормальной школы, мужской или женской, а нерѣдко

и обѣихъ вмѣстѣ. Цѣль ихъ приготовлять учителей и учительницъ для преподаванія въ элементарныхъ школахъ. Но къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобъ заведенія эти особенно процвѣтали, такъ какъ у насъ вообще чувствуется недостатокъ въ хорошихъ преподавателяхъ, которыхъ не малое число требуется также и для техническихъ училищъ. Въ учителя нормальныхъ школъ избираются наилучшіе изъ наставниковъ элементарныхъ школъ, но предлагаемое имъ при этомъ вознагражденіе такъ мало соотвѣтствуетъ важности возлагаемыхъ на нихъ обязанностей, что вообще охотниковъ на эти мѣста обыкновенно бываетъ весьма немного. Вотъ вамъ для примѣра таблица учительскаго жалованья въ мужской и женской нормальныхъ школахъ города Флоренціи, преобразованныхъ въ прошломъ году министромъ Баргони съ тѣмъ, чтобы онѣ служили образцомъ для всѣхъ остальныхъ:

Мужская нормальная школа:

Директору, который въ тоже время и учитель литературы и педагогики	4,000 лир.
Учителю естественныхъ наукъ и въ тоже время помощнику директора	1,400 —
Учителю грамматики и исторіи	1,500 —
Учителю рисованія, геометріи и ариѳметики	1,500 —
Учителю географіи, съ обязанностію помогать въ веденіи переписки и счетныхъ книгъ	1,100 —
Учителю катехизиса и священной исторіи	800 —
Учителю хорового пѣнія и игры на органѣ	600 —
Учителю каллиграфіи	500 —
Итого	11,400 —

Женская нормальная школа:

Директору, который кромѣ того читаетъ одинъ изъ трехъ нижеслѣдующихъ предметовъ	500 лир.
Учитель теоретической и практической педагогики	1,500 —
Учителю итальянскаго языка и литературы	1,800 —
Учителю ариѳметики, геометріи и естественныхъ наукъ	2,200 —
Учителю катехизиса	1,000 —
Классной надзирательницѣ	1,000 —
Учителю исторіи и географіи	800 —
Учителю каллиграфіи	500 —
Учителю рисованія	1,000 —
Учителю пѣнія	500 —
Учительницѣ вышиванія	1,200 —
Учительницѣ шитья	1,200 —
Учительницѣ гимнастики	500 —
Учителю французскаго языка	1,200 —
Итого	14,900 —

При женской нормальной школѣ существуетъ еще образцовая элементарная школа, состоящая изъ четырехъ классовъ и въ которой преподаваніе поручается самымъ лучшимъ учительницамъ. Жалованье между ними распредѣлено слѣдующимъ образомъ:

Учительница	1-го	класса получаетъ	1,200	лиръ.
»	2-го	»	1,200	»
»	3-го	»	1,400	»
»	4-го	»	1,400	»
		Итого	5,200	»

Цифра этихъ вознагражденій, всюду незначительная, становится вдвое такою въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ провинціяхъ, гдѣ народонаселеніе невѣжественнѣе, а слѣдовательно и трудъ учительскій несравненно тяжелѣе. Вообще трудно себѣ представить жизнь печальнѣе той, какую ведутъ наши учителя и учительницы въ маленькихъ городкахъ и селахъ, гдѣ на нихъ часто смотрятъ съ недоброжелательствомъ, видя въ нихъ не иное что, какъ причину новой подати, налагаемой правительствомъ. Особенно тяжело приходится бѣднымъ учительницамъ, которыя нерѣдко, едва достигнувъ восемнадцати-лѣтняго возраста, отправляются въ самыя отдаленныя, почти полудикія края Италіи, гдѣ даже самый языкъ ихъ, не говоря уже образъ мыслей, совершенно непонятенъ жителямъ, говорящимъ только на своемъ мѣстномъ нарѣчіи. Отлученныя отъ своихъ семей, безъ всякаго авторитета посреди недружелюбнаго народонаселенія, въ полной какъ матеріальной, такъ и нравственной зависимости отъ мѣстнаго начальства, онѣ часто становятся жертвами всѣхъ невыгодъ своего положенія. Правительство видитъ все это и старается, впрочемъ нельзя сказать чтобы очень успѣшно, предотвратить многочисленныя злоупотребленія, отъ которыхъ одинаково страдаютъ учителя и учащіеся, посредствомъ большаго количества инспекторовъ, посылаемыхъ для ревизіи элементарныхъ школъ. Въ настоящее время число инспекторовъ простирается до 117. Они избираются изъ числа лучшихъ учителей, получаютъ жалованье отъ 1,200 до 1,800 лиръ и играютъ важную роль въ подвѣдомственныхъ имъ округахъ. Правительство по одному ихъ слову закрываетъ школы, перемѣщаетъ съ мѣста на мѣсто или вовсе отставляетъ отъ должности учителей,—однимъ словомъ, предоставляетъ элементарныя школы въ ихъ полное распоряженіе; хотя въ сущности они, ни образованіемъ, ни даже получаемымъ жалованьемъ, ничѣмъ не отличаются отъ преподавателей, судьба которыхъ находится въ такой отъ нихъ зависимости.

Но если не всѣ мѣры, предпринимаемыя министерствомъ народнаго просвѣщенія, одинаково удачны, то его во всякомъ случаѣ никакъ нельзя упрекнуть въ бездѣйствіи. Оно честно и искренно заботится о распространеніи въ народѣ образованія и съ этою цѣлью безпрестанно приглашаетъ префектовъ, провинціальные учебные комитеты и синдиковъ къ открытію новыхъ школъ тамъ, гдѣ ихъ еще нѣтъ, и къ оказанію покровительства и поддержки тѣмъ, которыя

уже существуютъ. Кромѣ того, оно всячески старается распространять въ народѣ книги, которыя могутъ, пробуждая его къ духовной жизни, одинаково содѣйствовать къ улучшенію его нравственнаго и матеріальнаго быта. 18-го марта нынѣшняго года, Корренти съ помощью Виллари, между прочимъ, издалъ циркуляръ, въ которомъ объявлялъ о намѣреніи правительства открыть еще новыя приготовительныя школы, составляющія нѣчто среднее между элементарными и нормальными. Въ нихъ должны приниматься ученики, уже по лѣтамъ не могущіе болѣе посѣщать элементарныя школы, и въ тоже время недостаточно еще подготовленные для поступленія въ нормальныя. Отъ такого рода заведеній слѣдуетъ ожидать большой пользы, такъ какъ задача ихъ возвысить нормальныя школы, доставляя имъ воспитанниковъ, уже достаточно развитыхъ и подготовленныхъ къ слушанію преподаваемыхъ тамъ наукъ. До сихъ же поръ въ нормальныхъ школахъ, по крайней мѣрѣ въ первыхъ классахъ, учителя нерѣдко находились вынужденными заниматься исключительно повтореніемъ того, что преподается въ элементарныхъ школахъ.

Имѣя въ виду сдѣлать посѣщеніе элементарныхъ школъ на всемъ полуостровѣ обязательнымъ, министерство народнаго просвѣщенія конечно должно позаботиться, чтобы въ бѣдныхъ мѣстностяхъ ученіе было даровое, т.-е., чтобъ производилось исключительно на его счетъ. Но при ограниченности средствъ, какими оно въ настоящее время располагаетъ, ему это было бы нелегко, чтобъ не сказать невозможно, еслибъ не существовало въ Италіи другихъ фондовъ, которые при случаѣ могутъ быть употреблены на дѣло народнаго образованія. Фонды эти заключаются въ суммахъ, въ разныя времена оставленныхъ по завѣщанію на благотворительныя дѣла, въ число которыхъ входятъ также и заботы о распространеніи въ народѣ грамотности. Но къ сожалѣнію, до сихъ поръ благотворительныя дѣла, а слѣдовательно и эти суммы, находились въ исключительномъ распоряженіи общества San Vincento de'Paolo и ихъ адептовъ, которые, заботясь болѣе о собственныхъ выгодахъ нежели объ общемъ благѣ, старались давать какъ можно менѣе ходу народному образованію. Только въ послѣднее время министръ Баргони, а за нимъ и Корренти стали все чаще и чаще посягать на мнимыя права Паолитовъ и обращать разные пріюты въ школы, которыя вслѣдъ затѣмъ уже и поступаютъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. Такихъ примѣровъ было уже нѣсколько и всѣ они конечно не преминули возбудить неудовольствіе духовенства, у котораго такимъ образомъ, мало-по-малу, одна за другой отнимаются привилегіи, какими оно такъ долго пользовалось въ ущербъ всѣмъ другимъ сословіямъ страны. Но нынѣшнее правительство вообще мало обращаетъ вниманія на неудовольствіе клерикаловъ и смѣло идетъ по пути преобразованій, кло-

нящихся къ торжеству свободы и разума. Государство поставило себѣ за правило не стѣснять ничьей совѣсти и, основываясь на этомъ, министерство народнаго просвѣщенія постановило, что хотя въ программу среднихъ учебныхъ заведеній и входитъ преподаваніе католическаго катехизиса, однако религіозное образованіе не есть для всѣхъ обязательное, и кто не хочетъ, тотъ можетъ не держать экзамена изъ предметовъ относящихся къ нему.

Въ настоящее время наше министерство народнаго просвѣщенія занимается окончательнымъ разрѣшеніемъ вопроса о томъ, какъ сдѣлать обязательнымъ для народа посѣщеніе элементарныхъ школъ. Корренти учредилъ для разсмотра этого вопроса особую коммиссію и предсѣдательство въ ней предложилъ своему предшественнику, Баргони, которому впрочемъ и принадлежитъ самая иниціатива настоящаго дѣла. На прошлой недѣлѣ, коммиссія эта окончила свои занятія и на дняхъ мы, безъ сомнѣнія, узнаемъ о результатѣ ея трудовъ. А пока періодическая пресса съ своей стороны обсуживаетъ вышеупомянутый вопросъ *). Лучшія изъ статей по этому предмету помѣщаются въ ежемѣсячномъ журналѣ: *La Nuova Antologia* и въ новомъ еженедѣльномъ изданіи: *Istruzione e Civiltà*. Нынѣшній годъ у насъ особенно богатъ спеціальными журналами по части народнаго образованія. Такую дѣятельность надо главнымъ образомъ приписать преміи, обѣщанной въ концѣ года министерствомъ народнаго просвѣщенія журналу, который окажетъ наибольшее содѣйствіе къ разрѣшенію стоящихъ теперь на очереди вопросовъ **). Изъ этихъ журналовъ безъ сомнѣнія немногимъ суждено пережить годъ, въ который они возникли, но тѣмъ не менѣе нельзя не порадоваться пробудившемуся у насъ въ послѣднее время литературному движенію.

Вотъ все, что я пока имѣю вамъ сообщить объ общемъ ходѣ у насъ народнаго образованія. Должно надѣяться, что оно, благодаря усиліямъ нынѣшняго министерства, не замедлитъ подняться до уровня, на какомъ его желали бы видѣть всѣ истинные друзья просвѣщенія.

D. G.

---

*) Такая процедура въ Италіи, гдѣ пресса призывается на помощь при обсужденіи педагогическихъ вопросовъ, заслуживаетъ вниманія и подражанія тамъ, гдѣ реформы въ системѣ обученія совершаются особыми коммиссіями, безъ участія періодической печати, а слѣдов. и безъ участія самого общества.—*Ред.*

**) Итальянское министерство народнаго просвѣщенія напало при этомъ на весьма счастливую мысль; ему обошлось бы по крайней мѣрѣ 100,000 лиръ, если бы оно вздумало само издавать свой журналъ министерства народнаго просвѣщенія, да и притомъ такой журналъ могъ бы выражать министерству собственное его мнѣніе, которое ему конечно извѣстно и безъ журнала.—*Ред.*

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Историческія судьбы нашихъ инородцевъ.

Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ новой Россіи до 1762 года и колонизація закамскихъ земель въ это время. Н. Өирсова. Казань. 1869.

Самая важнѣйшая сторона въ исторіи отношеній Россіи къ инородцамъ — это распространеніе русскаго элемента и претвореніе инородцевъ въ русскихъ. Можно смѣло сказать: вообще въ русской исторіи нѣтъ предмета болѣе важнаго для уразумѣнія истиннаго характера русской національности и, слѣдовательно, для уясненія многихъ историческихъ явленій. Мы говорили это [1]) по поводу «разсужденія» г. Өирсова, явившагося въ 1866 г., подъ заглавіемъ «Положеніе инородцевъ сѣверовосточной Россіи въ Московскомъ государствѣ». Книга, заглавіе которой выписано нами теперь, составляетъ продолженіе прежняго труда г. Өирсова, и значеніе ея заключается именно въ томъ, что она даетъ матеріалъ если не для уразумѣнія характера русской національности, то для уразумѣнія цивилизаторскаго воздѣйствія правительства на инородцевъ, входившихъ въ составъ прежняго Казанскаго царства. А такъ какъ матеріальный бытъ инородческаго населенія, со времени новой ревизіи, опредѣляется бо́льшею частію тѣми же условіями, подъ которыми шла жизнь и русскихъ, записанныхъ въ подушный окладъ, то авторъ четвертую часть своей книги посвящаетъ обзору тѣхъ условій, въ которыя была поставлена въ новой Россіи жизнь податныхъ людей. Обзоръ этотъ, составленный преимущественно по актамъ самого правительства, вошедшимъ въ Полное Собраніе Законовъ, представляетъ яркую картину глубочайшаго убожества податного класса и принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ сочиненія г. Өирсова. Тутъ же касается онъ заводской и промышленной нашей дѣятельности, которую сильно уронили ближайшіе преемники Петра, держась исключительно системы привилегій; подавляя этимъ внутреннюю конкурренцію, они убили и внѣшнюю, запрещая въ Россію ввозъ товаровъ, которые приготовлялись дома или облагая ихъ высокой пошлиной. Ремесленный классъ пришелъ въ такой упадокъ, что когда въ 1761 г. понадобились для строившагося зимняго дворца столяры, то не могли ихъ отыскать. Не находило правительство мастеровъ и ремесленниковъ и во время Семилѣтней войны, когда они ему въ особенности понадобились. «Ни одинъ цехъ—поставляла на

[1]) Вѣстникъ Европы, 1866 г., декабрь.

видъ сенату придворная конференція—не приведенъ въ удовлетворительное состояніе. Великое, напримѣръ, есть число портныхъ для вредной государству роскоши, но искусство (оныхъ) показало, что едва только нужда потребовала построить въ скорости мундиры, то въ цѣлой Москвѣ нашлось записныхъ такъ мало, что о томъ и упоминать не можно. Лучшимъ государство изобилуетъ желѣзомъ, но къ большей еще безполезности, признаться надобно, что когда чрезвычайныя для арміи случились подѣлки, то лучшимъ желѣзомъ окованныя повозки только рѣдко доходили до мѣста, умалчивая о томъ, какъ много теряетъ государство выписываніемъ почти невольнымъ изъ другихъ мѣстъ каретъ и повозокъ». Если мы поставимъ, сообразно духу времени, вмѣсто «каретъ и повозокъ» — разныя принадлежности для желѣзныхъ дорогъ, то вторая половина заключенія придворной конференціи будетъ имѣть смыслъ и въ настоящее время. Петръ Великій старался развить въ русскомъ торговомъ классѣ духъ дружнаго товарищества, ассоціаціи, преемники его поняли эту благую мысль чрезвычайно узко, и въ Россіи расплодились «компаніи», снабженныя всѣми правами монополіи. Въ этихъ «компаніяхъ» участвовали государственные и придворные люди, фавориты, вообще всѣ тѣ, которые близко стояли къ центру власти. Для примѣра приведемъ компанію графа Воронцова и оберъ-прокурора сената Глѣбова, которой дано было въ 1757 г. право въ теченіи 8-ми лѣтъ вывести заграницу для продажи 600,000 четвертей хлѣба, съ запрещеніемъ отпуска туда хлѣба для другихъ. Императоръ Петръ III, уничтожившій всѣ, на такихъ основаніяхъ существовавшія, компаніи, замѣчательно мѣтко говоритъ въ своемъ указѣ, что «въ обычай вошло, что кто промотается, то вмѣстѣ того, чтобы за *нажитыя имъ бездѣльнически доли справедливое воздаяніе получить на каторгѣ*, почитаетъ надежнымъ способомъ къ своему вновь обогащенію ими компанію себѣ выпросить, и чѣмъ множество народа пользовалось, то въ свои однѣ руки захватить и въ разореніи многихъ — себѣ значенія искать». Отсылая читателей, желающихъ познакомиться съ положеніемъ податного класса, съ колоссальнымъ взяточничествомъ и полноправствомъ, съ безправіемъ и забитостью народа, къ сочиненію г. Ѳирсова, мы приведемъ лишь слѣдующія строки: «Въ то время, какъ мы поражали нашихъ внѣшнихъ враговъ, одерживали надъ ними болѣе или менѣе громкія побѣды, столь подробно описанныя во многихъ историческихъ сочиненіяхъ и столь краснорѣчиво воспѣтыя нашими тогдашними стихотворцами,—у насъ дома, внутри государства шла, не прерываясь, братоубійственная борьба, шла, постоянно усиливаясь въ размѣрахъ своихъ и въ жестокости. Борьба эта засвидѣтельствована почти каждой страницей актовъ, помѣщенныхъ въ Полномъ Собраніи Законовъ и разсѣянныхъ по другимъ изданіямъ... Мы видимъ постоянно, что и правительство, и

чиновники, и помѣщики, фабриканты и заводчики усердно гоняются за рабочей силой, стараясь употребить ее такъ или иначе въ свою пользу: и на границахъ имперіи и внутри ея — заставы, снабженныя вооруженными отрядами, партіи солдатъ разсылаются въ русскіе города, села и деревни, какъ бы въ непріятельскую землю, со всѣми военными снарядами—это за тѣмъ, что нужно собрать недоимку съ податныхъ, забрать потребное количество рекрутъ, переловить бѣглыхъ, заставить рабочаго человѣка покориться безусловно волѣ господской». Отсюда—мятежи, побѣги, разбои, заставлявшіе снова прибѣгать къ военной силѣ.

Военная же сила играла весьма замѣтную роль въ преложеніи инородца въ русскаго, даже тогда, когда русскій шелъ проповѣдовать евангеліе. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что у правительства по временамъ, проблесками, являлись счастливыя мысли, серьезное желаніе положить прочныя основы преобладанію русскаго элемента; но цѣлой, строго выработанной и упорно преслѣдуемой системы не было. Преемники Петра жили его великими, всеобъемлющими мыслями, иногда возвращаясь къ нимъ безъ его энергіи, иногда оставляя ихъ безъ видимой причины. Противорѣчія слѣдуютъ одно за другимъ постоянно: то правительство поднимаетъ походъ противъ священниковъ, діаконовъ и другихъ церковниковъ, «не бывшихъ у присяги», и цѣлыми тысячами гонитъ ихъ въ солдаты, то отыскиваетъ духовенство для проповѣди евангелія и жалуется на то, что многія церкви остались совсѣмъ безъ службы; то оставляетъ оно инородцамъ ихъ религіи, то вдругъ проникается такою ревностью къ обращенію въ христіанство, что уничтожаетъ цѣлыми сотнями мечети, даетъ льготы новообращеннымъ, ставитъ въ крайне стѣснительное положеніе не желающихъ обратиться въ православіе; помышляетъ о школахъ, и вдругъ снова останавливается, удаляетъ слишкомъ ревностныхъ служителей своихъ идей и отказывается отъ мѣръ энергическихъ. Это постоянное шатаніе невольно бросается въ глаза при изученіи вопроса объ обрусеніи инородцевъ. Вы присутствуете при какихъ-то пароксизмахъ правительственнаго тѣла, которое то приходитъ въ совершенное разслабленіе, то исполняется энергіей. Мы думаемъ, что есть другія причины этого колебанія, кромѣ тѣхъ, которыя указываетъ г. Ѳирсовъ и которыя зависѣли отъ существованія въ центральномъ правительствѣ двухъ партій относительно украинъ: одна стояла за рѣшительныя мѣры къ слитію этихъ украинъ съ великороссійскими областями посредствомъ подведенія ихъ подъ одинаковые законы, управленіе и судъ, а другая надѣялась возбудить въ этихъ, вошедшихъ въ составъ русскаго государства, украинцахъ чувство пріязни и расположенія къ русской власти посредствомъ охраненія ихъ особенныхъ правъ и льготъ.

Въ книгѣ г. Ѳирсова особеннаго вниманія заслуживаютъ главы, посвященныя борьбѣ нашей съ башкирцами, которые составляли сильную преграду движенію нашему на востокъ. Главы эти, такъ-сказать, носятъ на себѣ признакъ большой современности, такъ какъ тѣ задачи, которыя преслѣдуетъ теперь правительство на Востокѣ, были поставлены Петромъ и отчасти приведены въ исполненіе его преемниками, благодаря стеченію разныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, между прочимъ тому, что приводить въ исполненіе этотъ замыселъ преобразователя пришлось на долю такихъ людей, какъ Кириловъ, Татищевъ и Неплюевъ, которые воспитались въ петровской школѣ, были его сотрудниками, глубоко прониклись его идеями и стремленіями и пріучились къ упорному труду. Планъ Петра заключался въ томъ, чтобъ черезъ Башкирію проложить путь торговому и политическому вліянію на Среднюю Азію, основать на башкирскихъ земляхъ торговыя и промышленныя поселенія и для безопасности ихъ отъ нападеній туземцевъ, предварительно устроить въ башкирскомъ краѣ военныя поселенія. Послѣ смерти Петра, планы его развилъ Кириловъ, доказавшій необходимость основанія Оренбурга, какъ центральнаго промышленнаго и политическаго пункта, изъ котораго можно будетъ сдерживать непокорныя дикія племена, овладѣть бухарскими землями, богатою золотомъ и дорогими камнями Водокшанскою областью и проложить дорогу «для товаровъ нашихъ въ Бухары, въ Водокшанъ, въ Балхъ и Индію». Широко и рѣшительными чертами начертанный планъ этотъ встрѣтилъ значительныя препятствія при своемъ осуществленіи, во-первыхъ, со стороны башкирцевъ, которые отчаянно, съ оружіемъ въ рукахъ боролись противъ русскихъ; во-вторыхъ, со стороны самого правительства, не отставшаго и тутъ отъ системы своихъ колебаній; въ-третьихъ, со стороны бѣдности нашей колонизаторской силы. Съ основаніемъ Оренбурга и первыхъ селеній въ новомъ краѣ, піонерами нашей цивилизаціи явились — странно сказать, татары, которые первые стали разводить хлопчатую бумагу, сѣять сарочинское пшено и служить политическими агентами для сношеній нашихъ съ Средней Азіей. За татарами должно упомянуть о ссыльныхъ, отставныхъ солдатахъ и бѣглыхъ: послѣдній элементъ русскаго населенія оказался наиболѣе дѣятельнымъ и пригоднымъ въ трудной задачѣ колонизаціи. Какъ бы то ни было однако, но такому энергическому и даровитому человѣку, какъ Неплюевъ, удалось устроить значительное торговое обращеніе съ Востокомъ. «Въ 1745 году, пишетъ Неплюевъ, знатный торгъ возъимѣлъ начало, такъ что я уже въ состояніи былъ вмѣсто получаемыхъ отъ начала той экспедиціи ежегодно изъ казны до 30 т. р., содержать оную изъ доходовъ пошлинныхъ: пошлинный сборъ доходилъ до 50 т. р.» Слова эти подтверждаются данными, извлеченными Рычковымъ изъ подлинныхъ дѣлъ, по кото-

рымъ значится, что пошлинный сборъ въ Оренбургѣ доходилъ въ нѣкоторые годы даже до 70 и 85 т. рублей. Заводская промышленность также получила значительное развитіе, и въ 1760 г. въ Оренбургскомъ краѣ было 28 заводовъ, изъ нихъ 15 мѣдныхъ и 13 желѣзныхъ. Мы думаемъ, что преслѣдуя тѣже цѣли, мы, люди девятнадцатаго столѣтія, должны просматривать лѣтописи прошлаго, въ которыхъ всегда найдутся уроки болѣе или менѣе поучительные.

Dictionnaire français-russe complet, composé par Makaroff. Première livraison A. Полный французско-русскій словарь, составленный *К. Макаровымъ*. Выпускъ первый. А. Спб. 1870.

«Русско-французскій словарь» г. Макарова, изданный нѣсколько лѣтъ тому назадъ, упрочилъ за составителемъ почетную извѣстность, хотя не вознаградилъ его должнымъ образомъ за многолѣтній, добросовѣстный трудъ, потому что потребность въ русско-французскомъ словарѣ сравнительно меньше ощущается, чѣмъ въ французско-русскомъ словарѣ. Приступивъ къ составленію послѣдняго, г. Макаровъ подробно изучилъ французско-русскіе словари: Рейфа, Татищевыхъ (Ивана и Сергѣя), Эртеля и словари французской академіи, Бешереля, Поатвена, Буаста. Это изученіе дало ему возможность составить себѣ ясное и опредѣленное понятіе о томъ, какимъ цѣлямъ долженъ удовлетворять словарь и насколько онъ долженъ быть полонъ. Г. Макаровъ задался мыслью составить словарь «очень полный», но вмѣстѣ съ тѣмъ не особенно объемистый, то-есть не особенно дорогой? Эту трудную задачу онъ выполнилъ удовлетворительно, устранивъ въ своемъ словарѣ излишнее многословіе, какъ относительно номенклатуры, такъ и фразеологіи. Не споря о томъ, что во всякомъ языкѣ есть слова, требующія весьма тщательной обработки, то-есть многочисленныхъ фразъ для выраженія многоразличныхъ оттѣнковъ значенія этихъ словъ, г. Макаровъ пришелъ къ весьма справедливому рѣшенію, что такихъ словъ не особенно много, а огромное большинство остальныхъ вовсе не требуетъ примѣровъ. Относительно номенклатуры ученой и технической онъ не позволилъ себѣ держаться эклектизма, то-есть не брался быть судьею того, какіе научные и техническіе термины излагать и какіе помѣщать въ словарѣ, а держался французскаго словаря Поатвена какъ наиболѣе раціональнаго въ этомъ отношеніи; загромоздить словарь ученой и технической номенклатурой не только безполезно было бы, но и невозможно, такъ какъ одна зоологія заключаетъ въ себѣ болѣе полумилліона терминовъ. Этотъ здравый взглядъ на задачу лексикографіи ставитъ словарь г. Макарова выше всѣхъ нашихъ словарей.

Разбирая прежніе наши словари, г. Макаровъ приводитъ замѣчатель-

ные курьёзы изъ нихъ. Такъ, Ив. Татищевъ, слѣдуя одному французскому словарю безъ всякой критики, добросовѣстно списалъ изъ него такія нелѣпости: «*gose, sm.* часть по торговымъ дѣламъ»; «*bladasti, sm.* вѣжливое слово въ Россіи означающее благодарствуй»; «*butoschnut, sm.* кучеръ въ Россіи по французскому словарю, но вѣрнѣе бутошникъ, будочникъ». Насколько полнѣе словарь г. Макарова другихъ нашихъ словарей, можно судить отчасти потому, что онъ увеличилъ на 17 тысячъ словъ номенклатуру противъ словаря Рейфа, изд. 1866 г., и слишкомъ на 23 тысячи словъ противъ словаря французской академіи. По части фразеологіи онъ помѣстилъ около 45 тысячъ примѣровъ, въ числѣ которыхъ слишкомъ тысяча пословицъ и множество поговорокъ, идіомовъ и фигуральныхъ выраженій. Замѣтимъ, что, передавая французскія пословицы русскими, г. Макаровъ не всегда вполнѣ удачно пріискиваетъ равнозначущія русскія пословицы, напр., «il attend que les alouettes lui tombent toutes rôties dans la bouche»—г. Макаровъ переводитъ: «дай яичко, да еще облупленное». У насъ есть болѣе близкія выраженія: «онъ ждетъ, чтобъ галушки сами ему въ ротъ летѣли», или: «разжевать, да въ ротъ положить». По первому выпуску мы не можемъ судить, насколько г. Макаровъ воспользовался новыми словами, созданными при второй имперіи, словами, которыя не вошли въ словарь французской академіи, но вошли во всеобщее употребленіе. Впрочемъ, та добросовѣстность въ соединеніи съ отсутствіемъ рутины, съ которою г. Макаровъ отнесся къ своей многотрудной задачѣ, могутъ служить порукою, что и въ этомъ отношеніи словарь его далеко оставитъ за собою всѣ предшествующіе ему труды.

НЕКРОЛОГЪ.

Князь Н. А. Церетелевъ, первый собиратель памятниковъ устнаго народнаго творчества.

Князь Н. А. Церетелевъ скончался въ сентябрѣ 1869 года, въ Моршанскѣ, на пути изъ помѣстья въ Москву. Величайшая заслуга покойнаго дѣлу русской словесности состоитъ въ томъ, что онъ *первый* въ нашемъ вѣкѣ воскресилъ вниманіе къ памятникамъ народнаго творчества, сколько могъ—собралъ ихъ прямо изъ устъ народа, сколько позволяли обстоятельства—издалъ, сколько зналъ—объяснилъ ихъ помощію тогдашнихъ пріемовъ науки, указалъ или проложилъ дорогу счастливымъ послѣдователямъ.

Случайные сборники прежнихъ вѣковъ были забыты или затеряны въ практическомъ употребленіи дворянскихъ усадьбъ, домашнихъ хоровъ и музыкантовъ; изданія XVIII вѣка, труды Чулкова, Трутовскаго и Новикова, повторялись только въ перепечаткѣ и не вызывали дѣятельныхъ подражателей; народъ съ каждымъ днемъ растеривалъ по частямъ сокровища своего творчества; слава нашихъ военныхъ торжествъ ожпвала въ громкихъ одахъ и готовила окончательную побѣду литературѣ художественной, поэзіи письменной. Нужна была особенная мягкость души, отличавшая князя, потребны были вѣрные инстинкты его изящной природы, правильность его художественнаго такта, невозмутимая чистота образовъ фантазіи, меткость образованнаго взгляда, и та вѣчная, живая юность, не покидавшая характеръ князя до послѣднихъ лѣтъ глубокой его старости, чтобы въ его время, среди тогдашнихъ обстоятельствъ, оцѣнить народное творчество, возвысить о немъ благородный голосъ въ кругу общества, спасти памятники и навсегда оставить по себѣ возбужденный интересъ къ нимъ. Благодатный край родины, красоты Малороссіи и задушевность безъискусственной ея рѣчи — вполнѣ гармонировали съ этими отличіями юноши, чтобы на первыхъ порахъ настроить силы его къ предстоявшему назначенію, не простому *дѣлу*, а истинному *подвигу* жизни.

Около 1815 года, слѣпой пѣвецъ-бандуристъ, подобно древнимъ рапсодамъ, обходя Полтавскую губернію, неожиданно для него самого встрѣченъ былъ теплымъ вниманіемъ 25-лѣтняго князя, образованнаго въ московскомъ университетѣ: древнѣйшія *украинскія думы* въ первый разъ записаны для Россіи. Ученыя и литературныя общества, пріязнь Державина и Дмитріева, знакомства съ Шишковымъ, Капнистомъ, Глинкою, Бестужевымъ, Рылѣевымъ и т. д., все это, звавшее или ожидавшее въ кружокъ свой дѣятельность новаго, несомнѣннаго таланта и даровитаго стихотворца, встрѣтило и привѣтствовало съ нимъ *простую народную пѣсню*, первое *разсужденіе* о старинномъ малорусскомъ творчествѣ, грамматику и образцы *народнаго языка* Малороссіи. Труды эти постепенно помѣщались въ «Сынѣ Отечества» 1818 года, и наконецъ вмѣстѣ съ текстомъ самихъ *думъ* отпечатаны подъ именемъ: «Опыта собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсней», 1819 года. Общее участіе такъ было затронуто, что лучшіе журналы и издатели той эпохи, на перерывъ, спѣшили испрашивать у князя продолженіе его замѣтокъ и извлеченій; болѣе счастливы были помѣщеніемъ статей «Благонамѣренный» Измайлова, 1825 г., и «Вѣстникъ Европы» Каченовскаго, 1827 года. Когда же Максимовичъ задумалъ печатать «Украинскія народныя пѣсни», изданіе его (1834 г.) обогатилось главнымъ образомъ вкладомъ старшаго собирателя.

Между тѣмъ дѣло, получивши однажды счастливое направленіе,

съ теченіемъ времени значительно возрасло: 1817 года, Востоковъ издалъ свой замѣчательный «Опытъ о русскомъ стихотвореніи», частію о народномъ, а въ слѣдующемъ 1818 г. Калайдовичъ напечаталъ «Сборникъ былинъ Кирши Данилова». Имъ отвѣчали многіе преемники, и князь Николай Андреевичъ не могъ оставаться равнодушнымъ. Достаточно подготовленный уже изученіемъ творческаго слова Малороссіи, онъ съ такою же ревностью обратился къ великорусскому, или лучше, обще-русскому. Въ «Сынѣ Отечества», съ 1818 до 1821 года, мы послѣдовательно находимъ рядъ его статей—то «О подражательной гармоніи (творческаго) слова», то «О произведеніяхъ древней русской поэзіи», то замѣчательный критическій «Взглядъ на старинныя русскія сказки» и наконецъ даже опыты стихотворнаго изложенія нѣсколькихъ былинъ вмѣстѣ, напримѣръ о Васильѣ Новгородскомъ (Буслаевѣ). Но всего важнѣе здѣсь споры его съ близкимъ пріятелемъ Востоковымъ *о стихосложеніи* или, правильнѣе, о *складѣ и размѣрѣ* нашихъ пѣсенъ. Начались они «замѣчаніями» на книгу знаменитаго археолога, тотчасъ по ея выходѣ, въ 1818 году, продолжались въ томъ же «Сынѣ Отечества» 1820 года, въ письмѣ къ Остолопову; наконецъ, завершились даже изданіемъ особой книги въ Петербургѣ: «Опытъ общихъ правилъ стихотворчества» 1820 года. Это не было праздное разглагольствіе о формахъ сонета, мадригала или рондо, какимъ у насъ занимались нерѣдко, со временъ Екатерины до сороковыхъ годовъ, и на которомъ скончался усердный почитатель князя, графъ Хвостовъ. Напротивъ, извѣстно, что Востоковъ закрѣпилъ все наше стихосложеніе, въ томъ числѣ и народное, на равнообразіи *удареній*, или, что тоже, такъ-называемомъ *тоническомъ размѣрѣ*. Князь, предоставляя эту особенность *письменной поэзіи*, къ общему удивленію и даже соблазну, доказывалъ: что у насъ въ основѣ народнаго склада, именно въ пѣсняхъ, существуетъ и господствуетъ размѣръ *стопъ*, по ихъ *мѣрѣ въ протяженіи голоса* и столько же *по числу слоговъ*.

Такой «странности» рѣшительно не могли «вмѣстить» его современники, забыли объ этомъ позже, и только въ послѣдніе годы жизни отъ нѣкоторыхъ изслѣдователей князь успѣлъ услышать, что положенія его *блистательно подтверждаются всею новѣйшею наукою*, на основаніи тысячи открытыхъ вновь памятниковъ, славянскихъ и особенно русскихъ; что заодно съ нѣкоторыми русскими и славянскими учеными, нынѣ повторяетъ это печать западной Европы и что примѣненіе этихъ выводовъ должно вскорѣ совершить переворотъ въ современной поэзіи и музыкѣ. Однимъ словомъ, это великая заслуга покойнаго, и къ первой мысли его не разъ еще вернется благодарная наука русскаго потомства.

Прибавимъ здѣсь нѣсколько словъ о томъ, что князь постепенно увлекся мыслію издать полный сборникъ русскихъ общихъ пѣсенъ, и съ 1824 года, совсѣмъ уже приготовилъ къ печати нѣсколько томовъ. Обстоятельства службы, поставившіе его во главѣ цѣлаго учебнаго округа, помѣшали ему дополнить собраніе, какъ прежде, личною запискою со словъ и съ голоса самого народа; а безъ этого онъ добросовѣстно понималъ всю невозможность выступить съ изданіемъ передъ судъ новѣйшей науки. Дѣло затянулось и могло совсѣмъ исчезнуть безъ слѣда, какъ въ послѣдніе годы жизни своей престарѣлый собиратель сблизился особенно съ Московскимъ Обществомъ Словесности, и встрѣтилъ здѣсь какъ бы воскресшіе, тѣ же, давніе и дорогіе, свои интересы. Онъ будто вторично помолодѣлъ; прочиталъ съ величайшимъ вниманіемъ всѣ изданія дѣятелей общества въ этомъ родѣ, сообщилъ издающимъ драгоцѣнныя замѣтки свои, и когда узналъ еще, что готовились публичныя чтенія по сему предмету беззавѣтно вручилъ *всѣ свои прежніе письменные труды и матеріалы*, при письмѣ, изъ котораго не можемъ не извлечь нѣсколько строкъ: «Прочитавъ программу публичныхъ чтеній» — пишетъ онъ въ мартѣ 1869 года, — «я искренно порадовался, что наконецъ скудныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ будутъ пополнены компетентнымъ судьей этого дѣла. Давнымъ давно, за полвѣка предъ этимъ, когда у насъ весьма немногіе обращали вниманіе на русское народное пѣснотворчество, я усердно собиралъ русскія сказки и пѣсни, въ особенности же послѣднія.... Въ 1865 году, поселясь въ Москвѣ, въ этомъ центрѣ русской народной, дѣятельности, я вспомнилъ и о моемъ сборникѣ.... Пожалѣлъ-было, но и утѣшился тѣмъ, что молодые, болѣе энергическіе собиратели сдѣлали то, чего я не сдѣлалъ, и сдѣлали лучше, чѣмъ бы я могъ сдѣлать... Препровождая къ вамъ бренные остатки моего покойнаго сборника, радъ буду, если они пригодятся вамъ хотя какъ варіанты».

Скромность, которая дышетъ въ этихъ строкахъ, всегда отличала князя, и по природѣ, и по благородству его воспитанія. Когда второй сынъ его въ Петербургѣ, по совѣту академика Грота, задумалъ собрать разбросанныя статьи отца, и издать вмѣстѣ въ 1867 году, а за этимъ обратился съ просьбою указать нѣкоторыя старѣйшія, полузабытыя,—почтенный дѣятель,—вмѣсто благодарности, серьезно пожурилъ его: «я никогда не имѣлъ претензіи на литературную извѣстность, потому не желалъ и не желаю печатать собранія. А тебѣ,— прибавилъ онъ, — терять время на пустое занятіе, по моему грѣхъ: можно употребить свой досугъ на что-нибудь полезное». Онъ соглашался только написать свои литературныя воспоминанія, и конечно, это было бы большою драгоцѣнностью для нашей внутренней исторіи; но и тѣмъ онъ не спѣшилъ, и потому не успѣлъ выполнить.

Отличіе этой неторопливой сдержанности, этой *изящной стыдливости* въ дѣлѣ и словѣ, раздѣлялъ покойный въ полной и равной мѣрѣ только *съ однимъ* своимъ сверстникомъ,—съ княземъ Владиміромъ Ѳедоровичемъ Одоевскимъ. Оба равно горячо относились къ народному творчеству, оба вѣрно служили ему, одинъ въ гармоніи *слова* и размѣрѣ *склада*, другой въ гармоніи *голоса* и въ тактѣ *пѣнія*; — оба въ одинъ годъ потеряны они для русскаго общества.

И точно, дѣятели этой области, становясь прямо лицомъ къ лицу *съ народомъ*, волей и неволей обязаны какъ бы забывать о собственной своей личности. Величавый образъ, постоянно возвышающійся предъ ихъ взорами, не покидаетъ ихъ воображенія ни на минуту, входитъ глубоко въ ихъ душу, и, если конечно не ослабляетъ тамъ сознаніе собственнаго достоинства, то значительно умѣряетъ порывы самонадѣянныхъ личныхъ силъ. Самые таланты ихъ какъ бы умаляются предъ геніемъ народа, которому они служатъ: въ типической, античной Греціи искусственный Гезіодъ получилъ на состязаніи предпочтеніе передъ народнымъ Гомеромъ, или, какъ говоритъ намъ Батюшковъ:

И слабый царь, Колхиды властелинъ,
Отъ самой юности воспитанный средь міра,
Презрѣлъ высокій гимнъ безсмертнаго Омира,—
И пальму первенства сопернику вручилъ.

Имъ-то, искусственнымъ пѣвцамъ личнаго искусства, слѣдуютъ полные кубки жизни въ даръ; народное творчество, дѣло безъименныхъ слагателей, не вноситъ именъ своихъ вѣрныхъ служителей въ политическую—внѣшнюю исторію. Не въ бронзовыхъ памятникахъ нѣмѣютъ имена собирателей: они живутъ въ самихъ памятникахъ народнаго творческаго слова, ими собранныхъ и объясненныхъ. *Самъ народъ помнитъ ихъ*: не имя ихъ—а *свершенное* ими дѣло.

П. Безсоновъ.

Москва.

КАЗНЬ ТРОПМАННА.

I.

Въ январѣ мѣсяцѣ нынѣшняго (1870) года, я, находясь въ Парижѣ за столомъ одного хорошаго пріятеля, получилъ отъ М. Дюкана, извѣстнаго писателя и спеціалиста по части статистики Парижа—совершенно неожиданное приглашеніе присутствовать при казни Тропманна—и не при одной его казни: мнѣ предлагали включить меня въ число немногихъ привилегированныхъ лицъ, которымъ разрѣшается доступъ въ самую тюрьму. До сихъ поръ еще не забыто ужасное преступленіе, совершенное Тропманномъ; но въ то время Парижъ настолько же — если не болѣе — занимался имъ, его предстоящею казнью — сколько недавнимъ назначеніемъ псевдо-парламентарнаго министерства Олливье — или убійствомъ Виктора Нуара, павшаго отъ руки столь изумительно впослѣдствіи оправданнаго принца П. Бонапарта. Во всѣхъ окнахъ фотографій, бумажныхъ магазиновъ, виднѣлись цѣлые ряды карточекъ, представлявшихъ молодого малаго съ большимъ лбомъ, темными глазками и одутловатыми губами — «знаменитаго» Пантенскаго убійцы—(de *l'illustre* assassin de Pantin)—и уже нѣсколько вечеровъ сряду тысячи блузниковъ собирались въ окрестностяхъ Рокетской тюрьмы въ ожиданіи — не воздвигнется ли наконецъ гильотина—и разсѣевались только за-полночь. Застигнутый въ расплохъ предложеніемъ М. Дюкана, я, не думавъ долго, согласился, а давши слово прибыть на мѣсто назначеннаго мнѣ свиданія — у статуи принца Евгенія на бульварѣ того же имени, въ 11 часовъ вечера — я уже не хотѣлъ взять это слово назадъ. Ложный стыдъ помѣшалъ мнѣ это сдѣлать... А ну, какъ подумаютъ, что я трушу? Въ наказаніе самому себѣ—и въ назиданіе другимъ—я намѣренъ теперь разсказать все, что я видѣлъ, намѣренъ повторить въ воспоминаніи всѣ тяжелыя впечатлѣнія той ночи. Быть можетъ—не одно любопытство читателя будетъ удовлетворено; быть можетъ, онъ извлечетъ нѣкоторую пользу изъ моего разсказа.

II.

У статуи принца Евгенія уже ожидала насъ съ Дюканомъ небольшая кучка людей. Въ числѣ ихъ былъ и г-нъ Клодъ, извѣстный начальникъ охранной полиціи—(chef de la police de sureté), которому Дюканъ меня представилъ. Остальные были, такъ же какъ я, привилегированные посѣтители, журналисты, хроникёры и т. п. Дю-

канъ предупредилъ меня, что намъ, вѣроятно, придется провести ночь безъ сна на квартирѣ коменданта, директора тюрьмы. Казнь осужденныхъ совершается зимою въ семь часовъ утра; но надо быть на мѣстѣ прежде полуночи—а то, пожалуй, и не продерешься сквозь толпу. Отъ статуи принца Евгенія до Рокетской тюрьмы не болѣе полу-версты; но я, пока, ничего не видѣлъ чрезвычайнаго. Народу на бульварѣ было немного больше обыкновеннаго. Одно развѣ можно было замѣтить: почти всѣ люди шли — а иные, особенно женщины, даже трусили рысцей — въ одномъ и томъ же направленіи; при томъ всѣ кофейныя и кабачки горѣли огнями, что́ тоже рѣдко бываетъ въ отдаленныхъ кварталахъ Парижа, особенно въ такую позднюю пору. Ночь стояла не туманная, а тусклая, сырая безъ дождя, холодная безъ мороза — настоящая январская, французская ночь. Г-нъ Клодъ объявилъ, что пора идти, и мы отправились. Онъ сохранялъ всю спокойную развязность дѣлового человѣка, въ которомъ подобныя происшествія уже не возбуждаютъ никакихъ ощущеній кромѣ развѣ одного желанія—поскорѣе отдѣлаться отъ невеселой обязанности. Г-нъ Клодъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, средняго роста, коренастый, плечистый, съ круглой, плотно остриженной головой, съ маленькими, почти миніатюрными чертами лица. Только лобъ и подбородокъ, да затылокъ, у него замѣчательно широки; незыблемая энергія сказывается въ его сухомъ и ровномъ голосѣ, въ его блѣдныхъ сѣрыхъ глазкахъ, въ короткихъ крѣпкихъ пальцахъ, въ мускулистыхъ ногахъ, во всѣхъ его неторопливыхъ, но твердыхъ движеніяхъ. Онъ, говорятъ, мастеръ своего дѣла, дока—и внушаетъ великій страхъ всѣмъ ворамъ и убійцамъ. Политическіе преступники — не по его части. Товарищъ его, г. Ж..., тоже весьма восхваляемый Дюканомъ, имѣетъ видъ мягкаго, почти сантиментальнаго человѣка и болѣе утонченныя манеры. За исключеніемъ этихъ двухъ господъ и, можетъ быть, самого Дюкана, всѣмъ намъ—или это мнѣ только такъ казалось?—было нѣсколько неловко и какъ бы совѣстно, хотя мы бодро, словно на охоту, выступали одинъ за другимъ.

Чѣмъ мы ближе подвигались къ тюрьмѣ, тѣмъ люднѣе становилось вокругъ насъ, хотя настоящей толпы еще не было. Ни криковъ не раздавалось, ни даже слишкомъ громкихъ разговоровъ; видно было, что «представленіе» еще не началось. Одни уличные мальчишки уже вились кругомъ; заложивъ руки въ карманы панталонъ и нахлобучивъ козырекъ фуражки на́-носъ, шлялись они той особенной развалистой и шмыгающей походкой, которую только и увидѣть можно, что въ Парижѣ, и которая въ мгновеніе ока смѣняется самой проворной бѣготней и прыжками обезьяны.

— Вотъ онъ... вотъ онъ... это онъ! произнесло нѣсколько голосовъ вокругъ насъ.

— Знаете что? сказалъ мнѣ вдругъ Дюканъ; васъ принимаютъ за здѣшняго палача.

«Хорошое начало!» подумалось мнѣ. Парижскій палачъ, Monsieur de Paris—съ которымъ я познакомился въ ту же ночь, такъ же сѣдъ и такого же роста, какъ я.

Но вотъ показалось длинное, не слишкомъ широкое пространство, обставленное съ обѣихъ сторонъ двумя казармообразными зданіями, грязнаго вида, пошлой архитектуры: — это Рокетская площадь. Налѣво тюрьма, въ которой содержатся молодые преступники (prison des jeunes détenus) на право депо приговоренныхъ (maison de dépot pour les condamnés) или Рокетская тюрьма.

III.

Площадь эту пересѣкали поперекъ поставленные въ четыре ряда солдаты; такіе же четыре ряда стояли дальше—шаговъ на двѣсти отъ первыхъ. Обыкновенно ихъ не бываетъ; но на этотъ разъ правительство, въ виду «репутаціи» Тропманна и состоянія умовъ, возбужденныхъ убійствомъ Нуара, почло нужнымъ не ограничиться одной полиціей и прибѣгнуть къ экстреннымъ мѣрамъ. Главныя ворота Рокетской тюрьмы приходились ровно по серединѣ пустого пространства, отхваченнаго солдатами. Нѣсколько полицейскихъ сержантовъ медленно расхаживали передъ воротами; молодой, довольно толстый офицеръ въ необыкновенно богато расшитомъ кепи (какъ оказалось, начальникъ квартала, нѣчто въ родѣ частнаго пристава) налетѣлъ-было на нашу группу съ нахрапомъ, мгновенно напомнившимъ мнѣ былыя времена на родинѣ; но узнавъ «своихъ», успокоился. Съ великими предосторожностями, едва отворяя двери, впустили насъ въ небольшую гауптвахту возлѣ воротъ—и, по предварительномъ осмотрѣ и опросѣ, препроводили насъ черезъ два внутреннихъ двора, одинъ большой, другой маленькій, въ квартиру коменданта. Комендантъ этотъ, человѣкъ дюжій, высокій, съ сѣдыми усами и эспаньолкой, съ типическимъ лицомъ французскаго пѣхотнаго офицера, орлинымъ носомъ, неподвижными хищными глазами и крохотнымъ черепомъ—принялъ насъ любезно и добродушно; но даже помимо его воли, по каждой его ухваткѣ, по каждому его слову, нельзя было не замѣтить тотчасъ, что это «малый солидный» (un gaillard solide), слѣпо преданный слуга, который не поколеблется исполнить какое бы то ни было приказаніе своего господина. Впрочемъ онъ уже доказалъ на дѣлѣ свое усердіе: въ ночь переворота 2-го декабря, онъ со своимъ баталіономъ занялъ типографію Монитёра. Какъ истый джентльменъ, онъ предоставилъ намъ всю свою квартиру. Она помѣщалась во второмъ этажѣ главнаго корпуса и состояла изъ четырехъ, порядочно меблированныхъ комнатъ;

въ двухъ изъ нихъ горѣло по камину. Небольшая левретка съ вывихнутой лапкой и грустнымъ выраженіемъ глазъ, словно и она чувствовала себя плѣнницей, ковыляла, повиливая хвостикомъ, съ одного коврика на другой. Насъ, я разумѣю посѣтителей, было человѣкъ восемь; лица нѣкоторыхъ были мнѣ знакомы по фотографіямъ—(Сарду, Альбертъ Вольфъ); но я не желалъ заговорить ни съ кѣмъ. Мы всѣ усѣлись въ залѣ на стульяхъ (Дюканъ ушолъ съ г. Клодомъ). Само собою разумѣется, что Тропманнъ сталъ предметомъ бесѣды и какъ бы единымъ центромъ всѣхъ помысловъ. Комендантъ сообщилъ намъ, что онъ съ девяти часовъ вечера заснулъ и спитъ крѣпкимъ сномъ; что онъ, кажется, догадывается объ участи его просьбы о помилованіи; что онъ умолялъ его, коменданта, сказать ему правду; что онъ все также упорно настаиваетъ на томъ, что у него были сообщники, которыхъ однако не желаетъ назвать; что онъ вѣроятно оробѣетъ въ рѣшительную минуту, но что онъ впрочемъ ѣстъ съ аппетитомъ, а книгъ не читаетъ и т. д. и т. д. Съ своей стороны, нѣкоторые изъ насъ разсуждали о томъ, должно ли давать вѣру словамъ преступника, оказавшагося такимъ закоренѣлымъ лгуномъ, повторяли подробности убійства, спрашивали себя, какого мнѣнія будутъ френологи о черепѣ Тропманна, поднимали вопросъ о смертной казни.... но все это такъ вяло, такъ тупо, такими общими фразами, что самимъ говорившимъ становилось не въ охоту продолжать. О чемънибудь другомъ бесѣдовать было неловко.... невозможно; невозможно—изъ одного уваженія къ смерти,—къ человѣку, который былъ ей обреченъ. Всѣми нами овладѣвало томительное и медленное, именно медленное, безпокойство; скучать—никто не скучалъ, но это тоскливое ощущеніе было во сто разъ хуже скуки! Казалось напередъ, что этой ночи конца не будетъ! Что касается до меня, то я чувствовалъ одно: а именно то, что я не былъ въ правѣ находиться тамъ, гдѣ я находился, что никакія психологическія и философскія соображенія меня не извиняли. Г. Клодъ вернулся и разсказалъ намъ, какъ извѣстный Жюдъ ускользнулъ у него изъ рукъ, и какъ онъ не теряетъ надежды поймать его, если онъ еще живъ. Но вдругъ раздался тяжелый стукъ колесъ и черезъ нѣсколько мгновеній намъ пришли сказать, что гильотина пріѣхала. Мы всѣ бросились вонъ на улицу — точно обрадовались!

IV.

Передъ самыми воротами стояла массивная закрытая фура, запряженная въ три лошади цугомъ; другая, двухъ-колесная фура, небольшая и низкая, имѣвшая видъ продолговатаго ящика, запряженная въ одну лошадь, отъѣхала немного въ сторону. (Эта фура назначалась, какъ мы узнали впослѣдствіи, для принятія тѣла немедленно послѣ

казни и препровожденія его на кладбище.) Нѣсколько работниковъ въ короткихъ блузахъ виднѣлось около фуръ, и высокій человѣкъ въ круглой шляпѣ, бѣломъ галстухѣ, въ легкомъ пальто накинутомъ на плечи, отдавалъ въ полъ-голоса приказанія... То былъ палачъ. Всѣ власти—комендантъ, г. Клодъ, начальникъ квартала и т. д. уже окружали и привѣтствовали его. «Ah! Monsieur Indric! Bonsoir, Monsieur Indric!» слышались восклицанія. (Настоящее его имя Гейденрейхъ—Heidenreich; онъ Эльзасецъ.) И наша группа подошла къ нему: *онъ* сталъ на мигъ нашимъ центромъ. Въ обращеніи съ нимъ выказывалась нѣсколько напряженная, но почтительная фамиліярность: «Мы, дескать, вами не брезгаемъ и вы все-таки особа важная».—Иные изъ насъ, вѣроятно для шику, даже руки ему пожимали. — (Руки у него красивыя, замѣчательной бѣлизны). Вспомнился мнѣ стихъ Пушкинской Полтавы:

Палачъ...
Руками бѣлыми играя...

Самъ Monsieur Indric держался очень просто, мягко и учтиво, не безъ патріархальной важности. Казалось, онъ чувствовалъ, что въ эту ночь онъ въ нашихъ глазахъ второе лицо послѣ Тропманна и какъ бы первый его министръ.—Работники раскрыли фуру и принялись вынимать изъ нея всѣ составныя части гильотины, которую должны были воздвигнуть тутъ же въ пятнадцати шагахъ отъ воротъ [1]). Два фонаря заходили взадъ и впередъ низко надъ землею, освѣщая яркими небольшими кругами граненые камни мостовой. — Я посмотрѣлъ на часы... всего половина перваго! Воздухъ еще больше потускнѣлъ и похолодѣлъ. Народу уже набралось довольно — и за рядами солдатъ, окаймлявшихъ пустое пространство передъ тюрьмою, начиналъ подниматься долгій и смутный людской гамъ. Я подошелъ къ солдатамъ: они стояли неподвижно, нѣсколько сдвинувшись и нарушивъ первоначальную правильность рядовъ. Лица ихъ не выражали ничего, кромѣ скуки, скуки холодной и терпѣливо покорной; да и тѣ лица, которыя мнѣ виднѣлись за киверами и мундирами солдатъ, за трехъ-уголками и сюртуками полицейскихъ сержантовъ, лица блузниковъ, работниковъ, выражали почти тоже—только съ примѣсью какой-то неопредѣленной усмѣшки. Впереди, изъ-за грузно-шевелившейся и напиравшей толпы вырывались восклицанья въ родѣ: Ohé Tropmann! ohé Lambert! Fallait pas qu'y aille! крики, звонкія свистанія, явственно слышался бранчивый споръ изъ-за мѣста, змѣйкой проползалъ обрывокъ цинической пѣсенки — внезапно поднимался рѣзкій смѣхъ, который тотчасъ подхватывался другими и замиралъ широкимъ гоготаньемъ. «Настоящее

[1]) Отсылаю читателей желающихъ познакомиться не только со всѣми подробностями „экзекуціи", но и со всѣмъ, что предшествуетъ ей и слѣдуетъ за нею, къ превосходной статьѣ М. Дюкана: La prison de la Roquette—въ Revue des deux mondes, № 1. 1870.

дѣло» еще не началось; не было слышно ни всѣми ожиданныхъ антидинастическихъ кликовъ, ни столь извѣстныхъ, грозныхъ перекатовъ Марсельезы.—Я вернулся въ сосѣдство медленно выроставшей гильотины. Какой-то господинъ, курчавый и смуглолицый, въ мягкой сѣрой шляпѣ, вѣроятно адвокатъ, стоялъ возлѣ и ораторствовалъ, сильно и однообразно тыкая правой рукою съ отдѣленнымъ указательнымъ пальцемъ сверху внизъ и сгибая даже колѣни отъ напряженія. Онъ взялся доказать двумъ-тремъ рядомъ съ нимъ стоявшимъ господамъ въ застегнутыхъ на глухо пальто, что Тропманнъ не былъ убійцей—а маніакомъ. «Un maniaque! je vais vous le prouver! suivez mon raisonnement!» твердилъ онъ. «Son mobile n'était pas l'assassinat, mais un orgueil que je ne nommerais volontiers démesuré! Suivez mon raisonnement!» Господа въ пальто «слѣдили за его разсужденіемъ», но, судя по ихъ физіономіямъ, наврядъ-ли онъ убѣждалъ ихъ: а сидѣвшій на площадкѣ гильотины работникъ даже съ явнымъ презрѣніемъ на него посматривалъ. Я вернулся на квартиру коменданта.

V.

Нѣсколько нашихъ «товарищей» уже собралось тамъ опять. Любезный комендантъ подчивалъ ихъ глинтвейномъ. Начались опять толки о томъ, продолжаетъ ли спать Тропманнъ, и что онъ долженъ чувствовать, и достигаетъ ли до него шумъ толпы, несмотря на отдаленіе его коморки отъ улицы и т. д. Комендантъ показалъ намъ цѣлую груду писемъ, адрессованныхъ на его, Тропманново, имя;—онъ, по увѣренію коменданта, не желалъ читать ихъ. Бо́льшая часть изъ нихъ оказывалась плоскими шутками, мистификаціей; но были такъ же и серьезныя, въ которыхъ его заклинали покаяться и во всемъ сознаться; одинъ методистскій пасторъ прислалъ цѣлое богословское разсужденіе на двадцати страницахъ;—были и дамскія записочки: въ нѣкоторыхъ изъ нихъ находились даже цвѣты—маргаритки, иммортели. Комендантъ сказалъ намъ, что Тропманнъ попытался-было испросить у тюремнаго аптекаря яду и написалъ ему объ этомъ письмо, которое тотъ, разумѣется, тотчасъ представилъ по принадлежности. Мнѣ сдавалось, что нашъ почтенный хозяинъ не могъ себѣ хорошенько растолковать, съ какой стати мы принимали участіе въ такомъ—по его понятію—зломъ и гадкомъ животномъ, каковъ былъ Тропманнъ—и чуть-ли не приписывалъ наше любопытство праздности свѣтскихъ, штатскихъ людей, «рябчиковъ». Побесѣдовавши немного, мы начали расползаться—кто куда. Въ теченіи всей этой ночи, мы скитались, по французскому выраженію, какъ преступныя души, «comme des ames en peine»; входили въ комнаты, садились рядышкомъ на стульяхъ залы, освѣдомлялись о Тропманнѣ, взглядывали на часы, зѣвали, опять

опускались по лѣстницѣ на дворъ, на улицу, возвращались, садились опять... Иные разсказывали тогда анекдоты пикантнаго свойства, перекидывались мелкими личными извѣстіями, слегка разсуждали о политикѣ, о театрѣ, объ убійствѣ Нуара; иные пытались шутить, острить; но ужъ очень плохо это у нихъ выходило — и вызывало какой-то непріятный, тотчасъ обрывавшійся смѣхъ, какое-то фальшивое одобреніе. Я отыскалъ крошечный диванчикъ въ первой комнатѣ, и кое-какъ улегшись на немъ, старался уснуть и, разумѣется, не уснулъ, даже не задремалъ ни на одно мгновенье. — Гулъ толпы становился все сильнѣе, все гуще и непрерывнѣй. Къ тремъ часамъ утра, по словамъ г. Клода, который входилъ, садился на стулъ, засыпалъ тотчасъ, и опять исчезалъ, вызванный кѣмъ-нибудь изъ своихъ подчиненныхъ — уже набралось болѣе двадцати пяти тысячъ людей. Гулъ этотъ поражалъ меня сходствомъ съ отдаленнымъ рёвомъ морского прибоя: такое же нескончаемое, вагнеровское crescendo, не возвышающееся постоянно, а съ огромными разливами и колыханьями; острыя ноты женскихъ и дѣтскихъ голосовъ взвивались какъ тонкіе брызги надъ этимъ громаднымъ гудѣньемъ; грубая мощь стихійной силы сказывалась въ немъ. Притихнетъ на мгновенье, словно само въ себя уйдетъ и уляжется, и вотъ опять загомонило и ростетъ и вздувается, и вздувается, и вотъ-вотъ ударитъ, какъ бы все сорвать хочетъ — и опять назадъ и утихаетъ и опять ростетъ — и нѣтъ ему конца... И что̀ такое выражаетъ этотъ шумъ? думалось мнѣ... Нетерпѣніе, радость, злобу?.. Нѣтъ! никакому отдѣльному, никакому человѣческому чувству не служитъ онъ отголоскомъ... Это просто шумъ и гамъ стихіи.

VI.

Къ тремъ часамъ утра я, быть можетъ, въ десятый разъ вышелъ на улицу. Гильотина была готова. Смутно и болѣе странно нежели страшно рисовались на темномъ небѣ ея два, на $^{3}/_{4}$ аршина другъ отъ друга отстоявшіе столба, съ косой линіей соединявшаго ихъ лезвія. Я почему-то воображалъ, что эти столбы должны отстоять гораздо дальше другъ отъ дружки; эта ихъ близость придавала всей машинѣ какую-то зловѣщую стройность — стройность длинной, внимательно вытянутой, какъ у лебедя, шеи. Чувство отвращенія возбуждалъ большой плетеный кузовъ, въ родѣ чемодана, темно-краснаго цвѣта. Я зналъ, что палачи въ этотъ кузовъ бросятъ теплый, еще содрогающійся трупъ и отрубленную голову... Незадолго передъ тѣмъ прибывшіе конные муниципалы (garde municipale) расположились широкимъ полукругомъ передъ фасадомъ тюрьмы; лошади изрѣдка фыркали, грызли мундштуки и мотали головами; у каждой между передними ногами бѣлѣли на мостовой крупныя капли пѣны. Всадники сумрачно дремали подъ своими медвѣжьими шапками, надвинутыми на самые глаза. Линія солдатъ, пересѣкавшихъ площадь

и удерживавшихъ толпу, отступили еще дальше: пустого пространства передъ тюрьмою было уже не двѣсти, а цѣлыхъ триста шаговъ. Я подошелъ къ одной изъ этихъ линій и долго смотрѣлъ на тѣснившійся за нею народъ: онъ кричалъ именно стихійно, т.-е. безсмысленно. Памятна мнѣ фигура одного блузника, молодого малаго лѣтъ двадцати: онъ стоялъ потупившись и ухмыляясь, словно размышлялъ о чемъ-то забавномъ, и вдругъ вскидывалъ голову, разѣвалъ ротъ и кричалъ, кричалъ протяжно, безъ словъ, а тамъ опять лицо его склонялось и онъ опять ухмылялся. Чтó происходило въ этомъ человѣкѣ? Зачѣмъ онъ обрекалъ себя на мучительно-безсонную ночь, на почти восьми-часовую неподвижность? Слухъ мой не уловлялъ отдѣльныхъ рѣчей; лишь изрѣдка пробивался сквозь непрестанный гамъ пронзительный возгласъ спекулянта-разнощика, продававшаго брошюру о Тропманнѣ, о его жизни, его казни и даже «о послѣднихъ его словахъ...» или опять гдѣ-то далеко заспорятъ, загогочутъ безобразно, женщины завизжатъ... Марсельезу, въ этотъ разъ, я услышалъ — но ее пѣли всего пять шесть человѣкъ, и то съ перерывами. Марсельеза получаетъ свое значеніе, когда ее поютъ тысячи. A bas Pierre Bonaparte! гаркнулъ крѣпкій голосъ... У... у... а... а... забушевало вокругъ него. Крики въ одномъ мѣстѣ внезапно приняли мѣрный ритмъ польки: разъ-разъ-разъ! разъ-разъ-разъ! на извѣстный мотивъ: des lampions! — Тяжкимъ духомъ, кислымъ паромъ несло отъ толпы: много вина было выпито всѣми этими тѣлами; много было тутъ пьяныхъ. Недаромъ кабачки рдѣли красными точками на общемъ фонѣ картины. Ночь изъ тусклой стала темною; небо совсѣмъ нахмурилось и почернѣло. На рѣдкихъ, неясными призраками подымавшихся деревьяхъ виднѣлись небольшія массы: это уличные мальчишки взобрались туда, и свистали и верещали какъ птицы, сидя промежъ сучьевъ. Одинъ изъ нихъ свалился и, говорятъ, даже на смерть убился, переломилъ себѣ спину, но возбудилъ лишь хохотъ и то не долго.

Возвращаясь на свою квартиру и проходя мимо гильотины, я увидѣлъ на ея площадкѣ палача, окруженнаго кучкой любопытныхъ: онъ для нихъ дѣлалъ «примѣръ» или репетицію: валилъ стоячую, на шалнерѣ, доску, къ которой пристегивается преступникъ и которая, падая, приходится концомъ своимъ прямо въ полу-круглое отверстіе между столбами; спускалъ топоръ, который тяжко и гладко стремился внизъ, съ глухимъ и торопливымъ рокотаніемъ и т. п. Я не сталъ смотрѣть на эту репетицію т.-е. не взобрался на гильотину: чувство какого-то моего, мнѣ неизвѣстнаго, прегрѣшенія, тайнаго стыда, во мнѣ постоянно усиливалось.... Быть можетъ, этому чувству долженъ я приписать то, что лошади, запряженныя въ фуры и спокойно жевавшіе въ торбахъ овесъ передъ воротами тюрьмы, показались мнѣ единственно невинными существами среди всѣхъ насъ.

Опять я забился на свой диванчикъ и опять сталъ прислушиваться къ шуму морского прилива....

VII.

Въ противность тому, что обыкновенно утверждаютъ — *послѣдній* часъ ожиданія скорѣй проскакиваетъ чѣмъ первый, особенно чѣмъ второй или третій.... Такъ случилось и въ этотъ разъ. Мы всѣ были удивлены извѣстіемъ, что уже пробило шесть часовъ и что до мгновенья казни остался всего одинъ часъ. Въ коморку Тропманна мы должны были войти ровно черезъ полчаса: въ половинѣ седьмого. Дремота мгновенно исчезла со всѣхъ лицъ. Не знаю, что́ почувствовали другіе, но у меня сильно защемило на сердцѣ. Появились новыя фигуры; священникъ, маленькій сѣдой человѣчикъ съ худощавымъ личикомъ, промелькнулъ въ своемъ длинномъ чорномъ аббатскомъ казакинѣ съ ленточкою Почетнаго Легіона и въ низкой шляпѣ съ широкими полями. Комендантъ устроилъ намъ нѣчто въ родѣ завтрака, une collation; въ гостиной на кругломъ столѣ появились огромныя чашки шоколаду.... Я даже близко не подошолъ, хотя радушный хозяинъ совѣтовалъ мнѣ подкрѣпить себя, «ибо утренній воздухъ можетъ быть вреденъ». Принимать пищу въ эту минуту мнѣ казалось... отвратительнымъ. Что́ за пиръ, помилуйте! «Права не имѣю!» твердилъ я самому себѣ въ сотый разъ съ начала этой ночи.—А *онъ* все спитъ? спросилъ одинъ изъ насъ, глотая шеколадъ. (Всѣ говорили о Тропманнѣ, не называя его по имени: другого *его* не могло быть). Спитъ, отвѣчалъ комендантъ. — Несмотря на этотъ страшный шумъ? (Шумъ дѣйствительно усилился необычайно и получилъ какую-то сиплую ревучесть; грозный хоръ уже не шолъ crescendo — а гудѣлъ побѣдоносно весело).—Коморка его за тремя стѣнами, отвѣчалъ комендантъ. Г. Клодъ, которому комендантъ очевидно предоставлялъ главную роль, посмотрѣлъ на часы и сказалъ: двадцать минутъ седьмого; пора! Мы навѣрное всѣ внутренно дрогнули — однако, какъ ни въ чемъ не бывало, надѣли шляпы—и шумно двинулись вослѣдъ за нашимъ вожатымъ. «Гдѣ вы сегодня обѣдаете?» громко спросилъ одинъ хроникеръ;—но это показалось ужъ очень неестественнымъ.

VIII.

Мы вышли на большой тюремный дворъ;—и тутъ въ углу, налѣво, передъ полузакрытой дверью произошло нѣчто въ родѣ переклички; потомъ ввели насъ въ узкую, высокую и совершенно пустую комнату съ однимъ кожанымъ табуретомъ по серединѣ. Здѣсь происходитъ «туалетъ приговореннаго»—la toilette du condamné—шепнулъ мнѣ Дюканъ. Мы не всѣ туда попали: съ комендантомъ, священникомъ,

г-мъ Клодомъ и его помощникомъ — насъ было человѣкъ десять. Въ теченьи двухъ или трехъ минутъ, которыя мы провели въ этой комнатѣ — (какая-то письменная формальность совершалась въ это время) — мысль, что мы никакого права не имѣемъ дѣлать то, что мы дѣлаемъ, что присутствуя съ притворной важностью при убіеніи намъ подобнаго существа, мы ломаемъ какую-то беззаконно-гнусную комедію — эта мысль въ послѣдній разъ мелькнула у меня въ головѣ; — какъ только мы двинулись опять-таки въ слѣдъ за г-мъ Клодомъ по широкому, каменному, двумя ночниками слабо освѣщенному корридору — я уже ничего не ощущалъ, кромѣ того, что вотъ сейчасъ.... сейчасъ.... сію минуту... сію секунду.... Мы поспѣшно взобрались по двумъ лѣстницамъ въ другой корридоръ, прошли и тотъ, спустились по узкой, винтообразной лѣстницѣ — и очутились передъ желѣзною дверью... *Здѣсь!*

Сторожъ осторожно отперъ замокъ. Дверь тихо отворилась—и мы всѣ тихо и молча вошли въ довольно просторную комнату съ желтыми стѣнами, высокимъ решетчатымъ окномъ и измятой кроватью, на которой никто не лежалъ... Ровный свѣтъ большого ночника довольно ясно освѣщалъ всѣ предметы.

Я стоялъ немного позади другихъ и, помнится, невольно щурился, однако тотчасъ же увидалъ, нѣсколько наискось противъ меня, молодое, черноволосое, черноглазое лицо, которое, медленно двигаясь слѣва направо, окидывало всѣхъ насъ какимъ-то огромнымъ, круглымъ взоромъ. То былъ Тропманнъ. Онъ проснулся до нашего прихода. Онъ стоялъ передъ столомъ, на которомъ только-что написалъ прощальное (весьма, впрочемъ, незначительное) письмо къ своей матери. Г. Клодъ снялъ шляпу и подошелъ къ нему.

— Тропманнъ! произнесъ онъ своимъ сухимъ, негромкимъ, но безапелляціоннымъ голосомъ. — Мы пришли извѣстить васъ, что ваша просьба о помилованіи не принята, и что часъ искупленія насталъ для васъ.

Тропманнъ обратилъ на него свои глаза, но тотъ «огромный» взоръ уже исчезъ въ нихъ, онъ глядѣлъ спокойно, почти сонливо, и не промолвилъ ни слова.

— Дитя мое! глухо воскликнулъ священникъ и подошелъ къ нему съ другой стороны. Du courage!

Тропманнъ посмотрѣлъ на него точно также, какъ на г. Клода.

— Я зналъ, что онъ не будетъ трусить! промолвилъ увѣреннымъ тономъ, обращаясь ко всѣмъ намъ, г. Клодъ;—теперь, когда онъ выдержалъ первый натискъ (le premier choc)—я за него отвѣчаю. (Такъ наставникъ, желая задобрить ученика, заранѣе величаетъ его «молодцомъ».)

— О, я не боюсь! (Oh! je n'ai pas peur!) проговорилъ Тропманнъ, снова обращаясь къ г. Клоду. Я не боюсь!

Голосъ его—пріятный, юношескій баритонъ—былъ совершенно ровенъ. Священникъ досталъ изъ кармана небольшую фляжку.

— Не хотите ли вы выпить немного вина, дитя мое?

— Благодарствуйте.... ненужно, съ вѣжливымъ полу-поклономъ отвѣчалъ Тропманнъ.

Г. Клодъ опять обратился къ нему.

— Вы продолжаете утверждать, что вы не виноваты въ томъ преступленіи, за которое васъ осудили?

— Я не нанесъ удара! (je n'ai pas frappé!)

— Однако... вмѣшался-было комендантъ.

— Я не нанесъ удара!

(Въ послѣднее время Тропманнъ, какъ извѣстно, въ противность своимъ прежнимъ показаніямъ, утверждалъ, что онъ дѣйствительно привелъ семейство Кинковъ на мѣсто бойни, но что убивали ихъ его сообщники, и что даже рана на его рукѣ произошла отъ того, что онъ вздумалъ-было защитить одну изъ малютокъ. Впрочемъ онъ въ теченіи процесса изолгался такъ, какъ немногіе преступники до него).

— И вы продолжаете утверждать, что у васъ были сообщники?

— Были.

— Вы не можете ихъ назвать?

— Не могу.... и не хочу. Не хочу. Голосъ Тропманна возвысился и лицо его слабо вспыхнуло. Казалось, онъ готовъ былъ разсердиться...

— Ну хорошо, хорошо... (c'est bien, c'est bien...) поспѣшно проговорилъ г. Клодъ, какъ бы давая тѣмъ знать, что онъ и спрашивалъ его только для того, чтобы исполнить неизбѣжную формальность и что теперь предстояло другое...

Предстояло Тропманну раздѣться.

Два сторожа подошли къ нему и принялись снимать съ него тюремный его камзолъ (camisole de force), родъ блузы изъ толстой синеватой холстины, съ ремнями и пряжками назади, съ длинными глухими рукавами, отъ конца которыхъ идутъ крѣпкія бичевки около ляжекъ къ поясу. Тропманнъ стоялъ бокомъ, въ двухъ шагахъ отъ меня. Ничто не мѣшало мнѣ хорошенько разглядѣть его лицо. Оно могло бы быть названо красивымъ, еслибъ не выдававшійся впередъ и кверху, воронкой, на звѣриный ладъ, непріятно-припухлый ротъ, изъ-за котораго виднѣлись, разставленные вѣеромъ, нехорошіе, рѣдкіе зубы. Густые, темные, слегка волнистые волосы, длинныя брови, выразительные на выкатѣ глаза, открытый, чистый лобъ, правильный носъ съ небольшой горбиной, легкіе завитки чернаго пуха на подбородкѣ.... Встрѣтьтесь вы съ такой фигурой не въ тюрьмѣ, не при этой обстановкѣ — впечатлѣніе на васъ она навѣрное произвела бы выгодное. Сотнями попадаются подобныя лица между молодыми фабричными, вос-

питанниками общественныхъ заведеній и т. п. Росту Тропманнъ былъ средняго, отрочески - худощаваго и стройнаго сложенія. Онъ казался мнѣ взрослымъ мальчикомъ,—впрочемъ, ему и не было двадцати лѣтъ. Цвѣтъ лица его былъ совершенно естественный, здоровый, нѣсколько розовый; онъ и при нашемъ входѣ не поблѣднѣлъ... Не было сомнѣнія, что онъ точно спалъ всю ночь. Онъ не поднималъ глазъ и дышалъ мѣрно и глубоко, какъ человѣкъ, осторожно входящій на длинную гору. Раза два онъ встряхнулъ волосами, какъ бы желая отмахнуться отъ назойливой мысли, закинулъ голову, быстро глянулъ вверхъ и испустилъ чуть замѣтный вздохъ. За исключеніемъ этихъ, почти мгновенныхъ движеній, ничего, рѣшительно ничего не изобличало въ немъ, не скажу страха, но даже волненія или тревоги. Мы всѣ были, безъ сомнѣнія, и блѣднѣй и встревоженнѣй его. Когда выпростали его руки изъ глухихъ рукавовъ камзола, онъ съ улыбкой удовольствія поддерживалъ спереди на груди этотъ самый камзолъ, пока его разстегивали сзади; маленькія дѣти такъ дѣлаютъ, когда ихъ раздѣваютъ. Потомъ онъ самъ снялъ съ себя рубашку, надѣлъ другую, чистую, тщательно застегнулъ воротъ... Странно было видѣть размашистыя, свободныя движенія этого голаго тѣла, этихъ обнаженныхъ членовъ на желтоватомъ фонѣ тюремной стѣны...

Потомъ онъ нагнулся и надѣлъ ботинки, сильно стуча каблуками и подошвами объ полъ и объ стѣну, чтобы ноги лучше и плотнѣе вошли. Все это онъ дѣлалъ развязно, бойко—почти весело—точно его пришли звать на прогулку. Онъ молчалъ — и мы молчали и только переглядывались, отъ изумленія невольно пожимая плечами. Всѣхъ насъ поражала простота его движеній, простота, доходившая, — какъ всякое вполнѣ спокойное и естественное проявленіе жизни—до изящества. Одинъ изъ нашихъ товарищей, случайно встрѣтившись со мною потомъ въ теченіи дня, сказалъ мнѣ, что ему, во время нашего пребыванія въ коморкѣ Тропманна, постоянно сдавалось: мы не въ 1870 году—а въ 1794; мы не простые граждане—а якобинцы—и ведемъ на казнь не вульгарнаго убійцу—а маркиза-легитимиста—un ci-devant, un talon rouge, Monsieur!—Замѣчено, что осужденные на казнь, по объявленіи имъ приговора, либо впадаютъ въ совершенную безчувственность и какъ бы заранѣе умираютъ и разлагаются; либо рисуются и бравируютъ; либо наконецъ предаются отчаянію, плачутъ, дрожатъ, умоляютъ о пощадѣ.... Тропманнъ не принадлежалъ ни къ одному изъ этихъ трехъ разрядовъ — и потому озадачилъ даже самого г. Клода. Скажу кстати, что еслибы Тропманнъ сталъ вопить и плакать, нервы мои навѣрное бы не выдержали и я убѣжалъ бы. Но при видѣ *этого* спокойствія, этой простоты и какъ бы скромности—всѣ чувства во мнѣ—чувство отвращенія къ безжалостному убійцѣ, къ извергу, перерывавшему горла дѣтей въ то время, когда они кричали: Maman! Maman!—

чувство жалости наконецъ къ человѣку, котораго смерть уже готовилась поглотить—исчезли и потонули въ одномъ: въ чувствѣ изумленія. Чтó поддерживало Тропманна?—Тò ли, что онъ хотя не рисовался—однако все-же «фигюрировалъ» передъ *зрителями*, давалъ намъ свое послѣднее представленіе; врожденное ли безстрашіе, самолюбіе ли, возбужденное словами г. Клода, гордость борьбы, которую надо было выдержать до конца—или другое еще неразгаданное чувство?.... Это тайна, которую онъ унесъ съ собой въ могилу. Иные люди до сихъ поръ убѣждены, что Тропманнъ не вполнѣ владѣлъ своимъ разсудкомъ. (Я упомянулъ выше объ адвокатѣ въ бѣлой шляпѣ, котораго я впрочемъ больше уже не видалъ). Безцѣльность, можно почти сказать нелѣпость истребленія цѣлаго семейства Кинковъ—до нѣкоторой степени служитъ подтвержденіемъ этому убѣжденію.

IX.

Но вотъ онъ покончилъ со своими ботинками—и выпрямился, встряхнулся:—готовъ-молъ! На него *снова* надѣли тюремный камзолъ. Г-нъ Клодъ попросилъ насъ всѣхъ выдти—и оставить Тропманна наединѣ со священникомъ. Мы и двухъ минутъ не ждали въ корридорѣ, какъ уже его небольшая фигурка съ прямо и смѣло поднятой головою опять появилась между нами. Религіозное чувство было въ немъ слабо, и онъ вѣроятно исполнилъ послѣдній обрядъ покаянія передъ священникомъ, отпускавшимъ ему его грѣхи—именно какъ обрядъ. Вся наша группа, съ Тропманномъ по серединѣ, немедленно взошла на узкую, винтообразную лѣстницу, по которой мы четверть часа тому назадъ спускались — и потонула въ непроницаемомъ мракѣ.... ночникъ погасъ на лѣстницѣ. Это была минута ужасная. Мы всѣ стремились вверхъ, слышался торопливый и грубый стукъ нашихъ ногъ по плитамъ ступенекъ, мы тѣснились, толкались плечами, съ одного изъ насъ свалилась шляпа, кто-то сзади злобно кричалъ:—Mais sacredieu! Зажгите свѣчку! Посвѣтите! — а тутъ же, между нами, вмѣстѣ съ нами, въ глухой темнотѣ—наша жертва, наша добыча... этотъ несчастный... и кто изъ насъ, толкавшихся, тѣснившихся—онъ? Не вздумаетъ ли онъ воспользоваться темнотою—и со всѣмъ проворствомъ и рѣшимостью отчаянія — броситься... куда? Куда-нибудь, въ отдаленный уголъ тюрьмы—и тамъ хоть лбомъ объ стѣну! По крайней мѣрѣ самъ себя порѣшилъ...

Не знаю, приходили ли другимъ въ голову эти «опасенія»... Но онѣ оказались напрасными. Вся наша группа съ небольшой фигуркой по срединѣ вынырнула изъ углубленія лѣстницы на корридоръ. Тропманнъ, очевидно, принадлежалъ гильотинѣ—и началось шествіе къ ней.

X.

Это шествіе можно бы было назвать бѣгствомъ. Тропманнъ шелъ впереди насъ проворными, упругими, почти подскакивавшими шагами; онъ явно спѣшилъ—и мы всѣ спѣшили за нимъ. Иные даже забѣгали справа и слѣва, чтобы еще разъ заглянуть ему въ лицо. Такъ промчались мы по корридору, сбѣжали внизъ по другой лѣстницѣ—Тропманнъ прыгалъ черезъ двѣ ступеньки на третью—пронеслись по другому корридору, перескочили еще нѣсколько ступенекъ и наконецъ очутились въ высокой комнатѣ, съ единственнымъ табуретомъ, о которой я уже говорилъ и въ которой совершается «туалетъ осужденнаго». Мы вошли черезъ одну дверь — а изъ противуположной намъ двери появился, важно выступая, въ бѣломъ галстухѣ, въ чорной «парѣ», ни дать ни взять дипломатъ или протестантскій пасторъ—палачь; вослѣдъ за нимъ вошолъ низенькій толстенькій старичокъ въ черномъ сюртукѣ, его первый помощникъ, палачь города Бовэ. Старичокъ держалъ въ рукѣ небольшую кожаную суму. Тропманнъ остановился у табурета; всѣ расположились вокругъ него. Палачъ и старичокъ-помощникъ стали отъ него направо; священникъ тоже направо, нѣсколько впереди; комендантъ и г-нъ Клодъ налѣво. Старичокъ открылъ ключемъ замокъ сумы, досталъ нѣсколько сыромятныхъ бѣлыхъ ремней съ пряжками, длинныхъ и короткихъ, и съ трудомъ ставъ на колѣни сзади Тропманна, принялся путать его ноги. Тропманнъ нечаянно наступилъ на конецъ одного изъ этихъ ремней — старичокъ попытался его выдернуть, два раза пробормоталъ: «pardon monsieur»! и тронулъ наконецъ Тропманна за икру. Тотъ тотчасъ обернулся и съ обычнымъ своимъ вѣжливымъ полу-поклономъ приподнялъ ногу и освободилъ ремень. Священникъ между тѣмъ въ полъ-голоса читалъ молитвы на французскомъ языкѣ изъ небольшой книжки. Подошли два другихъ помощника — проворно сняли съ Тропманна камзолъ, завели ему руки назадъ, связали ихъ крестъ на крестъ и опутали все тѣло ремнями. Главный палачъ распоряжался, поводя то туда, то сюда пальцемъ. Оказалось, что на ремняхъ не было сдѣлало достаточнаго числа дыръ для шпиньковъ пряжекъ: тотъ, кто провертывалъ дыры, разсчитывалъ вѣроятно на плотнаго человѣка. Старичокъ сперва поискалъ въ сумѣ, потомъ пошарилъ у себя поочередно во всѣхъ карманахъ — и, хорошенько ощупавшись, вытащилъ наконецъ изъ одного изъ нихъ небольшое кривое шило, которымъ онъ принялся съ усиліемъ буравить ремни: его неумѣлые, отъ подагры распухлые пальцы плохо ему повиновались — да и кожа была толстая, новая. Онъ продѣлаетъ дыру, попробуетъ.... шпинекъ не лѣзетъ: надо опять вертѣть. Священникъ вѣроятно догадался, что дѣло неладно, замедляется; раза два глянувъ украдкой черезъ плечо, онъ началъ растагивать слова молитвъ, чтобы

дать старичку время справиться. Наконецъ операція, въ теченіи которой, признаюсь откровенно, холодный потъ меня прошибъ, — кончилась—всѣ шпиньки вошли куда слѣдовало.... началась другая. Попросили Тропманна сѣсть на табуретъ, передъ которымъ онъ стоялъ — и тотъ же старичокъ-подагрикъ приступилъ къ стрижкѣ его волосъ. Онъ досталъ небольшія ножницы—и, кривя губы, старательно обрѣзалъ сперва воротъ Тропманновой рубахи, той самой рубахи, которую онъ только что надѣлъ и съ которой такъ было бы легко спороть воротъ заранѣе. Но холстина была грубая, вся въ складкахъ и не поддавалась едва ли острымъ лезвеямъ. Главный палачъ посмотрѣлъ и остался недоволенъ: выемка была недостаточно велика. Онъ указалъ рукою: старичокъ-подагрикъ опять принялся за работу—и выкроилъ еще порядочный кусъ холста. Верхъ спины обнажился — показались лопатки. Тропманнъ слегка повелъ ими: въ комнатѣ было холодно. Тогда старичокъ принялся за волосы. Положивъ свою пухлую лѣвую руку на голову Тропманна, который тотчасъ покорно нагнулъ ее—онъ началъ стричь его правой. Косьмы темно-русыхъ, жосткихъ волосъ скользили по плечамъ, валились на полъ; одна изъ нихъ докатилась до моего сапога. Тропманнъ все также покорно наклонялъ голову; священникъ еще болѣе растягивалъ слова молитвъ. Я не могъ отвести взора отъ этихъ, нѣкогда обагренныхъ невинной кровью, теперь безпомощно другъ на дружкѣ лежавшихъ рукъ—и особенно отъ этой тонкой, юношеской шеи.... Воображеніе невольно проводило по ней поперечную черту.... Вотъ тутъ, думалось мнѣ, черезъ нѣсколько мгновеній, раздробляя позвонки, разсѣкая мускулы и жилы, пройдетъ десятипудовой топоръ.... а тѣло, казалось, ничего подобнаго не ожидало.... такъ оно было гладко, бѣло, здорово....

Невольно ставилъ я себѣ вопросъ: о чемъ думаетъ въ эту минуту эта столь покорно наклоненная голова? Держится ли она упорно и, какъ говорится, стиснувъ зубы, за одну и туже мысль: «не поддамся молъ я»; проходятъ ли вихремъ по ней разнообразнѣйшія—и вѣроятно всё незначительныя воспоминанія прошлаго; представляется ли ей съ какой-нибудь особенной предсмертной гримасой одинъ изъ членовъ семейства Кинковъ;—или она просто старается ни о чемъ не думать, эта голова—и только твердитъ самой себѣ: «это ничего, это такъ, вотъ мы посмотримъ....» и будетъ она такъ твердить до тѣхъ поръ, пока смерть не обрушится на нее — и отпрянуть будетъ некуда...

А старичокъ все стригъ да стригъ.... Волосы скрипѣли, захваченные ножницами.... Наконецъ и эта операція кончилась. Тропманнъ быстро всталъ, встряхнулъ головою.... Обыкновенно, въ эту минуту тѣ осужденные, которые еще могутъ говорить, обращаются съ послѣдней просьбой къ директору тюрьмы, напоминаютъ объ оставшихся долгахъ или деньгахъ, благодарятъ сторожей, просятъ доставить род-

нымъ послѣднюю записку или клокъ волосъ, передать послѣдній поклонъ.... но Тропманнъ—очевидно не былъ обыкновеннымъ осужденнымъ; онъ пренебрегалъ подобными «нѣжностями» — и не произнесъ ни единаго слова; онъ, молча, ждалъ. Ему на плечи накинули короткую куртку—палачъ взялъ его подъ локоть....

— Послушайте, Тропманнъ — (Voyons, Tropmann)! раздался, среди гробовой тишины, голосъ г-на Клода.—Теперь, черезъ минуту всё будетъ кончено. — Вы продолжаете настаивать (vous persistez) на томъ, что у васъ были сообщники?

— Да, сударь, продолжаю — (Oui, Monsieur, je persiste) отвѣчалъ Тропманнъ тѣмъ же пріятнымъ, твердымъ баритономъ—и слегка нагнулся вперёдъ, какъ бы учтиво извиняясь и даже сожалѣя, что не можетъ отвѣчать иначе.

— Eh bien! allons! промолвилъ г. Клодъ и мы всѣ тронулись; мы вышли на тюремный большой дворъ.

XI.

Было безъ минуты семь часовъ—но небо едва посвѣтлѣло и тотъ же тусклый паръ заливалъ весь воздухъ и скрадывалъ очертанія предметовъ.—Ревъ толпы охватилъ насъ непрерывной, нестерпимо-зычной волной, какъ только мы переступили порогъ.—По каменной мостовой двора быстро двигалась—прямо къ воротамъ—наша порѣдѣвшая кучка; нѣкоторые изъ насъ отстали — да и я, хотя и шелъ вмѣстѣ съ другими, однако держался немного въ сторонѣ.—Тропманнъ проворно сѣменилъ ногами—путы мѣшали ему—и какимъ онъ мнѣ тутъ показался маленькимъ, почти ребёнкомъ!—Вдругъ передъ нами медленно, словно пасть, раскрылись обѣ половинки воротъ—и разомъ, какъ бы сопровожденное громаднымъ визгомъ обрадованной, дождавшейся толпы, глянуло на насъ чудовище гильотины съ своими двумя узкими чорными столбами и вздёрнутымъ топоромъ.—Мнѣ вдругъ стало холодно, холодно до тошноты; мнѣ казалось, что и холодъ этотъ вторгся къ намъ на дворъ черезъ тѣ ворота;—ноги у меня подкосились.—Однако я еще разъ взглянулъ на Тропманна.—Онъ внезапно отклонился назадъ и голову завалилъ и согнулъ колѣна, словно кто толкнулъ его въ грудь—«онъ въ обморокъ упадетъ!» шепнулъ чей-то голосъ возлѣ меня... Но онъ тотчасъ же оправился—и твердой поступью пошелъ впередъ. Мимо его побѣжали на улицу тѣ изъ насъ, которые хотѣли видѣть, какъ голова его скатится... У меня на это не хватило духа; съ замиравшимъ сердцемъ остановился я у воротъ...

Я видѣлъ какъ палачъ вдругъ чорной башней выросъ на лѣвой сторонѣ гильотинной площадки; я видѣлъ какъ Тропманнъ отдѣлился отъ кучки людей оставшихся внизу и взбирался по ступенямъ (ихъ было

десять... цѣлыхъ десять ступеней!); я видѣлъ какъ онъ остановился и обернулся назадъ, я слышалъ, какъ онъ промолвилъ: «Dites à Monsieur Claude»... [1]) Я видѣлъ, какъ онъ появился на верху, какъ справа и слѣва два человѣка бросились на него, точно пауки на муху, какъ онъ вдругъ повалился головой впередъ и какъ подошвы его брыкнули...

Но тутъ я отвернулся — и началъ ждать — а земля тихо поплыла подъ ногами... И показалось мнѣ, что я ждалъ страшно долго [2]). Я успѣлъ замѣтить, что при появленіи Тропманна людской гамъ внезапно какъ бы свернулся клубомъ—и наступила бездыханная тишина... Передо мной стоялъ часовой, молодой краснощекій малый... Я успѣлъ замѣтить, что онъ съ тупымъ недоумѣніемъ и ужасомъ, пристально смотрѣлъ на меня... Я успѣлъ даже подумать, что вотъ этотъ солдатъ, быть можетъ, родомъ изъ какой-нибудь глухой деревеньки, изъ смирной и доброй семьи—и теперь—чтó ему приходится видѣть! Наконецъ послышался легкій стукъ какъ бы дерева объ дерево—это упалъ верхній полукругъ ошейника съ продольнымъ разрѣзомъ для прохода лезвія, который охватываетъ шею преступника и держитъ его голову неподвижной... Потомъ что-то вдругъ глухо зарычало и покатилось — и ухнуло... Точно огромное животное отхаркнулось... Я другого, болѣе вѣрнаго сравненія пріискать не умѣю. Всё помутилось...

Кто-то схватилъ меня подъ руку... Я взглянулъ: это былъ помощникъ г-на Клода, г-нъ Ж..., которому, какъ я узналъ впослѣдствіи, мой пріятель М. Дюканъ поручилъ наблюдать за мною.

— Вы очень блѣдны... Не хотите ли воды? промолвилъ онъ улыбаясь. Но я поблагодарилъ—и пошелъ обратно на тюремный дворъ, который мнѣ являлся чѣмъ-то въ родѣ убѣжища отъ того ужаса за воротами.

XII.

Наше общество собралось на гауптвахту возлѣ воротъ, чтобы проститься съ комендантомъ и дать нѣсколько разойтись толпѣ. Туда пришелъ и я — и узналъ, что лежа уже на доскѣ, Тропманнъ вдругъ судорожно откинулъ голову въ сторону—такъ что она не попала въ полукруглое отверстіе — и палачи принуждены были втащить ее туда за волосы, при чемъ онъ укусилъ одного изъ нихъ, самаго главнаго, за палецъ; что тотчасъ послѣ казни, въ то время, какъ тѣло,

---

[1]) Я не расслыхалъ конца фразы. Его слова были: Dites à M-r Claude que je persiste, т.-е.: скажите, что я продолжаю настаивать на томъ, что у меня были сообщники. Тропманнъ не хотѣлъ лишить себя этой послѣдней радости, послѣдняго удовлетворенія: оставить жало сомнѣнія и упрёка въ умахъ своихъ судей и публики.

[2]) Въ сущности — отъ того мгновенія, когда Тропманнъ сталъ ногою на первую ступень гильотины—до того мгновенія, когда его трупъ швырнули въ приготовленный коробъ—прошло *двадцать* секундъ.

брошенное въ фургонъ, удалялось маршъ-маршемъ — два человѣка, пользуясь первыми мгновеніями неизбѣжнаго смущенія, прорвались сквозь цѣпь солдатъ—и подлѣзши подъ гильотину, стали мочить свои платки въ кровь, пролившуюся сквозь щели досокъ...

Но я слушалъ всѣ эти разговоры какъ сквозь сонъ: я чувствовалъ себя очень усталымъ—да не я одинъ. Всѣ казались усталыми—хотя всѣмъ видимо полегчило, словно обуза свалилась съ плечъ. Но никто изъ насъ, *рѣшительно никто не смотрѣлъ человѣкомъ, который сознаетъ, что присутствовалъ при совершеніи акта общественнаго правосудія;* всякій старался мысленно отвернуться и какъ бы сбросить съ себя отвѣтственность въ этомъ убійствѣ....

Мы съ Дюканомъ откланялись коменданту и отправились домой. Цѣлая рѣка человѣческихъ существъ, мужчинъ, женщинъ, дѣтей стремила мимо насъ свои некрасивыя и неопрятныя волны. Почти всѣ молчали; одни лишь блузники-работники изрѣдка перекликались: «кудамолъ ты?» «а ты куда?» да уличные мальчишки привѣтствовали свистомъ проѣзжавшихъ «кокотокъ». И что за испитыя, угрюмыя, сонныя лица! Что за выраженіе скуки, утомленія, неудовлетворенія, досады, вялой, безпредметной досады! Пьяныхъ я впрочемъ видѣлъ немного; либо ихъ уже успѣли прибрать, либо они сами угомонились. Буднишная жизнь принимала опять всѣхъ этихъ людей въ свои нѣдра — и для чего, для какихъ ощущеній они на нѣсколько часовъ выходили изъ ея колеи? Страшно подумать о томъ, что тутъ гнѣздится.

Отойдя шаговъ двѣсти отъ тюрьмы, мы нашли пустой фіакръ, сѣли въ него и поѣхали.

Во время дороги, мы разсуждали съ Дюканомъ о томъ, что мы видѣли, и о чемъ онъ не задолго передъ тѣмъ (въ январской, мною уже цитированной книжкѣ Revue des deux mondes) сказалъ такія вѣскія, такія дѣльныя слова. Мы разсуждали о ненужномъ, о безсмысленномъ варварствѣ всей этой средневѣковой процедуры, по милости которой агонія преступника продолжается полчаса (отъ 28 минутъ седьмого до 7 часовъ), о безобразіи всѣхъ этихъ раздѣваній, одѣваній, этой стрижки, этихъ путешествій по лѣстницамъ и корридорамъ.... По какому праву все это дѣлается? Какъ допустить такую возмутительную рутину? И сама смертная казнь — можетъ ли она быть оправдана? Мы видѣли, какое впечатлѣніе производитъ подобное зрѣлище на народъ; да и самого этого, яко бы поучительнаго зрѣлища, нѣтъ вовсе. Едва ли тысячная часть пришедшей толпы, не болѣе пятидесяти или шестидесяти человѣкъ, могла, въ полумракѣ ранняго утра, изъ-за полуторараста шагового разстоянія, сквозь ряды войскъ и крупы лошадей, хоть что-нибудь увидѣть. А остальные? Какую, хотя бы малѣйшую пользу могли они извлечь изъ этой пьяной, безсонной, бездѣльной, развратной ночи? Я вспомнилъ о молодомъ, безсмысленно кричавшемъ блуз-

никѣ, лицо котораго я наблюдалъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ. Неужели онъ примется сегодня за работу человѣкомъ, больше прежняго ненавидящимъ порокъ и праздность? И я наконецъ, что́ *я* вынесъ? Чувство невольнаго изумленія передъ убійцей, нравственнымъ уродомъ, умѣвшимъ показать свое презрѣніе смерти. Неужели подобныя впечатлѣнія можетъ желать законодатель? О какой «моральной цѣли» можно еще толковать, послѣ стольких, опытомъ подкрѣпленныхъ опроверженій?

Но не стану вдаваться въ разсужденія: онѣ завели бы меня слишкомъ далеко. Да и кому же не извѣстно, что вопросъ о смертной казни есть одинъ изъ очередныхъ, неотлагаемыхъ вопросовъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ трудится современное человѣчество? Я буду доволенъ и извиню самому себѣ свое неумѣстное любопытство, если разсказъ мой доставитъ хотя нѣсколько аргументовъ защитникамъ отмѣны смертной казни, или по крайней мѣрѣ—отмѣны ея публичности.

Ив. Тургеневъ.

Веймаръ.
1870.

ПОПРАВКА.

Въ майской книгѣ, на стр. 20, строч. 12 св. напечатано: *стянулъ*;—слѣдовало: *сковалъ*.

Тамъ же, стр. 11, строч. 17 св. пропущены, по недосмотру, слѣдующія слова: «Но поэты, заключаетъ Гейне, *выразивъ желаніе, чтобы Бэрь не сошелъ съ той дороги, на которую сталъ*,—народъ непостоянный и т. д.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ПЯТЫЙ ГОДЪ.

МАЙ — ІЮНЬ, 1870.

Книга пятая. — Май.

Стр.

Книга шестая.—Іюнь.